

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
СЫМОНОВ А. А. АКАДЕМИК
ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
СЫМОНОВ А. А. АКАДЕМИК
ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
СЫМОНОВ А. А. АКАДЕМИК

“КАЗАХСТАН И СТРАНЫ ВОСТОКА”

Myths and reality
of ethnic separation
in China and security
of the Central Asia

INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
BY THE NAME OF R. B. SUITIMENOV
MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

CENTRE OF POLITICAL
ANALYSIS AND PR

K. L. Syroezhkin

Myths and reality
of ethnic separatism
in China and security
of the Central Asia

Almaty "Daik-Press" 2003

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ИМЕНИ Р. Б. СУЛЕЙМЕНОВА
МИНИСТЕРСТВА ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ЦЕНТР ПОЛИТИЧЕСКОГО
АНАЛИЗА И PR

К. А. Сыроежкин

Мифы и реальность
этнического
сепаратизма
в Китае и безопасность
Центральной Азии

Алматы "Дайк-Пресс" 2003

ББК 66.4
С 95

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
“КАЗАХСТАНСКИЕ ВОСТОКОВЕДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ”:
“КАЗАХСТАН И СТРАНЫ ВОСТОКА”**

И. Н. Тасмагамбетов (председатель)
М. Х. Абусейтова, Б. Е. Кумек
Ю. Б. Баранова, К. Т. Талипов, Б. А. Казгулов (Казахстан)
Б. А. Ахмедов (Узбекистан)
С. Г. Кляшторный (Россия)
А. М. Хазанов (США)
Винсент Фурньо (Франция)

С $\frac{08010000}{441 (05) -03}$

ББК 66.4

ISBN 9965-441-93-6

© Сыроежкин К. Л., 2003
© Издательство «Дайк-Пресс»,
оформление, 2003

Содержание

Список сокращений.....	7
Список таблиц.....	9
Список карт.....	12
От автора.....	13
Введение.....	15
Глава 1. Китай и его соседи в древности и средневековье.....	21
Этноцентризм как основа политики Китая.....	24
Проблемы этногенеза и государственности уйгуров.....	36
Государственные образования уйгуров в Западном крае.....	66
Под властью монголов.....	75
Глава 2. Исторические предпосылки возникновения проблемы этнического сепаратизма в Китае.....	87
Цинская экспансия Западного края.....	90
Теоретическое обоснование концепции “чжунхуа миныйцу”.....	105
Уйгурская государственность в XX в.: миф или реальность..	115
В составе КНР: итоги социально-политического развития в 50–70-х годах.....	133
Глава 3. Политика КНР в отношении этнических меньшинств.....	167
Этапы формирования концепции национальной политики КПК.....	172
Основные черты современной национальной политики.....	183
Сущность и характерные черты концепции национально-государственного строительства в КНР.....	205
Глава 4. Социально-экономические и культурно-национальные и политические вопросы развития современного Синьцзяна в контексте проблемы этнического сепаратизма.....	229
Социально-экономические последствия реформ и социальные характеристики этнических меньшинств в Синьцзяне.....	235
Этнодемографические процессы в современном Синьцзяне..	274

Ислам в общественно-политической жизни государств Центральной Азии и Синьцзяна	295
Особенности кадровой политики и проблема инкорпорации.....	326
Глава 5. Этнический сепаратизм в Китае: мифы и реальность	362
Типология этнического сепаратизма в Китае.....	364
Специфика сепаратистских тенденций в Синьцзяне.....	391
Организации, выступающие за независимость Синьцзяна	416
Зарубежные уйгурские организации и их влияние на ситуацию в СУАР КНР	429
Глава 6. Проблема этнического сепаратизма в Синьцзяне и государства Центральной Азии	460
Уйгурская диаспора Центральной Азии	462
Уйгурские организации в центральноазиатских государствах	486
Вопрос об “уйгурском вопросе”	522
Этнический сепаратизм в Китае и проблемы безопасности Центральной Азии (Вместо заключения)	534
Примечания	585
Приложения	641
Summary	786

Список сокращений

- АО** – Акционерное общество
- АУП** – Ассоциация уйгурских промышленников, предпринимателей и работников сельского хозяйства
- ВКП(б)** – Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)
- ВТНК** – Восточно-Туркестанский /Уйгурстанский/ национальный конгресс
- ВТР** – Восточно-Туркестанская Республика
- ГАС КНР** – Государственный Административный Совет КНР
- ДТ** – движение “Талибан”
- ЕС** – Европейский Союз
- КВТ** – Комитет “Восточный Туркестан”
- КЗНР** – Комитет за национальную революцию
- КНР** – Китайская Народная Республика
- КПК** – Коммунистическая партия Китая
- КПСС** – Коммунистическая партия Советского Союза
- МКВТ** – Международный комитет “Восточный Туркестан”
- МРАУ** – Межрегиональная ассоциация уйгуров
- НОАК** – Народно-освободительная армия Китая
- НПКСК** – Народный Политический Консультативный Совет Китая
- НРФВТ** – Национальный революционный фронт Восточного Туркестана
- НЦВТ** – Национальный центр “Восточный Туркестан”
- ОКУ** – Общество культуры уйгуров Республики Казахстан
- ОНРФВТ** – Объединенный национальный революционный фронт Восточного Туркестана

- ОПС** – Объединенный политический совет
- ПК** – Постоянный комитет
- ПОУ** – Партия освобождения уйгуров
- ПСК** – Производственно-строительный корпус
- РК** – Республика Казахстан
- РООАУ** – Региональное общественное объединение
“Ассоциация уйгуров”
- СВО** – Синьцзянский военный округ
- СНП** – Собрание Народных Представителей
- СССР** – Союз Советских Социалистических Республик
- СУАР** – Синьцзян-Уйгурский автономный район
- СУМК** – Региональное общественное объединение
“Союз уйгурской молодежи Казахстана”
- ТИРВТ** – Турецко-Исламская Республика Восточный
Туркестан
- УАТ** – Организация освобождения Уйгурстан
- ЦАР** – Центрально-Азиатский регион
- ЦК** – Центральный Комитет

Список таблиц

2-1. Изменение численности и национального состава населения Синьцзяна в 50-е годы	145
2-2. Изменение численного и национального состава населения СУАР в 60–70-е годы	156
4-1. Изменение структуры сельскохозяйственного производства в СУАР	242
4-2. Изменение коэффициента товарности сельскохозяйственного производства в СУАР	243
4-3. Процентное соотношение крестьянских дворов по уровню доходов (%)	243
4-4. Структура сельских предприятий СУАР КНР (1998 г.)	247
4-5. Объем и структура промышленного производства в СУАР КНР (1978–2001 гг.)	249
4-6. Капитальные вложения в различные сектора экономики	249
4-7. Численность промышленных предприятий СУАР КНР и объем выпускаемой продукции в 1998 г.	250
4-8. Распределение трудовых ресурсов СУАР КНР по сферам народного хозяйства (1978–2001 гг.)	253
4-9. Источники пополнения трудовых ресурсов города в СУАР КНР (1985–2001 гг.)	253
4-10. Распределение работников, относящихся к категории “рабочие и служащие” СУАР КНР по сферам народного хозяйства (1978–2001 гг.)	254
4-11. Распределение работников, относящихся к категории “рабочие и служащие” СУАР КНР из числа национальных меньшинств по сферам народного хозяйства (1998–2001 гг.)	255

-
- 4-12. Распределение работников, относящихся к категории “рабочие и служащие” на местных предприятиях государственной формы собственности СУАР КНР по сферам народного хозяйства и по этнической принадлежности (1998 г.) 257
- 4-13. Распределение работников, относящихся к категории “рабочие и служащие” на предприятиях центрального подчинения, расположенных в СУАР КНР, по сферам народного хозяйства и по этнической принадлежности (1998 г.) 259
- 4-14. Численность различных категорий специалистов в СУАР КНР (1978–2001 гг.) 260
- 4-15. Структура бюджета СУАР КНР (1986–2001 гг.) 264
- 4-16. Изменения в ВВП и ВНП на душу населения в СУАР КНР в региональном аспекте (1949–1997 гг.) 268
- 4-17. Удельный вес лиц трудоспособного возраста и коэффициент их занятости в народном хозяйстве СУАР КНР (50–90-е годы) 269
- 4-18. Численность и удельный вес основных национальностей, проживающих на территории СУАР КНР (1982–1990 гг.) 275
- 4-19. Этническая структура населения СУАР КНР в 1949–2000 гг. (тыс. чел.) 277
- 4-20. Районно-демографическая ситуация в Синьцзяне в 1949–1999 гг. 280
- 4-21. Динамика национального состава городского населения СУАР КНР (1982–1999 гг., в %) 282
- 4-22. Естественный прирост городского и сельского населения в СУАР КНР в 1980–2000 гг. (‰) 284
- 4-23. Естественный прирост ханьского и неханьского населения в СУАР КНР в 1980–1998 гг. (‰) 285
- 4-24. Прогноз развития демографической ситуации и необходимой численности трудовых ресурсов в СУАР КНР в 2000-2030 гг. 288

4-25. Этническая структура национально-территориальных автономий СУАР КНР и органов власти в них в 1999 г. (в %)	353
4-26. Численность и этническая структура кадрового корпуса Синьцзяна (1949–2000 гг.)	355
4-27. Численность и этническая структура членов КПК в Синьцзяне (1949–2000 гг.)	357
4-28. Социальный состав членов КПК в СУАР КНР (1993–1997 гг.)	358
4-29. Структура пополнения партийных рядов (1996–1999 гг.)	359
4-30. Отраслевая структура кадрового корпуса СУАР КНР (1987–1999 гг.)	360
4-31. Образовательный ценз и возрастная структура кадрового корпуса СУАР КНР (1990–1999 гг.)	361
5-1. Основные экономические показатели развития КНР и Тайваня	368
6.1. Численность уйгуров в Центральной Азии	469
6.2. Численность уйгуров в государствах Центральной Азии (1979–1999 гг.)	474

Список карт

Хуннская империя (III в. до х. э.)	41
Племена Сяньби (II в. х. э.)	43
Тюркский каганат (середина VII века)	46
Уйгурский каганат (середина VIII века)	58
Административно-территориальное деление Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР	134

От автора

Эта книга никогда не была бы написана, если бы не несколько обстоятельств, так или иначе способствовавших ее появлению.

Начать, очевидно, необходимо с того, что судьба распорядилась таким образом, что я стал профессионально заниматься Китаем. В те уже далекие 80-е годы, опять же волею случая, я оказался вовлечен в научную деятельность. Сначала была аспирантура Института Дальнего Востока АН СССР, а после ее окончания – Институт уйгуроведения АН КазССР – единственное на тот период научное заведение в системе Академии наук Казахской ССР, перед которым ставилась задача поднять изучение Китая на профессиональный научный уровень.

По вполне понятным причинам тематика исследований ограничивалась Синьцзяном, для детального изучения всего Китая не хватало ни специалистов, ни материальной базы. Да в этом и не было нужды. В системе Академии наук СССР существовало несколько научных учреждений, где проводились подобные исследования. Задача же Института уйгуроведения АН КазССР заключалась в том, чтобы дополнить эти исследования комплексным изучением процессов, происходящих в соседнем с Казахстаном Синьцзяне.

Десять лет, проведенные в стенах института, не могли не оказать влияния на мои научные интересы. Сначала это были социально-политические и экономические процессы. Отдел, в котором я трудился в качестве научного сотрудника, подготовил две крупные работы: “Синьцзян сегодня” и “Социально-классовая структура населения СУАР КНР”. Но, к сожалению, и та и другая так и остались в рукописях. В те времена печатались иные книги, а издавать что-то на собственные средства было накладно. Но рукописи не гоят, и то, что однажды сделано, так или иначе формирует фундамент будущего.

Эти же десять лет по-настоящему сблизили меня с уйгурами. Правда, первое знакомство с представителями одного из древнейших этносов Центральной Азии произошло значительно раньше. Для людей моего поколения, чье беззаботное детство приходится на начало 60-х, не будет откровением факт, что в тот период на понятиях “этничность” и “национальный вопрос” внимание как-то не акцентировалось. Это не означает, что эти феномены отсутствовали, просто они не были настолько политизированными, как в наше время. На одной улице в мире

и согласии проживали казахи, уйгуры, дунгане, ханьцы, узбеки, русские. И что любопытно, никаких языковых проблем не возникало. Мой дед, например, будучи безграмотным, свободно владел четырьмя восточными языками.

Но более тесно мне довелось познакомиться с уйгурским этносом уже в Институте уйгуроведения АН КазССР. И сотрудникам этого института моя первая благодарность. Не будь их поддержки и помощи, многие разделы книги выглядели бы блекло.

В 1989-м я на год уехал в Пекинский университет. Китай в этот период переживал последствия трагедии на Тяньаньмэнь, и это обстоятельство не могло не наложить отпечаток на характер моих дискуссий с жителями Пекина, Шанхая, Гуанчжоу, Урумчи, Кульджи и других городов Китая. Всюду ощущалось стремление к большей политической свободе, но в разных районах КНР оно выражалось по-разному. Если в районах Южного и Центрального Китая больше говорили о региональном хозрасчете, то в национальных районах – о праве наций на самоопределение. И это обстоятельство подтолкнуло меня к изучению специфики национального вопроса в Китае.

“Простимулировал” этот интерес и развал СССР, которому предшествовали активизация деятельности так называемых “национальных фронтов” и политизация этничности. С начала 90-х, где-то под влиянием распада СССР, а где-то и как результат экономической и политической либерализации в Китае, активизируется уйгурское движение. Причем как в самом СУАР, так и в государствах Центральной Азии. Вполне естественно, что все это дает не только пищу для размышлений, но и довольно богатый фактический материал.

Но все-таки основную лепту в то, что эта книга увидела свет, внес Фонд Д. и К. Макартуров (США). Финансовые трудности всегда сдерживали творческий порыв исследователей, и то, что их в постсоветский период взялись решать иностранные фонды, весьма показательно. Особенно в оценке проблем национальной безопасности.

Сначала планировался краткий отчет и небольшая книга. Но работа над темой заставила обратиться к истокам проблемы, объемы книги значительно возросли. Безусловно, в рамках одной работы ответить на все вопросы так и не удалось. Многие остались за кадром, а по ряду сюжетов можно и поспорить. И я буду благодарен читателям за критические замечания.

Константин Сыроежкин

Введение

С начала 90-х годов XX века проблема сепаратизма в глобальном масштабе вступила в новую стадию. Толчком к этому послужил процесс коренной ломки мировой системы, основанной на противостоянии двух социально-политических блоков. Распад СССР, Югославии, Чехословакии, объединение Германии породили надежды на восстановление некогда утраченной или желаемой независимости у многих народов планеты.

При этом необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что этническая либо религиозная окраска всех этих конфликтов и апелляция к историческому прошлому зачастую служат лишь прикрытием их истинного содержания. В большинстве случаев в их основе лежат не этнические, и даже не этнополитические и религиозные, а сугубо экономические факторы. Борьба за передел собственности, за право владения и распоряжения территорией и природными ресурсами, обладание политической властью — вот истинная основа преобладающей части так называемых “этнических конфликтов” в наше время.

Особую актуальность проблема этнических конфликтов приобретает и в связи с учатившейся практикой использования в ходе их развития тактики террора как средства достижения конкретных политических целей. Это тем более важно, поскольку именно конец XX века продемонстрировал не только глобальность проблемы терроризма, но и фактическую безнаказанность терроризма этнического.

В этом контексте проблема этнического сепаратизма в Китае вообще и в северо-западном Китае в частности является одной из ключевых при рассмотрении вопросов безопасности в Центрально-Азиатском регионе. И дело даже не в деликатности и сложности самой проблемы, но прежде всего — в изменении тактики деятельности так называемых “сепаратистских организаций” в СУАР КНР.

По-человечески понятно стремление уйгурского народа, как и любого другого, к самоопределению и созданию независимого государства, но насколько приемлема тактика террора для достижения этой цели и каковы последствия применения этой тактики не только для этнических меньшинств Китая, но и дальнейшей судьбы самого уйгурского народа? Терроризм осуждается всеми государствами мирового сообщества, и то государство или этнос, которые используют эту тактику, пусть даже для достижения благородных целей национального освобождения, в глазах мирового сообщества выглядят отщепенцами. Они не признаются международным сообществом, и в их отношении могут быть применены самые жесткие санкции морального, экономического и политического воздействия. Соответственно – сама идея национального освобождения теряет изначальный смысл и не поддерживается мировым сообществом.

Другими словами, переход к тактике террора некоторых так называемых “уйгурских сепаратистских организаций” для достижения цели “воссоздания независимого уйгурского государства Уйгурстан” – путь в никуда.

На наш взгляд, вопрос нужно ставить в иной плоскости. Так называемая “уйгурская проблема” имеет место, и необходимо четко определить, в чем она состоит и каковы пути ее решения. При этом, как нам представляется, внесение в изучение этого вопроса эмоциональной окраски, а именно это можно наблюдать в большинстве работ, опубликованных уйгурскими центрами за рубежом, может сослужить плохую службу уйгурскому народу, справедливо добивающемуся признания так называемой “уйгурской проблемы” мировым сообществом и придания ей международного статуса. Изучение вопросов этнического сепаратизма вообще и в северо-западном Китае в частности требует многостороннего подхода, включающего в себя исследования по всему комплексу вопросов исторического, социально-экономического, политологического, институционального и международного аспектов проблемы.

Пока с сожалением приходится констатировать, что большая часть проблем в указанных аспектах, в силу ряда обстоятельств и прежде всего деликатности самой темы, не получила достаточного освещения в отечественной и мировой литературе.

Еще более закрытый характер носит вопрос о влиянии этнического сепаратизма в северо-западном Китае на безопасность в Центральной Азии и процесс межгосударственных и межэтнических отношений в этом регионе мира. На сегодняшний день эти задачи практически не решаются, и это объясняется не только узостью источников информации по указанной проблеме и закрытостью темы для широкого обсуждения, но сложностью положения в самих государствах Центрально-Азиатского региона. В последнем случае имеется в виду, во-первых, нерешенность экономических проблем и бесхозяйственность в сфере внешнеэкономических связей, как результат – превращение этих государств (за исключением Узбекистана), по сути, в доноров экономики Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. Во-вторых, во многом авторитарный характер политического режима, существенно сокращающий спектр возможностей для открытого обсуждения данной проблемы и выработки адекватных мер ее решения.

Подобного рода “закрытость” выглядит по меньшей мере странно, поскольку на всех уровнях государственного управления понимается, что проблема этнического сепаратизма в северо-западном Китае, напрямую затрагивая вопросы национальной безопасности центральноазиатских государств, требует не только специальной проработки, но и широкого обсуждения мировой научной общественностью.

После подписания шанхайских договоренностей в апреле 1996 г. между Китаем и государствами Центральной Азии (Россия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан), а также фактического отсутствия официальной реакции лидеров центральноазиатских стран СНГ на столкновения в Кульдже (февраль 1997 г.), сепаратистские организации в Синьцзяне лишились последних иллюзий относительно солидарности

государств Центральноазиатского региона в их борьбе за достижение независимости Синьцзяна. Это, с одной стороны, привело к тому, что наиболее радикальная часть представителей так называемых “уйгурских сепаратистских организаций”, особенно молодежь, обратилась к тактике террора. А с другой – поставило мировое сообщество, и прежде всего государства Центрально-Азиатского региона, перед новой проблемой – перспективой превращения Синьцзяна в еще один регион межэтнического противостояния.

В этой ситуации, учитывая решимость уйгурских радикалов вести борьбу до “последнего уйгура”, а также твердое намерение Китая прекратить эту борьбу, государства Центральной Азии скорее всего будут вынуждены принимать “непопулярные решения”. На этот раз соседям вряд ли удастся остаться в стороне от разгорающегося конфликта в Китае. И проблема заключается в том, чтобы выйти из сложившейся ситуации с наименьшими потерями.

Поэтому новая террористическая тактика сепаратистов в Синьцзяне требует разработки новой политики центральноазиатских государств по отношению к проблематике этнического сепаратизма и выбора приоритета между двусторонними добрососедскими отношениями и идеей тюркской солидарности. Причем решение этой задачи для государств Центрально-Азиатского региона осложняется рядом обстоятельств.

Активизация деятельности уйгурских сепаратистов в СУАР КНР, не скрывающих своих контактов с базирующимися на территории Казахстана и других центральноазиатских государств радикальными уйгурскими организациями, несет в себе потенциальную угрозу дестабилизации обстановки в районе казахстанско-китайской границы и возможность резкого ухудшения казахстанско-китайских отношений.

Во-первых, осуждение руководством Казахстана деятельности уйгурских сепаратистов может спровоцировать уйгуро-казахский межэтнический конфликт как на территории республики, так и в СУАР КНР. Последствия такого конфликта предсказать достаточно сложно, но можно

прогнозировать, что в качестве одного из его результатов возможен массовый исход казахов с территории СУАР КНР со всеми вытекающими отсюда последствиями. Не исключена в этом случае и возможность организации террористических актов непосредственно на территории Казахстана.

Во-вторых, осуждение сепаратистской деятельности уйгуров может быть воспринято мусульманским миром как предательство интересов тюркского единства, что осложнит взаимоотношения Казахстана с рядом государств Ближнего и Среднего Востока. Хотя пример большинства государств, осуждающих террористическую деятельность, в том числе и мусульманских, показывает, что данная практика применима и здесь.

В-третьих, указанная позиция Казахстана развязывает руки китайскому руководству, которое может само спровоцировать казахско-уйгурский этнический конфликт в Синьцзяне и создать условия для “выталкивания” с его территории как казахов, так и уйгуров.

В-четвертых, дистанцирование Казахстана от происходящих в Китае событий способно привести к резкому ухудшению казахстанско-китайских отношений и даже к разрыву дипломатических отношений, поскольку, по мнению китайской стороны, “основные просепаратистские уйгурские организации базируются на территории Казахстана”.

Наконец, существенное значение имеет и то обстоятельство, что интересы и позиции государств Центрально-Азиатского региона различны, и фактор этнического сепаратизма в северо-западном Китае может не только использоваться ими в собственных целях, но и сознательно провоцироваться.

Расширение зоны действий так называемых “ваххабитов”, наблюдаемое в последнее время, и ее возможное смыкание с зоной “этнического сепаратизма” в Китае с большой долей вероятности может не только дестабилизировать обстановку в государствах Центральной Азии, но и, “раскачав” Китай и Россию, привести к глобальной катастрофе.

При этом очевидно, что дальнейшая интенсификация проблемы этнического сепаратизма в Синьцзяне способна

существенно изменить весь расклад геополитических сил в Центрально-Азиатском регионе и привести к его дестабилизации. Сможет ли Пекин сохранять контроль над национальными территориями Китая? Это большой вопрос, затрагивающий основы геополитической стабильности не только в Центральноазиатском регионе, но и во всем мире. Хотя ханьцы и составляют подавляющую часть населения Китая, большие куски китайской территории населены народами, у которых правление ханьцев вызывает раздражение. Так что просачивающиеся сведения о волнениях в провинции Синьцзян заставляют искать ответ на вечный вопрос: насколько сильна власть Китая над его суровым и редконаселенным дальним западом?

Объективно рост насилия в Синьцзяне невыгоден ни Китаю, ни государствам Центральной Азии. Точно так же, как и нормализация обстановки в этом районе КНР отвечает интересам всех государств. Очевидно и другое – принятие жестких мер по отношению к террористам в Синьцзяне будет неэффективным без проведения аналогичных мер и в государствах Центральной Азии. А это требует понимания сути этой сложной проблемы и выработки адекватных мер ее решения.

Глава 1.

Китай и его соседи в древности и средневековье

В настоящее время мир переживает эпоху возрождения этнических антагонизмов, вызванную накопившимися проблемами нерешенности различных аспектов национального вопроса, с одной стороны, а с другой — объективным процессом становления национального самосознания и “выравнивания” уровней социально-экономического и политического развития разнородных этнических составляющих населения многонациональных государств. Распад СССР, углубление этнических антагонизмов в Англии и Канаде, этнические проблемы в “благополучной” Европе, на Ближнем Востоке и в Азии — наглядное тому подтверждение. Новая обстановка выдвигает на первый план и новые грани проблемы, все в большей степени политизируя существо национального вопроса в современном мире. Учитывая же то обстоятельство, что каждая социально-политическая сила, движение, партия вкладывают особый смысл в содержание национального вопроса, предлагая свои способы и методы его решения, закономерно возникает проблема их сравнительного анализа и выделения критериев правильного, с точки зрения общественного прогресса, подхода к его постановке и решению.

В национальном вопросе в современных условиях проявляется важная закономерность: хотя он может выступать и как вопрос социально-экономического развития, и как культурно-языковой, и как этно-конфессиональный, и даже как вопрос экологической защиты, его постановка всегда будет содержать важный политический аспект. Выступая как вопрос политической демократии, он каждый раз вскрывает ущербность той или иной стороны существующей политической системы, вновь выдвигая проблему равноправия.¹

Поскольку в большинстве случаев усиление политического аспекта в национальном вопросе происходит на базе поиска исторических аналогий и доказательств, при рассмотрении его современных трактовок закономерным является обращение исследователя к процессу исторического становления каждого из разнородных этнических составляющих населения современных многонациональных государств. Причем, этот анализ должен не только учитывать уровень их социально-экономического и политического развития, характер взаимоотношений внутри самого этноса и его связей с соседними народами, но и дополняться пониманием процесса формирования современных государств, возникновения предпосылок, позволивших объединить многонациональные территории под эгидой либо государственно-гражданских, либо культурно-религиозных, либо этнонациональных интересов ведущего (консолидирующего) этноса, либо политических интересов правящей элиты.

Когда речь идет о странах Востока, то имеет значение и то обстоятельство, что в них процесс национальной консолидации и образования национальных государств происходил с присущей ему спецификой, связанной с особенностями функционирования восточных обществ и особой ролью государства во всех сферах общественной жизни вообще и регламентации межэтнических отношений в частности.

В большинстве случаев отдельные этнические общности складывались здесь в нации (в этническом, а не этатистском толковании этого понятия) на ранних этапах своего развития, а в дальнейшем, в силу различных исторических причин, либо полностью ассимилировались с более крупными и восходящими этносами; либо, сохраняя свои национальные черты, формировали единое государство, объединенное не этническими, а религиозными и политическими интересами; либо, оставаясь в вассальной зависимости от восходящего и более крупного этноса, территориально вливались в новое государственное образование, выступающее с позиций защиты государственных интересов консолидирующего

этноса или его элиты в периоды противодействия внешней агрессии и попыток колониального порабощения.

Существенную роль в этом процессе играла и одна из особенностей специфики этнического развития как собственно Китая, так и соседствующего с ним региона Центральной Азии. Эта особенность заключалась в том, что практически на протяжении всей своей истории он представлял собой огромный этнический “плавильный котел”, в котором возникали и исчезали не только отдельные племена и протогосударственные образования, но целые народы и империи. Вторая особенность этого региона заключалась в том, что он почти всегда оставался полиэтническим, а политические границы возникающих здесь в древности и средневековье государств не совпадали с этническими границами населяющих его этносов. Наконец, само понятие “этнокос”, за исключением, пожалуй, ханьцев, в этом регионе было достаточно условным. Большая часть населяющих этот регион других народов, самих по себе обладающих четким этническим самосознанием, ассоциировала себя с “тюрками” на ранних этапах развития и “мусульманами” — с закреплением на этой территории ислама в качестве господствующей религии.

Другими словами, сама история этнического развития отдельных территорий предопределила совместное существование в их пределах разнообразных этнических групп, находящихся на различных этапах социально-экономического, культурного и политического развития, имеющих порой различные исторические корни, но объединенных волею судьбы в территориальных рамках нового единого государственного образования, властители которого, защищая государственные интересы и фактически обеспечивая защиту этнонациональных интересов восходящей и формирующейся нации, гарантировали существование в его пределах инонациональных групп и индивидов, чья судьба решалась в зависимости от уровня их развития и господствующей государственной идеологии на конкретных этапах исторического развития.

В этом смысле этническое развитие как самого Китая, так и окружающих его некитайских этнических групп и государств представляет значительный интерес для понимания не только сложившейся системы этнических ценностей и процесса формирования самого ханьского этноса и его этнического самосознания, но и характера взаимоотношений ханьцев и Китая с представителями иных этнических групп и государств.

Этноцентризм как основа политики Китая

Судьбы любого этноса неотделимы от политических форм, в которых он развивается. Для Китая с III в. до х.э. такой формой была централизованная имперская государственность, которая вплоть до XX в. не имела себе альтернатив, и когда она распадалась, на ее территории возникали лишь несколько ее уменьшенных копий, чтобы через некоторое время снова уступить место единой державе.² Именно существование этого централизованного государства и сложившиеся еще в древности традиционные концепции по его управлению и развитию и стали основными причинами устойчивого процесса консолидации китайского этноса и достаточно успешной ассимиляции им иноэтнических групп и индивидов.

Сказанное выше, безусловно, не означает, что в процессе своего формирования китайский этнос остался тем же, что он представлял собой в эпоху Цинь – Хань (III в. до х.э. – III в. х.э.). Напротив, контактируя с иноэтническими группами, трансформировался как сам этнос, так и сложившиеся у него этнические стереотипы. Однако, принимая во внимание эту трансформацию, необходимо все же отметить, что в зависимости от конкретной исторической ситуации и положения Китая в окружающем его мире менялась лишь тактика его взаимоотношений с соседними народами, основа же, обеспечившая первоначальные направления формирования этнического сознания, всегда оставалась неизменной.

Существенный, если не первостепенный, отпечаток на формирование доктрины взаимоотношений Китая с окружающим его миром на начальном этапе этногенеза китайцев наложил отпечаток замкнутости китайского этноса в рамках своего этнического ареала. Китайская культура, в отличие от культуры окружающих Китай народов, развивалась в большей изоляции от других цивилизаций. И это явилось одной из причин, породивших идеологию исключительности китайского образа жизни, взгляд на другие народы как на периферию, “варваров”. Этноцентристские представления об окружающем их мире получили у древних китайцев новый импульс в виде теории верховных прав древнекитайских монархов в качестве наместников (“сынов Неба”) на Земле и над всеми окружающими Китай народами. Поэтому уже в древности китайский этноцентризм был связан с представлениями о мироустроительных функциях именно китайских правителей. А если учесть, что по своему материальному и духовному уровню развития древний Китай до II века до х.э., действительно находился на более высокой ступени цивилизационного статуса, чем его ближайшие соседи, то следует признать существование и благоприятных объективных условий для формирования именно в Китае этноцентристской модели видения мира.

Завершение процесса формирования внешнеполитической доктрины китайского государства, когда концепция этноцентризма в Китае получила качественно новое развитие, относится ко времени создания централизованных китайских империй Цинь и Хань. Основана эта концепция на противопоставлении Китая так называемым “варварам”, к числу которых относились все окружающие его народы. Характерно и то обстоятельство, что в китайской доктрине политический аспект был традиционно приоритетным над другими, но сама теория воплощалась на практике иными, нежели политические, методами.

Главной составляющей этой политики была разработанная древнекитайским мыслителем и военным стратегом Сунь-цзы доктрина “цзими” — “сдерживания”, “сковывания” —

комбинации дипломатических и любых других невоенных средств для “привлечения сердец варваров” к цивилизации. Тактика “и и чжи и” (“управлять варварами руками других варваров”) была “приводным ремнем” доктрины Сунь-цзы, способствуя там, где это было возможно, осуществлять политику “цаньши” – “постепенного поедания” земель соседей подобно тому, как шелковичный червь поедает листья.³

Не меньшее значение имело и изменение основ доктрины “хуася” – принадлежности к ханьцам. Практика контактов со своими соседями уже в древности внесла существенные корректировки в теоретические аспекты конфуцианской концепции о Китае и окружающей его Ойкумене. “На смену представлению об общности происхождения как ведущего компонента этнического самосознания древних китайцев в последние века до христианской эры выдвигается представление об общности культуры. Это означало качественное изменение в подходе к пониманию того, что отличает “нас” от “варваров”: если раньше различие это считалось непреходящим, существовавшим от рождения, то теперь человеком хуася можно было не только родиться, но и стать”.⁴

Данное концептуальное изменение значительно расширило палитру составляющих этнических компонентов, позволяя отождествить с этническими китайцами иноэтнические группы, освоившие китайскую культуру, что имело первостепенное значение в последующем формировании современного китайского этноса, когда наступил период “великого переселения народов” и древнекитайский этнос оказался в самой сердцевине этнического “плавильного котла”. Однако это изменение носило в большей степени тактический характер, не затрагивая глобальных основ китайского этнического самосознания. Напротив, одновременно с ним получает развитие и такой важный компонент этнического самосознания древних китайцев, как представление о нравственном превосходстве над “варварами”, а также значимость мироустроительных

функций китайского императора, вне зависимости от того сильно ли само китайское государство, или над ним довлеют соседи.⁵

Расширение географического кругозора древних китайцев, приведшее к переосмыслению тактических приемов взаимоотношений с соседями, способствовало и возникновению кажущегося противоречия между конфуцианской и легистской концепциями, определяющими характер взаимоотношений с окружающей Китай Ойкуменой. По справедливому замечанию М.В. Крюкова, "...если в практических контактах с соседями чувствовалось, прежде всего, влияние легистских доктрин (стремление идти на любые контакты, если они выгодны государству), то составной частью теоретического пласта внешнеполитической доктрины являлась концепция Конфуция о противопоставлении Китая "варварам". Такое существование двух, казалось бы, взаимоисключающих начал позволило Китаю сохранять и оберегать свое особое положение в мире".⁶

История взаимоотношений Китая с окружающими его государствами предоставляет возможность наблюдать многообразие форм этих отношений и особенности их влияния на формирование этнического самосознания и процесс ассимиляции соседних народов китайцами.

Исторически, с точки зрения участников договорных отношений, существовало четыре теоретические возможности: во-первых, добиться от партнера признания им фактического (а не номинального) вассалитета; во-вторых, заключить с ним "договор о мире и родстве" или иной "родственный союз", сохранив за собой положение "старшего"; в-третьих, вынужденно пойти на признание своего статуса "младшего"; в-четвертых, согласиться на вассалитет. И на определенных исторических этапах развития Китая стрелка политического барометра в его взаимоотношениях с соседями неоднократно перемещалась между двумя полюсами — от сюзеренитета Китая до признания им вассальной зависимости. Однако, проходя через очередной "плавильный котел", китайский этнос всякий раз выходил из него обновленным и

качественно трансформировавшимся, в отличие от тех этносов, которые завоевывали Китай. Их судьба как бы изначально была предрешена: полная ассимиляция с основной массой населения Срединной империи – ханьцами, либо аккультурация.

Достаточно вспомнить печальный итог Хуннской державы, или проведенные Тоба Хуном реформы, приведшие к последовательной китаизации сяньбийцев.⁷ Как подчеркивает Л. Гумилев, хуннам хватило былых традиций и мужества на возрождение своей державы в начале IV в., но на поддержание власти их не осталось. “Учреждения новой империи копировались с китайских образцов: быт, нравы и утварь дворцов, титулатура и обряды – все было копией Ханьской монархии, а не патриархального двора шаньюев. Хунны превратились в “цивилизованных варваров”, у которых равно отсутствуют высокие моральные качества, свойственные примитивному быту, и духовное развитие многовековой культуры. Властолюбие и эгоизм полководцев и беспринципность профессиональных солдат, составляющих их реальную силу, обусловили конец возрождения хуннской независимости”.⁸

Аналогичным образом сложилась судьба и пришедших на смену хуннам сяньбийцев. “По мере того, как процесс феодализации сяньбийского общества заходил все дальше и дальше, правители Северного Вэй убеждались в необходимости перенять у древних китайцев их государственное устройство, чиновничий аппарат и систему налогообложения. А это, в свою очередь, потребовало серьезного изучения всего комплекса древнекитайской письменной культуры”.⁹

Оценивая эту парадигму, большинство китайских авторов усматривали в качестве ее первопричины “превосходство китайской культуры”, численное преобладание китайцев над контактирующими с ними этническими общностями, черты национального характера китайцев (“великодушные и стремление к улаживанию конфликтов”), наконец, роль китайской философской мысли, прежде всего, конфуцианской школы, “проповедовавшей идеи великого единства Поднебесной”.¹⁰

По-видимому, определенный резон в этих рассуждениях был, во всяком случае, он неоспорим в отношении преобладающей численности китайского этноса в соотношении с контактирующими с ним иноэтническими группами. На рубеже I века х.э. из 250 млн. населяющих Землю более 50 млн. приходилось на население восточно-ханьской державы.¹¹ Большой этнический массив компактно проживающего китайского этноса, находящегося на достаточно высоком (разумеется, во временном и этническом сопоставлении) уровне социально-экономического и культурного развития, и самое главное — наличие уже в этот период сложившейся государственности и государственной идеологии создавали потенциальную возможность ассимилировать пришлые, как правило, немногочисленные, распыленные по всей территории Поднебесной и находящиеся в состоянии вражды друг с другом иноэтнические группы.

Существенное значение, как видно из вышеизложенного, имел и сформировавшийся в древности этнический стереотип о превосходстве китайской культуры. Хотя это и не соответствовало действительности, что, кстати говоря, становится очевидным и для самих китайцев с расширением их географического кругозора, его наличие являлось мощным этностабилизирующим фактором. Приматом китайской культуры можно, в частности, объяснить тот факт, что даже буддизм, получивший наибольшее распространение в Китае, так и не стал государственной религией, в отличие от ислама, завоевавшего почти все государства Центральной Азии и Ближнего Востока и ставшего этностагнирующим фактором в этих регионах.

Аккультурация иноэтнических групп, пожалуй, и являлась стержневым направлением развития этнических процессов в древнем и средневековом Китае. Даже в период хаоса III-VI вв. и в парадоксальной ситуации XIII-XIX вв., когда китайцы впервые в своей истории дважды утрачивали положение народа, политически господствующего на своей этнической территории и оказывались включенными в состав полиэтнических завоевательных империй, более

фундаментальными оказывались факторы, определявшие ход естественной аккультурации. “Именно поэтому маньчжурским императорам вновь и вновь приходилось декларировать необходимость соблюдения привнесенных завоевателями обычаев: стремясь передать их завоеванным, маньчжуры, сами того не желая, усваивали многие черты традиционной китайской культуры”.¹²

До конца XVII века аккультурация иноэтнических групп в Китае, за исключением периода правления Танской династии (618-907), носила преимущественно естественный, спонтанный характер и основывалась, прежде всего, на первенстве традиционных особенностей социально-экономической, политической и культурной жизни Китая над окружающим его внешним миром. С колонизацией же Цинской империей (1644-1911) новых территорий, ранее не входивших в собственно Китай, она приобретает насильственный характер, и осуществляется путем навязывания населяющим эти территории этническим группам, порой, стоящим на достаточно высоком (для своего времени, разумеется) уровне социально-экономического, политического и культурного развития, черт китайской культуры через каналы государственной власти.

Обладание “Западным краем” (“Сиюй”) не было вожделенной мечтой всех без исключения правителей Китая; периодически некоторые из них предпринимали попытки достичь той или иной степени контроля над этой территорией, но в большинстве случаев, особенно в древности и средневековье, речь шла не о его окончательном завоевании, а о приобретении возможности беспрепятственно поддерживать надежные торговые отношения с государствами Европы, Ближнего Востока, Южной и Средней Азии. Проложенные по оазисам Синьцзяна караванные маршруты, проходящие через достаточно развитые, даже в сравнении с древним Китаем, государства, предопределяли стратегическую значимость этого региона.

Имели место и соображения иного рода. Древний и средневековый Китай окружали не только довольно

воинственные, но и достаточно мощные объединения кочевых народов, защита от которых требовала создания передовых форпостов, способных пусть не сдерживать, но хотя бы предупредить о готовящемся вторжении. С севера эту функцию в той или иной мере выполняла Великая Китайская стена, построенная еще во времена Цинь Шихуана. На западе такой защиты не было, и ее предстояло создать.

Первые военные экспедиции в Западный край предпринял император Ханьской династии У-ди (141-87 до х.э.), поставивший целью ослабление сюнну и использование оазисов Кашгарии в качестве союзников против них.¹³ Но все-таки главная цель, которую преследовал У-ди заключалась не в покорении края, а в захвате торговых путей, позволяющих осуществлять регулярные связи между империей и заинтересованными в торговле с ней странами к западу от нее.¹⁴ Кстати говоря, согласно китайским источникам, и сам У-ди придерживался аналогичных взглядов. С его точки зрения, в силу удаленности края и наличия естественных защитных рубежей между ним и собственно Китаем “приобретение его не принесло пользы, отказ [от него] не принесет ущерба.¹⁵ Господствующее положение в этом регионе занимали сюнну, которым в начале I в. х.э. удалось подчинить весь Западный край. Древнему Китаю не хватало военной мощи для завоевания Центральной Азии. У него не было ни стойкой боеспособной пехоты, могущей сковать степенную конницу, ни более эффективной кавалерии — ни легкой, ни особенно тяжеловооруженной, без которой углубляться в степные просторы Центральной Азии было весьма опасно.¹⁶

Тем не менее во второй половине I в., умело использовав (а в известной мере и спровоцировав) раскол сюнну на “северных” и “южных” и разрешив подчинившимся империи Хань сюнну поселиться в ее пределах, империя активно приступила к восстановлению ханьского владычества в Западном крае. К концу I в. на короткое время ей удалось восстановить свое влияние в этом регионе и утвердить гегемонию на Великом Шелковом пути. Первое время после объединения под эгидой династии Цзинь (265-420)

казалось, что Китай возвращает себе утраченную за время Троецарствия роль восточноазиатского гегемона. Уже в 270 г. явились посольства из Карашара и Ферганы, а в 284 г. пришло посольство из самой Римской империи. В 286 г. прислал посольство Кангюй. В это время восстания хуннов легко подавлялись, набеги сяньбийцев отражались; с южным соседом — царством Чампа были установлены мирные сношения.¹⁷ Однако уже во второй половине II в. Китай вновь утрачивает эти свои преимущества, а к началу IV века «становится заурядным царством, окруженным с юга и запада воинственными аборигенами, фактически не подчинявшимися нанкинскому правительству». ¹⁸

Лишь спустя три столетия, в 640 г. после объединения Китая под властью династии Тан, китайцы возобновили военное наступление на Центральную Азию. Можно выделить четыре основных этапа танской экспансии в Центральной Азии: 1) упрочение позиций Китая на рубежах западного края в результате крушения в 630 г. Восточного каганата тюрков с центром на Орхоне в Монголии, когда танские войска захватили Кашгарию и вышли к Памиру; 2) уничтожение в 640 г. (при помощи конницы тюркютов и уйгуров) государства Гаочан; 3) разгром в 657 г. Западно-тюркского каганата и выход союзных танских войск, основу которых составляла конница уйгуров и тюрков, в пределы Семиречья; 4) длительная борьба танских властей за упрочение и расширение своего влияния в Восточном Туркестане с 657 г. до середины VIII в.; 5) разгром войсками Арабского халифата танских войск на реке Талас в 751 г. и ликвидация всех позиций Китая в Западном крае. С этого времени Китай на целое тысячелетие утрачивает свое влияние в Центральной Азии, а народы и государства Центральной Азии в течение столь длительного срока развиваются без вмешательства в их внутренние дела Срединной империи.¹⁹

В этот исторический период попутные ветры истории дули в паруса другим восходящим этносам, в завоевательных планах которых Западный край играл далеко не последнюю роль. По справедливому замечанию Д.В. Дубровской, ко времени Тан уже вполне ясно вырисовывается стратегическая

ценность политического влияния на Джунгарию и Кашгарию: владеющее этим районом государство держит в руках нити всех политических событий и взаимодействий в Центральной Азии и сопредельных ей районах Азии вообще.²⁰

На несколько веков Западный край вошел в состав империи Чингисхана, но с ослаблением империи Моголов на историческую арену вновь выходит Китай.

С приходом к власти династии Цин наступает завершающий этап в подчинении Западного края Китаю. Умело используя разобщенность народов Центральной Азии, Китай сокрушает Джунгарское ханство – государство ойратов – западных монголов и восточно-туркестанские княжества, вплотную подвигая границы своих владений к Казахстану и Средней Азии. В отличие от предыдущих династий, для которых фрагментарный контроль над Западным краем должен был “обезопасить границы Поднебесной с помощью так называемых “шуго” – буферных, “подчиненных” государств, и найти выходы далее на Запад через системы Великого Шелкового пути, Цины поставили своей целью окончательное подчинение края и включение его в состав империи.²¹ Успешные военные походы Цинов на Запад позволили завоевать территории Джунгарии (1755-1757) и Кашгарии (1757-1759).²² Уже ничто не могло помешать подчинению этой территории. Военно-политические цели были выше всех остальных аргументов. Даже утратив свое влияние в крае в 1864-1877 гг., Цины восстановили его в 1878 г. А через несколько лет (в 1881 г.) территория Западного края, получив название “Синьцзян” (“Новые территории”), окончательно входит в состав Китая в качестве одной из его провинций.²³

Я опускаю в данной работе вопрос о причинах завоевания Цинами Западного края, он достаточно подробно рассмотрен в специальной работе Д.В. Дубровской, с выводами которой, на мой взгляд, можно согласиться.²⁴ Нас будет интересовать другое, какими методами осуществлялось подчинение этого региона и как отнеслись к нему местные народы.

В результате завоевательных походов Цинской империи китайский этнос вновь оказался в непривычной для

него ситуации, когда политические границы государства, закрепленные международными договорами, не совпадают с этническими границами ареалов его традиционного проживания, а включенные в состав империи новые территории и проживающие на них этнические группы, находящиеся на пограничных окраинах империи, требуют укрепления в них позиций центральной власти и традиционной китайской культуры.

Незначительность численности китайского этноса, находящегося на этих территориях, компактность расселения коренных этнических групп и относительно кратковременный период их совместного проживания с ханьцами, дополняемые чужеродностью по отношению к традиционной китайской культуре самой Цинской империи, делали практически невозможным процесс их естественной аккультурации. У Цинского государства, как и у сменившей его Китайской Республики (1911-1949) оставалась лишь одна возможность взаимоотношений с коренными этносами, проживающими на завоеванных землях — их насильственная аккультурация.

Успех этого процесса во многом зависел от характера внутриэтнических связей, особенностей межэтнических отношений в том или ином подлежащем освоению регионе, уровня социально-экономического, культурного и политического развития отдельных этнических групп. Сравнительно просто этот вопрос решился в отношении монгольского и маньчжурского этносов, драматично — по отношению к Тибету и довольно своеобразно в отношении народов, населяющих Синьцзян.

Цинская администрация достаточно быстро определилась с тактикой освоения Синьцзяна, наметив основные пункты своего воздействия. По существу эта тактика не несла в себе каких-то новелл; она базировалась на историческом опыте и относительном понимании специфики социально-экономических, политических и этнических процессов в регионе. Как и в династийный период, ставка была сделана на военную силу, административно-чиновничий аппарат, города и, учитывая региональную специфику, внутриэтнические и межэтнические разногласия между

населяющими этот регион народами, религиозный фактор и местную родоплеменную и клановую верхушку.

Однако насильственное внедрение чуждых этническому самосознанию коренных народов региона элементов китайской культуры не вело к их культурной ассимиляции. Достаточно развитое этническое самосознание постоянно их отвергало при первом же изменении политической ситуации в стране, порождая проблему сепаратизма.

В период господства Цинской империи имперская государственность не особенно утруждала себя заботой обоснования своего присутствия на новых землях. Главная цель состояла в том, чтобы удержать их в качестве государственных территорий и обеспечить их номинальное подчинение центральному руководству через своих наместников и при содействии военных карательных экспедиций. Искусно используя принцип “и и чжи и” — “контроля над варварами при помощи варваров” и учитывая объективные противоречия между тюркоязычными народами региона, цинская администрация достаточно успешно выполняла свою задачу.

С крахом Цинской империи в 1911 г. и изменением расклада политических сил в мире и Центрально-Азиатском регионе от руководства Республиканского Китая потребовалась разработка такой теоретической концепции, которая, учитывая разнородность этнических составляющих населения государства, обеспечила бы его территориальное и политическое единство. И такая концепция появилась в виде теории о “единой китайской нации”, состоящей из разнородных этнических компонентов, связанных “единством хозяйственной и культурной жизни”.

Согласно положениям этой концепции, в понятие “китайская нация” (“чжунхуа миньцзу”) официально включались пять этнических групп — ханьцы, монголы, маньчжуры, тибетцы и дунгане. Тюркоязычные народы Китая в это понятие не включались, хотя подразумевалось, что они связаны с ханьцами “продолжительной историей совместного проживания и взаимного обмена культур”.²⁵

Все выступления, имеющие место в национальных районах Китая в тот период, имели отчетливую антиханьскую или антидунганскую направленность, различаясь лишь по своей внешнеполитической ориентации, платформе, на которой проходило объединение, конечным целям, социальному и национальному составу участников. Характерной особенностью этих выступлений было и то, что объединение разнородных социальных и национальных сил в них (во всяком случае, на начальных этапах) происходило на религиозной и этнической, либо антиханьской и антидунганской основах.

С приходом к власти КПК контуры национальной политики в Китае резко меняются, хотя ее теоретическая основа остается прежней – убедить общественное мнение, включая и мировое, в том, что Китай исторически складывался как “единое многонациональное государство”, а “китайская нация” – как “суперэтнос”. Подробнее об этом будем говорить ниже, а сейчас, памятуя о главной идее данной работы, перейдем к рассмотрению истории того народа, который является ее главным героем.

Проблемы этногенеза и государственности уйгуров

Говоря о проблеме “уйгурского сепаратизма”, невозможно обойти вопросы этногенеза уйгуров и становления уйгурской государственности, поскольку именно к ним апеллируют представители уйгурской общественности как в самом Синьцзяне, так и за его пределами, обосновывая “справедливость и необходимость борьбы уйгурского народа за национальное освобождение”.

В связи с этим, как и в случае с представителями другой этнической группы, перед исследователем встают три деликатных вопроса. Первый касается времени появления протоуйгурских племен на территории современного

Синьцзяна, то есть вопрос о том, являются представители уйгурского этноса ее автохтонными обитателями, или пришли сюда извне, и если да, то когда и откуда. Второй вопрос связан с подробной и четкой этнографической и социальной характеристикой уйгурского этноса, особенностями его этногенеза и достаточно строгого определения критериев его становления на каждом из этапов развития. Третий – определение основы, на которой происходило формирование государственных образований в пределах данной территории, особенностей отношений между населяющими ее этническими группами, роли государства (как аппарата власти) в регламентации межэтнических отношений.

На все эти вопросы в исторической литературе, по вполне понятным как объективным, так и субъективным причинам, однозначного ответа нет. Поэтому постараемся, сопоставив все известные нам точки зрения, дать свое понимание этой достаточно сложной и деликатной проблемы.

Первое обстоятельство, на которое обращают внимание исследователи, связано с особенностями этногенеза кочевых племен Центральной Азии. За трехтысячелетнюю историю кочевой культуры племена то объединялись в разных комбинациях, дробились на реликтовые этносы, то исчезали полностью, причем составляющие их люди входили в состав других племен. В первом случае подчиненное племя принимало на себя функции податного сословия; во втором – возникало состояние социального застоя, что в аспекте географии определяется как этноландшафтное равновесие; в третьем случае инкорпорация иноплеменников вела к социальной перестройке принявшего их племени в союз племен или орду, то есть специфическую форму военной демократии в кочевом обществе.²⁶

Другими словами, сама история этнического развития отдельных территорий предопределила совместное существование в их пределах разнообразных этносов, находящихся на различных этапах социально-экономического и культурного развития, имеющих порою различные исторические корни, но объединенных в рамках того или

иного протогосударственного образования, властители которого, защищая свои интересы и фактически обеспечивая защиту этнических интересов восходящего и формирующегося этноса, гарантировали существование в пределах этого образования иноэтнических групп и индивидов, чья судьба решалась в зависимости от уровня их развития и господствующей идеологии на конкретных этапах исторического развития. Это обстоятельство, особенно на мусульманском Востоке, привело к тому, что само понятие “этнокос” здесь было достаточно условным.

Как уже отмечалось ранее, Центральная Азия представляла собой огромный этнический “плавильный котел”, в котором возникали и исчезали не только отдельные племена и протогосударственные образования, но целые народы и империи.

Вторая особенность этого региона заключалась в том, что он почти всегда оставался полиэтническим, а политические границы возникающих здесь в древности и средневековье государств не совпадали с этническими границами населяющих его этносов. Этот тезис верен даже для протогосударственных образований Центральной Азии, не говоря уже о более ранних государствах. По справедливому замечанию Л.С. Васильева, “Раннее государство обычно много сложнее и крупнее протогосударства; этническая гетерогенность здесь — уже практически обязательная норма, ибо возникает раннее государство преимущественно за счет завоеваний и аннексии соседей”.²⁷ Взгляд на историю государственности в пределах Центральной Азии, которая преимущественно состоит из описания не прекращающихся столкновений между населяющими этот регион этническими группами и поглощения ими друг друга на разных исторических этапах развития, — самое убедительное доказательство этого тезиса.

Третья особенность региона заключается в том, что в его пределах шло интенсивное взаимодействие между двумя культурами: кочевой и оседлой. Кочевые общества были слаборазвитыми, находились в основном на стадии

протогосударства и нуждались в постоянном взаимобмене продуктами с оседлыми. Но оседая, кочевники обычно быстро трансформировались в земледельцев, а их первоначальные зоны обитания занимали другие племена, за счет которых потенциально формировались новые волны, готовые рано или поздно захлестнуть земледельческие оазисы.²⁸

Четвертая особенность связана с огромной ролью государства на Востоке, которое оказало существенное влияние и на процесс этногенеза. Как подчеркивают многие специалисты, процесс генезиса социального, правового и имущественного неравенства был связан не с классообразованием, а с политогенезом, то есть возникновением государства. Именно протогосударство и раннее государство со всеми его атрибутами (институт власти-собственности, рента-налог, централизованная редиистрибуция и др.) не просто обслуживали все возраставшие и усложнявшиеся потребности цивилизующегося общества, но и способствовали формированию новых социальных слоев, то есть тех категорий и групп людей, которые были призваны выполнять те или иные социальные функции укрупнявшегося социального организма.²⁹

Наконец, последняя особенность этногенеза в этом региона связана с ролью государственной идеологии, объединяющей различные по своей этнической принадлежности общности идеи или религии. Те этнические протогосударства, которым повезло иметь таковые на ранних этапах своего становления, не потерялись в глубинах истории, и успешно ассимилировали вливающиеся в них новые этнические потоки. Классический пример – Китай, где конфуцианство было почитаемо и играло роль государственной религии. Те, империи, которые возникали на иной основе, вскоре гибли, а этнос, стоящий у истоков их образования, исчезал с этнической карты региона. Классический пример – Хуннская империя, доминирующая в течение шести веков в Центральной Азии, но в конечном итоге бесследно исчезнувшая.

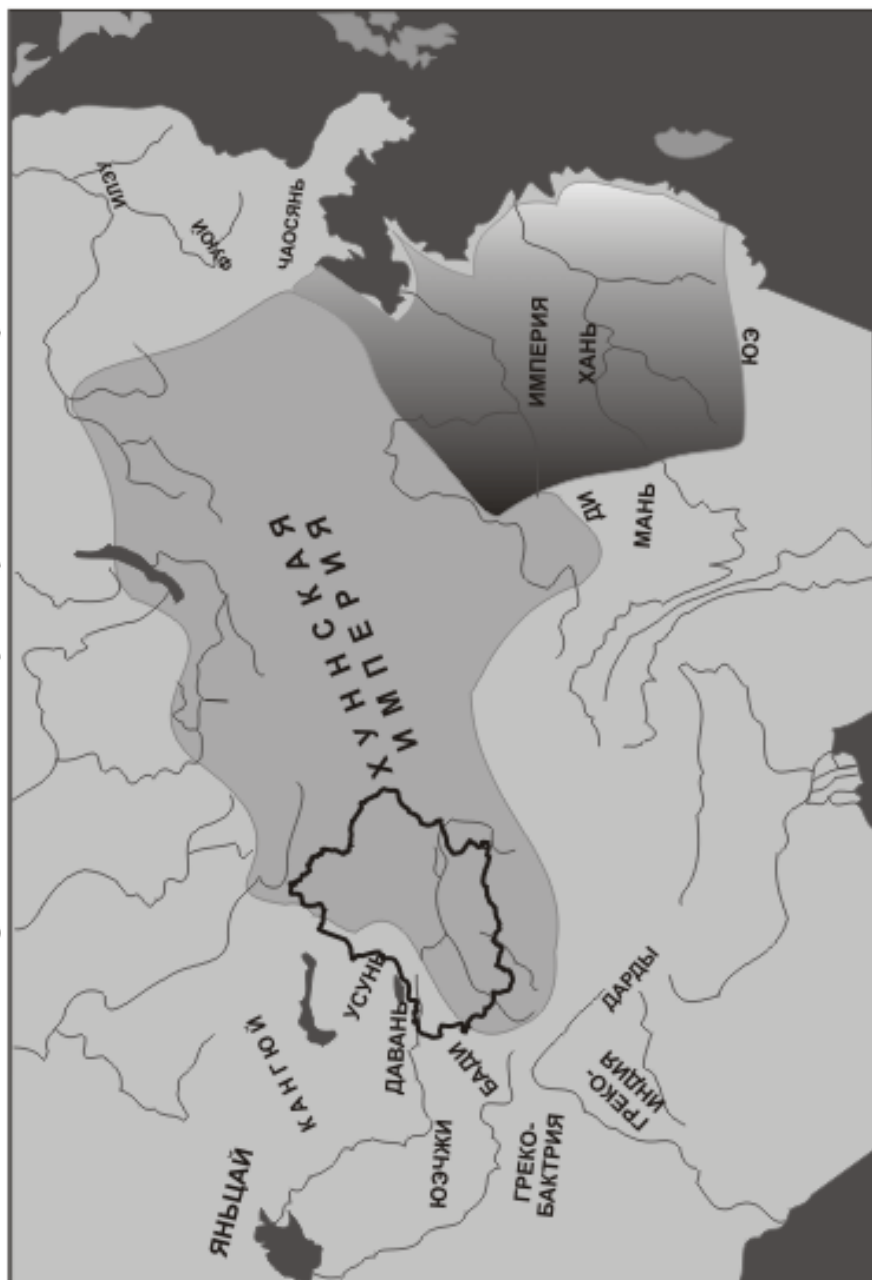
А теперь вернемся к вопросам, поставленным в начале этого раздела. Первый из них связан с проблемой

автохтонности уйгуров в пределах современного Синьцзяна. Однозначный ответ на этот вопрос дать далеко не просто. И не только в силу уже указанных выше общих особенностей этногенеза в пределах Центральной Азии, но и потому, что в истории довольно часто встречаются случаи, когда по ряду причин самоназвание народа переживает сам народ. И в этих обстоятельствах проводить прямые параллели между современными представителями данного этноса и теми, кто носил это самоназвание в достаточно удаленные исторически периоды, как это делается некоторыми авторами,³⁰ представляется не совсем правомерным.

У нас нет веских оснований, чтобы относить уйгуров (либо протоуйгурские племена) к автохтонным обитателям Западного края. Однако, с учетом специфики этногенеза в Центральной Азии, нет таковых и для утверждений о том, что в данном регионе в древности и средневековье отсутствовали этнические общности, отдельные представители которых могли послужить одной из этнических составляющих этногенеза уйгуров. Напротив, скорее всего, так оно и было. И сами средневековые уйгуры, как, собственно говоря, средневековые хунны, китайцы или другие этносы представляли собой сложный этнос, впитавший в себя множество разнородных этнических составляющих.

Что касается автохтонных обитателей Западного края, то большинство исследователей относят их к индоиранской группе,³¹ о чем свидетельствует как совокупность письменных источников, так и лингвистические и антропологические материалы. Касаясь этого вопроса в одной из своих работ, Л. Гумилев подчеркивает этническое разнообразие Западного края. Кочевые племена имели тибетское происхождения, полукочевые – жунское, оседлые земледельцы – тохары – говорили на индоевропейском языке, сходном с фракийско-фригийским и армянским, но на двух весьма несходных диалектах – северном в Турфане и южном в Куче и Кашгаре. В Хотане и прилегающих к нему предгорьях Алтынтага говорили на архаическом восточно-иранском языке, близком к сакскому.³²

Хуннская империя (II в. до х. э.)

Более поздние археологические данные по Хотанскому оазису показывают, что и в I тыс. х.э. этническая картина изменилась не столь значительно. Наиболее многочисленной группой были иранцы, которые говорили на восточноиранском языке. Второй по численности группой населения, очевидно, были индийцы, которые оказывали значительное влияние на культуру и религию Хотана. С древности в населении оазиса появилась значительная тибетская прослойка. С начала новой эры пытались утвердить свое господство в Восточном Туркестане китайцы. С середины I тыс. х.э. сюда начали проникать тюрки. К доминирующим в этом регионе в древности этносам можно с полным основанием отнести также хуннов и согдийцев.³³

Политическая история государств Западного края, равно как и история населяющих его народов, предшествовавшая возвышению хуннов (сюнну), фактически не известна. Более подробно изучены факты, относящиеся к периоду Хуннской империи и более позднему периоду, на которые я и буду опираться в данном исследовании.

Л. Гумилев, достаточно подробно изучивший этот вопрос, считает, что хунны как этническая общность сформировались на базе смешения вытесненных “черноголовыми” предками китайцев в степь племенами ханьюнь и хуньюй с китайцами, пришедшими с Шун Вэем – последним представителем династии Ся – китайцами. На этой основе сформировался прахуннский этнический субстрат, который стал хуннским лишь в последующую эпоху, когда прахунны пересекли песчаные пустыни. Тогда на равнинах Халхи произошло новое скрещивание, в результате чего возникли исторические хунны.³⁴

В 209 г. до х.э. Модэ – старший сын хуннского шаньюя Туманя, убив своего отца и покончив с мачехой, братом и старейшинами, не захотевшими повиноваться отцеубийце, узурпировал власть и объявил себя шаньюем.³⁵ С этого момента начинается возвышение Хуннской державы, расширение ее владений и поглощение хуннами соседних с ними племен. Сообщая о своих военных успехах, Модэ

Племена Сяньби (II в. Х. э.)

утверждал, что в начале II в. до х.э., после разгрома юэчжей, “Лоулань, усунь, хуцзе и 26 соседних с ними владений оказались под властью сюнну, так что все народы, натягивающие лук, объединены теперь в одной семье”.³⁶ Конечно, это было некоторым преувеличением, но безусловным фактом является то, что конкурировать с Хуннской державой на просторах Центральной Азии в тот период могла только китайская империя Хань.

Во второй половине II в. до х.э. империя Хань, до этого придерживавшаяся политики “мира и родства” по отношению к сюнну, начинает готовиться к войне с ними. К середине I в. до х.э. империя Хань устанавливает протекторат над Западным краем и учреждает пост генерал-протектора Западного края (Сиюй диху), просуществовавший до 23 г. х.э. Протекторат Ханьской империи над Западным краем означал формальное подчинение всех государств бассейна Тарима власти ханьского императора. При генерал-протекторе существовал штат военных чиновников, которые должны были систематически посещать государства Западного края с тем, чтобы обеспечить беспрепятственное движение китайских послов и торговых караванов по обоим трактам. Правительства княжеств получали номинальную инвестицию от императорского правительства, что находило внешнее выражение в пожаловании им китайских печатей. С установлением протектората связано также создание в Западном крае китайских военно-земледельческих поселений. Целью этого мероприятия было обеспечение продовольствием войска и посольства, находившихся на территории края.³⁷

К этому же историческому периоду относится и упадок Хуннской державы. Ее погубили не только внешние обстоятельства, но, прежде всего, те принципы, на которых она была создана. Родовые князья по мере роста и усиления своих родов стремились к большей самостоятельности. Им начинала мешать военная дисциплина старохуннской партии, и они готовы были поддержать придворную партию, чтобы при ее слабой власти пользоваться

большей самостоятельностью.³⁸ Но пока хунны оставались единственной мощной силой, с которой приходилось считаться Китаю. Иногда, когда к руководству Китаем приходил слабый или бездарный политический деятель, Китай уступал пальму первенства хунну, но с приходом новой администрации восстанавливал свое доминирование. Так было, например, в годы правления Китаем Ван Мана (9–22), когда ханьская администрация на территории Западного края прекратила существование. Однако уже к середине столетия контроль Китая над Западным краем частично был восстановлен. Мирный договор, заключенный в 47 г., гласил, что “дома Хань и Хунну равноправны”.³⁹

В последней четверти I в. в борьбу за подчинение Западного края вновь вмешивается Китай, формально сохраняя свой контроль над этой территорией до 107 г.⁴⁰

В середине II в. в обстановке резкого обострения внутренних противоречий в стране Китай оказывается не в состоянии контролировать ситуацию в Восточном Туркестане. Ситуация в Западном крае была такова: Шаньшань сохраняла верность Китаю; Хами было в руках хуннов; северные оазисы, особенно Заднее Чеши и Харашар, активно примкнули к Северному Хунну, а юго-запад — Кашгар, Яркенд и Хотан — оказались под протекторатом Кушана.⁴¹

Распался и хуннский суперэтнос. К III в. вместо одного хуннского народа возникли четыре его ветви.

1. Северные хунны, перемешавшиеся в Сибири с уграми, неукротимые и дичающие вдали от культурных центров.

2. Юебань — хунны, подвергшиеся сильному влиянию согдийской культуры.

3. Хунно-сянби — смешанные роды в Халхе и Чахаре; этнический субстрат, из которого сформировались позднее тюркоязычные и монголоязычные племена раннего средневековья.

4. Китайские хунны — находившиеся в процессе ассимиляции, которая закончилась лишь к V в.⁴²

Как подчеркивает Л. Гумилев, “Как только исчезла

Тюркский каганат (середина VII века)

этническая целостность, они нашли для себя возможности существования в рамках других этнических целостностей. Так, акциры смешались с саргутами и породили древних болгар; гуньсуйские хунны вошли в состав орды тюркютов Ашина; чуйские племена поддерживали величие Западно-тюркского каганата; хунны, оставшиеся в Ордосе, Шэньси и Шаньси, смешались с табгачами и разделили судьбу империи Тоба-Вэй”.⁴³

Господствующее положение хуннов заняли сяньби, которым удалось победить не только хуннов, но и самих китайцев. Правда, по историческим меркам, эта победа оказалась не долговременной. Уже в середине IV в. на смену сяньби пришли жужани — осколки разбитых табгачами сяньбийских и хуннских родов,⁴⁴ а через два столетия господство над Западным краем перешло в руки тюрков.⁴⁵

Особый интерес в контексте нашей темы вызывает вопрос об этнической характеристике населения и этнической основе протогосударственных образований, имевших место на территории Западного края в древности и раннем средневековье. Сведения эти достаточно скудные, но и они дают основание для вывода о том, что в этот период государства, созданные на этнической основе прототуркских племен, на данной территории отсутствовали.⁴⁶

В составе Тюркского каганата

В отличие от большинства древних народов, начало истории древних тюрков (тюркютов) известно достаточно точно, таковым является 545 г. — год образования великой державы роды Ашина — Тюркского каганата. И хотя Тюркский каганат по историческим меркам просуществовал недолго — всего два века,⁴⁷ его роль в истории народов Центральной Азии весьма существенна. По своей сути Тюркский каганат — первый прообраз евразийской империи, включавшей в себя различные этнические компоненты, объединенные не на принципах этнического родства, а подчинения интересам единого государства.

Соответственно возникает вопрос, каким образом было устроено это общество, и почему входящие в его состав

иноэтнические общности, значительно превосходя по численности тюркютов, выполняли их волю.

Думается, что выдвинутая и обоснованная Л. Гумилевым идея пассионарности,⁴⁸ не лишена своего смысла. Во всяком случае, она в какой-то степени объясняет феномен восхождения и упадка в известные исторические периоды того или иного этноса, особенно кочевого. Определенное подтверждение этой идеи можно найти у Н.А. Аристов и В.В. Бартольда.

Обосновывая особенности возникновения кочевых государств, Н.А. Аристов отмечает, что оно происходит “вследствие усиления одного из племен, во главе которого стояли храбрые, умные и счастливые в своих предприятиях родоначальники, успевшие подчинить своему влиянию роды своего племени и покорить остальные племена”.⁴⁹

По сути, аналогичную точку зрения высказывает и В.В. Бартольд. По его мнению, представители государственной власти, ханы, которым при благоприятных условиях удается подчинить себе весь народ или даже несколько народов, появляются только в чрезвычайных обстоятельствах, причем и в этих случаях ханы берут власть сами, никем не назначаются и не выбираются; объединение под властью хана его собственного народа часто бывает связано с более продолжительным кровопролитием, чем потом походы кочевников; эти походы и связанная с ними военная добыча — единственный способ примирить народ с установлением ханской власти.⁵⁰

В VI-VIII вв. пассионарный импульс в большей степени был свойствен тюркютам. Сравнительно легко разгромив жужаней, тюркюты получили в наследство не только территории некогда мощной империи с населяющими их народами, но и значительно расширили свои владения в результате завоевательных походов. В момент своей наибольшей территориальной экспансии (576 г.) Тюркский каганат простирался от Маньчжурии до Боспора Киммерийского (Керчинского пролива), от верховьев Енисея до верховьев Амударьи.⁵¹

Главное отличие Тюркского каганата от существовавших до него империй кочевых народов заключалось в том, что основным характерным признаком ее социальной структуры было совмещение военного и племенного строя. От большей части кочевых государств империя тюркютов отличалась тем, что с самого начала находилась под властью одной династии, но не одного лица.⁵² Это позволяло использовать преимущества орды для решения военных задач и обеспечения условий подчинения разнородных этнических составляющих орды общим интересам, с одной стороны. А с другой — преимущества племенной организации для решения социальных задач внутри отдельных этнических составляющих большой орды. Во время каганата население степи весьма обогатилось, поскольку, в отличие от прошлых лет, параллельно приобретению богатств шло накопление их; они не растрчивались, не делились, а сохранялись в больших семьях.⁵³

Правда, необходимо сразу подчеркнуть, что именно это обстоятельство заложило основу для краха каганата, когда военная удача начала изменять каганам. Окрепшие племенные союзы, обладающие своими воинскими формированиями и материальными ресурсами, превосходя при этом тюркютов по численности, стремились выделиться из большой орды и организовать самостоятельно.

Еще одним существенным нововведением тюркютов было создание новой системы наследования верховной власти — так называемой удельно-лествичной системы. Необходимость таковой возникала из самой сути этнической и социальной организации каганата.

Во-первых, тюркюты были сложносоставной народностью. “500 семейств” Ашина, будущие “вельможи”, пришли в V в. из Ордоса и поселились на южных склонах Алтая, где уже обитало тюркоязычное население. Оба этнических компонента слились воедино, но разница между ними в известной мере прослеживается до VII в. как деление на черную и белую кость, о чем говорят наследственность должностей в среде аристократии и запрещение “благородным” девушкам выходить замуж за юношей из народа.⁵⁴

Во-вторых, жестокая власть тюркютов не могла вызывать симпатии иноэтнического населения, населяющего огромные территории, которыми владел каганат. Сепаратистские тенденции не угасали ни на минуту, восстания против династии Ашина вспыхивали то тут, то там вплоть до гибели державы.

В-третьих, наместники на местах, зачастую достаточно удаленных от ханской ставки, решая военно-политические задачи державы, обладали достаточными военными, материальными и властными ресурсами, что невольно порождало желание стать самостоятельным. Не гарантировали лояльность и родственные узы, случаи противоборства и войн между родственниками были скорее правилом, чем исключением.

Все это потребовало введения такой системы, которая бы обеспечивала не только сохранение власти в руках рода Ашина, но и решала задачу предотвращения внутриродовой вражды и отложения окраин от державы. Так возникла удельно-лествичная система. Идея ее была проста: раз добрые чувства и личные качества наместника не могли служить гарантией верности, надо было создать заинтересованность, которая бы привязывала его к центральной власти. Удельно-лествичная система устанавливала очередность наследования престола, наследовал не сын отцу, а младший брат старшему и старший племянник младшему дяде. В ожидании престола принцы крови получали в управление уделы.⁵⁵

Однако в контексте поставленного нами вопроса наибольший интерес история Тюркского каганата представляет потому, что в число объединенных под его эгидой этнических групп входил и племенной союз токуз-огузов – уйгуров, силами которых тюркюты “геройствовали в пустынях севера”, и пришедший на смену господству тюркютов в степи в середине VIII в. Именно с этого периода можно достаточно определенно говорить о государственности уйгуров.

Но, возвращаясь к основной теме, нельзя обойти вопросов об особенностях этногенеза уйгуров, их взаимоотношений

с соседними народами, причин возникновения и краха создаваемых ими государственных образований.

Ответ на эти вопросы возвращает нас к эпохе господства в степи жужаней — народа, по словам Л. Гумилева, “возникшего буквально на глазах историков Центральной Азии”.⁵⁶ По свидетельствам большинства историков, на данные которых я опираюсь, жужани представляли собой объединение людей, формирование которого происходило не на основе этнического родства, характерного для раннего средневековья, а на основе общности исторической судьбы. Это были осколки разбитых табгачами сяньбийских и хуннских родов, и вообще все те, кто, спасаясь от преследования за совершенное преступление, либо в поисках лучшей доли вынуждены были покинуть территорию Китая и найти себе убежище в бескрайней Монгольской равнине. Постепенно эти различные в своей этнической основе люди сжились между собой настолько, что к концу IV в. организовались в орду и превратились в самостоятельный этнос,⁵⁷ ставший господствующим на территориях, которые до этого входили в империю хуннов.

Вместе с завоеванием новых территорий происходило и подчинение населявших их народов, порой более многочисленных, чем покорявший их этнос. Одной из таких этнических групп были племена телесцов, в отличие от объединенных в орду жужаней, “остававшиеся слабо связанной конфедерацией племен, всеми силами отстаивавшей свою независимость”.⁵⁸ Эти племена, по мнению большинства авторов, и составили этническую основу, на которой в дальнейшем сформировался уйгурский этнос.

Хотя некоторые авторы делают попытку провести этническую параллель между хуннами, жужанями и телесцами,⁵⁹ на мой взгляд, это лишено всякого основания. Теле жили рядом с жужанями, но ничем не походили на них. Они отличались не только социальной организацией, но даже антропологически. Если хунны и большая часть жужаней, учитывая сложный составной характер этого этноса, относились к монголоидному типу, то теле — к

европеоидному.⁶⁰ Единственное, о чем можно говорить достаточно уверенно, — это то, что в период возвышения жужаней племена телесцев, сохраняя зависимость от государства Северное Вэй, формально входили в каганат жужаней и подчинялись им. Однако при этом они сохраняли свою этническую обособленность и социальную организацию, хотя и не имели при этом своего государства.⁶¹

В пользу данного тезиса может свидетельствовать почти одинаково описываемая различными авторами⁶² история возникновения на территории Западного края уйгурского государства Гаочэ (Гаогюй), в основе которой лежит конфликт между каганом жужаней и одним из племенных вождей теле Афучжило, приведший к отложению значительной части телесцев от империи Жужань. И хотя на этом сходство позиций авторов заканчивается, тем не менее значение образования этого государства в истории уйгурского народа достаточно весомо.

Во-первых, неоспоримо, что это государство было основано протоуйгурскими племенами, которые составляли подавляющую часть его населения. Во-вторых, территориально это государство располагалось в пределах современного Синьцзяна. Наконец, хотя уже на десятом году (496 г.) своего существования государство Гаогюй было полностью завоевано эфталитами,⁶³ тем не менее, оставаясь в вассальной зависимости от них, оно продолжало существовать до 546 г., успешно контактируя с государством Северное Вэй и противостояя вторжению со стороны жужаней. Не менее интересен и тот исторический факт, что, стремясь нанести окончательное поражение жужаням, двинувшиеся походом на Халху, но, столкнувшись с тюркютами, и вынужденные изъявить им полную покорность, западные телеские племена сыграли, пожалуй, главную роль в становлении новой империи — Тюркского каганата,⁶⁴ послужив своеобразным пассионарным толчком для восходящего этноса.

Дальнейшая история уйгурского этноса связана с историей развития и краха Тюркского каганата. Выше я уже касался значимости возникновения и особенностей

социальной организации Тюркского каганата для истории народов Центральной Азии. Более подробно останавливаться на этом вопросе не имеет смысла, поскольку, с одной стороны, он достаточно подробно описан в специальных работах, а с другой – выходит за рамки основной темы нашего исследования.

Целесообразнее подробнее остановиться на другом вопросе, касающемся отождествления большинством авторов средневековых уйгуров с тюрками,⁶⁵ что, на мой взгляд, неправомерно. Средневековые уйгуры, как и тюрки, вели кочевой образ жизни и говорили, если не на одном, то близком по своему основному корню языке. Но на этом все сходство и заканчивается. Выше уже говорилось об отличии антропологическом: первые относились к европеоидному типу, вторые – к монголоидному. Телеские племена, подобно тюркютам, имели миф о предке-волке, но у тюркютов считалось, что они происходят от волчицы, оплодотворенной мальчиком, а у телесцев – от девушки, вступившей в связь с волком.⁶⁶ С точки зрения социальной организации, для тюрков таковой была орда, а для средневековых уйгуров неустойчивая конфедерация племен, “более похожая на республику, чем на монархию”, что, по мнению Л. Гумилева, позволяет “дальнейшую борьбу тюркютов и уйгуров интерпретировать как столкновение двух систем, имеющих диаметрально противоположные направления развития”.⁶⁷ Наконец стоит напомнить о различии религиозных культов у тюркютов и уйгуров. Для первых было характерным поклонение культу предков, к началу VII в. как результат общения с местными народами Алтая трансформировавшемся в синкретическое исповедание.⁶⁸ Для вторых на первом этапе был характерен шаманизм, в период Уйгурского каганата – манихейство, а Уйгурского индикутства – буддизм.⁶⁹

По-видимому, доминирующая в литературе тенденция отождествления средневековых уйгуров с тюрками обусловлена сложносоставным характером самой тюркской общности, близостью этнических корней, входящих в нее

народов, и той ролью, которую сыграл Тюркский каганат, а позднее империя Моголов в этногенезе народов Центральной Азии. И вполне справедливо говорить о тюркской общности народов, прошедших этот “плавильный котел”. Но проводить параллели между средневековыми предками и прошедшими через этнический “плавильный котел” потомками этих народов, на наш взгляд, лишено всякого основания.

Более того, по отношению к средневековым тюркютам и уйгурам сторонники позиции их вхождения в “единую тюркскую общность” не учитывают, либо сознательно игнорируют несколько весьма значимых обстоятельств.

Во-первых, “несмотря на древнее языковое родство, никакого “тюркского” этнического самосознания в среде собственно тюркоязычных племен не было, как не было общности их исторических судеб или единства созданных ими в древности и средневековье государственных образований”.⁷⁰ Во-вторых, история взаимоотношений уйгуров с Тюркским каганатом подтверждает, что, входя в его состав, телеские племена не только сохраняли свою этническую самобытность, но и стремление к созданию самостоятельного государства,⁷¹ о чем свидетельствуют постоянные конфликты между тюркютами и телескими племенами. И хотя конфликты и даже войны между родственниками в древности и средневековье были довольно распространенным явлением, нельзя не учитывать того факта, что отношения между тюркютами и телесцами были, мягко говоря, довольно прохладные, если не конфликтногенные. Наконец в пользу нашей гипотезы говорит и то обстоятельство, что, став наследниками тюрков в степи, уйгуры создали свое государство на совершенно иной социально-политической основе.

Пока тюркские каганы были победоносны, телеские племена держались по отношению к ним лояльно, но как только удача стала изменять им, а нарушение заложенных в удельно-лествичной системе норм привело на престол “не получившего всеобщего признания” Богю-хана (Чурын-каган), их верность начала колебаться.⁷²

В определенной степени усилению среди телеских племен тенденций к отложению от Тюркского каганата способствовало и изменение политической обстановки в Китае. В 618 г. на смену династии Суй приходит династия Тан, внешнеполитическая деятельность которой была направлена не только на расширение территориальных владений Китая, но и на вовлечение населяющих новые территории народы в орбиту китайской культуры.⁷³

В 628 г. телеские племена подняли восстание, одновременно на южных границах Восточного тюркского каганата появились танские войска. Тюрки не смогли оказать серьезного сопротивления, и каганат в 630 г. развалился. Крушение было быстрым и полным. За какие-нибудь полтора года тюркюты превратились из господ степных просторов в беглецов, стремившихся как можно скорее сдаться китайцам, пока их не поймали восставшие телесцы. Власть императора Танской династии Тайцзуна распространилась до оазиса Хами на западе и до границ сибирской тайги на севере. Причем решающим моментом победы китайцев была не сила оружия, а добровольное признание кочевниками своим ханом императора Танской династии.⁷⁴ Тайцзун, прекрасно понимая, что победа над тюркютами была им одержана не без помощи телеских племен, и объективно оценивая их силу, решил предоставить возможность кочевникам самим решать свою дальнейшую судьбу.

Главная борьба началась между уйгурами и сеяньто. Уйгуры достаточно быстро разгромили сеяньтосцев и, захватив их кочевья, направили к Тайцзуну посольство с просьбой о признании им своего ханства. Хотя император доброжелательно принял посольство, он, справедливо рассудив, что усиление более многочисленных и воинственных уйгуров менее всего отвечает целям поддержания китайского господства в степи, так и не признал самостоятельности нового уйгурского государства.⁷⁵ Более того, приняв уйгурских старейшин, он одновременно отправил посла к сеяньтоскому вождю Инаню с грамотой, литаврами и знаменем, что означало его признание в достоинстве хана,⁷⁶ показывая тем самым свои предпочтения.

Положение в степи сразу изменилось: уйгуры прекратили войну и подчинились новому хану, но это не означало, что они смирились со своим униженным положением. Дружба сеяньтоского хана Инаня с императором Тайцзуном нарушилась в тот момент, когда в 641 г. “узун-кулак” донес до хана весть о попытке восстановления тюркютского ханства к северу от Хуанхэ. Слух был не беспочвенен, действительно, идя на уступки своим чиновникам, по мнению которых переселенные в Ордос после разгрома каганата тюркюты не могли считаться “благонадежными”, но, стремясь сохранить привязанность к себе своих кочевых подданных, Тайцзун позволил Ашину Сымо переправиться со своим народом на северный берег Хуанхэ, чтобы занять под кочевья степи к югу от Гоби. Тем самым он достиг трех целей: привязал к себе целый народ, подарив ему страну; создал барьер против сеяньто, считавших тюркютов своими извечными врагами; и получил в свое распоряжение великолепное конное войско.

Инань хан, по-видимому, не просчитал всей дипломатии Тайцзуна, и, решив примерно наказать тюркютов, фактически противопоставил себя интересам империи. Другими обстоятельствами трудно объяснить сплоченность действий танской пехоты, тюркютской конницы и поддержку со стороны уйгуров в разгроме похода Инаня против “восставших тюркютов”.⁷⁷ Итогом этого бесславного похода стало полное уничтожение войска сеяньто и ликвидация в 646 г. Сартадушского каганата; исход нескольких родов тюркютов во главе с Ашина Сымо из Ордоса в северные степи; усиление в степи уйгуров во главе с “самовольно именовавшим себя каганом”⁷⁸ уйгурским эльтебером Тумиду.

Эти итоги имели очень большое значение для развития дальнейших событий. Расширяя свои владения, Тайцзун, до этого разгромивший Гаочан, вновь направил свой взор на Западный край. В 647 г. большая танская армия, ударную наступательную силу которой составляла тюркютская и телеская конница, вторглась на территорию Кучи. Менее чем за год это войско подчинило себе почти весь Западный край, и гибель Западного каганата, казалось, была близка.

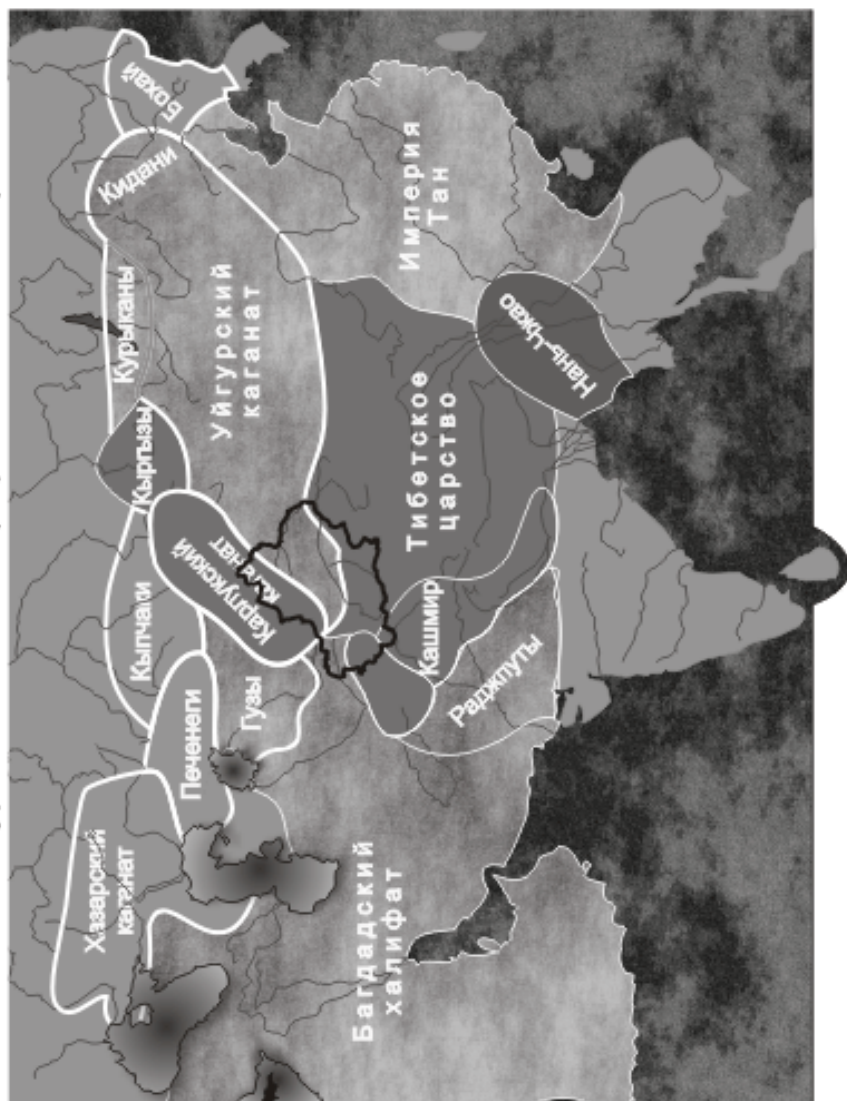
Но 10 июля 649 г. умер Тайцзун, и агония Западного каганата затянулась до 660 г.

Земли Западного каганата были разделены на округа и уезды, из которых образовались два губернаторства, возглавляемых каганами. Но новоиспеченные каганы, а позднее и их наследники даже на непродолжительное время не смогли установить эффективного контроля над вверенными им территориями. Кочевники не хотели подчиняться ставленникам танского двора. Проблема удержания покоренных территорий приобрела небывалую остроту. Даже огромные материальные и людские ресурсы Китая были недостаточны для того, чтобы содержать гарнизоны во всех вновь захваченных странах. Самое большое, что могли себе позволить наследники Тайцзуна, это укрепление четырех городов и снабжение их постоянными гарнизонами. Эти гарнизоны размещались в Куче, Кашгаре, Хотане и Токмаке и должны были, по мысли танского двора, обеспечить гегемонию во всем Западном крае.

Проблемы начали возникать на востоке. Как уже говорилось, в 647 г. вождь токуз-огузов, принявший активное участие в разгроме сеяньто, эльтебер Тумиду создал свое государство на севере Монголии со ставкой на реке Тола. Несмотря на нежелание императора Тайцзуна, “Тумиду все же самовольно именовал себя каганом, учредил должности чиновников, одинаковые с тюркскими [должностями]”.⁷⁹ Танский двор не признал вновь созданное государство. Более того, в 660-663 гг. между токуз-огузами и Танской империей шла безуспешная для Китая война, в результате которой империя утратила контроль над северными территориями.⁸⁰

На западе восстание тюрков в 679-681 гг., вначале потерпевшее неудачу, привело в 682 г. к уходу в Гоби одного из тюркских вождей из рода Ашина Кутлуг-чора. Закрепившись в горах Иньшань, Кутлуг-чор и его сподвижники сумели привлечь на свою сторону большую часть тюрков и начали военные действия против императорских войск в Шаньси. Кутлуг объявил себя Ильтереш-каганом и этим актом провозгласил возрождение империи тюрков.⁸¹ Одновременно с

Уйгурский каганат (середина VIII века)

восстанием Кутлуга восстали тюркские и телеские племена в Западном крае. Однако, в отличие от первого, восстание в Западном крае было немедленно подавлено силами расквартированных там гарнизонов императорских войск, у которых еще была свежа память о походах Тайцзуна. В самом же танском Китае вновь наступила эпоха смуты, которая, кстати говоря, и обеспечила успех тюркам.

Появление новой тюркской орды в Халхе всполошило все проживающие здесь народы. Населявшие Халху токуз-огузы и другие телеские племена осознали, что их спокойствию и благополучию приходит конец. Инициативу взял на себя Базкаган токуз-огузов. Он направил послов в Китай и к киданям с предложением произвести комбинированное нападение на Кутлуга: по диспозиции китайцы должны были напасть с юга, кидани с востока, уйгуры с севера.⁸² Однако план стал известен Кутлугу, и он решил опередить объединение, начав бить своих противников порознь. Первыми оказались телеские племена, поскольку кидани и китайцы с выступлением опоздали. Войска противников встретились на реке Тола, где телесцы потерпели сокрушительное поражение и подчинились тюркскому хану.⁸³

Эта победа отдала в руки тюрков почти всю Халху, но, тем не менее, их держава оставалась в отчаянном положении. Новые подданные, уйгуры, были ненадежны; имперские владения охватывали возрожденный каганат с востока, юга и запада; на севере находилось обширное кыргызское ханство, определенно враждебное тюркам, и, самое главное, большая часть собственно тюркского народа осталась в Ордосе, и его освобождение было задачей первостепенной важности. В 693-706 гг. армия тюрков шесть раз форсировала Хуанхэ и глубоко проникала на территорию Северного Китая. Китайские войска не смогли оказать им эффективного сопротивления, и Китай выплачивал каганату огромные контрибуции и посылал дары, которые скорее были плохо замаскированной данью.⁸⁴ Однако победа каганата оказалась не столь долговечной.

Умело учитывая этнические (прежде всего между тюркскими и телескими племенами) противоречия

внутри каганата, а также, убедившись в бесцельности оборонительных и наступательных мероприятий, китайцы стали действовать при помощи подкупа. Объектами подкупа оказались токуз-огузы, которые, несмотря на все заигрывания хана, не забывали о счастливой поре, когда они, спокойно кочуя по степи, получали щедрые подарки императора. Во время перемирия между империей и каганатом (703-706) сын убитого на Толе Баз-кагана Дугайчжи с уйгурами и племенами киби, сыге и хунь дезертировал от хана, перешел Гоби и поддался империи. Его поселили около Ланьчжоу, в Алашане и в Ганьсу и брали “сильных конников на пополнение”.⁸⁵ В конце 714 г. карлуки, хулуву и шуниши предложили Сюаньцзуну принять их в лоно империи. В пользу империи восстали западные тюрки в Семиречье и Притяньшанье. Перешли на сторону Китая татабы, а вслед за ними кидани. На севере оставались непокоренные кыргызы. В каганате наступили смутные времена.

Однако на этот раз ситуация была спасена. В 716 г. на престол вступил Бильге-каган, которому удалось разгромить токуз-огузов, восстановить распавшийся тюркский эль и заключить на весьма выгодных для каганата условиях мир с императором Сюаньцзуном. Но это не остановило процесса распада каганата. Второй каганат распался по тем же причинам, что и первый: нарушился порядок наследования, и трон захватил узурпатор, что и привело к отложению от каганата сначала присоединенных к нему иноэтнических племен, а затем и к распрям в среде самого правящего рода. Коалиция басмалов, уйгуров и карлуков разгромила разрозненные войска тюрков.

Этот период истории Тюркского каганата имеет чрезвычайно важное значение для понимания особенностей этногенеза телеских племен и становления уйгуров как самостоятельного этноса. До ухода телеских племен в предгорья Наньшаня они были нестойким союзом девяти племен. На юг ушли четыре племени: хойху, киби, сыгье и хунь. Потом к ним присоединились тунло (тонгра) и байси. Через полстолетия из предгорий Алашаня и Наньшаня в

Халху откочевал монолитный народ – уйгуры. Общая судьба, постоянные войны, необходимость противопоставлять себя чужеземцам и охранять от грубых чужих воздействий дорогие традиции быта, религии, культуры искоренили чувство племенной исключительности и спаяли племена народа.⁸⁶ В 745 г. Второй Тюркский каганат закончил свое существование, и первенство в Монголии перешло к другому народу – уйгурам.

Уйгурский каганат

Уйгуры построили свою державу совсем на иных принципах, чем тюрки. Девять родов составляли собственно племена токуз-огузов, которые были ведущими, но не господствующими. Подчинив себе басмылов и восточных карлуков, уйгуры приняли их в свою среду как равных. Вся структура Уйгурского каганата, представлявшего конфедерацию племен, не позволяла главам племен собирать большие войска и бесконтрольно распоряжаться ими. Высшим органом власти в каганате был совет “деяти везиров” – “великих буюруков”, являющихся главами токуз-огузских племен и одновременно командирами войска кагана. Сами племена были настроены миролюбиво. Они устали от потрясений, произведенных тюрками, и хотели наслаждаться безмятежным покоем. В соответствии с этим настроением Пэйло признал себя вассалом империи, чтобы не вызывать ненужных осложнений. Сын его, Моянчур Гэлэхан, унаследовавший престол в 747 г., ежегодно снаряжал посольство в Чанъань, получал подарки и был лоялен империи.⁸⁷

Неудачи империи Тан на западе и разгром императорских войск в сражении на реке Талас привели к утрате господства империи в Центральной Азии. Еще больше положение Уйгурского каганата укрепилось в ходе подавления восстания Ань Лушаня. Оговорив предварительно условия, на которых они соглашались оказать помощь императорским войскам, в октябре 756 г. уйгуры выступили в поход против войск восставших. Эти условия предусматривали заключение договора о мире и родстве. Заключенный договор фактически

аннулировал фиктивный вассалитет уйгурского кагана и поставил его в положение равноправного союзника. Новый император Суцзун принял все условия. Уйгуры разбили племя тонгра, примкнувшее к Ань Лушаню, и в декабре 756 г. соединились с императорскими войсками в долине Хучнгу.

За одержанную для китайцев победу уйгурам положено было выдавать ежегодно 20 тыс. кусков шелка. В 758 г. император, признав за уйгурским каганом ханский титул, отдал ему в жены свою дочь принцессу Нинго, а сам женился на уйгурской княжне и возвел ее в достоинство “мудрой (бильге) царевны”. Тем самым как бы признавалось равенство между империей Тан и Уйгурским каганатом. Было сформулировано, что император и хан – двоюродные братья.⁸⁸ Параллельно с укреплением южных границ шло их укрепление и на других направлениях. Добровольное подчинение киданей укрепило восточную границу, а в 758 г. была одержана победа над кыргызами. Что касается регионов Западного края, то уйгурское влияние в них приняло форму открытого протектората, который не исключал ни китайского присутствия, ни автономии местного самоуправления оазисных государств и кочевых племен.⁸⁹

И все же междоусобица в Китае продолжалась. Северный Китай был опустошен военными действиями, императорские войска терпели неудачи, но и их главный противник – сын сменившего Ань Лушаня полководца Ши Сымина Ши Чаои уже не был способен одержать решающую победу. В этой обстановке любое внешнее вмешательство могло решить исход дела. Осенью 762 г. уйгурское войско выступило в поход, и никто не знал, кто станет его жертвой. Оно достаточно быстро разгромило мятежников, но и империя понесла серьезный урон. Армия – гордость империи Тан – легла целиком, остались ополчение и наемные отряды. Идея империи была потеряна полностью: для осуществления ее не было больше ни сил, ни средств, ни воли.⁹⁰ Не меньшее значение эти победы имели и для будущего Уйгурского каганата. Вместе с военной добычей и императорскими дарами уйгурский Бёгю-каган увозил в свою столицу на Орхоне проповедников нового учения – согдийских

миссионеров-монахов, чью веру он принял в завоеванном Лояне.⁹¹

Дальнейшая история Уйгурского каганата связана с двумя весьма значимыми событиями: принятием в качестве государственной религии манихейства и вступлением в борьбу за господство в Центральной Азии нового игрока. Этим игроком стал Тибет, чье войско в этот исторический период оказалось самой грозной силой, которой не могли противостоять ни мобилизованные китайские крестьяне, ни многочисленные отряды уйгуров.

Принятие новой веры было обусловлено объективными обстоятельствами. Возникновение государства, построенного не на принципе кровного родства, а на принципе общности интересов, требовало и объединяющей всех его подданных религии. Шаманизм, связанный с родовыми традициями, менее подходил для центральной власти кагана, чем монотеистическая религия манихейство. Обращение уйгуров в новую веру некоторыми авторами датируется 766-767 гг.⁹² Обращение в новую веру произошло достаточно быстро. Уже в 768 г. уйгуры просили китайцев поставить манихейские кумирни в четырех областях.⁹³ Манихейство способствовало приобщению уйгуров к западной культуре и существенно изменило их образ жизни, приведя к распространению в их среде навыков ремесла, земледелия и торговли. Благодаря новой религии была создана и новая письменность, появился основанный на согдийском уйгурский алфавит. Наконец, принятие этой религии облегчало Уйгурскому каганату контакты с населяющими Западный край народами, часть из которых были приверженцами манихейства,⁹⁴ и государствами-оазисами, в которых влияние согдийцев, исповедующих манихейство, было весьма значительным. Но на этом положительные стороны влияния манихейства на уйгурскую общину заканчиваются, и открываются его отрицательные аспекты.

Во-первых, сразу необходимо подчеркнуть, что введение манихейства в качестве государственной религии отнюдь не означало, что она таковой являлась на самом деле. Манихейство было введено в качестве государственной

религии распоряжением кагана, и у нас нет оснований считать, что его приверженцами были и низшие слои уйгурского общества. Скорее, наоборот, те нормы поведения, которые практиковало манихейство, шли в разрез с традициями уйгуров, образом их жизни и их национальной психологией.

Во-вторых, объявление манихейства в качестве государственной религии поссорило уйгуров со всеми соседями: мусульмане в Средней Азии, буддисты в Тибете, конфуцианцы в Китае, шаманисты в Кыргызском ханстве — все воспринимали новое учение как дикую извращенность. Кроме того, войны с тибетцами, карлуками и кыргызами приобрели теперь для уйгуров высший смысл: они сделали борьбой за веру. Результатом этого оказалось крайнее обострение всех проблем внешней политики.⁹⁵

В-третьих, губительным последствием манихейства было разрушение семьи и фактическое вырождение уйгурского этноса. Одна из установок новой религии — изнурение плоти путем совмещения аскетизма и распутства — делала необходимость и возможность существования семьи терпимой, но не благословенной. Радения и оргии, прерывавшие периоды безбрачия, не могли привести к появлению здорового потомства. Наиболее приобщенная к культуре часть уйгуров могла давать лишь неполноценное потомство. Короче говоря, она (уйгурская община. — К.С.) вырождалась.⁹⁶

Наконец, начало гибели Уйгурского каганата было обусловлено именно борьбой с манихейством. Переворот 780 г., временно сокрушивший господство манихейства, окончательно разрушил господствующую социальную основу Уйгурского каганата, упразднив преимущественное положение племени токуз-огузов. Победившие племена больше всего не желали, чтобы их униженное положение возродилось. Поэтому они хотели слабой власти, не имевшей возможности стеснять их свободу, и они добились своего. По существу Уйгурский каганат перестал быть монархией, а превратился в нечто вроде республики с пожизненным

правителем. Власть фактически сосредоточилась в руках племенных вождей, которые избирали ханов.⁹⁷

Усиление Тибета и его завоевательные походы в Западный край и в пределы ослабшей империи Тан сделали позицию, занимаемую Уйгурским каганатом весьма значимой для Китая. В 788 г. между империей и каганатом был заключен мирный договор на следующих условиях:

- (1) хан назывался вассалом Китая;
- (2) уйгурские посольства не должны превышать 200 человек;
- (3) для принудительного торгового разрешения приводить не более тысячи лошадей;
- (4) было запрещено уводить китайцев за границу.

Договор был скреплен в 788 г. путем брака и союза против Тибета.⁹⁸ И надо признать, хотя каганат и получал значительные преимущества от этого союза, тем не менее именно благодаря поддержке со стороны уйгуров китайцам удалось сохранить империю.

Положение изменилось в начале IX в., когда измотанные войной империя Тан и Тибет пошли на мирные переговоры. Ослаб и уйгурский каганат, втянутый в изнурительную войну с кыргызами. Воспользовавшись этими обстоятельствами, Китай предпринял шаги, чтобы избавиться от обременительных для него последствий союза с каганатом. Высылка в 817 г. уйгурских послов фактически оформила разрыв китайско-уйгурского союза.⁹⁹

Потеряв союзника в лице империи, ослабленный внутренними рознями и не способный к консолидации сил, Уйгурский каганат был обречен. В 820 г. кыргызский правитель Ажю начал войну с уйгурами, завершившуюся полным разгромом каганата в 840 г.

На этом завершается история первого уйгурского государства, но не история самого народа, который, в отличие от тюркютов, ждала иная судьба. От полного уничтожения и подчинения кыргызам уйгуров спасло то обстоятельство, что, ослабленные длительной войной, танский Китай и Тибет не могли обеспечить достаточную степень своего господства

на окраинах империй. Западный край, где уйгуры, участвуя на стороне Китая в войне с Тибетом, создали собственные укрепления, оказался тем местом, куда, спасаясь от преследований кыргызов, они смогли перекочевать и где им удалось создать новые государственные образования.

Этот период истории уйгуров в плане понимания особенностей этногенеза этого народа интересен тем, что, если с уходом на север и включением в состав Тюркского каганата телеские племена впитали в себя тюркский этнический элемент, то с распадом Уйгурского каганата и вынужденным переселением на запад палитра этнических компонентов значительно обогатилась. В восточно-туркестанской культуре отчетливо проявлялись ирано-сасанидские мотивы и влияние далекой Византии. Культура буддистской Кашгарии постоянно обогащалась и заимствованиями из сирийской, согдийской, индийской, китайской, тибетской культур азиатского средневековья.¹⁰⁰ Не воспринять элементы этих культур и образ жизни населяющих Западный край народов пришельцы просто не могли, как и элементы традиционной уйгурской культуры не могли не внедриться в общую культурную традицию Западного края. Тем более что пришедшие с берегов Орхона на достаточно продолжительный период уйгуры стали доминирующим этносом (в смысле государствообразующего) в данном регионе.

Государственные образования уйгуров в Западном крае

С распадом Уйгурского каганата распался и уйгурский этнос. Большая часть уйгуров во главе с Яглакаром Панлетегиним (будущим Менлик-каганом) переселилась на запад (в северные и южные районы Танригата), заняли Кучу и Бешбалык, а в 866 г. “захватили Сичжоу (Турфан) и подчинили все племена”, создав почти одновременно несколько независимых друг от друга феодальных государств:

Турфанское индикутство, Ганьчжоуское княжество и Караханидское государство.¹⁰¹

Другая часть во главе с Оги-каганом ушла на юг (в районы Хэбэй и Шаньси на севере Китая). Судьба этой группы оказалась более плачевной. Конфликт между племенными старейшинами привел к ее раздроблению на мелкие части, не способные к самостоятельному существованию. В итоге одна часть уйгуров, бежавших на юг, примкнула к империи Тан, а другая часть была взята в плен кыргызами.¹⁰²

Вступление уйгуров на вновь приобретенных землях в Кашгарии, Турфанском оазисе и в Ганьчжоу в теснейшее взаимодействие с местным населением, ознаменовалось восприятием сохранившейся в этом регионе древнеиранской и тибетской традиции. Каким становилось этническое наполнение термина “уйгур” в этих условиях сказать трудно. Однозначным оно, конечно, не было, равно как не был везде одинаково быстрым процесс приобщения бывших кочевников уйгуров к оседлоземледельческому укладу. И в этом смысле я вполне солидарен с выводом А. Кадырбаева о том, что данная проблема требует дополнительного изучения, а доминирующая в литературе “попытка представить уйгуров как раз и навсегда неизменную общность в ее новоуйгурском современном виде несостоятельна”.¹⁰³ И тем не менее, нельзя не признать факта, что в этот период своей истории именно уйгуры доминировали в Западном крае. Созданные ими государства успешно конкурировали и с Китаем, и с Тибетом, и с Ираном. Более того, для воспринявших элементы согдийской культуры уйгуров вхождение в культурный контакт с населяющими Западный край народами, в равной степени находящимися под определенным воздействием этой культуры, было не столь болезненным. Чем-то, как, например, манихейством, пришлось пожертвовать, а что-то, например, уйгурская письменность и язык стали доминирующими. Разместившись на территории Западного края и подчинив себе оазисы Кашгарии и Турфана, уйгуры начали сливаться с местным населением. В результате этого симбиоза своеобразие буддийской культуры Восточного

Туркестана сохранилось, однако культура эта “заговорила” на новом, уйгурском языке, тюркизировалась.¹⁰⁴

Турфанское индикутство

Большинство авторов относят образование Турфанского индикутства к 866 г., когда уйгуры под предводительством Пан Текина (в разных источниках имя предводителя уйгуров приводится по-разному: Яглакар Панлетегин, Пу Гу Цзюнь, Пугу-цзун, Буку Чин, Пан-тегин) одержали победу над тибетцами и подчинили себе оазисные города-государства Восточного Туркестана.¹⁰⁵ Д.И. Тихонов называет дату образования Турфанского индикутства – 874 г., когда Пугу-цзун был признан в качестве законного хана императором империи Тан.¹⁰⁶ Формально можно согласиться и с той, и с другой версией, для нашего исследования разница в восемь лет не столь уж и существенна.

Важнее другое, это государство, не смотря на все исторические перипетии, просуществовало без малого 500 лет. Кроме того, анализ текстов Махмуда Кашгарского дает все основания полагать, что к X-XI вв. не только существовало уйгурское государство, но сложилась и в определенной степени консолидировалась уйгурская народность, которая включала как кочевников, так и оседлых жителей, в том числе тюркизированных аборигенов Турфана.¹⁰⁷

Турфанское индикутство занимало значительную территорию. На севере границы государства протянулись почти на 150 км. севернее современного города Урумчи, на юге оно граничило с Хотаном и Тибетом, на северо-западе – с государством Караханидов с подчинением последним оазисных городов-государств Кашгарии, на востоке – с Ганьчжоуским княжеством, а позднее с тангутским государством Си Ся.

Во многом Турфанское индикутство унаследовало традиции управления Уйгурского каганата его позднего периода.¹⁰⁸ Во главе государства стоял индикут, в руках которого находилась вся полнота политической и военной власти. Практиковался принцип наследования власти. Трон передавался по наследству по отцовской линии.

На второй ступени государственного аппарата стояли тегины и хатуны (принцы и принцессы): мать, сыновья, дочери, братья, сестры, дяди и другие ближайшие родственники, которые составляли ханский дом, происходивший из восточно-уйгурского рода племени адыз.¹⁰⁹ Тегины занимали высшие посты в государственном аппарате: министерские (буюруки, тутуки), начальников приказов, ведомств, главнокомандующего войсками, правителей отдельных округов, городов, начальника охраны столицы, казначейства, посольства и т.д.

На третьей ступени иерархической лестницы стояли девять министров – сагуны и министры буюруки и тутуки. Сагуны – представители девяти уйгурских племен при дворе индикута – постоянно находились в его ставке, каждый из них отстаивал интересы своего племени, когда решался важный государственный вопрос.

Замыкала руководящую административную структуру местная, военная, судебная и торговая аристократия, роль которой была весьма значительна в силу тех особых внешних и внутренних обстоятельств, в которых существовало Турфанское индикутство. Во-первых, в Турфанском оазисе уйгуры даже после образования индикутства продолжали сохранять традицию древней цивилизации существования городов-государств. Как и Уйгурский каганат, оно представляло собой не унитарное государство, а скорее конфедерацию городов-государств, с той лишь разницей, что высшая аристократия этих городов принадлежала к ханскому роду. Во-вторых, Турфанское индикутство, предпочитая иметь со всеми соседями хорошие отношения и расширять торговлю с ними, на протяжении всей своей истории вынуждено было защищаться от внешнего вторжения, будь то государство киданей, тангутское государство Си Ся, имперский Китай, Тибет, или родственное в этническом отношении, но антагонист в религиозном – государство Караханидов.

Турфанское индикутство просуществовало 485 лет. Из них только в период с 866 г. по 1125 г. оно было действительно

независимым. Остальные годы индикутство существовало в качестве полунезависимого государства, являясь в 1125-1209 гг. вассалом государства Западное Ляо, а в 1209-1335 гг. — входя в состав империи Чингисхана.

Ганьчжоуское княжество

Дата образования этого государства вызывает еще большие споры у исследователей, нежели дата образования Турфанского индикутства. Часть ученых относят ее к 902 г.,¹¹⁰ другие в качестве таковой определяют 870 г.,¹¹¹ третьи склонны считать, что “уйгурский каганат Ганьчжоу уже был создан Пан-тегином к 847-848 гг.”¹¹² Я не буду оспаривать этих утверждений. Как и в случае с Турфанским индикутством, для исследуемой темы данное обстоятельство не столь уж и существенно, хотя, справедливости ради, необходимо подчеркнуть, что утверждение Д. Исиева весьма спорно. Пан Текин считается основателем Турфанского индикутства, а к созданию Ганьчжоуского княжества “приложил руку” его соплеменник Боко Текин, разгромивший тибетские войска и вытеснивший из Ганьсу тибетцев. Но и он не являлся основателем этого государства, поскольку, убив Пан Текина в 866 г., он занял трон индикута в Турфанском индикутстве.¹¹³ Второй аргумент не в пользу тезиса Д. Исиева связан с тем, что, в отличие от индикутов Турфана, принадлежащих племени адиз, переселившиеся в Ганьсу уйгуры принадлежали племени яглакар.¹¹⁴

Ганьчжоуское княжество было довольно обширное по территории, простираясь вдоль северных склонов Наньшаня. На западе княжество граничило с Дуньхуаном и включало современный уезд Цзюцюань, на востоке его пределы доходили до современного уезда Лянчжоу, на юге — до тибетских княжеств вокруг оз. Кукунор, а на севере — ограничивались южной границей пустыни Гоби. Другими словами, княжество занимало всю центральную часть современной провинции Ганьсу, крайний юго-запад автономного района Внутренняя Монголия и северо-восток провинции Цинхай.

Поскольку княжество занимало важное стратегическое положение — через его территорию проходил один из

наиболее важных караванных путей, соединяющих Китай с Западом, — его судьба как бы изначально была предрешена. И существование этого государства в течение столетия, учитывая его слабость в военном и политическом отношении, можно объяснить лишь слабостью его соседей. Относительно благоприятное существование данного государства можно отнести только на счет раздробленности в Китае (период “Пяти династий” — 907-959 гг.), ослабление Тибета, потерпевшего сокрушительное поражение от уйгурских войск Турфанского индикутства, и поддержку со стороны Турфанского индикутства. Как только военно-политическая ситуация изменилась, и в этом регионе появилась новая мощная сила в лице объединившихся тангутских племен, решивших бросить вызов империи Сун, судьба Ганьчжоуского княжества была предрешена. В 1028 г.,¹¹⁵ не найдя поддержки ни со стороны турфанского индикута, ни со стороны императора Китая, оно потерпело сокрушительное поражение от тангутов и прекратило свое существование, а занимаемую им территорию поглотило тангутское государство Си Ся.

Дальнейшая судьба уйгуров Принаньшанья весьма плохо освещена источниками. Значительная часть уйгуров бежали на юг к тибетцам Кукунора, с которыми они поддерживали дружественные отношения и вместе оказывали сопротивление тангутам. Там уйгуры подверглись ассимиляции тибетцами. Возможно, часть уйгуров бежала в район Дуньхуана, а после его оккупации тангутами — еще дальше на Запад. Некоторые уйгурские кланы укрылись в горных долинах Наньшаня.

Караханидское государство

Среди исследователей, изучающих проблемы уйгурской государственности, наибольшее количество вопросов возникает в связи с государством Караханидов. И основной среди них — вопрос об этническом доминировании и этнической принадлежности династии Караханидов. Одна группа исследователей относит этническую принадлежность основателей династии к токуз-огузскому племени ягма, и предполагает, что в государстве Караханидов этнически

доминировали уйгуры, “подчинив себе карлуков, чигилей и тюргешей”.¹¹⁶ Другая группа исследователей, не отрицая факта уйгурской этнической принадлежности династии и этнического доминирования уйгуров в государстве Караханидов, тем не менее считает, что “возникновение Караханидского каганата было естественным следствием развития древнетюркской государственности, носителями которой стали карлуки”.¹¹⁷ Третья группа исследователей вообще не склонна отдавать первенство этнического доминирования ни одному из племен, на основе которых могла возникнуть династия. Как подчеркивает В.В. Бартольд, “Караханиды называли себя только турками и домом Афрасиаба; ни одна из существующих турецких народностей не имела в их государстве преобладания, и ни один источник не говорил, из какой народности вышла сама династия”.¹¹⁸

Думается, что последняя точка зрения, сочетаясь с особенностями этногенеза народов Центральной Азии и учитывая характер взаимоотношений между ними, ближе всего отражает реальную действительность. В пользу этого тезиса выступает несколько обстоятельств.

Во-первых, пришедшие в район Кашгара, Таримского и Илийского бассейна телеские племена очень скоро, смешавшись с местными народами, сменили манихейство на буддизм, позиции которого оставались весьма значительными даже после утверждения ислама в качестве государственной религии Караханидского каганата. Более того, именно “борьба за веру” составляла первооснову всех войн, которые вели Караханиды со своими соседями, в том числе и уйгурами Турфанского индикутства. А это свидетельствует лишь об одном: Караханидское государство было построено не на принципе этнического родства, а скорее на идеологическом принципе, в основе которого лежал ислам. Именно под лозунгом защиты ислама в конце X в., после того как великим каганом стал сын Сатука — Муса, была начата и успешно осуществлена экспансия в двух направлениях — в сторону Хотана и в сторону Мавераннахра. Успех обоих предприятий

и привел к известным событиям, окончившимся созданием Караханидского каганата с границей на Амударье.¹¹⁹

Не менее важно и другое обстоятельство. В отличие от Турфанского индикутства, унаследовавшего древнюю традицию сохранения оазисных городов-государств, Караханиды уничтожили оазисный партикуляризм в своем государстве. Соответственно была изменена и структура административного управления государством, в которой принцип учета племенных интересов, хотя и не отсутствовал полностью, но, как когда-то в Тюркском каганате, уступал пальму первенства интересу государственному.

Во-вторых, обращает на себя внимание и борьба за престол между различными группировками правящего дома Караханидов, приведшая к тому, что государство разделилось на две фактически самостоятельные части: восточную и западную. В отличие от Тюркского и Уйгурского каганатов, государство Караханидов не было централизованным. Оно делилось на уделы, в которых правили представители царствующего рода — илек-ханы (ханы племен). Столицами их государства были Кашгар, Баласагун и позднее Узген.¹²⁰

В-третьих, в отличие от уйгуров, воспринявших элементы тюркской культуры и тюркскую традицию, Караханиды подчинились влиянию не только ислама, но и персидского эпоса и по имени мифического туранского царя стали называть себя “домом Афрасиаба”. Памятники, созданные в пределах караханидской территории, не воспринимались и не имели распространения в пределах Турфанского индикутства. В этом, по мнению Д. Тихонова, “сказалось не только различие буддийской и мусульманской культур, наличие двух самостоятельных государств, но и отсутствие ясного сознания этнической общности у населения этих государств”.¹²¹

Наконец, сами подданные Караханидов не называли себя уйгурами. Махмуд Кашгарский, на работы которого опираются все исследователи Караханидского государства, ничего не говорит о принадлежности династии к племени ягма, он знает это слово только как название народа,

живущего при нем дальше к северу в долине реки Или. У Махмуда Кашгарского упоминаются все три народа — карлуки, ягма и чигили, из которых могла выйти династия Караханидов, но ни об одном из них не говорится, что он ближе других стоял к династии. Кстати говоря, говорили и писали они отнюдь не по-уйгурски. Уйгурский язык и письменность развивались лишь восточнее Кучи, а западнее господствовал карлукско-караханидский язык.¹²²

Учитывая все вышеизложенное, думается, можно согласиться с выводом Д. Тихонова о том, что в условиях параллельного существования двух государств, Турфанского индикутства и Караханидского государства, с различной культурой и идеологией, различиями в языке и быту “в исторической действительности X-XIV вв. начался процесс разделения одного этнического субстрата и общей языковой основы”.¹²³ По-видимому, отсюда же берет свое начало ставшая позднее доминирующей историческая традиция обозначать населяющие оазисы Западного края народы не по имени этноса, а по наименованию местности: хотанцы, турфанцы, кашгарцы и т.д.

Однако данный вывод не означает, что Караханидское государства не сыграло своей роли в истории уйгурского народа. Напротив, как нам представляется, его роль была огромна. Не говоря уже об исламе, который благодаря усилиям династии Караханидов получает распространение на территории Западного края, культура Караханидов существенно обогатила уйгурскую культуру, привнеся в нее элементы ирано-сасанидской и арабской культур.

Придя в оазисы Западного края с развитой городской и земледельческой культурой, уйгуры-кочевники с берегов Орхона восприняли не только новый способ производства, но и весь образ буддийского и исламского мировоззрения, включая новые для них элементы государственного управления. Ассимилируя местное индоевропейское население, иранское по своему субстрату, с его симбиозной культурой, издревле испытывавшей сильнейшее воздействие великих цивилизаций Азиатского континента, уйгуры менялись и сами. Этот процесс

ассимиляции был одновременно процессом качественного изменения уйгурского этноса. Впитав в себя инородные элементы, восприняв многие первоначально чуждые ей элементы культуры, общность средневековых уйгуров не могла не претерпеть существенных изменений. Уйгурский этнос на территории Восточного Туркестана уже в конце I тысячелетия значительно отличался от своих прямых орхонских предков.¹²⁴ Но, как и всем народам Центральной Азии, уйгурам предстояло пройти через новый “плавильный котел”. На востоке набирал силу и поднимался новый этнос, сыгравший одну из ключевых ролей не только в истории Центральной Азии, но и в этногенезе населявших ее просторы народов.

Под властью монголов

В конце XII – начале XIII вв. в Центральной Азии произошли события, которым было суждено сыграть весьма значительную роль в ее истории. На политическую сцену вышел новый этнос – монголы, объединенные в новую кочевую империю, превосходившую по своим масштабам все существовавшие ранее.

В 1204 г. Чингисхан провел в своем улусе ряд реформ, наносивших удар по его этнической и племенной разобщенности. Эти реформы предопределили не только успех завоевательных походов Чингисхана, но и возможность эффективного существования его империи, и сопричастность к ее делам иноэтнических групп и индивидов. В том же 1204 г. Чингисхан подступил к границам остававшегося независимым найманского улуса, полностью разгромив его войска. В 1205 г. он, перевалив Алтай, атаковал и разгромил бежавших в этот регион меркитов. К 1206 г. смутное для Монголии время, когда “все друг друга грабили” и шла борьба ханов и борьба этносов – монгольского, керейтского, найманского, татарского, меркитского за преобладание в Монголии, завершилось. Необъятные просторы Монголии

оказались под властью монголов и Чингисхана. Оформил объединение курултай, собравшийся весной 1206 г. у истоков реки Онон.

Первые удары одного из самых сильных в тот период войск Чингисхана – превосходной конницы, сплоченной железной дисциплиной и жадной добычи, – обрушились на южных соседей Монголии – тангутское государство Си Ся и империю Цзинь. Одновременно старший сын Чингисхана Чжочи был отправлен с экспедиционным корпусом на северо-западные границы Монголии для покорения “лесных народов”.¹²⁵ В результате этого похода под власть Чингисхана попали кыргызы верховьев Енисея, ойраты, тумэты и ряд других народов Южной Сибири, и тем самым монгольским войскам с незащищенного северо-востока открывался путь на Восточный Туркестан.

В 1208 г. Чингисхан предпринимает меры для укрепления своего юго-западного и южного флангов. Его войска вновь атаковали найманского Кучлука с целью добить оставшихся найманов и меркитов. Этот поход, как и походы против государства Си Ся, побудили индикута принять сторону Чингисхана.¹²⁶

Это решение было принято под давлением обстоятельств, в которых в тот период оказались государства Западного края. В 1134 г. кара-китаи предприняли поход на Кашгар, а разбив отряды Караханидов и овладев Яркендом и Хотаном, завершили историю государства Караханидов.¹²⁷ С первой половины XII в господство кара-китаев, в вассальной зависимости от которых находились уйгуры оазисов Турфана и Кашгара, сменилось господством сбежавшего от преследования Чингисхана Кучлук-хана, подчинившего себе Кашгар и Хотан и начавшего опустошительные набеги на уйгуров Турфанского индикутства.

В 1209 г. индикут Барчук восстал против кара-китаев, совершив, по сути, государственный переворот. Ставленник их императора – шаоцзянь – был убит. Индикут объявил войну кара-китаям, но не в силах в одиночку противостоять им, начал поиски союзника. Таким союзником в тот период

мог быть только Чингисхан, уже подчинивший своему влиянию потенциальных противников уйгуров — тангутов, меркитов и найманов, и достаточно успешно ведущий борьбу с империей Цзинь.

После убийства наместника кара-китаев индикут Барчук направил к Чингисхану своих посланников с заверениями в своей преданности и желании перейти к нему в подчинение. В течение двух лет проходил взаимный обмен посольствами и посланиями между дворами Чингисхана и индикута. В конечном итоге в 1211 г. индикут, лично посетив ставку Чингисхана с богатыми подарками, окончательно признал свою зависимость от монголов.¹²⁸

На аудиенции у Чингисхана индикут сказал: “ЭОтныне я желаю вместе с (моим) народом быть (вашим) слугойЭ Если Ваше величество благосклонно к (вашему) слуге, то он может после четырех сыновей Вашего величества отдать свои ничтожные силы в качестве Вашего верного слуги”.¹²⁹ Другими словами, индикут просил Чингисхана признать его пятым сыном и тем самым предоставить Турфанскому индикутству статус улуса в составе Монгольской империи. Эта просьба была удовлетворена и скреплена династийным браком. Правда, до свадебных торжеств дело не дошло. Дочь Чингисхана Ал Алтун, которую он намеревался отдать в наложницы Барчуку, до свадьбы не дожила.¹³⁰

Подчинение индикута Чингисхану обеспечило условия для существования Турфанского индикутства, хотя и в положении вассала империи, но все-таки самостоятельного государства. Более того, Турфанское индикутство было единственной территорией среди монгольских вассальных земель, куда до середины XIII в. не назначались монгольские наместники — даругачи.¹³¹ Даже после 1251 г., когда Западная Джунгария и Кашгария вошли в состав Чагатаева улуса, Турфанское индикутство продолжало оставаться в вассальной зависимости от монгольских ханов, правящих в Китае. Правда, в этот период при индикутах монголами были назначены даруги, которые не контролировали действия индикута и играли определенную роль в управлении

государством и сборе налогов. Аналогичное положение сохранялось и в период правления в Китае монгольской династии Юань (1271-1368). Весьма характерна в этом смысле отповедь, данная Хубилай-ханом корейскому правителю и его сыну в 1270 г.: “Ты (корейский правитель) покорился позже, поэтому (ты) рангом ниже членов императорской семьи (ванов). Во время правления нашего Тайцзу (Чингисхана), индикут был первым по рангу из тех, кто выразил покорность, и поэтому было приказано, что он был первым по рангу среди ванов. А Арслан-хан, правитель карлуков, покорился следующим и поэтому он по рангу ниже его (индикута). Ты должен знать это”.¹³²

Только после краха династии Юань это положение изменилось. Турфанское индикутство не сумело защититься от потомка Чагатая Хызро-ходжи, который в 1369 г. присоединил его территорию и положил конец самостоятельному существованию уйгурского государства.¹³³

Добровольное подчинение индикута Чингисхану создало условия не только для достаточно продолжительного, хотя и вассального, существования Турфанского индикутства, но и для усиления позиций уйгуров в Западном крае и Китае. В Монгольской империи представители уйгурского этноса занимали особое положение, уступая по значимости лишь членам императорской фамилии. Уйгурская письменность была принята в качестве государственной в Монгольской империи, а многие из уйгуров приглашены на ответственные государственные посты, причем, некоторые из них являлись даже советниками Чингисхана и его наследников.¹³⁴ В определенной степени это объяснялось достаточно высоким уровнем уйгурской культуры, но во многом — и борьбой за ханский престол, которую вели между собой потомки Чингисхана.

Эта борьба особенно усилилась после смерти в 1259 г. великого хана Мункэ, когда произошел распад единой Монгольской империи, и один из братьев Мункэ Аригбука был провозглашен великим ханом в Монголии, а другой, Хубилай — в Китае. Главная роль в этой борьбе отводилась

чужеземцам – “сэму”, в число которых входили и уйгуры. В Китае при династии Юань созданная монгольскими правителями система была рассчитана на то, чтобы не допустить китайцев к важным административным постам, и предоставить всю полноту власти монголам и “сэму”.¹³⁵ При правлении Хубилай-хана население империи Юань было разделено на четыре категории: 1) монголы, 2) “сэму” или “сэмужэнь” – выходцы из Центральной и Западной Азии, 3) кидани, чжурчжени, корейцы и китайцы из северных провинций, 4) китайцы из южных провинций, образовавшие наиболее неравноправную, но самую многочисленную часть населения страны.¹³⁶

Но влияние уйгурской и шире – тюркской культуры на монголов этим отнюдь не ограничивалось. Монгольская империя, по сути, унаследовала древнеуйгурскую и древнетюркскую традицию верховной власти. Во-первых, был восстановлен тюркский титул “каган” и полная форма каганской титулатуры, отражающая священную связь правителя-кагана с Небом (Тэнгри). Название полного титула кагана, а также представления о движении полномочий власти кагана от Неба через Мать-Землю к земному избраннику, о действиях монарха, как исполнителя воли и носителя благодати божественных сил, полностью совпадали с воззрениями, бытовавшими в Тюркском и Уйгурском каганатах. Во-вторых, роль, место и функции кагана в государстве и мире понимались монголами так же, как и их предшественниками – создателями Тюркского и Уйгурского каганатов. В-третьих, эти идеологические тенденции дополнялись порядком исполнения важнейших дворцовых ритуалов, детально совпадавших с древнеуйгурскими и древнетюркскими. И, наконец, преемственность в порядке престолонаследия. Представления об очередности прав родичей Чингизидов на престол имели у монголов с древнетюркской и древнеуйгурской системой наследования монаршей власти абсолютную аналогию.¹³⁷ По-видимому, именно этим, наряду с влиянием более развитых тюркской и уйгурской культур, можно объяснить факт почти полной

ассимиляции монголов тюркскими народами Западного края.

Аналогичными обстоятельствами, то есть влиянием китайской культурной традиции, можно объяснить и крах монгольской династии Юань в Китае. Постепенная китаизация административной системы Юань сказывалась в привлечении все большего числа китайских чиновников, подтверждении Хубилаем порядка экзаменационного отбора кандидатов на должности (1264), юридической отмене практики наследования должностей (1265) и четком разделении функций гражданских и военных властей (1278), применением китайского законодательства наряду с “Великой ясой” – кодексом, утвержденным Чингисханом. В 1325 г. представители китайского господствующего класса получили возможности покупать чиновные ранги,¹³⁸ и это стало началом конца монгольского владычества в Китае. Соответственно происходило ослабление ее влияния и в Западном крае. В 1324 г. войска империи Юань предприняли последнюю попытку вновь подчинить земли Западного края, но были вынуждены отступить. Власть в этом регионе перешла в руки Чагатаитов, хотя и являвшихся прямыми потомками монголов, но по своей сути представлявших уже иной этнический субстрат.

В начале XIV в. в Средней Азии, Семиречье и Восточном Туркестане возрастает значение Чагатаидов и ойратов, с борьбой между которыми и связана история Западного края XIV-XVII вв.

Чагатайские правители стремятся к централизации власти и дальнейшему сближению с оседлой знатью Мавераннахра, по сути отрекаясь от традиций Монгольской империи. В середине XIV в. ислам провозглашается официальной религией на всей территории Чагатайского улуса, а в конце 40-х – 50-х годах улус распадается на ряд самостоятельных феодальных владений. Западные области государства были поделены между вождями тюрко-монгольских племен (барласов, джелаиров, арлатов, каучинов). Северо-восточные области Чагатайского улуса обособились в

самостоятельное государство Моголистан. В его состав вошли земли Восточного Туркестана, степи Прииртышья и Прибалхашья. На западе рубежи этого государства достигали среднего течения Сырдарьи и Ташкентского оазиса, на юге — Ферганской долины, а на востоке — Кашгара и Турфана. Основное население Моголистана состояло из скотоводческого населения — потомков смешанных тюрко-монгольских племен. Среди них были канглы, керейты, арлаты, барласы, дуглаты, из которых происходил местный ханский род.¹³⁹

В течение XV в. владения Моголистана расширялись, в первой четверти XV в. в их состав входит весь Турфанский оазис, а началу XVI в. — последнее прибежище буддистов Западного края Комул (Хами).¹⁴⁰

Основными соперниками правителей Моголистана и империи Цин на просторах Западного края выступали ойраты, главной задачей которых было создание и укрепление материальной базы будущего государства. Россия не могла обеспечить потребность ойратов в сельскохозяйственной и ремесленной продукции. Что касается империи Цин, то она проводила политику ограничения торговли с кочевниками, потребность которых в ней использовала как средство политического давления. В поисках выхода правители Джунгарского ханства пытались развивать на своей территории сельскохозяйственное производство и создавали ремесленнические мастерские. Однако все эти меры не могли полностью решить вопрос снабжения ойратов продовольствием и изделиями ремесел. Поэтому, усилившись после распада Монгольской империи, в поисках новых кочевий и источников пополнения экономической базы государства, ойраты начали свое продвижение в юго-западном направлении, главным объектом завоевательной политики Галдана стали княжества Восточного Туркестана. Первые набеги на Моголистан ойраты совершили в конце XIV в., а начиная с 20-х годов XV в. их вторжения в эту страну приняли систематический характер. В 1680 г. Восточный Туркестан был окончательно присоединен к Джунгарскому ханству.¹⁴¹

Успехам ойратов способствовала и междоусобица, охватившая Моголистан. В начале XVI в. единая держава

распалась на две части: западную, в которую входила новая столица Яркенд, и восточную с центром в Турфане, возглавляемую главой ханского рода. Тем самым в пределах Восточного Туркестана утвердился территориально-политический дуализм – борьба яркендской и турфанской ветвей династии за столицу и центральные уделы, которая в конечном итоге и предопределила гибель этого государства, а вместе с ним и окончание господства монголов в Западном крае.

Углубление кризиса государства Моголистан обозначилось с начала XVII в., когда началось усиление политического влияния вождей суфийских группировок ходжаган. Жестокое соперничество двух группировок ходжаган – “белогорцев” (актаглык) и “черногорцев” (каратаглык), имеющих глубокое влияние на ведущих эмиров, привела не только к усилению соперничества между яркендской и турфанской ветвями правящей династии, но и к победе ойратов, которые умело использовали это соперничество и, в зависимости от политической конъюнктуры, делали ставку то на одних, то на других.

В первой трети XVII в. обстановка в Моголистане весьма осложнилась. Вся западная (“яркендская”) часть государства вошла в полосу острого кризиса, усабицы не утихали более тридцати лет. В результате практически все яркендские ханы были свергнуты и даже убиты. В начале 40-х годов власть над всей страной захватила восточная (“турфанская”) ветвь династии Моголов, а представители младшей были изгнаны из страны.¹⁴² Кроме того, в 1635 г. противники моголов ойраты объединились в Джунгарское ханство, которое с успехом конкурировало с империей Мин. Результат всех этих обстоятельств оказался весьма плачевен для Моголистана. Всего за несколько десятилетий ходжи организованного суфийского духовенства – ордена накшбандийа стали теократическими правителями Восточного Туркестана, вытеснив с политической сцены принявших их под свое покровительство могольских ханов. Могольская династия сошла с исторической сцены, а страна распалась на отдельные

владения теократов-ходжей и могольских удельных князей — данников ойратских правителей.¹⁴³

В конце 70-х годов XVII в. хунтайджи Галдан вмешался в борьбу черногорских и белогорских ходжей и установил свою власть над большей частью этой страны.¹⁴⁴ К 1680 г. гегемония в Западном крае перешла к усилившемуся Джунгарскому ханству, с которым ходжи охотно искали союза и покровительства.

Однако, несмотря на всю мощь Джунгарского ханства, и ему не было суждено безраздельно властвовать в Восточном Туркестане. К моменту его наивысшего могущества в этом регионе у него появились серьезные конкуренты в лице империи Цин, Казахского ханства и Российской империи, каждый из которых так или иначе был заинтересован в своем присутствии в данном регионе, прежде всего, в силу обеспечения безопасности собственных рубежей. Да и само Джунгарское ханство не было столь монолитным, как может показаться на первый взгляд. Если комульский князь был вассалом Галдана, то Турфан и в значительной степени бывшие яркентские владения подчинялись Цэван Рабдану, сопернику Галдана.¹⁴⁵ Стремление Галдана к объединению всех монгольских земель под своей эгидой с целью предотвращения поглощения их части усиливающейся империей Цин в конечном итоге привело к краху Джунгарского ханства.

Сразу же после ухода Галдана в Халху в Джунгарии произошли важные события, в известной мере предопределившие исход его борьбы с Цинской империей. Во-первых, Джунгария была атакована казахским ополчением, разорившим ряд приграничных ойратских кочевий. Во-вторых, произошел захват власти в стране племянником Галдана — Цэван Рабданом, который, преследуемый дядей бежал в Уч-Турфан, и теперь решил воспользоваться ситуацией и занять ханский трон. В ходе ожесточенных сражений с цинскими войсками Галдан потерпел поражение и в 1697 г. покончил с собой.¹⁴⁶

От окончательной гибели Джунгарское ханство в это время спасло лишь то обстоятельство, что, усматривая в

нем определенный противовес усиливающейся Цинской империи, в его сохранении была заинтересована Российская империя. Как справедливо подчеркивает В. А. Моисеев, “Агрессивная внешняя политика Цинской империи в Приамурье и Центральной Азии побуждала русское правительство, не располагавшее в Сибири достаточными военными силами, рассматривать Джунгарское ханство как противовес Цинскому Китаю, и поэтому оно не было заинтересовано в его чрезмерном ослаблении, а тем более уничтожении, предпочитая все спорные вопросы решать мирным путем”.¹⁴⁷ В не меньшей степени сохранению могущества Джунгарского ханства способствовала и вражда между уйгурскими беками Кашгара и Яркенда, что давало ему возможность вести войну с Казахским ханством и одновременно оспаривать права на обладание Комулом с Цинской империей.

Именно в силу этих обстоятельств, несмотря на тяжелое поражение Джунгарского ханства в войне против Цинской империи в 1690-1697 гг., значительные территориальные и людские потери, ойратское государство оказалось достаточно жизнеспособным. Цэван Рабдану в короткий срок удалось вернуть Джунгарскому ханству его былое могущество и восстановить свою власть в Восточном Туркестане. В записке, составленной русским посланником И. Унковским в Джунгарии в 1722-1724 гг., отмечалось, что уйгуров “живущих в городах Еркени, в Турфане, в Кашгаре, в Аксу и в прочих к ним принадлежащих городах Цэван-Рабдан под власть свою привел и дань брать начал. Хана же их и многих беков и лутчих людей ис тех городов к себе побрал, которые уже при нем, контайше, и пашни завели хлеба и многих овощей”.¹⁴⁸

Эта ситуация продолжалась в течение 30 лет, пока существование Джунгарского ханства было необходимо Российской империи, а политика самой Джунгарии, управляемой железной рукой хана Галдан-Цэрена, не причиняла сколь-нибудь значительного ущерба Российской

империи и Цинскому Китаю.

Положение изменилось в 1744-1745 гг., когда произошло резкое ухудшение российско-джунгарских отношений. Вызвано это было тем, что местные русские власти из разных источников стали получать сообщения о концентрации близ границ Сибири и Казахстана крупных контингентов ойратских войск и о намерениях ойратских феодалов напасть на сибирские города. Сенат, получив эти сведения, отдал указ Военной коллегии и Коллегии иностранных дел, а также властям Оренбурга и Сибири принять меры к обороне. В частности, Оренбургской администрации было приказано в случае войны России с Джунгарией “склонить к диверсии” Младший и, по возможности, Средний жуз.¹⁴⁹ Тем самым Джунгарское ханство, потеряв в лице Российской империи если не покровителя, то нейтрального участника событий, приобрело мощного противника.

Учитывая сложные отношения Джунгарского ханства с Казахским ханством и Цинской империей, такой поворот событий означал для него только одно – скорую и неминуемую гибель. Положение осложнялось и тем, что после смерти Галдан-Цэрена (1745 г.) в Джунгарии началась междоусобная вражда, и авторитет хана упал до самой нижней отметки.

Кроме того, началось брожение среди местного населения Восточного Туркестана. Летом 1749 г. в местечке Балтахай собрался совет уйгурских беков, на котором было принято весьма любопытное решение: поскольку “бухарским бекам от зенгорцов имеется немалое утеснение, а ясаком безмерноотягощены”, то они готовы взяться за оружие, если Россия начнет против джунгар военные действия. “Тогда б и они, бухарцы, согласясь с российскими людьми на него ж зенгорца восстали и желают тот ясак платить ея и.в., а не зенгорскому владельцу”.¹⁵⁰ Тем самым как бы признавалось как первенство Российской империи в Западном крае, так и желание ей подчиниться, что нашло отражение в дальнейшем развитии событий, когда здесь столкнулись интересы России и Китая. На тот же период, это заявление означало, что

период господства ойратов в Западном крае завершается, и им на смену должна прийти новая сила.

Таким образом, хотя изощренный политический опыт позволил ходжам в союзе с эмирами расшатать ханскую власть моголов и устранить ее носителей, а в союзе с ойратскими тайджи подчинить себе Восточный Туркестан, это не обеспечило им прочной победы. Оказавшись в последней четверти XVII в. тесно связанные с Джунгарским ханством, Восточный Туркестан вместе с ним стал объектом борьбы империи Цин за господство в Центральной Азии. Превратившийся из единого монгольского ханства в конгломерат мелких владений, Восточный Туркестан уже не смог сыграть в этой борьбе самостоятельную роль и оказался легкой добычей маньчжурской династии Цин.

Глава 2.

Исторические предпосылки возникновения проблемы этнического сепаратизма в Китае

Цель предыдущей главы заключалась в рассмотрении проблем этногенеза уйгуров, их взаимоотношений с соседними народами, особенностей формирования, функционирования и гибели государств, созданных на уйгурской этнической основе, наконец, ответов на вопрос, являются ли представители уйгурского этноса автохтонными жителями современного Синьцзяна. А если нет, то когда, откуда и в силу каких причин они пришли в этот регион. Этот историко-этнографический экскурс был предпринят нами отнюдь не случайно. На наш взгляд, проблему этнического сепаратизма нельзя рассматривать вне этого контекста, поскольку, по справедливому замечанию большинства исследователей,¹ в основе этнического конфликта вообще и этносепаратизма в частности всегда лежит обращение к своим историческим корням.

Анализ, предпринятый в первой главе, позволил выделить несколько весьма значимых для понимания основной проблемы работы тезисов.

Первая группа тезисов связана с особенностями протекания процесса этногенеза в Центральной Азии вообще и в пределах современной территории СУАР КНР в частности. Центральная Азия представляла собой огромный этнический “плавильный котел”, в котором возникали и исчезали не только отдельные племена и протогосударственные образования, но целые народы и империи. При этом данный регион почти всегда оставался полиэтническим, а политические границы возникающих здесь в древности и средневековые государств не совпадали с этническими границами ареалов проживания населяющих его этносов. В пределах этого региона шло интенсивное

взаимодействие между двумя культурами: кочевой и оседлой, которые не только взаимно дополняли, но и существенно изменяли друг друга. Наконец, политическое доминирование в регионе еще не означало доминирования этнического и культурного. Зачастую политически доминирующая этническая группа, смешиваясь с местным населением региона и воспринимая элементы новой культуры, утрачивала не только элементы традиционной культуры, но и свое самоназвание. Так это произошло и с уйгурами. Придя в регион носителями кочевой и буддийской культуры, они очень быстро превратились в оседлых земледельцев, а под воздействием укрепляющего свои позиции ислама — в мусульман. Более того, последующее политическое доминирование в регионе монголов и ойратов, а также его фактическая разделенность на обособленные и находящиеся в состоянии вражды города-оазисы заставила уйгуров забыть и собственное самоназвание. Отдельные части некогда единого народа называли себя по городам и местностям, где они жили: кашгарлык, турфанлык, хотанлык и т.д.²

Во-вторых, рассмотрение особенностей этногенеза в регионе Центральной Азии подтверждает высказанный отечественными востоковедами тезис о том, что ханьцы в целом не играли сколь-нибудь серьезной роли в этногенезе населения Восточного Туркестана.³ После крушения империи Хань связи Китая с этой территорией прерываются или сводятся к минимуму почти на полтысячелетия. И даже в период империи Тан, когда Китай предпринимал энергичные усилия по восстановлению утраченных позиций в Западном крае, говорить о его влиянии на этногенез населяющих его народов было бы неправомерно. Скорее, речь может идти о привнесении некоторых элементов китайской культуры в культуру Восточного Туркестана, но этим влияние и ограничивалось. Даже уйгуры, чье положение при императорском дворе было особым, восприняли довольно мало элементов традиционной китайской культуры.

В-третьих, не подлежит сомнению, что уже в V в. х.э. в пределах территории современного Синьцзяна существовало

государственное образование, этническую основу населения которого составляли протоуйгурские племена — государство Гаочэ (Гаогюй). После распада Уйгурского каганата и миграции уйгурских племен с берегов Орхона в юго-западном направлении в пределах Западного края почти одновременно возникло несколько государств, этническую основу населения которых составляли уйгуры. В силу особенностей этногенеза в этом регионе трудно однозначно сказать, каким было этническое наполнение термина “уйгур”, но то, что в этот исторический период своей истории именно уйгуры доминировали в Западном крае — исторический факт. Однако, на наш взгляд, это обстоятельство никак не может служить историческим обоснованием принадлежности территории современного Синьцзяна именно уйгурам. По историческим меркам, период доминирования уйгуров был краток. Хотя в ряде регионов Западного края они сохранили свою государственность довольно долго, эти государства находились в вассальной зависимости от более сильных соседей. Менялся и сам этнос, вбирая в себя не только новую культуру, но и новые этнические компоненты. Уже в конце I тысячелетия населяющие оазисы Восточного Туркестана уйгуры по всем этническим параметрам значительно отличались от своих прямых орхонских предков.

Наконец, сделанный нами экскурс в историю показывает, что территория Западного края была не только местом, где соприкасались оседлая и кочевая культуры, но и регионом, на территории которого происходили постоянные войны. Во многом это объяснялось стратегическим положением края, через территорию которого проходил трансевразийский Великий Шелковый путь, связывающий торговые центры Китая и Центральной Азии не только с азиатскими странами и народами, но и с Европой. В не меньшей степени стратегическая значимость Западного края, во всяком случае для Китая, объяснялась и тем обстоятельством, что он представлял собой своеобразную буферную зону между Китаем и воинственными кочевниками, населяющими Среднюю Азию, и обладание им давало хоть какие-то гарантии безопасности Китая с

западного направления. И если, как уже отмечалось, нельзя говорить о полном доминировании Китая в Западном крае и его влиянии на этногенез населяющих его народов до начала цинской экспансии, то в равной степени было бы неверно утверждать, что китайское присутствие здесь вообще не имело места. Напротив, исторические факты свидетельствуют о том, что как только Китай усиливался, активизировались и попытки укрепления его прямого или косвенного присутствия в Западном крае. И то, что на территории края существовали независимые государства, говорит скорее не об их силе, а о слабости Китая в данный исторический момент.

Другой вопрос, что политика Китая в отношении Западного края и населяющих его народов была направлена не на включение их в состав империи, а на расширение контактов с ними и их постепенное вовлечение в лоно китайской культуры. Китайские императоры, даже когда их положение было достаточно устойчивым, вынуждены были считаться со своими мощными соседями-кочевниками, использование вражды между которыми и привлечение на сторону Китая в борьбе то с одними, то с другими и составляло основу политики доцинского Китая. Налицо были попытки обезопасить западные границы Поднебесной с помощью так называемых “шуго” – буферных, “подчиненных” государств и найти выходы далее на Запад через системы Великого Шелкового пути.⁴

Положение изменилось с утверждением в Китае маньчжурской династии Цин (1644-1911 гг.), внешняя политика которой коренным образом отличалась от политики предшествующих ей династий и была направлена не на приобщение инородцев к китайской культуре, а на захват новых территорий и полное подчинение населяющих их народов.

Цинская экспансия Западного края

Усиление влияния Цинов в Западном крае произошло задолго до его окончательного завоевания ими, и в этом

существенную роль сыграла раздробленность самого края. После поражения Галдана в борьбе с империей Цин начался распад не только единого Джунгарского ханства, но и подчиненных ему владений в Восточном Туркестане, в различных районах которого “появилось множество мелких феодальных правителей”.⁵ Хами, захваченный Галданом в конце 1670-х годов, в 1696 г. восстанавливает свои связи с империей Цин, а в 1697 г. официально включается в состав цинских владений. Защиты от джунгар и покровительства искали у империи правители Турфана. И хотя он находился в составе Джунгарского ханства, в конце XVII – начале XVIII вв. его контакты с империей Цин носили достаточно регулярный характер. Влияние ходжей на эти регионы не распространялось. Именно поэтому, по свидетельству Чокана Валиханова, китайцы всегда отдавали предпочтение и исключительные права туркестанцам восточных городов. Князя двух городов получили наследственные титулы цзюн-ван, и император Цяньлун, желая привязать к себе туркестанцев, женился на одной из кумульских княжен.⁶

После смерти хунтайджи Галдан-Цэрена междоусобица в Джунгарии еще более усилилась. Уже осенью 1745 г. хакимы ряда городов Восточного Туркестана отказались признать власть джунгарских ханов, а Турфан признал сюзеренитет цинского императора Цяньлуна.⁷ Подчинение Халки и успехи в покорении народов Юго-Западного Китая позволили Цяньлуну начать широкомасштабные военные походы в направлении Западного края. В 1750-1751 гг. был завоеван Тибет, а в 1755 г. начат поход в Джунгарию и Кашгарию.

С Джунгарией проблема решилась достаточно просто, как мы видели, еще до своих завоевательных походов Цинская империя имела здесь достаточно сильные позиции. К середине 50-х годов XVIII в. Цяньлун весьма преуспел в деле ослабления центральной власти в Джунгарии и внутреннего разложения Джунгарского ханства. После прихода в 1752 г. к власти хана Даваца (Дабачи) вновь разгорелась борьба между ним и очередным претендентом – главой племени

хойтов Амурсаной, его недавним союзником. Потерпев поражение, Амурсана в 1754 г. бежал в Китай, принял цинское подданство и попросил помощи у Цяньлуна. Получив предлог для вторжения, тот послал в район Или большую цинскую армию, одной из двух колонн которой командовал Амурсана.

Вторгшись в 1755 г. в Джунгарию, цинская армия в течение нескольких месяцев оккупировала ее. Перегрызшиеся между собой ойратские князья не смогли ни объединиться перед лицом общего врага, ни дать ему отпор. Победенный Давацци в 1755 г. был свергнут. Используя эту победу, Цяньлун ликвидировал единовластие и ханский престол в Джунгарии, разделив некогда могущественное государство на четыре отдельных княжества, подчиненных непосредственно Пекину.⁸

После первой кампании цинские войска возвратились в Китай, оставив в Или генерала Баньди с пятьюстами маньчжур, чтобы при содействии Амурсаны ввести новый порядок. По решению цинского командования и Амурсаны, живший в качестве заложника в ставке Давацци ходжа Бурхан ад-Дин был отправлен в Восточный Туркестан для покорения Яркенда. Один за другим города Восточного Туркестана признавали над собой его власть.⁹ Однако не удовлетворенными остались политические амбиции самого Амурсаны, вместо ожидаемого престола он получил титул и должность цинского наместника в Восточном Туркестане, что означало его подчинение Цинской империи.

Обманутый в своих ожиданиях, он вошел в соглашение с рядом ойратских и халхских военачальников, и осенью 1755 г. поднял восстание против иноземных сил.¹⁰ Однако, вопреки предположениям Амурсаны, часть уйгурских беков и ойратских тайджи переметнулась к маньчжурам, а другая сохранила нейтралитет. Большая цинская армия в 1756 г. вторглась в Или, и Амурсана бежал к казахам.

Вернувшись в 1757 г. на родину он предпринял вторую попытку антицинского восстания, но время было упущено. К этому моменту, жестоко расправившись с восставшими, маньчжуры сконцентрировали в Джунгарии крупную

армию под командованием Чжао Хуэя, разгромившую силы восставших под Урумчи. Мощная цинская армия, пришедшая из империи, продвигалась по Джунгарии, предавая все живое огню и мечу. Восстание было потоплено в крови, а Джунгарское ханство – уничтожено. Цяньлун отдал приказ цинским войскам поголовно истребить ойратское население. Из общей численности 600 тыс. человек 95% было перебито, умерло от голода или оспы, а 5% (30-40 тыс.) бежало в Россию.

Опустевший край разделили на три округа – Или, Урумчи и Тарбагатай – и отдали под власть наместника (цзянцзюня).¹¹ Джунгария, оставшись пустой после избиения ойратов, была населена китайцами из провинции Ганьсу, и “для дальнейшей колонизации сделано постановление, по которому эта страна сделалась местом постоянной ссылки преступников. Для охранения страны переселены манджуры, солдаты зеленого знамени, и образованы военные поселения в Илийском округе из сибо, солонов, дауров и чахаров. Для обрабатывания земли семь тысяч семейств мусульман записаны в казенные землепашцы (таран), остатки истребленных джунгаров получили определенные места для кочевков”.¹²

Завершив покорение Джунгарии, Цинская империя направила свой взор в сторону Кашгарии. В Баркуле и Турфане были сконцентрированы значительные силы, которые под командованием Чжао Хуэя и Ярхашаня развернули наступление. В 1758 г. после трехмесячной осады был взят Кучар, за ним последовали Аксу и Уч-Турфан, а в ноябре цинская армия осадила Яркенд. Первая попытка его осады оказалась не совсем удачной для императорских войск. Силам защитников города под командованием Хан-Ходжи и прибывшим к нему новым отрядам уйгуров удалось не только прорвать осаду, но и уничтожить значительную часть цинской армии.¹³ Лишь летом 1759 г. 30-тысячная армия империи смогла покорить Яркенд и Кашгар. Силы повстанцев были полностью разгромлены. Руководители антицинской борьбы братья Бурхан ад-Дин и

Хан-Ходжа бежали в Бадахшан, где были схвачены и убиты его правителем Султан-шахом. Около двух тысяч уйгуров переселено в Пекин.

К концу 1759 г. маньчжурское завоевание Кашгарии завершилось. Кашгария была поставлена под власть маньчжурского главноуправляющего, подчинявшегося наместнику Джунгарии и Кашгарии, и разделена на шесть округов во главе с маньчжурскими правителями. В городах и кишлаках власть оставалась в руках мусульманских феодалов – беков, помогавших держать местное население в повиновении. Беки получили высшую власть над населением на землях, пожалованных им в наследственное владение. В свою очередь, беки контролировались командирами городских гарнизонов и вышестоящими цинскими чиновниками. Территория Джунгарии и Кашгарии получила название Синьцзян, то есть “Новая территория” или “Новая граница”.¹⁴

Столь стремительное покорение некогда могущественного государства объяснялось не только мощью цинской армии, но и раздробленностью самого Алтышара (Шестиградья), на территории которого доживало свои последние годы уйгурское теократическое государство. Его раздирали религиозные распри между двумя основными сектами мусульманского духовенства – “белогорскими” и “черногорскими” ходжами, а также между правителями городов (хаким-беками) и ханской властью. Вражда между двумя религиозными партиями достигла такой степени, что самой целью их существования сделался антагонизм. “Белогорец должен во всем противодействовать черногорцам, а черногорец – белогорцам. В этом заключался религиозный догмат и политические убеждения этих партий.

В то время, когда в Восточном Туркестане восторжествовала черногорская партия и вступила в борьбу за независимость родины с джунгарами и китайцами, белогорцы соединились с китайцами и, изгнав черногорских ходжей, взяли перевес. Когда в 1758 г. белогорские ходжи были в свою очередь изгнаны и начали набеги для освобождения отечества, значение партии переменялось. Белогорцы сделались

патриотами и теперь радостно борются за независимость. Черногорцы, как следует, сделались их оппонентами, но так как притеснение китайцев равно действует и на них, то они из оппозиции к своим врагам представляют только консервативную партию, поддерживающую современный порядок вещей”.¹⁵

Это противоречие и неспособность местных феодалов и духовенства к централизации использовала Цинская империя, все чаще выступая в спорах между противоборствующими партиями в роли покровителя-арбитра. Цяньлун умело играл на разобщенности политических сил в Кашгарии, поддерживая белогорских ходжей против черногорских, а хаким-беков – против тех и других. Однако, в отличие от Джунгарии, после завоевания Кашгарии местным феодалам не было предоставлено никакой власти. Восстание в Уч-Турфане (1765 г.) “показало Китаю всю ненадежность этих городов, в которых только страх и крутые полицейские меры могли удержать спокойствие народа. Не доверяя туземцам из Шести городов, китайцы стали назначать в высшие туземные власти комульцев и турфанцев, несомненно им преданных, и держать сильные гарнизоны. Страх, возбужденный избиением уштурфанцев, и вера в непобедимость китайцев удерживали народонаселение Шести городов от явного возмущения, хотя жестокости и лихоимства правителей до крайности раздражали народ”.¹⁶

Благодаря применению этих мер, а также присутствию в Синьцзяне достаточно крупной группировки имперских войск, насчитывающей более 40 тыс. солдат,¹⁷ Цинской империи удавалось сохранить в крае относительную стабильность.

Спокойствие не нарушалось до 1816 г.,¹⁸ но в этом году кашгарский ахун Зия ад-Дин, проживавший в селении Ташмалык вблизи Кашгара, выступил против цинов, заключив предварительный союз с киргизами. В окрестностях Кашгара повстанцами были перебиты маньчжурские войска и уничтожен конный завод.¹⁹ Восстание было достаточно быстро подавлено, но на этом антицинские выступления местного населения не прекратились.

В 20-х годах XIX в. начинается новый этап борьбы против господства цинов в Синьцзяне. Во главе восстания встает Джангир-ходжа – представитель партии белогорцев, концентрация сил которых происходила в Коканде.²⁰ Готовясь к борьбе против Цинской империи, Джангир пытался создать блок мусульманских государств. Он отправил своих посланцев в Коканд, Бухару, Хиву, Кундуз, Бадахшан. И надо признать, что под его знамена стал стекаться народ со всей Средней Азии.²¹

В мае 1826 г. войска Джангира, которыми командовал бывший комендант кокандского города Андижана Исадатха, расположился лагерем в селении Бишкирим и, увеличив свои силы жителями других селений Кашгарского округа, разбил наголову китайцев, вышедших навстречу под личным наблюдением илийского цзянцзюня.²² Войска Джангира захватили Кашгар, а сам он принял титул сеида Джангир-султана и учредил придворные и военные чины по кокандскому образцу. Города Яркенд, Янысар и Хотан восстали против китайцев, перерезали гарнизоны, а ополчения их спешили в Кашгар на службу ходже.²³

Однако господство Джангира в Кашгарии продолжалось всего девять месяцев. Уже в сентябре 1826 г. 70-тысячное цинское войско заняло Аксу, приступив к подготовке наступления против повстанцев. И хотя Джангир имел под своими знаменами более 200 тыс. войска, противостоять регулярной армии оно не смогло. Войска Джангира были разгромлены, сам он снова бежал к киргизам, а правителем Кашгара был назначен Исак-Ван, родом из Куне-Турфана, по свидетельству Ч. Валиханова, “человек хитрый и вполне преданный китайцам”.²⁴ В 1828 г. Джангир был схвачен, отправлен в Пекин и там казнен.

Несмотря на поражение, восстание по своим последствиям имело большое значение для судеб народов Синьцзяна. Во-первых, мусульманское население региона в борьбе против цинов было впервые объединено под лозунгами священной войны (газавата) с неверными. Во-вторых, свою борьбу с цинами Джангир облек в законную форму

домогательств претендента, ищущего наследственного права на престол. Наконец, восстание обнаружило слабость цинского господства в Синьцзяне и развеяло миф о непобедимости цинской армии. “Кашгарские патриоты ожили духом и получили новую и сильную надежду к возвращению самостоятельности своего отечества, а народ Восточного Туркестана, переносивший с таким терпением все несправедливости китайских чиновников и своих беков, смотрел на ходжей как на верных защитников, готовых всегда с оружием в руках отстаивать свои права”.²⁵

Дальнейшие события в Синьцзяне в полной мере подтверждают эти оценки. Хотя маньчжурскими властями были приняты суровые меры для предотвращения возможных выступлений местного населения в будущем, остановить антицинскую волну окончательно так и не удалось. Периодически восстания вспыхивали по всей территории Кашгарии, а апофеозом антицинского движения явилось восстание 1864 г., участие в котором приняли не только уйгуры, но и представители других мусульманских народов, проживающих на территории Синьцзяна: дунгане, киргизы, казахи. Вполне естественно, что восстание проходило под религиозными лозунгами газавата. Во главе его стояло ортодоксальное мусульманское духовенство и часть светских феодалов, которые использовали лозунг “священной войны” в своих интересах и, прикрываясь исламом, призывали к уничтожению не только цинской администрации, но и всего китайского населения. Мусульман же, которые находились на службе у цинов, заставляли “раскаиваться”.²⁶

В результате победы серии восстаний – выступление дунган в Куче, уйгуров в Карашаре, Токсуне и Турфане, дунган и уйгуров в Урумчи, уйгуров в Хотане, Яркенде и Кашгаре, дунган и уйгуров в Кульдже, уйгуров и казахов в Чугучаке – на территории Синьцзяна возникло несколько самостоятельных государств: Йэйтишар (“Семиградье”) с центром в Кашгаре, объединившее в 1867 г. Кучарское, Хотанское и Кашгарское ханство; Таранчинское ханство с султаном Абиль-оглы с центром в Кульдже и Дунганский султанат (Цинчжэн го) с центром в Урумчи.

Наиболее мощным государственным образованием оказалось государство Йэттишар, во главе которого вскоре после его образования встал выходец из Коканда Якуб-бек. Поддержанный Англией, увидевшей в образовании этого государства и антицинской, антироссийской политике Якуб-бека возможность для укрепления своих позиций в Восточном Туркестане с перспективой выхода на Среднюю Азию,²⁷ Якуб-бек начал расширение своих владений. В конце 1870 – начале 1871 годов он, овладев городами Урумчи и Манас, подчинил себе Дунганский султанат и начал устанавливать более тесные связи с правителем Таранчинского ханства султаном Абиль-оглы, который, так же как и Якуб-бек, не отличался большой любовью к Российской империи.²⁸

Возникновение новых мусульманских государств на южных рубежах Российской империи полностью разрушило достигнутый к 70-м годам XIX в. баланс сил в Центральной Азии, и это потребовало от России активного вмешательства в события, происходящие в Синьцзяне. Если до начала завоевательных походов Якуб-бека она придерживалась нейтралитета в борьбе местного населения с Цинами,²⁹ то с их активизацией ситуация качественно меняется.

Опасность распространения контроля правителя Йэттишара на всю Джунгарию, и прежде всего на Илийский край, вынудила туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана поставить перед правительством вопрос об изменении политики невмешательства в ходе антицинской борьбы в Синьцзяне. “По моему крайнему убеждению, настоящее положение дел на границе уже нетерпимо – писал он канцлеру А.М. Горчакову. – Мы теперь должны, как для пользы наших среднеазиатских владений, так и в особенности для восстановления упавшей нашей торговли с Западным Китаем, помочь Китаю”.³⁰

20 апреля под председательством военного министра России Д.А. Милютина состоялось особое совещание, которое пришло к выводу, что “как общие интересы государства, так и частные условия администрации в наших

пограничных с Китаем областях не позволяют нам оставаться безучастными к совершающимся в соседней стране событиям и что, напротив, весь вред, причиняемый ими в течение семи лет нашему политическому значению в торговле, делает вмешательство наше в дела Западного Китая в самом близком времени неизбежным”. Основываясь на этом, участники совещания считали необходимым “прибегнуть к вооруженному движению в центре Дунганского района” заняв на первое время два главных пункта – Кульджу и Урумчи.³¹ Когда выяснилась невозможность наступления цинских войск на Урумчи, район предполагаемых военных действий русских войск был ограничен Илийским краем, который предполагалось занять осенью 1871 г.³²

Однако активизация действий Якуб-бека и усилившаяся враждебность главы Таранчинского ханства султана Абилю-оглы по отношению к Российской империи ускорили развязку событий. 22 июня 1871 г. русские войска при поддержке казаховолонтеров почти без боя заняли Кульджу, а сдавшийся в плен султан Абилю-оглы был выслан в пределы России. Илийский край был временно включен в состав Семиреченской области и подчинен ее генерал-губернатору Г.А. Колпаковскому, при котором была создана специальная канцелярия по кульджинским делам. Местное управление осуществлялось через специально назначенных чиновников и избранных из местного населения лиц.³³

Предвосхищая попытки обвинения России в аннексии части территории Китая, российское правительство рекомендовало губернатору Семиреченской области “воздержаться от всяких распоряжений, могущих подать повод к истолкованию нашего движения в завоевательном смысле и стараться войти в сношение с ближайшими китайскими властями чтобы они могли прислать хотя бы небольшой отряд в Илийскую долину и вступить в правление края”.³⁴ В начале мая 1872 г. в Сергиопле состоялись переговоры генерала Богуславского со вновь назначенным илийским цзянцзюнем Жун Цзюанем, которому и были предъявлены условия возврата Илийского края: 1) Жун Цзюаня должна была “сопровождать достаточная

вооруженная сила для вступления в фактическое обладание краем”; 2) он должен был привезти амнистию всем жителям, замешанным в дунганском восстании”.³⁵ Выдвигая эти условия, российское правительство исходило из реальной обстановки в Синьцзяне. Во-первых, вопрос с планами Якуб-бека по расширению владений государства Йэттишар пока с повестки дня не снимался, а противодействовать реализации этих планов можно было только при наличии мощной воинской группировки в Илийском крае. Во-вторых, в случае начала репрессий в отношении участников восстания, не исключалась возможность его повторения с подключением к нему государства Йэттишар и поддерживающих его Англии и Турции. А такая перспектива никак не могла устраивать Россию, которая только начинала укреплять влияние на своих южных рубежах. Поскольку соответствующих гарантий России предоставлено не было, решение вопроса было отложено, а переговоры по нему перенесены в Пекин.

Дальнейшее развитие событий было предопределено активизацией деятельности Якуб-бека по расширению его контактов с тюркским миром; изменением политики Англии в отношении государства Йэттишар, которое так и не удалось использовать в качестве плацдарма для проникновения в Среднюю Азию; усилением влияния России в Восточном Туркестане в первой половине 70-х годов и ослаблением ее позиций в результате поражения в русско-турецкой войне (1877-1878); развитием внутривосточной ситуации в Китае, где на фоне провозглашенной “политики самоусиления” активизировались дискуссии о дальнейшей судьбе Синьцзяна, убедительную победу в которых одержали сторонники применения силовых методов.

В 1873 г. между посланником Якуб-бека в Константинополе Саид-Якуб-хан-тюре и султаном Турции Абул-Азизом была достигнута договоренность о том, что последний будет покровителем государства Йэттишар, а Якуб-беку будет присвоен титул “эмира” что в известной мере символизировало установление сюзеренитета Турции над Кашгарией. Параллельно Англией предпринимаются

интенсивные попытки по расширению своих контактов с Якуб-беком. В 1874 г. между Англией и государством Йэттишар заключается торговый договор, условия которого говорят об установлении фактически дипломатических отношений. Статья 6 договора гласила: “Британское правительство имеет право на своего представителя при дворе эмира и содержание коммерческих агентов во всех городах и местах, где оно найдет нужным. Эмиру предоставляется право иметь своих представителей у вице-короля и коммерческих агентов во всех местах Британской Индии, где он этого пожелает. Представители обеих стран пользуются правами, предоставленными посланникам держав. Агенты имеют одинаковые права с консулами наиболее привилегированных наций”.³⁶ Стремясь оказать содействие Якуб-беку в создании современной армии, Англия и зависимая от нее Османская Турция начинают поставлять в Кашгар оружие и боеприпасы. Здесь появляются и иностранные военные инструкторы.³⁷

Однако главную задачу — проникновение через государство Йэттишар в Среднюю Азию и ослабление в ней влияния России — решить не удастся. Признание кокандским ханом своей зависимости от правительства России изменяет расклад сил не в пользу государства Йэттишар. Соответственно теряется интерес к нему и со стороны Англии. Посетивший в 1875 г. Константинополь кашгарский посланник Саид-Якуб-хан-тюре убедился в том, что ни британское, ни турецкое правительства не желают быть посредниками в китайско-кашгарских отношениях и тем более не собираются давать гарантии территориальной целостности государства Йэттишар.³⁸

Такое изменение подходов к борьбе государства Йэттишар с Цинской империей можно было ожидать. Понимая слабость своего положения в Восточном Туркестане и отчетливо чувствуя, что рано или поздно, но Китай предпримет усилия по возвращению утраченных позиций, искушенная в колониальных войнах Англия не желала наживать себе еще одну головную боль. Еще в июне 1874 г. один из членов правящего кабинета Г. Роулинсон, критически

оценивая попытку вице-короля Индии лорда Нортбрука противодействовать усилению России в Центральной Азии с позиций государства Йэттишар, отмечал: “Становится все более очевидным, что Китай предпримет попытку восстановить свои позиции в Восточном Туркестане, и в случае поддержки со стороны России, которая, пожалуй, готова к этому, мы можем попасть в переделку”.³⁹

Во многом эти опасения оказались пророческими. В дискуссии по синьцзянскому вопросу, которая развернулась в Китае в 60-70-х годах XIX в.,⁴⁰ победу одержали представители группы Цзо Цзунтана, настаивающие на необходимости возвращения Синьцзяна в лоно империи и неприемлемости для империи существования в его пределах даже полунезависимых мусульманских государств.

В апреле 1875 г. китайский император назначил Цзо Цзунтана имперским уполномоченным по военным делам в Синьцзяне, который сформировал армию в 60 тыс. человек для Западного похода. В апреле 1876 г. войска под его командованием вошли в Ланьчжоу, в июне другая группировка достигла Цземусара, а 18 августа 1876 г. маньчжурские войска заняли Урумчи. К ноябрю был взят под контроль весь северный Синьцзян,⁴¹ и следующей целью экспедиционного корпуса Цзо Цзунтана стало государство Йэттишар.

Весной 1877 г. начался второй этап Западного похода. В течение первого полумесяца маньчжурскими войсками были захвачены восемь городов, открывающих дорогу на южный Синьцзян.⁴² Осенью Цзо Цзунтан передислоцировал свои войска в районы Южного Притяньшанья и бассейн реки Тарим, а в течение октября – декабря были заняты города Карашар, Курля, Кучар, Аксу и Уч-Турфан. 17 декабря 1877 г. пала столица государства Йэттишар город Кашгар.⁴³ К январю 1878 г. вся территория Синьцзяна, за исключением Илийского края, была возвращена под юрисдикцию Цинской империи.

В начале 1879 г. начались русско-китайские переговоры о возвращении Илийского края Китаю. 20 сентября был подписан Ливадийский договор о возвращении Илийского

края Китаю. К России, согласно договору, отходил небольшой западный участок долины реки Или и долина реки Текес для “поселения в них жителей Илийского края, которые пожелают принять российское подданство”, а также район Музартского перевала через Тянь-Шань, связывавший кратчайшим путем Илийский край с Восточным Туркестаном.⁴⁴

Однако эти положения договора не удовлетворили китайскую сторону. Представлявший ее на переговорах военный губернатор Мукдена Чун Хоу по возвращении в Китай был арестован и ожидал казни, а в руководстве Китая начали усиливаться настроения на отторжение от России этих территорий военным путем. Инициатором их выступил Цзо Цзунтан, опьяненный своими успехами в покорении Синьцзяна. При этом, однако, он пренебрег двумя обстоятельствами. Во-первых, тем, что своими успехами в Синьцзяне он не в последнюю очередь был обязан изменившейся политике России в отношении полунезависимых мусульманских государств, расположенных на территории края. А во-вторых — что Россия, даже ослабленная в ходе русско-турецкой войны, по своей военной мощи не только вполне могла соперничать, но и значительно превосходила цинский Китай.

В конечном итоге возобладала компромиссная позиция Ли Хунчжана — постоянного противника Цзо Цзунтана при императорском дворе. Летом 1881 г. в Петербурге возобновились переговоры по проблеме Илийского края. Учитывая необходимость достижения компромисса, представители русской стороны решили отказаться от претензий на Музартский перевал и долину реки Текес, ограничив свои требования небольшим участком на западе Илийского края.⁴⁵ Эта позиция во многом облегчила ход переговоров, и они к обоюдному удовлетворению сторон завершились подписанием Петербургского договора, согласно одному из условий которого из Илийского края в пределы Российской империи могли переселиться все желающие. Желающих переселиться в Казахстан и Среднюю

Азию оказалось примерно 100 тыс. человек (почти все уйгуры и казахи, а также большая группа дунган). Учитывая ограниченность земельных фондов Казахстана и Средней Азии, русская администрация Туркестана дала согласие принять около 70 тыс. человек.⁴⁶

Так завершилась еще одна страница истории Западного края, который вновь утратил свою независимость и подпал под юрисдикцию сначала загнивающей Цинской империи, а позднее – Китайской Республики и КНР. И по-видимому, во многом права российский исследователь Д.В. Дубровская, подчеркивающая, что, “говоря о причинах завоевания Цинами Джунгарии и Восточного Туркестана, нельзя, вероятно, исходить из того, что маньчжурские властители пошли на это, гонимые земельным голодом, а скорее следует уделить основное внимание взглядам цинских верхов на политическую значимость этого ключевого района Центральной Азии, традиционно привлекавшего маньчжурский двор главным образом по военно-политическим соображениям, как и при предыдущих династиях”⁴⁷.

Но в отличие от предыдущих династий, насаждение элементов китайской культуры среди туркестанцев при цинах шло не естественным историческим путем, а насильственно. Именно при цинах китайское влияние в Восточном Туркестане начало проявляться очень отчетливо. Была окончательно сформирована система управления этим непокорным краем, управлять которым от имени центра должны были чиновники из числа местных народов, лояльные к центральной власти и находящиеся под контролем военной администрации края. Вместо немедленного превращения новых земель в провинцию, маньчжурское правительство обратило их в имперское наместничество, учредив должности военных губернаторов в округах края, помощников военных губернаторов, командующих дивизиями и прочих военных чиновников. И это сыграло весьма значительную роль в удержании Синьцзяна в составе Китая. Находясь под юрисдикцией Китая, он в то же время пользовался

определенной степенью самостоятельности, а на местную администрацию всегда можно было “списать” перегибы в национальной политике.

Теоретическое обоснование концепции «Чжунхуа миьцзу»

История взаимоотношений ханьцев с окружающими Срединное государство этносами дает нам убедительные свидетельства о значительной доли преемственности в политике как китайских императоров, так и руководителей Республиканского и Народного Китая по отношению к пограничным районам и населяющим их этносам. В самых общих чертах эта преемственность просматривается в нескольких сферах:

во-первых, поощрение миграции ханьцев и их расселение на обширных пограничных территориях Китая

во-вторых, использование местной элиты и духовенства для проведения в жизнь намеченной центральным руководством политики

в-третьих, широкое применение принципа “контроля за варварами при помощи варваров” (“и и чжи и”), предусматривающего усиленное подчеркивание региональных, этнических и клановых различий и учитывающего внутреннюю нестабильность среди неханьских, особенно мусульманских народов

в-четвертых, игра на противоречии между “великоханьским шовинизмом” и “местным национализмом”

наконец, использование военной силы для освоения пограничных районов и формирования господствующей элиты за счет армейских кадров.

Причем, все это характерно не только для официальной политики центрального руководства, но и для независимых от него на определенных этапах исторического развития Китая местных руководителей приграничных территорий.

Существенное значение имела и специфика подхода к окружающим Срединное государство народам. В древности и средневековье наиболее распространенной в Китае была идея этноцентризма – превосходства ханьского этноса (в силу его численности, прежде всего) над соседними народами, которые рассматривались не иначе как “варвары”, не зависимо от того проживали ли они в пределах Срединной империи или вне нее. Эта идея оставалась доминирующей и в новое время, когда сам Китай по существу функционировал как полукOLONиальное, полуфеодальное государство, а влияние маньчжурского двора и правительства Республиканского Китая на его национальные окраины было несущественным.

В силу доминирования идеи этноцентризма, имперская государственность даже при Цинах, не говоря уже о более ранних династиях, не особенно утруждала себя заботой обоснования своего присутствия на новых землях. Главная цель состояла в том, чтобы удержать их в качестве вассальных, а позднее – государственных территорий и обеспечить их номинальное подчинение центральному руководству через своих наместников и при содействии военных карательных экспедиций. Искусно используя принцип “и и чжи и” и учитывая объективные противоречия между тюркоязычными народами региона, династийные администрации достаточно успешно выполняли свои задачи.

В конце XIX в. ситуация начинает меняться. Во-первых, в Китае поднимается волна антиманьчжурских и антиимпериалистических выступлений, проходящих в контексте усиления национально-патриотических чувств ханьцев. Во-вторых, в Китай начинают проникать новые идеологические воззрения, а вместе с ними – новое понимание окружающей Китай Ойкумены и взаимоотношений с соседними народами. Однако это практически никак не отразилось на взаимоотношениях ханьцев с проживающими в Китае иноэтническими группами.

Главный лозунг, выдвигаемый руководителями патриотического движения в Китае, сводился к устранению от власти маньчжуров и возрождению ханьского Китая.

Причем, речь шла именно о ханьском, а не каком-либо ином Китае. Один из идеологов Гоминьдана Ван Цзинвэй, разъясняя смысл понятия национализм (миньцзучжуи), подчеркивал, что этот принцип требует создания “нацией, обладающей большими политическими способностями”, своего “национального государства”.⁴⁸ Что касается других этнических групп, то, по мнению идеологов Гоминьдана, они подлежали ассимиляции. В статье, вышедшей в 1907 г., Ван Цзинвэй поясняет, что “национализм, которого мы придерживаемся, исходит из того, что все национальности должны быть ассимилированы в одну нацию”. И далее: “(Мы) не говорим, что национальности помимо ханьцев не могут существовать в Китае, но считаем, что все они должны быть ассимилированы ханьцами как жители (ханьского) Китая”. “Механизм” ассимиляции неханьцев ханьцами, согласно Ван Цзинвэю, отличается тем, что ассимилирующая нация, то есть ханьцы, предпочитает не воспринимать качеств ассимилируемых этносов. “Эталоном должны быть ханьцы”.⁴⁹ Этой же позиции придерживался и лидер Гоминьдана Сунь Ятсен, для которого превращение Китая в однопациональное государство являлось основополагающей целью.⁵⁰

С крахом Цинской империи в 1911 г. и приходом к власти в Китае “республиканского” руководства ситуация несколько изменилась. Как говорится, “положение обязывало”. Синьхайская революция, прошедшая главным образом под антиимпериалистическими лозунгами, внесла некоторые корректировки в подходы Гоминьдана по национальному вопросу. Синьхайской революцией была рождена доктрина “У цзу гунхэ” – “Республика пяти национальностей” (ханьцев, маньчжуров, монголов, “мусульман” и тибетцев), поддержанная многими революционерами и ставшая популярной в стране. Закрепление этой доктрины в качестве основы государственного строительства, тем не менее, не означало, что она безоговорочно принималась всеми лидерами Гоминьдана.

Сунь Ятсен, как главный идеолог партии и государства, был вынужден мириться с этой доктриной, но по-прежнему

оставался сторонником создания в Китае национального, то есть ханьского государства и превращения Китая из полиэтнического в однонациональный. А это требовало разработки такой теоретической концепции, которая бы, учитывая разнородность этнических составляющих населения государства, обеспечила его территориальное и политическое единство. И такая концепция появилась в виде теории о “единой китайской нации” (“чжунхуа миньцзу”), состоящей из разнородных этнических компонентов, связанных “единством хозяйственной и культурной жизни”.

В контексте общих рассуждений Сунь Ятсена о понятии “нация” в его ранних и более поздних работах появление концепции “китайской нации” — вполне закономерный этап эволюции его взглядов. Хотя в самих этих взглядах присутствует, впрочем, весьма распространенное и в наше время, смешение этатистского и этнического толкования понятия “нация”. С одной стороны, Сунь Ятсен под “большой китайской нацией” всегда имел в виду этнически гомогенную нацию и никогда не понимал под нацией политическую общность,⁵¹ рассматривал нацию как извечное, а не историческое явление,⁵² беря за основу исключительно этнические характеристики. А с другой стороны, оставаясь в большей степени государственным и мечтая о воссоздании “Великого восточного государства”, он фактически придавал ему преимущественно этатистское, а не этническое звучание, о чем свидетельствует эволюция его взглядов на эту проблему.⁵³

В качестве подобия для своей концепции “китайской нации” Сунь Ятсен выбрал американский вариант “переплавки” в одном “плавильном котле” всех народов страны, которая должна была привести к образованию новой этнической общности. При этом ханьцы, по замыслу Сунь Ятсена, должны были пойти на “жертвы” со своей стороны, то есть отказаться от кровного родства, “расстаться” с именем своей нации и т.п. Как полагал Сунь Ятсен, при активных действиях реализовать этот позитивный план создания единой нации

можно было довольно быстро, и тогда “чжунхуа миныйцу”, стала бы “венцом мира”.⁵⁴

Однако вскоре подходы Сунь Ятсена к оценке доктрины “китайской нации” меняются коренным образом. Он окончательно убеждается в полной, с его точки зрения, несостоятельности идеи пятинационального Китая и еще более утверждает в правоте своей концепции однонационального Китая, поскольку видит, что неханьцы из большой пятерки склоняются к сепаратизму, а их поведение грозит разрушением целостности страны.⁵⁵ Сунь Ятсен возвращается к первоначальному варианту, согласно которому ханьцы ассимилируют все национальности, оставаясь при этом “самими собой”. По его мнению, нужно просто “переименовать ханьцев в чжунхуа миныйцу”, растворить всех неханьцев “внутри ханьцев”, и тогда “величие ханьцев потрясет весь мир”.⁵⁶

Заключительным аккордом в поисках Сунь Ятсеном теоретической концепции строительства китайской государственности стала концепция государственной нации (“гоцзу”, “гоцзя миныйцу”), к которой он пришел в 1923 г.

Поясняя свое понимание “нации”, Сунь Ятсен в 1924 г. писал: “Причины образования всех наций объясняются в общем естественным развитием. Однако при анализе этих причин они оказались более сложными. Наиболее важной из них является общность крови... следующей силой образования нации является образ жизни... третья большая сила образования наций – это язык... четвертая сила – это религия, пятая сила – нравы и обычаи”. И далее “Учитывая законы выживания наций в древности и теперь, следует сказать, что, если мы хотим спасти Китай и хотим, чтобы китайская нация продолжала существовать всегда, мы должны насаждать национализм”, который как один из принципов построения новой государственности на данном этапе в его понимании сводился к принципу “единства государства и нации”.⁵⁷

Аналогичные нелогизмы присутствуют и в рассуждениях Сунь Ятсена о “единой китайской нации”. С одной стороны,

им однозначно признается факт существования в пределах Китая наряду с ханьцами, “которые объединены в одно целое общностью крови, языка, письменности, религии, обычаев и нравов” и “во всех отношениях представляют собой единую нацию”,⁵⁸ других этнических групп. А с другой — “китайская нация” понимается им как “государственная нация”, силами которой, начиная с династий Цинь и Хань, и создан Китай.⁵⁹ Включая в состав “государственной нации” ханьцев, “составляющих подавляющее большинство нации, несколько миллионов монголов, миллион с небольшим маньчжуров, несколько миллионов тибетцев, миллион и несколько сотен тысяч мусульман”,⁶⁰ Сунь Ятсен тем самым как бы дезавуировал первоначальный смысл понятия “чжунху миньцзу”. В новой концепции неханьским народам Китая отводилась роль “второстепенных” этнических групп, интересами которых, в случае необходимости, можно было и пренебречь.

Квалификация ханьцев как государственной нации, надо полагать, расценивалась Сунь Ятсеном как наиболее соответствующая ее истории и ее современным задачам в Китае и мире. В свете переоценки внутренней национальной ситуации и ситуации вокруг Китая Сунь Ятсену уже не представлялась актуальной задача создания единой нации чжунхуа миньцзу как “нации будущего”. Гораздо существеннее было обеспечить реальной ханьской государственной нации ее независимость и равноправие в мире.⁶¹ В одной из речей, произнесенных в 1921 г., Сунь Ятсен подчеркивал мысль, что “китайский (“чжунго ды”) национализм не следует огульно именовать национализмом пяти национальностей; он должен называться ханьским национализмом”.⁶²

Эволюция взглядов Сунь Ятсена отчетливо демонстрирует попытку рассматривать “китайскую нацию” как “сложную нацию”, усиливая этатистский момент в ее характеристике, но сохраняя, однако, преобладающее значение этнических аспектов, чем, по-видимому, и объясняется включение в это понятие не всех проживающих в пределах Китая этнических групп, а только пяти из них, по мнению Сунь Ятсена, по своим этническим характеристикам способных

рассматриваться в качестве “метаэтноса”, обладающего ханьским этническим самосознанием.

Другими словами, хотя, по сути, речь шла о “сложной нации” и, особенно в концепции “гоцзя миңьцзу” подчеркивалась ее этатистская, а не этническая сущность, место “суперэтноса” в ней отводилось этническим ханьцам, а “наднациональное самосознание” должно было подчиняться этническому самосознанию ханьцев.

Более категоричными в своих суждениях были преемники Сунь Ятсена по Гоминьдану. Так Чан Кайши писал: “Если говорить об истории становления нации, то наша китайская нация образовалась путем смешения нескольких родов. Эти многочисленные рода по своему происхождению представляют собой ответвления одной и той же расы, одной и той же системы, которая распространялась на восток от Памирского плато между бассейнами рек Хуанхэ, Чанцзян, Хэйлунцзян и Чжуцзян. Они имеют различную культуру, которая определяется различиями их географического окружения. В силу же различий в культуре возникают различные родовые фамилии. Однако на протяжении последних пяти тысяч лет между ними имели место многочисленные контакты, происходили постоянные миграции, вследствие чего они непрерывно перемешивались друг с другом и превратились в одну нацию. Однако движущей силой их слияния была культура, но не сила оружия, способы же слияния представляли собой покровительство, но не покорение”. И далее: “существующие ныне “пять родов” в действительности являются одной нацией (миңьцзу) и к тому же составляют одну расу (чжунцзу)... то, что пять родов имеют свои названия, происходит не потому, что они отличаются по расе и крови, а в силу различий в религии и географическом окружении. Короче говоря, выделение в нашем Китае пяти родов основано на региональных и религиозных различиях, а вовсе не на факторах расы и крови, это непременно должны уяснить себе все сограждане Китайской Республики”. Отсюда им делался вывод, что в Китае “нет такой области, которую можно было бы

разделить, можно было бы отделить, поэтому нет ни одной области, которая могла бы стать независимой”.⁶³

Таким образом, хотя Чан Кайши в своих рассуждениях и придерживается традиционной точки зрения об этнических составляющих “китайской нации” — ханьцы, маньчжуры, монголы, тибетцы, дунгане-мусульмане, тем не менее его трактовки настолько широки, а этнические характеристики столь расплывчаты, что невольно приходишь к заключению, что он стремился включить в это понятие не только населяющие современный Китай народы, но и те, которые когда бы то ни было проживали в пределах распавшейся Срединной империи. В его понимании “китайская нация”, как особый феномен человеческой общности, абсолютно тождественна государству. “5 тысяч лет назад, — пишет он, — китайская нация создала самое себя на Азиатском континенте. Другие государства, основанные 5 тысяч лет назад, ныне сохранились лишь в исторических упоминаниях”.⁶⁴ Подкрепляя именно этот тезис об “извечности китайской нации” и “извечности единого Китая”, и вводится новая интерпретация кровнородственных связей.

С приходом к власти КПК подходы к рассматриваемой нами проблеме несколько видоизменяются, принимая классовые очертания, с одной стороны, и воспринимая влияние советских трактовок, с другой. При этом, в большинстве работ китайских авторов как 50-х годов, так и, за редким исключением, современных речь идет главным образом об обосновании особенностей становления “китайской нации”, неприемлемости в условиях Китая принципа самоопределения наций и конфедеративного государственного устройства. Главная цель работ китайских авторов состоит в обосновании тезиса о том, что Китай исторически складывался как “единое многонациональное государство”, а “китайская нация” — как “суперэтнос”.⁶⁵

Существенным отличием новой концепции “китайской нации” от ее трактовок Гоминьданом стало то, что в это понятие включались все населяющие КНР этнические группы и, хотя бы формально, но признавалось наличие различных этносов,

которые, согласно новым трактовкам, рассматривались как “отдельные нации”.⁶⁶ Однако, как нам представляется, признание за всеми проживающими на территории КНР этническими группами статуса “нации” отвечало не столько фактическому положению дел, сколько политическим и идеологическим интересам, создавая фундамент для китайской “теории нации” и построения на ее основе новой концепции национально-государственного строительства.

Кардинально ситуация не изменилась и до настоящего времени. Хотя нельзя сказать, что проблема осталась на прежнем уровне (в китайской историографии присутствуют работы, в которых предлагаются весьма интересные трактовки и просматривается попытка вырваться из “порочного круга” теории нации), тем не менее и в работах современных китайских авторов продолжают сохраняться архаизмы прошлых лет, связанные с попыткой обосновать метаэтнический характер “китайской нации” через концепцию “извечного единого многонационального Китая”. Ущербность этой попытки, на наш взгляд, заключается в том, что авторы, по существу, верно выделяя условия формирования метаэтноса,⁶⁷ как бы забывают об одной весьма существенной детали – условия, при которых метаэтнос формируется в “сложную нацию”. По-видимому, своеобразие этого “порочного круга” заключается, с одной стороны, в попытке, толкуя понятие “нация” исключительно в этническом аспекте, при характеристике “китайской нации” использовать преимущественно идеологические и политические критерии, включая в него все проживающие на территории КНР этнические группы, что существенно упрощает само понятие, а с другой – в попытке связать собственные теоретические поиски с рамками доктринальных установок и сложившейся в КНР концепцией национально-государственного строительства.

Отсюда возникают весьма сомнительные теории рассмотрения нации исключительно в классовом ключе, извечности существования “китайской нации” в виде метаэтноса, объединяющего все этнические группы, так или иначе связанные с историей Китая.

По существу, не вызывает возражений то, что историческое развитие как самого Китая, так и населяющих его этнических групп, особенности их этногенеза и исторической судьбы, характера связей, роль ханьского этноса в истории страны и взаимоотношениях с другими народами создали определенные условия для формирования метаэтноса (хотя, с учетом тенденции к усилению этнического фактора в современном мире и стремления большинства этнических групп к формированию самостоятельных этнонациональных государств, и они не являются абсолютными), но рассматривать “китайскую нацию” в качестве метаэтноса, включающего в себя все проживающие на территории КНР этнические группы, на наш взгляд, исторически несостоятельно. И уж тем более преждевременно рассматривать ее как “сложную нацию”. Поскольку преждевременно говорить о достаточной степени социальной дифференциации (особенно внутриэтнической), о сопоставимости уровней социально-экономического и культурного развития ее разнородных этнических составляющих, достаточной степени сформированности единой гражданско-государственной общности, в которой узкоэтнические интересы отдельных этнических и социальных групп подчинены национальным интересам единого государства.

Процесс создания этих условий в полиэтнических государствах, где социально-экономические и культурные различия между этносами достаточно очевидны, требует продолжительного времени целенаправленной политики со стороны государства. Если этого нет, то никакие призывы к “национальному единству” и “национальной консолидации” не в состоянии остановить естественного процесса этнического обособления, за которым очень скоро появляется тень этнического сепаратизма.

Уйгурская государственность в XX в.: миф или реальность

Существенное значение в осуществлении практической политики Гоминьдана в приграничных районах в предшествующий образованию КНР период имело и то обстоятельство, что населяющие их этносы фактически оставались вне сферы ее влияния. Действительный контроль над ними осуществлялся местными губернаторами, формально хотя и подчиненными центральному правительству, но в силу отдаленности районов и неразвитости инфраструктуры в Китае фактически являющимися независимыми от него и осуществляющими политику, в том числе и в сфере регламентации межэтнических отношений, сообразно своему пониманию и без ссылок на какие-либо центральные китайские власти.

В провинции Синьцзян на протяжении всего республиканского периода у власти находились три губернатора, каждый из которых внес свой “вклад” в решение национальной проблемы и в интеграцию преимущественно тюркоговорящей мусульманской провинции собственно в Китай, — Ян Цзэсинь (1912-1928), Цзинь Шужэнь (1928-1933) и Шэн Шицай (1933-1944).

Для политики первого было характерно подчеркивание региональных, национальных и клановых различий; исключение внешнего, особенно русского, а позднее и советского влияния на Синьцзян; использование ближайшего окружения в административном аппарате провинции и балансирование на национальных и клановых интересах местной элиты, привлекаемой Яном не только для проведения его политики в жизнь, но и используемой с целью взаимной нейтрализации группировок национальной аристократии. Поддерживая номинальную связь с Нанкином, в действительности он стремился к возможно большей независимости, стремясь ограничить попытки Гоминьдана включить Синьцзян в сферу своей деятельности.⁶⁸ Отличительной чертой политики Яна являлось то, что он строго контролировал социально-экономическое развитие

провинции, не допуская расширения промышленности и изменения социальной структуры населения. Особо строгие меры предпринимались по противодействию советскому влиянию и попыток пропаганды марксизма-ленинизма в Синьцзяне.⁶⁹ Активно использовалась Яном и апробированная политика “контроля за варварами при помощи варваров”. Он искусно использовал противоречия между казахами и монголами, населяющими север провинции, и между уйгурами Южного Синьцзяна и кочевниками Северного. “В результате рассудительной политики Ян Цзэсиня, — по замечанию Э. Форбеса, — мусульманская оппозиция его правлению была ограниченной и бесплодной”.⁷⁰

Цзинь Шужэнь, в отличие от Ян Цзэсиня, опирался в своей политике на узкий круг родственников и друзей, а также широко использовал войска, изгоняя из вооруженных формирований и административного аппарата провинции дунган и заменяя их ханьцами, что “сразу вызвало недовольство народа” и привело к возникновению в Синьцзяне смуты.⁷¹ Период правления Цзинь Шужэня изобилует различного рода выступлениями уйгуров на юге Синьцзяна. И хотя в большинстве своем эти выступления являлись неорганизованными и носили религиозный, националистический характер, а среди их участников и лидеров отчетливо наблюдались противоречия,⁷² тем не менее, некоторые из них привели к возникновению новых государственных образований на территории Синьцзяна. Правда, этими же обстоятельствами была обусловлена и слабость вновь образованных государств. В своей работе “Тайна годов” Зия Самади отчетливо прослеживает ту мысль, что восстания 30-х годов в Синьцзяне носили чисто религиозный характер, принимая форму газавата (“священной войны”) за создание на территории Восточного Туркестана мусульманского самостоятельного государства. Соответственно, и возглавлялись они деятелями религиозного толка — Хаджи Нияз, Сабит Домулла, Мухамметдин Бугра. Движения этих трех лидеров носили разрозненный характер, но цель была одна — борьба за веру и изгнание гоминьдановцев и

китайцев (кяфиров) с территории Синьцзяна с последующим заручительством в поддержке со стороны мощного союзника, желательно мусульманского толка.⁷³

По сути, аналогичные оценки характера восстаний 30-х годов содержатся и в работах других авторов.⁷⁴ Хотя непосредственной причиной восстаний и послужили проблемы социально-экономического свойства, в терминологии повстанцев не прослеживалось ни социалистической, ни просоветской риторики, восстания на юге Синьцзяна имели в первую очередь религиозный, националистический, а не просоветский характер.⁷⁵

В нашу задачу не входит доказательство непричастности Советского Союза к организации этих восстаний. Во-первых, это достаточно подробно показано в специальных работах.⁷⁶ А во-вторых, характер взаимоотношений СССР с Китаем в тот период, та роль, которую играл Синьцзян в этих отношениях, наконец, особенности национально-освободительного движения в Синьцзяне показывают, что принятие стороны повстанцев для СССР было крайне невыгодным со всех точек зрения. Хотя мы не можем отрицать и того факта, что во многом эти восстания были спровоцированы политикой советских властей в 20-е – 30-е годы в отношении проживающих на территории СССР уйгуров.

Для нас более важным является проблема оценки тех государственных образований, которые возникли в результате восстаний, и их способности к самостоятельному существованию. В 30-е годы таким государством стала Турецко-Исламская Республика Восточный Туркестан (ТИРВТ), возникшая на территории Хотанского и Кашгарского округов.

20 февраля 1933 г. Комитет за национальную революцию (КЗНР)⁷⁷ образовал в Хотане так называемое временное правительство. Возглавил это правительство Сабит Домулла, который не только принес в КЗНР “политическую информацию и опыт”, но и чьи связи с англичанами были общеизвестны.⁷⁸

12 апреля 1933 г. в результате военного переворота к власти в Синьцзяне пришел новый губернатор – Шэн Шицай,

который коренным образом изменил “бездумную политику” своего предшественника Цзинь Шужэня, приведшую к восстаниям мусульманского населения по всей провинции.

Одним из первых шагов Шэн Шицая по отношению к национальным меньшинствам Синьцзяна было содействие становлению независимых национальных лидеров в среде различных враждующих группировок с последующим балансированием на различии их интересов и использовании в своем аппарате с целью проведения в жизнь правительственной политики. Параллельно с этим осуществлялось жесткое подавление любых антиправительственных, антиханьских выступлений в регионе. Пожалуй, это было единственным случаем учета Шэн Шицаем директив центрального правительства на начальном этапе его господства в Синьцзяне, хотя и здесь он стремился опираться на собственные силы и поддержку СССР, справедливо полагая, что его “воцарение” в Синьцзяне вряд ли получило бы поддержку в Нанкине.

Адресованная лично ему и Лю Вэньлуну директива центра, предусматривающая “беспощадное подавление силой оружия народных выступлений”, предполагала совместно с передислокацией 2-3 дивизий из провинций Ганьсу и Шэньси с дополнительным введением в Синьцзян пяти тысяч солдат, оснащенных современными видами вооружения, направление из центра обладающего большой практикой управления и знающего военное дело человека с особыми полномочиями для управления провинцией,⁷⁹ что недвусмысленно демонстрировало отношение центра как к самому Шэн Шицаю, так и к узурпации им власти в Синьцзяне. Естественно, что выполнение этой директивы не входило в планы Шэн Шицая, также как и выполнение ее последнего пункта, требовавшего “проведения политики слияния коренного населения с ханьцами и постепенного увеличения ханьцев в крае с целью достижения их численного превосходства и ассимиляции коренных народов”.⁸⁰

Именно эти обстоятельства предопределили на первом этапе такие особенности политики Шэн Шицая, как

просоветская позиция с вытекающим отсюда признанием элементов практикующейся в СССР национальной политики, и запрещение миграции ханьцев в Синьцзян в попытке умиротворить тюркоговорящее мусульманское большинство.

Опубликованная им программа первоочередных мероприятий правительства как раз и предусматривала цель умиротворения. В ней декларировалось, что:

все национальности равноправны в сфере политики, экономики и образования

все местные чиновники, вне зависимости от их социального и национального положения назначаются на должность на принципах выборности и аттестации (экзаменовки)

народу предоставляется свобода слова, собраний и печати
упраздняется практиковавшаяся в период Цзинь Шужэня незаконная антигуманная политика селекции, проводящаяся в отношении народа

развитие транспорта осуществляется в целях улучшения условий жизни всех национальностей во всех регионах

развитие производства осуществляется с целью обретения Синьцзяном независимости

оказание помощи крестьянам осуществляется в целях укрепления и наполнения экономики деревни

внешние сношения передаются центру

осуществляется партийность образования

осуществляется единство и централизация финансов.⁸¹

Позднее были провозглашены и перспективные программные установки, сведенные в “Шесть основных направлений политики”: (1) антиимпериализм; (2) дружба с СССР; (3) национальное равенство; (4) неподкупность правительства; (5) мир и (6) реконструкция.⁸² Конкретизируя третий пункт, Шэн Шицай писал: “Синьцзян населяет четырнадцать национальностей, каждая из которых находится на разных этапах социально-экономического, политического и культурного развития, и поэтому мы должны исходить из позиции от размежевания к сплочению, то есть нужно прежде всего развивать культурный уровень каждой отдельно

взятой национальности на основе своей национальной письменности и языка. Когда же будет достигнута высокая культура всех национальностей, перед всеми народами Нового Синьцзяна будет стоять единая для всех задача – строительство нового цветущего Синьцзяна”.⁸³

И здесь нельзя не признать искреннего стремления Шэн Шицай к превращению Синьцзяна в образцовую провинцию Китая, поднятия культурного уровня населения, повышения экономического потенциала региона и развития новых для него промышленных сфер производства. Во всяком случае, большинство как доброжелательных, так и враждебных отзывов о периоде правления Шэн Шицай указывают на это обстоятельство, как на значимую положительную черту его политики, давшей конкретные результаты. Однако, “культурно-просветительское” направление политики Шэн Шицай, так же как и “содействие становлению независимых национальных лидеров”, составляли ее видимую часть. Скрытая же часть базировалась на усилении своего положения в качестве дубаня провинции и обеспечении гарантий от возможных выступлений местного населения. А достижение этих целей предусматривало и иные средства. Параллельно с преобразованиями в сфере экономики и культуры предусматривалось: увеличение воинских (главным образом ханьско-дунганских) формирований, жесточайшее подавление любых выступлений на национальной почве, политический террор и насаждение атмосферы тотального страха.

Не забывал Шэн Шицай и о том, что ситуация в провинции далека от стабильности. В Кашгаре действовал КЗНР, возглавляемый Мухамметдином Бугра, в Хотате – “правительство хотанских эмиров” во главе с Сабитом Домуллой, в Хами продолжалось восстание во главе с Хаджи Ниязом. На севере провинции не прекращались выступления казахов. Китайские и тюркоязычные источники отмечали “заговоры” с целью внесения смуты и “движения сопротивления” “тираническому” китайскому господству, имевшие место в 1933-1934 гг. “Свободно блуждающие” отряды казахов совершали нападения на поселения уйгуров

и ханьцев, что частично являлось выражением общего сопротивления ханьскому господству, но одновременно преследовало и грабительские цели.⁸⁴

Летом 1933 г. удалось достичь соглашения о перемирии с Хаджи Ниязом. Соглашение предусматривало создание на юге провинции национальной автономии уйгур, привлечение в состав правительства людей различных национальностей и ряд других, уже ранее декларированных Шэн Шицаем преобразований. В ответ Хаджи Нияз обязался сотрудничать с правительством Синьцзяна в установлении мира и порядка в провинции.⁸⁵

Тем не менее 12 ноября 1933 г. в Кашгаре было провозглашено создание независимого государства – ТИРВТ, руководство которой начали активную работу по организации дипломатического признания своей республики со стороны ближайших соседей из числа мусульманских государств и Англии. В целях придания большей легитимности новой республике ее президентом заочно был избран признанный лидер национально-освободительного движения в Синьцзяне Хаджи Нияз. Однако и это не помогло. Республика просуществовала менее полугода. В начале 1934 г. Ма Чжунин, отступая под ударами “Алтайской добровольческой армии”⁸⁶ и уйгурской мусульманской армии Хаджи Нияза, занял Кашгар – столицу ТИРВТ, и республика прекратила свое существование. Ее руководство “было окончательно разогнано или арестовано уйгурской мусульманской армией Хаджи Нияза, которая, преследуя Ма Чжунина, вслед за ним заняла Кашгар”.⁸⁷

По справедливому замечанию Эндрю Форбеса, “ТИРВТ была обречена с самого начала, так как, заняв бескомпромиссно “тюрко-исламские” позиции, она лишила себя действительных союзников, одновременно обеспечив враждебность трех наиболее могущественных сил в Синьцзяне – дунган, провинциальных властей и Советского Союза”.⁸⁸

Политика ТИРВТ сочетала в себе явную приверженность к применению исламского закона шариат с очевидной

готовностью приспособить или изменить исламские обычаи в соответствии с требованиями современных социальных и политических условий. Внутренняя политика ТИРВТ была направлена на создание радикальной исламской системы, основанной на шариате, но включающей определенные образовательные, экономические и социальные реформы, в то время как ее внешняя политика была устойчиво антисоветской, также как антидунганской и антиханьской.⁸⁹ Эта узко националистическая направленность отчетливо проявлялась в местной прессе тех лет. Так “Кашгарский еженедельник” писал: “...Восточный Туркестан принадлежит тюркам и без всякого инороднического вмешательства... китайцы, как и дунгане, к Туркестану не имеют никакого отношения... мы не должны употреблять другой язык и письменность, перенимать чуждые нам нравы и обычаи, культуру и знания. Все это нужно уничтожить и изгнать чужих навсегда с нашей священной территории”.⁹⁰ Необходимо подчеркнуть и то обстоятельство, что как сами выступления на юге Синьцзяна, так и политика ТИРВТ были ориентированы главным образом на уйгурское население провинции. Даже по отношению к казахам, настроенным не менее антигоминьдановски и антикитайски, не говоря уже о дунганах, руководители уйгурского национально-освободительного движения и руководство ТИРВТ относились с некоторым пренебрежением. Именно подобная направленность выступлений на юге Синьцзяна, выдвигаемые их лидерами цели, изолированность, как от внутренних, так и от внешних союзников, послужили причинами непрочности их результатов.

Политический террор, система тотального сыска и жестокое вооруженное подавление оппозиции служили надежным инструментом в руках Шэн Шицая, позволившим навсегда сломить мощь дунган в Синьцзяне и временно подавить тюркский мусульманский национализм на юге провинции. Не меньшую значимость имела и просоветская позиция Шэн Шицая на начальном этапе его правления, позволившая нейтрализовать деятельность отдельных

подпольных групп прокоммунистического и просоветского толка. Как свидетельствует Сайфудин Азизи, “... в тот период мы – вернувшаяся после обучения в СССР молодежь – доверяли советскому правительству и преклонялись перед сталинской идеологией. В Синьцзяне было много образованной молодежи, которая мыслила одинаково с нами. Оставаясь на этих позициях, мы считали, что все поддержанное советским правительством и особенно Сталиным – правильно, поэтому Шэн Шицай не может ошибаться, а его дела – правильны”.⁹¹ И хотя за этот короткий период не удалось решить задачи “достижения численного превосходства ханьцев в населении провинции”, наличие значительного воинского контингента⁹² позволило выполнить другую, не менее важную задачу – поддерживать положение Синьцзяна в качестве “неотъемлемой части территории Китая”. Однако, по справедливой оценке Э. Форбеса, “мусульманская оппозиция китайскому господству в Синьцзяне не уменьшилась... она ушла в подполье, где развертывалась количественно и по степени зрелости только для того, чтобы вновь проявиться вслед за разрывом Шэна с Советским Союзом и последующей утратой власти, как горькое наследие последнего милитариста Синьцзяна его гоминьдановскому преемнику”.⁹³

До того, как вновь назначенный губернатор У Чжунсинь прибыл в провинцию, разрозненные выступления казахов на Алтае и в Тарбагатае дополнились более организованным и широкомасштабным восстанием в Илийском округе, получившем мощную поддержку в политическом, организационном и военном аспектах со стороны Советского Союза. В данной работе мы не останавливаемся на подробном анализе событий “революции трех округов” – это тема специального исследования, а обратим внимание лишь на те обстоятельства, которые имеют значение для рассматриваемого нами вопроса.

Что обращает на себя внимание, так это разнородность организационных сил, стоящих у руководства движением. Во-первых, возглавляемые представителями феодальной и

родовой элиты, имеющими противоположные взгляды, а порой и враждебно настроенными по отношению друг к другу, разрозненные вооруженные формирования казахов во всех трех округах. Во-вторых, оседлое сельское и городское население (главным образом уйгуры), объединенное на панисламистской основе в борьбе против гоминьдановского господства и составляющее основную массу населения трех округов. Лидерами этих социальных сил являлись, как правило, выходцы из феодальной знати и духовенства, а их лозунги базировались на “борьбе за чистоту веры”, “объединении всех тюркских народов”, “изгнании неверных” из региона и т.д., то есть имели антиханьскую и антикоммунистическую направленность. Ярчайшим представителем этого направления являлся Алихан-тюре. Наконец, незначительная, но получающая мощную поддержку со стороны Советского Союза и добивающейся все больших успехов на фронтах борьбы с Гоминьданом КПК группа просоветски, прокоммунистически настроенной интеллигенции, представленной, с одной стороны, получившими базовое образование в СССР и вернувшимися в Синьцзян лидерами, а с другой — действующими на территории провинции нелегальными организациями просоветского, прокоммунистического толка.

Каждая из этих групп обладала своими достоинствами и недостатками, которые, с одной стороны, предполагали наличие союзника в борьбе против Гоминьдана, а с другой — ограничивали спектр возможностей по поиску такового и не позволяли добиваться сколь-нибудь значительного успеха самостоятельно.

Первая контролировала весь Алтай и часть Тарбагатай, и хотя ее выступления были разрознены, а противоречия между лидерами отдельных группировок превалировали над общенациональным интересом, она представляла собой серьезную угрозу провинциальному правительству, являясь, по признанию Шэн Шицая, “постоянным бельмом на глазу”⁹⁴

Вторая обладала широчайшей социальной опорой, объединяя основную массу оседлого сельского и городского

населения, но, имея антиханьскую и религиозную направленность, лишала себя поддержки не только со стороны внешних сил, но и части союзников внутри региона.

Третья обеспечивала поддержку со стороны СССР и КПК, что оказалось решающим фактором как в победе “Илийского восстания”, так и в развитии дальнейших событий “революции трех округов”, но, следуя логике политического компромисса и необходимости учета интересов трех сил в Синьцзяне – СССР, КПК и Гоминьдана, – обрекала населяющие регион этнические группы на коммунистическую редакцию китайского правления в регионе.

Противоречия между этими силами и предопределили не только компромиссность характера национально-освободительной борьбы в Синьцзяне в 40-е годы, но и ограниченность возможностей образованного в ее результате государственного образования.

На первом этапе претворения в жизнь программы “революции трех округов”, начавшемся 12 ноября 1944 г. образованием Восточно-Туркестанской Республики (ВТР), “первую скрипку” играла вторая группа, державшая в своих руках ключевые посты в правительстве. И хотя в своих заявлениях она была вынуждена делать некоторые уступки представителям первой и третьей групп, главное направление ее деятельности имело четко выраженную антиханьскую, панисламистскую направленность. Американский историк Д. Барнетт совершенно справедливо подчеркивает, что “хотя Илийский режим и был подвержен влиянию России, он все-таки руководствовался политикой, которая прежде всего была националистической, чем идеологической. Илийский режим не советизировал регион, который он контролировал. Что касается религии, то режим не придерживался в этом вопросе марксистской политики”.⁹⁵

Характерен в этом отношении принятый 5 января 1945 г. на четвертом заседании Временного правительства ВТР “Манифест 9 пунктов”, предусматривающий:

(1) на территории Восточного Туркестана окончательно ликвидировать господство китайской диктатуры;

(2) в пределах территории Восточного Туркестана на базе равенства всех национальностей создавать действительно освобожденную суверенную республику;

(3) в целях всестороннего развития Восточного Туркестана в экономической области необходимо развивать промышленность, сельское хозяйство, животноводство, частную торговлю, повышать материальное благосостояние народа;

(4) поскольку большая часть населения Восточного Туркестана исповедует ислам, необходимо оказать поддержку этой религии; одновременно обеспечивается свобода и защита других религий;

(5) развивать культуру, образование и здравоохранение;

(6) установить дружественные отношения со всеми народно-демократическими государствами мира, в особенности с правительством сопредельного Восточному Туркестану СССР; одновременно установить связи с правительством Китая в экономической и политической областях;

(7) в целях защиты Восточного Туркестана и поддержания мира, привлекая все национальности Восточного Туркестана, образовать мощную армию;

(8) банки, почта, телеграф, леса и недра передаются в собственность правительства;

(9) ликвидировать вредные поветрия индивидуализма, бюрократизма, национализма, а также алчности и коррупции”.⁹⁶

Думается, нет необходимости комментировать этот документ, его содержание говорит само за себя, как отражая главные задачи правительства, так и определенную долю противоречий во взглядах его членов. Отметим лишь одно – этот документ выработан и при участии так называемой “революционной группы”, в которую входили А. Касими и А. Аббасов. И хотя все современные источники говорят об их приверженности марксизму-ленинизму, по-видимому, взгляды “революционной группы” на будущее национально-государственное устройство Синьцзяна не столь радикально

отличались от взглядов “прогрессивного духовенства”, исключая, может быть, фактор формирования политической элиты. Позднее А. Касими высказал довольно интересное признание: “Согласно стратегическим целям, нужно создавать Восточно-Туркестанскую Республику, следуя выдвинутому в самый начальный период революции лозунгу; однако условия (достигнутое в ходе переговоров перемирие с Гоминьданом. — К.С.) сняли вопрос о “создании Восточно-Туркестанской Республики”. И далее: “Ради мира мы оставили независимость и согласились подписать соглашение”.⁹⁷

Это признание относится к периоду середины 1946 г., когда необходимость в коалиции указанных трех сил отпала. Алихан-тюре так же загадочно исчез с политического небосклона, как и появился. Временное правительство было реорганизовано и “первую скрипку” в нем начала играть просоветская, прокоммунистическая группировка. Среди вооруженных формирований казахов произошел очередной раскол — часть из них примкнула к ВТР, а часть решила вести самостоятельную антигоминьдановскую и антикоммунистическую борьбу, что в условиях второй половины 40-х годов было равносильно подписанию себе смертного приговора.

Коалиция повстанческих сил распалась, ее заменили, с одной стороны, коалиция с Центральным правительством, достигнутая в результате мирных переговоров с Гоминьданом и подписанием устраивавшего как руководство ВТР, так и СССР мирного договора и приложений к нему, а с другой — фактический контроль над ситуацией в трех округах со стороны СССР и осуществление политики ВТР под его руководством и при непосредственном участии находящихся как в самом правительстве, так и в частях Национальной армии ВТР советников. Подобное положение, во всяком случае в плане интересующей нас проблемы, сохранялось практически до середины 50-х годов, когда власть в Синьцзяне прочно перешла в руки КПК.

Для этого периода характерным было признание руководством ВТР допущенных в начальный период революции

ошибок в национальном вопросе, сводящихся к антикитайской направленности революции; декларация о необходимости соединения национально-освободительного движения в Синьцзяне с общим потоком национально-демократической борьбы КПК и придание ему антиимпериалистической направленности; признание Синьцзяна в качестве неотъемлемой части территории Китая; с учетом специфики религиозной и социально-экономической ситуации в регионе сохранялись привилегии духовенства и феодальной знати, хотя, в соответствии с нормами просоветской идеологии, договоренность между руководством ВТР и Гоминьданом предусматривала ряд положений, направленных на улучшение положения трудящихся и ограничения самовластия феодально-родовой верхушки.⁹⁸

Особое внимание, главным образом в контексте рассматриваемой нами темы, следует обратить еще на несколько обстоятельств: роль Советского Союза в “революции трех округов” вообще и функционировании ВТР в частности; региональное значение Синьцзяна в политической игре, ведущейся между мировыми державами, за влияние в регионе; наконец, возможности Синьцзяна существовать в качестве суверенного государства.

На первый вопрос большинство как отечественных, так и зарубежных исследователей отвечают в том смысле, что без активной поддержки со стороны СССР “революция трех округов” вообще бы не состоялась.⁹⁹ Как сообщал английский консул в Урумчи Грэхэм, “всякий раз, когда повстанцы были не в состоянии добиться прогресса, через границы вводились подразделения Красной Армии, делали, что было необходимо, и уходили”.¹⁰⁰

И это отнюдь не случайно. Как показывают документы тех лет, влияние Советского Союза в Синьцзяне было настолько велико, что в 1941 г., до разрыва Шэн Шицая с СССР, он сам предлагал Сталину “Учредить Советскую республику Синьцзян и принять ее в состав СССР в качестве союзной советской республики”.¹⁰¹ После разрыва Шэн Шицая с СССР в Синьцзяне стремительно началось усиление английского

и американского влияния,¹⁰² что не могло устраивать ни правительство Чан Кайши, ни Советский Союз, который не преминул использовать свое влияние в северных регионах Синьцзяна и свои возможности по организации на территории провинции повстанческого движения.¹⁰³

В пользу этого тезиса говорит и дальнейшее развитие событий. Как только летом 1945 г. между Москвой и Нанкином было достигнуто соглашение по вопросам двусторонних отношений, Советский Союз не только начал постепенно приостанавливать поставки оружия и боеприпасов Национальной армии ВТР, но и активно содействовал началу переговоров между руководством ВТР и провинциальными властями (см. Приложение 2). При этом основополагающей позиций как МИД, так и МВД СССР в тот период была та, что “Советскому Союзу не следует брать на себя в предстоящих переговорах руководства ВТР с китайским правительством роль посредников, ибо это свяжет советским дипломатам руки и лишит их в дальнейшем пространства для политического маневра”.¹⁰⁴

Переговоры о мирном урегулировании “синьцзянского вопроса” начались в октябре 1945 г. одновременно с началом переговоров между Гоминьданом и КПК о прекращении военных действий. Центральное правительство представлял генерал Чжан Чжичжун, руководство ВТР – Ахметжан Касими. Переговоры шли достаточно трудно и полностью завершились лишь в июне 1946 г. подписанием “Соглашения 11 пунктов” и двух приложений к нему. Основные пункты соглашения предусматривали: изменение состава нового провинциального правительства, в которое предполагалось ввести 15 представителей уйгурского народа¹⁰⁵ и 10 представителей других национальностей по усмотрению центрального правительства; равенство местных и китайского языков при ведении дел во всех звеньях административного аппарата провинции, свободу слова, печати, собраний и организаций; свободу развития внутренней и внешней торговли; право сохранения национальной армии. Вопрос не только о предоставлении независимости Синьцзяну, но даже о предоставлении автономии в соглашении не ставился.¹⁰⁶

1 июля 1946 г. в день, когда “Соглашение 11 пунктов” и приложения к нему вступили в силу, было сформировано и новое коалиционное правительство в Синьцзяне. Указом, подписанным Чан Кайши, председателем правительства был назначен генерал Чжан Чжичжун. Первым заместителем председателя — Ахметжан Касими. В качестве заместителей председателя от ВТР также вошли: Абдукерим Аббасов — заместитель генерального секретаря, Рахимжан Сабиржоджа — помощник управляющего по гражданским делам; Сайфудин Азизи — уполномоченный по образованию. Кроме того, в состав нового правительства вошли: Бурхан Шахиди — второй заместитель председателя; Мухамметдин Бугра — уполномоченный по реконструкции; Айсая Юсуф Альптекин, Джанымхан — уполномоченный по финансам; Салыс — второй заместитель генерального секретаря; Масуд Сабри — контролирующий уполномоченный по Синьцзяну.¹⁰⁷

Однако этому коалиционному правительству была уготована недолгая судьба. Непрекращающиеся волнения по всему Синьцзяну,¹⁰⁸ противостояние группировок в самом правительстве и явное нежелание правительства Чан Кайши обсуждать вопрос не только о независимости, но даже и об автономии Синьцзяна преопределили его судьбу. С назначением на должность председателя правительства Масуда Сабри в мае 1947 г. коалиционное правительство распалось. 26 августа 1947 г. Ахметжан Касими и другие представители Илийской фракции заявили о своём выходе из состава правительства и выехали из Урумчи. Вслед за ними столицу провинции покинуло большинство членов консультативного комитета Синьцзяна, которые также выехали в Кульджу. Синьцзян оказался вновь расколотым на две враждебные зоны с отсутствием прямого сообщения между Кульджой и Урумчи и продолжающимся “революционным брожением” почти во всех округах. И хотя О. Латтимор связывает это исключительно с личностью самого Масуда Сабри, называя его “ручным уйгуром”,¹⁰⁹ на наш взгляд, это не совсем справедливо.

Срыв мирного соглашения между повстанцами и правительством Китая и назначение принятого “в штыки”

Масуда Сабри были вполне закономерными явлениями, связанными не столько с самой личностью Масуда Сабри, сколько с несколько иными причинами.

Во-первых, этим назначением как бы признавалось первенство уйгуров над казахами, участие которых в “революции трех округов” было весьма значительным, и тем самым косвенно вносился разлад в общее революционное движение в Синьцзяне.

Во-вторых, сами уйгуры Синьцзяна не представляли собой единой общины, и преобладающие среди них регионализм и клановость во многом питали не только вражду между ними, но и политические предпочтения. Именно поэтому внеклановый человек, каким был Чжан Чжичжун, а позднее – Бурхан Шахиди, являлся более предпочтительным на посту первого руководителя региона.¹¹⁰

В-третьих, нельзя не учитывать и того обстоятельства, что само гоминьдановское правительство Китая с самого начала не было намерено выполнять условия договора в полном объеме. Как подчеркивает Линда Бенсон, “... Центральное правительство, несомненно, осознавало, что полное выполнение договора о мире способствовало бы распространению местного национализма еще в большей степени, чем прежде, и, с точки зрения Китая, выполнение соглашения было не в его интересах... Более того, китайская сторона приняла условия договора, прежде всего рассчитывая на то, что она будет иметь дело только с Советским Союзом. Подписав договор, китайское правительство ожидало прекращения незначительных волнений. Когда же стало очевидным, что напряжение на территории провинции продолжает сохраняться, правительство, продолжая обвинять в этом Советский Союз, вместе с тем укрепилось в своем убеждении, что свобода в регионе приведет только к еще большему подрыву китайских позиций в провинции”.¹¹¹

Наконец, к 1947 г. Советский Союз, хотя и косвенно, но оказался втянутым в гражданскую войну в Китае, исход которой было трудно предсказать, а потому и трудно было однозначно определиться со своими политическими

приоритетами в Синьцзяне. Это понимало и китайское правительство в Нанкине, не совсем доверявшее руководству СССР в его планах относительно будущего Китая.

Весьма любопытным документом, свидетельствующим о переменчивости настроений в ЦК ВКП(б), является “Записка по Синьцзянскому вопросу” от 29 июня 1947 г., направленная в ЦК ВКП(б) секретарем ЦК КП(б) Казахстана Ж. Шаяхметовым, в которой, в отличие от документов прошлых лет, красной нитью проходит мысль о необходимости “закрепления политических и экономических завоеваний мусульман, восставших против китайцев в северных округах Синьцзяня, и дальнейшего развития национально-освободительного движения некитайских масс в этой провинции” (см. Приложение 3). По-видимому, в полном объеме инициатива ЦК КП(б) Казахстана принята не была, хотя, по свидетельствам очевидцев, некоторые аспекты этой директивы, особенно в плане “культурно-просветительской и пропагандистской работы” проводились в жизнь.

Неопределенность в позиции ЦК ВКП(б) сохранялась вплоть до 1949 г. К середине 1949 г., когда окончательная победа китайских коммунистов стала очевидной, изменилась и политика Советского Союза в трех округах.¹¹²

По соглашению с руководством СССР, опасавшегося усиления англо-американского влияния в Синьцзяне и попыток создания на его территории “исламского государства”, на переговорах представителя ЦК КПК Дэн Лицюня с руководством СССР последним было высказано пожелание во избежание ситуации, в которой “гражданская война в Китае примет международный характер” принять меры “к скорейшему освобождению Синьцзяна”. На основании полученной информации и получив поддержку со стороны СССР, ЦК КПК принял решение об освобождении Синьцзяна не к середине 1950 г., как планировалось раньше, а к концу 1949 г.¹¹³

20 октября 1949 г. подразделения НОА заняли город Урумчи, а 17 декабря было сформировано Синьцзянское провинциальное народное правительство из представителей

различных национальностей и социальных слоев. В правительство вошли 9 уйгуров, 3 казаха, 4 китайца, 2 дунганина и по одному представителю от всех других этносов. Возглавил правительство Бурхан Шахиди, а его заместителями были “избраны” Сайфудин Азизи и Гао Цзиньчунь.¹¹⁴

Демонстрируя свою приверженность новому курсу КПК и руководствуясь положениями “Общей программы” об осуществлении системы демократической диктатуры народа и принципа равенства всех этносов национальной политики КПК, а также, учитывая конкретную ситуацию в Синьцзяне, провинциальное правительство в своем программном обращении заявляло: “В пределах Синьцзяна все национальности равноправны, проводятся мероприятия по сплочению и взаимной помощи, против общих врагов внутри всех этносов, против великоханьского и местного национализма, выдвигаемого английским империализмом и его пособниками. Все этносы обладают равным правом в развитии языка, письменности, сохранении или изменении традиций и обычаев, а также свободой вероисповедания; запрещаются любые действия, ведущие к дискриминации, угнетению, сведению старых счетов, кровной мести и расколу национального единства”.¹¹⁵

С образованием провинциального правительства и признанием им изложенных в “Общей программе НПКСК” принципов Синьцзян, за исключением сохранившей до второй половины 1950 г. статус-кво ВТР,¹¹⁶ прекращает свое существование как квазинезависимая провинция Китая и попадает в сферу влияния пришедшей к государственной власти КПК.

В составе КНР: итоги социально-политического развития в 50-70-х годах

Не имеющая прочной социальной опоры в регионе, не знакомая с его спецификой, социальным и национальным

Административное деление Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР

Российская Федерация

составом населения, но стремящаяся как можно быстрее укрепить свои позиции в нем КПК пыталась осуществить первичные социально-экономические и политические мероприятия, базируясь на апробированном во внутренних районах Китая опыте. Как и во внутренних провинциях Китая, главная ставка делается на подразделения НОАК, которой в условиях системы военно-административных комитетов предоставляются неограниченные права. В соответствии с постулатом Мао Цзэдуна о том, что “армия не только боевой, но, и главным образом, рабочий отряд”,¹¹⁷ на дислоцированные в Синьцзяне подразделения НОАК возлагаются задачи подавления контрреволюции и сопротивления феодально-родовой знати; проведения социально-экономических и демократических преобразований в земледельческих и скотоводческих районах Синьцзяна; создания условий формирования представительных органов власти и т.д. Действовали эти подразделения на основе мероприятий, апробированных во внутренних районах Китая, и исходя из сложившегося в тот период понимания, что “национальный вопрос фактически является крестьянским вопросом”, а его разрешение означает “освобождение основной части народных масс данной национальности, которую составляют крестьяне, животноводы и другие трудящиеся”.¹¹⁸

Конечно же, нельзя отрицать той положительной роли, которую сыграли подразделения НОАК в социально-экономическом преобразовании Синьцзяна в первые годы становления новой государственности. Однако, необходимо обращать внимание и на то, что осуществление ряда преобразований без учета специфики региона и достаточного понимания сложившихся общинно-клановых, родоплеменных и межэтнических отношений обернулось не только трагедией для целых народов, но и заложило бомбу замедленного действия под отношения между неханьским населением Синьцзяна и все возрастающим числом переселенцев ханьской национальности из внутренних районов Китая.

Искренне верившая, что своими действиями она способствует освобождению трудящихся масс из-под ига эксплуататоров, армия оказалась заложницей непродуманности линии партии в национальном вопросе. Насильственное вмешательство в сложившиеся экономические отношения выявили не только открытое противодействие со стороны феодально-родовой знати, но и не воспринимались самими “освобожденными” трудящимися массами, а армейские подразделения и, следовательно, ханьцы рассматривались как “захватчики”, ущемляющие их священное право “общинной собственности” на землю и пастбища.

Столкнувшись с открытым сопротивлением широких народных масс, народная власть и КПК были вынуждены отступить прежде, чем этот конфликт зашел слишком далеко, взяв на вооружение испытанные в династийный и республиканский периоды принципы взаимоотношений центральной власти с неханьскими народами Китая. На смену открытому насильственному подавлению приходит коммунистическая редакция принципа “использования варваров для контроля за варварами”. ЦК КПК и ГАС КНР определяют для Синьцзяна курс “осторожного и умеренного продвижения вперед”, предусматривающий “привлечение к делу демократических преобразований представителей всех социальных слоев различных национальностей; объединение всех сил, которые можно объединить; поэтапное расширение борьбы и движение от достигнутого”.¹¹⁹

В этот же период предпринимается зондаж настроений местных этносов и синьцзянской политической элиты в вопросе будущей программы национально-государственного строительства в провинции. В 1951 г. центральные власти распространили среди руководящих национальных кадров Синьцзяна анкету с вопросами: “Как впредь именовать Синьцзян? Какова должна быть политическая, административная и военная структура в будущем?”

51 человек из опрошенных высказались за переименование Синьцзяна в Уйгурстан и предоставление ему права национального самоопределения в рамках КНР по образцу

советских республик Средней Азии. Многие из опрошенных высказывали также мнение, что следует сохранить части Национальной армии трех северных округов.¹²⁰ Позднее, на первой конференции представителей всех слоев населения и всех национальностей провинции Синьцзян (апрель-май 1951 г.) эта позиция была осуждена.¹²¹ И хотя окончательное решение вопроса еще только предстояло, уже тогда было очевидно, что КПК ни при каких условиях не пойдет на предоставление Синьцзяну независимости.

Весьма интересна в этом контексте позиция Советского Союза, по образцу которого предполагалось осуществлять национально-государственное строительство. В отчете о поездке в Китай в начале 1949 г. А. Микоян подчеркивал, что передал Мао Цзэду позицию ЦК ВКП(б) о том, что он “не советует Китайской компартии чересчур размахиваться в национальном вопросе путем предоставления независимости национальным меньшинствам и тем самым уменьшения территории Китайского государства в связи с приходом к власти китайских коммунистов. Следует дать национальным меньшинствам автономию, но не независимость”.¹²²

Тем не менее, не учитывать реальное положение в Синьцзяне и высокий уровень социальной и межэтнической напряженности в регионе, а также ничтожные собственные возможности в нем КПК на данном этапе не могла. С целью разрядить обстановку в Синьцзяне и подготовить политическую базу для проведения первоочередных первичных социально-экономических и политических преобразований состоявшийся в июле 1952 г. второй пленум Синьцзянского бюро КПК официально осудил имевшие место в прошлые годы насильственные методы проведения преобразований в сельских районах Синьцзяна. В резолюции пленума отмечалось: “При ликвидации банд, контрреволюционных элементов была применена военная сила; среди них не велось агитационно-пропагандистской работы в духе единого фронта, не проводилось осторожной политики свободы вероисповедания, не было проявлено осторожности и при подавлении и наказании контрреволюционных элементов,

мало обращалось внимания на укрепление дружбы народов, развитие экономики провинции”.¹²³

В соответствии с общим курсом проведения социально-экономических и демократических преобразований в Китае, Вторая провинциальная конференция представителей всех народов и всех национальностей (август-сентябрь 1952 г.), делегаты на которую не избирались, а назначались военными властями, принимает решение о проведении аграрной реформы в Синьцзяне в течение осени 1952 г. – весны 1953 г. Как и во внутренних районах Китая, при проведении аграрной реформы главная политическая линия состояла в опоре на бедняков и батраков, укреплении единства с середняками, временном сохранении хозяйств богатых крестьян, защите интересов середняка, радикальной изоляции помещиков и упрочении позиций национальной буржуазии. Особенностью этого курса в Синьцзяне являлось то, что аграрная реформа оставляла неприкосновенной церковную собственность, не затрагивала скотоводческих и полускотоводческих районов.¹²⁴ По отношению к последним, учитывая обострившуюся ситуацию в них, принимается новый политический курс: “ни борьбы, ни деления, ни классового разграничения; соблюдение интересов двух сторон: пастухов и владельцев скота; сохранение и развитие животноводства, включая хозяйства крупных скотовладельцев”. В скотоводческих районах определение классовой принадлежности не проводилось, а союзы трудящихся не создавались. Там же, где эти мероприятия были проведены раньше, их результаты объявлялись недействительными. Имущество всех владельцев скота, независимо от их социальной принадлежности, объявлялось неприкосновенным, а сами они должны были активно привлекаться к участию в работе местных органов власти.

Эти, в достаточной степени существенные корректировки политического курса КПК с позиций сегодняшнего дня можно оценивать двояко: либо как запоздалое признание ошибочности своего прежнего курса – официальная точка зрения руководства КПК и всех авторов, описывающих

эти проблемы в 50-е годы; либо как очередной фарс, что подтверждается следующими обстоятельствами.

Во-первых, в предшествующие два года хозяйства крупных скотовладельцев уже были национализированы и в основной своей массе переданы под контроль органов местной власти, которые лишь частично передали национализированный скот и пастбища в пользование казахам-скотоводам, а на остальной базе создали “социализированные” хозяйства, служившие опорой народной власти в скотоводческих районах. Тем самым экономическая цель была достигнута, значительная производственная база оказалась под контролем государства и значимость кочевого скотоводства, дававшего в начале 50-х годов до 90% экспорта товарной продукции Синьцзяна, была существенно снижена.

Во-вторых, разрушением хозяйств крупных скотовладельцев был нанесен сокрушительный удар по традиционным производственным отношениям в роде; лишив бедняцкие хозяйства рода экономической опоры в лице хозяйства крупного скотовладельца — главы рода, народная власть поставила их перед дилеммой: либо продолжать ведение самостоятельного кочевого хозяйства на худших землях, либо кооперироваться с крупными “социализированными” хозяйствами, либо оставлять традиционный способ ведения хозяйства и переходить в другие сферы производства. Такая жесткая постановка вопроса по существу оставляла для скотовода один выход — переход на оседлость, что являлось необходимым условием укрепления позиций народной власти в скотоводческих районах.

По сути, перед аналогичной дилеммой встало и крестьянство в земледельческих районах Синьцзяна. С одной стороны, потребностью большинства малоземельных крестьян было предоставление гарантий от голодной смерти, которые в условиях незначительности земельного надела, полученного при уравнительном распределении земли, могло предоставить только государство за счет новых и новых перераспределений дохода имущих индивидуальных хозяйств, что недвусмысленно показывало крестьянам перспективу их

дальнейшего развития – кооперация и объединение на базе групп трудовой взаимопомощи, пользующихся льготами со стороны государства в ведении и организации производства. А с другой – необходимость сохранения середняка в качестве той силы, которая могла бы (пусть на начальном этапе) обеспечить государству средства для дальнейшего проведения подобного перераспределения. По-видимому, первая тенденция оказалась преобладающей, и не только потому, что была ближе “социальному идеалу” идущего по социалистическому пути развития Китая, но главным образом потому, что она была подготовлена всем ходом предшествующего развития синьцзянской деревни. Феодал, который угнетал, но и гарантировал от голодной смерти, был низвергнут, и его место должен был занять кто-то другой. Наиболее подходящим для этой роли являлось государство в лице его “обновленных” органов, призванных выступать “в интересах всех национальностей”. Однако для успешной деятельности этого “благодетеля” требовалось как минимум два условия: наличие объекта управления и материальные средства. Первый предстояло создать, а вторые должен был предоставить середняк, чья судьба решалась после того, как необходимость в нем отпадала. Как и в КНР в целом, дальнейшие аграрные преобразования в Синьцзяне следовали именно этой логике.¹²⁵

Тем не менее у нас нет оснований негативно оценивать как этот период исторического развития Синьцзяна, так и специфику регламентации межэтнических отношений. В результате проведения аграрной реформы, завершившейся к началу 1954 г., было ликвидировано господство феодально-помещичьей собственности в синьцзянской деревне, которая была заменена крестьянской собственностью; перераспределение средств производства в пользу середняка и опора на середняцкие хозяйства значительно повысили продуктивность сельского хозяйства, что с одной стороны, обеспечивало улучшение уровня жизни крестьян, а с другой – давало необходимое сырье для развивающихся отраслей промышленности. В этот же период закладывается основа

для будущей промышленной базы. И хотя формирование кадрового корпуса промышленности шло в основном за счет военнослужащих дислоцированных в Синьцзяне подразделений НОА и прибывающих из внутренних районов Китая переселенцев ханьской национальности, у нас нет оснований рассматривать этот факт как “негативное проявление национальной политики КПК”. Напротив, учитывая слабую экономическую основу региона и отсутствие собственных кадров, этот процесс и не мог протекать по-другому. Что же касается подготовки национальных кадров для промышленности, то усилия в этом направлении предпринимались, и достаточно энергичные.¹²⁶ Существенным является и то обстоятельство, что, несмотря на проведение всех этих мероприятий “сверху”, без достаточной доли участия в них широких народных масс, по своей социально-экономической направленности они отвечали как интересам развития региона в целом, так и интересам трудящихся различных национальностей, имея в виду, конечно, социалистическую перспективу их развития. Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что в их осуществлении наряду с подразделениями НОА и кадровыми работниками-ханьцами, активное участие принимали и кадровые работники из числа национальных меньшинств, численность которых уже в начале 50-х годов составляла внушительную цифру.

Другой вопрос, что представляли собой эти кадры в качественном отношении, чьи интересы они выражали и какие цели ими преследовались в процессе сотрудничества с аппаратом новой власти в условиях, когда была ликвидирована старая политическая элита синьцзянского общества, уничтожены прежние экономические отношения и формы эксплуатации, но сохранились в значительной степени феодальные пережитки и прежний стиль и образ жизни подавляющей части населения региона? И главный вопрос для Синьцзяна состоял не в том, как стремительно будут протекать дальнейшие преобразования, а в том, чем и кем будет заполняться образующейся в результате их осуществления вакуум?

Наступивший 1955 г. был знаменательным для Синьцзяна не только тем, что он был первым годом его функционирования как автономного района КНР с наличием соответствующих органов самоуправления, но еще и тем, что в представлении центрального и местного руководства по своим социально-экономическим условиям Синьцзян догнал внутренние провинции Китая и был готов к проведению в нем дальнейших “социалистических преобразований”. Подобного рода настроения прозвучали на 2-й сессии СНП провинции Синьцзян 1-го созыва (сентябрь 1955 г), где Бурхан Шахиди в качестве главных недостатков, имеющих место в области сельскохозяйственного производства, указал на недостаточное внимание и недостаточное понимание частью кадровых работников сельскохозяйственной кооперации и прежде всего темпов ее развития.¹²⁷ Сессия принимает пятилетний план (1956-1960) создания кооперативов, а партком идет еще дальше, требуя завершения кооперирования в 1959 г.

На практике массовое создание кооперативов, начавшись с середины 1955 г. завершилось в 1956 г. Провинциальная пресса писала: “К весне 1956 г. в районе была завершена кооперация начальной формы; число дворов, состоящих в кооперативах низшего типа, превысило 91% всех полеводческих хозяйств. На базе этих побед поднялась новая волна проведения кооперации высшего типа; за два месяца (февраль и март) в Северном Синьцзяне в основном была завершена кооперация высшего типа, в Южном Синьцзяне 1/3 крестьянских дворов состояли в кооперативах высшего типа. В настоящее время это движение продолжает развиваться и предполагается завершить его к весне этого года”.¹²⁸ И эти планы были выполнены. К весне 1957 г. в основном было завершено создание кооперативов высшего типа, к концу года 97,6% крестьянских дворов района вступили в кооперативы, в том числе 95,49% – в кооперативы высшего типа.¹²⁹

Столь стремительная кооперация доказывает лишь одно – движение проводилось преимущественно под давлением мер принудительного характера и при помощи

внешней для экономики деревни силы — кадровыми работниками местных административных и партийных органов и подразделениями НОА. По-другому, очевидно, оно и не могло проходить, поскольку само существо сплошного кооперирования затрагивало вопрос о праве частной собственности на землю и тем самым подрывало экономическую основу хозяйственной деятельности середняка. Размазывание нищеты по всему обществу, освященное в качестве одного из основополагающих принципов “социалистической социальной справедливости”, способствовало незначительному росту доходов бедняцких хозяйств, но одновременно привело к значительному сокращению доходов основной массы товаропроизводителей и подорвало их экономическую активность. Минимально повысившиеся доходы уже в следующем году оказались исчерпанными, поскольку упадок сельскохозяйственного производства не давал средств для их подпитки путем нового перераспределения. В результате жизненный уровень сельского населения не только не повысился, но значительно сократился, что привело к массовым волнениям летом-осенью 1957 г. в Хотанском, Аксуйском и Санджинском округах, в ходе которых крестьяне выдвигали требования выхода из кооперативов.¹³⁰

Движением по кооперированию деревни фактически наносился удар по начавшемуся после аграрной реформы становлению независимого гражданина в лице крестьянина-середняка. Как откровенно высказывался один из видных руководителей автономного района Ибраим Турди, “партия, ведущая во время аграрной реформы борьбу против помещиков, вскоре, под предлогом перехода к борьбе против правых, начала борьбу против крестьян-середняков”.¹³¹ Средняк подводился под мифическую категорию “капиталистический элемент” и подлежал ликвидации как представитель “капиталистического пути развития”. Та же участь была уготована таким “капиталистическим понятиям”, как “частная собственность на землю”, “земля тем, кто ее обрабатывает”, “приусадебное хозяйство”, “личный скот”

и т.д.¹³² Тем самым ликвидировалась экономическая база самостоятельной деятельности крестьянского двора, а сам крестьянин все в большей степени ставился в зависимость от государственных дотаций и следовательно – подпадал под гнет административно-управленческого аппарата, в руках которого находилась сфера распределения материальных средств и перераспределения доходов и ресурсов.

Аналогичные процессы, но в меньших масштабах развернулись и в городах. Основная масса предприятий местного подчинения (как правило, представленных кустарными мастерскими) была кооперирована и включена в орбиту государственного сектора экономики со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В соответствии с выдвинутым лозунгом “ускорения социально-экономического развития региона”, под предлогом недостаточности местных кадров и “необходимости оказания помощи со стороны государства” все более отчетливые контуры начинает приобретать политика направления в Синьцзян специалистов-ханьцев из внутренних провинций Китая. И хотя первый поток мигрантов (1954-1957) существенно не меняет этническую структуру населения региона (см. Таблицу 2-1), он закладывает необходимые условия, позволившие провести позднее крупномасштабное переселение китайцев из внутренних провинций на северо-запад.

Таблица 2-1.

**Изменение численности и национального состава
населения Синьцзяна в 50-е годы**

(тыс. человек)

Годы / Этнос	1949	1952	1953	1955	1957
Всего населения	4111,4	4631,7	4874	5140	5580,1
В том числе:					
ханьцы	291,0	326,0	300	300	321,5
уйгуры	1291,1	1500,9	1640	1730	1867,1
казахи	441,7	494,5	475	500	510,7
кыргызы	122,5	131,6	100	100	166,5
монголы	52,5	57,4	120	120	62,8
афганцы	66,1	69,4	70	70	74,4
оросы	11,7	12,4			14,8
казахстанцы	11,5	14,2	15		15,9
кыргызы	1,0	1,1			1,5
узбеки	12,1	13,2	8		11,5
таджики	1,8	1,9			2,1
индусы	5,9	6,6	5		1,7
другие	19,5	21,5	11		5,8

Источники: Этнический состав и размещение населения в Синьцзянском Уйгурском автономном районе Китайской Народной Республики. – Советская этнография, 1956, №2, с.91; Синьцзян тунцзи няньцзянь. 1990 (Статистический ежегодник по Синьцзяну за 1990 г.). – Пекин, 1990, с.87-88; Ян Исин, Чжан Тяньлу, Сю Юю. Чжунго шаошу миньцзу жэнькоу яньцзю (Демографические исследования национальных меньшинств Китая). – Пекин, с.15.

Это предположение подтверждается, во-первых, профессиональной, социальной и партийной принадлежностью новых переселенцев; во-вторых, их поло-возрастной структурой; наконец, поставленными задачами социально-экономического развития региона и создаваемыми для их реализации подразделениями.

Характерным для тех лет было отправление в Синьцзян таких специалистов, как инженеры-нефтяники, бухгалтера, управляющие строительными компаниями, медицинские сестры, рабочие металлургии, врачи, профессорско-преподавательский состав Фуданьского университета (город Шанхай). Вторую группу, по-видимому, составляли кадровые работники

партийных и административных органов, а также армейские кадры (преимущественно молодежь), за счет которых формировались подразделения ПСК.¹³³ Эти переселенцы концентрировались главным образом в пределах границ Санджи-Хуэйской и Или-Казахской автономных областей, а также в окружных, уездных и волостных административных центрах Южного Синьцзяна, составляя надежный инструмент контроля над деятельностью местных партийных и административных органов и обеспечивая, с одной стороны, охрану внешних границ КНР и пресекая попытки проникновения в Синьцзян советской пропаганды, а с другой — надлежащие (как правило, привилегированные) условия для прибывающей в Синьцзян другой категории мигрантов — “грамотной молодежи” из внутренних районов Китая.

К концу 1956 г. центральное руководство КНР, по-видимому, обрело уверенность, что благодаря принятым в предшествующие годы мерам “массовое вливание китайцев произойдет “безопасно”, несмотря на то, что не все переселенцы обладают высокой степенью политической надежности”.¹³⁴ Наряду с продолжающейся отправкой технических специалистов, ветеранов партии и армии, основную массу новых переселенцев стали составлять молодые крестьяне и выпускники средних школ, направляемые для поднятия целины и расширения площадей пахотных земель в пограничных районах. В отличие от мигрантов предшествующих лет, мигрантов 1957 г. не заставляли массово селиться в районах сосредоточения национальных меньшинств. Они должны были расселяться “в рассеянной форме” в сельскохозяйственных кооперативах и очень редко — в совершенно новых деревнях исключительно для китайцев. Такой подход диктовался опытом переселения в предшествующие годы, когда, несмотря на все усилия новых властей, преодолеть конфликтную ситуацию между переселенцами и местным населением не удавалось.

Параллельно с осуществлением социально-экономических и политических преобразований в СУАР КПК предпринимаются попытки по укреплению своего идеологического влияния в

среде местных этнических групп и прежде всего — кадровых работников; их подчинению единой партийной и государственной дисциплине.

В соответствии с установками III пленума ЦК КПК 8-го созыва о начале движения “по упорядочению стиля работы”, 30 апреля 1957 г. Комитет КПК СУАР назначает специальную группу по “упорядочению стиля”, возглавляемую Ван Эньмао и Сайфудином Азизи, для “выработки планов разрешения главных противоречий в масштабах автономного района”. Акцент в критических выступлениях должен был ставиться на разоблачении “местного национализма” и “великоханьского национализма”, причем, на начальном этапе, в соответствии с изложенными в выступлении Чжоу Эньлая в городе Циндао положениями,¹³⁵ первостепенное значение отводилось последнему.¹³⁶

В течение лета — осени 1957 г. органы общественной безопасности СУАР “раскрывают” ряд “контрреволюционных” организаций и “групп сопротивления”, в которые входили главным образом кадровые работники-ханьцы, техническая и творческая интеллигенция автономного района, а также незначительная часть духовенства. Главные обвинения в их адрес — выступления против политики партии и дислокации подразделений НОА в Синьцзяне, противодействие кадровой политике и миграционным планам партии.¹³⁷ В конце октября 1957 г. партийный комитет автономного района принял решение направить более 2700 кадровых работников в сельские районы с последующим увеличением этого количества.¹³⁸ Более поздние источники сообщают о том, что это обещание было выполнено, к началу 60-х годов более 80% кадровых работников автономного района прошли через мясорубку “участия в физическом труде”, и желание проявлять свою индивидуальность, противопоставляя свое мнение планам партии, по-видимому, было оставлено надолго, если не навсегда.

К концу ноября кампания “по упорядочению стиля” начинает обретать новые формы, принимая характер “борьбы с местным национализмом” в автономном районе. Эта

кампания, как позволяют судить опубликованные позднее материалы, проходя исключительно в самой партии, тем не менее предполагала более широкомасштабные цели, нежели “перевоспитание” или подавление “местных националистов”, что решалось достаточно просто. А сложность заключалась в том, что “местные националисты”, являясь членами партии и занимая руководящие посты в органах новой власти, в своих выступлениях не только отражали широко распространенные национальные чувства различных этнических и социальных групп населения СУАР, но и способствовали их консолидации на отличной от официальной национальной политики КПК основе, что являлось прямой угрозой положению централизованной бюрократии.

Как показали открытые позднее материалы по различным “группировкам местных националистов”, несмотря на содержащиеся в их призывах рациональные зерна критики непродуманности и поспешности проводимых социально-экономических и политико-культурных мероприятий, обеспеченных, кстати сказать, широкой поддержкой со стороны общественного мнения, главная их цель состояла в другом – сохранив или видоизменив (по образцу Советского Союза) сложившуюся систему управления национальными районами, обеспечить местному, преимущественно национальному чиновничеству суверенные права в контроле над населяющими регионы народами и региональными ресурсами. Даже не региональные, не общетюркские, а узконационалистические, этнократические, феодально-бюрократические интересы доминировали в их среде. Оставаясь единодушными в требованиях покончить с “господством ханьцев”, которые характеризовались не иначе, как “колонизаторы”, требуя отделения от Китая, уйгуры выступали за создание независимого государства Уйгурстан, в то время как казахи призывали либо к восстановлению ВТР, либо к удалению уйгуров и ханьцев из пределов Или-Казахской автономной области и организации на ее территории самостоятельного казахского государства.¹³⁹ Выступивший на VIII съезде КПК Сайфудин Азизи уже

тогда указывал на необходимость в условиях СУАР борьбы “против проявлений великоуйгурского шовинизма среди уйгурской национальности по отношению к остальным национальным меньшинствам”.¹⁴⁰

Не менее красноречиво и заявление руководителя Или-Казахской автономной области Жагды Бабалынова, сделанное им в одном из выступлений: “Враг, который здесь рядом (имеется в виду уйгурский народ), гораздо серьезнее, чем враг на расстоянии (подразумеваются ханьцы)”. По личному указанию Жагды более 20 тысяч уйгурских семей были переселены из Кульджи в Урумчи, а казахские семьи – из Урумчи и других районов СУАР в Кульджу и Алтайский округ.¹⁴¹

Внутренняя нестабильность между тюркскими народами Синьцзяна и наметившаяся тенденция его раскола на ряд квазинезависимых “национальных княжеств”, имевшая место среди части руководящих кадров из числа национальных меньшинств, наряду с их стремлением обособиться и от власти, от имени которой они действовали, послужила, на наш взгляд, главной причиной постановки в качестве основного условия успешного осуществления кампании “по упорядочению стиля” противодействия “местному национализму”, особенно среди кадровых работников и интеллигенции из числа представителей казахской и уйгурской интеллигенции.

16 декабря 1957 г. в Урумчи начал свою работу расширенный пленум Комитета КПК СУАР, который рассматривал вопросы местного национализма в Синьцзяне свыше четырех месяцев. С основным докладом на пленуме выступил Сайфудин Азизи.

Сайфудин настойчиво подчеркнул, что Синьцзян является неотъемлемой частью территории Китая, а все разговоры об отделении и независимости, в том числе со ссылками на историческое прошлое и “революцию трех округов”, являются реакционными. Далее отмечалась необходимость укрепления национального единства и совместного движения к социализму под единым руководством партии. Сайфудин

предупредил, что любые попытки воспрепятствовать прибытию в Синьцзян рабочих и кадровых работников из внутренних районов Китая для оказания помощи местному населению будут рассматриваться как акты саботажа, а все те, кто клеймит кадровых работников из числа национальных меньшинств, как “шакалов на службе ханьцев”, будут считаться врагами народа.

Особое место отводилось в докладе и “национальному вопросу”. Критикуя тех, кто стремился рассматривать его “в отрыве от революционных задач рабочего класса нашей страны в современных исторических условиях; в отрыве от высших интересов революционного движения всех народов Китая и мирового коммунистического движения”, Сайфудин однозначно подчеркнул: “так называемый национальный вопрос – не что иное, как часть общего вопроса пролетарской революции, часть вопроса о диктатуре пролетариата”. Отсюда следовало, что “борьба между нами и местными националистами является борьбой между двумя путями развития: социалистическим и капиталистическим”.¹⁴²

Можно было бы продолжить цитирование аналогичных положений доклада, он ими изобилует; но этот документ, как нам представляется, интересен тем, что в нем, хотя наверняка и несознательно, раскрывались не только основные мотивы начавшейся кампании, но и ее скрытые причины. Что касается мотивов, то в докладе Сайфудина впервые в открытой печати давался сводный реестр преступлений инкриминируемых “местным националистам”: распространение этнического сепаратизма, выступления против партийной политики районно-национальной автономии, разрушение единства родины; консервативное отношение к чужому опыту (имеется в виду опыт СССР. – К.С.), изгнание других этносов и особенно ханьцев, разрушение национальной сплоченности; противодействие социалистическому строительству и социалистическим преобразованиям, нападки на партию.¹⁴³

В процессе работы пленума этот реестр был расширен и конкретизирован на основе данных, содержащихся как

в докладе Сайфудина, так и сообщений с мест. В местной печати сообщалось, что некоторые кадровые работники-ханьцы и “контрреволюционные элементы” призывали к независимости и восстановлению ВТР, требуя изгнать всех ханьцев с территории Синьцзяна. Они обвиняли руководство КНР и автономного района в том, что все ответственные посты в партийных органах автономного района занимают ханьцы и что автономия — это фикция; что в конструктивных проектах ханьские кадровые работники занимают наблюдательную позицию и оставляют тяжелую работу национальным меньшинствам. Заявлялось, что слишком много кадровых работников-ханьцев и недостаточно кадровых работников из числа национальных меньшинств, что национальные кадры не высказывают свое мнение и критические замечания из-за опасения быть обвиненными в местном национализме. Критике подвергалась политика выдвижения национальных кадров по их политическим, а не профессиональным качествам, поруганию подвергались социально-экономические преобразования, осуществляемые в автономном районе.¹⁴⁴

Многое из перечисленного действительно имело место, по некоторым позициям можно было бы поспорить, часть обвинений просто надуманы, но мы не будем задерживаться на этом. Для нас важнее причины, побудившие центральный бюрократический аппарат вступить в противоборство с местным чиновничеством.

Прошедшие в предшествующие годы социально-экономические преобразования изменили не только структуру экономических отношений в синьцзянском обществе, но и весь жизненный уклад населяющих его этносов. На смену старому господствующему сословию в лице родоплеменной, феодальной знати и духовенства пришло новое в виде кадрового корпуса партийных и административных органов новой власти, специфика формирования которого предопределила сохранение и усиление (в процессе нарастания социально-экономической напряженности в обществе и уменьшения “общественного пирога”) внутренних

противоречий не только среди его региональных составных частей, но и противоречий между местной и централизованной бюрократией. Незначительность знаний о путях строительства нового общества, предполагающего в теории отсутствие такого важного института, как частная собственность, и его персонифицированных представителей, являющихся единственным гарантом демократического направления развития, обусловило ограничительное толкование путей решения социально-экономических и политических проблем, в том числе и национальной.

Игнорирование международного опыта и возведение в абсолют практики решения национального вопроса в СССР являлись тем камнем преткновения, вокруг которого и возникали разногласия между приверженцами национальной политики КПК и теми, кто отстаивал отличные от нее позиции. Однако, как нам представляется, существо этой борьбы заключалось не в том, что более отвечает интересам развития региона: его функционирование в виде автономного образования, в качестве самоопределившейся территории в рамках унитарного государства по образцу советских республик Средней Азии или как независимого суверенного государства, а в том местная (национальная), или централизованная (интернациональная) бюрократия будет решать судьбу народов и править от их имени в приграничных районах. Именно поэтому содержание этой борьбы представляется нам интересным только с точки зрения истории. С позиций политологии оно несущественно, поскольку и та и другая бюрократия ставили своей главной целью сохранение собственного привилегированного положения в обществе и проведение такого рода мероприятий, которые гарантировали достижение этой цели, что предусматривало прежде всего сохранение ситуации, при которой отсутствует экономически и политически независимый от чиновного аппарата гражданин.

Эти мысли и читаются между строк как в выступлении Ван Эньмао, так и в докладе Сайфудина на расширенном пленуме. Прежде всего это упоминание о том, что кампания “по упорядочению стиля” должна проводиться “после завершения

социалистических преобразований форм собственности на средства производства”, “подготавливающих условия для ее осуществления”. Во-вторых, сам характер инкриминируемых “местным националистам” преступлений и расставленные в них акценты. В-третьих, прямое обвинение в докладе “националистов” в том, что их предложения по формированию “правительства независимого Уйгурстана”, созданию “Исламской Республики Восточный Туркестан” не что иное, как “попытки узурпации политической власти”. Наконец, особый акцент на том, что, с одной стороны, “этнизация” кадровых рядов должна сопровождаться их “коммунизацией”, а с другой – что главное в сохранении национального единства – “укрепление единства между национальными кадровыми работниками и кадровыми работниками-ханьцами”.¹⁴⁵

Более откровенно все это прозвучало на заключительных заседаниях пленума. В конце работы расширенного пленума Комитета КПК СУАР Сайфудин подчеркнул, что серьезная тенденция “местного национализма” лежит в “руководящих кадрах” и особенно “в среде интеллигенции, которая была воспитана из класса помещиков и буржуазии”.¹⁴⁶ Более консервативный Ван Эньмао в своем заключительном докладе на пленуме посчитал возможным не касаться интеллигенции, акцентировав внимание лишь на кадровых работниках партийных и административных органов автономного района. Характеризуя особенности “правых” в Синьцзяне, он отметил, что, во-первых, “их деятельность зачастую проявляется как местный национализм”, а во-вторых, “наступление на партию начали проникшие в нее правые элементы, чьи нападки были яростнее, нежели нападки беспартийных”. И далее, сейчас, когда их цели вскрыты, “нетрудно заметить, что они представляют собой попытку изменить партийное руководство СУАР, захватить руководящую власть”, для них нет другого пути, “поскольку, если они не пойдут по этому пути, то не смогут осуществлять линии местного национализма”.¹⁴⁷

Решением пленума многие видные деятели культуры, кадровые работники партийных и административных органов

автономного района, представленные главным образом казахами и уйгурами, были исключены из партии, сняты со всех занимаемых постов и направлены на “трудовое перевоспитание” либо репрессированы. В постановлении подчеркивалось, что “Синьцзян издревле является неотъемлемой частью родины”, что в национальном вопросе необходимо придерживаться классовых позиций; необходимо вести постоянную и решительную борьбу как с великоханьским национализмом, так и с местным национализмом, решительно преодолевать буржуазный индивидуализм и либерализм; четко различать, кто из кадровых работников следует социалистическому, а кто капиталистическому направлению.

Середина-конец 1958 г., связанные в СУАР с завершением первой волны кампании “по борьбе с местным национализмом” и реорганизацией кадрового корпуса автономного района, в государственном масштабе были сопряжены с истерией “большого скачка” и созданием “народных коммун”.

В соответствии с установками центра, в начале сентября 1958 г. Комитет КПК СУАР принимает решение “О народной коммунизации села в этом году”. В решении предлагается “в самые короткие сроки организовать в земледельческих районах Синьцзяна народные коммуны для чего уже подготовлены все условия”. В целях ускорения процесса решение требовало “организовывать коммуны даже там, где не было проведено подготовительной работы”.¹⁴⁸ Победные рапорты о “завершении в основном” процесса создания народных коммун в земледельческих районах Синьцзяна появились уже в октябре 1958 г. В скотоводческих районах они были созданы к началу 1959 г., хотя и здесь, как отмечают современные исследователи, “коммунизация” была проведена в течение одного-двух месяцев.¹⁴⁹

Оценивая кампанию “коммунизации” с позиций сегодняшнего дня, синьцзянские авторы справедливо отмечают, что она “не только не решила старых проблем, но и породила новые... создание народных коммун полностью разрушило только что созданные и несовершенные механизмы управления и систему распределения в прежних кооперативах низшего типа, привело к

развитию серьезных “левацких” ошибок, в основе которых лежали принципы голого администрирования, очковтирательства, “коммунистического поветрия” и установления завышенных показателей”.¹⁵⁰

Конечно, трудно не согласиться с этим выводом, однако, на наш взгляд, главное зло заключалось в другом. В деревне была ликвидирована экономическая основа самостоятельной деятельности отдельного крестьянского двора, уничтожен генофонд крестьянства. Лишенный средств производства, крестьянин был вынужден на любых условиях отдавать свой труд “на общее благо”, а результаты этого труда перераспределялись внешней для экономики деревни силой. На смену гоминьдановскому чиновнику пришел “обновленный” в ходе кампании “борьбы с местным национализмом”, денационализированный административный аппарат новой власти, который, преследуя свои корыстные интересы и слепо веря в непогрешимость доктрины вышестоящего руководства, не считался с объективной реальностью и интересами простого народа.

Более того, именно под предлогом выполнения планов “большого скачка” и дальнейших преобразований экономики происходит массовое переселение в СУАР ханьского населения из внутренних районов Китая, доля которого, постепенно увеличиваясь, в конце рассматриваемого нами периода делает реальной выдвинутую еще в начале 30-х годов установку на достижение численного превосходства ханьцев в крае и ассимиляции на этой основе коренных народов (см. Таблицу 2-2).

“Особый курс” китайского руководства сопровождался и нарастающим идеологическим воздействием КПК на национальные меньшинства региона. Одним из проявлений этого курса явилось введение новой уйгурской и казахской письменности, в основу которой был положен латинский алфавит. Как нам представляется, главным содержанием реформы являлось стремление партии ослабить влияние ислама на местное население, предупредить рост национального самосознания у крупнейших и наиболее оппозиционно

настроенных по отношению к ханьцам национальностей СУАР — уйгуров и казахов на отличной от национальной политики КПК основе. Эта реформа отрывала будущие поколения казахов и уйгуров от их истории, закреплённой в письменных памятниках, написанных арабской графикой и позволяла воспитать молодежь в духе современных политических лозунгов, что в контексте развернувшейся кампании по пропаганде идеи “слияния наций” способствовало аккультурации молодого поколения проживающих в СУАР неханьских этнических групп.

Таблица 2-2.

**Изменение численного и национального состава населения
СУАР в 60-70-е годы**

(тыс. человек)

Город / Этнос	1962	1965	1970	1975	1978
Население СУАР	6 989,7	7 891,0	9 765,8	11 545,3	12 590,1
В том числе:					
ханьцы	2 077,2	2 730,4	3 861,2	4 780,1	5 129,0
уйгуры	4 004,1	4 115,1	4 673,3	5 266,4	5 333,3
казахи	487,4	524,0	616,3	751,4	821,0
туземцы	294,9	287,7	383,3	477,1	551,2
монголы	66,6	75,3	88,4	100,3	107,4
кыргызы	67,0	71,0	80,1	94,2	104,0
суйи	16,5	18,3	20,8	25,9	25,5
таджики	15,8	17,0	18,3	20,5	22,8
кызылберды	1,9	2,8	2,8	3,5	4,2
узбеки	7,3	6,8	6,5	7,4	7,7
башкы	2,9	2,8	3,2	3,7	4,1
татары	2,6	2,1	2,1	2,8	3,1
дрозые:	1,6	0,9	0,7	0,7	0,6

Источник: Синьцзян тунци няньцзянь. 1990 (Статистический ежегодник по Синьцзяну за 1990 г.). — Пекин, 1990, с.87-88.

Казалось бы, принятые меры позволяли решить одну из основных проблем национальной политики — интеграция не прошедших буржуазной фазы развития и находящихся на этапе господства феодальных и родо-племенных отношений

(в большинстве случаев, существующих в форме пережитков) неханьских народов Китая в новую социально-экономическую формацию. Но это была только видимость. Ухудшение материального положения неханьских этносов, подчинение их диктату со стороны государственных чиновников, обострение отношений на уровне ханьцы – неханьцы и между отдельными неханьскими этносами, в том числе и между тюркскими, заставляло их искать пути улучшения своего положения на традиционной корпоративной основе, что вело не к ослаблению, а к укреплению клановых связей, усилению межродовых и межэтнических противоречий, упрочению позиций национальной бюрократии.

Обострению этих противоречий способствовало и изменение политики в отношении родо-племенной и феодальной знати неханьских народов Синьцзяна. К моменту организации народных коммун новая власть сочла возможным обособиться и от нее, сделав основную ставку на “реформированные” национальные кадры, составляющие основу “обновленного” в ходе кампании “борьбы с местным национализмом” административного аппарата.

Обострение ситуации в автономном районе потребовало принятия незамедлительных мер по корректировке как социально-экономической, так и национальной политики, чему в определенной степени способствовала и попытка возвращения на рельсы нормального экономического строительства в общекитайском масштабе, предпринятая в период “урегулирования”. И несмотря на то, что основной целью политики по отношению к национальным районам по-прежнему являлось подавление национальной самобытности неханьских народов и их ассимиляция с ханьцами, решительные меры периода 1957-1960 гг. к 1962 г. уступили место более умеренному подходу, за исключением проявлений сепаратизма и просоветских настроений.

В начале 1962 г. синьцзянская пресса неоднократно призывала к избирательной терпимости и даже культивированию обычаев и специфических особенностей национальных меньшинств. Официально осуждались насильственная ассимиляция и

искоренение национальной самобытности, больше внимания стало уделяться концепции общности интересов среди членов данного этноса со сравнительно меньшей акцентацией внимания на классовой принадлежности.

Однако этот курс не получил дальнейшего развития, и прежде всего потому, что годы его реализации, совпав со второй волной движения “за социалистическое воспитание”, были подчинены решению не столько экономических, сколько политических и идеологических задач. По существу, это было последней попыткой исправить положение и вернуться на рельсы экономического строительства, но и она потерпела крах. Народы Китая вступали в десятилетнюю полосу хаоса “культурной революции”.

Своеобразие осуществляемой национальной политики в Синьцзяне в этот и последующий периоды заключалось в том, что, в отличие от установок центра, возглавляемое Ван Эньмао руководство было настроено более реалистично. По-видимому, это было результатом довольно длительного пребывания их в автономном районе и понимания его специфики, с одной стороны, и ухудшением обстановки на советско-китайской границе — с другой. По мнению Ван Эньмао, по справедливому замечанию Д.Х. МакМиллена, задача заключалась в том, чтобы выработать реалистичную целесообразную политику в работе с национальными меньшинствами, чтобы она учитывала характерные черты и особенности автономного района, но в то же время не привела к росту сепаратистских тенденций в среде национальных меньшинств. Ван Эньмао, в отличие от Центрального правительства в Пекине, не спешил, понимая необходимость сохранять фасад районной автономии для населения Синьцзяна и признания их особенностей и характерных черт для достижения конечной цели — постепенного перевода национальных меньшинств и территории, которые они населяют, под власть китайцев. Более умеренный и осторожный подход к национальностям рассматривался как позволительный на том основании, что более радикальный и репрессивный подход только разжег бы национальные волнения и спровоцировал советские интриги.¹⁵¹

“Культурная революция” в Синьцзяне началась, по существу, с борьбы за власть между возглавляемым Ван Эньмао региональным руководством и центральным руководством в Пекине. Вынужденное считаться с установками центра, региональное руководство не могло открыто противодействовать ему, а пыталось лишь держать под контролем развитие ситуации в регионе. Однако эти попытки оказались безрезультатными. Выпущенный в начале 1966 г. на свободу “джин бесчинства” в скором времени овладел и Синьцзяном. Неразвитое демократическое сознание широких народных масс, склонное принимать на веру непогрешимость доктрины, выдвигаемой авторитетом, в очередной раз сыграло с ними злую шутку. Привнесенные в ходе широкомасштабного притока ханьской молодежи в Синьцзян ценности и привычки, хотя и отличные от характерных для местных национальностей и ханьцев-ветеранов региона, нашли питательную почву в среде неханьской молодежи и части кадровых работников партийных и административных органов. Образовался своеобразный “разрыв поколений”, послуживший, с одной стороны, основой расширяющейся фракционной борьбы в регионе, а с другой — обеспечивший возможность осуществления в нем отвечающей интересам центра политики. Свидетельства очевидцев событий тех лет подтверждают, что в большинстве случаев действия так называемых “рабочих групп” могли квалифицироваться только как бесчинства распоясавшихся хулиганов, а фракционная борьба в автономном районе зачастую принимала форму бандитизма, грабежей, столкновений между противоборствующими хунвэйбиновскими организациями.¹⁵²

5 сентября 1968 г. было объявлено о создании Синьцзянского и Урумчинского ревкомов. В состав первого вошли: Лун Шуцзинь как председатель, Ван Эньмао, Сайфудин, Го Пэн, Пэй Чжоууй, Ли Чуаньцюнь, Ян Ли’е, Ху Лянцай, Зия, У Чжунлинь в качестве заместителей председателя. Пять из десяти членов ревкома являлись военными, один был партийным работником, двое — “революционные рабочие”, двое — “представители революционных масс”. Неханьские

народы были представлены в ревкоме уйгуром Сайфудином Азизи и казахом Зия.

С образованием ревкома даже видимость районно-национальной автономии оказалась разрушенной, а Синьцзян начал рассматриваться не иначе, как непосредственно подчиненная центральному правительству провинция КНР. Этим же объясняется и отстранение на второй план Ван Эньмао. Как справедливо отмечает Д.Х. МакМиллен, "... наиболее важный аспект понижения в должности Ван Эньмао заключался в способности Пекина проникнуть в Синьцзян и либо дисциплинировать, либо убирать руководителей, убежденных в том, что создали фактически "независимое королевство". Способность Пекина выбирать руководителей в Синьцзяне или направлять своих людей являлась существенным шагом в подтверждении центрального контроля в Синьцзяне и в разрушении фундамента власти, укрепленного Ваном".¹⁵³ Именно с этого момента политически Синьцзян больше, чем когда бы то ни было, становится частью Китая. Дальнейшее развитие событий укрепляет это положение. Синьцзян становится не только политически, но экономически, социально, юридически "неотъемлемой частью территории КНР".

У нас нет официальных данных о проявлении массового недовольства новой политикой, однако не прекращающийся поток перебежчиков на советско-китайской границе, представленных главным образом неханьцами, может служить косвенным свидетельством роста недовольства национальных меньшинств политикой нового синьцзянского руководства.

По-видимому, это достаточно отчетливо понималось и центром. Несмотря на его усилившееся влияние в регионе и проявленную способность к удалению местных руководителей, которых он считал неподходящими, центр, тем не менее, был вынужден согласиться с тем, что он не всегда сможет вести здесь желаемую политику и будет совсем нелегко навязать единство соперничающим группировкам.

С крахом Линь Бяо и устранением с политической арены его ставленников в СУАР во главе с Лун Шуцзинем в

регионе вводится так называемое “временное коллективное руководство” Сайфудина Азизи, Сяо Сымина и Сюй Госяня, выполняющих обязанности Лун Шуцзиня в парткоме, ревкоме и штабе Синьцзянского военного округа. В новом коллективном руководстве, которое оформилось к осени 1973 г., не было ни одной господствующей личности, которая захватила бы всю власть, а также не было ни одной фракционной группы, которая занимала бы монополизирующее положение.

С целью смягчения напряженности в регионе и реанимации сельскохозяйственного производства началось частичное возвращение к политике, проводившейся Ван Эньмао. Тем самым было санкционировано возвращение к свободному сельскому рынку, принципам материальной заинтересованности и вознаграждения по труду, а также сокращению степени “огосударствления” средств производства, что можно рассматривать как первый шаг возвращения на рельсы нормального экономического развития.

Однако изменение экономической политики не повлекло за собой изменений национальной политики, прежний курс, хотя и с некоторыми корректировками, сохранялся и при новом “коллективном руководстве”. Поясняя эту позицию, Сайфудин отмечал: “Мы должны полностью уяснить классовую сущность национального вопроса, глубоко осознать политику партии по национальному вопросу, выступать против буржуазного национализма, включая ханьский шовинизм и местный национализм. Мы должны критиковать национальный сепаратизм и поощрять людей всех национальностей, которые уважают друг друга, помогают друг другу и работают во имя национальной солидарности”.¹⁵⁴

Необходимость этого пояснения возникла, по-видимому, как результат прошедшей в 1974-1975 гг. кампании по реабилитации кадровых работников и развернувшегося следом движения “по пересмотру дел правых элементов” и критики так называемых “трех указаний” — “теории о затухании классовой борьбы”, “теории о преобладающем значении развития производительных сил”, “эклектизма”.

Главную роль в этом движении предстояло сыграть “революционной молодежи” на местах, то есть направленной на проживание в сельскую местность. В феврале 1976 г. Комитет КПК СУАР созвал первое совещание “направляющейся в сельскую местность грамотной молодежи”, в котором приняли участие 830 делегатов, представляющих различные национальности автономного района. Судя по материалам этого совещания, основной удар предполагалось нанести “по старым традиционным понятиям и буржуазному праву”, укрепив “углубляющийся и великий смысл диктатуры пролетариата”.¹⁵⁵ Другими словами, ставилась задача противопоставить экономической целесообразности и умеренности в национальной политике и межнациональных отношениях новую волну анархии. И у нас нет оснований сомневаться, что поставленная задача была бы выполнена. “Революционная молодежь” в сельских и скотоводческих районах СУАР к началу 1976 г. представляла собой довольно серьезную силу. С одной стороны, она численно составляла более 450 тыс. человек, а с другой — не отягощенная думами о необходимости образования и наличия элементарных знаний, составляющая довольно значительную прослойку в руководстве местных партийных и административных органов и подчиненная единому психологическому порыву, основанному на непогрешимости выдвигаемой авторитетом и провозглашающей право на бесчинство доктрины, она могла натворить все что угодно. К счастью для народов Синьцзяна и всего Китая, вторая волна “культурной революции” захлебнулась так и не начавшись.

После смерти Мао Цзэдуна и обнажившегося раскола в руководстве КПК и КНР ситуация круто меняется. Местные власти начинают усиленно подчеркивать, что впредь необходимо уважать нравы и обычаи национальных меньшинств, уделять внимание использованию разговорного и письменного языков местных народов, дать простор лучшим сторонам их культуры.

Происходят перестановки и в высшем эшелоне местной элиты. В середине 1977 г. в СУАР появляется в качестве

второго секретаря Комитета КПК СУАР и первого заместителя председателя ревкома Ван Фэн, известный как специалист по национальной политике и являвшийся в конце 50-х – начале 60-х годов заместителем председателя Комитета по делам национальностей при Госсовете КНР. Существенно укрепляются позиции в руководстве автономного района Исмаила Аймата и Джанабила – лиц, которые, являясь по национальной принадлежности представителями неханьских народов Синьцзяна, тем не менее были для него “чужаками”, а их появление на политическом небосклоне автономного района в середине 70-х годов не подкреплялось соответствующей политической карьерой в регионе, в отличие от Сайфудина, Тимура Давамета, Розы Турди и Савданова, занимающих видное положение в синьцзянской элите еще до “культурной революции”.

С расширением кампании по критике “банды четырех” она захватывает и Сайфудина Азизи, которому инкриминируется, что он: (1) скрыл свои серьезные политические недостатки; (2) скрыл, что состоял в переписке с Линь Бяо и “бандой четырех”; (3) использовал свою власть для торможения в Синьцзяне движения по подавлению сторонников Линь Бяо и “банды четырех”; (4) серьезно нарушал национальную политику, способствовал расколу среди национальных меньшинств. Кроме того, он обвинялся в “тайной связи с границей” и в “сколачивании фракций и группировок”.¹⁵⁶ 29 января 1978 г. Ван Фэн объявил о снятии Сайфудина со всех занимаемых им постов в Синьцзяне.

С устранением Сайфудина и его сторонников в СВО, Комитете КПК СУАР, партийных и административных органов автономного района был нанесен окончательный удар по местной элите и имевшей место фракционности в ее среде. И хотя трудно дать однозначную оценку причинам удаления Сайфудина из автономного района с одновременным сохранением за ним высоких должностей в центральном руководстве, думается, что необходимость этого решения диктовалась несколькими обстоятельствами. Прежде всего стояла задача прекращения фракционной борьбы в

синьцзянском руководстве, ограничения просоветского влияния в его среде и окончательного подчинения руководству центра. Во-вторых, потребностью “вывода” Сайфудина из-под удара критики со стороны как радикалов, так и консерваторов, ограничения негативного отношения к нему со стороны местных неханьских народов, и в то же время его сохранения как “представителя интересов региона и населяющих его народов” в центральном руководстве. Наконец, нестабильностью внутривосточной и международной обстановки, важностью стратегического положения региона, которым на данном этапе, в понимании центрального руководства, эффективно мог управлять только ханец, причем “чужой” для данного региона, назначенный центром и подчиненный исключительно ему.

Сформированное в конце января новое руководство автономного района обнародовало свою программу на 1-й сессии СНП СУАР 5-го созыва, проходившей в Урумчи с 30 января по 3 февраля 1978 г. Выступая на сессии, Ван Фэн призывал: “Необходимо основательно критиковать преступления “банды четырех” по подрыву сплочения армии и органов власти, сплочения армии и народа... основательно критиковать преступления “банды четырех” по подрыву национальной сплоченности, национальной политики партии; отстаивать единство многонациональной социалистической родины, наносить решительный удар по контрреволюционной деятельности классового врага, провоцирующего подрыв национального сплочения”. И далее “Товарищи ханьской национальности должны предотвращать и преодолевать великоханьский национализм, товарищи из национальных меньшинств — местный национализм. Товарищи ханьской национальности должны прочно усвоить идею об окончательном обосновании в пограничных районах и беззаветном служении народам всех национальностей. Товарищи из национальных меньшинств должны приветствовать участие кадров-ханьцев и ханьских народных масс в социалистическом строительстве Синьцзяна”.¹⁵⁷

В мае 1978 г. Комитет КПК СУАР на созванном им совещании кадровых работников автономного района дал понять, что с перегибами периода “культурной революции” в экономической и национальной политике покончено и новое руководство автономного района намерено придерживаться “умеренной и сбалансированной” политики середины 50-х годов. На совещании отмечалось, что все нации имеют свои особенности, преимущества и достоинства, которые следует изучать и перенимать. Все нации должны уважать друг друга, помогать друг другу и учиться друг у друга. Декларировалась необходимость гарантировать права национальных меньшинств в автономном районе на автономию, увеличения числа кадровых работников из национальных меньшинств, в том числе и на руководящих постах. Кадровым работникам-ханьцам предписывалось изучать язык и письменность национальных меньшинств, уважительно относиться к их нравам, обычаям и обрядам. В деятельности кадровых работников всех национальностей на первое место должна была ставиться экономическая работа, а классовая борьба отводилась на второй план.¹⁵⁸

Состоявшаяся в августе региональная партконференция подтвердила все эти положения, особо обратив внимание на необходимость решительного освобождения от лиц, пытающихся помешать растущему интересу к экономическому производству и модернизации и заостряющих внимание на продолжении классовой борьбы.¹⁵⁹

Таким образом, к концу 70-х годов национальная политика КПК в Синьцзяне как бы завершила полный круг в своем развитии, а сам Синьцзян вступил в новый исторический этап. Дальнейшее социально-экономическое и национальное развитие региона проходило в новых условиях и на новом качественном уровне. Если к началу 50-х годов Синьцзян, хотя и номинально, но обладал определенной степенью независимости от центрального руководства, доля ханьского населения в нем не превышала 5% общей численности населения, позиции КПК были незначительны, а экономически и политически регион был более зависим

от СССР, нежели от Китая, то к концу 70-х ситуация качественно меняется. Это выразалось и в укреплении позиций КПК в регионе, и в усилении экономической зависимости непосредственно от Китая, и в достижении паритета между ханьским и неханьским населением региона, и наконец, в формировании кадрового корпуса, который, хотя формально и был представлен всеми населяющими регион этническими группами, фактически отражал не их специфические национальные (либо региональные) интересы, а волю центрального руководства.

К концу 70-х годов Синьцзян не только политически, но и экономически, социально, юридически, идеологически больше, чем когда бы то ни было, становится частью Китая. И хотя ностальгия по созданию собственного национального государства по образцу 30-40-х годов вполне могла сохраняться у некоторых слоев тюркоговорящего мусульманского населения региона, а достижение национального согласия продолжало оставаться заветной мечтой как регионального, так и центрального руководства, очевидно, что создание независимого тюрко-исламского государства в его пределах было больше невысказано. В равной степени невысказано был и возврат к жесткому курсу периода “культурной революции”. Предстояло искать новые пути и формы взаимоотношений центра с его национальными окраинами, учитывая изменившуюся ситуацию как в Китае и его отдельных регионах, так и в мире.

Глава 3.

Политика КНР в отношении этнических меньшинств

В двух предыдущих главах сознательно проведен ретроспективный анализ проблем этногенеза уйгуров, их взаимоотношений с другими этническими группами, населяющими регион Центральной Азии, и исторических событий, связанных со становлением и распадом их государственности. Без этого дальнейший анализ проблем национальных отношений вообще и этнического сепаратизма в частности был бы неполным. Дело в том, что сфера национальных отношений, обуславливаясь в конечном итоге социально-экономическим развитием, обладает и относительной самостоятельностью. Национальный фактор, во многом благодаря своей этнической стороне, исторически более устойчив, более консервативен, что заключает в себе реальную вероятность дисгармонии между социально-экономическим и национальным развитием общества.

Особенно отчетливо эта дисгармония наблюдается в странах Востока, большинство из которых не прошло этапа классического капиталистического развития и где историческая специфика населяющих их этносов, находящихся зачастую на качественно различных этапах социально-экономического и культурного развития, а также обусловленные этим элементы традиционной политической культуры оказывают существенное влияние на проблему решения национального вопроса. Одна из таких особенностей заключается в том, что “для стран Азии национальный вопрос был преимущественно обращен во вне. Главная задача заключалась в достижении целей национального освобождения, в ликвидации политического и экономического господства иностранного империализма... Эта

задача диктовалась интересами малых народов этих стран, и потому внутренние межнациональные, межэтнические противоречия отходили на задний план, хотя, разумеется, отнюдь не исчезали”.¹

С достижением независимости ситуация качественно меняется; вступают в силу уже не объединяющие, а разъединяющие элементы, прежде всего, уровень социально-экономического и культурного развития отдельных этносов, элементы традиционной политической культуры, выбор направления социально-экономического и политического развития, особенности регламентации межэтнических отношений и решения национального вопроса, наконец, субъективный фактор, связанный с деятельностью политических партий и движений, ролью лидера харизматического типа в рассматриваемой группе государств.

Что касается “проблемы уровней социально-экономического и культурного развития отдельных этносов” и ее влияния на национальный вопрос, то она получила достаточное обоснование еще в работах К. Маркса, который писал: “Взаимоотношения между различными нациями зависят от того, насколько каждая из них развила свои производительные силы, разделение труда и внутреннее общение... вся внутренняя структура самой нации зависит от степени развития ее производства и ее внутреннего и внешнего общения. Уровень развития производительных сил нации обнаруживается всего нагляднее в том, в какой степени развито уже разделение труда”.² По существу, аналогичных позиций придерживаются и большинство современных авторов, рассматривая “нивелирование” уровней социально-экономического и культурного развития различных этносов в качестве ключевой проблемы решения национального вопроса в полиэтнических государствах. В таком подходе есть своя логика, и в данной работе используются эти критерии при рассмотрении вопросов, связанных с объективными возможностями этноса самостоятельно решать вопросы государственного строительства, экономического, социального и культурного развития.

Однако акцентуация внимания только на уровне социально-экономического развития этноса не дает полного ответа на вопрос не только о специфике межэтнических отношений и использовании объективных межэтнических противоречий политическим режимом, но и о причинах усиления этнического элемента в политике и возникновения проблемы этнического сепаратизма на современном этапе. Именно поэтому этот анализ должен дополняться анализом действующих в конкретном государстве концепций национальной политики и национально-государственного строительства, особенностей кадровой политики и функционирования аппарата власти, адаптации различных этнических групп к новым социально-экономическим условиям, влияния внешнего фактора на социально-политическую и этнонациональную стабильность в государстве.

Немаловажное значение имеет анализ элементов традиционной политической культуры, которые становятся доминирующими (порой, в превращенной форме) с достижением государством национальной независимости и началом функционирования нового типа государственности. С одной стороны, это проявляется в преемственности национальной политики прежних режимов (иногда, исторически значительно удаленных), рассматривающихся в качестве основы строительства национальной государственности и защиты национальных интересов. Отсюда, учитывая специфику развития восточных обществ, возникают тенденции к этатизму и этноцентризму. С другой стороны, с началом функционирования новой государственности часто приходится наблюдать усиление тенденций трайболизма как внутри отдельных этносов, так и во взаимоотношениях между ними.

Существенное влияние оказывает и субъективный фактор, связанный с идеологическими убеждениями, мотивацией деятельности, менталитетом политического руководства и его подходами к решению национальной проблемы на различных этапах национально-освободительной борьбы и функционирования национальной государственности нового

типа, которые, наряду с “задачей дня”, несут в себе влияние традиционной культуры данного общества. Последнее находит свое отражение и в укреплении идеологии этатизма, обусловленной спецификой исторического развития стран Востока, суть которой, в интересующем нас плане, сводится к тому, что “и в древнее время, и в период средневековья, и в новое время... обладание неограниченной властью (“деспотия”) давало возможность без непосредственного владения собственностью на хозяйство, не организуя производство, присваивать через государственную систему “рента-налог”, через систему государственного феодализма не только прибавочный, но значительную часть необходимого продукта, создаваемого производителями”.³

Результатом доминирования этой идеи является стремление к “огосударствлению” не только средств производства, но и фактически всех сфер общественной жизни, в том числе и национальной. В свою очередь система централизованного управления и господства государственного способа производства порождают, во-первых, основного субъекта власти-собственности — централизованную бюрократию, которая зачастую получает возможность самостоятельной деятельности и осуществления своекорыстных интересов, отличных от национальных интересов и ценностей.

Во-вторых, “причастность к власти-собственности ведет к постепенному превращению ее в нечто, имманентно присущее именно данному лицу — вначале как субъекту должности и высокого статуса, а затем и просто как субъекту, личности”.⁴

Наконец, она приводит к появлению защитника и проводника этих интересов в жизнь — систему карательных органов и армию, которые в силу занимаемого ими положения в обществе и наличия специфических, корпоративных интересов, по существу являются денациональными образованиями.

Неразвитость демократических традиций, политического и правового сознания подавляющей части населения, обусловленная главным образом отсутствием персонифицированной собственности, позволяет бюрократии,

выступая от имени власти и апеллируя то к “классовым”, то к “национальным” интересам, манипулировать общественным сознанием, склонным принимать “на веру” непогрешимость доктрины, выдвигаемой авторитетом.

Комплекс всех этих условий и оказывает существенное воздействие на проблему понимания национального вопроса в той или иной стране, выводя ее за рамки социально-экономической проблематики, предусматривающей решение проблемы “нивелирования” уровней социально-экономического и культурного развития этнических групп, и требует учета этнических, исторических, политических и идеологических факторов, которые на определенных этапах развития общества могут оказать решающее воздействие на интенсификацию национальной проблемы.

Другими словами, национальный вопрос возникает там и тогда, где при наличии объективных условий существования национальной проблемы, имеет место не постепенная ликвидация этих условий без акцентуации внимания на этнических различиях (безусловно, при программном их учете и признании равенства всех этносов де-юре), а напротив, на первое место выдвигаются национальные различия, осуществляется сознательное разжигание национальной розни и вражды, где социальные и экономические противоречия маскируются национальными, что ведет к размежеванию социальных общностей по национальному признаку и существенно ограничивает спектр возможностей по ликвидации объективных условий существования национальной проблемы.

В этом контексте анализ концепций КПК по проблемам национальной политики и национально-государственного строительства представляется просто необходимым, поскольку именно в них заложены те “мины”, на которых рискует подорваться Китай как унитарное государство. Второй аспект проблемы связан с тем, что с момента образования КПК и до настоящего времени ее политика в национальном вопросе претерпела несколько качественных изменений,⁵ что не только дает возможность проследить

эволюцию подходов КПК к национальной проблеме, но и позволяет понять причины возникновения проблемы этнического сепаратизма в Китае, структурировать его типологически, определив наиболее опасные формы.

Этапы формирования концепции национальной политики КПК

Первый этап охватывает период с момента образования КПК в 1921 г. и до середины 30-х годов. Для этого этапа характерным является почти полное следование КПК опыту Советского Союза в понимании характера, содержания и путей решения национального вопроса. В соответствии с этим концептуальными положениями национальной политики КПК в этот период являются обоснованные в различных работах И. Сталина: признание национального вопроса как составной части общего вопроса о пролетарской революции и придание ему характера классовой борьбы; наличие двух постоянно действующих факторов — “шовинизма” и “местного национализма” и необходимость борьбы с ними; необходимость “выравнивания” уровней социально-экономического, политического и культурного развития отдельных этносов, их “подтягивания” до уровня передового этноса; постановка во главу угла проблемы борьбы с империализмом, как основного пункта в решении национального вопроса; наконец, декларация о признании равенства всех национальностей, права на самоопределение за всеми этносами, составляющими “китайскую нацию”.⁶

В этот период КПК находилась под сильнейшим влиянием Коминтерна и должна была проявлять хотя бы видимость лояльности по отношению к разрабатываемой им стратегии и тактики по китайскому вопросу, в основе которой лежало их видение через призму Москвы. Однако, декларируя признание вышеперечисленных принципов, КПК в своих официальных документах все же оставалась ближе к традиционной платформе Сунь Ятсена.

Документы того периода провозглашали, что все национальности страны освобождаются из-под гнета империализма, борются за национальную независимость и реализуют право на национальное самоопределение во вне; внутри страны – выступают против господства милитаристов и, реализуя принцип свободы и равноправия всех национальностей, создают единую народную республику.⁷ И хотя некоторые китайские авторы, ссылаясь на партийные документы тех лет, утверждают, что в них провозглашался принцип национального самоопределения, как основа национально-государственного строительства,⁸ на мой взгляд, это не совсем точно.

Предложенная в тот период программа национальной политики КПК предусматривала как бы трехстадиальное решение вопроса о национально-государственном строительстве: объединение собственно Китая в подлинно демократическую республику; установление автономии для Монголии, Тибета и Синьцзяна с последующим их превращением в автономные демократические единицы; объединение собственно Китая с этими единицами на принципах свободного союза и создания Китайской Федеративной Республики.⁹ То есть на данном этапе речь о самоопределении не шла, а была принята базирующаяся на опыте РСФСР федеративная система.

Признание за неханьскими народами права на самоопределение в 20-е годы документально было зафиксировано в тексте Программы КПК, принятой на ее III съезде (1923 г.), в которой говорилось, что “взаимоотношения Тибета, Монголии, Синьцзяна и Цинхая с Собственно Китаем устанавливаются путем самоопределения национальностей упомянутых территорий”. В резолюции VI съезда КПК (1928 г.) утверждалось право национальностей Китая на самоопределение на этот раз вне связи с какими-либо регионами страны”.¹⁰

В 30-е годы право на национальное самоопределение было зафиксировано документально в решениях, принятых I (1931 г.) и II (1934 г.) Всекитайскими съездами представителей

Советских районов Китая.¹¹ Однако, характеризуя эту позицию, Мао Цзэдун в 1934 г. признал, что политика Совета в отношении национальных меньшинств предназначалась только для получения поддержки окружающих Китайскую Советскую Республику национальных меньшинств в борьбе с империализмом и Гоминьданом.¹²

И у нас нет оснований сомневаться в искренности Мао Цзэдуна, действительно, декларируемый в этих документах принцип самоопределения наций носил пропагандистский характер и имел своей целью привлечение на сторону КПК как можно больших масс населения в ее борьбе с Гоминьданом. Фактически же идея территориальной целостности Китая и его устройства как унитарного государства всегда оставалась доминирующей. Из двух предложенных в те годы концепций будущего государственного устройства: преобразованная федеративная система и районно-национальная автономия, приоритетное положение занимала последняя, хотя о ней пока предпочитали не говорить вслух.

Второй этап охватывает период с 1938 по 1949 гг., когда КПК начинает самостоятельно выработать официальные направления своей политики в отношении национальных меньшинств. Учитывая положение в Китае и ситуацию в мире, выступивший на VI расширенном пленуме ЦК КПК (1938 г.) Мао Цзэдун, излагая положения программы партии по национальному вопросу, предложил компромиссный вариант, указав, что в ней предусматривалось “обещать монголам, мусульманам, тибетцам, мяо, я, и, фань — всем национальностям равные права с ханьцами... право самим управлять собственными делами и в то же время образовывать совместно с ханьцами единое государство”.¹³ (курсив наш. — К.С.).

Хотя мы не можем знать наверняка,¹⁴ что побудило КПК изменить свою позицию в отношении прав национальных меньшинств, думается, что не последнюю роль здесь сыграл наметившийся отход КПК из-под влияния Коминтерна и ВКП(б) и очевидное, неприемлемое для традиционной китайской политики, усиливающееся влияние СССР в

пограничных районах Китая, прежде всего в Синьцзяне. Во всяком случае, после VI расширенного пленума ЦК КПК вопрос о праве наций на самоопределение в документах КПК отсутствует. Ему на смену приходит начинающий разрабатываться принцип районно-национальной автономии. В телеграмме ЦК КПК от 18.02.1946 г. четко указывалось: “Согласно программе мирного создания государства, требуется предоставление национальностям равных автономных прав, однако не следует выдвигать лозунга о самоопределении”.¹⁵

Ключевыми элементами политики КПК по отношению к национальным меньшинствам выступают: во-первых, признание за всеми неханьскими народами права на самоуправление в области экономики и культуры; во-вторых, признание единства родины у ханьских и неханьских народов Китая, следовательно – невозможность их самоопределения и образования суверенных государств, а функционирование как национально-территориальных автономий в рамках единого унитарного государства.

Третий этап охватывает первое десятилетие функционирования новой государственности с 1949 по 1957 гг., когда видимая часть официально провозглашенной политики строительства новодемократического государства требовала привлечения к нему всех регионов и представителей всех этнических групп Китая.

Основные программные установки КПК по национальному вопросу и национальной политике были законодательно закреплены в “Общей программе НПКСК” в сентябре 1949 г., в обсуждении и принятии которой приняли участие официальные представители от всех регионов и всех этнических групп Китая.

Статьи с 50 по 53 “Общей программы НПКСК” относились к национальной политике. Эти статьи предусматривали равенство всех национальностей в границах КНР и необходимость их объединения в борьбе с империализмом и внутренними врагами; запрещали любые действия, ведущие к дискриминации и угнетению, расколу национальностей,

требовали борьбы с национализмом и шовинизмом; за национальными меньшинствами предусматривалось право вступать в НОА и организовывать местные силы общественной безопасности “в соответствии с единой военной системой государства”. Формой национально-государственного строительства и средством решения национального вопроса рассматривалась районно-национальная автономия. Наконец, национальным меньшинствам декларативно гарантировалась свобода развития своего языка, сохранения или изменения традиций, обычаев и религиозных верований. Правительство брало на себя обязательства оказания неханьским народам помощи в политическом, экономическом и культурном строительстве. В соответствии с концепцией национальной безопасности и интеграции всех приграничных земель и их неханьского населения в единое государство, статья 9 “Общей программы НПКСК” провозглашала, что “автономные районы различных национальностей являются неотъемлемой частью территории КНР”.¹⁶

В конце 1953 г. контуры национальной политики КПК уточняются в принятой “Генеральной задаче партии в национальном вопросе в переходный период”. Как сообщала Жэньминь жибао, основные направления этой политики заключались: “...в укреплении единства родины и национального сплочения, совместном строительстве единой семьи великой родины”, в пределах которой предполагалось “обеспечить равноправие национальностей во всех областях, осуществить районно-национальную автономию”. “В процессе общего дела развития родины, всемерно учитывая нужды ее строительства, постепенно развивать экономику, политику и культуру всех этносов; постепенно ликвидировать оставленное в наследство историей фактическое неравенство между отдельными национальностями; идти к тому, чтобы отсталые этносы встали в один ряд с передовыми и вместе двигались к социализму”.¹⁷

Главная цель, которая ставилась в этот период КПК в ее политике по отношению к национальным районам, — удержать их в качестве “неотъемлемой части территории

КНР” и, насколько возможно, мирными средствами провести первичные социально-экономические и демократические преобразования в них, обеспечивающие, с одной стороны, слом традиционных экономических и общественных отношений с последующим перераспределением собственности и господствующих политических сил и их подчинением единому руководству КПК; с другой – создание экономической и политической основы для претворения в жизнь политического курса КПК, предусмотренного в “Генеральной линии партии на переходный период”. И надо отдать должное, не имеющая к моменту образования КНР прочных позиций в ряде национальных районов, КПК уже к концу 1956 г. прочно обосновалась в них, обеспечив себе руководящее положение в политической, экономической и идеологической областях.

Несмотря на то что принятая в сентябре 1954 г. Конституция КНР и разработанное на ее основе законодательство по национально-государственному строительству в КНР исходили из принципов, изложенных в “Общей программе НПКСК”, основная направленность национальной политики КПК принимает более радикальный характер, а “социалистические” идеи в ней приходят на смену национально-демократическим.

И хотя состоявшийся в сентябре 1956 г. VIII съезд КПК в качестве основного направления борьбы с национализмом все еще рассматривал “противодействие великоханьскому шовинизму, при безусловном устранении тенденций к местному национализму среди кадровых работников из числа национальных меньшинств”¹⁸ и обращал внимание на то, что при проведении преобразований в национальных районах необходимо “придерживаться мирных методов, не прибегая к насилию”, стремиться чтобы “всякого рода преобразования осуществлялись народными массами этих национальностей и их вождями на основе неторопливого изучения, путем консультаций и в соответствии с волей национальных меньшинств”,¹⁹ общие направления национальной политики уже к этому моменту претерпевают существенные изменения.

Разработанная к началу 1956 г. и впервые обнародованная в выступлении Уланьфу на съезде “Общая задача партии и народов всех национальностей в области национального вопроса” провозглашала: “Еще больше укреплять единство нашей Родины и развивать отношения братства между различными национальностями. Еще больше крепить сплоченность внутри национальных меньшинств, развернуть активность национальных меньшинств в строительстве Родины и строительстве социализма. Помогать национальным меньшинствам в различные сроки перейти к социалистическому обществу, превратить нашу Родину в могучую социалистическую державу, а также, прилагая максимум усилий в течение длительного периода времени, поднять все национальности до равного положения в отношении уровней экономического и культурного развития”.²⁰

Другими словами, в качестве первостепенных задач национальной политики ставится, во-первых, сохранение территориального единства Китая, а во-вторых, интенсивное подтягивание неханьских этносов до “передового уровня ханьцев”. Решение поставленных задач предполагало наряду с преобразованиями в экономической сфере, принятие твердых мер на культурном фронте, целью которых было бы изменение традиционных обычаев национальных меньшинств и преодоление традиционной идеологии в их среде.

Следствием этих изменений стали развернутые весной-летом 1957 г. движение “за упорядочение стиля работы” и движение “по борьбе с буржуазными правами”, которые переросли в кампанию “борьбы с местным национализмом” в национальных районах КНР.

Нельзя сказать, что элементы проявления национализма среди неханьских народов Китая (особенно достаточно крупных и территориально сконцентрированных) не имели места вообще. Они были, но в большинстве случаев носили бытовой характер, выражаясь неприятием некоторых социально-экономических и культурных преобразований

новой власти, и не представляли сколь-нибудь реальной угрозы ни для центрального, ни для регионального руководства.

По-видимому, более существенным оказалось то, что появившиеся в местной печати отдельные публикации обнаруживали парадокс национально-кадровой политики. Вместо дисциплинированных и надежных национальных кадров, которые могли бы сыграть руководящую роль в осуществлении глобальных перемен в обществе, партийные и административные органы оказались наводнены “нереформированными” кадрами, выражающими самостоятельные национальные, в редких случаях — действительно националистические взгляды, которые и были квалифицированы как “местный национализм”, а их выразители — как “местные националисты”.

Завершением первой волны кампании “по борьбе с местным национализмом” заканчивается и очередной этап эволюции национальной политики КПК. На смену политике использования родоплеменной и феодальной знати национальных меньшинств, учета национальных особенностей и специфики регионов, терпимого отношения к религии и религиозным деятелям приходит новый курс, обеспечение законности гарантий проведения которого в жизнь возлагается на “реформированных” в ходе кампании “по борьбе с местным национализмом” представителей национальной интеллигенции и кадровых работников партийных и административных органов.

Четвертый этап эволюции подходов к решению национальной проблемы в КНР является самым продолжительным и охватывает 1958-1978 гг., объединяя в себя периоды “большого скачка” и создания “народных коммун”, период “урегулирования” начала 60-х годов, и, наконец, “культурную революцию”. Отличительной чертой этого этапа является то, что КПК, сохраняя свою прежнюю теоретическую концепцию решения национального вопроса в КНР, фактически осуществляет совершенно противоположную политику, направленную

на окончательную ликвидацию любого рода национальной самобытности и полное подчинение национальных районов единому централизованному руководству.

Эта цель достигается как дальнейшим “огосударствлением” экономической и общественной жизни в Китае, так и применением в национальных районах приемов, апробированных в прошлые годы.

Одним из основных направлений в решении этих задач было создание “народных коммун” и сопровождающее его движение “по социалистическому и коммунистическому воспитанию” в китайской деревне, предусматривающие ликвидацию всего индивидуального, национально специфического и требующие слепого подчинения “безошибочной линии и курсу партии”, невыполнение которых – и этому лишь недавно все были свидетелями, могло квалифицироваться как угодно со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Актом создания “народных коммун” был нанесен окончательный удар по национальной специфике районов проживания национальных меньшинств, они превратились в действительно “неотъемлемую часть” территории КНР. “Народная коммуна” не только сделала невозможным существование персонифицированного собственника, но и разрушила традиционные родоплеменные и клановые связи у местных этнических групп, они теряли свою национальную и индивидуальную самобытность и превращались в дешевую наемную силу государства. Тот, кто отказывался сотрудничать, был обречен на голодную смерть, поскольку коммуны давали возможность новой власти не только привести широкие народные массы в зависимость от государства, но и подчинить их даже в вопросах пропитания.

Захлестнувшая Китай с конца 1965 г. “культурная революция” еще больше осложнила ситуацию: на смену социально-экономическому строительству и преобразованиям в культурной сфере (пусть даже осуществляемым иногда и в извращенной форме) приходит волна анархии, вызванная решением “Группы по делам культурной революции” о сломе партийной машины и замене ее “революционным захватом

власти снизу”. С повсеместным образованием к концу 1968 г. “ревкомов” даже видимость районно-национальной автономии была разрушена, а автономные районы начали рассматриваться не иначе как непосредственно подчиненные центральному правительству провинции КНР.

С началом кампании по “критике банды четырех” существенно меняются подходы центрального руководства к проблеме национальной политики. В центральной прессе обращается внимание на то, что “банда четырех” вместо того чтобы уважать права на автономию, нравы и обычаи национальных меньшинств, подавляла их права на управление собственными делами. “Банда” обвинялась в саботировании политики партии в отношении национальных меньшинств и отрицании специфических особенностей приграничных районов и их национальной специфики; подчеркивалось, что впредь необходимо уважать нравы и обычаи национальных меньшинств, уделять внимание использованию разговорного и письменного языков, дать простор лучшим сторонам их культуры.²¹

В марте 1978 г. принимается очередная конституция КНР, которая исключает наиболее одиозные положения прежней конституции и в определенной степени возвращается к нормам, изложенным в основном законе 1954 г. Конституция подчеркивает многонациональный характер Китая, восстанавливаются положения о равенстве наций, о праве нации на развитие своего языка, о свободе сохранения или изменения нравов и обычаев, о свободе вероисповедания и допустимости деятельности религиозных организаций “в установленных законом рамках”, о праве органов самоуправления национальных автономий разрабатывать положения об автономии и отдельно действующие акты

Таким образом, к концу 70-х годов национальная политика КПК как бы завершила полный круг в своем развитии, а национальные районы, как и Китай в целом, вступили в новую фазу исторического развития. Эта фаза характеризовалась новым качественным уровнем отношений центральной и местных властей; изменившейся этносоциальной структурой населения национальных районов, их значительной степенью

интеграции в единый народнохозяйственный механизм страны; наконец, изменившемся раскладом политических сил в мире. Предстояло искать новые формы и пути решения национального вопроса в Китае при условии сохранения его территориальной целостности и обеспечения гарантий как национальной безопасности, так и дальнейшей интеграции национальных районов в единое многонациональное унитарное государство, а населяющих их неханьских этнических групп – в “единую китайскую нацию”.

* * *

Этот краткий экскурс в историю формирования концепции национальной политики КПК дает основание для весьма значимых в плане поставленной нами темы исследования выводов как о перспективах этнического сепаратизма в Китае, так и о мерах, которые могут быть задействованы руководством КНР по его пресечению.

Во-первых, несомненно, что с приходом к власти КПК контуры национальной политики в Китае резко меняются, приобретая классовые очертания и воспринимая влияние советских теоретических трактовок. Однако сущностная часть теоретических разработок остается прежней – убедить общественное мнение, что Китай исторически складывался как “единое многонациональное государство”, а “китайская нация” (“чжунхуа миьнцзу”) – как “суперэтнос”.

Именно следствием этих умозаключений явилось, с одной стороны, признание за всеми проживающими на территории КНР народами статуса “нации” при одновременном включении в понятие “китайская нация” все этнические группы, “сопричастные к истории страны”. А с другой – непризнание принципов национального самоопределения и федеративного государственного устройства, а организация национально-государственного строительства на принципе районно-национальной автономии.

Во-вторых, на протяжении всех этапов оставалась неизменной главная цель, которая ставилась КПК в ее политике по отношению к национальным районам.

Она предполагала удержать их в качестве неотъемлемой части территории КНР и, насколько возможно, мирными средствами провести социально-экономические и политические преобразования, обеспечивающие слом традиционных экономических и общественных отношений в них с последующим перераспределением господствующих политических элит и их подчинением единому руководству КПК. Решение этой задачи в свою очередь требовало создания экономической, политической и идеологической основы для необратимости процесса интеграции национальных районов в единый Китай, претворения в них политических установок КПК и их полное подчинение единому централизованному руководству.

Все это, правда, с небольшими теоретическими корректировками, учитывающими современный этап развития этнологии в Китае, присутствует и в современной концепции национальной политики КПК.

Основные черты современной национальной политики

Новый этап в истории КНР наступил после III пленума ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.), когда вызванные обострением напряженности в обществе и подкрепленные изменениями в руководящей политической элите социально-экономические преобразования приобретают легитимную основу.

Новые подходы к разработке концепции национальной политики КПК

В соответствии с положениями новой экономической стратегии ЦК КПК пересматривает и свою национальную политику, в основу которой закладываются принципы, практиковавшиеся до 1957 г. Национальные районы КНР прекращают свое существование в качестве “форпостов

борьбы с ревизионизмом” и начинают рассматриваться как равноправные провинции КНР, от успешного развития которых “зависит судьба всей страны”. Обнародованные в середине 1979 г. установки ЦК КПК по организации национальной работы провозглашали, что в новый исторический период задачи партии и государства в этой сфере сводятся к следующему: “высоко поднять великое знамя идей Мао Цзэдуна, последовательно воплощать в жизнь задачи генеральной линии нового периода; неуклонно придерживаться четырех основных принципов и осуществления национальной политики партии; усиливать национальную сплоченность и укреплять единство родины; защищать границы и стабильность в районах проживания национальных меньшинств; в полной мере мобилизовать социалистическую активность всех национальных меньшинств в борьбе за превращение Китая в социалистическую модернизированную державу”.²² В качестве основных пропагандистских пунктов этих установок предполагалось рассматривать, во-первых, сплочение всех национальностей на борьбу за осуществление четырех модернизаций; во-вторых, оказание национальным меньшинствам государственной помощи в развитии экономики и культуры, целью которой являлось бы выравнивание уровней развития населяющих Китай этносов.²³

Однако, как представляется, круг задач, которые предстояло решить, опираясь на новые установки центра в отношении национальных районов, был значительно шире. Не “благородная” цель “выравнивания” уровней развития отдельных этносов являлась ключевой, хотя в стратегическом плане — интеграция национальных районов в общее русло предполагаемых экономических реформ, — и она имела существенное значение. Речь, по-видимому, шла о другом. Разрушенный “культурной революцией” механизм управления народным хозяйством, хаос в управленческой сфере, утрата центром социальной опоры в национальных районах (прежде всего в лице местных кадровых работников

партийных и административных органов) и рычагов контроля в процессе их интеграции собственно в Китай и проводимую центральным руководством политику; фракционная борьба как в центре, так и на местах, как в кадровом корпусе, так и в партийном аппарате; наконец, изменение ситуации в раскладе политических сил в мире, становящиеся все более очевидными стагнационные процессы в СССР и стремление любой ценой сохранить существующую политическую систему в КНР – все это потребовало как новых реформистских действий, так и необходимости их поэтапного осуществления. Понимая, что прогнозируемая активность истерзанных “культурной революцией” масс в процессе осуществления реформ может выйти за дозволенные рамки, центральное руководство отпустило власть, словно бумажного змея, оставляя нить в своих руках.

Прежде всего требовалось сохранить достигнутый к концу “культурной революции” успех в интеграции районов проживания национальных меньшинств в собственно Китай и обеспечить условия, гарантирующие их участие в намеченных социально-экономических и политических мероприятиях. Отсюда – обещание государственной поддержки и помощи; активная пропаганда лозунга “извечного единого многонационального Китая”; списание перегибов в национальных районах на счет кадровых работников-выдвиженцев “культурной революции”; возврат к практике начала – середины 50-х годов; активизация противодействия великоханьскому национализму; особое внимание на пресечение и исправление националистических тенденций крупных этносов в районах, где они составляют большинство населения; допущение свободы вероисповедания, использования национальных языков и письменности в учебном процессе; реанимация традиций и культуры неханьских народов Китая и т. д.²⁴

Во-вторых, необходимо было сохранить политическое реноме КПК и ее идеологии, укрепив в общественном сознании мысль, что порочна ни сама система, а лишь “некоторые стоящие у власти” перерожденцы. Как следствие

— обилие противоречий и разночтений в документах ЦК КПК конца 70-х — начала 80-х годов, в которых наряду с новыми положениями присутствовали и архаизмы периода “культурной революции”.

В-третьих, предстояло подготовить новый кадровый корпус, воспитав его в духе последних политических установок. Отсюда — внесение в конституцию 1978 г. требования к вышестоящим по отношению к национальным районам органам “всемерно готовить национальные кадры”, начало кампании по реабилитации кадровых работников-ветеранов, усиление внимания на политической и идеологической качественности кадрового корпуса.

Наконец, теоретически верное положение о разновеликости уровней социально-экономического и культурного развития отдельных этносов и заложенный в руководящие партийные документы приоритет ханьцев в условиях необходимости ускорения процесса социально-экономического возрождения Китая и объективно низкого уровня экономического развития неханьских регионов и населяющих их этносов предполагало продолжение миграции в эти регионы ханьцев из внутренних районов Китая. Поскольку новый поток мигрантов мог вызвать нежелательные межнациональные конфликты требовалось, с одной стороны, восстановить разрушенные “культурной революцией” “опорные базы” центра в национальных районах Китая, а с другой — усиленно внедрять в сознание масс идею “национальной сплоченности” и идти, хотя бы на формальное”, расширение прав национальных меньшинств (точнее — национальной бюрократии в лице кадровых работников местных партийных и административных органов) в районах, где они осуществляли районно-национальную автономию.

Я далек от мысли рассматривать все вышеизложенное как некую “злую волю центра”. По-видимому, другого пути просто не было. Было необходимо хоть сколь-нибудь поднять уровень жизни народа, реанимировать производство и структуру управления народным хозяйством, заложить не только социально-экономические, но и морально-психологические основы будущих преобразований. У центрального китайского

руководства хватило мудрости понять, что опережающая экономическую политическая либерализация лишь углубит экономический кризис, а снижение степени политической централизации в условиях политического и идеологического хаоса приведет к развалу страны. Сознательно приняв на себя критику (в том числе и в плане ущемления прав неханьских народов на национальное самоопределение), оно сохранило за собой ключевые рычаги власти, поэтапно осуществляя экономические реформы и дополняя их элементами политической либерализации, включая и сферу национальных отношений и национальной политики.

Что касается национальных районов, то на данном этапе главным вопросом, который предстояло решить в их отношении, являлось снятие напряженности между центральной властью и местным руководством, возникшей в результате непродуманной политики периода “культурной революции”. Основное содержание этой задачи состояло в урегулировании отношений между центром и автономиями (как в плане разграничения полномочий и расширения автономных прав, так и упорядочения отношений на уровне кадрового корпуса); между проживающими в автономных районах кадровыми работниками-ханьцами и кадровыми работниками из числа национальности, осуществляющей районную автономию; между кадровыми работниками из числа местных этнических групп, между военными и гражданским населением, между ханьцами и национальными меньшинствами. Другими словами, речь шла о совершенствовании системы районно-национальной автономии и возвращении к практике начала 50-х годов в сфере национальных отношений.

Выступая на проведенном в апреле 1980 г. совещании по работе в Тибете, председатель Госкомитета по делам национальностей Ян Цзинжэнь, указывая на пути совершенствования районно-национальной автономии, подчеркивал, что она должна включать в качестве своего основного содержания следующие положения:

органы автономии должны формироваться главным образом за счет кадровых работников той национальности, которая осуществляет национальную автономию

в автономных образованиях в первую очередь должны использоваться язык и письменность осуществляющей автономии национальности, чтобы она могла реализовывать свои права

в автономных образованиях все дела необходимо вести основываясь на национальных и региональных особенностях

автономные образования могут, основываясь на особенностях ситуации и специфических потребностях, исходя из принципов законодательства и Конституции выработать собственные отдельно действующие акты, положения об автономии, приказы и распоряжения, имеющие силу закона

автономные образования обладают более широкими финансовыми полномочиями, нежели равные им по административному статусу обычные районы

автономные образования, по сравнению с равными им по статусу обычными районами, пользуются более широкими правами на управление и получение прибылей от находящихся на их территории лесов, полей и недр

границащие с иностранными государствами автономные образования в условиях нормальной обстановки имеют право осуществлять приграничную торговлю

автономные образования должны развивать культуру, науку и образование данного этноса

в отношении указаний и приказов центра или вышестоящих органов автономные образования, в случае их несоответствия обстановке в данном регионе, могут не выполнять их или исполнять в измененном виде, однако на это предварительно испрашивается мотивированное согласие.²⁵

Такой подход в определенной мере позволял решить указанную проблему, однако требовалось не только снизить степень напряженности в национальных районах, но не допустить раскола страны и включить национальные районы в русло осуществляемых социально-экономических реформ. Поэтому, несмотря на изменение национальной политики, допускаемый плюрализм в толковании концепции районно-национальной автономии и существенный пересмотр

стратегии социально-экономического развития страны, на данном этапе национальные районы рассматривались исключительно как часть единого народнохозяйственного механизма; их национальная специфика, безусловно, учитывалась, но речь о региональном хозрасчете пока не шла. Принятый в апреле 1981 г. генеральный курс партии в национальной работе предусматривал “неуклонно придерживаться неизменной работы в вопросах помощи национальным меньшинствам во всестороннем развитии их политики, экономики и культуры, поэтапном движении вперед по пути социализма, постепенном осуществлении фактического равенства всех этносов”.²⁶

Однако в условиях расширения процесса экономической и политической либерализации этого было явно недостаточно. Требовался как более детальный анализ и переоценка “опыта” периода “культурной революции”, так и хотя бы формальное движение в сторону расширения автономных прав национальных меньшинств. Как подчеркивал член Политбюро ЦК КПК Уланьфу, в настоящее время основными требованиями кадровых работников и масс национальных меньшинств являются:

право пользования автономией, самостоятельного управления делами данного этноса и данной территории, чтобы все местные дела и вся местная работа велись исходя из местных условий и реальной жизни национальных меньшинств

надлежащим образом охранять местные природные богатства, рационально их использовать в интересах защиты экономических интересов национальных меньшинств... провести разделение полномочий между автономными органами управления, центральными и вышестоящими государственными органами... решить вопрос о бездумном переселении народов;

надежда, что на основе опоры на собственные силы они получат значительную поддержку и помощь со стороны государства и ханьцев

расширять ряды национальных кадров, обеспечивать равноправие национальностей

срочно принять меры к спасению и приведению в порядок национального культурного наследия, предоставлению возможности использовать и развивать национальный язык и письменность, обеспечению условий для расцвета национальной культуры, уважению национальных обычаев, нравов, вероисповеданий.²⁷

Другими словами, речь шла о возможности реализации принципов регионального хозрасчета и распределения полномочий между центральной и местной бюрократией. Понимая, что подобное ослабление власти центра может в условиях национальных районов (особенно тех из них, которые обладали достаточным опытом организации и функционирования национальных органов власти) привести к возникновению тенденции сепаратизма и этнократизма, а также обострению межэтнических отношений на этой основе, центральное руководство одновременно с либерализацией национальной политики принимает меры, призванные обеспечить стабильность хотя бы в рядах кадрового корпуса.

В национальных районах и учреждениях центрального аппарата, так или иначе связанных с работой с национальными меньшинствами, предполагалось сосредоточить внимание на трех аспектах. Первое, “выправить” знания о районно-национальной автономии, где речь шла об “упорядочении” понимания сущности и проблем районно-национальной автономии в среде кадровых работников центральных и местных органов власти, ханьцев и национальных меньшинств. Второе, всесторонне проводить в жизнь и своевременно стимулировать партийную политику осуществления районно-национальной автономии, в которой коренными вопросами являются, “национализация” (“миньцзухуа”) местных органов самоуправления и “автономные права”. По существу же речь шла о “коренизации” кадрового корпуса органов местного самоуправления в автономиях и расширении их властных полномочий. Третье, формирование юридической базы системы районно-национальной автономии, прежде всего, в плане учета сложившихся реалий, уточнения положений действующего национального законодательства и разработки

новой концепции законодательства о национально-государственном строительстве в КНР.²⁸

Многие из этих положений имели перспективное значение, но некоторые предстояло решать незамедлительно. Главной из этих неотложных проблем была проблема сохранения политической стабильности в национальных районах и обеспечения условий политической и национальной сплоченности как на уровне кадрового корпуса, так и на уровне межэтнических отношений других социальных слоев населения национальных автономий.

Решить эту проблему была призвана разработанная в 1981 г. концепция “два не отрываться” (“лянгэ ли букай”),²⁹ которая первоначально предполагала урегулирование отношений между кадровыми работниками ханьцами и неханьцами, а позднее приобрела более расширенное толкование: “... отношения между ханьским и неханьскими народами — это отношения, в которых ханьцы не могут отрываться от национальных меньшинств, а национальные меньшинства — от ханьцев. Это отношения, сохраняющиеся на основе взаимопомощи и взаимного сосуществования, кто-либо не может жить в отрыве от кого-либо”.³⁰

Одновременно с решением вопроса урегулирования межэтнических отношений на уровне кадрового корпуса и других социальных слоев населения национальных районов ЦК КПК принимает решения, обеспечивающие легитимную основу деятельности религиозных организаций и укрепления действующих органов местного самоуправления как по линии организационной работы, так и формирования новой юридической базы их деятельности.³¹

Существенным образом меняются и подходы к проблеме борьбы с двумя видами национализма. Во-первых, снимается вопрос о “великоханьском” национализме вообще и признается, что проявления “великонационализма” могут иметь место не только среди ханьцев, но и среди представителей других этнических групп, если на то имеют место определенные условия. Во-вторых, разрешение всех межэтнических конфликтов предполагается на основе конкретного анализа

ситуации и их классификации именно как “национальной”, а не иной проблемы, на основе закона, а не идеологических и политических кампаний. В-третьих, предписывается четко разграничивать проявления национализма и нормальных национальных чувств; то есть понимать, что требование этноса развивать свой язык и культуру, следовать своим национальным обычаям и традициям, исповедовать свою религию — отнюдь не есть проявление национализма, и последний возникает только тогда, когда эти требования вступают в противоречие с общечеловеческими ценностями, правами и интересами других этносов, проживающих на данной территории.³²

В октябре 1982 г. разрабатывается специальное постановление об оказании помощи национальным районам со стороны экономически более развитых регионов страны. Главное внимание документ обращает на техническое перевооружение промышленных предприятий национальных районов, оказание им научно-технической помощи, подготовку квалифицированных специалистов как из числа местных этнических групп, так и за счет направления лучших специалистов предприятий экономически развитых районов страны в национальные районы.³³

Наконец, в декабре 1982 г. принимается новая Конституция КНР, которая полностью восстанавливает национальные меньшинства в тех правах, которыми они пользовались в начале — середине 50-х годов, и закладывает юридическую основу формирования будущего законодательства по национально-государственному строительству.

*Вопросы национальной политики КПК в
“Законе КНР о районно-национальной автономии”*

С 1 октября 1984 г. вступает в силу “Закон КНР о районно-национальной автономии”, на основе которого строится деятельность органов власти всех уровней. Думается, нет необходимости комментировать этот документ, его содержание (при всех критических выступлениях в адрес как политики центрального правительства КНР, так и самого закона) говорит само за себя.

Содержащий 67 статей закон предоставил национальным районам (в лице органов местного самоуправления) все права на их самостоятельное развитие в рамках единого Китая и на общее благо. Практически все пожелания автономных национальных образований де-юре были учтены в данном документе, тот же факт, что они не реализуются практически и до настоящего времени — вопрос другого порядка, связанный с конкретными социально-политическими и духовными процессами, имеющими место в каждом из национальных районов КНР.

Сам по себе “Закон о районно-национальной автономии” не содержал каких-либо теоретических нововведений, лишь констатируя оформившиеся концепции КПК по национальному вопросу, однако некоторые положения его окончательной редакции существенно урезали заложенный в них первоначальный смысл и требовали более расширенного толкования. Эти положения касались прежде всего вопросов межэтнических отношений в автономиях, особенностей формирования органов самоуправления (в плане этно-пропорционального представительства в них), характера и механизма перераспределения власти между центральными и местными органами управления.

Преамбула закона констатировала: “В борьбе за сохранение национального единства необходимо выступать против национализма великой нации, главным образом великоханьского, а также против местного национализма”.³⁴ Подобная установка в общественном сознании ассоциировалась исключительно на уровне межнациональных противоречий между ханьцами и неханьскими этносами, существенно ограничивая как саму проблему, так и спектр межэтнических отношений в национальных районах КНР.

У нас не вызывает сомнения, что авторами закона эта проблема не понималась в ее полном объеме. Ограничительное толкование было допущено, по-видимому, сознательно, поскольку детальное ее раскрытие было связано с разъяснением глубинных противоречий самой концепции районно-национальной автономии. Во всяком случае, выступивший

на сессии с разъяснениями проекта заместитель председателя Комитета по делам национальностей Нгапод Нгагван-Дзигмэд указывал, что в преамбуле говорится: “необходимо выступать против двух видов национализма, то есть против национализма большой нации, главным образом великоханьского, а также против местного национализма”. И далее, “В национальных автономиях необходимо выступать против великоханьского национализма, а также против национализма других крупных наций и против местного национализма”.³⁵

В более позднем комментарии к закону эта проблема рассматривалась в полном объеме. Указывалось, что в национальных отношениях в автономиях имеют место несколько видов межнациональных отношений: во-первых, отношения между ханьцами и национальными меньшинствами, в которых различаются отношения между ханьцами и осуществляющим автономию этносом, а также между ханьцами и не осуществляющими автономию этносами. Во-вторых, отношения между осуществляющим автономию этносом и другими неханьскими этносами, включая территориально сконцентрированные малые этносы и проживающих разрозненно представителей крупных этносов. В-третьих, между этносами, осуществляющими районно-национальную автономию, в том числе этносами, осуществляющими автономию совместно, а также этносами, осуществляющими автономию на уровне различных административных образований (автономный район, автономная область, автономный уезд). Наконец, отношения между неханьскими этносами, не осуществляющими районно-национальную автономию, включая отношения между компактно проживающими малыми этносами и разрозненно живущими представителями крупных этносов, отношения между представителями разрозненно живущих этносов.³⁶

Открыв этот “ящик Пандоры”, центральное руководство поставило бы себя перед довольно трудно разрешимыми проблемами: критерии выделения обладающих автономией этносов, признаки выделения различным этносам де-юре

равных, но административно подчиненных автономий, решение вопросов структурной соподчиненности автономий и т.д. Поэтому, следуя логике противодействия меньшему злу, в основной текст закона была включена апробированная концепция “борьбы с двумя видами национализма”, в русле которой и проходили дальнейшие дискуссии.

Вторая проблема, непосредственно связанная с вышеизложенным, касалась принципа “национального равноправия”, заложенного в концепцию национальной политики КПК. В этом вопросе разночтения проистекали главным образом из-за допущенной в предшествующие годы терминологической путаницы, когда проблема “юридического равенства этносов” ассоциировалась с проблемой “национального равноправия” вообще, а существо национального вопроса рассматривалось в виде “ликвидации фактического неравенства между этносами”. Другими словами, сугубо социально-экономическое понятие “неравномерности исторического развития отдельных этносов” было возведено в ранг политического понятия “национальное равноправие”. По своей сути вопрос ясен, в наследство историей оставлено не “неравенство” (“бу пиндэн”) этносов, а “неравномерность” (“бу пинхэн”) их социально-экономического, политического и культурного развития и вытекающие отсюда “различия”, “разрывы” (“чацзюй”) между уровнями развития отдельных этносов. С учетом этого, все встает на свои места: первое – юридическое и политическое понятие, второе – экономическое и социальное. Первое – субъективное, второе – объективное. Следовательно, при решении национального вопроса речь должна идти о юридическом закреплении принципа “равенства всех этносов”, с одной стороны, а с другой – интенсивном сокращении и ликвидации “разрыва” в уровнях социально-экономического, культурного и политического развития между ними.

К чести китайских теоретиков необходимо сказать, что такое понимание присутствовало уже к середине 80-х годов. По мнению ряда китайских авторов, “неуклонное следование

принципу национального равноправия вовсе не означает ‘беспристрастного отношения’ к любому этносу и в любой области”, оно означает, что “необходимо гарантировать юридическое равенство всем этносам в политической сфере, допустить полное использование права на автономию всеми этносами”, признавая различия между этносами в уровнях их развития.³⁷

К сожалению, как проблема “национального равноправия”, так и “сущности национального вопроса” в условиях Китая остались дискуссионными до настоящего времени. При этом, имеющая место путаница в понимании “национального равноправия” как юридической дефиниции, и “неравномерности развития этносов”, как историко-экономической, продолжает служить одним из источников возникновения не только теоретических споров, но и межнациональных конфликтов.

Третья дискуссионная проблема была связана с особенностями формирования органов самоуправления национально-территориальных образований, что “не только является одним из коренных вопросов осуществления районно-национальной автономии, но и важнейшим демократическим правом национальных меньшинств управлять внутренними делами, как хозяин в собственном доме”.³⁸

У нас нет оснований подвергать этот вывод сомнению. Действительно, законодательство КНР наделяло автономными правами не этносы, а органы самоуправления на местах, и, следовательно — особенности их формирования, этническая и социальная структура играли первостепенное значение в функционировании районно-национальной автономии.

Для нас важно другое, ограничение теоретического осмысления концепции районно-национальной автономии проблемами организации органов самоуправления на местах заслоняло собой главные вопросы: как эти органы будут действовать в условиях неизменной политической системы и что нужно сделать, чтобы правом на автономию обладали не административные органы, а сам этнос? К сожалению, эти вопросы до настоящего времени остаются вне поля

зрения китайской теоретической мысли. Главное, на что обращается внимание — подготовка необходимого числа кадровых работников из национальных меньшинств, их политическая и идеологическая благонадежность.

Наконец, еще одна дискуссионная проблема — характеристика понятия “право на автономию” и особенности разграничения полномочий между центральными и местными органами власти. Основное, на что обращалось и обращается внимание при анализе проблем реформы политической системы в районах проживания национальных меньшинств — правильное отношение к принципу “национального самоопределения”, укрепление национальной сплоченности и стабильности в регионах, постановка во главу угла долговременных общегосударственных интересов.³⁹

Другими словами, речь идет о возможности перераспределения властных полномочий между центром и регионами, допущения более широкой автономии при сохранении целостности государства и номинального руководства центра через партийные организации на местах и работающих в них коммунистов. Казалось бы, прогресс налицо. Однако это только на первый взгляд. Поскольку и в “Законе КНР о районно-национальной автономии”, и в других актах неизменно сохраняется норма “строгого следования курсу партии”, все словесные заверения и даже законодательно оформленное распределение полномочий между центром и регионами мало что дают. Связывая их реализацию с “идеологически единым” кадровым аппаратом органов самоуправления на местах и “неизменностью курса партии”, выработанный ЦК КПК, центральное руководство тем самым оставляет за собой право всегда вмешаться в их деятельность.

*Национальная проблематика в концепции
“начального этапа социализма”*

К концу 1986 г. контуры концепции национальной политики КПК в “новый исторический период” начинают приобретать реальные очертания. В октябре состоялось

Всекитайское совещание представителей провинциальных комитетов по делам национальностей, на котором были подведены итоги национальной работы и выработаны ее новые направления, обобщенные в так называемом “Документе №13”, принятом 21 января 1987 г.

Данный документ, обратив внимание на достигнутые в предшествующие годы успехи, констатировал, что “в настоящее время важнейшим вопросом в сфере национальной работы остается сохраняющаяся экономическая и культурная отсталость большинства национальных районов, недостаточная экономическая эффективность и значительная их бедность”.

В соответствии с поставленными задачами, в “Документе №13” предусматривалось:

в национальной работе экономическую работу поставить на первое место

приложить максимальные усилия в строительстве социалистической духовной культуры

в полной мере проводить в жизнь “Закон о районно-национальной автономии”

организовывать работу среди живущих вне мест компактного проживания национальных меньшинств

укреплять процесс создания комитетов по делам национальностей всех уровней и в полной мере развивать их роль.

Конкретизируя эти положения, документ предлагал: в области экономического строительства – в полной мере учитывать особенности национальных районов и специфику производства в них, развивать те виды производства, которые в наибольшей степени характерны для данного региона; соблюдать в национальных районах принцип строжайшей экономии, реализовывать принцип “опоры на собственные силы”; проводить техническое перевооружение предприятий, активно привлекать к работе на действующих и вновь создаваемых предприятиях рабочих и служащих из числа национальных меньшинств; продолжать помощь и поддержку национальным районам со стороны

экономически развитых районов, перейти к установлению горизонтальных связей между регионами и отдельными предприятиями; использовать этническую, религиозную и историческую специфику регионов для активизации их внешнеэкономической деятельности и предоставить этим регионам государственные льготы в осуществлении подобной деятельности.

В сфере духовной культуры – “учитывая этническую ситуацию”, проводить патриотическое воспитание в духе осуществления четырех основных принципов, укрепления национальной сплоченности и, прежде всего – поддержание принципов партийного руководства и единства родины; активно изыскивать интеллектуальные резервы и готовить специалистов; прививать новые понятия и новые традиции.

Характеризуя ситуацию с проведением в жизнь “Закона о районно-национальной автономии”, документ констатировал, что главная проблема сегодняшнего дня “отсутствие в соответствующих ведомствах и многих районах конкретных положений, установок и мероприятий, основанных на данном законе, и сохранение значительной части административных положений, не приведенных в соответствие с нормами закона”. Особо обращалось внимание на разграничение полномочий между центром и местными органами самоуправления, передачу ряда предприятий под юрисдикцию и управление местным органам, наконец, подготовку кадровых работников из числа национальных меньшинств.⁴⁰

Состоявшийся в октябре 1987 г. XIII съезд КПК вновь подтвердил основные установки по национальной политике партии, а, разработав программу проведения реформы политической системы КНР и в развернутой форме дав обоснование концепции “начального этапа социализма”, способствовал активизации теоретических дискуссий по основным проблемам обществоведения, в том числе и по национальной.

На базе общетеоретических положений концепции “начального этапа социализма” происходила и разработка аспектов национальной проблематики. 25-29 апреля 1988 г.

в Пекине прошел первый Всекитайский съезд передовиков “сплочения и прогресса народов всей страны”. Выступивший на съезде Чжао Цзыян наметил контуры будущей концепции, обратив внимание делегатов на следующие моменты.

Во-первых, подчеркивалось, что “нации вовсе не возникли с самого начала истории человечества, а являются продуктом определенного этапа развития производительных сил. Нация и государство – это не тождественные понятия... нация и многонациональное государство – продукт длительного исторического развития”. Поэтому “понимание долговременного существования национального вопроса и правильное его регулирование чрезвычайно важно для стабильного развития многонационального государства”.

Во-вторых, подтверждался принцип “национального равноправия” вне зависимости от размеров и уровня экономического и культурного развития отдельных этносов.

В-третьих, признавая как объективную реальность неравномерность исторического развития отдельных этносов и наличие разрыва в уровнях их социально-экономического и культурного развития, сущность национального вопроса определялась как “насушная потребность районов национальных меньшинств ускорения в развитии экономики и культуры”.

Отсюда, в-четвертых, подразумевалось продолжение политики государственной поддержки национальным районам в расширении горизонтальных связей между ними и экономически развитыми районами КНР, с одной стороны. А с другой – расширение “открытости” отдельных этносов как в экономической, так и политической сферах, противодействие попыткам “самоизоляции”, акцентуация внимания на общности интересов при безусловном учете национальной и региональной специфики.

Наконец, в духе решений XIII съезда КПК ставился вопрос о совершенствовании системы районно-национальной автономии и обязательной увязке этого процесса с общими направлениями намечаемой реформы политической структуры. Подчеркивая это обстоятельство, Чжао Цзыян отмечал, что

невозможность в полной мере реализовать автономные права связана с “сознанием и идеологией некоторых кадровых работников. Однако более важным представляется тот факт, что отставала соответствующая реформа политической системы”.⁴¹

В выступлении начальника Секретариата Госсовета КНР Чэнь Цзюньшэна была изложена программа действий, которую намеревается предпринять центральное руководство в целях сокращения разрыва в уровнях социально-экономического и культурного развития различных этносов. В общих чертах эта программа предполагала:

передачу части предприятий центрального подчинения в управление местным органам, отчисления от прибыли находящихся на территории автономий действующих и вновь создаваемых предприятий центрального подчинения в местные бюджеты

размещение в национальных районах таких предприятий, которые бы отвечали как интересам развития экономики в целом, так и способствовали развитию экономики на местах

допущение самостоятельного распоряжения местными органами самоуправления средствами для осуществления капитального строительства

в отношении действующих предприятий предусматривалась политика льгот по налоговым отчислениям, ценам, прибылям, кредитам и т. д.

привлечение к работе на действующих и вновь создаваемых предприятиях рабочих и служащих из числа местных этносов, оказание им помощи в повышении профессионализма и квалификации

развитие инфраструктуры в районах проживания национальных меньшинств

продолжение в национальных районах политики “опоры на собственные силы” и отношение к осуществляемой со стороны государства и экономически развитых районов мероприятий как вспомогательным мерам государственной программы помощи отсталым и бедным районам

проведение реформы в области выделения государственных средств на развитие национальных районов и способов их

реализации так, чтобы гарантировать использование этих средств исключительно в целях развития экономики, культуры этих районов

формирование из национальных меньшинств групп обучения передовому опыту

учет развития и строительства национальных районов соответствующими государственными органами как при текущем, так и долгосрочном планировании.⁴²

Таким образом, к началу 90-х годов концептуальные подходы к национальной проблематике на “начальном этапе социализма”, который переживает КНР в настоящее время, сводились к следующему.

Нация – продукт исторического развития, феномен, связанный с определенным этапом развития производительных сил. Разрыв в уровнях социально-экономического и культурного развития различных этносов обусловлен неравномерностью их исторического развития, что представляет собой следствие разновременности их вступления в новые фазы общественно-экономических формаций, различной степени готовности для этого вступления и прочности пережитков прошлого в среде этих этносов.

В условиях многонационального государства главенствующим должен быть принцип “национального равноправия” де-юре; признание национальных особенностей отдельных этносов при безусловном стремлении к межнациональному согласию и национальной сплоченности, сохранению целостности государства; признание за каждым этносом права на автономию, допущение расширения полномочий органов местного самоуправления при сохранении единого централизованного руководства.

Наличие диспропорциональности в развитии регионов проживания национальных меньшинств и внутренних районов Китая, отсюда – необходимость помощи и поддержка государства в отношении национальных районов при условии, если последние ставят общегосударственные интересы выше региональных и этнических интересов.

Характеристика сущности национального вопроса на современном этапе развития КНР как вопроса “ускорения экономического и культурного развития районов проживания национальных меньшинств” (в некоторых трактовках – “ускорение экономического и культурного развития национальных меньшинств”).

Наконец, решение проблем, связанных с реализацией “Закона о районно-национальной автономии”, рассматривалось в двух аспектах. Первое, подготовка национальных кадровых работников в должном количестве и идейно-политическом качестве (на первом месте), рабочих и служащих, научно-технических специалистов из числа национальных меньшинств (на втором месте). Второе, увязка реализации закона с общими проблемами осуществления структурной реформы в КНР, прежде всего, реформой самого кадрового корпуса.

За прошедшие после принятия этих решений годы концепция национальной политики КПК в своих основных чертах каких-либо качественных изменений не претерпела. В большинстве работ по национальному вопросу, рекомендованных в качестве пособий для кадровых работников, все вышеперечисленные проблемы трактуются именно в этом ключе.⁴³ Однако этого нельзя сказать о работах теоретического характера. По-видимому, интенсификация проблем этнического сепаратизма и усиления этнического элемента в политике, наблюдаемая в последнее время почти повсеместно, подтолкнула китайских авторов к пересмотру прежних теоретических подходов к проблемам этнологии. В них отчетливо наблюдается как бы возвращение к идеям Сунь Ятсена и придание понятию “нация” в большей степени эвристики звучания. Весьма характерна в этом отношении работа, посвященная собственно проблемам этнического сепаратизма. В ней авторы подчеркивают: “Фактически, нация является уровневым понятием. Например китайская нация не находится на одном уровне с такими понятиями, как ‘ханьцы’, ‘дунгане’ и т.д.”⁴⁴ По мнению авторов, этносы различаются по их уровню развития, и не каждый этнос можно рассматривать в качестве нации.⁴⁵ Более того, пожалуй,

впервые в китайской литературе имеют место ссылки на тождественность понятий “нация” и “государство”, причем в контексте упоминания таких “этносоциальных общностей”, как “китайская нация”, “английская нация”, “американская нация”.⁴⁶

Этот подход весьма актуален, поскольку лишает этнический сепаратизм самой своей основы, как бы выводя этнос за рамки политики. Абсолютно прав российский этнолог В.А. Тишков, который усматривает повсеместную победу этнонационализма именно в извращенном толковании понятия “нация”, когда последняя объявляется “типом этнической общности, этносоциальным организмом, единственной основой для легитимизации государственности, создания жизнеспособных экономических систем и социально-культурных институтов”.⁴⁷ Фактически же нация — это прежде всего согражданство, социальное сообщество граждан, составляющих государство. И в этом смысле проявление элементов сепаратизма любым этносом, на каком бы уровне социально-экономического и культурного развития он ни находился, ведет только к одному — разрушению государства как единого социального организма.

Более того, как показывает исторический опыт (в том числе и стремительно распавшегося на национальные государства СССР), ни региональный хозрасчет (в плане замены союзной командно-административной системы региональной), ни достижение относительно “отнивелированного” уровня развития населяющих многонациональные государственные образования этносов национальной проблемы не решают. Она продолжает существовать, сохраняя свое сущностное содержание, но приобретая иные формы. Местная бюрократия освобождается от опеки центральной, полностью сохраняя при этом свои позиции и командные рычаги.

Более того, на смену интернациональной бюрократии приходит этнократия, которая, апеллируя к национальным интересам и национальному самосознанию и, маскируя этим внутриэтнический социальный конфликт, по существу провоцирует обострение межэтнических отношений и порождает проблему этнического сепаратизма. На вопрос,

почему так происходит, и в чем сокрыт “корень зла”, наиболее полно помогает ответить анализ концепции национально-государственного строительства, принятой на вооружение в той или иной стране, поскольку именно в ней (иногда сознательно) заложены противоречия, затрудняющие формирование сообщества сограждан, и порождающие тенденции к национальному самоопределению и этническому сепаратизму.

Сущность и характерные черты концепции национально-государственного строительства в КНР

На разработку и содержание концепции национально-государственного строительства оказывают влияние множество факторов исторического, социально-экономического, политического и этнического свойства, которые должны учитываться при анализе причин принятия полинациональным государством той или иной формы национально-государственного строительства.

Но и этот анализ, при всей его значимости, не раскрывает глубины проблемы. Необходимо принимать во внимание и внутренние диалектические противоречия, присущие той или иной концепции национально-государственного строительства, с одной стороны.⁴⁸ А с другой — анализ конкретной формы национально-государственного строительства, включающий в себя рассмотрение процесса организации власти, системы органов национальных образований, взаимоотношений с органами центральной государственной власти не ограничивается только этими вопросами. Он предполагает характеристику конституционного статуса национальных образований, полномочий местных органов самоуправления и их деятельности, направленной на реализацию тех целей и задач, для выполнения которых и создана национальная государственность.⁴⁹

Другими словами, рассмотрение той или иной концепции национально-государственного строительства наряду с ее теоретической идентификацией с формами национальных образований, предполагает, во-первых, конкретно исторический анализ возможности и целесообразности выбора одной из ее форм. А во-вторых, политико-правую характеристику процесса образования национальных территорий и создающихся в них органов власти, а также особенностей формирования и деятельности этих органов с учетом их функционирования как властных органов, призванных решить триединую задачу: обеспечивать интересы коренного (осуществляющего национальную автономию или национальную государственность) этноса; общенациональные (государственные) интересы; региональные (полиэтнические) интересы в различных их градациях и переходах от одних к другим.

Поскольку в современном мире мы не наблюдаем мононациональных государств, то в большинстве случаев речь идет о достижении консенсуса этих интересов в рамках функционирования конфедеративных, либо федеративных государственных образований, построенных на принципах территориального или национально-территориального деления.

В первом случае, речь идет о принципе “национального самоопределения” и, следовательно, необходимости определения условий приобретения тем или иным этносом права на национальное самоопределение де-юре и де-факто. В общетеоретическом и общечеловеческом плане этот вопрос, казалось бы, ясен – любой этнос имеет право на самостоятельное развитие и суверенное определение формы своего государственного существования.

Однако сами эти формы обуславливаются уровнем исторического развития этноса, спецификой его формирования и расселения, национальными традициями, характером связей с соседними этносами, наконец, внешними условиями развития и политической обстановкой. Совокупность всех этих элементов и определяет условия, дающие основание

говорить о возможности и целесообразности воплощения принципа национального самоопределения той или иной этнической группой де-юре и де-факто.

И здесь важны не столько конституционные нормы закрепления этого права, создающие де-юре возможность его применения (хотя это и не последний фактор), а наличие или создание в процессе развития этноса в рамках иных форм государственности необходимых материальных, социальных, культурных, политических условий для его осуществления фактически; то есть достижение этносом соответствующего уровня социально-экономического развития, общедемократического и общеправового сознания, без чего национальное самоопределение превращается в фикцию.

Более того, даже при наличии указанных выше условий, самоопределение малых народов и национальных меньшинств, особенно если они не составляют большинства на сколь-нибудь значимой компактной территории, так же как и создание ими отдельных автономных национально-территориальных образований в рамках федеративного государства, подчас нецелесообразны, поскольку усложняют и удорожают всю систему социального управления и ложатся бременем на данные этнические группы, обычно обладающие небольшими экономическими возможностями.⁵⁰

Пропаганда сепаратизма в этих условиях не только ведет к резкому ухудшению жизни граждан данного региона, но и к обострению межэтнических отношений в нем, объективно способствуя укреплению антидемократических начал в общественной жизни и усилению разрыва в системе граждан — власть.

Сказанное выше сохраняет свою актуальность и при анализе концепций национально-государственного строительства полинациональных государств, построенных на принципах территориальной или национально-территориальной автономии. И в том и в другом случае речь идет о концепциях, которые, в отличие от упоминавшихся выше конфедераций, не предусматривают в качестве

главенствующего принцип национального самоопределения, сохраняя при этом принципиально важное положение о равенстве всех этносов де-юре. В этих концепциях преобладают принципы либо культурно-национальной, либо национально-территориальной автономии, каждый из которых содержит свои внутренние противоречия, проявляющиеся через структурно-организационную и функциональную стороны той или иной концепции.

На этапе становления национальной государственности на первый план, как правило, выдвигается структурно-организационный момент и степень его дальнейшего влияния на функциональную сторону зависит как от уровня развития объединяющихся (разъединяющихся) этносов, так и от уровня развития самого общества, политических и исторических условий, социально-экономического и политического развития консолидирующего этноса, особенностей его политической культуры и психологического склада.

При достаточно высоком уровне социально-экономического, политического и культурного развития общества и отдельных этнических групп (прежде всего консолидирующего этноса) структурно-организационный момент очень скоро уступает место функциональной стороне, а национальный элемент – общегосударственному интересу, выраженному в качестве интереса свободного индивида. Как правило, такого типа федерации, признавая равенство всех этносов и заложенные в принципе культурно-национальной автономии положения, строятся по административно-территориальному признаку, при безусловном равенстве всех одноуровневых административно-территориальных единиц, в пределах которых национальные интересы уступают место интересам региональным и личностным.

В данных условиях каждый этнос сохраняет за собой право культурно-национального развития, но при том условии, что это развитие не вступает в противоречие с общенациональными (государственными) и личностными интересами. Конечно, при этом этнос утрачивает право на национальное самоопределение (даже если оно и сохраняется

де-юре). Однако, как показывает международная практика, при нормальном функционировании федераций такого типа происходит постепенное снятие национального в них, и здесь формируется единая этносоциальная общность, именуемая иногда в этнографической литературе “сложной нацией”, внутри которой вопрос о национальном самоопределении снимается сам собой.

При отсутствии указанных условий, связанных, главным образом, со сложностью межнациональных отношений, значительными различиями в уровнях социально-экономического; политического и культурного развития отдельных этносов; национальными особенностями консолидирующего этноса; наконец, социально-экономической и политической ситуацией в обществе, нормальное развитие данного вида федераций не представляется возможным.

Ее место занимает федерация, хотя формально построенная по тем же принципам, но в которой происходит огосударствление всех сфер общественной жизни, в том числе и национальной, а структурно-организационная сторона национальной государственности сохраняет преобладающее положение над функциональной стороной. В этих условиях пропаганда этнически специфического, усиление национального элемента ведут либо к изоляции этносов и межэтническим противоречиям, либо к насильственной ассимиляции и геноциду. Наиболее отчетливо эта перспектива прослеживается в федерациях, построенных по национально-территориальному признаку, в которых абстракт “национально принадлежащей территории” не сплачивает проживающие в ее пределах этносы, а ведет к их размежеванию.

Давший наименование национально-территориальному образованию этнос как бы признается правопреемником законного владения данной территорией и автохтонным этносом, следовательно – считает себя избранным и пытается, ссылаясь на свои автохтонные права, добиваться на данной территории исключительного положения, противопоставляя себя другим этносам.

Поскольку, в силу ряда причин, такого рода национально-территориальное деление бывает достаточно

произвольным, а в процессе функционирования новой государственности происходят значительные этносоциальные перемены, подобные заявления, как правило, негативно воспринимаются другими этническими группами и ведут к обострению межнациональных противоречий в государстве и самоизоляции “избранного” этноса.

Классический пример именно такого типа федераций представлял уже канувшие в Лету Советский Союз и СФРЮ, а также пока пытающаяся бороться с неизбежным злом Китайская Народная Республика.

Как уже отмечалось, концу 30-х – началу 40-х годов КПК исключает из своих документов принцип национального самоопределения и использование в качестве прототипа будущего национально-государственного строительства советской федеративной системы. На смену им приходит концепция районно-национальной автономии,⁵¹ которая, хотя и учитывала, а в некоторых аспектах и повторяла опыт создания национальных территорий в СССР, в своей сущностной части значительно отличалась от “советской модели”.

В “Общей программе НПКСК”, в отличие от прошлых лет, в основу концепции районно-национальной автономии был положен принцип образования в районах компактного проживания национальных меньшинств автономных национально-территориальных образований, являющихся неотъемлемой частью территории КНР и подчиненных единому руководству Центрального Народного Правительства. Сохраняя в качестве главенствующего принцип национального равноправия и суверенного социально-экономического, политического и культурного развития отдельных этносов, концепция рассматривала принцип национального самоопределения неприемлемым для конкретных исторических условий Китая.

Объективные предпосылки осуществления в КНР системы районно-национальной автономии систематизируются в пять групп.

Во-первых, факторы исторического развития, к числу которых относятся: (1) формирование Китая на

ранних этапах своего развития как многонационального феодального государства с концентрацией власти в центре; (2) приобретение к новому времени национально-освободительной борьбой классового характера и ее переориентацией на противодействие внешней агрессии, отсюда — снятие национальных противоречий между ханьцами и неханьскими этносами, формирование на ранних стадиях развития тесных связей между этносами в политической, культурной и экономической областях.

Во-вторых, факторы размещения этносов, сводящихся к отсутствию моноэтнических территорий и полиэтническому воздействию на развитие экономики и культуры Китая.

В-третьих, фактор численности отдельных этносов и занимаемых ими территорий. Из 56 населяющих КНР этносов ханьцы составляют 93 процента населения, а оставшиеся 7% неханьских этносов расселены на землях, превышающих 60% общей площади территории страны. Необходимость освоения обширных территорий и отсутствие у национальных меньшинств необходимого кадрового и технического потенциала требует оказания внешней поддержки, которая наиболее эффективно может осуществляться в рамках унитарного государства.

В-четвертых, фактор революционных форм, китайской особенностью которых является развитие революционного процесса из деревни в города и объединение различных этносов в революционных базах с перспективой создания единого государства.

Наконец, фактор географического положения национальных районов, которые расположены в приграничных областях.⁵²

Необходимо подчеркнуть и еще одну деталь. Несмотря на то что теоретические основы концепции районно-национальной автономии, за редким исключением, в настоящее время существенно не отличаются от заложенных в 50-е годы, как само понятие “районно-национальная автономия”, так и ее характерные особенности трактуются различными китайскими авторами довольно произвольно. Поэтому в данной работе логичнее основываться на

положениях Конституции КНР и соответствующих законах, а также наиболее аргументированных, на мой взгляд, трактовках китайских юристов и политологов.

До принятия в мае 1984 г. “Закона КНР о районно-национальной автономии” развернутое понятие “районно-национальная автономия” не приводилось ни в одном из законодательных актов, что создавало возможность произвольного его толкования и порождало ошибки в его понимании среди местных руководителей.

Было не совсем ясно, что включает в себя понятие “районно-национальная автономия” – систему автономных национальных образований, систему органов самоуправления в этих образованиях, либо комплекс автономных прав, осуществляющего автономию этноса. Открытым оставался вопрос и о том, что означает право на автономию – самостоятельное управление внутренними делами осуществляющей автономию национальности; управление внутренними делами всех проживающих на данной территории этносов или суверенное управление всеми делами в пределах автономии.

Не прибавил ясности в понимании этих вопросов и “Закон КНР о районно-национальной автономии”, в преамбуле которого отмечалось: “Национальная районная автономия означает, что под единым руководством государства в местах компактного проживания национальных меньшинств осуществляется районная автономия, учреждаются органы самоуправления, реализуется самоуправление. Осуществление районной национальной автономии воплощает дух полного уважения и обеспечения прав всех национальных меньшинств на управление своими внутренними делами, воплощает проводимые государством принципы национального равноправия единства и общего процветания”.⁵³

О том, что данное толкование не прибавило юридической ясности вопросу, свидетельствуют разночтения в китайской литературе и достаточно произвольное толкование этого понятия в различных регионах КНР. Поскольку эта проблема до настоящего времени остается дискуссионной и, избегая

одностороннего подхода, для полноты картины приведем несколько наиболее характерных его толкований (везде выделено автором. – К.С.).

Провинция Сычуань: “Право на районную национальную автономию указывает, что в автономном образовании осуществляющая районную автономию нация и другие этносы, на основе положений Конституции и законов, суверенно управляют делами данного этноса и данной местности... ключевым элементом является то, что народы национальных меньшинств, как хозяева управляют делами своего этноса”.⁵⁴

Автономный район Внутренняя Монголия: “Так называемое право на автономию означает суверенитет, при котором автономии, основываясь на реальной обстановке в данной местности, проводят в жизнь государственные законы и политику... ключевым элементом является то, что все национальности обладают равными правами на управление государством, а их равные права концентрированно выражаются в праве на автономию”.⁵⁵

Провинция Ляонин: “Право на автономию – это суверенитет органов автономии автономных национальных образований в управлении внутренними делами данной национальной местности”.⁵⁶

Синьцзян-Уйгурский автономный район: “Право на автономию указывает на право, при котором органы автономии автономных национальных образований, основываясь на Конституции, Законе о районно-национальной автономии и других юридических актах, суверенно управляют внутренними делами данного этноса в пределах данной территории”.⁵⁷

Пекин, Издательство национальной литературы: “Районно-национальная автономия означает, что в пределах неделимой целостной государственной территории, под единым государственным руководством, на базе районов компактного проживания национальных меньшинств создаются районно-национальные автономные образования; основываясь на принципе демократического централизма, формируются

органы автономии, в полной мере осуществляющие право на автономию; уважаются государственные законы и политика, на основе реальных условий данного этноса и данной местности суверенно определяются конкретные направления курса и политики, осуществляется управления делами данного этноса и данной местности”.⁵⁸

Пекин, Издательство юридической литературы: “Районно-национальная автономия означает создание в рамках единого руководства, под единым государственным руководством, на базе компактного проживания национальных меньшинств соответствующих автономных образований и автономных органов в целях осуществления национальными меньшинствами, как хозяевами данного региона, права на автономию, управление всеми делами в рамках данного районно-национального образования”.⁵⁹

Структурно эти определения строятся на наличии в них трех факторов: субъект осуществления права на автономию, юридическое содержание этого права и объект осуществления права на автономию. Если подходить строго юридически, то все эти определения недостаточно точны, поскольку в каждом из них наличествуют положения, противоречащие действующему законодательству КНР.

Статьи 112 и 115 действующей Конституции КНР предусматривают, что “органами самоуправления в районах национальной автономии являются собрания народных представителей и народные правительства автономных районов, автономных уездов и автономных округов”, которые “осуществляют полномочия местных органов государственной власти” и “пользуются правом на самоуправление”.⁶⁰ Аналогичные положения содержатся и в “Законе КНР о районно-национальной автономии”.⁶¹

То есть, с точки зрения законодательства, субъектом осуществления права на автономию являются ни “автономии”, ни “осуществляющий районную автономию этнос”, а органы власти в автономиях различных уровней. Причем, в данном случае, хотя эти органы власти и называются “органами самоуправления”, юридически это не совсем точно, поскольку

законодательство КНР определяет, что “органы самоуправления являются местными органами государственной власти”.⁶² Другими словами, речь идет не о местном самоуправлении, а о государственном управлении на местах – разница весьма существенная.

В вопросе юридического содержания права на автономию авторы всех приводившихся трактовок высказывают единую и юридически неоспоримую точку зрения – оно должно соответствовать компетенции органов самоуправления национальных автономных образований, определенной Конституцией и другими законодательными актами КНР.

Что касается объекта осуществления права на автономию, то законодательство ограничивает его “внутренними делами проживающих в пределах национальных автономных образований этносов”. При этом речь идет, во-первых, о самоуправлении в сфере культуры, языка, национальных обычаев и традиций; ограниченном самоуправлении в социально-экономической и политической сферах, что недвусмысленно подтверждается компетенцией органов самоуправления и требованием ставить в их работе “общегосударственные интересы превыше всего”.⁶³ Во-вторых, несмотря на придание одному этносу статуса “осуществляющего районно-национальную автономию”, законодательство специально оговаривает необходимость “межнационального сплочения и решения внутренних вопросов всех проживающих в пределах данного территориально-национального образования этносов”.⁶⁴ Кстати сказать, последнее положение чаще всего встречает непонимание на уровне руководства автономных образований из числа представителей крупных этнических групп, которые пытаются наделить давший наименование автономии этнос особым статусом.

Учитывая вышеизложенное, можно согласиться с трактовкой, приводящейся в одной из немногочисленных теоретических работ по данному вопросу. Рассматривая эту проблему с тех же позиций, что и я, автор приходит к заключению: “право на автономию означает специфическое право, при котором органы автономии в районах

осуществления районно-национальной автономии, основываясь на предоставленных им законом правах, самостоятельно управляют внутренними делами всех национальностей в пределах данного района”.⁶⁵

Специфичность этого права заключается в том, что его реализация должна учитывать социально-экономическую, политическую и культурную самобытность различных автономий. Далее, при решении внутрирегиональных задач необходимо достижение консенсуса между национальными и полиэтническими интересами региона. Наконец, реализация права на автономию и предоставление законодательством права изменять или приостанавливать решения вышестоящих органов власти в случае их несоответствия с реальными местными условиями не должно вступать в противоречие с общегосударственной политикой и общегосударственными интересами.

Именно эта специфика и определяет основные особенности концепции районно-национальной автономии, сводящиеся к следующим:

Во-первых, осуществляемая в КНР районно-национальная автономия представляет собой не надрегиональную или не связанную с территорией “национальную автономию”, а автономию, созданную на базе районов компактного проживания национальных меньшинств.

Во-вторых, она не является обычной “местной автономией”, а представляет собой районно-национальную автономию, осуществляемую национальным меньшинством в районе его компактного проживания.

В-третьих, автономные национальные образования не являются ни “субъектами федерации”, ни “республиками”, а представляют собой находящиеся под единым государственным руководством местные административные районы.

В-четвертых, право на автономию органов самоуправления в автономных национальных образованиях осуществляется через органы самоуправления, находящиеся под единым руководством центра и осуществляющие наряду с автономными правами полномочия органов государственного управления на местах.

Что касается порядка образования автономных единиц различных уровней, он также определен законодательно. Статья 14 “Закона КНР о районно-национальной автономии” устанавливает: “Решения об образовании районов национальной автономии, их разграничении, наименовании принимаются вышестоящими органами государственной власти с соответствующими местными государственными органами после всесторонних консультаций с представителями соответствующих национальностей и согласно установлениям закона передаются на утверждение”.⁶⁶

В процессе принятия решения и проведения консультаций учитывается, во-первых, компактность проживания в пределах данной территории одной или нескольких этнических групп, что должно обеспечивать равенство этносов на приобретение автономных прав де-юре, с одной стороны, а с другой – выявить этнические группы, у которых “наличествуют определенные условия” для осуществления этого права де-факто.

Данные условия определяются:

этнической структурой региона, характером национальных отношений в нем, особенностями межэтнических связей в политической, социально-экономической и культурной сферах

учетом перспектив экономического развития региона, предполагающих сохранение исторических экономических связей и его интеграцию в целостный хозяйственный государственный механизм.

Во-вторых, принимаются во внимание сложившиеся исторические реалии в регионе, связанные со структурой и характером взаимоотношений между этносами, естественными и административно-политическим границами районов компактного проживания различных этносов, особенностями их традиционной политической культуры и быта.

Теоретически, учет этих обстоятельств призван обеспечивать гарантии принципа национального равноправия и предоставления возможности каждой этнической группе самостоятельно управлять внутренними делами своего этноса в пределах национального автономного образования соответствующего уровня.

Однако, поскольку “наличие определенных условий” для реализации тем или иным этносом права на автономию определяется на субъективном уровне, а национально-территориальное разграничение проводится волевым актом административных органов, практика вносит существенные корректировки в теорию и создает объективные условия для волюнтаризма и “политических игр”, сохранения межэтнических противоречий и их обострения в процессе естественного роста национального самосознания отдельных этнических групп в ходе социально-экономических, политических и культурных преобразований в регионе.

Законодательное же закрепление возможности создания собственного автономного образования за каждой этнической группой⁶⁷ и относительная самостоятельность автономных национальных образований в пределах одной территории с исторически сложившимися политическими границами юридически и политически оформляет этнический сепаратизм, функционирующий не только в различных формах трайболизма в качестве легитимного явления, но и как политический экстремизм.

В соответствии с заложенными в концепции районно-национальной автономии принципами, в КНР создаются автономии трех видов:

автономные образования, созданные на базе районов компактного проживания одного этноса, где он составляет подавляющее большинство населения

автономные образования, созданные на базе районов компактного проживания достаточно крупного этноса, но включающего территории компактного проживания одного или нескольких менее крупных этносов, где, при наличии условий, также могут создаваться автономные образования соответствующего уровня

автономные образования, созданные на базе районов компактного проживания двух и более равновеликих этносов.

Все три варианта не исключают возможности проживания в пределах данных территорий других этнических групп, не осуществляющих районно-национальную автономию.

Структурно районно-национальные автономии подразделяются на три уровня: автономный район, автономная область и автономный уезд, различия правового статуса которых законодательство КНР не оговаривает; формально, автономный район, автономная область и автономный уезд равны. Однако фактически, соотносясь структурно с определенной административно-территориальной единицей КНР, автономные национальные образования обладают лишь относительной самостоятельностью.

Сохранение этого противоречия и служит в большинстве случаев источником недопонимания политико-правового статуса автономий и возникновения конфликтов на этой основе. Попытки его разрешения современными китайскими авторами мало что добавляют к действующему законодательству, наделяющему органы самоуправления (как субъекты автономий) автономных национальных образований наряду с автономными правами полномочиями органов власти на местах соответствующего уровня. Так, автономный район соответствует по своему политико-правовому статусу провинции, автономный уезд — административному уезду, органы самоуправления автономной области “кроме осуществления автономных прав, осуществляют полномочия городов с районным и уездным делением по статусу ниже провинции, но выше уезда”.⁶⁸

При необходимости в пределах автономных или административно-территориальных образований могут создаваться национальные волости, которые, однако, не обладают статусом автономного образования, но по логике решаемых задач могут быть отнесены к организационной структуре районно-национальной автономии КНР (см.: Рис.1).

В настоящее время в пределах территории КНР создано пять автономных районов, 30 автономных областей и 120 автономных уездов, кроме того, восстановлено более 1500 национальных волостей; из 55 национальных меньшинств КНР 45 в той или иной форме реализуют право на районно-национальную автономию, автономные национальные образования занимают 63,7% общей территории Китая,

Разработка и внедрение новых технологий в структуру
экономического механизма управления деятельностью субъектов КНР

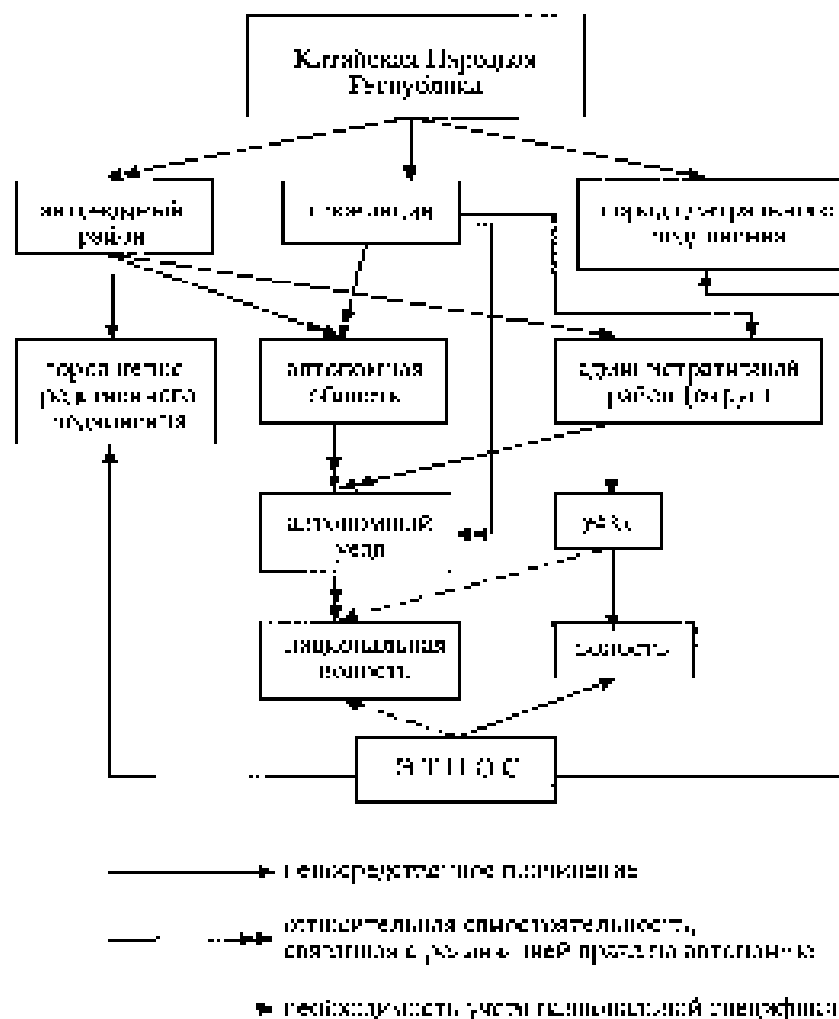

Рис. 1

а проживающие в них этнические группы (исключая ханьцев) составляют 77% общей численности национальных меньшинств.⁶⁹

В силу достаточной сложности организационно-структурной подчиненности и взаимодействия в системе районно-национальной автономии КНР и выхода данной проблемы за рамки работы, не отвлекая внимания читателя описанием, предлагаю наглядную картину ее организационной структуры (см.: Рис.2).

Еще один аспект концепции, определяющий ее специфику, заключается в особенностях формирования органов самоуправления в автономных национальных образованиях. Эта особенность заключается в так называемом принципе “национализации (придании национального характера) органов самоуправления”.

Теоретически этот принцип предусматривает:

формирование органов самоуправления главным образом за счет представителей этнической группы, осуществляющей районно-национальную автономию

использование органами самоуправления в процессе выполнения своих полномочий распространенных в данной местности одного или нескольких языков и письменности

определение форм органов самоуправления в соответствии с желанием большинства населения автономий.⁷⁰

Практически же, как на уровне официальной политики, так и в трактовках этой проблемы в работах китайских авторов на практике всего периода разработки и реализации концепции районно-национальной автономии главенствующая роль отводилась первому из указанных положений, с легкой руки Чжоу Эньлая, начиная с 1957 г. обличенному в совершенно конкретную формулу – “коренизация кадровых работников” (“ганьбу миньцзухуа”), или, применяя принятые в нашей практике штампы, – “коренизация аппарата власти”.⁷¹ Именно эта формула рассматривается как “высший принцип осуществления районно-национальной автономии” и “ключевое звено национализации органов самоуправления”.⁷²

В этом, на мой взгляд, заключен не только еще один недостаток концепции районно-национальной автономии, но и фактор, косвенно способствующий интенсификации тенденций этнического сепаратизма. И вопрос не в том, что принцип коренизации аппарата власти существенно сужает “скамейку запасных” кадрового резерва и заслоняет собой подбор кадров по их деловым качествам. Проблема в том, что, во-первых, его применение объясняется, как правило, иллюзией представительства и реализации национальных интересов исключительно национальными кадрами, что порождает тенденцию этнократизма, следствием которой в условиях доминирования в государственных масштабах другой этнической группы является этнический сепаратизм, как результат соперничества за одни и те же виды ресурсов и источников дохода. Во-вторых, следование этому принципу ведет к нарушению не менее, а может быть, даже более значимого принципа плюрального общества – принципа инкорпорации,⁷³ то есть способа включения индивидов, социокультурных и этнических групп в структуру макрообщества, что на определенном этапе развития этноса и может стать потенциальным источником возникновения межэтнического конфликта. Причем эта перспектива тем реальнее, чем выше уровень социально-экономического и культурного развития полиэтнического общества и составляющих его этнических групп, поскольку возникает вопрос о статусе и групповых правах меньшинств. “Когда экономическое и социальное неравенство совпадает с языковым и/или культурными различиями, нередко возникает система этнической стратификации... Там, где такие различия совмещаются с определенными территориальными границами, эта сила чаще всего принимает форму националистического движения, нацеленного на достижение полной независимости от доминирующего большинства”.⁷⁴

Кроме того, само применение этого принципа, за исключением, да и то не всегда, решения локальной задачи “умасливания” местной бюрократии, имеет ограниченную

ценность, поскольку правящая группа представляет собой корпоративную группу, спаянную узами родства и патроната, в равной степени закрытую и неподотчетную для всего остального населения независимо от этнической принадлежности входящих в нее индивидов.

Более существенным, по-видимому, является не число представителей того или иного этноса в государственных органах, а эффективное выполнение ими своих задач с надлежащим учетом интересов различных этнических групп. Поэтому при нормальных национальных отношениях при подборе кандидатур в государственные органы ведущая роль отводится не национальной принадлежности, а их деловым качествам; национальность же может учитываться только при прочих равных условиях.

Таким образом, сущностное содержание концепции районно-национальной автономии КНР включает в себя, во-первых, что каждый населяющий КНР этнос, исключая ханьцев, имеет право на организацию в пределах территории его компактного проживания автономного национального образования.

Во-вторых, автономные национальные образования являются неотъемлемой частью территории КНР, подчинены единому руководству центра и только в пределах их территории реализуют автономные права.

В-третьих, осуществляемая в районах компактного проживания этносов районно-национальная автономия строится на сочетании принципов районной и культурно-национальной автономий, не являясь ни той, ни другой в чистом виде. Она реализуется только в пределах автономных образований и должна гарантировать равенство прав и интересов всех населяющих данные образования этносов.

В-четвертых, принципиальное отличие органов местного самоуправления в автономиях и неавтономных административно-территориальных образованиях заключается в особенностях их формирования и предоставлении им прав на управление внутренними делами этносов, проживающих в пределах автономного национального образования.

В-пятых, несмотря на то, что автономные права органов самоуправления в автономиях выше компетенции местных органов власти соответствующего уровня, их реализация не должна вступать в противоречия с общегосударственной политикой и общегосударственными интересами. Со своей стороны, вышестоящие государственные органы обязаны уважать автономные права и оказывать поддержку органам самоуправления в их осуществлении.

В принципе, трудно не согласиться с точкой зрения китайского руководства о необходимости применения в качестве модели национально-государственного строительства именно этой концепции. Вся история социально-экономического и культурно-политического развития как самого Китая, так и населяющих его отдельных этносов, подталкивали китайское руководство (не важно к какому бы периоду истории Китая оно не относилось) к необходимости сохранения государственного единства.

Эти позиции оправдывались не только отсутствием четких национальных границ и моноэтнических территорий в Китае, но и низким стартовым уровнем развития всех населяющих их этносов, отсутствием у них той степени развитости общедемократического и общеправового сознания, которые превращают возможность национального самоопределения в действительность. В этих условиях только при сохранении унитарного государства и идеологии этатизма оказываемая центральным правительством поддержка и помощь отсталым районам и населяющим их этносам в социально-экономическом, политическом и культурном их развитии могла быть достаточно эффективной. Если бы Китай позволил им развиваться полностью самостоятельно и образовывать независимые государства, очень вероятно, что они объединились бы с соседями с другой стороны, либо попали под вассалитет третьих стран, что представляло бы серьезную угрозу национальной безопасности Китая.

Именно приоритет национальной безопасности, которому в конечном итоге был подчинен и принцип “нивелировки” уровней социально-экономического и культурного развития

отдельных этносов, подталкивал китайское руководство к принятию особой формы национально-государственного строительства. Вопрос о том, нравится ли это проживающим в приграничных районах людям или нет, имел уже второстепенное значение. С позиций сегодняшнего дня это можно назвать “великодержавным шовинизмом” или “имперскими амбициями”, но, учитывая историческую ситуацию того периода и сегодняшние политические реалии, понять это можно.

Нет сомнений и в том, что юридически и теоретически концепция “районно-национальной автономии” не ставит цели “колонизировать” национальные районы, либо “ассимилировать” неханьские народы КНР; она лишь призвана интегрировать населенные неханьскими этносами территории в общее русло преобразований, осуществляемых в общегосударственном масштабе и, постепенно достигая цели “выравнивания” уровней социально-экономического и культурного развития населяющих Китай этнических групп, не допустить распада страны по этническому признаку.

Другой вопрос в том, что и сама концепция, и практика ее реализации содержат серьезные упущения, которые прямо или косвенно способствуют интенсификации межэтнических противоречий и возникновению проблемы этнического сепаратизма.

Организация национально-территориальных автономий, вне зависимости от того предоставлено ли осуществляющему автономию этносу право на самоопределение де-юре или нет, порождает проблему идентификации данной автономии, как административно-политической организации коренной национальности, либо территориально-политической организации регионального типа, в которой этнический аспект превалирует над региональными интересами. Это никак не способствует процессу формирования сообщества сограждан, а наоборот, размежевывая этносы, препятствует ему.

Заложенный в основу концепции принцип “придания органам управления на местах национальной окраски”, на практике сводящийся к этнократизации аппарата власти,

кроме отмеченной выше его ограниченной ценности, не только существенно снижает возможности регионов по противодействию централизованной бюрократии и создает иллюзию, что только национальная бюрократия способна решать национально специфические задачи, но и косвенно способствует возникновению более пагубных тенденций.

Местная бюрократия, получив часть, стремится к получению большего, претендуя на “чужой огород”. Возникает искушение к соперничеству за одни и те же виды ресурсов и источников дохода: землю, торговлю, предпринимательство, рабочие места в госаппарате, выборные должности и т.д. — вплоть до контроля над самим государством, то есть до политической власти. Причем все это делается под благовидным предлогом обеспечения специфических национальных интересов. В этих условиях и возникают межэтнические конфликты, которые “отражают прежде всего стремление определенных этнических элит изменить в интересах этноса существующую или формирующуюся этническую стратификацию как одну из разновидностей социального неравенства”.⁷⁵

Наконец, подчинение функциональной стороны национально-государственного строительства его структурной стороне, а национальных (как в общегосударственном, так и узко этническом смысле) интересов — интересам административной системы с ее неотъемлемой частью — бюрократическим воинством лишает смысла саму идею автономии, подменяя принцип местного самоуправления государственным управлением на местах.

В этих условиях ни национальная государственность, ни федерализация страны по этническому или какому бы то ни было иному признаку ничего не может дать рядовому гражданину, ибо каждый из национальных (региональных) отрядов граждан неминуемо подпадает под власть не менее антинародных местных властей, живущих по законам Системы. “Неспособность принять участие в решении общегосударственных дел в качестве равноправных партнеров (обусловленная малочисленностью, а в большинстве случаев также отсталостью и неорганизованностью), определяет

и важнейшую политическую цель лидерства этнических меньшинств — власть в пределах собственного этноареала”.⁷⁶ На практике это ведет к умножению национального элемента, изоляции этносов, обострению межнациональных противоречий в регионах и усилению сепаратистских и/или иридентистских тенденций в них.

Глава 4.

Социально-экономические, культурно-национальные и политические вопросы развития современного Синьцзяна в контексте проблемы этнического сепаратизма

Проблема интенсификации тенденций этнического сепаратизма появляется не на пустом месте. Ее возникновению способствует множество факторов исторического, культурно-цивилизационного, социально-экономического, демографического и политического развития как отдельных этносов, так и населяемых ими территорий. Существенное, если не определяющее значение, как мы уже видели, имеет выбор формы национально-государственного строительства и детерминируемые ею особенности кадровой и национальной политики. В наблюдаемых сегодня условиях усиления этнического элемента в политике и повсеместной тенденции к самоопределению этнических групп в повестку дня встает решение блока взаимосвязанных вопросов. Во-первых, выявление условий, обеспечивающих удовлетворение специфических этнонациональных интересов той или иной этнической группы при сохранении территориальной целостности государства. Во-вторых, выявление и анализ тех блоков проблем, на базе которых строится идеология и практика этнического сепаратизма. Наконец, определение потенциальных возможностей этнической группы на полноценное существование и развитие при условии образования суверенного государства.

Существенных аспектов здесь несколько. Мировая практика показывает, что государства, выбравшие в качестве базового

принципа национально-государственного строительства принцип территориально-национальной автономии, могут относительно стабильно развиваться и решать национально специфические задачи только в условиях жесткого централизованного управления и в контексте решения общегосударственных задач. Лишь в этом случае возникает возможность, не акцентируя внимания на национально специфическом, за счет централизованного перераспределения материальных ресурсов интенсивно “подтягивать” отсталые в социально-экономическом и культурном отношении регионы до уровня более развитых, а населяющие их отдельные этнические группы – до государственно консолидирующего этноса. Однако, как показывает мировой опыт, в том числе и СССР, и это осуществляемое сверху “подтягивание” не решает национальной проблемы; происходящее в процессе его относительное выравнивание уровней социально-экономического и культурного развития отдельных этносов, сопровождаясь, как правило, достаточно произвольным национально-территориальным делением и политикой “коренизации аппарата”, приводит к формированию этнического самосознания в извращенных формах и подспудному стремлению местного чиновничества выйти из-под опеки централизованной власти.

При малейших попытках проведения преобразований, связанных с политической либерализацией и укреплением демократических начал в общественной жизни, такого рода государства, как правило, распадаются на искусственно созданные национальные квази-государственные образования, в которых за годы их функционирования как федеральных территорий произошли существенные социально-экономические и этнические изменения.

Усиление национального элемента в пределах этих территорий после распада единого государства ведет не только к обострению межэтнических противоречий в них, но и к самоизоляции этноса, претендующего на роль государственно консолидирующего; значительному сокращению экономического потенциала (в том числе и

за счет бесконтрольности действий местной бюрократии и оттока трудовых ресурсов вследствие усиливающихся миграционных процессов) и массовому обнищанию основной массы населения.

Несмотря на обретение отдельными этносами статуса суверенных в результате развала единого государства и кажущуюся возможность более интенсивного их развития, эта возможность не превращается в действительность поскольку разрушенное хрупкое межнациональное единство в регионах и усиление национального в них ведет к изоляции этих этносов как от бывшего государственно консолидирующего, так и от совместно проживающих “некоренных” этнических групп. Как показывает практика распада СССР и ряда государств “народной демократии”, выигрывает только местная бюрократия, не меняющая ни стиля управления, ни своих мировоззренческих убеждений, но получающая возможность самостоятельного распоряжения созданным в предшествующие годы “общественным пирогом”.

Далее. Этническая стратификация, как и любая другая форма дифференциации, лишь создает основу для возникновения латентного конфликта, однако последний далеко не всегда перерастает в открытый. Такое перерастание возможно лишь в том случае, если имеются следующие субъективные предпосылки: 1) этнос обладает самосознанием. То есть осознает свое отличие от других этносов; 2) групповая солидарность этноса превалирует над противоречиями между отдельными сегментами (идейно-политическими, социально-классовыми и др.); 3) большая часть этноса приходит к консенсусу, общему пониманию групповых (национальных) интересов этноса; 4) элитарные группы этноса (лидеры общественного мнения) расценивают существующую ситуацию, в первую очередь дифференциальную инкорпорацию и/или национальную политику, как несправедливую и в той или иной форме (в виде программ, лозунгов) ставят целью устранение несправедливости.

Сравнительное изучение межэтнических конфликтов показывает, что они возникают при наличии всех перечисленных

предпосылок. При отсутствии указанных предпосылок к движению примыкают лишь отдельные сегменты этноса. Возникающий в такой ситуации конфликт является этносоциальным, но при определенных условиях, по мере расширения социальной базы движения, он может перерасти в межэтнический.¹

Наконец, существует ряд аспектов проблемы, связанных с конкретной ситуацией в СУАР КНР и особенностями межэтнических отношений в этом регионе Китая.

Во-первых, несмотря на то что задача достижения численного паритета между проживающими в регионе ханьцами и уйгурами была решена уже к концу 70-х годов, это не означает, что вместе с ее решением изменилась политика поощрения миграции ханьцев в Синьцзян. Как показывает знакомство с планами “большого развития Запада”, вопрос возможного переселения в этот регион больших масс ханьцев с повестки дня не снимается.

Как вполне самостоятельно, так и в контексте вышеуказанной проблемы, не менее серьезной является демографическая, от решения которой зависит судьба не только Китая (и Синьцзяна как его составной территории), но и всего мира. Здесь имеют место несколько вопросов. Первый связан с постоянным будированием “сепаратистами” проблемы увеличения численности ханьцев в СУАР и применением насильственного ограничения рождаемости у неханьских народов региона.

Однако необходимо учитывать, что уже в течение полувека Китай живет в условиях демографического дискомфорта. Боле того, пока политика однодетной семьи, проводившаяся достаточно жестко в 80-е годы, сократила среднее количество детей на женщину в фертильном возрасте до 2,3. Если такая ситуация сохранится и впредь, то население Китая возрастет к 2050 г. – до 1.913 млн., а к 2080 г. – до 2.132 млн. человек.

В национальных районах Китая демографическая ситуация осложняется и тем, что введение мер по ограничению рождаемости среди национальных меньшинств обостряет напряженность в регионах и является косвенным поводом

для усиления сепаратистских настроений и обострения межэтнических отношений. Достаточно отчетливо данная тенденция проявляется в СУАР КНР, где введение мер по ограничению рождаемости среди национальных меньшинств не только не дало ожидаемого результата, но вызвало серьезное противодействие со стороны неханьских этнических групп, до предела усложнив политическую ситуацию в регионе.

В случае провала своей демографической политики Китай будет загнан в угол. Политический менталитет китайцев неизбежно вновь окажется под влиянием воспоминаний об “утраченных землях”, которые включают обширные территории России, Казахстана, среднеазиатских государств, не говоря уже о Монголии. Не исключено, что, как и в годы “культурной революции”, китайцы будут считать, что, благодаря своей многочисленности, они как нация сумеют пережить даже крупномасштабную ядерную войну. Более того, на северной границе Китая, в отличие от южной, китайское демографическое давление не уравнивается сколь-нибудь сравнимым давлением с обратной стороны.

В целом решена и задача создания опорных баз политического режима: органы власти и государственного управления на местах, предприятия центрального подчинения, воинские части и иррегулярные войска (Синьцзянский производственно-строительный корпус) и т.д. Сегодня главный вопрос заключается в ином. Для центра — в эффективности использования имеющейся базы в целях сохранения территориальной целостности государства в случае пресечения попыток этнического сепаратизма. Для представителей сепаратистских организаций и шире — для претендующего на независимость этноса — в его потенциальных возможностях самостоятельного и эффективного управления ею в случае обретения независимости.

Вопрос далеко не риторический, поскольку, как показывает структурный анализ кадрового корпуса СУАР, несмотря на значительное число представителей неханьских этнических групп в его составе (от 50% до 70%), они не контролируют ключевые посты в экономике, а сосредоточены главным

образом в сферах торговли, культуры, искусства и образования, а также в администрации автономного района и автономиях более низкого уровня. Ключевые посты в экономике, технике и науке контролируются ханьцами, которые преобладают и среди персонала промышленных предприятий.

Еще один аспект связан с перспективой использования природных богатств Синьцзяна, юридическим собственником которых согласно “Закону КНР о районно-национальной автономии” выступают органы государственного управления на местах. Несколько предварительных замечаний по данной проблеме. С одной стороны, справедливое возмущение у местного населения вызывает вывоз этих богатств (прежде всего углеводородного сырья) за пределы автономного района. Однако, с другой стороны, беспристрастный анализ показывает, что, как в начальные годы своего существования, так и в настоящее время СУАР, несмотря на свои огромные богатства, продолжает “жить в долг”. Поэтому, когда поднимается вопрос о так называемом “разграблении природных богатств Синьцзяна” Китаем, в большинстве случаев это свидетельствует о желании местной бюрократии обеспечить себе условия бесконтрольного владения ими, сохранив за собой дотации центра. В этих условиях этнический аспект проблемы играет роль своеобразного “детонатора”.

Более того, всегда возникает вопрос, связанный с необходимостью освоения этих ресурсов, а следовательно, — с наличием большого числа квалифицированных трудовых ресурсов и значительных финансовых средств, которыми до настоящего времени Синьцзян не располагает. Большую часть квалифицированных научно-технического персонала и промышленных рабочих составляют ханьцы. Возможности для подготовки национальных научно-технических специалистов и квалифицированных рабочих, хотя попытки предпринимаются весьма интенсивно, пока ничтожны. В условиях же необходимости освоения природных богатств Синьцзяна, особенно в труднодоступных нефтеносных районах Таримской впадины, возникает необходимость направления в

регион специалистов из Центрального и Восточного Китая, преимущественно ханьцев, что и подпитывает “сепаратистские настроения”. Однако следует отдавать отчет в том, что это прежде всего объективная необходимость, связанная с нуждами экономического развития региона.

И наконец, последнее, этнический сепаратизм, особенно в регионах, где доминирующее положение занимает ислам, все чаще облекается в религиозные одежды и преподносится либо как борьба “за чистоту веры”, либо как межконфессиональный конфликт. Это требует отделить зерна от плевел, и попытаться проанализировать, где действительно имеет место конфликт на религиозной почве, а где религия используется как прикрытия для достижения конкретных политических целей.

Социально-экономические последствия реформ и социальные характеристики этнических меньшинств в Синьцзяне

После известных событий 1976-1977 гг. в Китае, связанных с устранением с политической арены “банды четырех”, руководство автономного района предпринимает меры по исправлению перегибов, допущенных в национальных отношениях. Главный упор делается на выравнивание уровней социально-экономического развития регионов и повышение жизненного уровня населения. Решить эту задачу в практическом плане была призвана реформа экономической системы КНР, которая к настоящему времени в СУАР прошла несколько этапов.

Первый охватывал период 1978-1984 гг. и характеризовался введением производственной ответственности и закреплением подряда на землю за отдельным крестьянским двором. Главной целью этого этапа было упразднение практиковавшейся в течение двадцати лет уравниловки, активизация производственной деятельности крестьян.

Второй этап приходился на 1985-1987 гг. и ставил своей целью упорядочение структуры сельской экономики и приведение ее в соответствие с потребностями развития села с параллельным осуществлением первичных преобразований в экономике городов, связанных с частичным изменением структуры собственности, внедрением новых форм ответственности за производство и управление им, организации труда.

Третий этап охватывал период 1988-1997 гг., когда в дополнение к “внутренним” механизмам реформирования народного хозяйства включаются “внешние”, связанные с расширением рамок внешнеэкономических связей, предоставлением многим районам, городам и отдельным предприятиям льгот во внешнеэкономической деятельности, увеличением объема иностранных инвестиций в экономику СУАР.

С марта 2000 г. начался новый этап в развитии автономного района, связанный реализацией плана “большого развития Запада”. О социально-экономическом и политическом значении этого плана мы будем говорить отдельно, а пока постараемся кратко охарактеризовать социально-экономические итоги предшествующих его принятию этапов.

Результатом проведенных преобразований явилось не только изменение структуры собственности и производственных отношений в автономном районе, но и всей социально-классовой структуры региона.

Социально-экономические изменения села

В сельской местности уже в начале 80-х годов становится заметной тенденция к укреплению хозяйства отдельного крестьянского двора. Распространение подрядной системы ответственности в ее коллективной форме (при номинальном сохранении народных коммун и трехзвенной системы собственности), столкнувшись с рядом трудностей как в растениеводческих, так и в особенности в скотоводческих районах,² не дало ожидаемых результатов. Очень скоро им на смену пришли индивидуальные формы производственной ответственности в виде семейного подряда и организации

специализированных дворов, ставшие господствующими в экономике деревни к концу 1983 — началу 1984 г.г. В земледельческих районах численность бригад, внедривших систему семейной ответственности за производство, к концу 1984 г. достигла 34 тыс. (98,8% общей численности бригад), специализированных дворов — 1.586 тыс., или 98% всех крестьянских хозяйств. В скотоводческих районах системой производственной ответственности к концу 1983 г. было охвачено свыше 60% хозяйств, в том числе 90% в Санджи-Хуэйской автономной области и 80% в Илийском округе. После внедрения в 1984 г. системы “двойного подряда”, предусматривающей передачу хозяйствам по остаточной стоимости скота и пастбищ, внедрение новых форм организации труда пошло еще быстрее. К 1987 г. 97% скотоводческих хозяйств было охвачено системой “двойного подряда”.³

Решающее значение для столь стремительного распространения системы производственной ответственности в деревне, особенно в форме семейного подряда и специализированных дворов имели документы ЦК КПК и Госсовета КНР, принятые в этот период. Во-первых, был законодательно решен вопрос о положении народной коммуны и производственной бригады. В соответствии с новой Конституцией КНР, первые ликвидировались, а вторые получали статус юридического лица. Подрядный договор стал регулировать экономические отношения между органами власти и бригадами, между отдельными бригадами, бригадой и крестьянином-подрядчиком, между крестьянскими дворами. Именно в этот период, особенно после принятия “Документа №1” ЦК КПК за 1984 г., подтвердившего ключевые положения аналогичного документа за 1983 г. и существенно расширившего часть из них, отдельному крестьянскому двору были предоставлены важные экономические права: продление срока подряда, введение права наследования подрядного участка, разрешение покупки в личную собственность основных средств производства, расширение права на занятие торговой деятельностью и перевозку грузов, предоставление права выхода из бригады и вступления в добровольные объединения и т.д.

Крестьянин из прикрепленного в находящейся в коллективной собственности коммуны земли наемного работника постепенно превращается в полноправного товаропроизводителя, чьи экономические интересы охраняются законом.

Однако процесс раскрепощения крестьян был негативно воспринят частью партийного и государственного аппарата. Особое недовольство вызвал допуск крестьян в сферу торговли и в области несельскохозяйственного производства, о чем говорилось на Всекитайском совещании по работе в деревне в 1983 г. Еще большее раздражение вызвал “Документ №1” ЦК КПК за 1984 г. Нотки противодействия такой позиции звучали в специальной установке Комитета КПК СУАР “О претворении в жизнь основных положений двух документов №1 ЦК КПК”. В ней, в частности, предлагалось местным партийным органам всех ступеней укреплять и развивать систему производственной ответственности на основе семейного подряда в полеводстве и животноводстве; уделять больше внимание лесоводству; укреплять систему производственной ответственности в области ирригации и водного хозяйства; оказывать всемерную помощь и поддержку сельским предприятиям. Кроме того, документ рекомендовал объединять усилия коллективной и частной сельхозтехники, поддерживать специализированные семьи, добиваться чтобы они в короткий срок стали зажиточными. Особо подчеркивалась необходимость поощрять тех земледельцев и животноводов, которые приобретают тракторы и автомобили в личную собственность, занимаются грузоперевозками. Запрещалось ограничивать количество личного скота и самовольно повышать налоги с крестьян. Наконец, документ нацеливал партийные и административные органы на поддержание усилий крестьян по расширению товарного производства, допуская организацию крестьянами закупок сельхозпродукции, наем рабочих, помощников и учеников, свободную реализацию на рынках мясомолочной и иной сельскохозяйственной продукции.⁴

Апелляция Комитета КПК СУАР именно к своим кадрам представляется не лишеной аргументации, поскольку, несмотря на снижение (местами, значительное)

влияния кадровых работников на происходящие в деревне процессы, их роль в аграрной политике КПК оставалась пока доминирующей. Подобное положение объяснялось несколькими обстоятельствами. С одной стороны, государство было вынуждено сохранять методы административного регулирования для обеспечения граждан прожиточным минимумом. С другой — без сколь-нибудь существенных изменений оставался общий подход к аграрному сектору как источнику финансирования остальных отраслей народного хозяйства, что в наибольшей степени возможно при административных методах управления. Наконец, неуправляемость распыленного семейного хозяйства, когда индивидуальный крестьянский двор стал не только главным производителем товарной продукции на селе, но и основным держателем производственных фондов села, при отсутствии сколь-нибудь эффективного экономического механизма, способного контролировать эту стихию, вынуждали к сохранению административных методов управления, хотя в условиях необходимости повышения эффективности производства это был и не лучший выход. Существенное значение имело и то обстоятельство, что кадровые работники, в силу занимаемого ими положения в обществе, просто могли либо заблокировать осуществление новой экономической политики, либо извратить экономически целесообразные мероприятия, сделав их результаты прямо противоположными. Поэтому у китайского руководства оставался лишь один выход — в приказном порядке “включить” бюрократию в осуществление экономически целесообразных мероприятий.

И апелляция к партийным и государственным кадровым работникам на местах дала свои результаты. Семейный подряд укрепился в синьцзянской деревне, а ведение хозяйства в рамках отдельного крестьянского двора стало основным источником поступления доходов в сельскую экономику.

Еще большее значение апелляция к местным кадровым работникам имела в скотоводческих районах, где традиции патриархальных отношений имели более глубокие корни, а

практикующаяся в них система “двойного подряда” по своему характеру была близка традиционным отношениям в кочевых хозяйствах и вела к укреплению наиболее имущих дворов, для которых было характерно выделение в самостоятельные хозяйства и сокращение влияния на них новой родовой знати в лице кадровых работников аулов и кочевий.⁵

Стихийное нарастание числа укрепляющихся хозяйств и директивные указания центральных органов, требующие от кадровых работников стимуляции этого процесса, заставляли последних искать пути сохранения своего лидирующего положения в обществе, явно не противодействуя при этом введению новых производственных отношений.

Данные синьцзянской прессы убеждают, что выход был найден довольно быстро и базировался все на той же специфике родовых и клановых отношений, согласно которой выступающий защитником “родового единства” лидер должен был превосходить всех членов рода или клана и по своему имущественному положению. Официальная политика КПК, допускающая возможность “первоначального обогащения части людей”, легализовала данное направление развития хозяйств кадровых работников в земледельческих и особенно скотоводческих районах Синьцзяна. При общем критическом подходе к подобной позиции кадровых работников в земледельческих районах, центральная и местная пресса положительно оценивала ее в среде кадровых работников скотоводческих районов.⁶

Еще большее значение для изменения социальной структуры сельского населения и социально-политической ситуации в деревне СУАР имели так называемые “специализированные хозяйства”, возникновение которых подтолкнуло процесс социальной дифференциации синьцзянской деревни и изменило психологические установки местного населения.

Сосредоточенность на одном занятии, развитие специфических трудовых навыков, технологические усовершенствования дали импульс экономическому росту, связанному по преимуществу с различием уровней

индивидуальной производительности труда. В большинстве случаев достижение результативности в работе было связано с личностным фактором производительных сил двора. Поэтому для СУАР, как и в целом для КНР, характерно вовлечение в сферу специализированной деятельности ограниченных и главным образом нетрадиционно крестьянских трудовых ресурсов села. Основную массу работников специализированных дворов составляют три социальные группы: находящиеся на посту или вышедшие в отставку местные кадровые работники (преимущественно ханьцы); окончившая городские учебные заведения и вернувшаяся в деревню молодежь, а также демобилизованные военнослужащие; хозяева крупных крестьянских хозяйств, ремесленники и торговцы, являющиеся по преимуществу коренными жителями деревни, но совмещающие сельскохозяйственное производство (главным образом в натуральном виде) со специализированным. Других примеров синьцзянская печать не приводит. Более того, там, где личностный фактор производительных сил был не развит, удельный вес специализированных хозяйств не превышал 1,5% при общесиньцзянском показателе 10-15%.⁷

Во многом данная ситуация объяснялась и сложившимися в крестьянской среде психологическими установками, в основе которых лежали принципы “уравнительности”, “превалирования социальной справедливости над экономической целесообразностью”, “выполнения указаний вышестоящих органов”, являющихся результатом длительного периода централизованного распределения и отчуждения крестьян от результатов своего труда, а также этнических стереотипов, характерных для населяющих СУАР этнических групп. Преодоление этих установок и являлось первостепенной задачей в экономической реформе синьцзянской деревни.

И хотя решить эту задачу не удалось до конца 80-х годов,⁸ тем не менее, уже в начале-середине 80-х ситуация в синьцзянской деревне начинает качественно меняться. Ориентация на развитие производства приводит к началу изменений не только внутренней структуры села, но и к

повышению качественного уровня (в том числе и в плане политической культуры) сельского населения, все в большей степени ощущающего свою экономическую значимость и проявляющего стремление освободиться из-под опеки местных кадровых работников.

Однако проведенный нами анализ показывает, что инициаторами и активными проводниками новых форм организации производства на селе являлись внешние по отношению к деревне силы, не отягощенные крестьянскими психологическими установками, с одной стороны, и обладающие достаточным уровнем накопления капитала (в различных его формах), с другой.⁹ Эти социальные группы и предопределили тенденции дальнейшего социального и политического развития села. Уже к концу 1993 г. в распоряжении индивидуальных крестьянских дворов и ассоциаций крестьянских дворов находилось свыше 80% парка крупных тракторов и свыше 95% парка малых тракторов. К концу 1995 г. возникло 564 крестьянские ассоциации, объединяющие 3179 крестьянских дворов.¹⁰ Еще большее влияние эти хозяйства оказали на изменение структуры сельскохозяйственного производства (см.: Таблицу 4-1) и повышение его товарной составляющей (см.: Таблицу 4-2), что не могло не сказаться на повышении уровня доходов сельского населения (см.: Таблицу 4-3), а, следовательно, и его социальной роли в синьцзянском социуме.

Таблица 4-1

Изменение структуры сельскохозяйственного производства в СУАР

	1978		1997	
	млн. тонн	%	млн. тонн	%
Объем сельскохозяйственного производства	3.118	100	24.612	100
В том числе:				
растениеводство	1.559	69,1	18.616	75,6
животноводство	176	1,4	440	1,8
лесоводство	1.381	38,9	3.140	21,7
рыболовство	20	0,4	216	0,9

Источник: Синьцзян гайгэ кайфан эрши нянь (Двадцать лет политике открытых дверей и реформ в Синьцзяне). – Урумчи, 1998, с.77.

Таблица 4-2

**Изменение коэффициента товарности сельскохозяйственного
производства в СУАР**

	1978	1985	1990	1996
Общий объем сельскохозяйственного производства (млн. юаней)	1.097	3.637	14.463	41.096
Объем товарного сельскохозяйственного производства (млн. юаней)	674	1.181	9.190	28.670
Коэффициент товарности производства (%)	12,14	39,8	61,31	66,31

Источник: Синьцзян гайгэ кайфан эрши нянь (Двадцать лет политике открытых дверей и реформ в Синьцзяне). – Урумчи, 1998, с.79.

При всей значимости процесса внедрения рыночных отношений в деревне, хотя и косвенно, но он способствовал усилению напряженности как в отношениях между различными слоями деревни, так и в межэтнических отношениях. Данные обследования ряда районов Южного Синьцзяна показывают, что с углублением реформы и развитием товарной экономики в сельских районах СУАР начал наблюдаться процесс концентрации земли в руках отдельных (преимущественно более обеспеченных и, как правило, представленных этническими ханьцами или местными кадровыми работниками) хозяйствах.¹¹ В скотоводческих районах процесс имущественного и социального расслоения протекал на базе концентрации скота и пастбищных угодий в руках отдельных хозяйств и, как подчеркивала синьцзянская печать, “с одной стороны происходило обогащение отдельных хозяйств, а с другой – часть скотоводческих хозяйств жила лишь продажей полученной ими доли общественного стада”.¹²

Таблица 4-3

Процентное соотношение крестьянских дворов по уровню доходов (%)

	1980	1997	Примечательность изменений
Нижче 300 юаней	89,6	3,3	Бедные
Нижче 600 юаней		16,2	Уровень бедности снижся
600-1000 юаней		20,9	Частичное домовладение
1000-1300 юаней		21,1	Начальный этап потребительского уровня
1500-2000 юаней		16,4	Начальный этап потребительского уровня
Свыше 2000 юаней		25,4	Уровень удовлетворения жизненных потребностей

Источник: Синьцзян гайгэ кайфан эрши нянь (Двадцать лет политике

открытых дверей и реформ в Синьцзяне). – Урумчи, 1998, с.9.

Само по себе явление имущественного расслоения синьцзянской деревни – явление экономически вполне закономерное в условиях введения новых форм организации труда и производственных отношений на селе, учитывающих качественное состояние личностного фактора производительных сил. Экономическая логика (в том числе и обыденное крестьянское сознание) подсказывает: кто лучше работает, умело ведет свое хозяйство, тот лучше и живет. И данное обстоятельство, в условиях нормального функционирования механизмов экономического регулирования и приоритета интересов товаропроизводителя над интересами люмпена, а не наоборот, в принципе не содержит потенциальной основы для социальных конфликтов и потрясений. Другой вопрос, что “разгосударствление” сельской экономики происходило не на равных экономических и социальных основаниях, а в условиях приоритетности, либо, в лучшем случае, равновеликости интересов различных слоев населения. Проблемы получения нетрудовых доходов за счет своего служебного положения, личных и корпоративных связей, получения льготных государственных кредитов и дотаций, “благосклонного” отношения государства к некоторым хозяйствам и послужили основой различного рода конфликтов на селе. Причем необходимо подчеркнуть, что на начальном этапе реформ эти конфликты возникали преимущественно на социальной, а не на этнической основе. Как отмечалось в одном из обзоров по развитию синьцзянской деревни, “в настоящее время на путь первоначального обогащения вступают три категории людей: ганьбу (кадровые работники. – К.С.), ремесленники и торговцы, а также занимающиеся коммерцией лица. Вступивших на путь обогащения из числа лиц, занимающихся растениеводством и откормом скота, очень мало”. И далее, “в отношении первоначального обогащения последних двух категорий массы не проявляют какой-либо неприязни, однако они весьма недовольны первоначальным обогащением ганьбу, получающих государственную заработную плату”.¹³

И это соответствовало действительности. Проведенный нами анализ структуры доходов отдельных крестьянских хозяйств автономного района подтверждает, что низкий исходный уровень большинства хозяйств не давал им возможности для “быстрого обогащения”.¹⁴ Преимуществом обладали те, кто к началу реформ имел определенный уровень первоначального накопления капитала, либо соответствующее служебное положение, позволяющее приобрести этот капитал с началом реформирования экономики.

Последнее обстоятельство еще раз подтверждает наш вывод: на путь “первоначального обогащения” вступала внешняя по отношению к деревне сила, в руках которой концентрировалась все большая доля основных производственных фондов села и на чьей базе в перспективе только и было возможно развитие сельской экономики СУАР. С учетом увеличения численности “избыточных трудовых ресурсов” в сельской местности, усилением процесса люмпенизации сельского населения, сопровождающимся разделением сфер занятости по этническому признаку (прежде всего в силу различий в уровнях социально-культурного развития этносов), и усилением позиций религии в сельской местности, думается, не будет ошибкой предположить, что обострение социальных противоречий на селе в условиях многонационального Синьцзяна могли выливаться в этнические конфликты. Поэтому решение социальных проблем села представляется исключительно важным не только в аспекте социально-экономического развития СУАР, но и в связи с проблемой регламентации межэтнических отношений в регионе.

Первостепенное значение для решения социально-экономических проблем синьцзянской деревни как в середине — конце 80-х годов, так и в настоящее время приобретают сельские предприятия. Имеющиеся в нашем распоряжении данные показывают, что первоначально неаграрный сектор сельской экономики был представлен исключительно предприятиями коллективной формы собственности. Однако в дальнейшем, особенно после принятия в феврале 1986 г. и октябре 1987 г.

соответствующих решений парткома СУАР и правительства автономного района,¹⁵ ориентирующих сельскую экономику на подъем сельских предприятий, развитие последних принимает несколько иное направление.

К концу 1987 г. сельские предприятия поглотили 11,2% трудовых ресурсов села, к началу 1991 г. — 12,5%, к концу 1994 г. — 20,8%, а к концу 1997 г. на 287 тыс. сельских предприятий было занято более 853 тыс. человек, что составляло 24% рабочей силы села. Объем производимой ими продукции в 1997 г. оценивался в 25 млрд. 996 млн. юаней, в том числе промышленной продукции — 12.574 млн. юаней, или соответственно 25% и 16,3% объема сельскохозяйственного и промышленного производства СУАР.¹⁶

Организация и развитие сельских предприятий решало несколько значимых как для экономики деревни, так и для социальной сферы проблем. Во-первых, с учетом обострившейся с началом реформ проблемы “избыточности трудовых ресурсов” на селе и ее воздействия на социально-экономические и политические процессы как деревни, так и города, уже одно это обстоятельство делало организацию сельских предприятий необходимой мерой.

Во-вторых, именно сельские предприятия, на мой взгляд, были в состоянии решить проблему дисбаланса между экономикой города и деревни, с одной стороны, а с другой — осваивая переработку продуктов скотоводства и земледелия, стимулировать развитие последних и разгрузить индустриальную сферу экономики. Для СУАР, где в конце 80-х — начале 90-х годов отсутствовала необходимая база для создания перерабатывающей промышленности в городах, была неразвита инфраструктура и ощущался острый дефицит финансовых средств, сельские предприятия, не требующие централизованных капиталовложений и достаточно мобильные в переориентации своего производственного цикла, были в состоянии с успехом восполнить этот пробел.

Таблица 4-4

Структура сельских предприятий СУАР КНР (1998 г.)

	Число предприятий	Численность занятых (человек)	Полученный доход (млн юаней)	Объем произведенной продукции (млн юаней)
Сельскохозяйственные предприятия	1053	20127	301,44	300,61
Промышленные предприятия	30172	252639	10868,02	11120,91
Строительные предприятия	5359	79705	2917,16	2872,78
Транспортные предприятия	71960	94792	3808,21	3817,19
Предприятия общепита	78059	129923	3805,61	3632,48
Предприятия обслуживания туристическое	32896	116064	2477,70	2425,22
Предприятия в других сферах	9579	19242	378,15	404,91
Итого:	289048	712490	24556,29	24574,10
Предприятия СПСХ	32790	70274	2541,64	2560,39

Источник: Синьцзян няньцзянь. 1999 (Ежегодник по Синьцзяну за 1999 г.). – Урумчи, 1999, с.186-187.

В-третьих, существенное значение для социальной структуры села эти предприятия имеют и потому, что наряду с поглощением “избыточных трудовых ресурсов села”, они способствуют формированию качественно нового типа сельских жителей, изменению психологических и национальных особенностей сельского населения, не вовлеченного в сферу индустриального производства городов. Насколько позволяют судить имеющиеся в нашем распоряжении данные, рост сельских предприятий происходит главным образом за счет индивидуальных и созданных на паях, что существенным образом меняет психологию “коллективизма” сельского населения, представленного главным образом неханьскими этническими группами. Более того, с учетом того обстоятельства, что персонал этих предприятий составляют в основном люди среднего возраста и молодежь, а уровень их средних доходов в 3-4 раза превышает доходы лиц, занятых крестьянским трудом, на этих предприятиях сосредоточена та категория населения, которая смогла адаптироваться к новым экономическим условиям, следовательно, и проявлений этнического сепаратизма в ее среде можно ожидать меньше всего.

В определенном смысле сельские предприятия, хотя и не в полной мере, но способствовали решению социальных задач, стоящих перед экономикой села. В принципе, от них трудно было бы ожидать нечто большее. Сама структура сельских предприятий СУАР КНР (см.: Таблицу 4-4.) подтверждает, что психология сельского жителя меняется достаточно медленно, и он прочно держится за традиционные виды ведения хозяйства.

Тем не менее, не в последнюю очередь именно благодаря развитию сельских предприятий удалось изменить не только структуру сельскохозяйственного производства в СУАР, но и социальную составляющую занятых в этой сфере трудовых ресурсов. Хотя достичь показателей приморских районов КНР и даже средних по стране пока не удалось, первый шаг в этом направлении уже сделан,¹⁷ и дальнейшие преобразования синьцзянской деревни будут проходить именно в этом направлении.

Социально-экономические преобразования в городах

Начавшиеся социально-экономические преобразования в сельской местности не могли не охватить и городские слои населения автономного района. Рост промышленного производства в 80-е – 90-е годы сопровождался увеличением числа промышленных предприятий, причем характерной особенностью этого процесса являлось сокращение удельного веса предприятий государственного сектора и стремительное увеличение предприятий в других секторах, с одной стороны, а с другой – их увеличением за счет мелких предприятий, за исключением таких отраслей, как нефтяная, металлургическая и химическая промышленность, где рост числа предприятий происходил за счет крупных и средних и куда преимущественно и направлялись централизованные бюджетные ассигнования (см.: Таблицы 4-5 – 4-7).

Новые подходы в стратегии индустриального развития региона предопределили изменение подходов к различным социальным слоям городского населения, а также новые тенденции их формирования и развития.

Особенности формирования рабочего класса в 80-е – 90-е годы характеризовались следующими чертами.

Во-первых, сосредоточение рабочего класса происходило преимущественно в районах Северного Синьцзяна; причем, на более крупных и экономически эффективных предприятиях, как правило, центрального подчинения.

Во-вторых, наблюдалась тенденция распыления рабочего класса (особенно из числа лиц неханьских этнических групп) по мелким предприятиям коллективной формы собственности.

Таблица 4-5
Объем и структура промышленного производства
в СУАР КНР (1978-2001 гг.)

(млн. юаней)

годы	Объем промышленного производства	Объем в форме собственности	% от промышленного производства	Частная форма собственности	Другие формы собственности
1978	3 391,0	3 022,0	369,0		
1985	8 678,0	7 318,0	1 195,0	120,0	47,0
1987	11 564,0	9 577,0	1 632,0	230,0	135,0
1990	21 992,0	17 652,0	3 672,0	399,0	329,0
1995	59 032,0	46 131,0	8 924,0	1 621,0	267,0
1998	75 801,0	50 108,0	8 549,0	5 487,0	11 637,0
2000	106 129,0	25 893,0	7 278,0	6 539,0	663 990,0
2001	1084 220,0	15 326,0	5 331,0	6 621,0	809 410,0

Источник: Синьцзян тунцзи няньцзянь, 1999 (Статистический ежегодник по Синьцзяну за 1999 г.). – Урумчи, 1999, с.348; : Синьцзян тунцзи няньцзянь, 2002 (Статистический ежегодник по Синьцзяну за 2002 г.). – Урумчи, 2002, с.404.

Таблица 4-6
Капитальные вложения в различные сектора экономики

(млн. юаней)

Годы	Всего	Государственный сектор			Негосударственный сектор	Частный сектор
		Всего	Капитальные вложения	Резервы		
1978-1980	62 983	6271,0	3 975,0	206,0	92,0	12,7
1981-1985	14 912,9	11 318,6	2 368,0	2 841,1	2 127,2	689,7
1986-1990	31 197,1	28 177,8	16 188,0	6 217,9	5 637,1	2 101,1
1991-1995	116 211,9	99 271,2	67 305,0	18 182,2	11 448,0	5 142,7
1996	38 784,7	31 830,2	21 288,1	6 838,0	3 704,1	2 071,8
1997	44 681,3	36 876,7	25 395,7	7 191,2	3 889,8	2 126,0
1998	51 976,7	44 171,4	31 209,3	7 609,1	3 332,8	2 089,8
1999	53 464,7	44 489,8	31 274,3	6 108,8	3 106,3	2 371,1
2000	66 018,4	48 494,6	39 274,8	7 733,8	1 466,0	2 280,4
2001	70 399,7	51 118,0	40 006,0	1 08 88,0	2 274,0	2 613,0

Источник: Синьцзян тунцзи няньцзянь, 2002 (Статистический ежегодник по Синьцзяну за 2002 г.). – Урумчи, 2002, с.191.

Таблица 4-7

Численность промышленных предприятий СУАР КНР
и объем выпускаемой продукции в 1998 г.

Тип предприятия	Число предприятий	Объем выпускаемой продукции			
		В конце 1990 г.		В текущем году	
		(млн. юаней)	%	(млн. юаней)	%
Всего	7068	41.138,5	100,0	69.844,9	100,0
по форме собственности:					
государственные предприятия	2800	16.918,7	65,5	30.107,5	71,4
эти включают					
кредитовые учреждения	1137	18.119,6	68,0	17.070,1	71,9
металургические предприятия	166	8.619,2	32,0	11.077,1	26,1
эти металлургической формы собственности	158	5.515,5	11,4	7.600,0	10,9
мультинациональные	121	34,55	1,1	81,69	1,2
совместные	81	24,64	0,6	11,16	0,5
фирмы с ограниченной ответственностью	217	4.261,1	10,4	5.261,1	8,4
частные	187	324,0	1,1	684,1	0,98
с филиалами в Гонконге, Австралии и Тайване	55	6.605,9	16,1	9.504,8	11,6
сотрудники иностранных филиалов	38	5.001,2	12,2	6.561,7	9,4
по размеру объема производства:					
особо крупные	1	10.590,0	25,7	21.174,0	11,7
крупные	44	7498,2	18,2	12.555,6	18,4
средние	170	6.916,5	16,8	9.504,4	11,6
малые	6831	16.112,8	39,1	21.050,8	14,1

Источник: Синьцзян туңцзи няньцзянь. 1999 (Статистический ежегодник по Синьцзяну за 1999 г.). — Урумчи, 1999, с.349; Все расчеты сделаны автором.

В-третьих, подавляющую часть составляли сельскохозяйственные рабочие, и хотя в конце 80-х — начале 90-х годов наметилась тенденция к их сокращению, и в 1998 г. их удельный вес в общей численности рабочих и служащих оставался весьма значительным, достигая 28,1%. Напротив, несмотря на стремительное промышленное развитие СУАР КНР, прирост промышленных рабочих происходил медленно, и за период 1978-1998 гг. их доля в общей численности рабочих и служащих с 20,7% увеличилась лишь до 23,4%. Безусловно, положительной являлась наметившаяся в эти годы тенденция к увеличению удельного веса производственных рабочих и инженерно-технического персонала на промышленных предприятиях СУАР, сопровождающаяся сокращением учеников и “замораживанием” роста управленческого

аппарата. Однако эта тенденция имела место только на промышленных предприятиях; в структуре рабочих и служащих, занятых в других отраслях производства, дело обстояло противоположным образом.

В-четвертых, в годы шестой пятилетки наметились тенденции к сокращению удельного веса женщин в структуре рабочих и служащих СУАР, изменения источников пополнения отряда рабочих и служащих (формирование рабочего класса шло преимущественно за счет городского населения), а также старения рабочих и служащих (см.: Таблицы 4-8 – 4-11).

Наконец, фактически без изменений оставалась этническая структура категории “рабочие и служащие”, в которой представители национальных меньшинств составляли от 11 до 49%, причем в сферах сосредоточения рабочего класса – от 8 до 22%. Наибольший удельный вес представителей национальных меньшинств наблюдался в непромышленных отраслях: образование, культура, искусство, финансы и страхование, здравоохранение, спорт и социальное обслуживание, а также торговля, общественное питание, служба быта и материальное снабжение. Наименьший – в наукоемких отраслях и на промышленных предприятиях, особенно крупных.¹⁸

Характерной и весьма существенной для нашей основной темы приметой времени является и то обстоятельство, что пополнение рядов рабочих и служащих за счет местных этнических групп осуществляется только на местных предприятиях, на предприятиях центрального подчинения, производящих, как мы видели выше, львиную долю промышленной продукции, этого не наблюдается (см.: Таблицы 4-12 – 4-13).

С началом проведения в китайской экономике радикальных реформ произошли некоторые изменения в профессиональной подготовке рабочего класса Синьцзяна, хотя неправомочно было бы утверждать, что они привели к его качественному перерождению. Несмотря на повышение общеобразовательного и профессионального уровня синьцзянских рабочих, большая их часть имела лишь начальное образование и по уровню своей подготовки была не способна овладевать новой техникой.

Слабой оставалась и профессиональная подготовка рабочих и служащих СУАР, занятых в промышленных отраслях, что объяснялось прежде всего неразвитостью системы профессионально-технической подготовки и медленными темпами ее внедрения.

Существенное значение имел и этнический фактор. По сравнению с ханьцами, профессионально-технический уровень рабочих и служащих из числа национальных меньшинств существенно ниже. Низким остается и уровень инженерно-технического представительства на промышленных предприятиях автономного района, причем это касалось как количественной, так в основном и качественной стороны. Даже на ведущих предприятиях удельный вес инженеров и техников в общей массе рабочих и служащих в середине 80-х годов не превышал 4%.

Все эти факторы свидетельствуют о том, что, несмотря на включение СУАР в общий поток осуществляемых в КНР социально-экономических реформ, структура рабочих и служащих автономного района, недостаточность технического персонала и высококвалифицированных рабочих не давали возможности для перевода экономики в новое качественное состояние; автономный район оставался не подготовленным к самостоятельному эффективному индустриальному развитию не только на мировом уровне, но и в масштабах Китая. Требовалось принятие срочных мер для повышения качественного состояния его трудовых ресурсов, включения механизмов, позволяющих в полной мере раскрыть потенциал автономного района.

Таблица 4-8
Распределение трудовых ресурсов СУАР КНР
по сферам народного хозяйства (1978-2001 гг.)

(тыс. человек)

Сферы занятости	1978	1988	1998	2001
Численность занятых в СУАР	12 330,1	14 264,2	17 473,5	18 761,9
Численность занятых в сельскохозяйственном производстве	7 201,1	8 794,1	10 732,4	11 339,9
Численность занятых в животноводстве	9 116,1	7 838,2	8 719,3	12 429,8
Численность занятых в растениеводстве	3 214,0	6 426,0	8 754,2	6 332,1
Численность занятых в сельском хозяйстве	9 001,1	9 506,1	11 508,8	12 097,9
Численность занятых в сельском хозяйстве				
в растениеводстве	3 329,0	4 738,1	6 164,7	6 664,0
Общая численность трудовых ресурсов	4 912,5	5 937,1	6 809,2	7 094,1
В том числе:				
рабочие в городах, в легкой промышленности, в промышленности и рыболовстве	3 539,9	3 662,2	3 878,0	3 885,8
работники в промышленности	102,2	132,0	229,1	133,7
работники в легкой промышленности	407,7	391,1	375,9	493,7
заемные из				
страны	14,5	31,5	57,5	64,6
строительством	180,0	260,8	199,7	283,4
господдержка и метрострой	52,6	73,8	35,7	34,0
транспорт в сель.	136,0	196,0	251,9	260,2
автобусы и различные маршруты	139,0	342,3	664,6	772,9
финансы и страховые	12,5	36,6	49,1	55,8
административные службы	0,2	2,5	8,6	18,8
бытовые обслуживания	21,0	60,2	144,4	209,9
спорт, развлечения, спорт, общественное обеспечение	44,8	72,7	89,7	108,6
образование, культура, искусство, радио и телевидение	143,5	249,2	325,8	336,7
наука и административные и общественные обслуживания	21,0	31,1	27,2	25,7
государственные и партийные органы, общественные организации	88,2	194,7	244,8	257,5
органы власти	9,8	0,6	49,2	152,8

Источник: Синьцзян тунцзи няньцзянь. 2002 (Статистический ежегодник по Синьцзяну за 2002 г.). – Урумчи, 2002, с.106, 109, 142.

Таблица 4-9
Источники пополнения трудовых ресурсов города в СУАР КНР
(1985-2001 гг.)

(тыс. человек)

	1985	1990	1995	1998	2000	2001
Всего	108,7	153,0	196,4	243,9	351,1	317,0
В том числе:						
трудовые ресурсы города	49,8	62,0	35,0	19,9	21,1	28,8
трудовые ресурсы села	7,7	12,5	64,8	78,1	106,7	118,6
закупленные извне (из других)	20,1	37,5	46,2	39,0	32,1	27,0
другие источники	11,1	41,0	48,4	106,9	91,0	142,6
трудовые ресурсы из:						
государственных предприятий	75,9	96,1	127,0	134,7	137,1	119,2
предприятия коллективной формы собственности	22,8	41,2	24,4	21,1	22,6	21,9
предприятия иных форм собственности	2,0	2,0	4,7	9,2	19,6	62,1
организации своего рода	8,0	11,7	18,1	38,7	31,6	90,6

Источник: Синьцзян тунцзи няньцзянь. 1999 (Статистический ежегодник по Синьцзяну за 1999 г.). – Урумчи, 1999, с.104., Синьцзян тунцзи няньцзянь. 2002 (Статистический ежегодник по Синьцзяну за 2002 г.). – Урумчи, 2002, с.140.

Главными мероприятиями, предпринятыми в этом направлении, было развитие образования (в том числе национального), активизация деятельности научно-технической и творческой интеллигенции, а также привлечение высококвалифицированных специалистов из внутренних районов Китая и зарубежных стран.

Таблица 4-10

**Распределение работников, относящихся к категории
“рабочие и служащие” СУАР КНР по сферам народного хозяйства
(1978-2001 гг.)**

(тыс. человек)

Сферы занятости	1978	1988	1998	2001
Общая численность трудовых ресурсов	4.912,5	5.937,7	6.809,2	7.094,7
Общая численность рабочих и служащих	2.171,3	2.849,6	2.833,3	2.469,5
В том числе:				
сельскохозяйств., животноводств., лесозащиты и рыболовств.	1.025,0	947,7	802,2	660,1
добывающей промышленности	102,2	112,0	128,6	104,4
обрабатывающей промышленности	154,7	497,4	421,8	308,6
энергетики	14,2	11,2	51,7	54,2
строительств.	167,4	229,1	191,9	200,5
гостеприимств. и инвентариз.	32,6	71,8	15,3	11,8
транспорт. связи	111,7	157,9	129,6	107,9
оптовой и розничной торговли	112,5	206,2	179,7	102,8
финансы и страхование	12,5	15,2	48,9	30,1
коммунальные услуги	0,2	2,2	8,4	17,9
бытовое обслуживание	19,0	42,5	67,5	72,2
здравоохранение, спорт, социальные обеспечения	17,0	65,2	89,0	107,6
образование, культура, искусство, радио и телевидение	121,2	214,6	121,9	111,8
наука и общественное теленачесное обслуживание	20,0	10,0	26,8	25,4
государственные и партийные органы, общественные организации	74,5	161,9	244,1	236,6
другие отрасли			25,7	11,6

Источник: Синьцзян тунцзи няньцзянь. 2002 (Статистический ежегодник по Синьцзяну за 2002 г.). — Урумчи, 2002, с.148-150.

В соответствии с установками ЦК КПК и центрального правительства, Комитет КПК СУАР и правительство автономного района в октябре 1983 г. принимают “Временное постановление об улучшении условий работы, учебы и жизни

интеллигенции”, в котором “руководители всех рангов” обязывались: “беспристрастно относиться к интеллигенции в политической области, смело использовать ее в работе, проявлять заботу и внимание к условиям жизни интеллигенции, оказывать всемерную поддержку научным исследованиям”.

Таблица 4-11

Распределение работников, относящихся к категории
“рабочие и служащие” СУАР КНР из числа национальных
меньшинств

по сферам народного хозяйства (1998-2001 гг.)

(тыс. человек)

Сферы занятости	1998		1999		2000		2001	
		в %		в %		в %		в %
Общая численность работников в Синьцзяне по предприятиям всех В том числе:	845,9	29,9	805,9	28,4	770,6	30,1	735,4	29,8
рабочие и служащие, занятые на предприятиях и рыболовствах	201,3	25,1	190,5	24,6	179,7	24,8	159,4	29,1
в том числе:								
рабочие в промышленности	40,1	21,3	42,1	22,6	21,9	19,9	20,1	19,3
служащие в промышленности	87,2	20,7	78,9	20,9	69,8	21,4	60,1	19,5
энергетика	13,5	26,1	13,1	26,6	12,5	24,5	14,1	26,0
строительство	19,0	9,9	17,1	9,6	26,5	12,3	24,7	12,3
ремонт предприятий и предприятий транспорта и связи	10,8	30,4	10,7	29,5	10,9	32,1	11,5	34,0
в том числе в промышленности	29,0	22,4	27,9	24,5	26,3	23,1	24,1	22,3
в том числе в строительстве	66,6	37,1	54,2	36,6	44,0	35,1	34,8	33,9
финансы и страхование	15,4	31,5	15,0	28,8	14,2	27,8	14,8	29,5
коммунальные службы	1,3	15,5	1,1	13,1	1,3	14,9	2,7	15,1
бытовые услуги	18,2	27,0	17,3	26,7	18,5	27,4	18,5	25,6
торговля, общественное питание, общественное	42,5	47,8	41,9	45,3	42,3	45,9	42,9	39,9
общественное, культура, искусство, развлечения и телевидение	182,9	56,8	181,3	56,0	184,7	55,7	187,8	52,3
культура и общественное телевидение общественное	5,0	18,7	4,8	19,2	5,6	21,9	5,0	19,7
государственные и партийные органы, общественные органы власти	110,4	45,2	107,1	44,0	108,1	43,2	109,5	42,7
органы труда	2,7	10,5	2,9	12,2	4,3	14,9	5,4	16,1

Источник: Синьцзян тунци няньцзянь. 1999 (Статистический ежегодник по Синьцзяну за 1999 г.). – Урумчи, 1999, с.90; Синьцзян тунци няньцзянь. 2002 (Статистический ежегодник по Синьцзяну за 2002 г.). – Урумчи, 2002, с.144; Все расчеты сделаны автором.

Конкретизируя направления работы по отношению к интеллигенции, постановление предусматривало:

(1) последовательно осуществлять политику в отношении интеллигенции, активно улучшать условия ее работы и учебы;

(2) поощрять научно-технических работников, выразивших желание работать в бедных и отдаленных районах;

(3) предоставлять льготы интеллигенции, прибывающей для работы в Синьцзян из других регионов;

(4) предоставить послабления в вопросе раздельного проживания супругов;

(5) надлежащим образом решить проблему поступления на учебу и трудоустройства детей интеллигенции;

(6) отдавать предпочтение интеллигенции в решении вопросов жилья, медицинского обслуживания и жизненного обеспечения;

(7) решать вопросы, связанные с подготовкой интеллигенции;

(8) укреплять работу по управлению профессиональными техническими кадрами;

(9) усиливать идейно-политическую и воспитательную работу с интеллигенцией.¹⁹

Одновременно с этим на государственном и региональном уровнях предпринимаются усилия по подготовке научно-технических специалистов, управленцев и педагогических кадров. На государственном уровне решается вопрос о закреплении автономных национальных образований за более развитыми в экономическом и культурном отношении регионами КНР. Для СУАР в качестве таковых определяется провинция Цзянсу с такими ее индустриальными центрами, как города Нанкин и Шанхай.²⁰

Эти мероприятия, безусловно, дали свои результаты, но качественно изменить сложившуюся ситуацию они были не в состоянии. Многолетние усилия в “перевоспитании специалистов физическим трудом”, в истреблении “ядовитых трав” все же принесли свои плоды — многие из опытных специалистов так и не вернулись из тюрем и ссылки, а те, которые остались в живых, оказались истощенными (и физически, и морально) и в значительной мере

утратившими свою квалификацию. Что касается поколения “культурной революции”, то оно оказалось профессионально неподготовленным. Поэтому даже полная реабилитация и возврат оставшихся специалистов на свои места существенным образом не повлияли на крайне тяжелое положение народного хозяйства, последнее оставалось оголенным и обескровленным.²¹ Даже количественно автономный район не был обеспечен научно-техническими специалистами и управленческим персоналом; еще более плачевно обстояли дела с качественными и этническими характеристиками этих социальных категорий (см.: Таблицу 4-14).

Таблица 4-12

Распределение работников, относящихся к категории “рабочие и служащие” на местных предприятиях государственной формы собственности СУАР КНР по сферам народного хозяйства и по этнической принадлежности (1998 г.)

(тыс. человек)

Сферы занятости	Всего	Национальный состав	
		Численность	%
Общая численность	1.361,6	638,8	46,9
В том числе:			
на промышленных предприятиях	671,5	249,9	37,2
в учреждениях	474,6	262,6	55,3
в научно-управленческих учреждениях	215,5	106,1	49,2
в текстильной, легкой текстильной, пищевой и рыбной промышленности	260,3	152,5	58,6
в обрабатывающей промышленности	34,6	12,0	34,7
в обрабатывающей промышленности	162,3	45,9	28,3
энергетика	29,7	10,7	36,0
строительство	71,2	8,9	12,5
внутрирайонная и межрайонная торговля и связь	20,5	9,5	46,3
в торговле, общественном питании	48,2	17,8	36,9
финансы и страховой бизнес	88,4	31,9	36,1
коммунальные службы	3,3	1,3	39,4
бытовое обслуживание	3,9	0,9	23,1
в бытовом обслуживании	48,4	15,7	32,4
в торговле, общественном питании, общественном обслуживании	75,2	41,3	54,9
в образовании, культуре, искусстве, радио и телевидении	276,3	178,1	64,5
в здравоохранении, физкультурно-спортивных учреждениях	17,2	4,3	25,0
на государственные и партийные органы, общественные организации	214,3	106,1	49,5
в других сферах	7,8	1,9	24,4

Источник: Синьцзян тунцзи няньцзянь. 1999 (Статистический ежегодник по Синьцзяну за 1999 г.). — Урумчи, 1999, с.97; Все расчеты сделаны автором.

С одной стороны, доля лиц с высшим и средним специальным образованием среди специалистов в СУАР остается незначительной. С другой, несмотря на существенный рост представительства национальных меньшинств в этой социальной категории, это увеличение происходит почти исключительно за счет стремительного роста преподавательского состава учебных заведений, имевшего место в 90-е годы. Все остальные категории технических специалистов представлены преимущественно ханьской этнической группой. Так, в 1996 г. в СУАР насчитывалось 325,3 тыс. специалистов, составляющих 10,37% от общей численности рабочих и служащих. Среди них более 140 тыс. или 43,04% являлись представителями национальных меньшинств.²² Это, безусловно, внушительная цифра. Однако, если мы обратим внимание на тенденцию роста специалистов в СУАР (см.: Таблицу 4-14), то увидим, что их рост происходил в основном за счет преподавательских кадров, которые формировались преимущественно из числа представителей неханьских этнических групп. Обращает на себя внимание и тот факт, что количество специалистов на предприятиях центрального подчинения почти вдвое превышало их число на местных предприятиях. С учетом этнической структуры рабочих и служащих на тех и других предприятиях можно говорить об ограниченной доле специалистов из числа национальных меньшинств.

Не менее существенны еще несколько замечаний. Первое, даже на крупных и средних промышленных предприятиях доля технических специалистов в общей численности рабочих и служащих не превышает 5%, а на предприятиях легкой, текстильной и обувной промышленности – менее 2%. Второе, 75,5% технических специалистов работают в Северном Синьцзяне, причем 80% из них в поясе Урумчи – Санджи – Шихэцзы – Карамай. В Южном Синьцзяне работает 24,5% общего числа технических специалистов, причем, на промышленных предприятиях только 15,9%. В некоторых районах Южного Синьцзяна доля специалистов не превышает 2,5% от их общего числа в автономном районе.

Например, в Кызылсу-Киргизской автономной области — 0,7%, Кашгарском округе — 2,5%, Хотанском округе — 1,9%. Третье, имеет место тенденция к старению технического персонала в СУАР. Из числа занимающих в 1985 г. высшие технические должности специалистов в 1990 г. 45% достигли пенсионного возраста, а 75,5% занимающих должности среднего звена достигнут пенсионного возраста в 2000 г.²³

Таблица 4-13

Распределение работников, относящихся к категории “рабочие и служащие” на предприятиях центрального подчинения, расположенных в СУАР КНР, по сферам народного хозяйства и по этнической принадлежности (1998 г.)

(тыс. человек)

Сферы занятости	Всего	Национальная принадлежность	
		Численность	%
Общая численность	1.126,3	119,3	10,6
В том числе:			
в промышленности, строительстве	1.001,6	105,1	10,5
в торговле	94,4	8,3	8,8
в организациях управления	30,5	3,9	12,8
в растениеводстве, животноводстве, лесоводстве и рыболовстве	541,1	48,5	8,96
обыкновенная промышленность	145,5	26,8	18,4
обработывающая промышленность	97,2	6,6	6,8
энергетика	16,7	1,6	9,6
строительство	33,1	1,5	2,8
геологоразведка и месторождения	14,6	1,2	8,2
транспорт и связь	76,9	10,2	13,3
оптовая розничная торговля	19,5	1,2	6,2
финансы и страхование	37,7	10,2	27,1
административные службы	3,1	0,2	6,5
бытовое обслуживание	10,4	0,6	5,8
здравоохранение, спорт, социальное обеспечение	12,1	0,8	6,6
образование, культура, искусство, радио и телевидение	45,3	4,8	10,6
наука и административное техническое обслуживание	9,2	0,8	8,7
политические и партийные органы, общественные организации	29,0	4,0	13,8
армия и полиция	15,1	0,3	1,99

Источник: Синьцзян туңцзи няньцзянь. 1999 (Статистический ежегодник по Синьцзяну за 1999 г.). — Урумчи, 1999, с.98; Все расчеты сделаны автором.

Таблица 4-14

**Численность различных категорий специалистов
в СУАР КНР (1978-2001 гг.)**

(человек)

Категория специалистов (Гор)	1981	1987	1990	1995	1998	2001
Общая численность	120 277	188 330	241 524	437 209	355 878	385 129
Многоязычные специалисты	31 669	63 145	92 383	109 463	59 009	59 913
Техники в области	15 370	21 779	25 089	28 096	27 727	30 048
Техники в сфере образования	44 840	61 033	71 906	79 014	60 008	65 385
Научные работники	3 816	3 681	4 326	4 825	2 701	2 492
Преподаватели	24 582	38 692	47 820	21 581	20 683	227 096
Численность специалистов на 100 000 рабочих и служащих	332	775	923	1 402	1 256	...
Численность специалистов на 100 000 населения	96	194	138	263	204	...

Источник: Синьцзян тунцзи няньцзянь, 1999 (Статистический ежегодник по Синьцзяну за 1999 г.). – Урумчи, 1999, с.632; Синьцзян тунцзи няньцзянь, 2002 (Статистический ежегодник по Синьцзяну за 2002 г.). – Урумчи, 2002, с.144.

Более того, расширение сети национальных школ и ускорение процесса национального образования стали, не решив проблемы противоречия между огромными потребностями народного хозяйства в специалистах высокой квалификации и ограниченными возможностями их подготовки, предопределили возникновение новых трудностей, выходящих далеко за рамки социально-экономических проблем.

Во-первых, все настойчивее давало себя знать существующее несоответствие между образованием выпускников различных учебных заведений (как качественно, так и по сферам специализации) и конкретными потребностями автономного района в специалистах.

Во-вторых, изменения в национальной политике, приведшие к резкому расширению сети национальных школ и факультетов с преподаванием на языках национальных меньшинств, породили проблему нехватки преподавательских кадров, с одной стороны, и неудовлетворительного их профессионального уровня и качества преподавания в национальных школах – с другой.

В-третьих, остро ощущалась слабая материально-техническая база учебных заведений СУАР, отсутствие литературы и методик преподавания на языках национальных меньшинств, особенно это касалось технических специальностей.

В-четвертых, давала себя знать ограниченность притока в учебные заведения неханьской молодежи из сельских районов, существенно сокращающая спектр возможностей по подготовке сельской интеллигенции.

В-пятых, существенное влияние оказывали и различия в качественном уровне абитуриентов из числа ханьцев и национальных меньшинств; а предоставление последним определенных льгот при поступлении в учебные заведения, являющееся вынужденной мерой, подспудно способствовало формированию и укреплению психологической установки об “ущербности неханьских народов”.

Наконец, вызванная ходом экономической реформы на селе необходимость в увеличении рабочих рук в отдельном крестьянском хозяйстве, привела к возникновению становящейся все более очевидной тенденции к сокращению доли учащихся из числа национальных меньшинств и преимущественного ограничения уровня их образования начальной школой.²⁴ Результатом всего этого явилось то, что, несмотря на расширение сферы образования и увеличение числа учащихся, их качественный уровень далеко не отвечал потребностям автономного района, а дефицит специалистов оставался проблемой номер один его экономического развития.

Все вышеизложенное косвенно подтверждает сделанный ранее вывод: количественное и качественное состояние неханьской этнической составляющей трудовых ресурсов региона не гарантирует его эффективное развитие как самостоятельной государственной единицы.

Поскольку за счет внутренних резервов решить проблему эффективного экономического развития региона в короткие сроки не представлялось возможным, она могла быть решена только за счет привлечения для работы в автономном районе специалистов из внутренних районов Китая. И у нас нет оснований рассматривать этот вынужденный шаг как “очередную попытку китаизации Синьцзяна”. Задача сохранения достигнутого в прошлые годы паритета между ханьским и неханьским населением региона, по-видимому, не ставилась; во

всяком случае, об этом свидетельствует официальная статистика по изменению демографической ситуации в автономном районе в 80-е – 90-е годы. Требовалось решать задачи экономического развития региона и другого пути, как мы видели, просто не было. Более того, центральному и местному руководству приходилось иметь в виду и то обстоятельство, что подавляющая часть занятых в науке, технике, образовании и культуре, здравоохранении и промышленности СУАР квалифицированных работников являются прибывшими в 50-е – 60-е годы мигрантами, среди которых как в 80-е, так и в 90-е годы наблюдалась тенденция реэмиграции. Причем учет профессиональной и возрастной структуры реэмигрантов убедительно показывал, что покидают СУАР наиболее квалифицированные и трудоспособные кадры, потеря которых не восполняется ни за счет внутренних, ни за счет внешних источников.²⁵

Таким образом, несмотря на значительный прогресс, достигнутый в выводе экономики из состояния застоя, опережающие даже средние по стране темпы развития региона, качественно изменить социальную структуру городов и ее отдельных составных частей, провести структурную реформу, изменить характер управления промышленными предприятиями и т.д. к концу 90-х годов так и не удалось. Неэффективность и нежизнеспособность предприятий СУАР, особенно крупных и средних уже в 1991-1994 гг. рассматривалась как одна из проблем экономического и социального развития региона.²⁶

В начале 90-х годов только 1/3 ведущих предприятий СУАР по своему техническому оснащению достигала передового уровня по стране, да и те не были оснащены достаточно современным оборудованием. По своим техническим характеристикам только 8,28% оборудования относилось к мировому уровню начала 80-х годов, 45,3% работ выполнялось вручную, труд был механизирован только на 15,8%, а автоматизирован лишь на 1,55%. Свыше 70% технологических операций представляли собой архаичные приемы и методы. Эффективность использования оборудования на предприятиях машиностроения составляла

40%, на металлургических предприятиях – 30-35%, в энергетике – 62%; высок был уровень энерго- и сырьевых затрат на единицу выпускаемой продукции, превышая на 65,6% аналогичные показатели по стране; производительность труда на 75-80% была ниже среднекитайских показателей при опережающем среднекитайский уровень заработной плате рабочих и служащих.²⁷

Таким образом, как состояние индустриальной сферы производства, так и этносоциальная структура трудовых ресурсов СУАР демонстрируют его неспособность развиваться полностью самостоятельно, что объясняется не только качественным состоянием личностного фактора производительных сил, но и самой структурой производства, достаточно узкой специализацией автономного района и существенной зависимостью его ключевых индустриальных отраслей (нефтедобыча и нефтепереработка, текстильная и пищевая промышленность, энергетика) от центра и в плане государственных дотаций, и в плане своевременного технического переоснащения предприятий и комплектования их штатов квалифицированными специалистами.

Во всяком случае, как и в предшествующий период,²⁸ и в 90-е годы, несмотря на значительное увеличение поступлений из местного бюджета, автономный район в значительной степени существовал за счет централизованных бюджетных ассигнований (см.: Таблицу 4-15), которые к тому же расходовались весьма нерационально и в большей части уходили на удовлетворение непроизводственных потребностей, в том числе и разбухающего административно-управленческого аппарата.²⁹ Более того, потребительский рынок СУАР даже в настоящее время только на 60% покрывается за счет ресурсов автономного района, 10% товаров поступают с зарубежных рынков, а 30% – с внутригосударственного рынка. Рыночные поставки на 60% покрываются за счет внутригосударственного рынка, на 30% – за счет рынка автономного района и на 10% – за счет поставок из-за рубежа.³⁰ Другими словами, автономный район продолжает “жить в долг”.

Подобное состояние индустриальной сферы производства в сочетании с наметившимися тенденциями формирования трудовых ресурсов СУАР приводит к весьма важным выводам.

Таблица 4-15
Структура бюджета СУАР КНР (1986-2001 гг.)

(млрд. юаней)

	1986	1989	1990	1991	1992	1998	2001
Доходная часть	3,43	4,34	4,63	5,10	5,47	14,88	19,17
В том числе за счет:							
местного бюджета СУАР КНР	1,02	1,95	2,18	2,65	2,61	6,66	11,6
государственной финансовой помощи							
Синьцзяну	2,41	2,19	2,44	2,45	2,86	8,01	18,4
за счет:							
финансирования помощи	1,59	1,51	1,51	1,51	1,77	1,91	1,94
помощи по специальным проектам	0,82	0,68	0,91	0,92	1,09		
Расходная часть	3,51	4,20	4,78	5,60	6,43	14,88	19,17

Источник: Синьцзян тунци няньцзянь, 1999. (Статистический ежегодник по Синьцзяну за 1999 г.). – Урумчи, 1999, с.185; Синьцзян тунци няньцзянь, 2002 (Статистический ежегодник по Синьцзяну за 2002 г.). – Урумчи, 2002, с.249; Синьцзян шэжуй цзинци, 1993, №3, с.75.

Во-первых, с распространением в промышленности “контрактной системы” и новых форм организации труда, отдающих предпочтение качественному состоянию трудовых ресурсов, существенно ограничивается пополнение рядов рабочего класса ведущих предприятий региона за счет сельских слоев населения, прежде всего – представителей неханьских этнических групп. С другой стороны, высвобождение в сельской местности значительной массы “избыточных трудовых ресурсов”, часть из которых устремляется в города, требует их трудоустройства, в том числе и на промышленных предприятиях региона, учитывая политическую установку “преимущественного формирования рядов рабочего класса автономного района за счет национальных меньшинств”. Ограничение этого процесса логикой экономической целесообразности (включая и качественные критерии), сопровождающееся привлечением квалифицированных трудовых ресурсов из внутренних районов Китая, расценивается этими слоями местного населения как “ущемление прав национальных меньшинств” и является одной из причин

дестабилизации обстановки в городах. Следование же ему в условиях современного качественного состояния трудовых ресурсов СУАР ведет к снижению экономической эффективности промышленных предприятий, распылению промышленного потенциала региона по мелким предприятиям (преимущественно кустарным), на которых только и могут быть трудоустроены эти социальные группы.

Все это ставит как центральное руководство, так и руководство автономного района перед дилеммой выбора между экономической целесообразностью и политической необходимостью. Либо приоритет отдается “ускорению” экономического и культурного развития региона, включению преимущественно экономических методов управления, преобладанию экономической целесообразности, и тогда последуют естественные качественные и этнические изменения трудовых ресурсов, снятие национально специфических критериев их оценки и предпочтение профессиональным. Либо достаточно длительное балансирование на достигнутом уровне в ожидании административно управляемых искусственных изменений этносоциальной структуры города и деревни, приоритет политической необходимости, и тогда – снижение значимости экономических механизмов и рычагов управления, усиление административного вмешательства во все сферы общественной жизни, в том числе и в этносоциальную. Зазвучавшие с конца 1989 г. призывы о “рационально умеренных” темпах развития национальных районов, “подготовки в них соответствующих условий” и т.д.,³¹ косвенно свидетельствовали о том, что в начале 90-х годов за основу был принят второй вариант развития.

Во-вторых, общий низкий качественный уровень трудовых ресурсов региона усугубляется отсутствием в должном количестве и качестве научно-технической интеллигенции и существенными трудностями с ее подготовкой. По расчетам китайских специалистов, для обеспечения планируемого прироста промышленного и сельскохозяйственного производства СУАР к концу 2000 г. требовалось, по крайней мере, 650 тыс. различного рода научно-технических специалистов

(включая естественные и гуманитарные науки) со средним и более высоким уровнем образования,³² что в условиях имеющегося потенциала и мощностей было практически нереально (см.: Таблицу 4-14). Даже в имеющемся же в настоящее время корпусе научно-технических специалистов лица с высшей технической квалификацией не превышают 1,5%, а численность специалистов с уровнем образования выше среднего специального всего — 8,2%.³³ Принимая во внимание наметившуюся в конце 80-х годов тенденцию к сокращению числа учащихся и девальвации ценности знаний, характерную в особенности для представителей местных этнических групп, возможности автономного района по “самообеспечению” в данном вопросе существенно сокращаются.

В-третьих, состояние индустриальной сферы производства показывает и неспособность СУАР развиваться полностью самостоятельно, что объясняется не только качественным состоянием личностного фактора производительных сил, но и самой структурой производства, достаточно узкой специализацией автономного района и существенной зависимостью его ключевых индустриальных отраслей от центра как в плане государственных дотаций, так и в плане своевременного технического переоснащения предприятий и комплектования их штатов квалифицированными специалистами.

Таким образом, сама структура производства в автономном районе и состояние его трудовых ресурсов являются объективной основой возникновения противоречий между экономической целесообразностью и политической необходимостью, которые в большинстве случаев и служат первопричиной различного рода конфликтов.

Отдельного внимания, главным образом в контексте рассматриваемой нами темы, требует проблема региональных диспропорций экономического развития региона (см.: Таблицу 4-16).

Учитывая особенности и характер миграции, а также специфику естественного прироста населения среди тюрко-

говорящих народов, можно утверждать, что регионально-демографические изменения произошли главным образом за счет “вливаний” ханьцев в стратегически значимые (с позиции национальной безопасности) регионы СУАР КНР. Данное обстоятельство приходится учитывать не только при рассмотрении современных демографических процессов в СУАР КНР, но, прежде всего, при анализе социально-экономических и политических процессов в регионе. Преимущественно дунгано-ханьский Север сегодня является главным производителем совокупного общественного продукта, основным промышленным и научно-технологическим центром, отдельные регионы которого в пределах автономного района обладают либо инациональной (казахской и монгольской) автономией, либо статусом городов районного (уйгурская автономия) подчинения. В этих условиях акцентация внимания на национальном элементе не всегда находит адекватное понимание не только у ханьцев, учитывая их значимость в экономике как данного региона, так и СУАР КНР в целом, но и у местных кадровых работников, не склонных делиться благами с более отсталыми регионами СУАР КНР.

Не меньшее значение для возникновения подобного рода конфликтов имеет и их расширяющаяся социальная база. С началом экономических преобразований в автономном районе значительно возрастает численность маргинальных и люмпенизированных слоев населения (см.: Таблицу 4-17). При этом, учитывая характер прироста населения и усиление значимости экономических критериев оценки трудовых ресурсов, есть основания предполагать, что это увеличение происходит преимущественно за счет представителей неханьских этнических групп.

Пополняя ряды “избыточных трудовых ресурсов”, они служат социальной основой возникновения различного рода конфликтов в регионе. Трудоустроить их на промышленных предприятиях городов, как мы видели выше, не представляется возможным не только в силу низкого уровня их профессиональной подготовки, но и в силу

необходимости повышения экономической эффективности последних. Выход — включение их в категорию рабочей силы, которая может быть устроена на предприятиях за пределами региона по программе “обмена трудовыми ресурсами”. Наиболее подходящий для этих целей регион — постсоветская Центральная Азия и Казахстан, по отношению к которым в синьцзянской прессе уже сегодня ставится задача “замещения выбывающих из региона русскоязычных трудовых ресурсов трудовыми ресурсами из Синьцзяна”.³⁴

Таблица 4-16

**Изменения в ВВП и ВВП на душу населения в СУАР КНР
в региональном аспекте (1949-1997 гг.)**

		Население		ВВП		ВВП на душу населения (долларов)
		млн человек	роста в (%)	млн доллар	роста в (%)	
1949	Центральный район					
	Северный Тянь-Шань	421,3	9,72	61,0	12,74	145
	Северо-западный Синьцзян	632,2	15,05	129,0	26,95	198
	Южный Синьцзян	3 239,9	75,23	289,0	60,33	89
1955	Центральный район					
	Северный Тянь-Шань	385,0	11,45	325,0	26,4	536
	Северо-западный Синьцзян	842,7	16,47	269,0	21,85	319
	Южный Синьцзян	3 690,1	72,10	637,0	51,75	173
1978	Центральный район					
	Северный Тянь-Шань	3 125,2	25,33	2 391,0	46,32	766
	Северо-западный Синьцзян	2 630,4	21,5	915,0	17,73	345
	Южный Синьцзян	6 536,5	33,17	1 836,0	35,96	283
1990	Центральный район					
	Северный Тянь-Шань	4 187,4	27,38	14 769,0	47,6	3 527
	Северо-западный Синьцзян	3 091,1	20,21	5 020,0	16,3	1 624
	Южный Синьцзян	8 013,1	32,40	11 133,0	36,0	1 389
1997	Центральный район					
	Северный Тянь-Шань	4 427,1	25,77	55 139,0	46,49	12 439
	Северо-западный Синьцзян	3 514,9	20,46	15 345,0	13,77	4 366
	Южный Синьцзян	9 238,8	33,77	40 932,0	36,74	4 433

Примечание: Центральный район Северного Тянь-Шаня включает: города Урумчи, Карамай, Шихэцзы, Куйтунь, Санджи-Хуэйский автономный округ, уезды Усу и Савань, а также дислоцированные в этих районах подразделения СПСК; Северо-Западный Синьцзян включает: Илийский округ, пять северных уездов Тарбагатайского округа, Баротала-Монгольский автономный округ, Алтайский округ, а также дислоцированные в этих районах подразделения СПСК; Южный Синьцзян включает: Турфанский округ, Хамийский округ, Баинголэн-Монгольскую автономную область, Аксуйский округ, Кашгарский округ, Кызылсу-Киргизскую автономную область, Хотанский округ, а также дислоцированные в этих районах подразделения СПСК.

Источник: Ван Шуаньгань. Цзосян 21 шицзе ды Синьцзян. Цзинци цюань (Синьцзян идет в 21 век. Экономика). — Урумчи, 1999, с.324-325.

Таблица 4-17

Удельный вес лиц трудоспособного возраста и коэффициент их занятости в народном хозяйстве СУАР КНР (50-90-е годы) (%)

	1981	1984	1987	1989	1998
Удельный вес лиц трудоспособного возраста в общей численности населения	36,6	31,7	31,0	37,9	64,95
Коэффициент занятости лиц трудоспособного возраста в народном хозяйстве	89,1	83,7	79,7	71,7	60,1

Источники: Синьцзян тунцзи няньцзянь. 1999 (Статистический ежегодник по Синьцзяну за 1999 г.). — Урумчи, 1999, с.80; Синьцзян шэхуй цзинцзи, 1991, №6, с.89. Расчеты сделаны автором.

В КНР в целом и СУАР КНР в частности достаточно внимательно отслеживают социально-экономические и политические процессы, происходящие в Республике Казахстан, и постановка такой задачи, по-видимому, имеет под собой некоторые основания, связанные с нарастанием стагнационных экономических процессов в республике и девальвацией значимости собственного личностного фактора производительных сил. Если в начале 90-х годов синьцзянскими экономистами ставилась задача догнать Казахстан по уровню социально-экономического развития (1991 г.) в течение 10-20 лет,³⁵ то сегодня положение качественно изменилось. Первая половина 90-х годов с ее бесхозяйственностью, разрушением экономических связей, бесконтрольностью внешнеэкономических операций и т.д. позволила значительно ускорить решение этой задачи.

И хотя даже сегодня мы имеем основания говорить о более высоком статусе Казахстана (особенно в части, касающейся личностного фактора производительных сил) по сравнению с СУАР КНР, дальнейшее следование логике разрушающих отечественную экономику мероприятий в очень скором времени может изменить вектор направленности в пользу автономного района, что превратит Казахстан из равноправного торгово-экономического партнера в сырьевой придаток не только “западных демократий”, но и Китая. Особенно актуально эта проблема звучит в контексте планов

руководства Китая по ускоренному освоению Запада,³⁶ в состав которого входит и Синьцзян.

План “Большого развития Запада” и перспективы Синьцзяна

Одним из следствий развернувшихся в КНР реформ стало отставание развития центральных и западных районов от восточных и приморских, где реформы имели наибольший успех. Уже к середине 80-х годов диспропорциональность регионального развития Китая стала очевидной проблемой. Причем, проблемой не только экономической, но и политической. Руководство более развитых в экономическом отношении приморских районов Китая начало выражать явное несогласие с требованием Центра оказывать помощь менее развитым районам. Угроза регионального сепаратизма встала во весь рост.

Учитывая сложившуюся ситуацию, руководство КНР принимает решение по ускорению развития центральных и западных районов. На V пленуме ЦК КПК 14 созыва (сентябрь 1995 г.) Цзян Цзэминь подчеркивает: “Решение вопроса диспропорциональности регионального развития и поддержание сбалансированности регионального развития – стратегическая задача реформ и развития. Начиная с 9-й пятилетки, необходимо усилить внимание к экономическому развитию центральных и западных районов, постепенно пытаться переломить тенденцию постоянно углубляющихся региональных диспропорций, прилагать усилия к сокращению этого разрыва”.³⁷

Эта же мысль повторяется им в докладе XV съезду КПК (сентябрь 1997 г.),³⁸ позднее – на рабочем совещании ЦК КПК по поддержке бедных районов (июнь 1999 г.) и на встрече с делегатами III сессии ВСНП 9-го созыва от Шанхая (март 2000 г.).³⁹

Решение о “большом развитии Запада” принимается на заседании Госсовета КНР, состоявшемся 19-22 января 2000 г., и утверждается III сессией ВСНП 9-го созыва в марте 2000 г. Выступивший на пресс-конференции председатель Государственного планового комитета Цэн Пэйян подчеркнул, что в разработанный план 10-й пятилетки

включает в себя и план “большого развития Запада”. Планом предусматривается, что около 70% финансовых средств, поступающих из различных источников, будут вложены в основные фонды центральных и западных районов. Объем капитальных вложений только в 2000 г. составит 30 млрд. юаней. При этом Цэн Пэйян подчеркнул, что данный план не является какой-то очередной кампанией, а представляет собой долгосрочную государственную программу, реализация которой рассчитана не на одно поколение. Особо подчеркивалось, что “в реализации стратегии большого развития Запада ключевым звеном являются кадры. С одной стороны, необходимо ускоренно готовить местные кадры, а с другой – необходимо широко привлекать таланты из восточных районов страны и из-за рубежа. Для более эффективного использования этих талантов необходимо создать им необходимые условия для жизни и работы”.⁴⁰

План “большого развития Запада” предусматривает решение нескольких ключевых вопросов:

ускоренное создание базовых объектов, предусматривающее развитие инфраструктуры (автомобильные и железные дороги, аэропорты, электросети, связь, радио и телевидение), а также проведение ирригационных работ

ускорение строительства объектов, обеспечивающих охрану окружающей среды

активная перестройка производственной структуры, предусматривающая упорядочение структуры сельскохозяйственного производства, рациональное использование и охрану природных ресурсов, упорядочение структуры промышленности, ее реорганизацию и реконструкцию на базе применения высоких технологий и передового опыта, усиленное развитие туризма и сопутствующих ему сфер народного хозяйства

развитие науки и техники, образования, ускоренная подготовка специалистов, предусматривающая в качестве главной задачи повышение качественного уровня трудовых ресурсов региона

укрепление сил, поддерживающих реформы и политику открытости, предполагающее изменение психологии, ориентацию на рынок, оптимизацию сфер вложения капитала, развитие предприятий всех форм собственности.⁴¹

Уточненный по отношению к конкретным условиям Синьцзяна, план предусматривает:

совершенствование имеющихся автомобильных и железных дорог с доведением их до общегосударственного уровня; строительство новых магистралей, соединяющих промышленные центры СУАР с внутренними районами Китая; строительство железной дороги, соединяющей СУАР с Таджикистаном и Узбекистаном, улучшение аэропортов в Урумчи и Кашгаре, ускорение строительства аэропортов в Хотане и Карамае; прокладку волоконно-оптических и цифровых линий связи; широкомасштабные ирригационные и мелиоративные работы, предусматривающие использование водных источников севера на юге

в области защиты окружающей среды предусматривается оснащение промышленных объектов оборудованием, ограничивающем вредные выбросы; расширение “зеленых зон”, проведение мероприятий по предупреждению высыхания, засоления и эрозии плодородных почв

в сфере перестройки производственной структуры предусматривается усиленное развитие специфических для Синьцзяна сфер сельскохозяйственного производства (хлопководство, овощеводство, культивирование растений, составляющих сырье для китайской медицины, животноводство); стремительное развитие нефтегазовой отрасли, ускорение развития специфической для СУАР промышленности (текстильная, добыча золота и меди, виноделие); развитие туристического бизнеса

в области науки и образования предусматривается расширение опытно-конструкторских и технологических разработок на промышленных предприятиях и в сельском хозяйстве; формирование развитой системы научных учреждений; широкая подготовка специалистов из числа национальных меньшинств, углубление реформы

образования с упорядочением специализации учебных заведений и учебных программ; расширение процесса урбанизации.⁴²

В числе приоритетных на 10-ю пятилетку в СУАР выделено 30 объектов: ирригационных — 7; сельскохозяйственных — 1; энергетики — 5; градостроительных — 2; нефте- и газопереработки — 3; промышленных и транспортных — 12. Расчетная сумма капиталовложений на эти объекты составит 70 млрд. юаней, из которых в 2000 г. поступит более 25 млрд. юаней, в том числе свыше 60% из государственных фондов.⁴³

Цифры впечатляющие и сопоставимые с объемом пятилетнего бюджета всего автономного района на сегодняшний день. Понятно, что в самом автономном районе таких денег просто нет, и вполне естественно, что основная нагрузка по реализации плана “большого развития Запада” ляжет на государственный бюджет.

Больше тревожит другое, собственными силами, даже при наличии в достаточном количестве финансовых средств, СУАР эти задачи не решить. На сегодняшний день, несмотря на имеющиеся место существенные изменения в автономном районе, в силу низкого культурно-профессионального уровня его населения, низкого уровня образования, структуры трудовых ресурсов, менталитета населяющих СУАР этнических групп и т.д., к решению столь грандиозных задач он просто не готов.

Это в полной мере осознается и разработчиками плана “большого развития Запада”.⁴⁴ Именно поэтому в качестве главной составляющей части решения поставленных в нем задач встает вопрос о необходимости привлечения в регион дополнительных трудовых ресурсов из восточных районов Китая, не только обладающих более высокой квалификацией, но что важнее — совершенно иным менталитетом, в основе которого лежит не принцип коллективизма или упование на помощь государства и ожидание “манны небесной”, а стремление реализовать свои индивидуальные возможности.

Сколь много в количественном отношении потребуется этих “талантов” и каким образом сложатся их взаимоотношения

с местным населением региона покажет время, но то, что это приведет к существенному изменению этносоциальной структуры региона у нас не вызывает сомнений. Так же, как не вызывает сомнений и то, что вновь прибывшие будут мириться с проявлениями этнического сепаратизма в регионе. На смену выбывающим сегодня из автономного района кадрам, прожившим здесь не одно десятилетие, в значительной степени освоивших местную культуру и традиции, терпимо относящихся к местным этническим группам, придет новая генерация кадров, для которых принцип толерантности и политической целесообразности имеет второстепенное значение, а первостепенную роль играет принцип экономической и политической необходимости. Вывод из этого, думается, очевиден и не требует дополнительных комментариев.

Этнодемографические процессы в современном Синьцзяне

Синьцзян-Уйгурский автономный район является одним из наиболее многонациональных районов Китая. По официальным данным четвертой всекитайской переписи населения, проведенной в 1990 г., на территории района проживали представители 48 национальностей, исключая лиц, чья национальная принадлежность не была точно установлена, а также иностранцев, принявших китайское гражданство.

Однако несмотря на такое этнические многообразие, многие этнические группы представлены в данном регионе незначительно и составляют лишь малую часть их общего количества в КНР. Исключая представителей ханьской национальности, большую часть остального населения (99,19%) составляют представители 11 национальностей, которые также представлены в населении региона по-разному (см.: Таблицу 4-18).

Таблица 4-18

Численность и удельный вес основных национальностей,
проживающих на территории СУАР КНР (1982-1990 гг.)

Этносоциальные группы	Численность на начало 1990 года [чис. чел.]	Удельный вес населения СУАР [%]	Удельный вес в общей численности этносоциальных групп населения, проживающих в СВР [%]
Население СУАР	14 987,2		
В том числе:			
ханьцы	5 647,2	40,41 ± 37,7	0,56 ± 0,54
уйгуры	7 093,8	45,48 ± 47,3	99,77 ± 98,33
казахи	1 114,2	6,91 ± 7,4	99,54 ± 100,00
тунгусы	674,6	4,36 ± 4,5	7,90 ± 7,84
монголы	199,7	0,90 ± 0,93	3,44 ± 2,91
корейцы	141,3	0,86 ± 0,94	99,64 ± 99,82
сиби	33,5	0,21 ± 0,22	32,70 ± 19,38
таджики	33,7	0,20 ± 0,23	99,36 ± 100,00
узбеки	11,2	0,10 ± 0,08	99,90 ± 77,23
кыргы	3,5	0,03 ± 0,04	4,64 ± 4,33
таатары	3,9	0,03 ± 0,03	99,60 ± 80,03
кызылорцы	16,2	0,06 ± 0,11	0,19 ± 0,17
русские	7,3	0,02 ± 0,05	91,26 ± 54,06
прочие	63,1	0,47	

Примечание: В числителе данные за 1982 г., в знаменателе — за 1990 г.

Источники: Сыроежкин К. Этносоциальный фактор развития Синьцзяна. — Проблемы Дальнего Востока, 1990, №2; Синьцзян няньцзянь. 1991 (Ежегодник по Синьцзяну за 1991 г.). — Урумчи, 1991, с.55; Гунжэнь жибао, 14.11.1990; Жэньминь жибао, 7.11.1990.

Данные, приведенные в таблице, позволяют сделать вывод, что, во-первых, из двенадцати крупнейших этнических групп Синьцзяна только семь составляют большинство данного этноса, проживающего на территории КНР, а остальные представлены в Синьцзяне незначительно. Во-вторых, термин “коренные национальности Синьцзяна” даже в отношении этих семи этносов применим достаточно условно, и может быть отнесен лишь к трем из них: уйгурам, казахам и таджикам, да и то только в контексте оценки доли данного этноса в Синьцзяне от его численности в Китае.

Сравнение динамики изменения демографической ситуации в Синьцзяне (см.: Таблицу 4-19) позволяет прийти к еще одному не менее значимому для разбираемого в данной работе вопроса выводу. В 50-е — 70-е годы она менялась преимущественно под влиянием механического прироста населения, внося новые аспекты в характер социально-экономического и политического развития региона вообще и межнациональных отношений в

частности. Китайские этнографы выделяют несколько этапов изменения этнической ситуации в регионе.⁴⁵ Первый этап охватывает период 1949-1961 гг.; второй – 1962-1963 гг.; третий – 1964-1980 гг.; четвертый – 1981-1989 гг., пятый – 1990-1993 гг. Каждый из этих этапов имел собственные характерные черты, оказывая специфическое влияние не только на этносоциальные процессы в регионе, но и на особенности его этнического и социально-экономического развития.

Для первого этапа был характерен рост населения региона преимущественно за счет механического прироста. За 12 лет население здесь выросло практически вдвое, причем из 2.677 тыс. прироста на долю механического пришлось 1.877 человек, или 67,84%. Достаточно специфична и социальная структура мигрантов. Первая категория была представлена военнотрудовыми подразделениями НОАК, участвующих в освобождении Синьцзяна (193 тыс. человек), а также рабочими и служащими образованного в 1953 г. Синьцзянского производственно-строительного корпуса (175 тыс. человек).

Вторая – молодежью, направляемой “на освоение пограничных земель”. В 1958 г. ЦК КПК принял решение о плановом переселении в Синьцзян двух миллионов молодых людей из провинций Цзянсу, Хубэй, Хунань, Аньхой. Реально за этот период было переселено 255,7 тыс. человек, а с учетом членов семей – 302,5 тыс. человек.

Таблица 4-19

Этническая структура населения СУАР КНР в 1949-2000 гг. (тыс. чел.)

Этнос	1949	1957	1965	1979	1990	1995	2000
Всего население	4333	5580	7391	11340	15291,6	16613,5	17915,5
в том числе:							
ханьцы	1291	1867	4113	3641	7249,3	7800,0	8236,7
уйгуры	44	311	329	308	1119,2	1237,7	1277,3
казахи	136	167	288	348	688,9	776	811,0
туцзунцы		336	178	111	141,8	151,8	136,9
монголы		667	471	106	144,4	137,8	139,6
ацхарцы	11	13	18	36	14,2	18,2	19,2
сибы	14	16	17	39	14,4	18,2	19,6
таджикцы	11	11	7	74	11,4	11,2	11,2
узбеки	1	1	1	4	3,6	6,2	6,4
кыргызы	6	4	1	12	4	4,7	4,7
татары			11	14,3	16,6	19,9	21,1
казахстанцы		10	60,9	0,6	7,3	9,0	10,6
русские							

Источники: Синьцзян вэйуэр цычжищюй гайкуан. (Общие сведения о Синьцзяне). – Урумчи, 1985, с.10; Синьцзян няньцзянь. 2001 (Ежегодник по Синьцзяну за 2001 г.). – Урумчи, 2001, с.10; Синьцзян туцзи няньцзянь. 1999 (Статистический ежегодник по Синьцзяну за 1999 г.). – Урумчи, 1999, с.57, 59; Чжунго 1982 нянь жэнькоу пуча цзыляо. (Материалы переписи населения КНР в 1982 г.). – Пекин, 1986, с.218-231; Цзуго – Гонконг, 1969, №69, с.2-4; The Kazaks of China. Essays on an Ethnic Minority. – Stockholm, 1986, p.30.

Третью категорию составляли так называемые “свободные мигранты”. По данным миграционной службы, их численность за период 1958-1961 гг. составляла 861,4 тыс. человек, однако на постоянное место жительства в Синьцзяне осели порядка 200-250 тыс. человек.

Наконец, последнюю категорию составляли лица, “организованно” переселенные в Синьцзян. Эта категория была представлена выпускниками учебных заведений, кадровыми работниками, техническими специалистами, незамужними женщинами, интеллигенцией, осужденной в период кампании “борьбы с левыми”, уголовными элементами, отправляемыми на перевоспитание и т.д. Их численность в источнике не уточняется, однако простой арифметический расчет показывает, что она составляла более миллиона человек.

Второй период характеризовался резким сокращением притока мигрантов в Синьцзян и даже отрицательным

сальдо миграции. За два года за счет механического прироста численность населения региона увеличилась только на 69 тыс. человек, в то время как в 1962 г. Синьцзян покинуло 194,6 тыс. человек. Столь значительное сокращение потока мигрантов объяснялось несколькими обстоятельствами. Во-первых, значительное ухудшение социально-экономической ситуации в КНР и перегибы в осуществлении национальной политики привели к увеличению потока беженцев. В 1962 г. более 60 тыс. уйгуров, казахов и дунган перешли границу с СССР и остались здесь на постоянное место жительства. Во-вторых, этот период истории КНР приходится на так называемое “урегулирование”, когда казалось, что руководство Китая возвращается к здравому смыслу, а с экономическим и политическим волюнтаризмом покончено. Квалифицированные специалисты, направляемые в Синьцзян по “организационному набору” оказались востребованными на предприятиях внутри страны, что и привело к их выезду из региона. Однако, как показало дальнейшее развитие КНР, этот период был достаточно краткосрочным, и надеждам о возвращении в русло нормального экономического развития не суждено было оправдаться.

За 17 лет следующего этапа население СУАР увеличилось на 5.390,6 тыс. человек, в том числе за счет внешней миграции – на 1.499 тыс. человек, или на 27,8%. Социально вновь прибывшие были представлены несколькими категориями: молодежью из Шанхая, Пекина, Тяньцзиня, Уханя, провинций Цзянсу и Чжэцзян, пополнившей подразделения СПСК; демобилизованными военнослужащими и незамужними женщинами, призванными решить проблему семьи и брака; “свободными мигрантами”, прибывающими в СУАР в поисках лучшей жизни; “спецпереселенцами”, направляемыми в этот регион для перевоспитания.

Характерной чертой следующего этапа являлось отрицательное сальдо миграции. За этот период регион покинуло 871 тыс., а прибыло в него только 625,3 тыс. человек. Объяснялось это изменением внутривнутриполитического курса китайского руководства. В Китае начались экономические и политические преобразования, с

которыми связывались и соответствующие социальные ожидания. Стремясь не оказаться в положении поколения, упустившего свой шанс, молодежь Синьцзяна стремительно двинулась в те регионы страны, где эти преобразования реально начали проводиться в жизнь. И это не могло не сказаться на перспективе социально-экономического развития региона, поскольку, как правило, выезжали лучшие специалисты, но об этом чуть позже.

Наконец, пятый этап, по вполне понятным причинам ограничиваемый китайскими авторами 1990-1993 гг. (сам источник опубликован в 1996 г.), но фактически продолжавшийся все десятилетие 90-х годов, характеризуется относительно устойчивой динамикой миграционных процессов. Не наблюдается резкого увеличения как притока мигрантов, так и выезда из региона. Прирост населения Синьцзяна происходит естественным путем, причем главным образом за счет увеличения доли неханьских этнических групп. Вызвано это опять же политическими и экономическими причинами. Что касается политических, то здесь прежде всего необходимо отметить определенную степень либерализации в вопросах национальной и религиозной политики, распространение принципов новой экономической политики на все регионы КНР, предоставление автономиям возможностей самостоятельно устанавливать экономические контакты с зарубежными странами. Что касается экономических — это расширение возможностей самореализации, начало экономического подъема в СУАР, политика льгот и преференций, осуществляемая центром в отношении национальных районов КНР, новые возможности, открываемые политикой “открытых дверей”.

Все это так, и я во многом согласен с китайскими авторами в их оценках миграционных и демографических процессов в Синьцзяне. Однако в плане исследуемого вопроса нас интересует другое: какое влияние оказали эти процессы на перспективу социально-экономического развития Синьцзяна, проблему этнической конкуренции, характер межэтнических отношений, социально-политическую стабильность, наконец, региональную безопасность.

Первое, что обращает на себя внимание, в результате проведенных в 50-е – 70-е годы миграционных мероприятий уже к концу 70-х годов этнодемографическая ситуация в СУАР качественно изменилась; задача “достижения паритета между ханьским и тюркоговорящим населением региона” была решена (см.: Таблицу 4-19), а сам Синьцзян интегрирован в КНР и осуществляемую центром политику социально-экономических и политических реформ настолько, что он более, чем когда бы то ни было в истории, стал представлять собой действительно “неотъемлемую часть территории Китая”.

Во-вторых, их результатом стало не только изменение этносоциальной структуры населения региона, но и регионально-демографической ситуации в нем (см.: Таблицу 4-20). Причем, учитывая особенности и характер миграции, а также специфику естественного прироста населения среди тюркоговорящих народов, можно утверждать, что регионально-демографические изменения произошли, главным образом, за счет “вливаний” ханьцев в стратегически значимые (с позиции национальной безопасности) регионы СУАР КНР. Данное обстоятельство приходится учитывать не только при рассмотрении современных демографических, социально-экономических и политических процессов в СУАР КНР, но и при анализе вопросов региональной безопасности.

Таблица 4-20

Районно-демографическая ситуация в Синьцзяне в 1949-1999 гг.

Год	Весь Синьцзян		Западный Синьцзян		Южный Синьцзян		Восточный Синьцзян	
	Население (тыс чел)	Население (тыс чел)	Доля (%)	Население (тыс чел)	Доля (%)	Население (тыс чел)	Доля (%)	
1949	4 333,4	1 104,2	25,5	3 047,3	70,3	181,9	4,2	
1982	13 081,6	6 203,7	47,4	6 090,7	46,6	787,3	6,02	
1989	14 341,4	6 818,6	46,9	6 833,0	47,1	870,0	5,98	
1992	15 341,4	7 218,4	46,5	7 412,1	47,7	910,9	5,86	
1994	16 327,1	7 608,2	46,6	7 663,1	46,94	993,3	5,75	
1996	16 892,9	7 813,0	46,3	7 944,5	47,1	993,2	5,88	
1999	17 730,0	8 305,9	46,8	8 413,6	47,4	1 090,5	5,81	

Источники: Синьцзян няньцзянь. 1993 (Ежегодник по Синьцзяну за 1993 г.). – Урумчи, 1993, с.42-44; Синьцзян няньцзянь. 1995 (Ежегодник по Синьцзяну за 1995 г.). – Урумчи, 1995, с.53-54; Синьцзян няньцзянь. 1997 (Ежегодник по Синьцзяну за 1997 г.). – Урумчи, 1997, с.9-10; Синьцзян няньцзянь. 2000 (Ежегодник по Синьцзяну за 2000 г.). – Урумчи, 2000, с.14-15; Синьцзян тунцзи няньцзянь. 1990 (Статистический ежегодник по Синьцзяну за 1990 г.). – Пекин, 1990, с.89-91; Чжунго 1982 нянь жэнькоу пуча цзыляо (Материалы переписи населения КНР в 1982 г.). – Пекин, 1986, с.1-5; Синьцзян шэхуй кэсюэ, 1990, №3, с.118.

Преимущественно дунгано-ханьский Север и сегодня продолжает оставаться главным производителем совокупного общественного продукта (в стоимостном выражении), основным промышленным и научно-технологическим центром, отдельные регионы которого в пределах автономного района обладают либо инациональной (казахской и монгольской) автономией, либо статусом городов районного (уйгурская автономия) подчинения. В этих условиях акцентация внимания на национальном элементе не всегда находит адекватное понимание как у обладающих автономией этносов, так и в особенности у ханьцев, учитывая их значимость в экономике не только данного региона, но и СУАР КНР в целом, с одной стороны, а с другой – специфику этнодемографической ситуации в сегодняшнем Синьцзяне.

В-третьих, произошел стремительный рост городского населения региона и изменение его этнического состава. Если в середине 1953 г. численность городского населения определялась цифрой в 731 тыс. человек, составляя 15% населения Синьцзяна, а этнически городское население было представлено преимущественно тюркоговорящими этническими группами, то уже к началу 80-х годов положение существенно изменилось. При трехкратном росте населения городов региона (2.615 тыс.) его удельный вес вырос до 20%, а представлено оно было преимущественно ханьской этнической группой. Эти же тенденции наблюдались и в 80-е – 90-е годы. К концу 1999 г. численность городского населения СУАР выросла до 5.944,9 тыс. человек, а показатель урбанизации Синьцзяна поднялся до 33,5%.⁴⁶ Что касается этнического состава городского населения района, то, исключая города Кульджа, Кашгар,

Турфан, Артуш и Хотан, в остальных оно представлено в основном ханьской этнической группой (см.: Таблицу 4-21).

Динамика происходящих в среде городского населения процессов и определяет в настоящее время не только социально-экономическую, но и политическую ситуацию в регионе. Прежде всего речь о наиболее болезненной для народов региона проблеме – “планировании рождаемости”. С 1976 г. в автономном районе начинают осуществляться мероприятия по планированию рождаемости среди ханьского населения, что приводит к сокращению его естественного прироста и удельного веса в населении автономного района. Введение в 1983 г. аналогичных мероприятий в отношении неханьских народов вызвало противодействие с их стороны, что послужило поводом для их отмены. Вновь Народное правительство СУАР КНР к этому вопросу вернулось только в апреле 1988 г.

Таблица 4-21

Динамика национального состава городского населения СУАР КНР в 1982-1999 гг. (%)

	1982 г			1987 г			1999 г.		
	Ханьцы	Уйгуры	Другие этносы	Ханьцы	Уйгуры	Другие этносы	Ханьцы	Уйгуры	Другие этносы
Урумчи	80,3	11,32	8,18	74,11	11,82	14,07	76,0	13,4	10,6
Каракачи	78,85	14,04	7,11	76,98			77,6	13,9	8,5
Шамшеры	96,18			96,2			95,0	1,1	3,9
Хачи	81,77	11,88	6,35	66,0	26,0	8,0	70,1	22,5	7,4
Кыюкча	32,98	51,42	15,6	32,3	32,1	15,6	38,0	43,8	16,2
Куньинь	96,12	0,2	3,68				95,1	0,4	4,5
Корла	65,9	30,16	3,94	63,28	33,93	2,85	67,2	28,5	4,3
Кашгар	15,41	83,8	0,76	24,32	74,62	1,06	18,0	81,1	0,9
Турпан*	23,55	68,98	7,47	21,3	71,2	7,5	20,4	71,6	8,0
Самаркан*	77,75	6,32	15,73	76,2	3,1	20,7	76,8	3,3	19,9
Актю*	36,04	41,38	2,38	33,06	43,76	1,18	39,2	39,4	1,4
Артуш*	6,64	80,98	12,38	6,5	81,29	12,21	6,9	81,6	11,5
Хотан*	23,67	75,37	0,96	15,3	84,0	0,7	16,7	82,8	0,5
Чугучак*	66,78	10,1	23,12	77,0	3,3	19,7	63,1	3,4	33,5
Амэй*	71,04		18,38**	62,55		35,44**	61,4	2,3	31,5**
Борутана*	65,8	19,7	14,5				66,6	16,2	17,2

Примечание: * города СУАР, получившие статус города после 1982 г.;

** доля представителей казахской национальности.

Источники: Синьцзян вэйуэр цзычжи шой дисаньцы жэнькоу пуча шоугун хуйцзун цзыляо хуйбянь (Сборник материалов 4-й переписи населения Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР) — Урумчи, 1983, с.562-697; Синьцзян тунцзи няньцзянь. 1990 (Статистический ежегодник по Синьцзяну за 1990 г.). — Пекин, 1990, с.95-100; Синьцзян няньцзянь. 2000 (Ежегодник по Синьцзяну за 2000 г.). — Урумчи, 2000, с.14-15.

“Временное постановление о планировании деторождения среди национальных меньшинств”, вступившее в силу с 1 июля 1988 г. требовало, чтобы проживающие в городах и уездных центрах супруги имели не более двух детей, а семья в сельской местности и животноводческих районах — не более трех. В некоторых случаях допускалось рождение еще одного ребенка, и исключительные права предоставлялись этносам, чья численность в пределах КНР не превышала 50 тыс. человек.⁴⁷

Однако ожидаемого ограничения рождаемости не произошло. Более того, данные последних лет свидетельствуют об обратной тенденции как среди ханьского населения автономного района, так и в особенности среди неханьских этнических групп (см.: Таблицы 4-22 — 4-23).

С точки зрения формальной логики, попытка ограничить рост населения в Китае вполне объяснима. Так же как вполне объяснима и жесткая увязка программы осуществления “четырёх модернизаций” с программой сдерживания прироста населения. Однако как с экономической, так и с нравственной точек зрения распространение на национальные меньшинства программы ограничения рождаемости порождало больше проблем, нежели путей их решения.

Заложенные в программе осуществления “четырёх модернизаций” принципы, связанные с расширением экономической самостоятельности отдельного крестьянского двора, функционирующего в условиях экстенсивного ведения хозяйства, требовали постоянного увеличения числа работников, и хозяйство, где они имелись в избытке, быстрее других двигалось по пути “первоначального обогащения”. Этот простой житейский расчет и ограничивал возможности по реализации программы по ограничению рождаемости, особенно в сельской местности.

Кроме того, программа “планирования рождаемости” не учитывала национальные особенности неханьских народов Синьцзяна, связанные с наличием многодетных семей и ранними браками.

При этом всякая попытка насильственного осуществления “планирования рождаемости” среди национальных меньшинств автоматически вызвала требования ограничения притока мигрантов, преимущественно ханьцев в автономный район, что не только усиливало социальную и межэтническую напряженность в регионе, но и вступало в противоречие с потребностями его экономического развития.

Наконец, принятие данного постановления, даже при условии его выполнения, не могло решить проблем демографической ситуации в регионе. В ближайшие 10-20 лет СУАР ожидает новый демографический взрыв. Данные официальной статистики за 1998 г. свидетельствуют, что доля молодежи (10-29 лет) в СУАР составляет 40%, и, несмотря на возрастные ограничения “Закона о браке в КНР”, более 50% из них, особенно из числа национальных меньшинств, уже к 18 годам состоят в браке.⁴⁸

Таблица 4-22

Естественный прирост городского и сельского населения в СУАР КНР в 1980-2000 гг. (%о)

Год	В целом по району			Городское население			Сельское население		
	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост
1957	31,48	14,00	17,48	32,73	6,13	26,60	31,37	14,68	16,69
1965	41,65	11,08	30,57	42,31	3,85	38,46	41,38	11,70	29,68
1970	36,63	8,17	28,46	38,23	3,16	35,07	36,45	8,51	27,94
1975	33,10	8,74	24,36	26,60	3,19	23,41	34,08	9,28	24,80
1980	21,28	7,62	13,66	12,98	3,77	9,21	23,33	8,37	14,96
1985	19,80	6,39	13,41	12,81	3,71	9,10	22,89	7,38	15,51
1990	26,41	7,81	18,60	13,20	4,13	11,07	29,71	8,81	20,90
1995	18,90	6,45	12,45	11,60	3,35	8,25	22,46	7,86	14,60
1998	19,74	6,93	12,81	16,09	3,27	10,82	21,99	7,94	14,05
1999	18,76	6,96	11,80						
2000	14,14		9,61						

Источники: Синьцзян няньцзянь. 2000 (Ежегодник по Синьцзяну за 2000 г.). – Урумчи, 2000, с. 354; Синьцзян няньцзянь. 2001 (Ежегодник по Синьцзяну за 2001 г.). – Урумчи, 2001, с. 316; Синьцзян тунцзи няньцзянь. 1999 (Статистический ежегодник по Синьцзяну за 1999 г.). – Пекин, 1999, с.58.

Таблица 4-23

Естественный прирост ханьского и неханьского населения в СУАР КНР в 1980-1998 гг. (%)

Год	В целом по району			Ханьские таслетте			Неханьские таслетте		
	Рождае-мость	Смерт-ность	Естест-прирост	Рождае-мость	Смерт-ность	Естест-прирост	Рождае-мость	Смерт-ность	Естест-прирост
1980	21,28	13,28	2,72	10,56	26,49	11,09	15,39
1982	21,16	12,92	2,71	10,21	26,82	9,36	17,46
1983	19,31	9,39	2,81	6,78	25,89	9,79	16,10
1985	19,80	6,99	13,48	9,32	2,82	6,30	26,65	8,73	17,92
1987	21,05	3,96	15,07	12,70	2,91	9,79	26,30	7,89	18,41
1988	19,72	3,90	13,73	12,32	3,09	9,48	24,22	5,80	16,42
1989	21,15	3,77	15,38	14,35	3,21	11,14	25,35	7,35	18,00
1998	19,74	6,95	12,81	14,60	4,95	9,65	22,94	8,16	14,78

Примечание: Данных официальной статистики за период 1990-1997 гг. нет.

Источники: Синьцзян тунци няньцзянь. 1990 (Статистический ежегодник по Синьцзяну за 1990 г.) – Пекин, 1990, с.5; Синьцзян тунци няньцзянь. 1999 (Статистический ежегодник по Синьцзяну за 1999 г.) – Урумчи, 1999, с.74; Чжунго жэнькоу няньцзянь. 1986 (Демографический ежегодник по Китаю за 1986 г.). – Пекин, 1986, с.298-300.

И по самым осторожным расчетам синьцзянских демографов, население Синьцзяна к 2030 г. возрастет до 24,1 – 30,1 млн. человек, а согласно завышенному прогнозу – до 33,5 – 40,6 млн. человек.⁴⁹ Причем, как подчеркивают авторы, эти прогнозы строятся на предположении, что уровень внешней миграции останется незначительным.

Однако при оценке этих цифр возникает несколько вполне закономерных вопросов. Простые расчеты показывают, что при сохранении темпов естественного прироста ханьского и неханьского населения региона на сегодняшнем уровне к 2030 г. их численность возрастет соответственно на 2,082 тыс. и 5,076 тыс. человек. Другими словами, общая численность населения СУАР КНР приблизится к нижнему прогнозируемому порогу. Следовательно, во всех других прогнозах закладывается резкий скачек механического прироста населения, который может произойти исключительно за счет “вливаний” ханьцев из внутренних районов Китая. А в этом случае удельный вес ханьцев в населении автономного района не упадет, как следует из первого прогноза, с 38,6% в 1998 г. до 35,8% в 2030 г., а

увеличится до 47,5-61,1%. Что это означает для автономного района, думается, объяснять нет необходимости.

То, что ситуация будет развиваться именно в этом направлении у нас не вызывает сомнений, поскольку программа “большого развития Запада” иного пути для Синьцзяна не оставляет. Если посмотреть на основу, на которой строятся прогнозы развития демографической ситуации в регионе, то обращает на себя внимание факт жесткой увязки прироста населения с ростом экономически активного населения и трудовых ресурсов. По-иному и быть не должно, поскольку уже сегодня Синьцзян сталкивается с проблемой нехватки квалифицированных трудовых ресурсов, с одной стороны и с проблемой старения населения – с другой.

Самые оптимистичные расчеты китайских демографов показывают, что к 2012 г. лица старше 65 лет составят 7,1%, а к 2032 г. – 8,9% общей численности населения региона.⁵⁰ Меньшие оптимисты утверждают, что уже к 2010 г. лица старше 65 лет составят 8,2-10% общей численности населения региона, а к 2030 г. – 14,5%.⁵¹ Даже при самых оптимистичных прогнозах, эти цифры показывают, что проблему поддержания на необходимом, хотя бы количественном, уровне численности экономически активного населения и трудовых ресурсов Синьцзяну самостоятельно не решить (см.: Таблицу 4-24). Поскольку представленные в таблице расчеты делались без учета планов социально-экономического развития Синьцзяна, намеченных в концепции “большого развития Запада”, с большой долей вероятности можно предположить, что в случае успешной реализации этих планов даже максимальный прогноз может оказаться существенно заниженным. Отказ же от этих планов во имя сохранения существующей этнической композиции в регионе приведет к еще большему социально-экономическому отставанию Синьцзяна, что не входит в планы ни китайского руководства, ни населяющих регион этнических групп.

Другой вопрос, каким образом можно минимизировать численность будущих мигрантов и пагубные последствия массовой миграции для сохранения регионом своей культурно-

национальной идентичности. Ответ на первую часть вопроса прост. Расчеты китайских экономистов показывают, что для поддержания нынешнего уровня развития темпы прироста населения и темпы роста национального дохода в регионе в ближайшие двадцать лет должны соотноситься как 1:6,2,⁵² что предполагает существенное укрепление научно- и технокоемкого производства, повышение качественного состояния трудовых ресурсов и активизацию деятельности научно-технических специалистов. Ответ на вторую часть вопроса находится за пределами чистой экономики; он состоит в способности центрального и регионального руководства найти ту концептуальную идею, вокруг которой было бы возможно сплочение различных этнических групп, населяющих регион. Пока с сожалением приходится констатировать, что такой концептуальной идеи не найдено.

Вторая проблема, интересующая нас в аспекте рассматриваемой темы, связана с наметившейся тенденцией реэмиграции. Как мы видели, за эти годы в Синьцзян было переселено более 3 млн. человек, и в структуре современного населения СУАР КНР (особенно городского) 1/3 составляют либо сами мигранты, либо их потомки. Более того, подавляющая часть квалифицированных работников, занятых в науке и технике, образовании и культуре, здравоохранении и промышленности СУАР являются прибывшими в 50-е — 70-е годы мигрантами,⁵³ настроения в среде которых во многом определяют не только демографическую, но и социально-экономическую, политическую, национальную ситуацию в регионе.

Таблица 4-24

Прогноз развития демографической ситуации и необходимой численности трудовых ресурсов в СУАР КНР в 2000-2030 гг.

(тыс. человек)

Год	Минимальный прогноз			Максимальный прогноз		
	Оптимальная численность трудовых ресурсов	Земельная численность сельскохозяйственных земель	Потребный в группах ресурсов	Оптимальная численность трудовых ресурсов	Земельная численность сельскохозяйственных земель	Потребный в группах ресурсов
1995	16 777	16 294	8 219,3	19 905	17 155	8 512,2
2000	18 126	17 725	8 890,9	21 561	20 007	9 505,5
2005	19 999	19 395	9 719,2	22 104	21 933	11 130,0
2010	20 913	21 297	10 660,4	24 172	24 032	12 344,0
2015	23 482	22 386	11 498,0	26 475	25 540	12 555,0
2020	24 980	24 371	12 611,0	28 304	27 002	14 190,0
2025	25 617	26 163	13 331,0	30 732	29 135	14 936,0
2030	28 428	28 050	14 070,0	33 414	32 339	15 372,0

Источник: Ян Чжэн, Тун Юйфэнь, Юань Синь. Синьцзян жэнькоу шэнцзи цяньи яньцзю. (Исследование по внутренней и внешней миграции населения Синьцзяна). – Урумчи, 1996, с.36-41.

Именно эта категория населения определяла характерные черты миграционных процессов в Синьцзяне в 80-е – 90-е годы, когда на смену притоку мигрантов в регион пришло увеличение потока реэмигрантов. И мы не случайно говорим о ее влиянии на демографическую и социально-политическую ситуацию именно городов. Из покинувших Синьцзян 53,9% были городскими жителями, 23,49% жили в поселках и лишь 22,61% являлись сельскими жителями.⁵⁴ Анализ данных по миграционным процессам в СУАР КНР в эти годы показывает, что уезжали наиболее квалифицированные и трудоспособные кадры, потеря которых не восполнялась ни за счет внутренних, ни за счет внешних источников.

Более того, им на смену прибывали “летуны” из числа избыточных трудовых ресурсов Восточного Китая и местные сельские жители, которые в силу своей профессиональной подготовки и общеобразовательного уровня пополняли сферы народного хозяйства, связанные с торговлей,⁵⁵ что не только не способствовало качественному улучшению социальной структуры городского населения региона, но и обостряло социально-экономическую, политическую, криминальную

ситуацию в городах. Как показывают данные статистики, 88,21% прибывших в СУАР в эти годы мигрантов являлись выходцами из деревни, 5,02% до этого жили в поселках и только 6,77% – в городах. Прибыв в Синьцзян, 52,25% обосновались на жительство в городах, 14,58% – в поселках, 33,17% – в сельской местности.⁵⁶

Третья проблема связана с тенденциями, начавшими определять динамику изменений этнической структуры населения автономного района. При абсолютном росте численности всех этнических групп (исключая узбеков) их удельный вес в населении региона значительно изменился. Отчетливо наметилась тенденция к выезду из автономного района узбеков, татар, русских и даже уйгуров. Обратная тенденция наблюдалась в среде казахов, киргизов и таджиков. Подобная ситуация объясняется, с одной стороны, образовательным и культурным уровнем отдельных этнических групп, и их способностью конкурировать на рынке рабочей силы внутренних и приморских районов Китая, а также зарубежных государств. А с другой – историческими традициями, стремлением воссоединения с родственниками; наконец, становящейся все более отчетливой тенденцией концентрации этносов в пределах “национально принадлежащих” территорий.

В конце 80-х годов наблюдалась тенденция сокращения удельного веса ханьцев в населении почти всех регионов Северного Синьцзяна и устойчивого увеличения удельного веса этносов, осуществляющих районно-национальную автономию, а также малочисленных этнических групп. Особенно отчетливо данная тенденция проявлялась в изменении этнической структуры населения городов и районов наибольшей концентрации той или иной этнической группы. Отчасти это объяснялось особенностями естественного прироста населения в СУАР, политикой “восстановления подлинной национальности”, пропагандируемой в 80-е годы, а отчасти – экономической основой миграционных процессов среди неханьских этнических групп автономного района.⁵⁷

В этом контексте существенный интерес при анализе демографических процессов, имеющих место в СУАР КНР

в 80-е — 90-е годы, представляют еще два обстоятельства. Первое, миграция уйгуров из автономных национальных единиц, находящихся в пределах крупных административных районов с преимущественно уйгурским населением. Как правило, эта категория мигрантов пополняла городское население этих районов, оставляя “осуществляющим районно-национальную автономию” более мелким этническим группам право “самостоятельно управлять внутренними делами своего этноса”, в том числе и решать социально-экономические задачи в соответствии с принципом “опоры на собственные силы”.

Второе, специфика миграционных процессов среди ханьского этноса, где можно выделить несколько тенденций:

(1) значительный отток из автономного района мигрантов 50-70 годов и их потомков, составляющих, как уже говорилось, наиболее квалифицированную часть трудовых ресурсов региона и сосредоточенных главным образом в промышленных центрах Северного Синьцзяна и городах;

(2) замена этих “ветеранов освоения Синьцзяна” “летунами” из числа избыточных трудовых ресурсов Восточного Китая, военнослужащими НОАК и незначительной частью прибывающих в СУАР по приглашению правительства автономного района специалистов, не имеющих опыта проживания в иноэтнической среде и не отягощенных пониманием необходимости учета национальной специфики региона;

(3) концентрация вновь прибывающих переселенцев, исключая специалистов, преимущественно в сельской местности с выделением им земельных участков для ведения хозяйственной деятельности в рамках “отдельного крестьянского двора” с целью решения вопросов “самостоятельного обеспечения продовольствием” и “укрепления экономики регионов”;

(4) усиленное освоение ханьцами регионов Южного Синьцзяна и пограничных районов на севере и западе, что отчасти может быть объяснено экономической потребностью повышения статуса Южного Синьцзяна в народнохозяйственном

производстве автономного района, а отчасти – необходимостью противодействия тенденциям сепаратизма и разлагающего воздействия внешней пропаганды;

(5) попытки проникновения ханьцев и граждан КНР иной этнической принадлежности в страны СНГ и через их территорию – в Западную Европу, США и Тайвань.

Все эти процессы, не меняя существенно этнической структуры населения региона (см.: Таблица. 4-19), тем не менее оказывали заметное влияние не только на его социально-экономическое развитие, но и на политическую ситуацию в нем, приводя в действие механизмы интенсификации деятельности маргинальных и люмпенизированных слоев населения, идейно консолидирующихся на религиозной и националистической основах.

Таким образом, демографическая ситуация в СУАР в совокупности с ее влиянием на перспективы социально-экономического и политического развития региона попадает в своеобразный порочный круг: с одной стороны, старение населения региона и усиление реэмиграционных процессов ведут к снижению качественного состояния личностного фактора производительных сил и сокращению их численности, а задачи экономического и социального развития региона требуют обратного. Планы экономического развития предусматривают сдерживание темпов прироста населения и строгое их соответствие темпам экономического роста, а перспектива старения населения, реэмиграционные процессы, наконец, логика экономических реформ – увеличения притока трудовых ресурсов извне и их пополнения за счет внутренних резервов, то есть сохранение высоких темпов как естественного, так и механического прироста населения.

С учетом всего вышеизложенного, можно, на мой взгляд, дать следующий прогноз развития демографической ситуации в СУАР и ее влияния на социально-экономическое и политическое развитие региона.

Прежде всего, необходимость воплощения в жизнь социально-экономических задач и выхода района на уровень

среднеразвитых провинций КНР потребуют повышения качественного состояния производительных сил и главным образом их личностного фактора. Решаться эта задача может двояко: либо путем подготовки новых кадров (управленцев, техников, инженеров, квалифицированных рабочих и профессионалов в области маркетинга и внешних сношений и т.д.) за счет внутренних резервов, либо путем привлечения различного рода специалистов из внутренних районов Китая и зарубежных стран. Более предпочтительным является, безусловно, первое направление, но, как мы видели выше, оно вряд ли реально. Низкий культурный уровень населения региона, его экономическая отсталость, неразвитость социально-классовой структуры, отсутствие материальной базы для подготовки такого рода специалистов и, наконец, социальные ориентиры отдельных этнических групп – вот неполный перечень препятствий, стоящих перед ним. Не меньшее значение имеет и временной фактор. На подготовку специалиста, даже при условии его высокого уровня после окончания школы (чего о выпускниках школ СУАР, особенно национальных, пока сказать нельзя), требуется не менее 10-15 лет, а таким временем автономный район просто не располагает.

Следовательно, объективная ситуация требует движения по второму направлению, что повлечет за собой новую волну миграции ханьцев из внутренних провинций Китая. Само по себе это направление не грозит демографическим взрывом, поскольку уровень этого потока ограничивается пока его качественным содержанием. Однако, с одной стороны, трудно предсказать, каким образом будет развиваться ситуация когда осуществление планов “большого развития Запада” потребует привлечения в регион больших масс мигрантов из внутреннего Китая. А с другой – поскольку речь идет о привлечении специалистов высокого класса, оно предполагает предоставление новым мигрантам условий не только более благоприятных, чем те, в которых находится коренное население региона, но и те, в которых находились до переселения сами мигранты. Экономически эта проблема

разрешима, но она влечет за собой новый виток обострения межнациональных отношений и ухудшения политической ситуации в автономном районе.

Во-вторых, несмотря на применение мер по ограничению рождаемости (особенно среди неханьских этносов), они вряд ли окажутся эффективными. Экономические условия хозяйственной деятельности отдельного крестьянского двора, находящегося на низком уровне механизации, объективно требуют наличия большого числа рабочих рук и способствуют не ограничению, а повышению рождаемости. Не меньшую значимость имеют и национальные традиции, особенно при достижении хозяйством определенного уровня зажиточности. С другой стороны, сохранение высоких темпов естественного прироста у неханьских народов вызовет ответную реакцию и у проживающих в регионе ханьцев. Данные последних лет уже свидетельствуют об увеличении темпов естественного прироста не только среди неханьских этнических групп, но и проживающих в регионе ханьцев.

В-третьих, опережающий естественный прирост неханьских этнических групп (особенно в округах Южного и Восточного Синьцзяна) и наметившаяся тенденция к преобладанию потока реэмигрантов над прибывающими в автономный район ханьцами будут способствовать продолжению сокращения удельного веса населения Северного Синьцзяна в населении региона и доли ханьцев в населении Северного Синьцзяна. С учетом распределения экономического потенциала, региональной структуры народнохозяйственного производства и особенностей занятости отдельных этнических групп в отраслях народного хозяйства, а также усиливающихся в последние годы сепаратистских настроений как в Южном, так и в Северном Синьцзяне, это может привести к интенсификации национальных конфликтов и обострению социально-экономической и политической обстановки в автономном районе.

В-четвертых, необходимость противодействия негативному внешнему влиянию и пресечения сепаратистских акций в отдельных регионах СУАР, а также решения социально-

экономических проблем отсталых районов в русле программы “большого развития Запада” потребуют переселения в них представителей ханьской этнической группы. И хотя я не склонен доверять неофициальным данным об этнической структуре населения СУАР КНР, факт увеличения удельного веса ханьцев в приграничных уездах и в ряде южных районов традиционного проживания уйгуров имеет место уже сегодня.

В-пятых, усиление этнократического элемента в политике ряда новых государств Центральной Азии в качестве ответной реакции будет сопровождаться продолжением сокращения участия представителей их этнических диаспор в сфере экономики и политики районов их постоянного проживания в СУАР. Уже сегодня это достаточно заметно в отношении казахской этнической общины, проживающей на территории КНР. В перспективе данное обстоятельство способно привести не только к возникновению межэтнического конфликта в СУАР, но и к “выталкиванию” казахской этнической общины за пределы региона.

Наконец, еще одним дестабилизирующим фактором будет динамика изменения структуры городского населения СУАР, пополняемость которого происходит преимущественно за счет маргинальных и люмпенизированных слоев населения как из числа местных этнических групп, так и “избыточных трудовых ресурсов села” внутренних провинций Китая. Невозможность их вовлечения в индустриальную сферу производства городов существенно увеличит удельный вес маргинальных и люмпенизированных слоев населения городов, что неизбежно приведет к ухудшению криминальной обстановки и политической ситуации в автономном районе со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Ислам в общественно-политической жизни государства Центральной Азии и Синьцзяна

В последнее время в печати появляется все больше и больше работ, посвященных проблемам “фундаментализма”, “исламизма”, “исламской угрозе” и т.д. Причем, в большинстве своем, особенно выходящие на Западе работы, акцентируют внимание на внешнем характере этой угрозы, предсказывая грядущую глобальную конфронтацию Запада и исламского мира.⁵⁸ В общественном сознании формируется образ агрессивного носителя мусульманской веры – открытого или затаенного фанатика, мечтающего огнем и мечом сокрушить светские политические режимы и либеральную демократию. Общественное мнение ряда стран захлестнула волна исламофобии.

Преимущественно на внешний характер причин роста исламского экстремизма в большинстве стран мира, в том числе и в государствах СНГ, указывают руководители органов национальной безопасности этих государств,⁵⁹ да и некоторые ученые. И если с последними, в том смысле, что за проявлениями исламского экстремизма в конкретных странах почти всегда обнаруживается присутствие внешних сил,⁶⁰ можно согласиться, то утверждения о том, что политический ислам привносится на неподготовленную почву, представляются весьма спорными. Особенно спорно эти утверждения выглядят в отношении новых независимых государств Центральной Азии, где не только возвращение к исламским истокам, но и проявления “политического ислама” и “исламского экстремизма” происходят на отличной от стран традиционного ислама основе и преследуют совершенно иную цель.

“Исламская угроза”: миф или реальность

В мусульманских странах Ближнего и Среднего Востока “возвращение к исламу” (точнее – к “политическому исламу” или “исламизму”) происходило на основе

неприятия привносимых извне капиталистических и коммунистических ценностей. “Как правительства, так и оппозиционные движения обратились к исламу, чтобы усилить свой авторитет и заручиться народной поддержкой... Иранская революция 1978-1979 гг. сфокусировала внимание на “исламском фундаментализме”, на росте и жизненной силе политического ислама в других частях мусульманского мира”.⁶¹ Причины подъема “исламизма” заключались в том, что “на капитализм смотрели как на систему специальных интересов и новых элит, которые образовали общество, движимое скорее материализмом и показушным потребительством, чем заботой о праве и социальной справедливости. Марксизм был отвергнут как безбожная альтернатива, подменяющая духовные ценности материальными. В модернизации видели наследие европейского колониализма, подхваченное ориентирующимися на Запад элитами, которые навязывают обществу двойной процесс вестернизации и секуляризации. Современный светский национализм обнаружил свою несостоятельность. Ни либеральный национализм, ни национализм социалистического толка не смогли выполнить свои обещания”.⁶²

Как считает лидер исламских фундаменталистов в Судане Х. Тураби, прежде национализм мог быть альтернативой исламу, однако “сегодня, если вы хотите утвердить традиционные ценности, самобытность и независимость от Запада, национальной доктриной является ислам”.⁶³

Другими словами, как справедливо подмечает Г. Мирский, подъем исламизма можно рассматривать в качестве своеобразного отторжения древними самобытными культурами “вестернизации” и “американизации”.⁶⁴ И в этом смысле говорить о всеобщей “исламской угрозе” Западу представляется не совсем корректно. Не корректно говорить об этом и по той причине, что, по крайней мере сегодня, “единого исламского движения” не существует. Ислам многолик, и мусульманские страны не столь монолитны, как это пытаются показать некоторые аналитики. И в этом

смысле “поход” исламских стран против христианского Запада представляется весьма сомнительным.

Другое дело – терроризм, действующий, в том числе, и под исламскими лозунгами. Но, во-первых, к исламу он не имеет ни малейшего отношения. А во-вторых, поднимающим на щит “исламскую угрозу” западным аналитикам нелишне напомнить, кто оплачивает деятельность и пестует террористические организации, в том числе и исламские.⁶⁵

Что касается Центрально-Азиатского региона, то, как уже говорилось в других главах, этногенез в его пределах происходил достаточно специфично, и базовыми для национальной самоидентификации являлись иные критерии, нежели в странах арабского Востока. Главенствующее место занимала и продолжает занимать в настоящее время не принадлежность к одному этносу или одной религии, а система субэтнических родственных, клановых, патрон-клиентных связей. Например, у узбеков ячейкой общества является махалля (городской район) как община с элементами самоуправления, а в сельской местности – кишлак. Для казахов и киргизов – принадлежность к определенному роду или клану традиционного общества. Для таджиков и уйгуров – определенное место жительства.

Причем, как справедливо пишет Г. Мирский, “советская власть во многом способствовала укреплению кланового самосознания. Авторитарно-иерархическая советская система слилась с традиционной схемой общественных отношений, основанных на коллективистской солидарности и повиновении “старшим”. Если мусульманский “макроуровень” идентичности в советскую эпоху активно вытеснялся, заменяясь культивировавшимся “двойным” государственно-национальным самосознанием (“советский народ” и “социалистическая нация”), то традиционное самосознание на “микроуровне” – кланово-трайбалистский, или “махаллистский”, образ существования и мышления сохранился. Это способствовало формированию и развитию в Центральной Азии на редкость устойчивых и жизнеспособных структур, которые в послесоветское время возглавила прежняя номенклатурная элита. Сегодня

ислам по преимуществу — символ самобытности, фактор идентичности, а не основа жизни общества и регулятор поведения. Клановость и новый государственный патриотизм в гораздо большей степени, чем ислам, определяют тип общественного сознания в сегодняшней Центральной Азии”.⁶⁶

Однако нельзя отрицать и того факта, что с крушением коммунистической идеологии и образованием идеологического вакуума вполне естественно произошел возврат к традиционным ценностям, в том числе и исламским. И сегодня “религиозный ренессанс” наблюдается во всех государствах Центральной Азии.⁶⁷ Это — вполне закономерный процесс. Поскольку в условиях продолжающегося социально-экономического кризиса часть населения начинает испытывать разочарование деятельностью своих этнических элит, не способных помочь ему выйти из кризиса. И именно эта часть населения обращается к исламу, видя в апелляции к нему некую “исламскую альтернативу”. Альтернативу, надо сказать, утопическую, но, тем не менее, поддерживающую иллюзию о будущей перспективе. И как справедливо подчеркивает российский исламовед А. Малашенко, “несмотря на свою ограниченность, исламский фактор в государствах Центральной Азии является некой социальной и политической данностью, отрицать которую сегодня невозможно. ...Ислам оказывает постоянное влияние на происходящие там социально-политические процессы. Он формирует ценностные представления людей, регулирует отношения между ними. Ислам, безусловно, является орудием политики, и в этом своем качестве его роль будет возрастать, что может привести к обострению борьбы между различными партиями и группировками, в первую очередь, между властью и оппозицией. С другой стороны, в Центральной Азии есть влиятельные силы, которые настаивают на ограничении роли религии, на выводе ее из политической сферы”.⁶⁸ И в этом последнем, в отношении власти и исламской оппозиции как раз и заключается главная проблема.

Мы опускаем здесь вопрос о том, что большинство авторов, находясь в плену “исламской угрозы”, сознательно либо бессознательно путается в понятиях, пытается приписать исламу, как религии и культурной традиции, те грехи, в которых он не виноват. Опускаем и вопрос о том, что, чем активнее предпринимаются попытки запрещения культурной традиции, тем сильнее становится ее роль в обществе, кроме веры, порождая еще и вполне естественную реакцию протеста. Особенно это касается ислама, в котором, в отличие от большинства мировых религий, нет деления на светское и духовное начала. И вполне естественно, что в странах, где большинство населения так или иначе идентифицирует себя с мусульманской культурно-религиозной традицией, рано или поздно светским властям придется поделиться властью с мусульманским духовенством. Где и насколько — это вопрос другого порядка, но главное заключается в том, чтобы участвовали во власти представители той культурно-религиозной традиции, которая характерна для данного региона, а не пришлые зарубежные эмиссары, о недопустимости чего предупреждал еще Чокан Валиханов.⁶⁹

Второй блок вопросов связан с так называемым “фундаментализмом” и всеми сопутствующими ему явлениями. Сразу оговоримся, что само понятие “фундаментализм”, несмотря на множество его толкований,⁷⁰ на мой взгляд, не несет в себе негативного оттенка. Как и всякая идеология, он становится оружием только тогда, когда начинает использоваться в политической борьбе, а для этого необходимы определенные условия. Можно быть фундаменталистом, всю жизнь мечтать о создании исламского государства, о введении шариата, но так для этого ничего и не сделать.

Что касается представителей политического ислама, то, сохраняя по своей сути аналогичную фундаменталистам апелляцию к духовным основам ислама, они ставят перед собой иную цель — не участие во власти, а ее достижение, свержение светских политических режимов и установление

исламского правления. При этом, достижение данной цели может осуществляться как конституционным, так и иным путем. В первом случае мы имеем дело с так называемым “исламизмом”, во втором – с “исламским экстремизмом”.

Перспектива достижения этой цели весьма реальна там, где для этого существуют соответствующие социальные условия. В ряду этих условий одно из основных – резкое ухудшение социального самочувствия большей части населения, сопряженное с неспособностью (либо нежеланием) светского политического режима решать политические и социально-экономические проблемы. Идеальные условия для политического ислама появляются там, где возможности власти по консолидации общества существенно снижаются, где уровень ожиданий и уровень реальной жизни значительно расходятся. В этих условиях ислам в полном соответствии со своей духовной традицией предлагает иной, пусть и более жесткий, но быстрый и, как показывает мировая практика, порой достаточно эффективный выход из сложившейся ситуации.

Противодействовать подобной перспективе можно лишь двумя способами. Первым и, безусловно, главным является принятие мер, обеспечивающих быстрое и эффективное решение социально-экономических задач. Главная цель – возможно большее сокращение люмпенизированных социальных слоев, сокращение уровня разрыва в доходах, повышение уровня духовности и нравственности населения, пресечение коррупции, вовлечение населения в активную экономическую деятельность. В общем, необходимо сделать все то, что, с одной стороны, обеспечит сужение социальной базы для возникновения феномена “человека с ружьем”, а с другой – будет соответствовать нормам жизни уммы (исламской общины в целом), кстати говоря, мало чем отличающимся от норм жизни общества социальной справедливости.

Второе – обязательная, но только при тех условиях, о которых речь шла выше, включенность ислама в демократический процесс, его участие во власти. Иного в условиях наблюдаемых сегодня в мусульманском мире тенденций не дано.

Отдельно необходимо сказать еще о двух явлениях, так или иначе связанных с исламом, — феноменах “ваххабизма” и “исламского терроризма” в Центральной Азии и на Кавказе.

Сразу необходимо оговориться, что первый термин не имеет никакого отношения к “ваххабизму” как одному из течений в исламе, родиной которого является Саудовская Аравия. То, с чем мы имеем дело, скорее, причудливый симбиоз элементов идеологии фундаментализма, привнесенных миссионерами из Саудовской Аравии на социально-политическую почву мусульманских регионов Центральной Азии и Кавказа и воспринятых представителями главным образом молодого поколения, с естественным чувством разочарованности действиями своих этнических элит и ростом протестных настроений в ответ как на попытки светских властей ограничить влияние традиционных для данных регионов направлений ислама, так и представителей традиционного ислама ограничить деятельность “обновленцев” и не допустить их в свою “вотчину”. И совершенно права О. Бибилова, подметившая, что “неоваххабизм” возникает, как правило, там, где позиции ортодоксального ислама слабы. В данный исторический период речь идет о районах, в которых всегда господствовал ислам суфийского толка, или тех, где свобода совести была ограничена господствующим режимом. Специфика северокавказского и центральноазиатского ислама состоит прежде всего в том, что в течение длительного времени, начиная с присоединения этих территорий к России, но особенно в советский период, местные мусульманские общины существовали в слабой связи со странами традиционного мусульманского ареала. Естественно, что это не способствовало закреплению в регионе суннитского ислама в ортодоксальной форме и расширяло возможности для распространения суфизма, черпавшего силы в народных доисламских верованиях и культурах. Применительно к северо-кавказскому исламу следует отметить определенную замкнутость суфиев в рамках своих тарикатов”.⁷¹

Расширение ареала распространения “ваххабизма” — ответ на сегодняшнюю социально-экономическую и политическую ситуацию в государствах Центральной Азии и Кавказа. Ощущая неспособность власти прекратить духовное разложение общества, “неоваххабиты” предлагают свой путь решения вопроса, не претендуя при этом на политическую власть в масштабах всего государства.

Правомерно ли на данном основании отождествлять так называемых “ваххабитов” с исламскими экстремистами? Думается, ответ может быть только отрицательным. Но в этом случае, возникает закономерный вопрос, почему это повсеместно происходит? Причина, на мой взгляд, заключается в том, что “неоваххабиты”, в отличие от “прирученных” властью представителей традиционного для данных регионов ислама, добиваясь возврата к традиционным исламским ценностям, тем самым выступают в качестве непримиримой оппозиции как самой политической власти, так и местному исламскому духовенству. В условиях увеличивающихся степени коррумпированности власти (и светской, и духовной) и ее неспособности решать социально-экономические и политические проблемы это представляет для нее реальную угрозу. Поскольку запретить распространение идеологии “неоваххабизма” административными мерами не представляется возможным, остается один путь — объявить его внешним врагом, обвинив в “исламском экстремизме”. Путь тупиковый, но тем не менее дающий определенную фору во времени.

Что касается проблемы “исламского экстремизма” и “исламского терроризма” в чистом виде, то и она не столь проста, как может показаться на первый взгляд. Во-первых, как уже говорилось, эти явления имеют к исламу отношение только по названию и предполагаемой конфессиональной принадлежности их участников. Как показывает практика, в большинстве случаев “исламские экстремисты” и “исламские террористы” стоят еще дальше от заповедей Корана, нежели атеисты.

Во-вторых, сегодня, за редким исключением, мало у кого вызывает сомнение, что эти явления носят не региональный,

а международный характер. Они не только финансируются, но и направляются из одного центра. Следы одних и тех же участников можно найти в различных “горячих точках” по всему миру. Более того, напрашивается мысль о том, что, по крайней мере в некоторых случаях, терроризм стал для государств одним из способов “вести войну” с помощью подставных группировок, и даже с помощью секретных служб. У терроризма есть особенность переносить конфликт за пределы первоначальной территории, то есть экспортировать его на территории других государств, которые на первый взгляд не вовлечены в данный конфликт. Таким образом, он соответствует новой форме войны, более коварной и менее доступной пониманию граждан, поскольку эти действия происходят в мирный период без видимой причины или, если на это и есть причина, она остается неизвестной.

В-третьих, именно конец XX века продемонстрировал не только глобальность проблемы терроризма, но и возможности реализации поставленных целей, в том числе и политических, с использованием методов террора при фактической безнаказанности этнического терроризма. Именно этнический сепаратизм, борьба кланов и региональных групп создают ту питательную почву, на которой прорастает феномен терроризма.

Наконец, нельзя не сказать и о социально-экономических условиях, на базе которых может культивироваться терроризм. Речь прежде всего о массовом сокращении сфер приложения труда в “горячих точках”. Единственная возможность хоть как-то прокормить семью – участие в вооруженных отрядах. При этом, совершенно не имеет значения как их называть: “бандформирования” или “борцы за независимость”. Суть остается одна – все большая часть населения, особенно молодежи, не только не умеет, но и не желает ничего больше делать, кроме как “воевать”. И этот синдром “человека с ружьем” в последние годы доминирует не только в Чечне, но и стремительно продвигается в Центрально-Азиатский регион. Виноват ли в этом ислам? Отнюдь, в священных книгах вы не найдете призыва к братоубийственной войне.

Как этническая, так и религиозная окраска всех конфликтов, имеющих место в так называемых “горячих точках”, равно как и апелляция к историческому прошлому зачастую служат лишь прикрытием их истинного содержания. В большинстве случаев в их основе лежат не этнические или религиозные, и даже не этнополитические, а сугубо экономические факторы. Борьба за передел собственности, за право владения и распоряжения территорией и природными ресурсами, политическая власть – вот истинная основа преобладающей части так называемых “этнических” и “конфессиональных” конфликтов в наше время. И если действующий политический режим демонстрирует свою несостоятельность в разрешении этих конфликтов, то не исключена возможность, что “борцы за независимость” начинают прибегать к тактике террора, автоматически выводя проблему на международный уровень.

Казалось бы, выходящее за рамки данного исследования наше обращение к анализу проблемы “исламской угрозы” вообще и ее проявлений в Центрально-Азиатском регионе в частности было необходимо для более детального рассмотрения нашей темы. Этот анализ позволяет выявить специфику “исламского экстремизма”, провести разграничение между исламом, как религией и культурной традицией, и его использованием для достижения политических и экономических целей. Необходим этот анализ и для того, чтобы определить насколько правдоподобно утверждение о том, что так называемый “этнический сепаратизм” в Синьцзяне “вырос преимущественно на религиозной основе”.

Религиозные процессы в современном Синьцзяне

Синьцзян относится к таким регионам, где, несмотря на доминирующее положение одной конфессии, религиозная палитра достаточно разнообразна. Здесь можно встретить приверженцев практически всех мировых и ряда локально ограниченных религий. Так, ламаистскую форму буддизма исповедуют монголы, тибетцы, а также некоторая часть сибо, маньчжуров и дауров. Среди последних сохранился также и шаманизм. Что касается верующих

китайцев, то среди них встречаются последователи различных религиозных вероучений буддизма, католицизма, даосизма и др. Есть также незначительное число православных верующих, в основном среди русских. Однако доминирующие позиции занимает ислам, который исповедуют десять этнических групп, проживающих на территории региона. И именно это религиозное учение, по справедливому замечанию К. Талипова, является тем фактором, который оказывает влияние на формирование социально-политической обстановки в регионе.⁷²

Эта оценка имеет под собой реальные основания. Вопрос даже не столько в том, что, как говорилось выше, в исламе отсутствует деление на светское и духовное. Главное заключается в уровне религиозности населения региона и характере исламской религиозной традиции, которая распространена в нем.

Численность верующих в Синьцзяне достигает 60% населения. Причем среди исповедующих ислам этнических групп удельный вес верующих достигает 89% их общей численности, составляя более 8 млн. человек. Нельзя не отметить и того обстоятельства, что уровень религиозности по этническим группам существенно различается. Так среди уйгуров верующие составляют 93% от их общей численности, а среди казахов – только 23%.⁷³ Весьма симптоматичен и тот факт, что большая часть населения, в том числе и молодежи связывает свои надежды не со светскими, а с духовными ценностями. Согласно материалам анкетного опроса студентов Кашгарского округа, на вопрос “в чем заключаются ваши идеалы” лишь 20% ответили, что “в борьбе за коммунизм”, для 80% студентов идеалом является “грядущее царство небесное”. На вопрос “каким образом достигается счастливая жизнь”, лишь 7% ответили, что она “создается трудом”, для 93% это “зависит от воли Бога”. На вопрос “какая сила является наиболее влиятельной”, 11% студентов ответили – “наука”, 54% – “Бог”, 34% – “наука и Бог в одинаковой степени”.⁷⁴

Существенное значение имеет и достаточно сильное влияние религии на членов партии и низовых кадровых

работников. И если в начале – середине 80-х годов это было характерно главным образом для лиц старших возрастов, то сегодня, особенно в округах Южного Синьцзяна данное явление распространено повсеместно. Причем, как показывают материалы обследования этих округов, речь уже не идет о том, что кадровые работники и члены партии из числа национальных меньшинств “лишь в общей форме следуют заповедям шариата”,⁷⁵ сегодня они – наиболее влиятельные люди в среде верующих, а некоторые из них даже являются имамами.⁷⁶

Наконец, нельзя обойти вниманием и то обстоятельство, что именно ислам начинает достаточно часто использоваться далекими от веры группировками для достижения политических целей, а совершение ряда террористических актов осуществляется под лозунгами “джихада” и “борьбы за чистоту веры”. И хотя я не склонен рассматривать имеющие место в СУАР конфликты как исключительно конфессиональные, тем не менее факт использования в них в том числе и религиозных лозунгов имеет место. И это, на мой взгляд, объясняется особенностями религиозной традиции в Синьцзяне, создавшей благоприятную почву для культивирования идеологии “неоваххабизма”.

Основная масса синьцзянских мусульман – сунниты ханифитского толка, но встречаются небольшие группы и ханбалитов-ваххабитов. Функционирует также и ряд суфийских орденов: накшбандийя, кадирийя, каландарийя. Их можно встретить в основном в южных районах СУАР среди уйгуров, узбеков и отчасти – дунган и таджиков. Численность представителей другого направления ислама – шиизма – относительно невелика. Шиитская секта исмаилитов представлена только верующими из числа таджиков и киргизов.⁷⁷

Особого внимания в этом списке заслуживают приверженцы идеологии ваххабизма и “чистого ислама”, с деятельностью которых, как правило, и связывают возникновение конфликтных ситуаций на религиозной основе. И в этом есть определенная доля истины. Эти

категории верующих менее всего готовы идти на компромисс со светскими властями, и в большей степени нетерпимы к социально-экономическим и политическим порокам переходного общества. И хотя в общей массе верующих, в том числе и мусульман, их численность незначительна (во всяком случае, по официальным данным), влияние, которое они оказывают на политическую стабильность в регионе, весьма существенно.

По оценкам китайских авторов, идеология ваххабизма в некоторых регионах Синьцзяна развивается достаточно быстро, а число ее сторонников неуклонно растет. Главные из причин этого явления китайским авторам видятся следующим образом:

правовая основа, которую получил ваххабизм после пропаганды свободы религии, озвученной III пленумом ЦК КПК 11-го созыва

в условиях политики открытых дверей в Синьцзян начали прибывать проповедники ваххабизма, представители местного населения отправлялись на учебу в мусульманские страны, в том числе в те, где ваххабизм является доминирующей идеологией

в отличие от традиционного для Синьцзяна ислама, ваххабизм допускает большую свободу действий

• среди приверженцев ваххабизма много людей с высоким экономическим и интеллектуальным уровнем, достаточно молодых и энергичных, что позволяет вести им эффективную пропаганду.⁷⁸

И хотя, по оценкам китайских авторов, численность приверженцев ваххабизма на сегодняшний день сократилась,⁷⁹ их активность значительно возросла. Так на совести приверженцев этой идеологии события 25 марта 1990 г. в уезде Моюй, где была разгромлена канцелярия по планированию рождаемости. Гонения на патриотически настроенных служащих культа в четырех волостях уезда Моюй в течение февраля 1993 г. Надругательство над священнослужителем в городе Хотан в марте 1993 г. и другие эпизоды.⁸⁰ Существенно расширилась и социальная база “ваххабитов”. Среди тех,

кто проходил по этим делам, кроме молодых рабочих, имеется большое число частных предпринимателей и студентов с высоким уровнем образования, а также молодых представителей интеллигенции, которых по сложившейся традиции именуют “талибами”.

Причины, которые привели к активизации “талибов” в Хотанском округе, китайские авторы определяют так:

(1) влияние зарубежных реакционных сил, включая группировки этнических сепаратистов. Зарубежные реакционные силы, пытающиеся разрушить Синьцзян, с одной стороны, используют религию, а с другой — опираются на молодежь, и так называемые “талибы” являются их опорой и объектом использования в регионе;

(2) среди лиц, проходящих по “делам талибов”, подавляющую часть составляют представители студенчества и интеллигенции, прикрывающиеся религиозными одеждами; некоторые из них имеют связи с этническими сепаратистами и находятся под влиянием идеологии сепаратизма;

(3) захват ваххабитами руководящих должностей в мечетях с целью разрушения традиционных взглядов патриотически настроенных служителей культа;

(4) недостаток воспитательной работы и контроля в отношении “талибов”.⁸¹

При этом, судя по материалам, приведенным в исследовании, с точностью до человека известна не только численность “ваххабитов” и “талибов”, но даже и то, кто из них, по оценкам местных властей, является “хорошим”, кто — “обычным”, а кто — “плохим”.⁸² В данном случае комментарии, как говорится, излишни. Как совершенно неуместны и ссылки на то, что “воспитательная работа среди талибов ведется недостаточно”.

По-видимому, причины как расширения масштабов распространения религии в Синьцзяне, так и активизации деятельности экстремистских групп под религиозными лозунгами необходимо искать в другом. И то, и другое явления напрямую связаны с политикой государства, осуществляемой в отношении религии. Первое — продукт политики либерализации религиозной деятельности начала

80-х годов. Второе — естественная реакция на усиление контроля над деятельностью религиозных организаций и служителей культа в начале 90-х. Не исключая, безусловно, и в первом, и особенно во втором случае, внешнего влияния и деятельности зарубежных экстремистских организаций.

После образования Китайской Народной Республики одним из важнейших направлений политики в отношении религии был провозглашен принцип свободы вероисповедания, закрепленный в Конституции КНР 1954 г. Однако на практике проведение в жизнь этого принципа сопровождалось значительными извращениями, а большинство политических установок КПК было нацелено на насильственное пресечение всякой религиозной деятельности и повсеместное культивирование атеизма. Эти меры не учитывали ни реальный социально-экономический уровень Китая, ни степень развития сознания широких народных масс, особенно в районах концентрации национальных меньшинств, большинство которых оставалось под сильным влиянием духовенства и религиозных догм. Главным образом это касалось мусульманского населения Китая, для которого ислам являлся не только религией, но и образом жизни.

Особую остроту религиозный вопрос приобрел в годы “культурной революции” с ее лозунгом “борьбы с четырьмя старыми” (идеями, культурой, обычаями и привычками), когда закрывались и осквернялись места отправления культа, уничтожалась религиозная литература, подвергались поруганию служители культа. Однако насильственные меры и жестокость не отталкивали, а, напротив, притягивали людей к религии, обещавшей униженным и оскорбленным спокойствие в потустороннем мире и с пониманием воспринимавшей беды тех, кто не мог найти справедливости у партийных и государственных органов и проявлял социальную апатию. За годы, прошедшие после победы народно-демократической революции, количество верующих не сократилось, а выросло, и объяснялось это не только приростом населения, а скорее нерешенностью социально-

экономических, политических и особенно национальных проблем в китайском обществе.

Как справедливо подчеркивает К.Т. Талипов, “Люди оказались бессильными и растерянными перед происходящими в обществе разрушительными процессами. В такой ситуации религия стала мощным противовесом политическому курсу партии и правительства, открыто проводившим активные наступательные действия против прав неханьских народов в условиях и без того глубочайшего экономического, социального, политического и идеологического кризисов, своего рода наркотическим средством, отвлекающим от реальных проблем для одной, в основном неграмотной, отсталой, пессимистически настроенной части населения и своеобразным допингом, духовным оружием – для других, социально активных и оппозиционно настроенных”.⁸³

С конца 70-х – начала 80-х годов ЦК КПК был вынужден пересмотреть свое отношение к религии. Первым актом, определявшим новые подходы китайского руководства, стал документ ЦК КПК от 31 марта 1982 г. “Об основных точках зрения и основной политике по проблемам религии в период социализма в Китае”. В нем подчеркивалось, что “в новый исторический период основные задачи партии и правительства в отношении религии состоят в необходимости неуклонного и последовательного проведения в жизнь политики свободы вероисповедания; расширения и укрепления патриотических политических союзов национальных религиозных кругов, усиления их патриотического и социалистического воспитания, активизации позитивных факторов; необходимости совместной борьбы за построение мощной социалистической модернизированной державы и завершение великого дела объединения родины, против гегемонизма, за поддержание мира”.⁸⁴ В основу деятельности партии был положен следующий принцип: “С мировоззренческой точки зрения марксизму претит любое религиозное учение, но с точки зрения политической деятельности марксисты и патриотические религиозные деятели вполне могут и должны создать единый фронт в

борьбе за строительство социалистических модернизаций”.⁸⁵

Кроме того, в документе приводилась обширная программа по восстановлению мест отправления культа, прежде всего в исторических местах религиозной деятельности и районах наибольшего сосредоточения верующих, а также ставился вопрос о необходимости подготовки служителей культа, главным образом из числа молодежи, выразившей добровольное желание стать религиозным деятелем.⁸⁶

Наконец, оговаривалось отношение к верующим из числа коммунистов. “Пропагандируемая партией свобода вероисповедания, — отмечалось в нем, — конечно же, не говорит о том, что коммунист обладает свободой вероисповедания. Она провозглашается для граждан, а не для членов партии”. В отношении же тех коммунистов, которые добросовестно, активно осуществляют политику партии, но еще подвержены религиозному влиянию, рекомендовалось “не усиливать отчуждение, а проявлять терпимость, проводить среди них пропагандистскую и идеологическую работу”.⁸⁷

Эти установки были закреплены в ряде правовых норм, прямо связанных с религиозной проблематикой, и в новой Конституции КНР, статья 36 которой определяет: “Граждане Китайской Народной Республики имеют свободу вероисповедания.

Никакие государственные органы, общественные организации и отдельные лица не могут принудить гражданина исповедовать или не исповедовать религию, не могут дискриминировать граждан за исповедание или неисповедание религии.

Государство охраняет нормальное отправление религиозной деятельности. Никто не может использовать религию для нарушения общественного порядка, нанесения вреда здоровью граждан и в ущерб государственной системе образования.

Религиозные организации и религиозные дела свободны от иностранного контроля”.⁸⁸

Изменение отношения к религии и привело к невероятному по размаху росту религиозных настроений в обществе, особенно среди мусульманских этносов, для которых ислам

являлся больше, чем просто культурной традицией, он был частью их жизни.⁸⁹

Ответ на вопрос, в чем причина такого повсеместного усиления религиозного настроения людей, на мой взгляд, дан достаточно полно К.Т. Талиповым. “Оживление, усиление религиозного настроения среди широких слоев населения, — пишет он, — фактически произошли в годы “культурной революции”, когда в китайском обществе сложились самые подходящие жизненные условия для распространения и укоренения религии. В условиях тотального гонения и наказания у населения не было возможности свободно проявлять свои религиозные убеждения, участвовать в публичных религиозных мероприятиях и безбоязненно выполнять свои религиозные обязанности. Поэтому в период “культурной революции” наблюдается внешний спад численности верующих, замирание религиозной жизни, хотя именно в эти годы интенсивно происходило религиозное брожение. А благоприятные политико-идеологические условия, возникшие в 80-х годах, лишь обнажили уже свершившиеся подспудно за эти годы реальные факты и сложившееся истинное положение дел”.⁹⁰ В условиях нерешенности социально-экономических проблем, повсеместной (особенно в регионах Южного Синьцзяна) бедности населения, образования своеобразного идеологического вакуума после десятилетней вакханалии “культурной революции” часть населения вполне естественно обратилась к своим традиционным корням, одним из которых и являлся ислам.

Вполне логично звучит и второй вопрос, поставленный К.Т. Талиповым, в чем причина изменения подходов ЦК КПК по отношению к религии? Если суммировать выделенные К.Т. Талиповым причины, то их можно свести к следующим:

решение вопросов “укрепления границы”, “единства и сплоченности”, проживающих в пограничных районах этносов, оказалось тесно переплетенным с религиозным вопросом, а “достижение стабильности в национальных районах стало нереальным без восстановления свободы вероисповедания и использования религиозных авторитетов”

необходимость включения СУАР КНР в процесс модернизации, что требовало решения задачи умиротворения местного населения и тем самым стабилизации обстановки в районе

решение задачи достижения лидерства среди развивающихся государств и привлечения в страну иностранных инвестиций в рамках политики “открытых дверей”

сближение руководства Китая и администрации США, которая весьма негативно относилась к нарушениям прав человека, в том числе и в вопросах свободы вероисповедания либерализация экономической и политической жизни в КНР, начатая после III пленума ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.).⁹¹

Со всеми этими выводами, вне всякого сомнения, можно согласиться. Действительно, главной задачей ЦК КПК в тот период было, во-первых, осуществление процесса модернизации и включение в этот процесс не только преимущественно ханьских внутренних, восточных и южных районов Китая, но и пограничных районов на северо-западе страны.

Во-вторых, решение этих вопросов без достижения стабильности, сплочения и всеобщего порядка в стране не представлялось возможным. Акции протеста, которые не прекращались в пограничных районах и в большинстве случаев были обусловлены социально-экономическими причинами, диктовали необходимость каким-то образом “выпустить пар”, чтобы получить зазор по времени для реализации первичных социально-экономических мероприятий.

В-третьих, необходимо было добиться мобилизации всех имеющихся человеческих ресурсов, направив их деятельность в единое идеологическое русло – достижение цели “возрождения величия Китая”. А для решения этого вопроса, особенно в пограничных районах Китая, требовалось, как минимум, прекратить столкновения на этнической основе и найти способ, обеспечивающий активизацию энергии самоорганизации, естественно, в направлении вышеуказанной цели.

Наконец, нельзя было не учитывать и еще два обстоятельства. С одной стороны, пошатнувшийся авторитет КПК и ее идеологии, неопределенность “порочного стиля в партии”, расширение бюрократических тенденций в государственных органах и негативное отношение народных масс к кадровым работникам партии и государства. А с другой – уровень культурного развития неханьских народов, прочность традиционных регуляторов общественных отношений и влияния пережитков феодальных, а местами и родоплеменных отношений, сказывающихся не только на уровне сознания широких народных масс, но и на институтах, обеспечивающих процесс их самоорганизации.

Все это привело КПК к необходимости поиска таких элементов политической структуры, которые могли бы оказать эффективное воздействие на активизацию всех социальных сил общества в деле экономического и культурного строительства, укрепления единства и сплоченности различных национальностей, проживающих на территории КНР. И ставка в планах китайского руководства на религиозный фактор (в особенности в национальных районах), как на возможный регулятор национальных отношений и базу для достижения национального сплочения, представляется в какой-то степени оправданной.

Действительно, крупнейшие неханьские народы СУАР КНР, объединенные единой верой, на базе исламской консолидации безусловно могли урегулировать не только некоторые частные вопросы межнациональных отношений, но и под контролем “патриотически настроенного духовенства” решать значимые социально-экономические и политические проблемы. Однако, это – одна сторона вопроса. Другая же его сторона заключается в том, что на базе подобного объединения происходило усиление настроений национального самоопределения, подкрепленных развитием национальной культуры, языка, традиций. А это уже выходило за рамки чистой веры и затрагивало политическую структуру и стабильность в стране, что отягощалось нерешенностью ряда социально-экономических и политических проблем,

создающих объективную базу не только для усиления религиозной активности широких народных масс, но и активизации сепаратистских настроений в обществе.

Нельзя не подчеркнуть в этом контексте и опасность, которая исходила извне. Тем более когда речь идет об исламской религиозной традиции. С расширением социальной базы религии и либерализацией религиозной деятельности в том или ином, до этого закрытом регионе мира, вполне естественно начинает наблюдаться проникновение туда чуждой для него исламской традиции из государств, где ислам является государственной религией. Особенно ощутимо это проявляется там, где до этого религия усиленно подавлялась. Более того, “открытость миру” подталкивает мусульманские регионы к контактам если не со своим этносом, то хотя бы со своими единоверцами. Все это можно было наблюдать и в СУАР КНР, внешнеэкономическая ориентация которого развивалась в направлении преимущественно мусульманских государств Западной Азии, Ближнего и Среднего Востока.

Такой подход вполне соответствует и стремлениям популярного в большинстве этих стран исламского фундаментализма, приверженцами которого являются как религиозные деятели данных стран, так и светские политики. Подтверждением того, что идеал сближения на такой основе находит благоприятный отклик у руководства мусульманских стран Востока, может служить стремительное развитие торговых, экономических, культурных и религиозных контактов между СУАР и этими странами; значительная помощь с их стороны в экономическом строительстве СУАР и, по существу, беспроцентные кредиты и прямые инвестиции для поощрения религиозной деятельности в автономном районе.

Однако для этих государств, и это следует особо подчеркнуть, принцип экономической консолидации является лишь внешней атрибутикой, главное внимание придается объединению по политическим мотивам, в основе которого лежит попытка воплощения в жизнь идеи мировой исламской революции, призванной привести к созданию великого мусульманского государства, объединяющего всех единоверцев под зеленым

знаменем ислама. Данное обстоятельство при соответствующих условиях способно породить сепаратистские настроения в автономном районе и создать напряженность в его отношениях как с внутренними провинциями Китая, так и между неханьскими народами и ханьцами, проживающими в этом районе.

Понималось ли все это руководством КПК? Думается, да. Так, в статье, опубликованной в 1985 г. в шанхайском журнале Шэхуй кэсюэ, отмечалось: “Координация (КПК и государственных органов с религиозными организациями. — К.С.) должна базироваться на патриотизме и социализме с Конституцией в качестве главного критерия; она не может строиться на основе материализма, либо иметь целью “уничтожение” религии. В стране с миллиардным населением должен быть плюрализм мнений. В осуществлении беспрецедентной в истории миссии строительства социализма каждый должен сыграть свою роль... развитие дискуссии о позитивных и негативных аспектах теизма и атеизма может привести только к пагубным последствиям. Лишь при условии, что мы твердо будем придерживаться четырех основных принципов... и свободы вероисповедания для всех членов общества можно мобилизовать все активные факторы в Китае”.⁹²

Другими словами, руководство КНР отдавало себе отчет в опасности той “игры”, которую оно намеревалось вести в преимущественно мусульманских регионах КНР. Однако иного пути, по-видимому, у него просто не было. Несмотря на достаточно продолжительное господство коммунистической идеологии в регионе, она, в отличие от исламской традиции, так и не стала доминирующей в сознании мусульманских этнических групп. И в этих условиях китайскому руководству приходилось из двух зол выбирать меньшее. Либо согласиться с невозможностью мобилизовать большую часть населения региона, либо использовать для этой мобилизации возможности, предоставляемые исламской культурной традицией. Китайское руководство выбрало второе, справедливо ожидая, что в условиях

поступательного социально-экономического развития подконтрольный государству ислам войдет в спокойное созидательное русло и будет всемерно способствовать осуществлению официального политического курса. Как отмечалось в тот период в партийной печати, “на начальной стадии социализма проблема религии не может еще быть проблемой чистой веры или частным делом человека. Главный пункт нашего беспокойства не лежит в веровании или атеизме; в том, много или мало верующих, а в том, в чьих руках находится религия, способствует она сплоченности и стабильности в обществе или разрушает их, способствует или нет она строительству социализма”.⁹³

И необходимо подчеркнуть, что выбор оказался правильным. Руководство Китая, хотя и не в полной мере, но сумело достичь тех целей, которые ставились им по отношению к Синьцзяну. Во всяком случае, ему удалось выиграть время, осуществив тот минимум социально-экономических преобразований, который позволил не только качественно изменить социальную структуру населения региона, но и уровень его благосостояния. То есть создать те условия, в которых ислам не превращается в радикальный, а функционирует преимущественно как культурно-религиозная традиция.

Конечно, это не означает, что элементы политического ислама и окрашенного в религиозные тона экстремизма вообще отсутствуют. О том, что не всегда религиозная активность населения направлялась в нужное русло, свидетельствуют как китайские публикации, так и расширение в СУАР такого направления ислама, как суфизм, часть из приверженцев которого объединена в тайные организации с собственной структурой и программой. Более того, и среди духовенства существовали определенные разночтения в понимании целей и задач направленного на реанимацию религиозной деятельности курса КПК. Часть служителей культа усматривали в нем возможность упрочения своего влияния в автономном районе. А часть – замыслили возродить различные теократические

формы правления, вмешивались в дела образования, культуры и гражданских обрядов, принуждали людей к религиозной службе, а “крайне малочисленные плохие люди использовали религию для подрыва единства и сплоченности национальностей”⁹⁴

Не меньшее влияние возрождение религии оказало и на социально-экономические и политические процессы в СУАР КНР. Причем, речь даже не об имеющих место “разборках” между представителями различных направлений ислама, хотя, по свидетельствам местной печати, и они имели место. Не о том, что под влияние религии постепенно попадали партийные и государственные кадровые работники из числа национальных меньшинств. Речь о том, что возрождение религии происходило в условиях бедности и отсталости коренного населения, безработицы среди молодежи. Кроме того, религия стала препятствовать получению светского образования. Распространенными стали случаи, когда ученики начальных и средних школ переманивались, не без содействия верующих родителей, в частные религиозные школы, когда родители отказывались отдавать своих детей в государственные школы.⁹⁵

Все это не могло в конце концов не привести к попыткам использования религии с целью дестабилизации обстановки в автономном районе. Первый звонок прозвенел 19 мая 1989 г. в городе Урумчи, когда, по сообщениям местной прессы, “группа хулиганов под маской защиты религии ислама, Эподстрекая часть широких масс, ворвалась в партком автономного района и организовала драки и грабеж”.⁹⁶ Как сообщила местная печать, этот инцидент произошел как реакция на выпуск в СУАР книги китайского автора, в которой “оскорблялись честь и достоинство мусульман”. Однако, на мой взгляд, причины лежали глубже. Достаточно напомнить, во-первых, что в конце 1988 г. руководство СУАР предпринимает энергичные попытки взять под контроль деятельность религиозных организаций.⁹⁷ А во-вторых, что в этот период в Пекине происходили массовые выступления студентов, основным требованием которых было проведение реформы политической системы. И эти

два события не могли не оказать влияния на радикализацию настроений в автономном районе.

5 апреля 1990 г. в волости Барин уезда Актао (Кызылсу-Киргизская автономная область) произошли массовые беспорядки, квалифицированные позднее как “контрреволюционный вооруженный бунт”. Последовавшие как отклик на апрельские события публикации подчеркивали, что организаторы событий, “прикрываясь религиозными одеждами”, пропагандировали лозунг “расцвета ислама”. Объединив “незначительное число национальных сепаратистов”, выступали за создание “Исламской партии Восточного Туркестана”, “политической программы правительства так называемого Восточного Туркестана”, выделение Синьцзяна из состава КНР, организацию “священной войны” с иноверцами. Они разжигали “антиханьские настроения”, выступали против марксизма и социализма за “создание союзов с сепаратистами за рубежом”.⁹⁸

Другими словами, хотя со стороны властей речь шла не об ограничении свободы вероисповедания или нормального функционирования религиозных организаций в рамках культово-обрядовой деятельности, а о пресечении попыток раскола Синьцзяна и изменения действующего политического режима. В общественном сознании местных этнических групп данный инцидент ассоциировался не только с попытками отстоять свое право на свободу вероисповедания, но и с национально-освободительной борьбой народов Синьцзяна.

Данный инцидент стал началом конца идиллических взаимоотношений официальных властей и религиозных общин. После Баринских событий представители партийных и государственных органов стали все чаще высказывать свое недовольство по поводу того, что некоторые люди, “прикрываясь религиозными одеждами”, вмешиваются в административные и судебные дела, в сферу народного просвещения и культуры, что в автономный район проникают зарубежные реакционные религиозные течения.

Уже 21 апреля 1990 г. на собрании кадровых работников автономного района подчеркивалось, что почти во всем Южном Синьцзяне наблюдается ситуация, аналогичная предбаринской, что любой дестабилизирующий фактор должен получить упреждающий удар и истребляться в зародыше и что предстоит еще долгая, упорная борьба против происков враждебных сил.⁹⁹

Баринские события послужили свидетельством упущений в социальной и правовой политике, ясно давая понять, что, во-первых, СУАР интегрирован в КНР и осуществляемую центральным руководством политику настолько, что возникающие конфликты могут принимать религиозную окраску либо под воздействием внешней пропаганды и внешнего вмешательства, либо как результат провалов осуществляемой центром социально-экономической политики в регионе. Во-вторых, политическая либерализация может ложиться лишь на подготовленную успешными экономическими преобразованиями почву, а опережающее ее развитие в условиях нерешенности глобальных социальных и политических проблем чревато серьезными социальными потрясениями, результаты которых в многонациональных, культурно, социально, экономически и политически слабо развитых районах порой предсказать достаточно трудно. Ситуация осложняется и тем, что, находясь на переходном этапе, утрачивая старые ценности и не усваивая новые в полной мере, общество оказывается как бы в состоянии идеологического вакуума и чаще всего в поисках новых идей возвращается к своим истокам, к национальным и религиозным идеям. В этих условиях намечается диктат национального над социально-экономическими, чисто политическими, духовными, нравственными факторами. Они, хотя бы по форме, перекрашиваются в национальные цвета.

Эти события заставили китайское руководство задуматься о пределах допустимой либерализации религиозной деятельности и о том, каким образом можно использовать созидательную силу религии. К сожалению,

при ответе на эти вопросы возобладали административный подход. В течение 1990 г. в дополнение к принятому в 1988 г. “Временному положению об управлении местами отправления религиозного культа” принимаются “Временное положение об управлении служителями культа в автономном районе”, “Временное положение об управлении религиозной деятельностью в автономном районе”. На базе этих трех документов принимается единый законодательный акт, регламентирующий деятельность как религиозных организаций, так и служителей религиозного культа в автономном районе, – “Правила по управлению религиозными делами в автономном районе”. Правила вступили в силу с 1 октября 1994 г.

Одновременно с принятием этих законодательных актов проводится перерегистрация мест отправления религиозного культа, а в перерегистрированных мечетях создаются “группы демократического управления”. В отношении служителей религиозного культа Департаментом религии правительства СУАР и Исламской Ассоциацией СУАР проводится их переэкзаменовка и проверка, по результатам которой выдаются специальные сертификаты. По данным на начало 2000 г., в СУАР насчитывалось более 24 тыс. только мечетей, в которых служили более 28 тыс. священнослужителей рангом от имама (ахуна) и выше.¹⁰⁰

Осуществляется упорядочение религиозной деятельности и на государственном уровне. В 1991 г. ЦК КПК и Госсовет КНР принимают “Постановление по некоторым вопросам постепенного улучшения религиозной работы”. В ноябре 1993 г. на Всекитайском совещании работников Единого фронта Цзян Цзэминь озвучил новые подходы КПК по отношению к религии. “В вопросе религии я хотел бы обратить внимание на три аспекта. Во-первых, всесторонне, правильно и последовательно реализовывать политику партии в отношении религии. Во-вторых, на основе закона усиливать управление религиозными делами. В-третьих, активно вести за собой религию с тем, чтобы она соответствовала социалистическому обществу”. В июле 1994

г. член Политбюро ЦК КПК Ли Жуйхуань в докладе “О некоторых вопросах национальной и религиозной работы в новых условиях” особое внимание обратил на последний пункт выступления Цзян Цзэминя, назвав его “новым курсом партии в отношении религии”. С его точки зрения, этот курс в качестве основного пункта предусматривает, что религия обязана соблюдать законы, подзаконные акты, курс и политику государства на современном этапе социалистического общества, а законодательство гарантирует свободу вероисповедания; религия должна осуществлять свою деятельность в отведенных законом рамках, основываясь на политическом курсе, определенном государством.¹⁰¹

Выступая в марте 1999 г. на II сессии ВСНП 9-го созыва, Цзян Цзэминь подчеркнул, что курс “активно вести за собой религию с тем, чтобы она соответствовала социалистическому обществу, включает в себя понимание двух важнейших аспектов. С одной стороны, верующие должны соблюдать законы, подзаконные акты, курс и политику социалистического государства; законом гарантируется свобода вероисповедания, деятельность религии в определенных рамках. С другой стороны, религиозная деятельность должна служить высшим интересам государства и интересам всех национальностей; служители культа должны быть патриотами и служить прогрессу, вносить свой вклад в дело объединения родины, национальное сплочение и социальное развитие”.¹⁰²

Другими словами, в новом курсе КПК по отношению к религии принципиально новым является лишь то, что на смену социально-экономическим методам воздействия и использования религии с целью мобилизации энергии организованных масс, как это имело место в 1982 г., приходит требование строгого соответствия религиозной деятельности определенным для нее законом рамкам. Понять китайское руководство, пошедшее на такое изменение акцентов, можно.

С одной стороны, либерализация религиозной деятельности сыграла свою положительную роль, и сегодня энергия самоорганизации масс, несмотря на значительный удельный вес

верующего населения, направляется не только религией, но и активным участием в экономической жизни.

С другой – нельзя было не замечать и тех негативных факторов, которые стали следствием либерализации религиозной деятельности. По мнению китайских авторов, в процессе осуществления политики свободы вероисповедания в Синьцзяне выявилось несколько чрезвычайно важных нерешенных вопросов:

(1) насильственное принуждение к вере атеистов, особенно усиленное втягивание в религиозную деятельность молодежи младше 18 лет;

(2) насильственные религиозные сборы, осуществляемые некоторыми незаконными элементами;

(3) в отдельных регионах отдельные религиозные деноминации ведут свою деятельность за пределами регионов, нарушают производственный порядок, вмешиваются в общественную жизнь;

(4) имеет место хаос в управлении отдельными мечетями и служителями культа;

(5) расходы по строительству и реконструкции мечетей, непомерные требования со стороны служителей культа ложатся дополнительным бременем на плечи верующих;

(6) имеют место неразрешимые противоречия между различными религиями и различными деноминациями;

(7) незначительное число людей, используя международный обмен, нарушают законы, наносят ущерб национальным интересам государства;

(8) незначительное число лиц, провозглашая лозунг джихада, занимаются сепаратистской деятельностью.¹⁰³

Как подчеркивалось в “Важнейших указаниях по поддержанию стабильности в Синьцзяне”, принятых в 1996 г., “важнейшей угрозой, оказывающей влияние на стабильность в Синьцзяне в настоящее время, является этнический сепаратизм и незаконная религиозная деятельность”.¹⁰⁴

Более того, исследования, проведенные в южных районах Синьцзяна, привели авторов к довольно серьезному выводу. По их оценке, “в настоящее время незаконная религиозная

деятельность постепенно встает на путь этнического сепаратизма. Отдельные мечети уже превратились в лагеря этнических сепаратистов, осуществляющих подрывную деятельность”.¹⁰⁵ Однако при столь серьезных оценках китайские авторы все-таки не склонны были драматизировать ситуацию. Понимание причин возникновения негативных явлений, среди которых “первую скрипку” играло внешнее влияние,¹⁰⁶ ограниченность масштабов использования религиозных лозунгов для пропаганды антигосударственной политики, поименный (судя по официальным данным) учет “талибов” и “ваххабитов” — все это позволяло без особого труда контролировать их деятельность.

На стороне властей были и такие немаловажные факторы, как эффективность осуществляемых социально-экономических мероприятий, улучшение благосостояния населения, его активное вовлечение в созидательную деятельность, позитивная пропаганда осуществляемого курса большинством служителей религиозного культа и его поддержка основной массой населения. В этих условиях ислам играл в большей степени созидательную роль, консолидируя те силы, которые светская власть не имела возможности организовать. Он функционировал преимущественно как культурно-религиозная традиция, не вмешиваясь в сферу влияния светских властей и пытаясь сотрудничать с ними. И хотя, особенно в регионах с худшими социально-экономическими условиями, имели место элементы радикализация ислама, их вряд ли правомерно было бы оценивать как доминирующую тенденцию. Речь шла, скорее, об исключениях из общего правила, с которыми государственные органы могли справиться без организации широкомасштабного наступления на религию в целом.

Главная ошибка китайского руководства заключалась в том, что оно попыталось “урегулировать” возникшие как следствие религиозной либерализации проблемы исключительно административными методами. Под молоток “урегулирования” попали не только те, кто действительно нарушал законодательство и противодействовал проводимому

курсу, но и те верующие, кто являлся законопослушными гражданами.¹⁰⁷ Ответ, как и следовало ожидать, оказался вполне предсказуемым. Попытка “упорядочить” деятельность мест отправления религиозного культа не могла не вызвать ответного противодействия со стороны духовенства, в достаточной степени ощущающего как прочность своей социальной опоры в автономном районе, так и поддержку зарубежных религиозных и националистических организаций. Более того, в условиях почти стопроцентного охвата религиозной деятельностью уйгуров вмешательство в нее со стороны государства было расценено (не без влияния духовенства) как попытка вмешательства в национальную специфику региона и наступление на права местного населения, что привело к росту протестных настроений и расширению социальной базы участников потенциальных конфликтов.

Другими словами, пример Синьцзяна конца 80-х – 90-х годов еще раз подтвердил, что применение мер административного контроля над религиозной деятельностью приводит не только к возникновению противостояния между религией и светской властью, но и к резкому увеличению протестных настроений в обществе. Не находя легитимного способа встроиться в политическую систему светского государства, ислам начинает радикализироваться и добиваться уже не участия во власти, а всей полноты политической власти. В условиях слабого политического режима рано или поздно он добивается искомой цели. При сильном политическом режиме, когда политический ислам жестко подавляется, заложенными в нем консолидирующими возможностями, как правило, начинают пользоваться иные силы.

В условиях, когда доминирующее положение в регионе занимает одна этническая группа, к тому же с высоким удельным весом приверженцев одной религиозной конфессии, религия начинает использоваться как идеологическое обоснование достижения политической власти, возникает рецидив этнического сепаратизма, в современных условиях в

большинстве случаев отягощенный такими сопутствующими явлениями, как экстремизм и терроризм. Что, собственно говоря, мы и наблюдаем в современном Синьцзяне.

Особенности кадровой политики и проблема этнической инкорпорации

Выше, при рассмотрении особенностей решения национальной проблемы в Китае, мы, в той или иной степени, касались вопроса кадровой политики, не акцентируя внимания на ее характерных чертах и причинно-следственных факторах влияния на межнациональные и межрегиональные отношения. Однако в силу особой роли государства и чиновно-бюрократического аппарата на Востоке без понимания этого феномена многие (если не большинство) аспекты рассматриваемой нами темы остаются неясными.

И хотя, по мнению ряда авторов, с которыми принципиально можно согласиться, “определение этнической принадлежности правящей группы, в сущности, ничего не объясняет, так как доминирующее меньшинство (правящая группа всегда меньшинство) представляет собой корпоративную группу, спаянную узами родства и патроната, в равной степени закрытую и не подотчетную для всего остального населения независимо от его этнической принадлежности”,¹⁰⁸ учет фактора этнической инкорпорации позволяет не только определить коэффициент политического неравенства каждой этнической общности, но и получить четкую, статистически обоснованную картину этнополитической стратификации всего общества.

Не менее существенно и то обстоятельство, что большая часть межэтнических конфликтов возникает при прямом участии этнических элит. Более того, они становятся возможными вследствие таких форм неравенства, которые, с точки зрения этнических элит, ущемляют права и интересы всего этноса либо его территориальной группы. Прежде

всего — это возможность или реальное снижение группового статуса, перспектива ассимиляции, эрозия этнического ареала (“исконной земли”) вследствие интенсивного притока мигрантов, отсутствие реального самоуправления, разрушение культурной целостности. Действительная причина или набор причин, вызвавших межэтнический конфликт, могут быть различными в каждом конкретном случае — главное состоит в том, что ситуация расценивается авторитетными этническими элитами как несправедливая либо угрожающая существованию этноса.¹⁰⁹

Учитывая, что речь в основном будет идти об одном из национальных районов КНР и, следовательно — об особенностях формирования национального кадрового корпуса и политической элиты с учетом его специфики, хотелось бы предварить этот анализ рядом общих замечаний, необходимых, с одной стороны, для понимания общих закономерностей формирования и эволюции аппарата власти в странах Востока, а с другой — выхода за рамки абстрактного сопоставления этнического представительства в органах власти и управления, которое, на мой взгляд, не раскрывает глубинных истоков проблемы, а лишь дает поверхностную и в значительной степени иллюзорную картину.

По-видимому, учитывая фактор этнического представительства, при оценке характера и степени влияния аппарата власти на регламентацию межэтнических отношений нужно исходить из политической культуры самого общества; обусловленных ею особенностей формирования и эволюции аппарата власти; выделения в его составе политических элит и характера их взаимодействия на региональном и государственном уровнях; наконец, особенностей менталитета как бюрократии в целом, так и отдельных ее составных частей, включая национальную и элитарно-национальную.

В ряду этих вопросов одним из основных является вопрос: почему при повсеместном существовании административного аппарата при определенных условиях он представляет собой не столько общественно необходимый социальный слой,

сколько силу, стоящую как над всем обществом, так и над государством (в смысле выражения специфических, отличных от общественных и государственных, интересов); что это за условия и каковы пути ограничения их негативного влияния?

В большинстве случаев это явление наблюдается в странах, не прошедших классических этапов буржуазного развития и обусловлено отсутствием сформированного гражданского общества, то есть отсутствия политически и экономически независимого гражданина, осознающего и имеющего реальную легитимную возможность реализовывать свои гражданские права на упразднение бюрократического аппарата, не отвечающего интересам общества и государства. В этих условиях альтернативой гражданскому обществу выступает государство, как аппарат власти, и политическая бюрократия, как выразитель специфических корпоративных интересов. Особенно характерно это для стран Востока, где и в феодальную эпоху, и в настоящее время государство “призвано играть активную формирующую или созидательную роль практически на всех этажах общества в экономическом базисе (в том числе в качестве непосредственного агента производственных отношений, выполняющего функцию организации и управления производством), в национально-этнической композиции, в социальной структуре, во всей системе политической надстройки (в том числе в плане достраивания и перестраивания собственного гражданского и военно-полицейского аппарата) и даже на идеологическом уровне”.¹¹⁰

Этот элемент политической культуры восточных обществ представляет собой следствие, вытекающее из специфики исторического развития стран Востока, обеспечивающей условия возникновения, общие закономерности формирования и эволюции, типологию бюрократии восточных обществ.

Первое, что обращает на себя внимание, — особенности генезиса стран Востока, вызванные спецификой колониального синтеза: прерывание естественно исторической

эволюции традиционного способа производства вследствие насильственного воздействия внешнего фактора; огромная роль метрополии как в базисной, так и в особенности в надстроечной сферах жизни колонии; возникновение комбинированного многоукладного общества.¹¹¹ При этом имеется в виду: повсеместная многоукладность восточных обществ и как специфическая особенность Востока “относительно большая устойчивость укладов вообще, докапиталистических (патриархально-натуральных и патриархально-феодалных) укладов в частности и в особенности”;¹¹² отсутствие четкой социальной картины, сложившихся классов и социальных слоев; воздействие метрополии прежде всего на надстроечную, политическую сферы колониального общества и дальнейшая их трансформация (вплоть до независимости) в соответствии с интересами метрополии; наконец, ущербность национального самосознания колонизированных народов вообще и населяющих колонию этносов, в частности.

Второе – это традиционализм, особенно устойчивое влияние на общественную жизнь стран Востока традиционных норм морали, социального поведения и политической культуры предшествующих эпох.¹¹³ Это прежде всего предшествующий колониальному синтезу характер государственности на Востоке, традиционно сильная роль государства и аппарата чиновников в общественной жизни, строгая иерархия общественно-политических отношений, родоплеменные, клановые и корпоративные связи, значительное воздействие религиозного фактора на все сферы общественной жизни.

Третье. В силу отсутствия сформировавшегося слоя национальной буржуазии и незавершенности, дробности социальной картины вообще, а также отмеченного выше традиционализма – гиперболизированная роль армии и вождя, которые “провозглашаются в качестве ‘гаранта’ политической стабильности и ‘правильной ориентации’ всей деятельности политической надстройки”.¹¹⁴ Как следствие подобной ориентации деятельности политической надстройки – стремление к авторитаризму и деспотии

на этапах доколониального синтеза, а с началом борьбы за независимость и ее достижением — приход к власти политической коалиции, возглавляемой маргинальными, люмпенизированными силами, ценностные ориентации и взгляды которых на устройство общества и определяют его последующий генезис.

Авторитет этих сил подкрепляется, с одной стороны, их участием в революционных боях за независимость, а с другой — сосредоточением ключевых постов именно в руках представителей этой коалиции и формированием на ее основе будущей политической элиты. Отсюда — тенденция к опасному сращиванию ряда ключевых звеньев госаппарата с правящей партией, выступающей духовным вдохновителем и политическим руководителем психологии “избранного меньшинства”; растущий чиновный аппарат и карательные органы, призванные подавлять проявления индивидуализма; исключительное влияние на общественную жизнь борьбы внутри политической элиты и особая сложность ротации кадров в ее среде и их привлечения к участию в социально значимых для общества, но косвенно ущемляющих ее интересы, мероприятиях.

Незавершенность социальной картины, отсутствие сформированного гражданского общества и особенности формирования и функционирования политической элиты вырабатывают новые критерии социальной дифференциации, связанные не с имущественным положением людей, а с их участием в системе управления и распределения материальных благ, то есть участием в осуществлении власти. Тем самым проблема социального неравенства из области экономической переходит в область надстроечную, а достижение определенного общественного положения в сфере управления и распределения, обладание политической властью выступают в качестве основной мотивации деятельности не только политической, но и бизнес-элиты.

На начальном этапе революционной борьбы на политический олимп восходят политические коалиции, возглавляемые маргинальными слоями, способными,

как показывает исторический опыт, в большинстве случаев только к разрушению, но свято верившими в то, что вся их деятельность осуществляется во благо общества и национальных интересов. Ниспровержение их с политического олимпа в глазах общественного мнения представляется святотатством, но мотивация их деятельности, определяемая присущими им ценностями и уровнем знаний, как показывает исторический опыт, ведет к дезорганизации управления государством. Выход из создавшегося положения, как правило, находится один – формирование профессионально подготовленных нижних эшелонов власти способных, с одной стороны, не выступать противовесом верхнему эшелону, то есть подчиненных ему идеологически, экономически и политически, а с другой – относительно эффективно решать задачи управления.

В этих условиях профессиональная компетентность, особенно на верхних этажах управленческой пирамиды, теряет свое значение и уступает место политической лояльности, “серость начинает плодить серость”. Стремление к максимальному контролю над нижестоящими и обладанию всей полнотой власти ведет, во-первых, к обезличке принимаемых решений и отсутствию контроля и ответственности за их реализацию, а во-вторых, к возникновению все новых и новых эшелонов политической власти. Бюрократия рождает бюрократию, проникая во все поры общественной жизни и поражая метастазами это раковой опухоли весь государственный организм.

В подобной ситуации возникновение конфликтов на этнической почве есть не всегда результат межэтнических противоречий, а в большинстве случаев – следствие борьбы фракций и группировок различных политических сил, которые претендуют на роль главенствующих и озабочены распределением сфер своего экономического, политического и идеологического влияния как на региональном, так и на государственном уровнях.

В условиях обострения социально-экономической ситуации апелляция к уязвленному этническому

самосознанию этносов, населяющих включенные в состав распавшихся владений метрополии территории, находит отклик в их обыденном сознании, склонном принимать на веру выдвигаемую авторитетом доктрину, и, так или иначе, способствует возвышению национальной бюрократии и политических элит. При этом объектом этнического антагонизма, как правило, выступают либо представляющий метрополию этнос, либо государственно консолидирующий и наиболее многочисленный этнос в пределах распавшихся колониальных владений, на счет которых списываются все “упущения” предшествующего распаду исторического развития.

Эта канва колониального синтеза стран Востока в целом наблюдается в большинстве из названной группы стран, но особенности исторического развития каждой из них определяют специфичность ее воздействия на жизнь общества и пути решения проблем, связанных с ограничением бюрократического всевластия. Именно поэтому рассуждения о специфике развития стран Востока вообще, без привязки к особенностям социально-экономического, политического и культурного развития конкретной страны и населяющих ее этнических групп, в большинстве своем кажутся выходящими за рамки исторической действительности и выглядят святотатством по отношению к тем силам, благодаря “активной” деятельности которых данной страной была обретена национальная независимость. Помня об этом, оставляем на суд читателя поиск подтверждений вышесказанному, и переходим к рассмотрению конкретных вопросов, связанных с нашей темой.

Особенности формирования кадрового корпуса в СУАР КНР

В одной из своих работ я уже подробно разбирал особенности формирования кадрового корпуса в Синьцзяне,¹¹⁵ поэтому в этой главе, не останавливаясь на деталях, постараюсь обрисовать лишь общие тенденции и показать их взаимосвязь со спецификой сепаратистских тенденций в регионе.

Синьцзян гоминьдановского периода обладал значительным потенциалом для формирования национального кадрового корпуса, в том числе и идеологически близкого платформе КПК; другой вопрос: могла ли КПК использовать этот потенциал с гарантией сохранения своего влияния в Синьцзяне и его интеграции собственно в Китай? Именно это и обусловило особенности кадровой политики КПК в условиях Синьцзяна в новый исторический период его развития.

Несмотря на довольно мощную оппозицию гоминьдановскому правлению в регионе и существование на его территории фактически независимой от центрального правительства и обладающей значительными силами ВТР, в окончательной ликвидации очагов сопротивления, как и в Китае в целом, военный фактор оказался решающим. Вступление подразделений НОА в Синьцзян и установление их контроля над крупнейшими административными центрами Южного и Юго-Западного Синьцзяна по существу поставило последнюю точку в ликвидации гоминьдановского правления в провинции.

Повышение роли военного фактора сказалось не только на процессе борьбы за власть, но, естественно, на новой государственности и формировании новой политической организации. Чрезвычайно быстрый процесс распада гоминьдановской государственности и освобождения новых районов войсками НОА поставили перед руководством КПК целый ряд сложных политических проблем. Эти сложности проистекали прежде всего из того факта, что во вновь освобожденных районах КПК не имела возможности опереться на руководимое ею революционное движение, на находящиеся в сфере ее влияния организации рабочих и крестьян, во-первых, из-за отсутствия таковых, а, во-вторых, из-за определенного политического недоверия к существующим политическим и демократическим организациям, даже если эти последние идеологически были близки платформе КПК. В полной мере это распространялось и на регион Северо-Запада (включая Синьцзян), где, по

признанию руководства ЦК КПК, партия могла обеспечить лишь 10 процентов вакантных мест в административном аппарате городов данного региона,¹¹⁶ в сельской местности положение обстояло еще хуже.

У руководства КПК оставалось лишь два пути: использование старого аппарата под контролем военных властей НОА и прямое использование офицеров и солдат наступавшей НОА для создания нового административного аппарата. В связи со стремлением многих гоминьдановских деятелей всех уровней администрации отмежеваться от гибнущего режима, руководство КПК имело благоприятные возможности не только для использования ряда государственных деятелей прошлого режима для создания некоторого политического декорума, но и для подчинения низового аппарата, в том числе и полицейского.

Но, конечно же, главной политической силой становились кадры НОА и ее аппарат. В силу этого новый политический режим складывался прежде всего как военно-административный. Во вновь освобожденных районах вся власть переходила в руки военной администрации, учреждаемой НОА из своих подразделений. Этот военный аппарат обладал всей полнотой власти, и на его плечи возлагалось проведение “революционных” преобразований, включая создание представительских учреждений, формирование массовых организаций трудящихся и даже контроль над деятельностью местных организаций КПК.¹¹⁷

В Синьцзяне эту “историческую” миссию были призваны выполнить подразделения 1 полевой армии НОА, деятельность которой была “более интенсивной и продолжительной, чем в большинстве регионов Китая”.¹¹⁸ Неоспоримым является факт привлечения к деятельности административного аппарата провинции (в период его формирования) бывших гоминьдановских функционеров и лидеров национально-освободительного движения, занимавших нижние этажи синьцзянской политической элиты, либо “игравших престижные роли статистов в верхних эшелонах власти”.

Принимался во внимание и этнический фактор, создавая некий декорум деятельности военной администрации и центрального правительства. Так, из десяти глав округов, назначенных в декабре 1949 г., четверо были уйгурами, трое — казахами, двое — ханьцами, один — монголом. На уездном и городском уровне среди высших должностных лиц только 13 являлись ханьцами, а все остальные были представлены местными этническими группами, в том числе 45 являлись уйгурами.¹¹⁹

Однако это не добавляло власти местным этносам и их лидерам, “реальная власть сосредоточивалась в руках группы партийных кадров из 1-й полевой армии НОА, которые совмещали военные и административные должности”. Там же, где высшие должности в администрации занимали представители местных этносов, представители этой группы занимали посты их заместителей, “зачастую обладая большей фактической властью”.¹²⁰

Исключение составляли, пожалуй, лишь административные органы трех округов, на территории которых ранее функционировала ВТР. Им пока было позволено мирно существовать с новым режимом, оказывая ему поддержку в борьбе с контрреволюционными и бандитскими формированиями, действующими на их территории. Даже после реорганизации местного управления в трех округах осенью 1950 г., правительство возглавляли местные национальные кадры и “незначительная группа ханьцев, представленных НОА”. По-другому, по-видимому, и быть не могло. “Илийская группировка” представляла внушительную силу,¹²¹ но, что наиболее важно, она была близка КПК идейно и получала мощную поддержку со стороны СССР, и открытое выступление против нее в условиях необходимости сохранения отношений с ВКП (б) грозило серьезным конфликтом, к которому КПК, не имеющая прочного социально-экономического и политического плацдарма в этом регионе Синьцзяна, не была готова.

Прежде чем вступать в противоборство с местной синьцзянской элитой и начать формировать новый кадровый

корпус, КПК предстояло не только создать социально-политические условия для этого, но и либо подчинить местных лидеров, либо превратить их в глазах общественного мнения во “врагов народа”, либо уничтожить физически. До этого приходилось соблюдать внешние формы приличия и идти на всевозможные компромиссы. Как заявлял в конце 1950 г. Ван Чжэнь, “Цели Центрального Народного правительства в отношении Северо-Запада заключались: во-первых, в создании правительств народных представителей как демократической коалиции всех национальностей; во-вторых, в привлечении прогрессивных элементов всех национальностей и всех классов к участию в этих правительствах; в-третьих, в создании демократического Единого фронта... под руководством народных правительств и различных комитетов КПК”.¹²²

К этому стоит добавить, что в начальный период формирования кадрового корпуса в Синьцзяне больше внимания уделялось не его качеству, а количественным показателям. Вследствие чего требования к его профессиональным и даже политическим качествам были несколько занижены. За исключением явно антиханьских и антикоммунистических элементов, социальная база пополнения рядов кадровых работников была довольно широкой. Среди них были представители гоминьдановской администрации, верхушка местного духовенства, дети крупных землевладельцев и владельцев скота, люмпенизированные слои синьцзянского общества и просто политические проходимцы. Иначе говоря, новая власть использовала все элементы, которые выразили желание подчиниться ее диктату. Если во внутренних районах Китая в качестве критерия выдвижения кадрового работника действовал принцип “сочетания моральных качеств с деловыми”, то в Синьцзяне, по заявлению Ван Эньмао, “политика партии не была направлена на то, чтобы слишком много требовать от кадровых работников из числа национальных меньшинств в смысле способностей”.¹²³ Предпочтение отдавалось их политическим качествам. Все кадровые работники и активисты

национальных меньшинств с образованием выше средней школы обязаны были пройти дальнейшее политическое обучение попеременно в последующие семь лет. Они должны были получить знания о практической работе, языке и национальном единстве.¹²⁴

Все это не могло не отразиться на качественном состоянии кадрового корпуса Синьцзяна. Как указывалось, основные его недостатки в начале 50-х годов сводилась к следующему:

(1) недостаток политической сознательности, отличительным признаком чего является индивидуализм, проявляемый в недостаточном внимании к учебе и борьбе;

(2) разложение среди кадровых работников-ветеранов, некоторые из которых искали только развлечений, лучшей работы или возвращения в родные места, или же были беспечны, неумелы и коррумпированы;

(3) ревность или заносчивое отношение кадровых работников-ветеранов к молодежи;

(4) низкое качество подготовки молодых кадров;

(5) наличие трений между партийными и беспартийными кадровыми работниками, между кадровыми работниками-ханьцами и неханьцами. Существование кадровых работников, о которых говорили, что у них много энтузиазма, но не хватает опыта в классовой борьбе.¹²⁵

Не меньшую угрозу представляла и наметившаяся уже в этот период тенденция к бюрократизации аппарата власти, насаждению в нем методов администрирования и “командного стиля” работы, что так же имело своей первопричиной качественный уровень и социальный состав рекрутируемых кадров, в связи с чем “необходимо было уделять больше внимания усиленной подготовке национальных кадров и исправлению стиля работы кадровых работников-ханьцев, монополизировавших все виды деятельности”.¹²⁶

Как свидетельствует официальная статистика, к 1956-1957 гг. в Синьцзяне появились довольно внушительная партийная организация и кадровый корпус. Первоначальный кадровый корпус, который состоял из сравнительно большого числа бывших гоминьдановских функционеров, родоплеменной и

феодалной элиты, “прогрессивных национальных лидеров” и духовенства был преобразован. Нежелательные элементы были либо репрессированы, либо подверглись усиленной идеологической обработке. По мере осуществления социально-экономических и политических преобразований усиливалась роль партии в Синьцзяне и ее система подготовки кадров становилась более эффективной; пользующиеся доверием и политически лояльные молодые кадровые работники рекрутировались в соответствии с их политическими качествами и постепенно заполняли все этажи иерархической пирамиды власти. Наиболее преданные режиму пополняли политическую элиту, составляя группу, которая на протяжении многих лет определяла существо происходящих в Синьцзяне политических процессов и в своей основной части сохранялась постоянной при любых перестановках, которым подвергался кадровый корпус Синьцзяна в целом, за исключением, пожалуй, периода “культурной революции”. Но даже тогда эта группа была сохранена и, словно сказочный Феникс, возродилась из пепла как только вакханалия “культурной революции” сменилась более умеренной политикой, тем самым еще раз доказав, что вхождение в “социалистическую номенклатуру” — это пожизненно.¹²⁷

И главной отличительной чертой этой “номенклатуры” являлось то, что, несмотря на наличие в ней выходцев из различных классов и социальных слоев, в силу занимаемого положения и неразвитости демократических традиций в обществе, подчиненные законам своего внутреннего существования, весь аппарат власти и политическая элита, как составная его часть, постепенно превращались в обособленную политическую силу с тенденцией роста бюрократизма в их среде.¹²⁸

Существенное влияние как на формирование кадрового корпуса Синьцзяна, так и на его роль в общественной жизни (особенно в плане представления и отстаивания национальных интересов) оказали кампании “по упорядочению стиля работы”, “борьбе с правыми элементами” и “борьбе с местным национализмом”, охватившие Синьцзян в 1957-1958 гг. Эти

кампании имели почти стопроцентный охват. По данным Патхана Сугурбаева, 50-60 тысяч кадровых работников автономного района были привлечены к ответственности или принудительному труду по делам, разбираемым в этот период.¹²⁹ Другой источник указывает, что 98.781 кадровый работник уездного звена и выше был “направлен в низы для участия в физическом труде”.¹³⁰ По-видимому, применялись и более серьезные санкции; по заявлению Сайфудина Азизи, “было не возможно перевоспитать тех, кто требовал независимости”.¹³¹

Эти мероприятия не затронули только синьцзянскую политическую элиту, состоявшую преимущественно из ветеранов-ханьцев 1-й полевой армии НОА, возглавляемых Ван Эньмао, и незначительной части национальных кадров, верой и правдой служащих как этой группе, так и центральному руководству. И это вполне понятно, поскольку именно эта группа, под предлогом некомпетентности кадров и их обюрокрачивания, стремилась отмежеваться от неугодных кадровых работников, попутно возложив на них ответственность за неудачи в осуществляемой ею политике.

Конечно, не весь кадровый корпус был уничтожен, да этого и не требовалось: важно было ликвидировать, либо подчинить своему влиянию его мыслящую, оппозиционную часть, которая численно была не столь уж и значительной. Прошедшие через мясорубку “участия в физическом труде” кадровые работники, надолго, если не навсегда, оставляли желание проявлять свою индивидуальность, противопоставляя свое мнение планам партии и местной политической элиты. В лучшем случае они замыкались в собственной среде, считая за наивысшее благо оставаться безучастными к дальнейшим действиям политического режима. В худшем — “проявляли энтузиазм и активность”, обслуживая эти действия.

Стремление к сохранению своего привилегированного положения по мере уменьшения “общественного пирога”, гарантированного при формальном соблюдении политической лояльности, сыграло свою злую шутку не только с ними, но и со всеми народами, проживающими в регионе.

Положение усугублялось и дальнейшими организационными мероприятиями, направленными на расширение кадрового корпуса и партийной прослойки в автономном районе. Прозвучавший в ходе осуществления кампаний призыв о “повышении качества” кадрового корпуса оказался не больше, чем фарсом. Как разъяснялось в центральной прессе, в это понятие вкладывался совершенно иной смысл. Так, по мнению китайских авторов того периода, “качество” кадрового корпуса тождественно его “коммунизации”, увеличивая численность кадров, необходимо первостепенное внимание обращать на их “коммунизацию”.¹³²

Другими словами, речь шла не о профессиональном росте, не о повышении культурного уровня кадрового корпуса, а о его политической благонадежности. В соответствии с этой установкой предполагалось в первую очередь готовить кадровых работников “через различные аспекты работы в ходе массовых кампаний из среды рабочих, крестьян и животноводов”; открывать школы и курсы политической подготовки; использовать старую интеллигенцию и служащих гоминьдановского аппарата из числа национальных меньшинств, “помогая им преодолеть сознание”. Что касается уже действующего кадрового корпуса, то ему предстояло пройти через очередную волну кампании “по исправлению стиля в работе”, перевоспитание в организованных правительством и КПК политшколах и группах, участие в физическом труде и работу в низовых органах власти.¹³³

Развернувшаяся в середине 1958 г. “коммунизация” синьцзянской деревни и “битва за сталь” не только значительно расширили социальную базу будущих кадров, увеличив численность маргинальных и люмпенизированных слоев населения, но и до предела упростили принципы будущей кадровой политики: лучше “красный”, чем “специалист”, что в особенности касалось кадровых работников-неханьцев.

Приобрела легитимную основу и широкомасштабная миграция ханьцев (в том числе и кадровых работников) из

внутренних провинций Китая в СУАР. За неполные два года уцелевший после “борьбы с местным национализмом” старый синьцзянский партийный и кадровый корпус растворился в потоке новых рекрутов, вербовка которых проходила в духе принципа “коммунизации кадров”. “Красных” в Синьцзяне оказалось в избытке. В 1958-1959 гг. численность кадрового корпуса удвоилась, достигнув 130-134 тысяч человек, а к концу 1960 г. — 176.970 человек.¹³⁴

Сохранялся и декорум национального представительства в органах власти. К октябрю 1965 г. численность кадровых работников из числа национальных меньшинств достигла более 106 тысяч человек, и они составляли 58,8% от 190-тысячной армии кадровых работников автономного района. 10% от общей численности кадровых работников-неханьцев занимали “руководящие должности” на уровне коммуна — уезд и выше, составляя около 40% всех “руководящих кадров” в автономном районе.¹³⁵

Казалось бы, эти цифры вступают в противоречие с нашими прежними рассуждениями и свидетельствуют о повышении значимости национального кадрового корпуса в определении политической стратегии в регионе. Однако это кажущееся впечатление, и реальность складывалась несколько иначе.

Во-первых, политическая элита СУАР и КНР в целом после осуществленных в ее среде “чисток” и “перевоспитаний” могла позволить себе роскошь широкого использования местных кадровых работников на руководящих постах в административном аппарате и даже в партийных органах. Социальный состав этого кадрового корпуса был таков, что он не представлял сколь-нибудь значительной угрозы. В нем прочно укоренилась психология, согласно которой существование кадрового работника и обеспечение его определенными привилегиями возможно лишь при условии “безусловной веры” в правильность политической линии, выдвигаемой авторитетом, будь то государственный или региональный лидер, либо просто местный начальник.

В не меньшей степени этому способствовало и то обстоятельство, что прохождение по служебной лестнице кадрового аппарата определялось не уровнем образования и профессиональной подготовки, а социальным происхождением, клановыми и корпоративными связями и в первую очередь — “политической качественностью” кандидата и его умением занять “позу подчиненности”.

Наконец, несмотря на внушительную прослойку местных этносов в партийной организации СУАР и значительную их долю в руководстве партийных органов на местах, они оставались лишь формальными руководителями. Фактическая власть находилась в руках либо их заместителей-ханьцев, либо отраслевых секретарей, тоже преимущественно ханьцев.¹³⁶ Кроме того, как и в администрации, состав партийных органов был существенно обновлен в конце 50-х годов, и партия очистилась от всех “нереформированных элементов”. Членство в партии предполагало еще большую веру в незыблемость политической доктрины, а критерий “коммунизации” партийных кадров оставался неизменным даже в 1961-1965 гг. Это обстоятельство говорит скорее о слабой качественности (в обыденном понимании этого термина) кадровых рядов и прежде всего “руководящих кадров” из числа национальных меньшинств.

С завершением “культурной революции” в регионе в СУАР сформировалась новая политическая элита, включающая в себя как “старые” кадры, так и новых “чужаков”, чье появление на политической арене стало возможно только как результат необходимости проведения более умеренной политики. В новом руководстве не было ни одной господствующей личности, которая захватила бы власть, а также не было ни одной фракционной группы, которая занимала бы монополизирующее положение. Наиболее поразительной характеристикой местного руководства было то, что оно состояло из тщательно сбалансированной смеси “своих” и “посторонних”, старых и новых кадровых работников, военных и гражданских,

и, по крайней мере, поверхностно, местные этносы были представлены также, как и ханьцы. В большей степени система “контроля и обдуманых действий” была заложена в руководящую группу. Как результат, новая местная элита в то время более реагировала на центральное руководство и контроль.¹³⁷ Сохранение за Сайфудином Азизи — единственным оставшимся в новом руководстве представителем прежней политической элиты — руководящих постов в партии, правительстве и Синьцзянском военном округе, по-видимому, объяснялось характером самой этой политической фигуры.¹³⁸

Что касается этнической составляющей органов власти, то в те годы она не имела сколь-нибудь существенного значения в силу социальной базы, на основе которой был сформирован кадровый корпус. Эту базу составляла “грамотная молодежь” как местного происхождения, так и прибывшая из внутренних районов Китая с отрядами “революционных бунтарей” в первый период “культурной революции”; офицерский и солдатский состав дислоцированных в Синьцзяне подразделений НОАК; направленные центром кадровые работники административных и партийных органов; а также незначительное число принявших новую веру местные кадровые работники-ветераны. Причем, главную и наиболее “радикальную” силу составляла “грамотная молодежь”, которая в условиях сформировавшейся правительственной коалиции доминировала на местах. С учетом морально-психологических особенностей составляющих кадровый корпус административно-партийных органов (особенно в части “руководящих кадров”) представителей составных частей его социальной базы, как представляется, этнический элемент в нем играл второстепенное значение и в большей степени служил антуражем, призванным, с одной стороны, продемонстрировать неизбежность национальной и кадровой политики центра, а с другой — прикрывать безвластие регионального руководства и некомпетентность кадрового корпуса.

Проблема этнической инкорпорации в современном Синьцзяне

Приход к власти нового руководства в КНР потребовал и кадровых перестановок на местах. В конце 1977-1978 гг. центральное руководство вновь продемонстрировало свою способность реформировать политическую элиту Синьцзяна, а вместе с ней – частично и кадровый корпус, удалив из него наиболее непримиримых “радикалов”. Однако и эта попытка нормализовать обстановку в автономном районе не увенчалась успехом. Местная пресса продолжала выражать беспокойство по поводу широко распространенной борьбы группировок, обостряющей и без того недружелюбные отношения между ханьцами и неханьскими этническими группами.¹³⁹ Более того, новое руководство СУАР, по-видимому, достаточно однозначно восприняв провозглашенную III пленумом ЦК КПК 11 созыва политику либерализации и усиления внимания на экономическое развитие, при формировании нового кадрового корпуса основное акцент ставило не на идеологических и политических качествах кадровых работников, а на их квалификации и профессиональных навыках.

Безусловно, такой подход являлся более значимым, но в контексте только что завершившейся “культурной революции” в глазах местного населения он представлялся очередным ущемлением прав неханьских народов на самоуправление. Эти настроения подкреплялись и остающимся без изменений национальным составом органов власти на местах, в которых доминировали ханьцы, а также публикациями в местной печати. Так, сообщалось: “В данный момент национальные кадровые работники как по своей численности, так и по качеству подготовки не соответствуют потребностям генеральной задачи нового периода и задаче национального строительства. Из их числа мало кто входит в руководящий костяк; особенно мало из них специалистов технических специальностей в различных областях производства”. И далее: “Не может быть и речи об уменьшении числа кадровых работников-ханьцев в Синьцзяне, где нельзя обойтись без их помощи. Поэтому мы должны всячески стимулировать их выезд в районы

проживания национальных меньшинств”¹⁴⁰

Но главной ошибкой Ван Фэна — нового партийного руководителя автономного района было то, что он не учитывал расстановку сил в кадровом и партийном корпусе и региональной политической элите, как составной его части. Для большинства кадров (в том числе и национальных) нововведения Ван Фэна представлялись крахом только что завоеванного “места под солнцем”. Среди же работников-ветеранов этот курс (хотя и близкий им по духу) не находил поддержки в силу традиционного консерватизма и неуверенности в его постоянстве. С их точки зрения, постоянные изменения в политике могли лишь привести к неуверенности и апатии масс, утрате репутации и авторитета КПК. Они считали, по вполне понятным причинам, более безопасным не проявлять излишнего энтузиазма по поводу новых политических инициатив; наученные опытом, они боялись, что новая линия может вновь измениться и в результате они будут подвергнуты критике за “приверженность капитализму”¹⁴¹

Не меньшее значение имело и то обстоятельство, что Ван Фэн, хотя и известный в кругах политической элиты человек, был для Синьцзяна “чужаком” и не имел достаточной социальной опоры ни в среде кадровых работников административных и партийных органов, ни устойчивых сторонников в среде синьцзянской политической элиты. Именно этим, на мой взгляд, и объясняется провал намеченного им курса и его недолгое пребывание в должности первого секретаря Синьцзянского комитета КПК. Устранившись от активного вмешательства в осуществление нового курса, кадровый корпус по сути блокировал возможности его реализации.

К середине 1981 г. стало совершенно очевидно, что ситуация в СУАР требует такого партийного руководителя, который смог бы вывести регион из состояния самотека. В конце октября по указанию Дэн Сяопина в Урумчи был послан Ван Эньмао, чтобы вновь принять на себя пост первого секретаря Синьцзянского комитета КПК и первого военного комиссара Урумчинского военного округа.

Характерным для возвращения Ван Эньмао на политическую арену СУАР является тот факт, что оно не вызвало сколь-нибудь значительных изменений в персональном составе политической элиты региона. По-видимому, сказалось то обстоятельство, что большая ее часть в той или иной степени была ему знакома по его прежней работе в регионе, а многие из числа нового руководства своим политическим возвышением прямо или косвенно были обязаны непосредственно Ван Эньмао. Более того, с завидным постоянством она сохранялась на протяжении всего периода пребывания Ван Эньмао у власти, а в части “первых должностных лиц” — и по настоящее время.

Не пришлось Ван Эньмао и круто менять основные направления осуществляемого Ван Фэном курса; он лишь незначительно скорректировал их, приблизив к национальной самобытности СУАР и сделав более понятными для различных слоев населения автономного района. Прекрасно понимая, что претворение в жизнь этого курса напрямую зависит от стабилизации обстановки в регионе и способности политического руководства вовлечь кадровый корпус партийных и административных органов среднего и низшего звена в этот процесс, Ван Эньмао основные усилия прикладывает именно в этих направлениях. Основным лейтмотивом выступлений синьцзянских лидеров в тот период, да и в настоящее время, являлась проблема национальной сплоченности и сохранения политической стабильности в регионе, которой (во всяком случае, внешне) была подчинена и кадровая политика.

Эта политика базировалась на трех основных принципах: во-первых, концепции “неразрывности двух”; во-вторых, принципа соответствия удельного веса кадровых работников из числа национальных меньшинств и осуществляющего автономию этноса их доли в населении автономного национального образования; в-третьих, соответствия кандидатов в кадровые работники морально-этическим, возрастным, политическим и профессиональным критериям, определенным ЦК КПК для членов партии и кадровых работников.

Два последних принципа не представляют ни чего нового; в той или иной интерпретации они осуществлялись и

ранее. Новый элемент — концепция “два не отрываться”, согласно положениям которой “ошибочным и опасным является предположение, что кадровые работники-ханьцы могут обойтись без кадровых работников неханьской национальности, а последние — без кадровых работников-ханьцев”.¹⁴² Причем, указанное положение составляло как бы видимую часть концепции, другая — скрытая и сущностная часть не пропагандировалась и особо не раскрывалась ни в теоретических разработках, ни в выступлениях политического руководства. Однако Джанабил, рассуждая о теоретической основе концепции “два не отрываться”, однажды проговорился, обратив внимание на два ее существенных момента: “первое — неуклонное поддержание национальной сплоченности... второе — упор на то, что Китай — единое многонациональное государство, а Синьцзян — автономный район компактного проживания многих национальностей, с древнейших времен являющийся неотъемлемой частью родины”.¹⁴³

Именно этот аспект концепции и является существенным, напрямую сочетаясь с апробированной Ван Эньмао в 50-е — 60-е годы политикой “мирной интеграции” Синьцзяна в Китай. В новых условиях и при новом раскладе социальных и политических сил в кадровом аппарате партийных и административных органов оставалось лишь скорректировать эту политику с учетом реальных изменений в социально-политической жизни Китая.

А эти изменения требовали активного вовлечения в проводимые социально-экономические мероприятия всего населения региона прежде всего кадровых работников из числа национальных меньшинств. “Умасливание” национальной бюрократии и стало основой курса Ван Эньмао. По данным на середину 1982 г., в СУАР в пяти автономных областях первую должность в административных органах занимали представители КПК из числа кадровых работников-неханьцев; среди 9 мэров городов представителей местных этнических групп было 8; среди 85 начальников уездов и мэров городов уездного уровня — 76; председатель

СНП СУАР, председатель НП СУАР, председатель Верховного суда по своей этнической принадлежности были уйгурами. Среди 15 заместителей председателя ПК СНП СУАР семь являлись представителями национальных меньшинств. Среди 11 заместителей председателя НП СУАР шестеро были неханьцами.

Сообщалось также, что большинство среди первых и вторых секретарей партийных комитетов на уездном уровне, коммун и бригад составляли национальные меньшинства. В районах сосредоточения национальных меньшинств удельный вес кадровых работников-неханьцев составлял 70-85% от их общей численности в регионах, и они контролировали до 95% “руководящих должностей”.¹⁴⁴

Эти данные, с одной стороны, свидетельствуют о серьезном потяжении позиций “леваков” и “радикалов”, занятых ими на волне “культурной революции”, о возвращении репрессированных кадровых работников-ветеранов на политический Олимп СУАР, наконец, о поддержке ими возглавляемой Ван Эньмао политической элиты. А с другой — это свидетельство изменений национальной политики КПК (в ее тактической части), попыток использования привлекательного в глазах местных этносов лозунга “коренизации аппарата власти” как для повышения их производственной и социальной активности, так и для “умасливания” национальной бюрократии в целях достижения относительной стабильности в регионе и возможно более мирной его интеграции в общее направление осуществляемой центром политики.

По-видимому, в тот период из двух зол приходилось выбирать меньшее: лучше было допустить “коренизацию кадрового аппарата” партийных и административных органов, имея в виду, что большинство вновь назначенных кадров связывали свое возвращение к политической и общественной жизни с именем Ван Эньмао и осуществляемой центром политикой либерализации, и как результат — в какой-то степени контролировались ими; нежели допустить к власти

неконтролируемых “радикалов”, либо “новых кадровых работников, назначаемых из центра”.

Значение кадровых изменений после возвращения Ван Эньмао состояло в том, что руководство автономного района по своей природе казалось менее коллективным, более склонным в сторону тех, у кого был опыт работы под руководством Ван Эньмао в Синьцзяне и кто поддерживал политику и политические методы работы, ведущиеся им и возглавляемым Дэн Сяопином центральным руководством.¹⁴⁵

Это создавало впечатление, что теперь в руководстве и политике больше управления и они менее подвержены изменениям, что значительно содействовало улучшению политической и социально-экономической стабильности в автономном районе. Значимость восстановления “консервативной” (если можно так выразиться) группы в региональном и субрегиональном руководстве района состояла и в том, что благодаря усилиям и контролю с ее стороны открывалась возможность ее пополнения за счет более молодых “руководящих кадровых работников” органов власти на низовом уровне, а также за счет местных “руководящих кадров”, прибывающих из внутренних районов Китая, включая и пополнение за счет этой категории лиц рядов технических специалистов в автономном районе. Легко различимые политические склонности сложившейся к 1983 г. руководящей группы, по-видимому, создавали некоторую уверенность в Пекине, что она не превратится в мыслящую в узконационалистических интересах группу, которая не будет выполнять директивы центра или задержит процесс интеграции и национального сплочения.

Однако приходилось учитывать и худшие последствия. В центральном руководстве, по-видимому, отчетливо понималась опасность подобной стратегии терпимости и либерализации: будучи раз пущена в ход, она вызывает целую вспышку требований других свобод и большей автономии, и режим может поставить себя в трудное положение, лелея надежды, которые не могут быть с легкостью осуществлены, и возбуждая желания, которые

невозможно будет мирно удовлетворить. Сама структура кадрового корпуса партийных и административных органов, представляющая собой причудливую смесь правоверных марксистов ленинско-сталинского толка, “буржуазных элементов”, “местных националистов”, “радикалов” периода “культурной революции”, наконец, “реформаторов” дэновского типа, представляла собой серьезную угрозу осуществлению политики центра. Эту структуру предстояло менять, что требовало значительного времени и существенной социальной опоры в противодействии антиреформаторским настроениям.

В основу кадровой политики были положены три принципа. Принцип комплектации местных органов власти “преимущественно” за счет кадровых работников из числа национальных меньшинств, обладающих необходимыми профессиональными качествами (на первом месте) и политической лояльностью по отношению к осуществляемой центральным руководством политике (на втором месте).

Принцип широкого привлечения в органы власти и управления реабилитированных кадровых работников-ветеранов и формирования на этой основе “руководящих звеньев”.

Принцип подготовки “третьего эшелона” кадровых работников,¹⁴⁶ составляющих резерв выдвижения на руководящие посты. При комплектации этого резерва исходили из так называемых “четырёх преобразований” кадрового корпуса: революционизации и омоложения кадровых работников, их профессионализации и повышения уровня знаний.¹⁴⁷ Во многом такому подходу способствовал и характер задач, которые предстояло решать, а также качественное состояние как самого кадрового аппарата, так и других социальных слоев СУАР.

Другими словами, в относительно короткие сроки требовалось подготовить такой кадровый корпус, который не только гарантировал бы выполнение указаний центрального руководства, но и обеспечивал сохранение стабильности в регионе, а профессионально был бы способен к решению

принципиально новых социально-экономических и политических задач.

В соответствии с “Документом №62” (1984 г.) Комитета КПК СУАР “О поэтапном ускорении ‘четырёх преобразований’ руководящего звена окружных и уездных органов власти”, начиная с октября 1984 г. в автономном районе была осуществлена “проверка руководящих звеньев” и ротация кадров в них. Кадровый состав “руководящих звеньев” был обновлен на 29,7%, а среди новых выдвиженцев неханьцы составляли 41,6%. В конце года на 42,85% был ротирован кадровый состав руководства правительства автономного района. В числе лиц, занимающих должность председателя и заместителей председателя НП СУАР национальные кадровые работники составляли 57,14%. В августе было проведено упорядочение в управленческом аппарате крупных и средних промышленных предприятий, который был обновлен на 33,4%. Среди управленцев этого уровня доля кадровых работников-неханьцев стала составлять 21,8%, что “было выше, чем до упорядочения”.¹⁴⁸

Параллельно с “упорядочением” действующего кадрового корпуса проводилась и интенсивная подготовка резерва “руководящих кадровых работников”. Как сообщалось, к концу года было подготовлено более 15 тысяч кадровых работников для окружных, уездных и волостных уровней власти, среди которых кадровые работники из числа местных этнических групп составляли 39,9%. Этот резерв по своему качественному уровню значительно превосходил действующее руководство автономного района и с полным основанием мог надеяться на свое быстрое продвижение по служебной лестнице.

После проведения проверок и упорядочения кадрового корпуса к концу года его общая численность достигла 450 тысяч человек, среди которых кадровые работники неханьской национальности составляли более 201 тысячи человек, или 44,44%. В руководящем составе кадровых работников районного звена неханьцы составляли 51,06%; в руководстве партийных комитетов окружного и городского звена – 39,86%, среди

первых административных руководителей округов и городов – 100%; в руководстве партийных комитетов уездного звена – 46,39%, среди начальников уездов – 94,05%; в руководстве партийных комитетов волостного звена – 69,55%, среди первых руководителей волостей – 88,37%. В руководстве (председатель и заместители председателя) постоянных комитетов СНП и НПКС выше уездного уровня кадровые работники из числа представителей неханьских этнических групп составляли 67,96%.¹⁴⁹

Простое сравнение этих данных с этническими характеристиками населения СУАР КНР, как и данных за периоды конца 80-х – начала 90-х годов,¹⁵⁰ а также второй половины 90-х годов (см.: Таблицы 4-25 – 4-27), формально позволяет сделать вывод о том, что в данном регионе элемент этнической дискриминации отсутствовал. Более того, в сравнении с ханьцами, национальные меньшинства, с точки зрения этнической инкорпорации, находятся в более привилегированном положении. Однако данный вывод был бы несколько поспешным. Одной из существенных особенностей кадрового корпуса СУАР как в середине 80-х годов, так и в настоящее время является то, что представители неханьской его части доминируют почти исключительно в административных и партийных органах, а также в сфере культуры, искусства, частично – народного образования. Причем, даже в этих сферах они занимают преимущественно “руководящие посты”, а ответственность за реализацию конкретных решений возлагается на более низкие звенья управленческого аппарата, где доминируют ханьцы.

Таблица 4-25

Этническая структура национально-территориальных автономий
СУАР КНР и органов власти в них в 1999 г. (в %)

Наименование национально-территориальной автономии	Этническая структура национально-территориальных автономий				Этническая структура органов власти (ПК СНП/НП)	
	Доусишаньцзян этнос	Уйгур	Дунгуи	Китай	Доусишаньцзян этнос	Дунгуи
СУАР КНР	46,48		38,71	7,35	41,751,6	33,942,2
В том числе:						
Бэйингуань-Монгольский автономная область	44	33,8	35,8		25,025,0	37,530,0
Борзотай-Монгольский автономная область	6,6	12,9	66,3	9,9	28,633,3	42,933,3
Хэйлунцзян-Корейский автономная область	29,5	63,9	5,3		33,940,0	33,940,0
Сяньцзян-Хуэйский автономная область	11,5	4,2	74,8	8,2	42,928,6	28,642,9
Минь-Касанский автономная область	25,9	15,9	44,7		33,930,0	22,233,3
Янцзи-Хуэйский автономный район	23,0	28,6	45,6			
Цзиньчэн-Сяньбэйский автономный район	13,9	26,8	33,2	20,8		
Мунгун-Касанский автономный район	23,1	4,9	69,4			
Хубэйцзян-Монгольский автономный район	32,1	2,2	36,6	27,5		
Бэйингуань-Казанский автономный район	30,3	0,2	67,7			
Тяньцзинь-Таньчжоуский автономный район	82,0	6,5	5,7			

Примечание: Цифровые данные этнической структуры органов власти вычитаны автором; В числителе – члены ПК СНП, знаменателе – члены НП.

Источник: Синьцзян няньцзянь. 2000 (Ежегодник по Синьцзяну за 2000 г.).

– Урумчи, 2000, с.14-15, 67, 74, 393, 426, 430, 448, 468.

Это объясняется не только осуществляемой центром политикой “коренизации аппарата”, но, как уже отмечалось выше, и мотивацией социальной деятельности самих национальных меньшинств, особенно интеллигенции и выпускников вузов, из которых и готовятся главным образом квалифицированные национальные кадры.

С завидной степенью постоянства в среде кадрового корпуса сохранялись элементы бюрократизма и административно-

командного стиля руководства. Бюрократический аппарат, почувствовав, что с активизацией экономических реформ подспудно ведется наступление и на занимаемые им позиции, брал реванш. Во всяком случае, начиная с 1985 г. руководство КНР заговорило о “пробуксовке” структурной реформы. Появилась тенденция к “разбуханию” аппарата, увеличению различного рода директив, чиновничества, снижения уровня персональной ответственности, обезличке принимаемых решений.¹⁵¹

Не меньшую, а в стратегическом плане и более серьезную угрозу это представляло для формирующегося нового поколения кадровых работников, которое, попадая в такой аппарат, моментально заражалось “аппаратным вирусом”. И здесь благие пожелания не давали должного эффекта, предстояло принимать радикальные меры. Однако к ним руководство КНР не было готово ни психологически, ни социально. Проблему “исправления стиля работы” в среде партийных и административных кадровых работников предполагалось решать не путем дальнейшей радикализации экономических и политических реформ, а чисто аппаратным методом — усилением роли идеологического критерия в подготовке кадров и проведением очередной их перестановки.¹⁵²

Тем самым возрождалась корпоративная система административного управления и кадровым работникам давалось понять, что их продвижение по служебной лестнице зависит не от профессиональных способностей, а от умения служить интересам этой системы. Главная идея реформы политической и кадровой системы, заключающаяся в том, что не система должна зависеть от качества кадрового корпуса, а его качественность и роль в обществе определяются характером политической системы, была перевернута с ног на голову.

Таблица 4-26

Численность и этническая структура кадрового корпуса Синьцзяна
(1949-2000 гг.)

(человек)

Год	Общая численность кадрового корпуса	Численность кадрового корпуса по этноязыковым группам и национальностям	
	человек	человек	%
1949	5 217	2 995 - 3 000+	57,4
1950-51	25 000	12 841 - 16 1 000+	55,8-70,0
1952		30 500+	
1954		24 571	
1955	54 000 - 58 000	35 659 - 46 800+	62,3-80,7
1956		46 756 - 61 772	
1957	112 016	61 330 - 72 000	58,0-54,0
1958-59	117 000 - 134 000	62 000 - 72 000	58,0-54,0
1960	176 970	72 000	40,7
1962	200 000	111 500	55,75
1965	190 000+	106 000+	55,8
1975		98 000+	
1978	403 539	117 476	29,11
1984		181 860+ - 192 000+	
1985	450 000	200 000+	44,4
1986	470 040	211 380	44,0
1987	469 804	215 674	45,9
1988	485 000+	224 000+	46,36
1989	505 000+	238 000+	46,1
1990	526 000+	246 000+	46,2
1991	545 000+	250 000+	45,9
1993	564 000+	264 000+	46,8
1994	574 000+	268 000+	46,7
1995	570 000+	270 000+	47,4
1996	610 000+	292 000+	47,9
1997	639 000+*	312 000+*	48,8
1998	648 000+*	321 000+*	49,9
1999	664 000+*	329 000+*	49,6
2000	652,1	331,5	50,8

Примечание: * без учета кадрового корпуса СПСК

Источники: Котов К.Ф. Новый Синьцзян. — Алма-Ата, 1955, с.83-84; Синьцзян вэйуэр цычжи цюй чэнли ды чжуньяо ии (Важное значение образования Синьцзян-Уйгурского автономного района). — Пекин, 1956, с.39; Синьцзян гайлань. (Обзор по Синьцзяну). — Урумчи, 1988, с.27; Синьцзян няньцзянь. 1986 (Ежегодник по Синьцзяну за 1986 г.). — Урумчи, 1986, с.74; Синьцзян няньцзянь. 1990 (Ежегодник по Синьцзяну за 1990 г.). — Урумчи, 1990, с.40; Синьцзян няньцзянь. 1991 (Ежегодник по Синьцзяну за 1991 г.). — Урумчи, 1991, с.66; Синьцзян няньцзянь. 1992 (Ежегодник по Синьцзяну за 1992 г.). — Урумчи, 1992, с.60; Синьцзян няньцзянь 1994 (Ежегодник по Синьцзяну за 1994 г.). — Урумчи, 1994, с.56; Синьцзян няньцзянь. 1995 (Ежегодник

по Синьцзяну за 1995 г.). – Урумчи, 1995, с.68; Синьцзян няньцзянь. 1996 (Ежегодник по Синьцзяну за 1996 г.). – Урумчи, 1996, с.79; Синьцзян няньцзянь. 1997 (Ежегодник по Синьцзяну за 1997 г.). – Урумчи, 1997, с.49; Синьцзян няньцзянь. 1998 (Ежегодник по Синьцзяну за 1998 г.). – Урумчи, 1998, с.49; Синьцзян няньцзянь. 1999 (Ежегодник по Синьцзяну за 1999 г.). – Урумчи, 1999, с.51; Синьцзян няньцзянь. 2000 (Ежегодник по Синьцзяну за 2000 г.). – Урумчи, 2000, с.60; Синьцзян няньцзянь. 2001 (Ежегодник по Синьцзяну за 2001 г.). – Урумчи, 2001, с.50; Фаньдуй дифан миньцзучжуи вэй цзяншэ Цзуго шэхуйчжуи дацзятин эр фэньдоу (Выступая против местного национализма, строить социалистическую семью Родины). – Пекин, 1958, с.58; McMillen D.H. Chinese communist power and policy in Xinjiang. 1949-1977. – Boulder (Col.), 1979, p.74; Миньцзу яньцзю, 1990, №2, с.29; Синьцзян дасюэ сюэбао, 1987, №2, с.11; Хунци, 1984, №17, с.11; Синьцзян жибао, 21.07.1957.

В этих условиях не дали результатов и решения XIII съезда КПК (октябрь 1987 г.), направленные на то, чтобы разрубить этот Гордиев узел.¹⁵³ Чиновный люд, почувствовав, что его положению верховного арбитра и блюстителя “социальной справедливости” угрожает серьезная опасность в очередной раз навязал обществу свою логику развития, учитывающую корыстные интересы бюрократии.

Дальнейшее развитие событий уже происходило по апробированному сценарию: кадровые работники критиковались за “порочный стиль работы”, в их среде велись внутренние перестановки, происходила и ротация, исходя из принципов “иерархической пирамиды” власти, но вопрос об изменении их социального статуса в повестку дня не ставился; они по-прежнему оставались главными действующими лицами китайского социума. Несмотря на видимую борьбу с негативными явлениями в их среде и призывы “честного и бескорыстного служения народу”, корпоративные интересы и “честь мундира” оставались более значимыми; наказаниям подвергались лишь “зарвавшиеся” низшие чины, верхние же эшелоны власти были выше всяких подозрений и законов.¹⁵⁴

И несмотря на то, что объективные условия для становления нового поколения кадровых работников, в том числе и из числа национальных меньшинств, создаются достаточно активно, и кадровый корпус значительно преобразуется (см.: Таблицы 4-28 – 4-31), пока у нас нет оснований говорить об его качественных изменениях. Особенно в контексте преодоления тенденций бюрократизма и административно-командного стиля руководства в его среде.

Таблица 4-27

Численность и этническая структура членов КПК в Синьцзяне
(1949-2000 гг.)

(человек)

Год	Численность организаций	Общая численность членов КПК	Численность членов КПК - национальностей жиньцзянь	
			Численность	%
1949		1.000	17	0,57
1950-51		5.000 - 10.000	97	1,94-0,97
1952		6.000+	800+	11,1
1953		10.000+	5.800+	58,0
1955		30.000(10.000 - 40.000)	9.000-10.000	30,0-13,0
1956	2.500	62.478 - 68.000	27.811-30.000	44,6-44,1
1958-59	8.982	110.000 - 114.000	62.000+	47,7-46,1
1960	11.000+	176.970	60.000-61.490	
1963	18.000	230.000	105.000+	45,2
1979		420.000		
1986	45.141	588.190	190.790	12,4
1987	46.805	636.790	211.791	18,4
1988	49.011	636.230	249.498	18,0
1989	51.495	681.159	254.138	17,1
1990	50.000+	700.000+		
1991	59.871	729.211	268.579	16,8
1992	58.638	770.711	286.890	16,1
1994	60.419	827.000	301.682	16,7
1995	61.000	880.000	320.000	17,2
1996	62.000+	916.000	340.000+	17,1
1997	65.000+	958.000+	358.000+	17,4
1998	61.111	929.879	374.211	40,21
1999	64.186	962.737	388.161	40,34
2000	64.181	1.017.701	400.188	18,8

Примечания: а – предположительно, не включая членов КПК из дислоцированных в Синьцзяне подразделений НОА; б – предположительно, включая членов КПК из числа военнослужащих НОА; в – только уйгуры

Источники: Синьцзян няньцзянь. 1988 (Ежегодник по Синьцзяну за 1988 г.). – Урумчи, 1988, с.72; Синьцзян няньцзянь. 1989 (Ежегодник по Синьцзяну за 1989 г.). – Урумчи, 1989, с.47-48; Синьцзян няньцзянь. 1990 (Ежегодник по Синьцзяну за 1990 г.). – Урумчи, 1990, с.40; Синьцзян няньцзянь. 1991 (Ежегодник по Синьцзяну за 1991 г.). – Урумчи, 1991, с.64; Синьцзян няньцзянь. 1992 (Ежегодник по Синьцзяну за 1992 г.). – Урумчи, 1992, с.57; Синьцзян няньцзянь. 1994 (Ежегодник по Синьцзяну за 1994 г.). – Урумчи, 1994, с.55-56; Синьцзян няньцзянь. 1995 (Ежегодник по Синьцзяну за 1995 г.). – Урумчи, 1995, с.65-66; Синьцзян няньцзянь. 1996 (Ежегодник по Синьцзяну за 1996 г.). – Урумчи, 1996, с. 78-79; Синьцзян няньцзянь. 1997 (Ежегодник по Синьцзяну за 1997 г.). – Урумчи, 1997, с.48-49; Синьцзян няньцзянь. 1998 (Ежегодник по Синьцзяну за 1998 г.). – Урумчи, 1998, с.49; Синьцзян няньцзянь. 1999 (Ежегодник по Синьцзяну за 1999 г.). – Урумчи, 1999, с.50; Синьцзян няньцзянь. 2000 (Ежегодник по Синьцзяну за 2000 г.). – Урумчи, 2000, с.60; Синьцзян няньцзянь. 2001 (Ежегодник по Синьцзяну за 2001 г.). – Урумчи, 2001, с.50; Цзиньжи Синьцзян (Синьцзян сегодня). Ч.1. – Урумчи, 1987, с.61; McMillen D.H. Chinese communist power and policy in Xinjiang. 1949-1977. – Boulder (Col.), 1979, p.73-74; Синьцзян жибао, 30.06.1958, 6.09.1965.

Таблица 4-28

Социальный состав членов КПК в СУАР КНР (1993-1997 гг.)
(человек)

Год	Члены КПК в составе интеллигенции	Зрелые и ветераны	Технические специалисты	Педагоги	Работники культуры СССР
1993	226 539	160 509	167 840	119 836	185 783
1994	258 174	167 045	186 214	131 265	191 405
1995	290 000+	170 000+	180 000+	140 000+	190 000+
1996	269 000+	187 000+	207 000	137 000+	201 000+
1997	281 800+	194 000+	208 500	167 000+	207 400+

Источники: Синьцзян няньцзянь. 1994 (Ежегодник по Синьцзяну за 1994 г.). – Урумчи, 1994, с.55-56; Синьцзян няньцзянь. 1995 (Ежегодник по Синьцзяну за 1995 г.). – Урумчи, 1995, с.65-66; Синьцзян няньцзянь. 1996 (Ежегодник по Синьцзяну за 1996 г.). – Урумчи, 1996, с.78-79; Синьцзян няньцзянь. 1997 (Ежегодник по Синьцзяну за 1997 г.). – Урумчи, 1997, с.48-49; Синьцзян няньцзянь. 1998 (Ежегодник по Синьцзяну за 1998 г.). – Урумчи, 1998, с.49. После 1997 г. в Ежегодниках по Синьцзяну подобная статистика не показана.

Как подчеркивают синьцзянские авторы, в настоящее время в кадровом корпусе Синьцзяна, особенно в его неханьской части имеют место следующие негативные явления:

- (1) относительно высокая концентрация национальных кадров в партийных и административных органах;
- (2) распыленность и незначительное число национальных кадров в экономике, науке и технике;
- (3) среди национальных кадровых работников из числа научно-технических специалистов большая их сосредоточенность в образовании, культуре и здравоохранении, и недостаток в сфере науки, управления, финансов, инженерии;
- (4) среди национальных кадровых работников из числа научно-технических специалистов очень мало специалистов высокой квалификации.¹⁵⁵

Более того, среди “незначительной части” кадровых работников из числа национальных меньшинств “развиты националистические настроения, в национальном вопросе они усиленно подчеркивают ‘право на самоопределение’, односторонне делают упор на национальных интересах, на правах человека, что усложняет национальные отношения. Эти люди объективно превратились в защитный зонтик для этнических сепаратистов”.¹⁵⁶

Таблица 4-29
Структура пополнения партийных рядов (1996-1999 гг.)

(человек, %)

	1996	1997	1998	1999
Всего вступивших в партию	52 000+	51 000+	50 038	48 250
В том числе:				
из органов власти	24 000+	25 000+	22 861	22 198
железные	15 000+	15 700+	16 118	15 963
младше 35 лет	39 000+	39 700+	38 379	37 343
с высшим образованием				
или с высшим образованием	35 000+	36 600+		
работавших в промышленности и	31 000+	31 000+		
сельском хозяйстве	(59,91%)	(60,33%)		
в том числе младше 35 лет	74,93%	76,01%		
из предприятий образования	3400+	3231	3291	2329
и здравоохранения	12 000+	11 000+		
По социальному составу:				
Рабочие, служащие,				
обслуживающий персонал (%)	17,56	18,8	27,6	47,0
Крестьяне, животноводы, рыбаки (%)	26,41	27,39	25,6	23,8
Техническое обслуживание (%)	26,92	27,31	28,5	28,9
в том числе младше 35 лет (%)	64,61	68,85		
с образованием выше среднего				
Образование (%)	25,62	24,42		
Преподаватели среднего звена (%)	33,35	33,92		
Студенты (%)	3,62	3,86	3,86	3,9
Безработные (%)		20,78		

Источники: Синьцзян няньцзянь. 1997 (Ежегодник по Синьцзяну за 1997 г.). – Урумчи, 1997, с.48-49; Синьцзян няньцзянь. 1998 (Ежегодник по Синьцзяну за 1998 г.). – Урумчи, 1998, с.49; Синьцзян няньцзянь. 1999 (Ежегодник по Синьцзяну за 1999 г.). – Урумчи, 1999, с.50-51; Синьцзян няньцзянь. 2000 (Ежегодник по Синьцзяну за 2000 г.). – Урумчи, 2000, с.60.

Именно здесь и возникает вопрос, с какого рода сепаратизмом, и сепаратизмом ли вообще мы в данном случае имеем дело. Как мы видели, определение этнической принадлежности правящей группы, в сущности, ничего не объясняет, так как она представляет собой корпоративную группу, спаянную узами патроната, в равной степени закрытую и неподотчетную для всего остального населения независимо от его этнической принадлежности. Следовательно, проблема заключается в другом, а именно в поиске тех оснований, которые актуализируют проблему межэтнических и социальных конфликтов. То есть выявления таких форм неравенства, которые, с точки зрения этнических элит, оцениваются как ущемляющие права и

интересы всего этноса либо его территориальной группы. Прежде всего это возможность снижения или реальное снижение группового статуса, перспектива ассимиляции, эрозия этнического ареала (“исконной земли”) вследствие интенсивного притока мигрантов, отсутствие реального самоуправления, разрушение культурной целостности.¹⁵⁷ Не менее значимо и то обстоятельство, что “неспособность принять участие в решении общегосударственных дел в качестве равноправных партнеров (обусловленная малочисленностью, а в большинстве случаев также отсталостью и неорганизованностью) определяет и важнейшую политическую цель лидерства этнических меньшинств – власть в пределах собственного этноареала”.¹⁵⁸

Таблица 4-30
Отраслевая структура кадрового корпуса СУАР КНР (1987-1999 гг.)
(человек, %)

Сферы занятости персонала, работников	1990	1996	1997	1998	1999
Общая численность (чел.)	326.000+	610.000+	619.000+	641.000+	664.000+
В том числе:					
Партийные, организаторы, работники центрального аппарата и массовых организаций	21,92	22,7	22,8	21,1	21,25
В организациях и учреждениях	26,26	22,55	22,1	26,8	24,6
На промышленных предприятиях	26,70	22,11			
В управленческих аппаратах органов образования	21,12				
Кадровый состав органов власти - чиновники, специалисты (чел.)	175.000	420.000+	440.000+	440.000+	452.186
в том числе национальные меньшинства	45,65	38,3	30,4	30,8	

Источники: Синьцзян няньцзянь. 1991 (Ежегодник по Синьцзяну за 1991 г.). – Урумчи, 1991, с.66; Синьцзян няньцзянь. 1997 (Ежегодник по Синьцзяну за 1997 г.). – Урумчи, 1997, с.49; Синьцзян няньцзянь. 1998 (Ежегодник по Синьцзяну за 1998 г.). – Урумчи, 1998, с.49; Синьцзян няньцзянь. 1999 (Ежегодник по Синьцзяну за 1999 г.). – Урумчи, 1999, с.51; Синьцзян няньцзянь. 2000 (Ежегодник по Синьцзяну за 2000 г.). – Урумчи, 2000, с.60.

Как мы видели выше, все эти аспекты, особенно в плане негативной их оценки этническими элитами, в том или ином виде в Синьцзяне имеют место. И вполне естественно, что они оказывают влияние на формирование этнического самосознания, порождая настроения и ожидания совершенно определенного рода.

Более того, для актуализации проблемы этнического неравенства имеют место и сугубо экономические основания. В условиях развернувшейся с конца 80-х годов кампании

за разграничение полномочий между партийными и административными органами, между административными органами управления и промышленными предприятиями и т.д., разрыв в системе управления дополнился проведением этнических разграничений и “этнической конкуренцией” между кадровыми работниками-ханьцами и кадровыми работниками из числа национальных меньшинств.

Таблица 4-31

**Образовательный ценз и возрастная структура
кадрового корпуса СУАР КНР (1990-1999 гг.)**

(человек, %)

	1990	1996	1997	1998	1999
Общая численность (чел.)	526 000+	610 000+	639 000+	643 000+	664 000+
В том числе:					
Научные работники			0,21	0,23	0,21
Люд. с уровнем образования выше среднего специального (%)	24,74	79,9	82,4	84,7	86,97
Люд. с уровнем образования высшей школы 2-й ступени (%)	34,62	11,0	10,1	9,2	8,16
Люд. с уровнем образования высшей школы 1-й ступени (%)	20,64	8,8	7,5	6,0	4,87
Люд. моложе 45 лет (%)	76,40	81,64	82,6	84,2	70,66

Источники: Синьцзян няньцзянь. 1991 (Ежегодник по Синьцзяну за 1991 г.). – Урумчи, 1991, с.66; Синьцзян няньцзянь. 1997 (Ежегодник по Синьцзяну за 1997 г.). – Урумчи, 1997, с.49; Синьцзян няньцзянь. 1998 (Ежегодник по Синьцзяну за 1998 г.). – Урумчи, 1998, с.49; Синьцзян няньцзянь. 1999 (Ежегодник по Синьцзяну за 1999 г.). – Урумчи, 1999, с.51; Синьцзян няньцзянь. 2000 (Ежегодник по Синьцзяну за 2000 г.). – Урумчи, 2000, с.60.

Этому процессу способствовало и расширение рыночных отношений в КНР. Экономическая либерализация и ограничение полномочий центра открывали возможность “быстрого обогащения” за счет перераспределения в свою пользу созданного предшествующими поколениями “общественного пирога” и относительно бесконтрольного использования формально находящихся в общественной собственности, но фактически управляемых местными чиновниками богатейших природных ресурсов районов проживания национальных меньшинств. На фоне отмеченной выше тенденции достижения этническими элитами политической власти в пределах собственного этноареала это и являлось не только причиной обострения противоречий между центральной и местной бюрократией, но и основой регионализма, порой принимающего форму этнического сепаратизма.

Глава 5.

Этнический сепаратизм в Китае: мифы и реальность

“Политическое неравенство, как и всякое другое, само по себе не является предпосылкой для возникновения конфликта. Зачастую оно не осознается, а если и осознается, воспринимается как нечто должное либо рационализируется... Соответственно, межэтнические конфликты на этой почве — явление достаточно редкое для стран Востока. Гораздо типичнее случаи, когда отчуждение от центральной власти и опасения по поводу засилья доминирующих этносов порождают сепаратизм. Вопреки историческому опыту большинства полиэтничных государств, отделение воспринимается как более реальная альтернатива, более действенная защита ‘национальных’ интересов, нежели преодоление фактического неравенства в территориальных пределах существующих государств”.¹

Существенно и другое. Сама по себе полиэтничность государства не является конфликтогенным фактором, она становится таковым только в определенных условиях. Этническая стратификация, как и любая другая форма дифференциации (в том числе социально-классовая), создает основу для возникновения латентного конфликта, однако последний далеко не всегда перестает в открытый конфликт. Такое перерастание возможно лишь в том случае, если имеются следующие субъективные предпосылки:

этнос обладает самосознанием. То есть осознает свое отличие от других этносов

групповая солидарность этноса превалирует над противоречиями между отдельными сегментами (идейно-политическими, социально-классовыми и др.)

большая часть этноса приходит к консенсусу, общему пониманию групповых (национальных) интересов этноса

элитарные группы этноса (лидеры общественного мнения) расценивают существующую ситуацию, в первую очередь дифференциальную инкорпорацию и/или национальную политику, как несправедливую и в той или иной форме (в виде программ, лозунгов) ставят целью устранение несправедливости.²

Сравнительное изучение межэтнических конфликтов показывает, что они возникают при наличии всех перечисленных предпосылок, исключая этноконфессиональные конфликты. При отсутствии указанных предпосылок к движению примыкают лишь отдельные сегменты этноса. Возникающий в такой ситуации конфликт является этносоциальным, но при определенных условиях, по мере расширения социальной базы движения, он может перерасти в межэтнический.

Что касается проблемы сепаратизма, в том числе и этнического, то в классическом понимании — это стремление к отделению, обособлению; движение за отделение части территории и создание нового государственного образования или за предоставление части страны автономии. Причем, в отличие от национально-освободительного движения, сепаратизм всегда связан с деятельностью определенных кругов местной элиты, поскольку, как правило, именно ей принадлежит инициатива не только агрегации национальных интересов, но и акцентуации внимания на таких формах неравенства, которые, с ее точки зрения, непосредственно ущемляют права и интересы всего этноса либо его территориальной группы.

Современный сепаратизм как политическая программа основывается на ложно трактуемом принципе самоопределения, когда каждая этническая общность должна иметь собственную государственно оформленную территорию. Но такой смысл не заключен ни в правовой теории, ни в национальных законодательствах, ни в международно-правовых документах. Последние трактуют право народов на самоопределение как право территориальных сообществ (а не этнических групп!) формировать систему управления не в ущерб остальному населению. Сепаратизм же в его этническом варианте — это выход из существующей системы или ее разрушение с целью

оформления государственности для отдельной этнокультурной общности. Для сепаратистов самоопределение — всегда отторжение от общего государства, политическое и культурное разделение.³

Типология этнического сепаратизма в Китае

С учетом вышеизложенных позиций, так называемые сепаратистские движения в современном Китае, на мой взгляд, можно типологизировать по нескольким основаниям.

Во-первых, по этнической принадлежности участников: уйгурский, казахский и дунганский, монгольский, тибетский и т.д.

Во-вторых, по выдвигаемым целям: сепаратистские, автономистские и ирредентистские движения.

В-третьих, по масштабу охвата территории: межрегиональные, субрегиональные и региональные.

Наконец, по характеру вовлеченности в них представителей духовенства, региональной правящей элиты, международных правозащитных организаций или правительств зарубежных государств.

С учетом этой типологии, в современном Китае можно выделить несколько видов сепаратистских движений, каждый из которых обладает собственной спецификой и оказывает различное воздействие как на обстановку и проблемы безопасности внутри страны, так и на международные отношения и безопасность в том или ином регионе.

“Тайваньская проблема”

По своей классификации “тайваньскую проблему” нельзя отнести к категории этнического сепаратизма, поскольку население и материкового Китая (КНР), и Тайваня (Китайская Республика) — ханьцы. Проблема носит сугубо политический характер. Правительство КНР не признает юридическую независимость Китайской Республики и не поддерживает дипломатические отношения с теми странами,

которые заявляют о своем признании Республики Китай в качестве субъекта международного права. Более того, Тайвань включается в статистику КНР в качестве одной из ее провинций, а сама “тайваньская проблема” в КНР рассматривается как “внутренняя проблема, которая рано или поздно будет решена”.

По мнению тайваньских аналитиков, именно такой подход делает решение проблемы тупиковым, поскольку в этом случае “невозможно рассчитывать, чтобы КНР рассматривала КР как равноправного партнера, и невозможно рассчитывать, что она позитивно воспримет идеи мирного объединения двух берегов и реалистические аргументы, выдвигаемые Тайванем”.⁴ Кстати говоря, на необходимость признания Тайваня в качестве равноправного партнера в переговорном процессе указывают и некоторые российские авторы.⁵

И в этом есть своя логика. С одной стороны, юридически Тайвань является суверенным государством. Более того, до октября 1971 г. Китайская Республика являлась полноправным членом ООН, где представляла интересы всего Китая. И хотя сегодня на Тайване существуют диаметрально противоположные точки зрения на его юридический и международно-правовой статус,⁶ с фактом его существования в качестве суверенного государства необходимо считаться. То, что этот факт не признается КНР, еще ни о чем не говорит. С другой стороны, опыт объединения разделенных государств показывает, что данный процесс становится возможным при трех условиях:

признания сторонами друг друга равноправными участниками переговорного процесса

понимания неизбежных издержек объединения для той и другой стороны и политической воли лидеров государств и проявленного желания идти на объединение

отсутствия попыток “разыграть карту” со стороны внешних сил и международной поддержки объединительного процесса.

Говорить о том, что все эти условия в настоящее время присутствуют, пожалуй, преждевременно. И дело даже

не в позиции Пекина и Тайбэя. “Тайваньская проблема”, порожденная и длительное время поддерживаемая политикой США, сегодня в большей степени имеет международный характер, а в ее сохранении, правда, без доведения ситуации до открытого военного противостояния, заинтересованы почти все участники этой “игры”.

Во-первых, сохранение “тайваньской проблемы” поддерживает состояние неразрешенности внутреннего конфликта, безусловно, ослабляющего позиции Пекина на мировой арене.

Во-вторых, Тайвань непрестанно служит своего рода “немым укором” Пекину, поскольку представляет собой тот высокий стандарт, к которому КНР стремится, даже не признавая этого в открытую (см. Таблицу 5-1).

В-третьих, Тайвань — это выгодный экономический партнер, чей хозяйственный потенциал будет неизбежно повержен в прах в случае воссоединения с КНР, что никак не устраивает страны, имеющие с ним тесные торгово-экономические связи.

В-четвертых, КР — это всегда дополнительный аргумент в разговоре с КНР, если ситуация на материке приобретет кризисный характер, угрожающий безопасности региона или интересам заинтересованных стран.⁷

Главная цель правительства КНР в отношении Тайваня — его воссоединение с материковым Китаем на основе принципа “одно государство — две системы”, что категорически отвергается тайваньской стороной. Основные причины подобной позиции сводятся к следующему:

против “одного государства”, коль скоро под ним подразумевается КНР. В этом случае принятие концепции “одно государство — две системы” означало бы ликвидацию КР

сомнению в возможности параллельного “сосуществования двух систем”

сомнению в осуществимости параллельного сосуществования “двух систем”.⁸

До 1979 г. пока между КНР и США не было дипломатических

отношений, КНР и КР рассматривали друг друга находящимися в состоянии войны. В январе 1979 г. США устанавливают дипломатические отношения с КНР, и ВСНП тут же принимает “Обращение к соотечественникам на Тайване”, в котором подчеркивается:

(1) делая упор на решении проблемы единства, “необходимо изучить реальную ситуацию на Тайване”, “уважать обстановку на Тайване и мнения представителей всех социальных слоев Тайваня, использовать рациональные методы, чтобы не нанести ущерба народу Тайваня”;

(2) “мы возлагаем большие надежды на 17-миллионный народ Тайваня, а также на администрацию Тайваня”; уверены, что “администрация Тайваня будет постоянно придерживаться позиции одного Китая, выступать против независимости Тайваня. Это – наша общая позиция и основа сотрудничества”;

(3) “прежде всего необходимо путем переговоров между правительством КНР и администрацией Тайваня прекратить военное противостояние”;

(4) “обе стороны должны как можно быстрее наладить транспортное и почтовое сообщение”, “развивать торговлю, взаимный обмен, осуществлять экономическое сотрудничество”.⁹

Таблица 5-1

**Основные экономические показатели развития
КНР и Тайваня**

КНР	
Значение валового продукта (мл. дол.)	9396,980
Население (млн. чел.)	1216,990
Высокой внутренней продукт (млрд. долл.)	900,9
ВВП на душу населения (долл.)	1460
Экспорт (млрд. долл.)	83,7
Импорт (млрд. долл.)	121,4
Золотовалютные резервы (млрд. долл.)*	151,0
Внешний долг (млрд. долл.)	133,0
Тайвань	
Значение валового продукта (мл. дол.)	13,980
Население (млн. чел.)	21,908
Высокой внутренней продукт (млрд. долл.)	371,6
ВВП на душу населения (долл.)	121,1
Экспорт (млрд. долл.)	12,409
Импорт (млрд. долл.)	114,4
Золотовалютные резервы (млрд. долл.)*	97,7
Внешний долг (млрд. долл.)	20

Данные приводятся по состоянию на конец 1997 года.

* данные на середину 1999 года.

В 1983 г. свою точку зрения по этому вопросу высказал Дэн Сяопин, обратив внимание на следующие моменты:

сущность тайваньской проблемы — объединение Родины поддержание одного Китая; строй может быть разным, но в международных делах представлять Китай должна только КНР.

неодобрение формулировки “полной автономии”. “Полная автономия” означает “два Китая”. Автономия должна иметь определенные ограничения и условия, чтобы не наносить ущерба интересам единого государства

после объединения Тайвань может функционировать как особый административный район, может иметь неодинаковый с материком строй. Ему будет разрешено осуществлять порядки, отличные от порядков в континентальной части

страны. Правосудие останется независимым, право на вынесение окончательного судебного решения не перейдет к Пекину. Кроме того, Тайвань может иметь собственные вооруженные силы, но только при том условии, что они не составят угрозы континенту. Континент не будет отправлять персонал на Тайвань, ни военный, ни административный. В Центральном правительстве Тайваню будет отведено несколько мест

мирное объединение – это не поглощение Тайваня континентом и, конечно, не поглощение континента Тайванем. Так называемое “объединение Китая на основе трех народных принципов” нереально

осуществление объединения надлежащим способом это не переговоры между центром и регионом, а переговоры между партиями двух государств, установление третьего по счету сотрудничества. После достижения соглашения можно об этом объявить официально, но здесь недопустимо иностранное вмешательство, так как это означало бы лишь то, что у Китая еще нет независимости, и повлекло бы за собой множество нежелательных последствий.¹⁰

Эти предложения остались не услышанными. До середины 80-х годов берега Тайваньского пролива разделял “железный занавес”, и говорить о каких-либо отношениях между Тайбэем и Пекином не приходится.

“Размораживание” отношений началось с ноября 1987 года, когда жителям острова было дозволено совершать поездки в КНР с целью посещения родственников. В 1990 г. сократились ограничения для тайваньских бизнесменов на не прямые торгово-экономические связи и инвестиционную деятельность на материке с условием, что это будет осуществляться через третьи страны. В марте 1991 г. в Тайбэе учрежден в качестве частной организации Фонд развития связей между двумя сторонами Тайваньского пролива (СЕФ), а в декабре того же года – аналогичная негосударственная организация в Пекине – Ассоциация по связям через Тайваньский пролив (АРАТС).

Положительный сдвиг в отношениях между КНР и Тайванем наметился в апреле 1993 г., когда состоялась первая встреча

руководителей двух правительственных ведомств, ответственных за политику в отношении соответственно Китая и Тайваня. В январе 1995 г. свою точку зрения по “тайваньскому вопросу” высказал Цзян Цзэминь. Предложенная им “Программа восьми пунктов” предусматривала:

(1) твердо соблюдать принцип “одного Китая” в качестве основы и перспективы мирного объединения. КНР не возражает против развития гражданских экономических и культурных связей Тайваня с зарубежными странами. Однако КНР против акций Тайваня, направленных на так называемое “расширение международного жизненного пространства” и имеющих целью раскол страны под видом “двух Китаев”, либо “одного Китая и одного Тайваня”;

(2) переговоры между двумя берегами по мирному объединению могут проводиться поэтапно. Переговоры по официальному прекращению состояния вражды, постепенное осуществление мирного объединения Родины, признание в качестве основы принципа “одного Китая” – первый этап. Этот этап означает, что оба берега должны совместно обеспечивать суверенитет и территориальную целостность Китая;

(3) всеми силами добиваться мирного объединения, но не отказываться от применения вооруженных сил. Китайцы не собираются убивать китайцев, и вооруженные силы будут использованы в случае вмешательства внешних сил, вынашивающих планы “независимости Тайваня” в дело объединения Китая;

(4) всеми силами развивать направленные в XXI век экономический обмен и сотрудничество между двумя берегами;

(5) соотечественники по двум берегам должны вместе наследовать и развивать лучшие традиции китайской культуры;

(6) постоянно проявлять уверенность в соотечественниках на Тайване. Соотечественники на Тайване, будь они гражданами Тайваня или из других провинций, являются китайцами и братьями по крови.

Наши партийные и административные органы, в том числе представительства за рубежом должны укреплять связи с тайваньскими соотечественниками, прислушиваться к их мнению и требованиям, проявлять заботу и уважение к их интересам;

(7) приветствовать поступающие нам предложения всех партий и общественных деятелей Тайваня по вопросам отношений между двумя берегами и мирного объединения;

(8) руководители обеих сторон и соответствующие персоны обмениваются визитами. Мы приглашаем руководство Гоминьдана посетить Китай.¹¹

Казалось, ничто не могло помешать дальнейшему развитию переговоров. Однако диалог застопорился после того, как в июне 1995 г. президент Тайваня совершил неофициальный визит в США, который был расценен в КНР как открытая демонстрация стремления Тайбэя к проведению независимой внешней политики.

1997 г. обещал достаточно интенсивный диалог между представителями КНР и Тайваня. Прибывший в начале апреля в Тайбэй с кратким рабочим визитом спикер палаты представителей американского конгресса Ньют Гингрич в очередной раз дал обязательство, что США будут защищать Тайвань, если тот подвергнется военному нападению, одновременно призвав возобновить прерванный в середине 1995 г. политический диалог между Китаем и Тайванем. Президент Тайваня Ли Дэнхуэй, дав согласие на возобновление диалога, тем не менее, исключил возможность объединения с КНР на основе предлагаемого Пекином принципа “одна страна – две системы”.

В конце марта в зарубежных средствах массовой информации появилось сообщение о том, что Пекин готов предоставить тайваньскому лидеру Ли Дэнхуэю пост вице-президента КНР в случае мирного воссоединения Тайваня с Китаем. С таким неожиданным высказыванием выступил председатель КНР Цзян Цзэминь в ходе встречи с находящимся с визитом в Пекине главой МИД Японии Юкихико Икэдой. При этом Цзян Цзэминь еще раз заверил, что в случае мирного

воссоединения острова с КНР Пекин не будет размещать на Тайване свои войска.

Данное предложение Пекина было встречено тайваньской стороной достаточно прохладно. Более того, уже в середине июня президент Китайской Республики Ли Дэнхуэй выступил с призывом к Пекину признать независимость Тайваня, что улучшит отношения между Пекином и Тайбэем и будет способствовать достижению задачи его воссоединения с КНР.

Конец декабря принес новое развитие событий. Ли Дэнхуэй выразил готовность возобновить диалог с Пекином, не выдвигая при этом никаких предварительных условий. Коснувшись призывов Пекина относительно воссоединения Тайваня с КНР, Ли Дэнхуэй указал, что о воссоединении трудно говорить, пока в Китае “сохраняется система однопартийного правления коммунистической партии”. До тех пор пока КНР не станет свободной демократической страной с многопартийной системой, воссоединение не представляется возможным, отметил президент Тайваня.

В январе 1998 г. официальные лица Китая дали понять, что не требуют от Тайваня формального признания центрального правительства в Пекине в качестве предварительного условия для переговоров. В свою очередь Ли Дэнхуэй в интервью журналу Schripel выразил готовность посетить континентальный Китай и встретиться с председателем Цзян Цзэмином, но при условии, что это будет встреча на высшем уровне. При этом он согласился, что Тайвань является частью Китая, но идет своим путем: “Мы одна страна с двумя политическими институтами”.

Данное заявление было существенным шагом вперед на пути преодоления конфронтации между двумя берегами Тайваньского пролива, хотя говорить о наметившейся тенденции к воссоединению пока преждевременно. Скорее всего, на изменение подходов Тайваня оказал влияние “кризис доверия” тайваньцев к политике Ли Дэнхуэя, который наметился в конце 1997 г. Ли Дэнхуэю нужна была козырная карта, и этой козырной картой могло стать улучшение отношений с материковым Китаем. В не меньшей степени в

такой козырной карте был заинтересован и Цзян Цзэминь, который понимал значимость и святость исторической миссии объединения всех потерянных китайских территорий.

Все изменилось летом 2000 г. 10 июня немецкая радиостанция Deutsche Welle озвучила заявление главы администрации Тайваня о том, что связи между Тайванем и материковым Китаем являются “специальными отношениями между народом и народом”. Реакция официального Пекина была незамедлительной. Ван Даохань, главный представитель руководства КНР в полуофициальном диалоге с Тайбэем, подчеркнул, что Пекин “не допустит разделения китайского народа”, а неделю спустя Китай начал крупномасштабные учения в Тайваньском проливе, открывшие новый виток противостояния.

Данный кризис – тоже результат изменившейся политической ситуации, связанной с предстоящими президентскими выборами на Тайване. Опросы общественного мнения показывали, что более 60% респондентов высказывались за статус-кво, от 20 до 30% стояли за независимость Тайваня, а около 10% считали необходимым прилагать большие усилия к воссоединению. А при таком соотношении голосов проблема отношений с материком становилась одной из козырных карт в любой политической игре.

Не меньшее влияние на ужесточение позиции Ли Дэньхуэя, по-видимому, оказали и изменения в китайско-американских отношениях. Несмотря на жесткость заявлений со стороны Китая по поводу бомбардировки китайского посольства в Белграде, де-факто Китай вынужден был признать первенство за США, что существенно ослабило степень его привлекательности в глазах тайваньцев. И новая официально принятая Тайбэем формула “один народ – два государства”, оставляя некоторую свободу маневра, учитывала изменившиеся политические реалии.

18 марта Гоминьдан впервые за последние 50 лет уступил власть на Тайване новой политической силе. Новым президентом “мятежной провинции” был избран

представитель главной оппозиционной Гоминьдану партии — Демократической прогрессивной партии (ДПП) — Чэнь Шуйбянь, известный своей жесткой позицией по вопросу воссоединения с материком.

Однако, понимая ущербность этой позиции и не желая усугублять наметившуюся конфронтацию между Пекином и Тайбэем, вызванную резким заявлением Ли Дэнхуэя, Чэнь Шуйбянь задолго до даты проведения выборов заявил своим избирателям, что в случае избрания его президентом он не будет выступать за “независимость” этой китайской провинции. Чэнь Шуйбянь заявил также, что не намерен предпринимать никаких мер, которые привели бы к изменению политического статуса Тайваня, включая внесение в конституцию выдвинутого нынешним президентом Ли Дэнхуэем положения о том, что отношения между островом и материковым Китаем являются “межгосударственными”.¹²

Победив на выборах, Чэнь Шуйбянь начал высказываться еще более определенно. Он сообщил, что в ближайшее время учредит совет экспертов для поиска путей урегулирования отношений с Пекином. “Сейчас надо, чтобы страсти улеглись”, — отметил он.¹³

Чэнь Шуйбянь в действительности оказался даже большим реалистом, чем лидеры Гоминьдана. Более того, представляя оппозиционную Гоминьдану партию, вызывающую открытую неприязнь у КПК, он имеет реальные шансы достичь соглашения с КНР, безусловно, если здравый смысл и экономическая целесообразность возобладают над амбициями политиков по обеим берегам Тайваньского правительства, а закулисные игроки дадут возможность китайскому народу самому определиться в решении этого деликатного вопроса. Пока, к сожалению, ни по одной из этих позиций положительного ответа дать нельзя, и ситуация находится в том же состоянии, что и раньше.

“Тибетский вопрос”

В отличие от “тайваньской проблемы”, конфликт в Тибете может быть квалифицирован как один из типов этнического

сепаратизма в Китае, поскольку его первопричиной является противостояние местного населения (прежде всего тибетских монахов и светской тибетской элиты) осуществляемой в регионе политике центра.

По характеру власти Тибет являлся теократическим государством. Во главе Тибета стоял далай-лама, первосвященник и светский правитель в одном лице. Сакральная природа авторитета далай-ламы проистекает из признания его реинкарнацией Ченрези, божества – покровителя Тибета и прародителя тибетцев, манифестацией Авалокитешвары, Будды милосердия. В земных ипостасях он выступает как Опекун мудрости, Защитник веры и олицетворение национального единства. Теократический характер политико-административной системы Тибета определялся не только тем, что его верховным правителем выступал далай-лама, но и присутствием монашеской бюрократии на всех административных уровнях сверху донизу. Монастырь, будучи связан кровнородственными узами со многими тибетскими семьями, остается составной органической частью тибетского общества и до настоящего времени.¹⁴

В мае 1951 г. между правительством КНР и местной администрацией Тибета было подписано Соглашение о мероприятиях по мирному освобождению Тибета, которое, наряду со стандартным набором положений о включении Тибета в состав КНР и изгнания с его территории “реакционных империалистических сил”, предусматривало, что:

центральные власти не будут изменять политическую систему, существующую в Тибете. Центральные власти не будут также изменять существующий статус, функции и полномочия далай-ламы

при осуществлении реформ в Тибете, они будут проводиться самим Тибетом, будут использованы методы, согласованные с тибетским народом и тибетским руководством, центральные власти не будут оказывать давления

статус, функции и полномочия далай-ламы и панчен-ламы сохраняются

расходы по нахождению подразделений НОАК в Тибете берет на себя центральное правительство.¹⁵

Однако очень скоро выяснилось, что все эти положения остались только на бумаге. Подразделения НОАК вошли в Тибет уже в сентябре 1951 г., но говорить о том, что этим актом было обеспечено подчинение региона центральному правительству, было бы несколько преждевременно. 50-е годы были наполнены драматическими событиями, кульминацией которых стало восстание 1959 г., положившее начало дальнейшему противостоянию.

Хотя в современной китайской литературе в качестве основной причины восстаний 50-х годов приводится подрывная деятельность американских и английских спецслужб,¹⁶ вряд ли эта оценка может считаться справедливой. Вне всякого сомнения, спецслужбы сыграли свою роль в подготовке восстаний, но возникали они совершенно по другим причинам.

Протестный потенциал накапливался постепенно, параллельно с процессом модернизации традиционного тибетского общества. Взрыв произошел осенью-зимой 1956 г., когда в хозяйственной сфере была предпринята атака на ламаизм в лице монастыря как социоэкономического феномена. Потребность в обеспечении продовольствием частей НОАК, контингента разного рода служащих-ханьцев, заставила китайские власти реформировать традиционные методы хранения, поставок и распределения пищи, бытовавшие в Тибете. Все эти мероприятия непосредственно затрагивали права монастырей как землевладельцев, сборщиков налогов и хранителей зерна. Экспроприация монастырского имущества вылилась в гонения на веру, которые задели самую болевую точку психологического настроения тибетцев, и они восстали.¹⁷

Причем выступления тибетцев в Восточном Тибете были не локальным явлением, а частью общетибетского движения, ибо против китайской власти в середине 50-х годов выступили тибетцы в провинциях Ганьсу, Сикан, Сычуань. Логическим следствием этого процесса явилось

восстание 1959 г. в Лхасе. Лозунгами восставших в Лхасе тибетцев явились “Независимость Тибету!” и “Защитим веру!” По своему смыслу эти призывы были идентичны: независимый Тибет – это ламаистский Тибет, защищая веру, защищали прежний образ жизни, согласно заповедям веры. Угроза этому возникла с появлением китайцев. Поэтому освобождение понималось тибетцами как избавление от их присутствия. Среди лозунгов повстанцев был и такой: “изгнать ханьжэнь” (то есть китайцев).¹⁸

Детонатором для взрыва в Лхасе послужило известие о приглашении далай-ламы на театральное представление в расположении командования Тибетского военного округа. Появление далай-ламы в штабе НОАК было воспринято тибетцами как чреватое для его личной безопасности. Вопрос быть или не быть далай-ламе на приеме в штабе НОАК приобрел судьбоносное решение для Тибета. 17 марта 1959 года далай-лама и члены его семьи покинули Лхасу, а затем оставили и пределы Тибета.¹⁹

В ночь на 19 марта общим наступлением на гарнизон НОАК в Лхасе началось восстание, в котором, по данным официальной статистики, участвовало более 20 тыс. человек. 29 марта 1959 г. панчен-лама, как исполняющий обязанности председателя Подготовительного комитета, направил телеграмму Мао Цзэду и Чжоу Эньлаю, в которой от имени монахов и мирян одобрил приказ Госсовета КНР о роспуске местного тибетского правительства и подавлении мятежа. 14 апреля 1959 г. на приеме, данном в его честь премьером Чжоу Эньлаем, панчен-лама осудил восстание в Лхасе, охарактеризовав мятежников шакалами и волками в религиозной одежде, религиозным отребьем.²⁰ Однако, несмотря на такую оценку восстания вторым по значимости религиозным авторитетом Тибета, окончательно подавить его удалось только в марте 1962 г., а в 1965 г. Тибет был преобразован в Тибетский автономный район КНР.

“Культурная революция”, как и в остальных районах Китая, привела к дальнейшему наступлению на традиционную культуру Тибета и к ослаблению влияния

духовенства и монастыря в социально-экономической жизни региона. В результате проведенных реформ ламаистский монастырь лишился прежней свободы хозяйствования и соответственно возможностей содержать столько монахов, сколько монастырское руководство считает нужным. Теперь его ставили в условия экономической зависимости от партийно-административных органов, которые, руководствуясь критерием патриотичности монашеской братии, решали заслуживает ли казенного вспомоществования данный монастырь или нет. Из почти 1600 монастырей, существовавших в Тибете до 1959 г., к концу 1979 г. осталось лишь 13.²²

Начиная с 1979 г. пекинские власти пытаются проводить в Тибете новый курс, который с большой натяжкой можно назвать политикой примирения или мирного сосуществования. Пекин объявил в Тибете свободу вероисповедания, с 1980 по 1991 гг. было выделено около 30 млн. долларов на реконструкцию и строительство 1000 монастырей. По официальным данным, в начале 1995 г. в монастырях Тибетского автономного района проживало около 34 тыс. монахов и монахинь, которые, по мнению Пекина, должны “не паразитировать, а самостоятельно обеспечивать свое существование”. По данным некитайских источников, объявленная свобода вероисповедания по большей части является фикцией. Почти каждый монастырь контролируется небольшой группой живущих там китайских надсмотрщиков.

Однако монастырская проблематика не является самой значимой для Тибета. Наиболее значимыми представляются проблема социально-экономической неразвитости района и высокий уровень (50%) безграмотности его населения. Даже сегодня около 30% детей и подростков Тибета получают фрагментарное начальное образование либо не получают вовсе никакого.

Другая проблема связана с заселением этого района ханьским населением. Официальная статистика КНР говорит о том, что из 2,4 млн. населения района 97,1% составляют представители тибетской национальности,²³

однако, как представляется, что эта статистика от лукавого. Во-первых, при достаточно высоком уровне естественного прироста, численность населения региона по сравнению с 1982 г. увеличилась незначительно. Во-вторых, необходимо принимать во внимание естественную внутрикитайскую миграцию лиц тибетской национальности, которые в основной своей массе (общая численность тибетцев в КНР превышает 4,6 млн. человек) проживают вне пределов Тибета. В-третьих, официальная статистика не учитывает военнотрудовых НОАК, подразделения вооруженной полиции, сотрудников Управления тюрем и т. д., которые составляют основную массу проживающих в регионе ханьцев.

Не меньшую головную боль представляет и деятельность так называемого “правительства в изгнании”, которое было организовано в 1960 г. после эмиграции духовного лидера тибетцев далай-ламы (Тензин Гьятсо) в Индию. Это правительство претендует на выражение интересов всех тибетцев, как проживающих в пределах КНР, так и вне Китая (110-120 тыс.).²⁴

Главная цель, которая ставится “правительством в изгнании”, — достижение независимости Тибета от Китая и создание на его территории независимого теократического государства. Официально эта цель не провозглашается, хотя подспудно именно она имеется в виду при постановке вопроса о придании “тибетской проблеме” статуса международной. И надо сказать, что далай-ламе удалось в какой-то степени решить данный вопрос, “тибетская проблема” приобрела международный статус, а сам далай-лама в 1989 г. был удостоен Нобелевской премии мира “за борьбу за свободу без применения насилия”.

Фактически же, именно международная активность далай-ламы и его статус духовного лидера тибетцев подогревают сепаратистские настроения в Тибете. В конце 80-х политическая инициатива далай-ламы спровоцировала очередной политический кризис в Тибете. В сентябре 1987 г. он выступил в Конгрессе США, выдвинув план из пяти пунктов, предполагающий превращение Тибета в зону мира. Инициатива далай-ламы нашла живой отклик в Тибете.

Так, монахи из монастыря Дрепунг выразили солидарность с далай-ламой, организовав демонстрацию в защиту прав человека и независимости Тибета. Эта акция дала мощный толчок политическим выступлениям тибетского населения, и в них прослеживалась активная роль монашества.²⁵

Новым моментом, осложнившим проблему взаимоотношений ламаистской общины и Пекина, явилась проблема реинкарнации X панчен-ламы, скончавшегося в начале 1989 г. 30 января правительство КНР издало за подписью бывшего премьера Ли Пэна уведомление. Оно гласило, что, исходя из просьб комитета демократического управления монастыря Дашилхунпо, поиски и признание перевоплощения X панчен-ламы возлагаются на упомянутый орган. Ему следует просить содействия в этом Китайскую буддийскую ассоциацию и ее тибетское отделение. Результат проведения процедуры признания XI панчен-ламы подлежит утверждению Госсоветом КНР.

Одновременно аналогичные поиски начали проводить и сторонники далай-ламы, что не могло не привести к очередным осложнениям. Все чаще шли разговоры вокруг того, чтобы перевоплощение было идентифицировано в соответствии с тибетским религиозным ритуалом. Чадрел (Чатрал) Ринпоче, настоятель монастыря Дашилхунпо и глава поисковой группы, написал в 1993 г. далай-ламе письмо, в котором испрашивал его инструкции. Но когда последний пригласил настоятеля приехать в Индию, ответа уже не последовало. Далай-лама еще не раз повторял свою просьбу (последнее приглашение было отправлено в январе 1995 г.), но ответа снова не было.

Так стал очевидным конфликт между Дхарамсалой, нынешней ставкой далай-ламы, и Пекином из-за перевоплощения X панчен-ламы. По существу, он свелся к процедурному аспекту, но это был вопрос большой политической значимости, а именно — за кем последнее слово в признании ламаистских иерархов. Далай-ламе недвусмысленно дали понять, что в его мнении относительно перевоплощения X панчен-ламы не нуждаются. И тогда далай-лама перехватил инициативу, назвав

собственного назначенца на пост XI панчен-ламы, в то же время любезно приглашая Пекин “расширить свое понимание, сотрудничество и помощь”.

В прокламации, изданной 14 мая 1995 г., далай-лама “выразил великую радость, объявив о перевоплощении панчен-ламы”. Гедхун Чоеки Найма, родившийся в полукочевой семье в апреле 1989 г. в Лхари уезда Нагчу в Тибете, был определен как подлинное перевоплощение покойного панчен-ламы. Власти КНР отреагировали незамедлительно. Далай-ламу обвинили во вмешательстве “с целью расколоть родину”, дезавуируя его заявления. А мальчик Найма вместе со всей своей семьей и еще 50 монахами, как сообщила правозащитная организация “Международная амнистия”, исчез из своего дома, и с тех пор его местонахождение не известно. 29 ноября в храме Джокан состоялась церемония признания шестилетнего Гьянцан Норбу XI панчен-ламой.²⁶

Противостояние между далай-ламой и Пекином стало основной причиной возникновения массовых беспорядков в Тибете в 1989 г. и в 1996 г. — крупнейших после восстания 1959 г.

Официально цель достижения независимости Тибета, как уже говорилось, далай-ламой не провозглашается, напротив, во всех своих выступлениях он ведет речь о предоставлении Тибету так называемой “расширенной автономии в рамках КНР” по формуле “одна страна — две системы”. Так, находясь в 1997 г. на Тайване, далай-лама заявил: “У меня совершенно четкая позиция. Я не стремлюсь к независимости. Я стремлюсь к истинному самоуправлению, без которого буддийская культура Тибета просто умрет”. Ламаистский иерарх призвал Пекин к скорейшим переговорам по тибетскому вопросу, заявив о готовности “начать их без каких бы то ни было предварительных условий”.²⁷ По словам духовного лидера тибетских буддистов, вопрос для него заключается не в политическом статусе Тибета, а в достижении “истинной автономии” для народа края и сохранении его культуры. Далай-лама опроверг утверждения о том, что он “недолюбливает китайцев”, и подтвердил, что

“никогда не стремился к независимости” Тибета, хотя “он и существовал как самостоятельное государство”.

Подобные заявления были расценены в Пекине как “обманчивый фасад”. И с этим в определенной мере можно согласиться. Разработанная для Гонконга модель юридически не может быть распространена на внутренние районы Китая, поскольку это грозит расколом страны по национально-территориальному признаку. И хотя Пекин заявил о своей готовности принять далай-ламу и обеспечить ему условия для постоянного проживания в Китае, однако, оговорил данное решение требованием о прекращении им сепаратистской деятельности. В свою очередь, далай-лама сделал заявление о готовности “использовать свой моральный авторитет среди тибетского народа для того, чтобы осудить сепаратистские устремления” в этом регионе Китая. Условием достижения компромисса с Пекином далай-лама по-прежнему назвал предоставление Тибету “реальной культурной автономии”, которая, по его мнению, является залогом сохранения тибетской культуры.²⁸

О готовности Пекина вступить в диалог по “тибетскому вопросу”, хотя он и является “внутренним делом Китая”, не только с далай-ламой, но и с внешним миром свидетельствует стремление Китая активизировать политику “собираания китайских земель” и изменить свой имидж в глазах мировой общественности. Это очевидно, хотя говорить о радикальном решении “тибетского вопроса”, на мой взгляд, преждевременно. Недопустимость изменения политического статуса Тибета и ограниченные возможности влияния международного сообщества на Китай, вероятно, понимаются и далай-ламой, последние заявления которого подтверждают его готовность к проведению переговоров с китайским руководством о статусе Тибета как автономного района Китая.

“Дунганская проблема”

С 1993 г. отмечается обострение обстановки в местах компактного проживания дунганского населения Китая

(провинции Ганьсу и Цинхай, Нинся-Хуэйский автономный район). Участились случаи конфликтов представителей дунган с властями на национальной и религиозной основах, некоторые из которых сопровождались массовыми беспорядками.

Сложившаяся ситуация вызвана ростом националистических настроений среди китайских дунган, где в последние годы под влиянием распада СССР, активизации сепаратистских группировок в Синьцзяне и Тибете, усиления позиций радикальных элементов в среде местного мусульманского духовенства, получили довольно широкое распространение идеи национального и культурного возрождения, развития исламской религии, образования единого дунганского автономного национального образования в рамках Китая.

“Дунганская проблема” имеет и свою историческую основу. Еще живы в памяти события 30-х годов, когда дунганские регулярные части под командованием национального героя генерала Ма Чжунина, уроженца этих мест, вели масштабные боевые действия против гоминьдановских войск и составляли одну из главных сил повстанческого движения не только в провинциях Ганьсу и Цинхай, но и в Синьцзяне.

Осложняющими факторами являются неадекватное, зачастую жесткое реагирование властей на проявление дунганами национальных и религиозных чувств, земельные конфликты между местными дунганами и переселенцами-ханьцами из центральных провинций, неоднократные публикации в Китае статей и книг, отрицающих существования дунганского народа и оскорбляющие его религиозные чувства.

По своей классификации, “дунганская проблема” относится к категории автономистских движений. Главное требование — расширение прав на автономию в районах компактного проживания дунган. При этом остается недостаточно ясным, о каком “расширении прав” идет речь и где конкретно предполагается их практическая реализация.

На сегодняшний день дунганские этнические общины компактно расселены в нескольких регионах Китая — Нинся-Хуэйском автономном районе, СУАР, провинциях Цинхай и Ганьсу, где они имеют соответствующие автономные

образования. Именно данное обстоятельство дает основания утверждать о бесперспективности дунганского автономистского движения, а в случае его активизации – применении центром достаточно жестких репрессивных мер.

Тем не менее интенсификация дунганской проблемы в провинциях Цинхай и Ганьсу может спровоцировать ее возникновение и в Синьцзяне, где дунганская этническая общность достаточно значительна и составляет более 750 тыс. человек. Существенно и то, что, как и уйгуры, дунгане имеют своих соотечественников в центральноазиатских государствах, в том числе и в Казахстане, и косвенно данная проблема может оказать влияние на безопасность в регионе в целом.

“Казахская проблема”

“Казахская проблема”, по своей классификации, может быть отнесена к двум типам этносоциальных и национальных движений – автономистскому и миграционному (в радикальной форме – ирредентистскому).

Автономистский характер “казахской проблеме” в КНР придают противоречия, заложенные в концепции национально-государственного строительства в этой стране. Как уже подчеркивалось, суть этих противоречий заключается в том, что, во-первых, все национально-территориальные образования в КНР (автономный район, автономная область и автономный уезд), обладая одинаковым юридическим статусом, фактически находятся в подчинении друг другу в зависимости от административной иерархии. Во-вторых, за давними наименования национальным автономиям этносами де-факто как бы признается право законного владения данными территориями и их автохтонность на них, что в большинстве случаев не соответствует историческим реалиям и создает условия для возникновения межрегиональных этнических конфликтов. Давший наименование административной территории этнос считает себя “избранным” и пытается, ссылаясь на свои автохтонные права, добиваться исключительного положения на данной территории, противопоставляя себя другим этносам.

Сочетаясь с закреплением на территории традиционного проживания казахов переселенцев-ханьцев, сокращением пастбищных угодий и значимости кочевого скотоводства, ограничением участия представителей казахской этнической общины в решении значимых политических и экономических вопросов в пределах СУАР КНР, наличие указанных противоречий подталкивает казахов к пересмотру политического статуса Или-Казахской автономной области. При этом речь идет о ее независимости от СУАР и предоставлении статуса непосредственно подчиненного центру автономного казахского образования. Наибольшее распространение данная тенденция имела в 80-х – начале 90-х годов, являясь одной из причин активизации межэтнических (казахско-уйгурских) конфликтов в СУАР КНР.

С середины 90-х годов среди казахского населения СУАР КНР, прежде всего на уровне интеллигенции и кадровых работников, наблюдается существенный пересмотр ценностных ориентаций. Идея об образовании в пределах Или-Казахской автономной области независимого от СУАР и непосредственно подчиненного центру автономного казахского образования в настоящее время отодвигается на второй план, и все большее значение приобретает тенденция к выезду на постоянное место жительства в Республику Казахстан.

Важным фактором, усилившим эмиграционные настроения синьцзянских казахов, явилось заметное “смягчение” позиции Пекина по вопросу их выезда в Казахстан на постоянное жительство после казахстанско-китайских переговоров на высшем уровне в 1993-1999 гг. В настоящее время уровень контроля существенно снижен. Синьцзянским казахам неофициально разрешено выезжать фактически к любым гражданам Республики Казахстан (степень родства не проверяется), а также по приглашениям казахстанских учреждений и организаций. Местные власти практически перестали реагировать на факты невозвращения представителей нацменьшинств из частных и туристических поездок в Казахстан и другие государства Центральной Азии.

В отличие от первой, данная тенденция, по-видимому, находит поддержку и понимание как у регионального, так и у центрального руководства, поскольку решает многие вопросы, стоящие перед автономным районом и центром. Несмотря на это, на мой взгляд, говорить о сиюминутном выезде 1,3-миллионной казахской этнической общины преждевременно.

Пока большинство проживающего на территории СУАР КНР казахского этноса сохраняет надежду остаться там, где жили их предки. Наученные горьким опытом переселенцев из Монголии, большая часть которых так и не смогла адаптироваться к казахстанским условиям, казахи КНР не спешат переселяться в Казахстан. И тому есть объективные причины, по-видимому, в достаточной мере осознаваемые самими потенциальными репатриантами.

Во-первых, для казахов Китая территории, на которых они проживают сегодня, являются исторической и этнической родиной, особенно если учесть их возрастную структуру.²⁹

Во-вторых, даже в Синьцзяне экономические условия жизни сегодня не только не уступают, но по ряду параметров превосходят казахстанские.

В-третьих, есть негативный опыт адаптации в казахстанском социуме не только прибывших в 90-х годах репатриантов из Монголии, но и прибывших в 1962 г. из Китая. И вопрос даже не в трудностях приобретения гражданства, трудоустройства, получения жилья, мздоимстве чиновников Агентства по миграции и демографии и т. д. Проблема в том, что психологически местное население воспринимает их как чужаков, покушающихся на часть и без того скудного “социального пирога”. Эту проблему не удавалось решить даже в условиях “социального благоденствия” 60-х – 70-х годов, и реэмигранты, также как и их дети и внуки, не назывались иначе как “китайцы”. Сегодня, когда государство “сбросило” с себя ответственность за социальную сферу, решение этой проблемы вообще не видится.

Именно поэтому любая попытка форсировать процесс реэмиграции выглядит как волюнтаризм, за которым

стоит не что иное, как пренебрежительное отношение к судьбам конкретных людей и отсутствие понимания самой проблемы. Более того, интенсификация этой проблемы в межгосударственных отношениях между Казахстаном и Китаем объективно ведет к снижению социального статуса казахов в пределах Китая и усилению потенциальной вероятности возникновения межэтнических конфликтов на почве этнической конкуренции.

“Монгольская проблема”

“Монгольская проблема” в Китае носит, скорее, не внутренний, а внешний характер и связана с взаимоотношениями КНР и Монголии. В последние годы пресса Монголии достаточно часто публикует материалы антикитайского содержания, обвиняя (иногда не без оснований) китайскую сторону в организации шпионской деятельности на территории Монголии, подготовке вооруженных формирований КНР к действиям в условиях Монголии, в совершении уголовных преступлений ханьцами, временно проживающими на территории Монголии и т. д.

Непосредственной угрозы территориальной целостности КНР и дестабилизации внутривнутриполитической обстановки в ней “монгольская проблема” не несет, поскольку ее конфликтный этнопотенциал достаточно незначителен, а сама проблема не носит международного характера и вполне разрешима в рамках действующей в КНР концепции “районно-национальной автономии”. Тем не менее, учитывая, что в СУАР КНР проживает значительная по численности монгольская диаспора, на мой взгляд, совсем не учитывать влияния этой проблемы на безопасность в Центрально-Азиатском регионе было бы неправомерно.

“Уйгурский сепаратизм”

Хотя в употребляемом в китайской литературе понятии “этнический сепаратизм”, по вполне понятным причинам, отсутствует четкое определение того, к какой этнической группе это относится, ясно, что, когда речь идет о

Синьцзяне, как правило, имеется в виду именно “уйгурский сепаратизм”. О событиях, интерпретируемых как проявления “этнического сепаратизма”, сообщается довольно часто как в зарубежной, так и в китайской прессе. И хотя к такого рода сообщениям в большинстве случаев необходимо относиться критически,³⁰ нельзя не признать двух обстоятельств. Во-первых, эти события действительно имели место, и уйгурское население региона не могло не принимать в них участия, хотя бы в силу своей численности. Во-вторых, зачастую не имея к “борьбе за независимость” или “выступлениям этнических сепаратистов” никакого отношения, они, вне всякого сомнения, способствовали усилению социально-политической напряженности в регионе и, расширяя социальную базу протеста, формировали условия для развития тенденций этнического сепаратизма в Синьцзяне.

Неоспоримо и влияние внешнего фактора на активизацию этнического сепаратизма в Китае. Распад СССР на национальные государства, обострение этнических конфликтов как в пределах этих государств, так и в государствах Восточной Европы, реанимация религии и консолидация исламского мира, продемонстрированное мировым сообществом довольно либеральное отношение к этническому сепаратизму, в борьбе за достижение своих политических целей все чаще использующему тактику террора, интернационализация терроризма и т.д. — все это не могло не активизировать те скрытые социально-экономические и политические пружины, которые привели в действие механизм “уйгурского сепаратизма” в Синьцзяне.

Именно этот тип сепаратизма на сегодняшний день, по признанию синьцзянского руководства, представляет собой “основную угрозу, оказывающую влияние на стабильность в Синьцзяне”.³¹ И с такой оценкой можно согласиться, имея в виду, во-первых, что уйгуры составляют большую часть населения Синьцзяна. Во-вторых, что они в большей степени, нежели другие неханьские группы населения региона, представлены в органах власти и управления.

В-третьих, что заявленные уйгурскими организациями цели в большей своей части трактуются как “борьба за независимость” и создание независимого государства, будь то Восточный Туркестан или Уйгурстан. В-четвертых, что именно среди уйгурской части населения СУАР сильно влияние религии и исламской традиции. В-пятых, что уйгурская диаспора, проживающая за пределами СУАР КНР, хорошо организована, имеет тесные связи с международными организациями и соотечественниками в СУАР. Наконец, нельзя не учитывать и геополитический фактор. “Уйгурская карта” нет-нет, да и разыгрывается некоторыми участниками “Центрально-Азиатской геополитической игры”.

Деятельность сепаратистских формирований финансируется рядом крупных синьцзянских и зарубежных коммерсантов уйгурской национальности, кроме того, по некоторым данным, в целях пополнения денежных средств боевики этих организаций осуществляют ограбления местных банков.

Рост сепаратистских настроений в Синьцзяне китайцы по-прежнему во многом связывают с деятельностью антикитайских организаций, действующих на территории государств Центральной Азии. При этом даже в открытой литературе, издаваемой в КНР, подчеркивается, что территория государств Центральной Азии используется западными спецслужбами в качестве “плацдарма для проникновения в Китай и дестабилизации обстановки в Синьцзяне”.³²

Резкое увеличение количества экстремистских акций в автономном районе один из членов экстремистской группировки в городе Кульджа объясняет тем, что, поскольку лидеры этих организаций пришли к выводу о бесперспективности достижения своих целей без ширококомасштабной зарубежной помощи, организации перешли к тактике террора с целью привлечения внимания мировой общественности и западных правительств к “синьцзянской проблеме”.³³

В последние годы наблюдается значительная активизация уйгурских сепаратистских формирований и за пределами КНР. Они существенно расширили свою деятельность и

начали налаживать контакты как между собой, так и с другими противостоящими Пекину силами за границей.

Однако, несмотря на активизацию деятельности, расширение социальной базы и получение поддержки из-за рубежа, перспективы на успех у уйгурского сепаратизма в Синьцзяне нет.

Во-первых, руководство Китая, учитывая стратегическую значимость региона и его привлекательность в ресурсном и коммуникационном отношении, примет все меры для пресечения сепаратистской деятельности и сохранения Синьцзяна в составе КНР.

Во-вторых, основной особенностью “уйгурского сепаратизма” является отсутствие включенности в конфликт этнической элиты. Несмотря на то что она и желала бы получить большей власти в пределах собственного этноареала, выступить в качестве идеологов и руководителей движения за достижение независимости она на сегодняшний день не готова.

В-третьих, деятельность подпольных и немногочисленных уйгурских сепаратистских организаций в СУАР, по-прежнему, возможна только при мощной финансовой и материальной поддержке со стороны зарубежных организаций и государств, заинтересованных в дестабилизации обстановки в Центрально-Азиатском регионе вообще и Китае в частности.

Наконец, переход уйгурских сепаратистов к тактике террора ставит их вне закона в глазах мирового общественного мнения, однозначно осуждающего терроризм как форму решения политических проблем.

В лучшем случае Синьцзян сохранит свой статус-кво как уйгурская автономия, в худшем – центральным руководством КНР будут приняты меры по созданию условий для “выталкивания” уйгуров за пределы региона.

Тем не менее с учетом возрастания этнического фактора в современном мире, развития внутривнутриполитической ситуации в КНР и государствах Центральной Азии можно прогнозировать:

сохранение напряженной общественно-политической обстановки в СУАР КНР, усиление сепаратистских

настроений, возникновение новых очагов массовых волнений уйгурского населения

расширение участия боевиков уйгурской национальности в конфликтах за пределами своего этноареала, их включение в сеть международного терроризма

дальнейшее ужесточение линии Пекина как в отношении антиханьских проявлений в самом Синьцзяне, так и тех стран, которые, по его мнению, прямо или косвенно поощряют сепаратистские тенденции в этом регионе;

активизацию деятельности китайских спецслужб на территории государств Центральной Азии.

Именно эти обстоятельства, при всей критической оценке перспектив “уйгурского сепаратизма”, требуют более детального рассмотрения этого явления.

Специфика сепаратистских тенденций в Синьцзяне

В предыдущих главах не случайно уделялось столько внимания вопросам истории этногенеза и государственности в Центральной Азии; национальной и религиозной политике КПК и особенностям ее реализации в Синьцзяне; проблемам социально-экономического, политического и культурного развития региона; вопросам демографии, специфике формирования и функционирования органов власти в автономном районе. Понимание всех этих проблем и позволяет более корректно подойти не только к вопросу об определении специфики сепаратистских тенденций в Синьцзяне, но и к так называемому “уйгурскому вопросу” в целом.

Проведенный в предыдущих главах анализ дает основания сформулировать несколько базовых, на мой взгляд, выводов, необходимых для дальнейшего изложения.

Первая группа вопросов связана с особенностями этногенеза в Центральной Азии. За трехтысячелетнюю историю кочевой культуры этого региона, проживающие в

пределах его территории племени то объединялись в разных комбинациях, то дробились на реликтовые этносы, то исчезали полностью, причем составляющие их люди входили в состав других племен. Центральная Азия представляла собой огромный этнический “плавильный котел”, в котором возникали и исчезали не только отдельные племена и протогосударственные образования, но целые народы и империи.

Вторая особенность этого региона заключалась в том, что он почти всегда оставался полиэтническим, а политические границы возникающих здесь в древности и средневековые государств не совпадали с этническими границами населяющих его этносов.

Третья заключается в том, что в пределах региона шло интенсивное взаимодействие между двумя культурами: кочевой и оседлой. Оседая, кочевники обычно быстро трансформировались в земледельцев, а их первоначальные зоны обитания занимали другие племена, за счет которых потенциально формировались новые волны, готовые рано или поздно захлестнуть земледельческие оазисы.

Четвертая особенность связана с огромной ролью государства на Востоке, которое оказало существенное влияние на процесс этногенеза. Процесс генезиса социального, правового и имущественного неравенства здесь был связан не с классообразованием, а с политогенезом, то есть возникновением государства. Именно протогосударство и раннее государство со всеми его атрибутами (институт власть – собственность, рента – налог, централизованная редистрибуция и др.) не просто обслуживали все возраставшие и усложнявшиеся потребности цивилизующегося общества, но и способствовали формированию новых социальных слоев, то есть тех категорий и групп людей, которые были призваны выполнять те или иные социальные функции укрупнявшегося социального организма.

Наконец, последняя особенность этногенеза в этом регионе связана с ролью государственной идеологии, объединяющей различные по своей этнической принадлежности общности

идеи или религии. Те этнические протогосударства, которым повезло иметь таковые на ранних этапах своего становления, не потерялись в глубинах истории, и успешно ассимилировали вливающиеся в них новые этнические потоки. Те, империи, которые возникали на иной основе, вскоре гибли, а этнос, стоящий у истоков их образования, исчезал с этнической карты региона.

Этот этнографический экскурс необходим для того, чтобы разобраться с одним из основных постулатов, выдвигаемых так называемыми “борцами за независимость Синьцзяна”, проблемой автохтонности уйгуров в пределах современного Синьцзяна.

Однозначный ответ на этот вопрос, как мы видели, дать далеко не так просто, но и безапелляционно проводить прямые параллели между современными представителями уйгурского этноса и теми, кто носил это самоназвание в достаточно удаленные исторические периоды, представляется не совсем корректным.

Более основательным выглядит другой тезис, выдвигаемый в настоящее время в качестве одной из основ движения за независимость Синьцзяна. Этот тезис связан с утверждениями о том, что, во всяком случае с периода средневековья, на территории Западного края утвердилось господство уйгуров и существовало несколько уйгурских государств.³⁴ Я не пытаюсь оспаривать данный тезис. Действительно, средневековые уйгуры обладали государственностью. Достаточно вспомнить Уйгурский каганат на Орхоне (745-840). Были уйгурские государства и в пределах Западного края – Уйгурское индикутство (866-1369) в Турфанском оазисе, Ганьчжоуское княжество (847-1036) в Ганьсу. Некоторые авторы относят к государству уйгуров государство Караханидов,³⁵ однако данной точки зрения придерживаются не все ученые.³⁶ Так что с наличием традиций государственности у средневековых уйгуров спорить трудно. Но вопрос заключается в другом, во-первых, все эти государства не смогли устоять перед натиском сначала иноэтнических кочевых племен, затем – империи Чингисхана, и наконец – давлением со стороны

империи Цин. Во-вторых, весьма спорной выглядит попытка отождествлять уйгуров Орхона или средневекового Турфана с современным уйгурским этносом. Это совершенно разные народы по своей сути.

Нет оснований говорить о прочной уйгурской государственности и в более поздний период. Исторически, конечно, таковая существовала. В 1865-1874 гг. это было государство Йеттишар, в 1933-1934 гг. — Исламская Восточно-Туркестанская республика, в 1944-1946 гг. — Восточно-Туркестанская республика. Но все эти государственные образования трудно назвать в полной мере самостоятельными. Так или иначе, они находились под протекторатом либо Великобритании и Турции, как Исламская Восточно-Туркестанская республика и государство Йеттишар, либо Советского Союза, как Восточно-Туркестанская республика.³⁷

Вполне объясним и факт постоянных этнических волнений в Синьцзяне с его окончательным включением в состав Китая. Насильственное внедрение чуждых этническому самосознанию коренных народов региона элементов китайской культуры не вело к их культурной ассимиляции. Достаточно развитое этническое самосознание постоянно их отвергало при первом же изменении политической ситуации в стране.

Этот вывод подтверждается и характером выступлений местного населения. Все они имели отчетливую антиханьскую или антидунганскую направленность, различаясь лишь по своей внешнеполитической ориентации, платформе, на которой проходило объединение, конечным целям, социальному и национальному составу участников. Характерной особенностью этих выступлений было и то, что объединение разнородных социальных и национальных сил в них (во всяком случае, на начальных этапах) происходило на религиозной и либо этнической, либо антиханьской и антидунганской основах.

Нельзя не обратить внимания и на подходы к решению “синьцзянского вопроса” руководства Китая в различные

исторические периоды, его контакты с уйгурами и господство Китая над Западным краем. Если в древности и средневековье уйгуры активно использовались правителями Срединной империи, а иногда даже диктовали свои условия им,³⁸ то с включением Синьцзяна в состав Поднебесной империи ситуация изменилась.

В период господства Цинской империи имперская государственность вообще не особенно утруждала себя заботой обоснования своего присутствия на новых землях. Главная цель состояла в том, чтобы удержать их в качестве государственных территорий и обеспечить номинальное подчинение центральному руководству через своих наместников и при содействии военных карательных экспедиций. Искусно используя принцип “и и чжи и” – “контроля над варварами при помощи варваров” и учитывая объективные противоречия между тюрко-язычными народами региона, цинская администрация достаточно успешно выполняла свою задачу.

Руководство республиканского Китая в целях решения той же задачи разработало специальную теоретическую концепцию о “единой китайской нации”, состоящей из разнородных этнических компонентов, связанных “единством хозяйственной и культурной жизни”. Согласно положениям этой концепции, в понятие “китайская нация” официально включались пять этнических групп – ханьцы, монголы, маньчжуры, тибетцы и дунгане. Тюркоязычные народы Китая в это понятие не включались, хотя подразумевалось, что они связаны с ханьцами “продолжительной историей совместного проживания и взаимного обмена культур”.³⁹

С приходом к власти КПК контуры национальной политики в Китае резко меняются, однако центральная идея национальной политики остается неизменной – удержать районы проживания национальных меньшинств в качестве государственных территорий и обеспечить их номинальное подчинение центральному руководству. И именно методика, избранная для достижения этой цели, и приводила к возникновению социальных и этнических конфликтов в Синьцзяне.

История показывает, что зачастую именно неверно выбранная политика в отношении местного населения являлась причиной возникновения этнических конфликтов и роста напряженности. И с этим фактом трудно не согласиться. Однако нельзя не признать и того, что в определенные исторические периоды жесткость в национальной или религиозной политике была вынужденной мерой. Центральному руководству необходимо было создать такие условия, которые обеспечивали бы функционирование Синьцзяна как “неотъемлемой части” территории КНР.

Поощрение миграции ханьцев в Синьцзян позволило уже к концу 70-х годов решить задачу достижения численного паритета между проживающими в регионе ханьцами и уйгурами. Вполне естественно, что местным этническим группам пришлось несколько потесниться в интересах ханьских мигрантов, что не могло не вызвать с их стороны негативной реакции. Однако объективности ради необходимо уточнить, что именно эта миграция дала возможность Синьцзяну стать тем, что он есть сегодня. И если непредвзято взглянуть на социальную структуру синьцзянского социума, то обнаруживается, что модернизационные процессы в Синьцзяне как в недалеком прошлом, так и в настоящее время осуществлялись главным образом ханьской этнической группой. Более того, по преимуществу, ханьский Северный Синьцзян и сегодня дает львиную долю доходов региона. Именно поэтому, выдвигаемые этническими сепаратистами призывы о выдворении ханьцев из Синьцзяна, представляются мне не только лишёнными оснований, но и достаточно опасными, с точки зрения перспектив социально-экономического развития региона.

В не меньшей степени лишены оснований и утверждения о том, что “Центр эксплуатирует природные богатства Синьцзяна” и вывозит их за пределы региона. Сам факт действительно имеет место, но это одно из условий функционирования крупной экономики. Более того, беспристрастный анализ показывает, что, как и в начальные годы своего существования, так и в настоящее время СУАР, несмотря на свои огромные богатства, продолжает “жить в долг”.

Нельзя обойти вниманием и вопрос о продолжающемся прибытии в Синьцзян мигрантов из внутренних районов Китая. Безусловно, в условиях ограниченных экономических и природных ресурсов СУАР, а также жесткой политики “планирования деторождения” (в том числе и среди национальных меньшинств), это не может не вызывать негативной реакции со стороны местного населения. Однако процесс модернизации требует определенных “жертв”, особенно с учетом качественных характеристик трудовых ресурсов региона. Необходимо признать, что для освоения своих природных богатств даже в настоящее время Синьцзян не располагает ни обходимым числом квалифицированных трудовых ресурсов, ни нужным объемом финансовых средств. Поэтому миграция в этот регион представителей ханьской этнической группы из внутренних районов Китая, хотя и не желательный, с точки зрения сохранения политической стабильности, но неизбежный процесс.

Еще одна проблема, достаточно активно используемая этническими сепаратистами, применение насильственного ограничения рождаемости у неханьских народов региона. Безусловно, такого рода проблема имеет место, но это опять же вынужденная мера, поскольку уже в течение полувека Китай живет в условиях демографического дискомфорта.

Более того, как показывают данные официальной статистики, введение мер по ограничению рождаемости среди национальных меньшинств не дало ожидаемого результата. Естественный прирост населения, исключая период 50-70-х годов, в Синьцзяне происходит преимущественно за счет неханьских этнических групп.

Укрепляя свои позиции в регионе, КПК вынуждена была пойти на создание опорных баз политического режима: местные органы власти и управления, предприятия центрального подчинения, воинские части и иррегулярные войска (Синьцзянский производственно-строительный корпус). Причем, при формировании этих структур, за исключением СПСК, активно использовались и местные кадры. И ссылки на то, что “ханьцы доминируют в структурах власти и

управления” не состоятельны. Анализ этнического состава кадрового корпуса СУАР КНР показывает, что процесса “этнической инкорпорации” в данном регионе КНР не наблюдается.

По-видимому, проблема заключена в ином. Во-первых, насколько эффективно кадровый корпус (в том числе и в своей этнонациональной части) способен обеспечивать региональные, в том числе и этнонациональные интересы. Во-вторых, каковы логика деятельности и интересы этнических и региональных элит.

Как показывает структурный анализ кадрового корпуса СУАР, несмотря на значительное число представителей неханьских этнических групп в его составе (от 50 до 70 процентов), они не контролируют ключевые посты и сосредоточены, главным образом, в сферах торговли, культуры, искусства и образования, а также в администрации автономного района и автономиях более низкого уровня. Ключевые посты в экономике, технике и науке контролируются ханьцами, которые преобладают и среди персонала промышленных предприятий. Но это отнюдь не их вина.

Вторая часть проблемы напрямую связана с природными богатствами Синьцзяна, юридическими собственниками которых согласно “Закону КНР о районно-национальной автономии” выступают местные органы самоуправления. Поэтому, когда поднимается вопрос о так называемом “разграблении природных богатства Синьцзяна” Китаем, в большинстве случаев это свидетельствует о желании местной бюрократии обеспечить себе условия бесконтрольного владения ими. При этом этнический аспект проблемы в этом вопросе играет лишь роль своеобразного “детонатора”.

Как показывает исторический опыт, в основе большинства “этнических конфликтов” лежат не этнические и даже не этнополитические и религиозные, а сугубо экономические факторы. Борьба за передел собственности, за право владения и распоряжения территорией и природными ресурсами, обладание политической властью — вот истинная основа их преобладающей части.

Нельзя не остановиться и еще на одном факторе, который активно используется “борцами за независимость Синьцзяна”. Речь о религии. Пример Синьцзяна подтверждает, что применение мер административного контроля над религиозной деятельностью приводит не только к возникновению противостояния между религией и светской властью, но и к резкому увеличению протестных настроений в обществе. Не находя легитимного способа встроиться в политическую систему светского государства, ислам начинает радикализироваться и добиваться уже не участия во власти, а всей полноты политической власти. В условиях же, когда доминирующее положение в регионе занимает одна этническая группа, к тому же с высоким удельным весом приверженцев одной религиозной конфессии, религия начинает использоваться как идеологическое обоснование достижения политической власти и тогда возникает рецидив этнического сепаратизма.

И последнее, что в той или иной степени оказывает воздействие как на специфику этнического сепаратизма в Синьцзяне, так и на характер деятельности действующих на его территории радикальных экстремистских группировок. Усиление этнического сепаратизма в Синьцзяне во многом связано с теми геополитическими изменениями, которые происходили в мире в последние два десятилетия. Причем речь здесь не столько о так называемой “уйгурской карте”, которая, к слову сказать, нет-нет, да и используется геополитическими игроками в “Центральноазиатской игре”. Речь о том, что, во-первых, именно конец XX века продемонстрировал не только глобальность проблемы этнического сепаратизма, но и фактическую его безнаказанность. А во-вторых, серьезное влияние на настроение местного населения СУАР, прежде всего уйгуров, оказывает факт обретения суверенитета и создания национальных государств большинством тюркских народов на постсоветском пространстве.

Учет всех этих факторов позволяет несколько конкретизировать описанную выше типологию этнического сепаратизма в Китае, дополнив ее характерной для Синьцзяна

типологией сепаратистских движений, каждое из которых обладает собственной спецификой и оказывает различное воздействие как на обстановку внутри СУАР КНР, так и на проблемы безопасности в Центральной Азии.

Первую группу составляют сепаратистские движения, носящие субрегиональный характер и вызванные межэтническими противоречиями (“этнической конкуренцией”) между обладающими де-юре равными, но де-факто – административно подчиненными автономными национальными образованиями. Эти противоречия наиболее рельефно наблюдаются как на уровне уйгуры – казахи, монголы, киргизы, дунгане, так и на биэтническом, и проявляются, прежде всего, в виде стремления меньших по численности, но обладающих “собственными национальными территориями” этнических групп обособиться от уйгуров и войти в непосредственное подчинение центру на правах автономных национальных районов.

Эта группа сепаратистских движений непосредственно не угрожает территориальной целостности КНР, а напротив, являясь постоянным фактором, ограничивающим влияние уйгуров в регионе, достаточно активно используется центром в его противодействии “этническому сепаратизму”. Существенно и то, что за годы функционирования этих территорий в качестве национально-территориальных автономий в них произошли значимые этносоциальные изменения, и в большинстве из них доминируют ханьцы и как этническая, и особенно как активная социальная сила. Поэтому образование в их пределах независимых от КНР этнических государств практически невозможно; равно как и нет смысла (с позиций центра) предоставлять им более широкие автономные права. Решение проблем сепаратизма в этих регионах СУАР решается достаточно просто: поощрение миграции ханьцев, усиление воинских контингентов с соответствующим ограничением внешнего влияния, осуществление необходимых кадровых перестановок с заменой национальных лидеров на уйгуров или ханьцев.

Вторая группа – региональные сепаратистские движения, которые по своим целям, характеру деятельности и

особенностям влияния на социально-политическую обстановку в регионе подразделяются на несколько категорий.

Сепаратистские движения на религиозной основе, ставящие своей целью создание на территории Синьцзяна Исламской Восточно-Туркестанской республики. Наибольшее распространение эти движения имеют в округах Южного Синьцзяна, где влияние религии наблюдается наиболее отчетливо, а социальная база (в том числе и из числа властей предержавших) наиболее широка.

Слабой стороной этих движений является, во-первых, то, что в условиях полиэтнического и многоконфессионального Синьцзяна выдвигаемые их лидерами лозунги не воспринимаются не только большинством населения региона, но и даже исповедующими ислам этносами. Во-вторых, сама сепаратистская деятельность под эгидой религиозных организаций ставит последние вне закона, что еще раз было подтверждено руководством автономного района, принявшего в 1989-1990 годах специальные законодательные акты, регламентирующие деятельность как религиозных организаций, так и духовенства. В-третьих, эта деятельность может осуществляться только при значительных зарубежных финансовых вливаниях, поскольку существование самих религиозных организаций полностью зависит от государственных дотаций.

Сепаратистские движения на этнической (преимущественно, уйгурской) основе. Наиболее распространенная форма в 80-х и начале 90-х годов, но претерпевшая существенные изменения в настоящее время. Главная цель – создание в пределах автономного района независимого национального государства Уйгурстан.

Сильный момент этого движения – наличие возможности, воздействуя на этническое самосознание, мобилизовать на активные действия уйгуров, проживающих как в пределах КНР, так и за рубежом.

Слабые стороны – отсутствие поддержки у других (в том числе и тюркоязычных) этнических групп; явная этническая направленность движения; разжигание антиханьских

настроений; недооценка этно-социальной ситуации в регионе и его экономического потенциала; ориентация главным образом на зарубежную поддержку и помощь; в 90-х годах переход от преимущественно пропагандистской деятельности к организации терактов и диверсий с целью привлечения внимания мировой общественности к “проблеме самоопределения уйгурского народа”.

Сепаратистские движения за воссоздание Восточно-Туркестанской республики, получившие наибольшее распространение в последние три-четыре года, как движения, отпочковавшиеся от второй категории.

Существенным преимуществом этих движений является снятие в них лозунга о создании Уйгурстана и его замена пропагандой идеи о воссоздании существовавшей в 1944-1946 гг. ВТР как формы государственной независимости коренных народов Синьцзяна.

Недостаток – антиханьская направленность и отсутствие поддержки в округах Южного и Восточного Синьцзяна, где и в период существования ВТР ее эмиссары рассматривались не иначе как “агенты Кремля” и подвергались суровым наказаниям. Существенное значение имеет и то обстоятельство, что деятельность этой категории сепаратистов в значительной степени зависит от поддержки из-за рубежа и осуществляется преимущественно под руководством (либо влиянием) организаций уйгурской эмиграции.

Скрытая форма сепаратизма, выражающаяся в попытке местной политической элиты обеспечить себе максимальную независимость от центра в сфере владения и распоряжения основными производственными фондами (включая недра) автономного района в рамках действующей системы регионального хозрасчета и районно-национальной автономии, либо приобретения независимости (с сохранением своего привилегированного положения в регионе) с радикальными изменениями политической ситуации в стране.

Данная форма представляется мне наиболее реальной, поскольку она, с одной стороны, осуществляется в рамках закона

и объективных социально-экономических и политических изменений, происходящих в КНР; а с другой — силами, которые уже сегодня находятся на вершине иерархической пирамиды власти и в случае возникновения политических катаклизмов им стоит лишь сменить “окраску”, став либо большими националистами, чем лидеры подпольных сепаратистских организаций, либо большими демократами, чем новое руководство в центре.

Существенно и то, что она (хотя бы по форме) не несет в себе антиханьской направленности, а представляется вполне закономерным и логически обоснованным первенством региональных интересов, следовательно — не грозит моментальным распадом сложившейся этносоциальной структуры трудовых ресурсов региона и его экономическим крахом.

В контексте рассматриваемой нами проблемы достаточно любопытны, хотя и немногочисленные, замечания китайских авторов, которые не только анализируют причины интенсификации этнического сепаратизма в Синьцзяне, но и предлагают пути его локализации.

Как подчеркивают китайские авторы, проблема интенсификации этнического сепаратизма возникла с 80-х годов и особенно с вступлением в 90-е годы, когда “с изменением международной ситуации произошло серьезное обострение социально-политической обстановки в Синьцзяне”. “При провокационной поддержке зарубежных сепаратистских сил, сепаратистские элементы внутри страны используя религиозное прикрытие и реакционные подпольные организации, начали неистово осуществлять подрывную сепаратистскую деятельность. Попирая нормы международного права, они организовывали массовые беспорядки, провоцировали столкновения между ханьцами и национальными меньшинствами, разжигали национальную ненависть, и даже организовывали убийства, поджоги, грабежи и т. д., пытаясь дестабилизировать ситуацию в Синьцзяне”.⁴⁰

В этих заключениях весьма примечателен сделанный автором акцент. Главную причину активизации “этнических

сепаратистов” он видит ни в социально-политических проблемах региона и ни в несовершенстве национальной политики КПК, а во внешнем факторе.

Причем, далее содержится и четкое указание на то, что имеется в виду под внешним фактором. Чжан Лие подчеркивает, что “в настоящее время важнейшими зарубежными силами, поддерживающими синьцзянских сепаратистов, являются:

реакционные враждебные силы Запада, возглавляемые США

мировые панисламистские силы, представленные арабскими государствами

мировые пантюркистские силы, представленные Турцией националисты государств Центральной Азии, либо реакционные силы, проповедующие лозунги сепаратизма

возрождающееся в мире исламское движение, реакционные силы, проповедующие лозунги “джихада”, сконцентрированные в Афганистане и Пакистане”.⁴¹

И с такой постановкой вопроса в определенном смысле можно согласиться, имея в виду, во-первых, то геополитическое воздействие на Синьцзян, о котором говорилось выше, а во-вторых, что без поддержки из-за рубежа деятельность “этнических сепаратистов” в СУАР была бы не только невозможной, но и потеряла бы всякий смысл.

Однако, понимая, что одними “внешними факторами” ограничиться трудно, Чжан Лие справедливо отмечает, что в числе причин, которые приводят к росту сепаратистских тенденций в регионе, наличествуют и внутренние обстоятельства:

нерешенность социальных вопросов (в частности большое число бедных)

недостаточная политико-воспитательная работа среди местного населения и особенно среди ганьбу и учащейся молодежи

искажения в религиозном вопросе, наличие “левацких” перегибов

недостаточно серьезное отношение к усиливающемуся воздействию религии на общество (среди учащихся

начальных классов, например, 26,8% выражают желание стать ахунами)

утеря контроля над молодежью, национальной молодежью в особенности

упущения в пропагандистской работе, допущение в публикациях извращений истории.⁴²

Неутешительно и заключение автора: “С точки зрения внутренней ситуации, различного рода сепаратистская деятельность возникает повсеместно. Возрастает число дел по политическим убийствам, грабежам, взрывам и т.д. Незаконная религиозная деятельность еще не полностью прекращена, по-прежнему существует немало подпольных мест отправления культа, деятельность их становится более изощенной, скрытой и распыленной. До настоящего времени проблема является далеко не решенной”.⁴³

Если взглянуть на цифры, фиксирующие количество выступлений “этнических сепаратистов” и число участвующих в этих акциях, то с такого рода выводами трудно не согласиться. И хотя эти данные, как представляется, значительно завышены, тем не менее, они впечатляют. С начала активизации деятельности “этнических сепаратистов” в 1992 г. и до февральских событий в Кульдже 1997 г. было зарегистрировано 700 вооруженных акций, взрывов и диверсий, направленных против китайского присутствия в СУАР. Только с апреля 1996 г. в антикитайских выступлениях приняли участие более 65 тыс. человек и 17 раз происходили вооруженные столкновения. С апреля по декабрь 1996 г. было арестовано более шести тысяч человек, из них шестьсот попали в разряд “особо опасных”.⁴⁴ По подсчетам Британского института освещения войны и мира, за 1996-1999 гг. в СУАР казнено 1357 уйгуров.⁴⁵

Но эти же цифры свидетельствуют и о другой весьма любопытной тенденции, характеризующей деятельность “борцов за независимость Синьцзяна”. По сути, речь идет не о политическом движении, а об обыкновенных террористических актах, с которыми власти не только могут, но и обязаны бороться всеми доступными им средствами.

И в данном случае ссылки на необходимость достижения “национальной независимости Синьцзяна” совершенно не уместны.

Это подтверждают и находящиеся за пределами Синьцзяна уйгурские организации. Как передает Уйгурское информационное агентство (Uyghur Information Agency), с апреля 2001 г. китайские власти начали в Синьцзяне кампанию под названием “Удар”, цель которой “искоренение сепаратизма и незаконной религиозной деятельности”. За этот период полиция арестовала более 13 тысяч нарушителей закона, конфисковала 6573 единицы огнестрельного оружия, 70 тысяч патронов, 80 тонн взрывчатки и т. д. Были казнены 30 уйгуров и сотням выносились обвинительные приговоры.⁴⁶

В том, что на сегодняшний день “борьба за независимость Синьцзяна” приняла форму вооруженного конфликта и в своей основе представляет собой не что иное, как совершение террористических актов, и есть одна из специфических особенностей деятельности “этнических сепаратистов” в Синьцзяне. Причем, необходимо подчеркнуть, что вооруженный путь борьбы за независимость был выбран не спонтанно. Это решение, по-видимому, принял Всемирный уйгурский курултай “Восточный Туркестан”, который проходил в Стамбуле в декабре 1992 г.⁴⁷ Возможно, что подобное решение было принято еще раньше и на другом уровне,⁴⁸ а Всемирный уйгурский курултай лишь поддержал его.

Вторая особенность современного этапа “этнического сепаратизма, по сравнению с исторической сепаратистской деятельностью”, по мнению китайских авторов, заключается в ее тесной связи с религиозной и националистической деятельностью, прикрываемой якобы социальными проблемами”.⁴⁹

Классическим примером подобного рода деятельности являются Баринские события 5 апреля 1990 г., в ходе которых главными лозунгами были именно религиозные призывы к организации джихада. Религиозная догма начинает использоваться для достижения конкретных политических целей, а призыв к населению о том, что “погибший во имя

джихада является славным мучеником, а его душа будет жить счастливо на небесах”, что “лучше умереть во имя джихада и оказаться на небесах, чем так жить”, способствует порождению религиозного фанатизма. И в этом контексте совсем не фантастично выглядят признания одного из членов так называемой “Партии освобождения уйгуров” о том, что его кредо можно сформулировать так: “Убей китайца, даже если погибнешь сам”.⁵⁰

Использование религиозных и националистических лозунгов привело к возникновению еще двух характерных особенностей современного этапа “борьбы за независимость” Синьцзяна. Речь прежде всего о расширении социальной базы ее участников. Сегодня это уже не только духовенство или религиозные фанатики в глубинке, но и студенты, учащаяся молодежь, рабочие и служащие предприятий и государственных учреждений, и даже кадровые работники различных уровней. Причем, нельзя не обратить внимания и на то обстоятельство, что большую часть так называемых “этнических сепаратистов” составляет молодежь. Как свидетельствуют китайские источники, среди задержанных сепаратистов свыше 90% — лица моложе 30 лет, в том числе значительная часть — лица в возрасте около 20 лет, среди которых доминируют студенты.⁵¹

Другой отличительной чертой, по сравнению с историей, является то, что в настоящее время зарубежные (международные) реакционные силы, международные условия, геополитическая ситуация, на которые опираются национальные сепаратисты, значительно усложнились.⁵² Это обстоятельство не нуждается в дополнительных комментариях, достаточно лишь вспомнить те события, которые произошли в мире в 90-е годы XX столетия.

Есть и еще один момент, на который обращают внимание китайские исследователи. Это вопросы, связанные с теорией национального вопроса, культурой и пропагандой. Судя по звучащей на различных партийных форумах тревоге,⁵³ на этом “фронте” китайская пропагандистская машина битву “этническим сепаратистам” проигрывает.

Как отмечают китайские авторы, сегодня в своей идеологической деятельности “этнические сепаратисты” достаточно активно используют:

- пропаганду среди молодежи идей сепаратизма в местах отправления религиозного культа и частных школах
- распространение среди учащихся высших и средних учебных заведений слухов и клеветы
- распространение реакционных изданий, видео- и аудиоматериалов, осуществление обманной пропаганды
- этнические сепаратисты в кругах литераторов и деятелей искусства допускают извращение истории Синьцзяна и создание сепаратистских теорий зарубежными организациями этнических сепаратистов. Через радиостанции, газеты, публикации ведется соответствующая пропаганда. Прикрываясь тогой ученых, “этнические сепаратисты” пропагандируют так называемые теории “историко-культурной общности”, “общности тюркской культуры”, “общности исламской культуры”, провозглашают, что “национальная литература синьцзянских уйгуров – одна из неотделимых частей тюркской национальной литературы”, “пантюркизм – вклад в исследование тюркологов”.⁵⁴

Какие выводы делает из всего вышесказанного руководство автономного района? Наиболее полно это отражает документ парткома СУАР “Мнения и предложения по вопросу борьбы с сепаратизмом в настоящее время и в последующий период”, принятый в ноябре 1995 г.⁵⁵ Поскольку этот документ достаточно объемён, приведем только выдержки из него.

Первый его раздел озаглавлен “Комплексная оценка и анализ ситуации борьбы с сепаратизмом в Синьцзяне”, и выводы, здесь предложенные достаточно красноречивы.

“Этнический сепаратизм – основная угроза, оказывающая влияние на стабильность в Синьцзяне”. “Начиная с 80-х годов в международной обстановке произошли большие изменения, этнические сепаратисты проявили себя во многих международных конфликтах и получили поддержку международных реакционных сил, их подрывная деятельность усилилась, сформировалась новая волна”.

Основные особенности этой волны, на которые обращает внимание партком СУАР, заключаются в следующем:

(1) реакционные организации от состояния разрозненности постепенно переходят к объединению, пытаются придать синьцзянскому вопросу международный характер; связывают этнический сепаратизм с так называемыми правами человека, демократией и “автономией”, провозглашают, что центральное правительство в Синьцзяне осуществляет “колониальный грабеж”, “колониальную деспотию”, выступают против ханьцев;

(2) они в сочетании используют литературное наступление и вооруженное давление. С одной стороны, пропагандируется необходимость замены марксизма исламизмом, распространяются реакционные материалы, книги, аудио- и видеопродукция. С другой — усиливается пропаганда так называемой “священной войны”, озвучивается призыв к десятилетней террористической войне, десятилетней партизанской войне, десятилетней регулярной войне, итогом которых станет захват политической власти;

(3) используется стратегия “деревня окружает город”,⁵⁶ осуществляется проникновение на промышленные предприятия, в учебные заведения, государственные учреждения;

(4) объединяются в единое целое духовные, умственные и экономические силы. Некоторые этнические сепаратисты провозглашают, что исламская религия — это духовная основа, заявляется, что необходимо “объединить в единое целое не боящийся смерти дух, знания интеллигенции и экономические возможности предприятий”;

(5) провозглашается необходимость осуществления “четырех модернизаций религии”, ведется борьба за молодежь и народные массы. Основная цель этого — осуществление политизации религии, то есть создание “Восточного Туркестана”, в котором в качестве конституции выступал бы Коран;

(6) этнические сепаратисты, постоянно используя этнические и религиозные лозунги, осуществляют пропаганду и усложняют проблему.

“Это еще раз предупреждает нас, что сепаратизм и борьба с ним есть политическая борьба. Это не национальный вопрос, и не религиозный вопрос”. “В настоящий и последующий периоды ситуация по борьбе с сепаратизмом в Синыцзяне будет усиливаться и обостряться”.

“Активизация этнических сепаратистов имеет внешние причины. Внешние силы, используя внутренние проблемы, действуя через нас самих, значительно углубляют и усложняют вопрос”.

В чем, за исключением внешнего фактора, видится авторам документа причина активизации “этнического сепаратизма” в Синыцзяне?

“После переноса центра работы партии на экономическое строительство было несколько ослаблено внимание к проблеме сохранения в течение длительного периода классовой борьбы в определенных областях. Много было разговоров об урегулировании национального и религиозного вопроса, о единстве, однако мало говорилось о борьбе, в политике были допущены ошибки, неверно осуждена старая интеллигенция. Некоторые товарищи не обладали достаточным пониманием в отношении длительности и сложности борьбы с этническим сепаратизмом, имели место настроения успокоенности. И хотя проблемы возникали одна за другой и постепенно расширялись, решительные удары по этническому сепаратизму не наносились”. “Корень проблемы лежит в верхних этажах управленческой пирамиды, в ганьбу, и даже в руководящих кадровых работниках”.

“При одностороннем стремлении к экономической эффективности, в городах и поселках упускалось из вида управление политикой и культурой, общественной жизнью, во многих районах игнорировалась идейно-политическая работа. По социалистической идеологии был нанесен удар, и в ней начали прорастать ростки национализма, усиливалась религиозность, что и сформировало базу для этнического сепаратизма”.

“В условиях социальных преобразований ослабло политическое руководство со стороны партии различными

сферами общественной жизни, размылось политическое сознание, в некоторых учреждениях практически не велась учеба, не обсуждались политические вопросы, вопросы правильного стиля, ослабли боевые силы низовых партийных организаций, сопротивление этническому сепаратизму”.

Из всего этого следует вывод о необходимости “активизировать борьбу с сепаратизмом”, приняв этот постулат за базовый в дальнейшей деятельности партийных организаций всех уровней. Как подчеркивается в документе, в борьбе с этническим сепаратизмом необходимо неуклонно придерживаться следующих основных принципов:

(1) объединять и опираться на большинство. Этническая структура населения Синьцзяна способствует единству, тех, кто проповедует этнический сепаратизм, меньшинство. Этнические сепаратисты используют ислам, однако Синьцзян – многоконфессиональный регион;

(2) спланировать внутреннее и распылить внешнее. Все руководящие кадровые работники, особенно кадровые работники на уровне уезда и выше должны сохранять бдительность по отношению к разрушительной деятельности внутренних и внешних реакционных сил, принимать в их отношении решительные меры, уничтожать их с корнем. Однако по отношению к широким массам необходимо проводить правильное воспитание, руководить их объединением в интересах развития Синьцзяна. Ставя во главу угла экономическую работу, пропагандировать идеи единства, экономического развития, улучшения жизни всех этнических групп, идеи политической и социальной стабильности в Синьцзяне;

(3) строго разграничивать и правильно урегулировать два вида противоречий. В отношении незначительной части этнических сепаратистов, ведущих подрывную сепаратистскую деятельность, необходимо строго применять нормы законодательства и не испытывать никакой жалости. Однако необходимо проводить разграничение между этническим сепаратизмом и обычными национальными чувствами;

(4) строго соблюдать закон. Любой человек имеет право на свободы во благо интересов народа, но нарушение государственных законов недопустимо и во всех случаях подлежит наказанию;

(5) сочетать полумеры с радикализмом. Сначала в отношении этнического сепаратизма необходимо применять полумеры, а уж затем радикальные. В отношении разрушительной деятельности этнических сепаратистов необходимо наносить решительный удар. Однако более важно то, что необходимо ликвидировать этнический сепаратизм в сознании и мыслях, что имеет место в ряде регионов и при определенных условиях.

Конкретизируя эти основные принципы, авторы документа предлагают:

усилить идеологический фронт и работу на теоретическом фронте

очистить ряды работников образования и культуры (предлагается создать в учебных заведениях руководящие группы, пропагандистские отделы, партийные комитеты, канцелярии по безопасности, отвечающие за порядок в них)

базируясь на положениях действующего законодательства, усилить управление религиозной деятельностью

постоянно поддерживать работу по национальному сплочению

прилагать все силы для того, чтобы разрушить деятельность этнических сепаратистов и ликвидировать условия для совершения различных преступных деяний. При этом особое внимание следует обратить на пресечение преступлений, связанных с организацией беспорядков, организованной преступностью, бандитизмом

усилить подразделения НОАК, дислоцируемые в Синьцзяне, полицию, подразделения ПСК; усилить строительство органов безопасности, суда и прокуратуры. В этом основная гарантия сохранения единства Синьцзяна, борьбы с сепаратизмом

создать ассоциации по борьбе с сепаратизмом

усилить контроль за приезжающими в СУАР туристами,

поступлением через границу и таможенные пункты печатных изданий

организованно и активно развивать международный обмен.

19 марта 1996 г. Постоянный Комитета Политбюро ЦК КПК принял так называемый “Документ №7” ЦК КПК “О поддержании стабильности в Синьцзяне”. Данный документ учел все выводы руководства автономного района и, согласившись, что “национальный сепаратизм и незаконная религиозная деятельность являются главными угрозами стабильности в Синьцзяне”, предложил свое видение решения проблемы. Поскольку данный документ не был опубликован в открытой печати, я без комментариев привожу его полный текст в приложениях к работе (см. Приложение 4). Комментарии в данном случае излишни, поскольку каждый, кто прочтет документ, увидит в нем то, что ему ближе: кто-то – его репрессивную направленность, а кто-то – заботу о безопасности страны и благосостоянии населяющих ее народов. Со своей стороны лишь отметим: несмотря на то, что в данном документе доминируют выражения со словами “усилить” и “укрепить”, основной является его заключительная часть, посвященная вопросам экономического строительства в Синьцзяне. И именно в развитие изложенных в данном документе положений в январе 2000 г. ЦК КПК и был принят “План большого развития Запада”.

Что касается синьцзянских ученых, то в оценке угрозы этнического сепаратизма они не менее, чем партком СУАР или ЦК КПК, категоричны в своих выводах. Понимая, что борьба с этническим сепаратизмом уже давно вышла за рамки академических дискуссий, что “совладать с ним методами отдельных ‘ударов’ уже невозможно, а необходимо ‘удары’ сочетать с ‘профилактикой’ и ‘локализацией’ явления”, они предлагают следующее:

(1) создать руководящую группу, которая наряду с развитием строительства в Синьцзяне, занималась бы и комплексным наведением порядка, усилить управление процессами развития Синьцзяна и борьбы с сепаратизмом;

(2) основываясь на понимании сегодняшней ситуации вокруг Синьцзяна, и особенно геополитической ситуации в странах по юго-западному и западному периметру, предлагается скорейшим образом создать подразделения быстрого реагирования, подготовить модернизированный вооруженный резерв. Усилить оборону городов и регионов на юге и севере Синьцзяна. Эти подразделения должны быть способны не только быстро пресекать различного рода беспорядки и террористические акты, но и быть готовы к борьбе с внутренними и внешними реакционными силами, призывающими к джихаду;

(3) за счет внутренних сил соответствующих органов организовать группы, которые провели бы чистки и навели порядок среди учащихся и в образовательной сфере в целом;

(4) используя различные формы, усиливать пропагандистско-воспитательную работу среди национальных меньшинств, обратив особое внимание на перевоспитание незначительной части этнических сепаратистов; мобилизовать массы на борьбу с этническими сепаратистами;

(5) в работе по борьбе с этническим сепаратизмом необходимо оказывать большее доверие ответственным кадровым работникам из числа национальных меньшинств, веря национальным кадровым работникам, можно развивать их лучшие качества и чувство ответственности за национальную автономию;

(6) продолжать решительно пресекать незаконную религиозную пропаганду и религиозную деятельность. Использовать в отношении религиозных деятелей методику политического воспитания через участие в руководящих группах ВСНП и НПКСК;

(7) поощрять национальное воспитание, обращая особое внимание на среднее и школьное образование. Жестко бороться за влияние на молодежь с религиозными деятелями и сепаратистами;

(8) выделить некоторым районам дополнительные средства для развития экономики, внимательно следить за миграцией населения;

(9) в процессе осуществления политики “открытости” в Синьцзяне использовать методы экономического стимулирования трудовой миграции из других провинций, опираться на поддержку интеллигенции, технических специалистов, капиталов, прекратить бездумное привлечение ханьцев для проведения работ в регионе;

(10) в планах большого освоения Запада необходимо четко проанализировать проект помощи Синьцзяну.⁵⁷

Эти документы говорят не только о серьезности ситуации в Синьцзяне, но и о том, что ни региональное руководство, ни специалисты, занимающиеся изучением этой проблемы не склонны ее драматизировать. Безусловно, проблема есть, но у нее есть и решение. И решение это есть сочетание административных и экономических методов. Этнический сепаратизм, как и религиозный экстремизм, вырастают на почве нерешенности социально-экономических и политических вопросов.

Они активизируются лишь в условиях резкого ухудшения социального самочувствия большей части населения, сопряженного с неспособностью (либо нежеланием) политического режима решать политические и социально-экономические проблемы. Идеальные условия появляются там, где возможности власти по консолидации общества существенно снижаются, где уровень ожиданий и уровень реальной жизни значительно расходятся. В Синьцзяне мы наблюдаем обратную ситуацию, поэтому говорить об “этническом сепаратизме” в нем как явлении политическом представляется лишенным оснований. Скорее речь может идти, и практика показывает, что так оно и есть, об использовании как религиозных лозунгов, так и лозунгов, характерных для этнического сепаратизма, террористическими группами, истинные цели которых в политическом плане достаточно далеки от цели достижения национального самоопределения уйгурского народа.

Организации, выступающие за независимость Синьцзяна

Если о событиях, интерпретируемых как факты “борьбы за независимость” Синьцзяна, сообщается довольно часто, то об организациях, ставящих своей целью эту борьбу, базирующихся на его территории и руководящих этой борьбой, известно немного. И это довольно странно, поскольку, если мы говорим о борьбе за независимость, то имеем в виду политическую борьбу, которая по определению не может осуществляться без наличия политической партии, либо организации, выполняющей аналогичные функции. То же можно сказать и об этническом сепаратизме, который представляет собой одну из форм политической борьбы.

Объяснить этот парадокс можно несколькими обстоятельствами. Либо эти организации – вымысел китайских спецслужб, которым необходимо оправдать использование довольно жестких репрессивных мер в отношении инакомыслия в Синьцзяне. Либо они – вымысел зарубежных “борцов” за национальную независимость Синьцзяна, и настолько малочисленны, что говорить об их политическом влиянии на население СУАР КНР не приходится. Либо все они настолько законспирированы, что китайским спецслужбам не удастся выявить ни места их дислокации, ни имена руководителей. Либо речь идет не о политических организациях, а о небольших, хотя и многочисленных, группах террористов, действующих под прикрытием религии или лозунгов этнического сепаратизма.

Поскольку в тезис о высоком уровне конспирации, учитывая возможности китайских спецслужб, верится довольно слабо, приходится согласиться с остальными предположениями. Причем, как представляется, все они имеют право на существование, поскольку всем есть достаточно веское подтверждение.

Почти наверняка можно утверждать, что на территории Синьцзяна имеются организации, деятельность которых инспирируется и финансируется спецслужбами. Было бы странным, если бы таковых не существовало, поскольку

в далеко не мифической, как мы видели выше, борьбе с этническим сепаратизмом использование такого рода организаций просто необходимо.

Что касается зарубежных уйгурских организаций, поддерживающих движение за независимость Синьцзяна, то о них речь будет идти особо. Единственное, что необходимо отметить сразу, их вряд ли имеет смысл рассматривать как координаторов деятельности местных “этнических сепаратистов”. Скорее им принадлежит малопочтенная роль провокаторов.

Что касается последней группы организаций, то их существование не вызывает сомнений, но их нельзя отнести к организациям политического толка. В большинстве своем это небольшие по численности и разрозненные группы экстремистов и террористов, хотя китайская пресса и пишет о том, что в последнее время их деятельность начинает приобретать все более организованный характер.⁵⁸

Единственная политическая организация, наличие которой не отрицается китайской прессой, – Исламская партия Восточного Туркестана, появление которой датируется 1990 г., когда “Баринские события подняли очередную волну радикального уйгурского сепаратизма”.⁵⁹ Данный факт также можно было бы отнести к разряду провокаций спецслужб, но весомых оснований для этого у нас нет. Более того, и события 90-х годов в Синьцзяне, в которых отчетливо прослеживается этносепаратистская направленность,⁶⁰ и их массовость,⁶¹ (см. Приложение 18) и изменение тактики деятельности зарубежных и международных уйгурских организаций говорят о том, что деятельность этнических сепаратистов в Синьцзяне стала более скоординированной и целенаправленной. Отнести это на счет “разрозненных сепаратистских организаций” вряд ли было бы правомерно. По-видимому, Исламская партия Восточного Туркестана все-таки является реальностью.

Более того, существуют даже некоторые свидетельства о структуре и характере деятельности этой организации. И хотя я не очень склонен доверять этой информации, игнорировать ее вряд ли имеет смысл.

Как подчеркивается в российской прессе, ныне самая активная организация, объединяющая уйгурских сепаратистов, – Исламское движение Восточного Туркестана (в китайских источниках эта организация называется Исламская партия Восточного Туркестана. – К.С.). Оно имеет до 600 боевиков, прошедших подготовку в лагерях исламистов в Афганистане, Таджикистане, Пакистане и Чечне. В структуру ИДВТ входят мобильные бандформирования, органы управления, разведки, контрразведки, пропаганды и материально-технического обеспечения.

Все действия религиозных экстремистов координируются и финансируются единым центром, во главе которого стоят представители международного терроризма. Таким центром, вероятно, является неофициальный исламский совет (шура) со штаб-квартирой в Кандагаре, образованный небезызвестным Усамой бен Ладеном совместно с лидером движения “Талибан” муллой Омаром и одним из религиозных авторитетов Сирии Абу Сухайибом Аль Ансари.

Генеральным спонсором уйгурских сепаратистов является Усама бен Ладен. В начале 1999 г. на территории Афганистана состоялась его встреча с лидерами Исламского движения Узбекистана (ИДУ) и Исламского движения Восточного Туркестана, где он взял на себя обязательство давать деньги обеим организациям.

По данным спецслужб Узбекистана, основная боевая подготовка сторонников ИДВТ из числа китайских граждан уйгурской национальности осуществляется в талибском центре в городе Пагман (провинция Кабул). До 150 уйгурских боевиков проходят обучение в учебно-тренировочных лагерях, расположенных в Баграме (провинция Парван), Асадабаде (провинция Кунир), Шинварн (провинция Кандагар), а также в учебно-тренировочном лагере у города Мизари-Шариф (провинция Балх).

Курс специальной подготовки уйгурские сепаратисты осваивают в Пакистане, в частности, в 45 км от Пешавара, где функционирует учебный центр спецслужб страны. Финансирует его саудовская организация Хяяти хилоий ахмари

сазди, а руководителем является сын покойного диктатора Пакистана, генерала Зия Уль Хака, находящийся в дружеских отношениях с Джундуллохом. Под кураторством последнего в центре вышколили 200 уйгуров – выходцев из СУАР.

Наиболее грамотным и физически крепким боевикам продлевали срок обучения с шести месяцев до двух лет. Дальнейшим их распределением, финансированием и подготовкой необходимых документов занимался сам Джундуллох. Почти все выпускники данных заведений затем воевали в составе отрядов ИДУ в Киргизии и движения “Талибан” в Афганистане.⁶²

Это единственное известное мне столь подробное свидетельство, хотя, например, об участии этой партии в организации Баринских событий 1990 г. известно достаточно много, а, учитывая направленность этих событий, можно предположить, что данная организация действительно имеет связи с международным терроризмом.

К числу сепаратистских организаций можно отнести и так называемую “партию Аллаха”. Об этой организации стало известно в 1997 г., когда “этнические сепаратисты” в Синьцзяне резко активизировались и перешли исключительно к тактике насильственных действий по отношению к власти.

По свидетельству председателя Народного Правительства СУАР Аблета Абдурешита, заявившего в марте 1999 г. о том, что “в прошлом году власти разгромили Партию Аллаха и арестовали всех ее членов в городе Хотан”, именно эта партия “за последние годы являлась вдохновительницей множества террористических актов”.⁶³ Аблет Абдурешит назвал и численность членов этой организации – 22 человека.

И хотя это официальное заявление, верится в него с большим трудом. Во-первых, с учетом количества террористических актов, осуществленных в Синьцзяне за этот период,⁶⁴ вряд ли можно предположить, что спланировала и провела их организация, членами которой состояли лишь двадцать человек. Во-вторых, нет веских оснований и для утверждений об окончательной ликвидации этой организации. Во всяком случае, этого не подтверждают

лидеры зарубежных уйгурских организаций, с которыми партия Аллаха поддерживала достаточно тесные контакты. По их мнению, это глубоко законспирированная и высоко организованная партия, с железной дисциплиной, а особенности ее структуры известны только ее руководителям. Интересно и то, что цели, которые ставила перед собой эта организация, в полной мере сочетаются с целями, выдвигаемыми зарубежными уйгурскими организациями в соответствующие исторические периоды: в 1997 г. — организация массовых беспорядков и кровопролитий, в 1998 г. — привлечение к проблемам уйгуров внимания мировой общественности, 2000 г. — достижение независимости Синьцзяна. И именно это обстоятельство дает основания рассматривать эту организацию как политическую.

Что касается остальных сепаратистских организаций, достаточно часто упоминаемых как в иностранной, так и в казахстанской печати,⁶⁵ то здесь существует несколько видов неточностей, а иногда и просто мистификаций.

Во-первых, у большинства авторов наблюдается некоторая путаница, связанная с действительно большим числом уйгурских организаций в мире. Однако они имеют к экстремистским организациям СУАР весьма отдаленное отношение.

Во-вторых, имеют место сложившиеся, не без содействия зарубежных уйгурских организаций, мифы о якобы скоординированной из единого центра деятельности всех организаций, действующих на территории СУАР.⁶⁶ Данные заявления не более чем плод воспаленного воображения или просто желания лидеров зарубежных уйгурских организаций, не подкрепленные, кстати говоря, ни возможностями самих этих организаций, ни авторитетом их лидеров.

Наконец, в условиях действительно широкого размаха экстремизма в Синьцзяне, его специфики и особенностей формирования в регионе экстремистских группировок, всякая из них непременно заявляет о себе как о политической организации, ставящей своей целью “борьбу за независимость Синьцзяна”. И хотя это довольно далеко от реальности,

тем не менее, миф формируется и его остается только тиражировать за рубежом.

Однако неверно было бы говорить и о том, что на территории СУАР вообще отсутствуют подпольные организации, действующие под лозунгами этнического сепаратизма.

Из документов парткома СУАР следует, что с конца 80-х — начала 90-х годов в автономном районе резко активизировались сепаратистские элементы, ведущие борьбу за отделение Синьцзяна от КНР и создание на его территории независимого уйгурского государства. Отмечается, что если раньше действия сепаратистов носили единичный характер и ограничивались распространением листовок антикитайского содержания, то в настоящее время они действуют практически во всех регионах автономного района, а проводимые ими акции осуществляются в острой и демонстративной форме: вооруженные нападения на ханьцев и полицейских; взрывы в административных зданиях, общественных местах, пассажирских автобусах; подрыв мостов, диверсии на железнодорожном транспорте; организация массовых беспорядков; открытое вооруженное сопротивление китайским властям и т.п. Подпольная деятельность принимает все более организованный и групповой характер. Нередки случаи, когда нелегальные формирования возглавляются представителями мусульманского духовенства и действуют под исламскими лозунгами.⁶⁷

Беседы автора как с представителями уйгурских организаций, дислоцированных за пределами СУАР, так и с официальными китайскими лицами дают основания полагать, что в Южном Синьцзяне действительно существуют глубоко законспирированные, довольно радикальные по своим взглядам и далеко не единичные группировки уйгурской молодежи. Прием новых членов в них осуществляется по результатам их тщательной проверки и изучения. После принятия присяги они обучаются методам конспирации, способам обращения с оружием и его изготовления, взрывному делу, приемам рукопашного боя. Особое внимание уделяется идеологической подготовке новобранцев, которые

воспитываются в духе идей радикального ислама, в том числе и ваххабитского толка. По окончании подготовительного этапа боевики участвуют в террористических акциях и операциях по добыванию оружия, боеприпасов, финансовых средств, распространению листовок антикитайского и сепаратистского содержания и т. д.

Все эти организации глубоко законспирированы, имена руководителей хранятся в глубокой тайне, сведения о структуре, количественном и качественном составе засекречены. Однако не является тайной то, что их политическая платформа целиком и полностью подчинена цели достижения независимости Синьцзяна. По информации, полученной от лидеров зарубежных уйгурских организаций, они состоят из многочисленных групп – от нескольких десятков до нескольких сотен и тысяч человек, причем не все группы имеют непосредственную связь друг с другом, соблюдая жесткие условия конспирации. В возрастном отношении это молодые люди от 18 до 25-30 лет, в подавляющем большинстве со средним образованием, лишь единицы имеют высшее.

Незначительную часть среди членов этих организаций составляют лица прошедшие действительную военную службу в рядах НОАК, объединенные в так называемые “подразделения смертников” – людей, морально и психологически подготовленных к самопожертвованию во имя достижения поставленной цели. По некоторым свидетельствам, члены этих подразделений готовы идти на самые крайние меры.

По организационной структуре, “смертники” приближены к войсковым формированиям (отделения, взводы, роты и т. д.). И хотя в профессиональном отношении они пока далеки от подразделений спецназа и других диверсионных групп, стремления к этому у них налицо. Территориально большая часть групп “смертников” находится на юге СУАР, преимущественно в Аксуйском, Кашгарском и Хотанском округах, и на севере, в пределах Или-Казахской автономной области..

Организация “смертников” проводит очень осторожную и достаточно взвешенную деятельность, остерегается как

провокаций, так и массовых выступлений. В феврале 1997 г. в городе Кульджа лишь единицы “смертников” принимали участие в акциях протеста, и уж тем более их нельзя признать организаторами выступлений.

Высокой организованностью и дисциплиной отличается “Движение талибов” (ДТ). По структуре организации ДТ напоминает организации “смертников”. Идеологическая основа – ислам с акцентацией внимания на панисламизме и в меньшей степени пантюркизме. Как и в организациях “смертников”, ДТ проявляет сдержанность и не поддается на провокации. Ее действия в настоящее время направлены не столько на масштабные выступления, сколько на привлечение внимания мировой общественности на попиране прав человека в СУАР КНР.

С организацией ДТ связано и некоторое изменение в тактике деятельности организаций “этнических сепаратистов” в первой половине 90-х годов. Именно в эти годы отмечено появление такого нового момента, как осуществление терактов против “пособников” китайских властей из числа коренного населения, прежде всего “продажных мулл” и “вероотступников”. В частности, в июле 1995 г. в Шаярском уезде округа Аксу членами одной из сепаратистских группировок, называющих себя “талибами”, расстреляны несколько уйгуров, которые были обвинены в “измене интересам мусульман”. В августе 1995 г. в окрестностях города Куча ими были сожжены дома кадрового работника уйгурской национальности и его родственников, а также совершено покушение на члена НПКСК от округа Кашгар имама Садыка Карима.

В доступной литературе есть упоминание еще об одной организации радикального толка, действующей на территории СУАР. Это так называемая “Партия освобождения уйгуров” (ПОУ), о деятельности которой на пресс-конференции в Алматы поведал один из ее членов, назвавший себя Ахмед. По его словам, партия действует по всему западному Синьцзяну от Кульджи до Хотана, и именно активисты ПОУ ответственны за взрыв бомбы в марте 1997 г. в Урумчи. Весьма красноречивы и некоторые комментарии Ахмеда. На вопрос, учитывалось ли то,

что от их террористической акции могут погибнуть и уйгуры, он ответил, что “это стоит того, если убиты и китайцы”. Более того, по его мнению, “организация демонстраций не является верным способом подорвать стабильность китайского режима”.⁶⁸

Иногда в литературе упоминаются еще две радикальных экстремистских группировки, действующие на территории СУАР КНР, – “Лобнорские тигры” и “Яна Аят”. Первым приписывается осуществление в июле 1995 г. в городах Хами и Куча вооруженных нападений на китайских военнослужащих и склады воинских частей с целью овладения оружием и боеприпасами. Второй организации, “образованной, предположительно, в 1997 г. и являющейся радикальной молодежной организацией с местом дислокации в городе Кашгар”, – причастность к организации террористических акций в Урумчи весной 1998 г., а также подготовку теракта в Кашгаре в мае 1999 г.⁶⁹ Учитывая специфику организации и деятельности экстремистских организаций в СУАР, вполне возможно, что такие организации и существовали, однако документальных свидетельств этому в китайской прессе нет.

Наличие большого числа экстремистских организаций на территории СУАР КНР не отрицается и китайскими авторами. По данным открытых китайских источников, только в 1990-1994 гг. в СУАР было раскрыто несколько десятков незаконных организаций, в которые была привлечена тысяча человек. Эти организации, как правило, формировались по принципу землячества, но иногда – по месту отправления религиозного культа или на социальной основе (курсив наш. – К.С.).⁷⁰ После массовых волнений, имевших место в Кашгаре в мае 1995 г., китайские спецслужбы предприняли широкомасштабные действия по подавлению сепаратистских группировок. По заявлениям представителей синьцзянских правоохранительных органов, за лето-осень 1996 г. в автономном районе было ликвидировано 20 подпольных “контрреволюционных комитетов”. Во время обысков у их членов найдены огнестрельное оружие, боеприпасы, листовки с антикитайскими лозунгами, деньги и средства связи.

Однако китайские исследователи, не отрицая наличия в СУАР экстремистских организаций, действующих в том числе и под лозунгами этнического сепаратизма, тем не менее, не склонны рассматривать их как филиалы “действующего в Синьцзяне единого сепаратистского подполья”. По-видимому, с таким выводом можно согласиться, имея в виду, что, несмотря на укрепление контактов действующих на территории СУАР экстремистских группировок с зарубежными уйгурскими организациями и международными центрами, говорить о полной координации их деятельности пока рано. Хотя данные последних лет и особенности изменений как тактики их деятельности, так и в особенности декларируемых целей “борьбы за независимость”, говорят о том, что степень этой координации усиливается.

Активизация выступлений уйгурских сепаратистов в СУАР КНР произошла в 1989 г., когда события на площади Тяньаньмэнь радикализировали настроения в китайском обществе. 19 мая 1989 г. группой молодежи был учинен погром в парткоме автономного района.⁷¹ Затем последовали Баринские события 5 апреля 1990 г., открывшие “очередную веху радикального уйгурского сепаратизма”. Придя к заключению, что манифестациями и пропагандой политических целей не добиться, экстремистские группировки перешли к тактике “использования грубой силы”. В течение 1992 г. было осуществлено несколько взрывов в Урумчи; 17 июня 1993 г. произведены взрывы в Кашгарском и Хотанском округах; 18 июля 1994 г. осуществлены взрывы в Аксуйском округе; 7 июля 1995 г. разгромлен партком, администрация и органы безопасности в Хотане, ранено несколько кадровых работников, работников службы безопасности и военнослужащих.⁷² По свидетельству китайских источников, “деятельность некоторых подпольных реакционных организаций и групп становится более конспиративной, постоянно меняются методы их борьбы и тактика, в которых все чаще используется террор. Это свидетельствует, что сепаратисты при поддержке реакционных сил за рубежом в настоящее

время усиливают процесс вооруженной борьбы, готовятся к так называемому ‘джихаду’ в Синьцзяне”.⁷³

Наблюдается и увеличение численности группировок, участвующих в подобного рода акциях. “Подпольные организации создаются в школах, некоторые выходят за рамки школ, городов, районов, и даже за рамки государства, налаживая контакты с зарубежными сепаратистскими организациями. Среди членов этих организаций – учащиеся школ, которые уже в этом возрасте проникаются общей идеологией сепаратизма и в студенчестве продолжают поддерживать и развивать связи с зарубежными организациями. После окончания института выезжают за рубеж и участвуют в работе этих организаций, становясь их опорой; некоторые, возвращаясь на родину, создают сеть организаций в институтах, где они раньше учились. Эти люди и представляют собой новое поколение современных синьцзянских сепаратистов, они разбросаны во всех социальных сферах, на различных должностях”.⁷⁴

Происходит некоторое изменение и заявленных целей борьбы. Если в конце 70-х – середине 80-х годов в качестве конечной цели объявлялось создание на территории СУАР КНР независимого уйгурского государства Уйгурстан, то с начала 90-х в своих пропагандистских материалах нелегальные и особенно зарубежные организации уйгуров все чаще в качестве конечной цели своей борьбы стали декларировать восстановление существовавшей в 40-е годы Восточно-Туркестанской республики, как формы государственной независимости всех коренных народов Синьцзяна, исключив тезис о создании национального уйгурского государства.

“Этнические сепаратисты, выдвигая свои требования, постоянно меняют методы деятельности, всеми силами ведут борьбу за массы и молодежь”.⁷⁵ Одной из форм вовлечения в свои ряды новых сторонников является использование ислама с его организационными, социальными и политическими возможностями. Как отмечается, “этнические сепаратисты” призывают к “проведению четырех модернизаций религии

(цзунцзяо сыхуа)”. Это включает в себя: “1) модернизацию религиозного образования, предполагающую пробуждение мусульман за счет увеличения числа обучающихся и религиозных учебных заведений. Основная цель – проникновение в учебные заведения и в учреждения, подготовка сепаратистов из числа учащихся высших и средних учебных заведений; 2) омоложение религии, борьба за молодежь с использованием религии, подготовка большего числа талибов и одурманенных молодых людей для участия в ‘священной войне’; 3) социализация религии, то есть расширение прав руководителей мечетей, дальнейшее распространение религиозных знаний, формирование единого фронта, объединение всех мусульман против иноверцев; 4) цель этих ‘трех модернизаций’ осуществить политизацию религии, то есть создать государство ‘Восточный Туркестан’, в котором бы ‘Коран’ выступал в качестве основного закона”.⁷⁶

Отмечается также активизация легальной работы сепаратистских группировок среди населения, следствием чего является возросшая в последние годы в различных районах СУАР активность машрапов – неформальных собраний местных уйгурских авторитетов, под эгидой которых стали формироваться различные культурно-просветительские, спортивные и иные общественные объединения уйгуров, где начали концентрироваться социально активные представители молодежи и национальной интеллигенции. Данные шаги дают возможность существенно расширить свое влияние на образованную часть уйгурского населения, привлечь на свою сторону молодежь из числа других сиңьцзянских нацменьшинств и, как следствие, значительно расширить подрывную антикитайскую деятельность в автономном районе.

Машрап в переводе с уйгурского языка означает “вечер”, “вечеринка”, проводимый поочередно (примерно 1 раз в неделю), преимущественно в зимнее время года дома у участников машрапа. Однако машрапы – это не столько развлекательное мероприятие, а целый ритуал, в котором

группы людей количеством от 15-до 30 человек, объединенных общими интересами, примерно одинакового интеллектуального уровня и близких возрастных групп, решают проблемы воспитательного и организационного характера в масштабах общины (если это махалля), а также хозяйственного характера.

Условно возрастные группы участников машрапа можно распределить следующим образом: 20-25; 25-30; 30-35; 35-40; 40-50 лет и т. д. Причем, участники машрапа придерживаются строгой дисциплины, предусмотренной правилами проведения машрапа, соблюдения обычаев и традиций, беспрекословного подчинения организатору машрапа.

В силу этого машрапы, в условиях постоянной слежки и атмосферы подозрительности, которые царят в СУАР КНР последние десятилетия, являются наиболее приемлемой формой конспирации действий в решении организационных вопросов, обмена информацией, разработки конкретных операций и т. д. Строгий отбор и жесткие требования к членам подобных собраний практически исключают возможность утечки информации.

Как одну из новых черт деятельности сепаратистских организаций китайские авторы выделяют тщательное планирование своей террористической деятельности и длительную подготовку в совершении теракта. “Этническими сепаратистами” ставятся не сиюминутные, а долговременные цели. Они призывают к “десятилетней террористической войне, десятилетней партизанской войне, десятилетней регулярной войне”. С целью материального обеспечения своей деятельности они осуществляют вооруженные ограбления банков, покупают и производят оружие, создают подпольные учебные группы, изучают подрывное дело.⁷⁷

Все эти факты, безусловно, свидетельствуют об активизации деятельности базирующихся на территории СУАР КНР организаций, ставящих своей конечной целью достижение независимости Синьцзяна. Однако, как представляется, “первую скрипку” в деятельности этих организаций, как в идеологическом, так и в материально-финансовом обеспечении играют все-таки зарубежные

уйгурские организации, на деятельности которых в контексте рассматриваемой проблемы нельзя не остановиться более детально.

Зарубежные уйгурские организации и их влияние на ситуацию в СУАР КНР

Зарубежные уйгурские организации начали возникать с середины 60-х годов, когда наметилось резкое ухудшение советско-китайских отношений, а в самом Китае началась вакханалия “культурной революции”, приведшая не только к извращениям в национальной политике КПК, но и унижению основной массы населения. Гонимое где-то голодом, а где-то и действительными репрессиями, коренное население Синьцзяна (главным образом, уйгуры, казахи и дунгане) начали в массовом порядке покидать автономный район. По некоторым данным,⁷⁸ в те годы Синьцзян покинуло порядка 100 тыс. человек, часть из которых (60 тыс.) в 1962 г. осела на жительство в республиках Центральной Азии, часть эмигрировала в Турцию, Афганистан и Индию, а часть позднее перебралась в США, Европу и Австралию.

Именно эти эмигранты, особенно из числа тех, кто занимал руководящие посты во времена ВТР, а позднее — и в органах власти СУАР КНР и подвергся репрессиям в годы “борьбы с местным национализмом” и “культурной революции”, и составляли первичную социальную базу для формирования зарубежных уйгурских организаций, когда в тех возникла потребность. А то, что такая потребность время от времени возникала не вызывает сомнений, поскольку “синьцзянский фактор” всегда учитывался в “центральноазиатской геополитической игре”.

Вторую группу лидеров уйгурских зарубежных организаций представляют либо прямые родственники первой волны мигрантов, как правило, родившиеся уже в КНР, либо диссиденты “демократической волны” второй половины

80-х годов, в основной своей массе покинувшие КНР по политическим мотивам. Эта категория эмигрантов на сегодняшний день доминирует в руководстве зарубежных уйгурских организаций. И хотя они достаточно тесно связаны с первой группой, в идейно-политическом плане они в значительной степени отличаются от нее, порой придерживаясь менее радикальных воззрений. Объясняется это, по-видимому, более высоким уровнем общеобразовательной подготовки, меньшей ненавистью к коммунистическому режиму в Китае и пониманием бесперспективности достижения цели национального самоопределения уйгуров и создания в пределах СУАР КНР уйгурского национального государства. Главная цель, которую они ставят перед собой, – привлечение внимания мировой общественности к проблемам уйгуров и придание “уйгурскому вопросу” международного статуса.

Третья группа лидеров уйгурских зарубежных организаций представлена эмигрантами 90-х годов, главным образом, выходцами из государств Центральной Азии, эмигрировавших в страны Западной Европы и США в поисках лучшей доли. Не сумев, в основной своей массе, вписаться в западное общество, либо попав в критическую ситуацию, они, попросту начали паразитировать на проблемах уйгурского народа, не понимая ни самих проблем, ни путей их решения. Именно эти люди представляют сегодня наиболее радикальные организации, выступающие непременно за независимость и создание государства Уйгурстан в пределах СУАР КНР. Сюда же можно отнести и лидеров зарубежных молодежных уйгурских организаций, придерживающихся аналогичных взглядов.⁷⁹

До конца 80-х годов деятельность зарубежных уйгурских организаций не привлекала к себе особого внимания. Представленные главным образом эмигрантами первой (30-е годы XX века) и второй (50-60-е) волны, они, хотя и рассматривались как зарубежная оппозиция политическому режиму в Китае, не получали поддержки со стороны международных правозащитных организаций, правительств

государств, на территории которых дислоцировались, и неправительственных организаций,⁸⁰ и не оказывали сколь-нибудь значительного влияния на политическую обстановку в СУАР.

Ситуация качественно изменилась в начале 90-х годов, когда не только значительно увеличилось число уйгурских организаций за рубежом, но изменилась тактика их деятельности, усилилась степень координации как между собой, так и с подпольными группами “этнических сепаратистов”, действующих непосредственно на территории Синьцзяна.

И именно эти обстоятельства вызывают наибольшую тревогу у китайского руководства. Как подчеркивают китайские авторы, “организации этнических сепаратистов внутри страны и за рубежом постепенно объединяются под лозунгами независимости Синьцзяна и разрушения единства родины. Некоторые сепаратистские организации внутри страны тесно связаны, создают региональные ассоциации. Они планируют организовать единую деятельность по всему Синьцзяну с центром в Кашгаре и Хотане. Одновременно они всеми силами пытаются объединиться с зарубежными организациями, чтобы вместе с ними вести свою деятельность. Зарубежные организации оказывают им помощь оружием и финансами, внутренние организации поставляют зарубежным информацию и новости. Некоторые организации уже приобрели международный статус”.⁸¹ Вывод, к которому приходят китайские авторы: “Развитие и объединение сепаратистских организаций внутри страны и за рубежом свидетельствует о расширении сил сепаратистов, создании организационной основы для планирования более широкой деятельности; одновременно они входят в международные организации по правам человека, пытаются создать условия для придания синьцзянскому вопросу международного статуса”.⁸²

И здесь возникает вполне закономерный вопрос о том, что произошло в мире в конце 80-х — начале 90-х годов, и почему эти процессы оказали столь сильное воздействие на

активизацию деятельности зарубежных уйгурских организаций, усиление степени ее воздействия на социально-политическую ситуацию в СУАР КНР и проблему региональной безопасности в Центральной Азии?

Во-первых, в странах Запада и США изменились подходы к проблеме самоопределения этнических меньшинств в полинациональных государствах и даже стало наблюдаться попустительское отношение этническим сепаратистам. Эта тенденция получила практическое воплощение после распада СССР и мировой социалистической системы. Именно конец 80-х – начало 90-х годов дали миру массу этнонациональных движений, “национальных фронтов” и этнокультурных объединений, прямо или косвенно поддерживаемых не только международными организациями по защите демократии и прав человека, но и правительствами некоторых стран Запада.

Во-вторых, распад СССР привел к образованию в постсоветской Центральной Азии новых независимых государств, государственное строительство в которых, во всяком случае на первом этапе, осуществлялось преимущественно на этнонациональной основе. И их пример не мог не оказать воздействия на этносы, не имеющие своей государственности. Более того, возникновение этнонациональных конфликтов в Европе и в ряде регионов бывшего СССР, продемонстрировав фактическую ненаказуемость этнического сепаратизма, косвенно стимулировало активизацию этносепаратистских тенденций в других регионах мира.

В-третьих, нельзя не обратить внимания и на тот факт, что в самом Китае со второй половины 80-х годов, как следствие проводимой политики экономической либерализации и некоторых послаблений в политической сфере, стали проявляться не только тенденции политизации китайского социума, но и регионального сепаратизма. Отчетливо выявилось противоречие между органами центральной власти и местного самоуправления. С середины 80-х основным вопросом, обсуждаемым и на уровне теоретических разработок, и на политическом, является проблема “ограничения самовластия центральных органов” и “укрепления позиций

местной бюрократии”⁸³.

Вполне естественно, что на фоне этих процессов возникли группы, главным образом из числа молодежи, настроенные достаточно радикально и выступающие за немедленное проведение политических преобразований. Поскольку дальнейшая либерализация в политической сфере грозила основам самой государственности, реакция властей была закономерной: студенческое движение было жестко подавлено, осуществлена очередная “чистка” кадрового корпуса, а в районах проживания национальных меньшинств усилены полицейско-административные меры. В результате предпринятых мер часть так называемых “диссидентов” оказались в тюрьмах и лагерях трудового перевоспитания, а часть, покинув страну, пополнила зарубежную оппозицию коммунистическому режиму в Китае.

Наконец, существенное влияние оказал и геополитический фактор. В начале 90-х годов это выражалось в попытках Турции и Ирана расширить зону влияния идей пантюркизма и панисламизма за счет включения в нее новых независимых государств Центральной Азии. После провала этих попыток⁸⁴ им на смену пришло усиление позиций США в Центральной Азии.

Конкретизируя задачи США в регионе, М. Олкотт, в тот период являвшаяся советником президента Дж. Буша, подчеркивала следующее: “Соединенные Штаты должны много работать с образованными слоями среднеазиатского общества, не допустить возникновения антиамериканских настроений в этой среде и иметь разработанный план по приобщению молодежи, ученых и культурных слоев населения этих республик к так называемым американским ценностям”. И далее, США должны “научить их быть независимыми государствами, независимыми прежде всего от России, только тогда Центральная Азия из де-юре станет независимой де-факто; вот что в действительности будет способствовать интересам США в регионе”⁸⁵.

Для США крайне важно было решить несколько стратегических задач в регионе. Во-первых, сохранить

стабильность в Центральной Азии, поскольку в противном случае регион был бы потерян с точки зрения установления здесь геополитического влияния. Во-вторых, обеспечить ликвидацию ядерного оружия, средств его доставки и ядерных материалов, расположенных на его территории. В-третьих, создать условия для сокращения возможностей восстановления статуса России, как серьезной геополитической силы, и одновременно, используя “исламский фактор”, оказывать воздействие на мусульманские регионы России с целью поддержания в них обстановки нестабильности. Без Центральной Азии и Кавказа это было в принципе невозможно. В-четвертых, принять меры для сдерживания Китая, которому многие аналитики предрекали вхождение в число мировых лидеров XXI в. Контроль над Центральной Азией позволял США обеспечить свое присутствие у западных границ Китая, где находится критически важный для него регион – Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР. И думается, что для решения этой стратегической задачи использовался и так называемый “уйгурский вопрос”. Во всяком случае, активизация деятельности уйгурских организаций в США приходится именно на вторую половину 90-х годов.

Все эти факторы и создали объективные условия для активизации деятельности как подпольных организаций в СУАР КНР, так и зарубежных уйгурских организаций. Причем, здесь сразу необходимо оговориться, если в начале – середине 90-х годов речь может идти о разрозненной и во многом несогласованной деятельности организаций, дислоцирующихся в государствах Центральной Азии и Турции, то вторая половина 90-х существенно меняет ситуацию в зарубежной уйгурской диаспоре, и на первый план выходят организации, имеющие штаб-квартиры в США и Европе. И прежде чем перейти к оценке этих изменений, представляется необходимым дать краткую характеристику наиболее активных организаций зарубежной уйгурской диаспоры.

Восточно-Туркестанский /Уйгурстанский/ национальный конгресс (East Turkistan /Uyghurstan/ National Congress)

Создан 16 октября 1999 г. на 2-ом Национальном курултае Восточного Туркестана в Мюнхене.

Штаб-квартира организации находится в Мюнхене (Германия, (089) 558-6986, Internet-адрес: www.eastturkistan.com, E-mail: ETNC@onlineHome.de.

Председатель – Анвар Жан /Анварджан Таран/ (Enver Can).⁸⁶

Учредителями конгресса выступили 13 организаций, представляющих уйгурскую диаспору за пределами Восточного Туркестана, в том числе: Ассоциация уйгуров Казахстана, Организация освобождения Уйгурстана (Казахстан), Общество культуры уйгуров Кыргызстана, Комитет демократии города Бишкека, Восточно-Туркестанский Вахпи, Европейское восточно-туркестанское единство, Восточно-Туркестанский культурно-информационный центр, Американская ассоциация уйгуров и т. д.

В настоящее время членами ВТНК состоят 18 организаций из 14 государств.

ВТНК является высшим политическим органом зарубежных уйгурских организаций и ставит своей целью придание уйгурскому вопросу международного статуса по аналогии с тибетской проблемой.

Как подчеркивается в учредительных документах ВТНК, его миссия состоит в том, чтобы:

а) добиваться законными и мирными средствами права на самоопределение для наций и народов Восточного Туркестана, как это предусмотрено механизмами ООН;

б) говорить за народ Восточного Туркестана, задавленный государством, поддерживающим насилие и политику, которая угнетает интересы народов Восточного Туркестана, перед Коммунистической партией Китая;

в) представлять Восточный Туркестан как единственный законный голос народов и наций Восточного Туркестана.⁸⁷

*Германия**Союз восточнотуркестанцев в Европе (Eastern Turkestan Union in Europe)*

Организована в 1989 г. Еркином Альптекиным (Erkin Alptekin), который до своего избрания генеральным секретарем Организации непредставленных наций и народов (UNPO) в 1999 г. являлся председателем этой организации.

В настоящее время председателем является Асгар Жан (Asgar Can).

Штаб-квартира организации находится в Мюнхене (Gieshugelerstr. 63, 97218 Gerbrunn Germany, телефон (089) 3590754, 55869986).

Организация ставила своей целью консолидацию всех уйгуров, проживающих в Европе и установление контактов с уйгурскими организациями, находящимися в других странах. В настоящее время целью ее деятельности, как и большинства других зарубежных уйгурских организаций, является привлечение внимания мирового сообщества к “уйгурскому вопросу” и придание ему международного статуса.

Информационный центр “Восточный Туркестан” (East Turkestan Information Center)

Организация образована после февральских событий в городе Кульджа в 1997 г. по инициативе одного из активистов уйгурской диаспоры Германии Омара Каната. Основатель и руководитель (директор) центра – Абдулжелил Каркаш (Abduljelil Karkash)

Штаб-квартира находится в Мюнхене (Lindwurmstr. 99, 80337 Munich Germany, телефон (089) 54456331, e-mail: etic@uygur.com. Internet-адрес: www.uygur.org).

Организация ставит своей целью сбор и распространение информации о событиях в СУАР КНР и положении уйгурского населения автономного района. Причем в большинстве случаев подбор информации осуществляется тенденциозно и сообщается главным образом о фактах нарушения прав человека в регионе.

Центром издается журнал “Тамчи”, а с марта 1999 г. – еженедельная газета “Учкун” (“Искра”), издателем которой

является Абдулжелил Каркаш, а главным редактором — Пархат Мухаммади.

Всемирный курултай уйгурской молодежи (World Uyghur Youth Congress)

Организация создана в ноябре 1996 г. по решению первого Всемирного курултая уйгурской молодежи, прошедшего в Мюнхене.⁸⁸ Председатель — Долгун Иса (Dolqun Isa). Штаб-квартира расположена в Мюнхене (Р.О. BOX 310312, 801103 Munich, Germany, телефон (89) 54887966

Хотя сообщается, что у этой организации имеется свой сайт в Internet, указанный сайт не открывается

Турция

Восточно-Туркестанский Вахпи (прежнее название Фонд “Восточный Туркестан”)

Самая старая из всех существующих зарубежных организаций. Создана в 60-е годы одним из лидеров уйгурского национально-освободительного движения Айсой Юсупом Альптекиным (Isa Yusuf Alptekin), выступавшим за ненасильственное освобождение Синьцзяна. После смерти Альптекина в 1995 г. председателем организации был избран Мухамед Риза Бекин (Mehmet Riza Bekin).

Бекин родился в городе Хотан (Синьцзян) в 1926 г. В 1935 г. вместе со своими родителями эмигрировал в Индию. Позднее перебрался в Турцию. Его дядя был одним из лидеров антикитайского восстания в Синьцзяне в 1933 г.

Бекин — профессиональный военный. В звании лейтенанта принимал участие в войне в Корее в составе подразделений ООН. Ко времени его выхода в отставку в конце 70-х, он занимал должность начальника штаба Договорного центра (Center Treaty Organization) по расширению НАТО, в который входили США, Великобритания, Турция, Иран и Пакистан. Организация была расформирована только после прихода к власти в Иране Хомейни. После ухода из центра Бекин в течение девяти лет служил в качестве советника премьер-министра Турции. В настоящее время в отставке, воинское звание генерал.

С приходом к руководству этой организацией генерала Бекина она стала, пожалуй, одной из наиболее радикальных зарубежных уйгурских организаций.

Хотя организация официально занимается обучением студентов из числа уйгуров в турецких вузах, религиозной пропагандой и издательской деятельностью (издается альманах), по-видимому, цели ее деятельности не столь безвинны. Об этом говорят как свидетельства тайваньской прессы о фактах подготовки боевиков подпольных организаций в Синьцзяне в военных лагерях и даже в армии Турции,⁸⁹ так и далеко небезобидные высказывания самого генерала Бекина и других руководителей организации.

“Наша цель – независимость Восточного ТуркестанаЭ но мы придерживаемся ненасильственных методов борьбы и мирных средств” – именно так сформулировал кредо своей организации генерал Риза Бекин.⁹⁰ “Мы серьезно подойдем к вопросу, если Пекин предоставит подлинную автономию СиньцзянуЭ но Пекин должен признать наш ультиматум о независимости. Это наша традиция разговаривать дружелюбно и по сути. Важных результатов можно достичь только путем искренних переговоров”. “Я хотел бы сказать Цзян Цзэминю, что зверская власть в Синьцзяне должна закончиться. Восточный Туркестан – это не часть Китая, а скорее находится вне Китая”.⁹¹

Национальный центр “Восточный Туркестан” (East Turkistan National Center)

Образован 11 декабря 1998 г. Руководитель центра – Гуламедин Пахта (Ghulamettin Pahta). Базируется в Стамбуле.

По заверениям организаторов, представляет более 500000 уйгуров и других восточнотуркестанцев, проживающих за рубежом.

Национальный центр Восточный Туркестан создавался как временный международной координирующий орган уйгурских организаций, находящихся в Австралии, Германии, Казахстане, Киргизии, Швеции, Турции, Узбекистане и США. Документальных свидетельств о том, действует ли

он после создания в 1999 г. Восточно-Туркестанского / Уйгурстанского/ национального конгресса у нас нет, однако его включение в список зарубежных уйгурских организаций, датированный 2000 г., говорит о том, что эта организация продолжает функционировать, хотя и в несколько ином качестве.

Основная цель создания НЦВТ – достижение национальной свободы и демократии для уйгуров через достижение независимости Восточного Туркестана от КНР.

В НЦВТ в качестве ассоциативных членов входят следующие организации:

- Общество восточнотуркестанцев (Австралия)
- Союз восточнотуркестанцев в Европе (Германия)
- Всемирный конгресс уйгурской молодежи (Германия)
- Информационный центр “Восточный Туркестан” (Германия)
- Уйгурский культурный центр Республики Казахстан
- Организация освобождения Уйгурстана (Казахстан)
- Казахстанская региональная организация уйгуров
- Кыргызская республиканская уйгурская ассоциация “Иттипак”
- Организация демократии и прав человека города Бишкека (Кыргызстан)
- Ассоциация “Восточный Туркестан” (Швеция)
- Восточно-Туркестанский Вахпи (Турция)
- Восточно-Туркестанский фонд (Турция)
- Ассоциация солидарности “Восточный Туркестан” (Турция)
- Организация освобождения Уйгурстана в Узбекистане
- Американская ассоциация уйгуров

Ассоциация солидарности Восточный Туркестан (East Turkestan Solidarity Association)

Дата образования не известна. Председатель – Сеит Таранчи (Seyit Tarancı). Штаб-квартира находится в Стамбуле (Турция), телефон (0090212) 5534633

Ассоциация солидарности и культуры “Восточный Туркестан”
(*East Turkestan Culture and Solidarity Association*)

Дата образования не известна. Председатель – Абубекир Тюксой (Abubekir Tuksoy). Штаб-квартира находится в городе Кайсери (Kayseri) в Турции, телефон (0090352) 3393965

Швеция

Восточно-Туркестанский культурно-информационный центр.
Прежнее название Ассоциация “Восточный Туркестан”
(*East Turkestan Association*).

Образована в 1996 г. Основатель и председатель – Садыков Фарук (Faruk Sadikov). Штаб-квартира находится в Стокгольме, телефон (004685) 8549715

Состав участников представлен главным образом уйгурами-эмигрантами из Казахстана и Узбекистана.

Бельгия

Бельгийская Ассоциация уйгуров (Belgium Uyghur Association)
Образована в 2000 г. Председатель – Султан Ехмет (Sultan Emet)

Штаб-квартира находится в Брюсселе, телефон (003249) 6646902

Союз уйгурской молодежи в Бельгии (Uyghur Youth Union in Belgium)

Образован в 2000 г. Председатель – Сейдуллан (Seydullan)
Штаб-квартира находится в Брюсселе, телефон (003249) 6115933

Обе организации были созданы спонтанно в целях защиты прав казахстанских уйгуров, выехавших по фальшивым документам на постоянное место жительства в Бельгию. Правительство Бельгии потребовало от Казахстана депортации этих эмигрантов, и часть из них вернулась в Казахстан. Часть осела в Бельгии и других странах Европы.

Великобритания

Союз уйгурской молодежи Великобритании (Uyghur Youth Union UK)

Дата образования не известна, но, по-видимому, не раньше конца 90-х годов. Председатель – Энвер Бугда (Enver Bugda).

Штаб-квартира находится в Лондоне (949 “А” Romford Road, Monor Park, London E12 5JR UK, телефон (0044) 7932487571, факс (0044) 20858666614)

Голландия

Уйгурский дом (Uyghur House)

Дата образования не известна. Председатель – Шахелил (Shahelil)

Штаб-квартира находится в Голландии, телефон (0031) 625290579

США

Международная уйгурская ассоциация по правам человека Такламакан (International Taklamakan Uyghur Human Rights Association)

Организована в 1996 г. с целью распространения информации о ситуации в Восточном Туркестане. Руководитель ассоциации (президент) Абладжан Лайли Наман (Барат) Ablajan Layli Naman (Barat). Уроженец СУАР КНР.

В Синьцзяне работал юристом. Прибыл в США в 1996 г., чтобы свидетельствовать перед Сенатской комиссией по иностранным делам от имени Исследовательского фонда Лаогай (прошедшие трудовое перевоспитание) Гарри У. Согласно его показаниям, Международный банк выдал заем СПСК, который был использован на военные цели.⁹² В КНР объявлен предателем.

В мае 1997 г. в Колумбийском университете выступил с докладом “О положении с правами человека в Восточном Туркестане”.

Ассоциация дислоцируется в США. Internet-адрес: www.taklamakan.org

Для достижения поставленной цели ассоциация на своем сайте поддерживает следующие директории:

общая информация о Восточном Туркестане и

проживающих на его территории людях

информация о выступающих за независимость монгольских, уйгурских, тайваньских и тибетских организациях, создающая базу для сотрудничества и связи

информация о Внутренней Монголии и проживающих на ее территории

информационные сообщения о деятельности Объединенного комитета Восточного Туркестана, Внутренней Монголии, Маньчжурии и Тибета. (Судя по web-странице, комитет возглавляет Джек Черчуорд (Jack Churchward))

кроме того ассоциация выпускает специализированный бюллетень “Восточный Туркестан”, в котором содержится информация о происходящих в этом регионе событиях. Имеется архив, содержащий подписку бюллетеней за 1991-1996 гг.

Поскольку сайт Ассоциации не обновлялся с июля 1999 г. возникают большие сомнения в том, продолжает ли она функционировать в прежнем режиме.

Национальный центр свободы Восточного Туркестана (Eastern Turkistan National Freedom Center)

Центр создан в 1995 г. уйгурами и представителями других этнических групп, выступающих за свободу уйгурского народа. Штаб-квартира центра расположена в штате Мэриленд (США). В Совет директоров центра входят известные восточнотуркестанцы, проживающие в США, Саудовской Аравии, Турции, Германии и Казахстане.

Председатель центра Хусаин Кари (Husain Qari), один из ведущих активистов уйгурского национально-освободительного движения, покинул Восточный Туркестан после Второй мировой войны. В настоящее время проживает в Саудовской Аравии.

Вице-председатель Абдулкадыр Ахмет Туркистани (Abdulkadir Akhmed Turkistani) эмигрировал из Восточного Туркестана в конце 40-х годов после входа туда войск НОАК. Проживает в Саудовской Аравии.

Президент центра и исполнительный директор Анвар Юсуф (Anwar Yusuf) эмигрировал из Восточного Туркестана в 1987

г. после активной и продолжительной подпольной работы в регионе. С 1988 г. проживает постоянно в США.

Центр является одной из ведущих организаций по информации мирового сообщества об истории Восточного Туркестана, хронологии и характере событий, имеющих в нем место в настоящее время.

В центре работают журналисты и ученые, в том числе представляющие Национальное радио, Голос Америки, газеты Time, Newsweek, the New York Times и другие средства массовой информации.

Центр предоставляет информацию Госдепартаменту и Конгрессу США, а также таким неправительственным организациям, как Международная амнистия (Amnesty International) и Организация по правам человека (Human Rights Watch).

Ассоциация американских уйгуров (Uyghur-American Association)

Организована на состоявшемся 23 мая 1998 г. в Crystal City, Virginia (округ Вашингтон) на первом съезде уйгуров Америки с целью “служить нуждам объединения уйгуров в США и представлять коллективный голос уйгуров Восточного Туркестана”. Отцы-основатели организации: Гуламедин Пахта, Долкун Камбери, Ришат Аббас, Садат Обол, Искандер Кадыр и Турди Гочжа.

Долкун Камбери, известный уйгурский ученый, работал в музее города Урумчи, покинул Восточный Туркестан также в 1989 г. Является одним из ведущих экспертов по истории и культуре Шелкового пути. Ришат Аббас покинул Восточный Туркестан в 1989 г. и в настоящее время работает в США в фармацевтической промышленности. Он признан одним из активных уйгурских лидеров.

Учредители организации целью новой группы провозгласили защиту демократии, прав человека и достижение самоопределения уйгуров в Уйгурстане (Восточном Туркестане). Организаторы надеются, что это совещание поможет объединению всех (частных лиц и групп), кто работает для достижения этой цели.

Штаб-квартира организации находится в Вашингтоне, Internet-адрес: www.uyghuramerican.org

Два года организация находилась в состоянии организационной неустойчивости, о чем свидетельствуют изменения персональной структуры ее руководства.

Изменения в руководстве Ассоциации американских уйгуров

Должность	21 мая 1998 г.	февраль 1999 г.	май 1999 г.	май 2000 г.
Президентка	Долоун Кайберн (Dolun Kamber)	Гулиаевна Пайли	Турон Говел	Турон Говел
Вице-президентка	Ринат Аббас (Rinat Abbas)	Ринат Аббас	Ринат Аббас	Джек Черчуоро (Jack Chuchuro)
Почетный президентка	Гулиаевна Пайли (Ghuliamu Palya)			
Генеральный секретарь	Вранн Стык (Wran Stick)	Турон Говел	Ахуняр Юсуф (Akhunyar Yusuf)	Олиф Кайберн (Oliver Kamber)
Казначей	Ахуняр Кайберн (Akhunyar Kamber)	Ахуняр Кайберн	Вильяр Шешиерин (Wilyar Sheshierin)	Вильяр Шешиерин
Департамент по экономическим	Алиахун Салтоз (Alixun Saltoz)	Алиа Салтоз (Alii Saltoz)	Фарид Юсуф (Farid Yusuf)	Кайберн Селит (Kamber Selit)
Департамент культуры		Вильяр Кайберн		
Департамент образования	Тупнег Абтурган (Tupneg Abturgan)	Тупнег Абтурган		
Департамент публицистики	Ахуняр Кайберн (Akhunyar Kamber)	Вранн Стык		
Департамент по связям с общественностью	Турон Говел (Turun Govel)	Ануррания Аббас		

В настоящее время действует достаточно активно, ставя своей основной целью информирование мировой общественности о проблемах уйгурского народа и придание “уйгурскому вопросу” международного статуса. С этой целью ассоциацией проводятся пресс-конференции, организуются конференции по проблемам уйгуров (последняя конференция “Уйгуры в XXI веке”, в которой приняли участие более 60 человек из различных стран, прошла 26 мая 2001 г. в отеле Мерриот округа Вашингтон), готовятся пресс-релизы, рассылаются письма в международные организации и руководителям стран Запада.

В одном из посланий в ООН, подписанном Национальным исследовательским центром “Восточный Туркестан”,

Международной уйгурской ассоциацией по правам человека “Такламакан”, Американской ассоциацией уйгуров, подчеркивается, что “ООН должна обратиться к правительству с Китая с требованием:

прекратить использование смертной казни для политических заключенных – уйгуров

раскрыть дела по арестованным и казненным уйгурам
гарантировать, что они не будут подвергнуты преследованиям

гарантировать справедливое судебное разбирательство в соответствии с международными стандартами

остановить массовую иммиграцию в Восточный Туркестан
остановить сброс криминальных элементов в Восточный Туркестан

прекратить дискриминационную политику в отношении трудоустройства уйгуров

прекратить культурный геноцид в отношении уйгуров
гарантировать свободу вероисповедания и слова

обеспечить равный доступ к образованию, гарантировать право организации и контроля образовательной системы, осуществляющей образование на уйгурском языке

уважать право уйгуров на самоопределение
прекратить разграбление природных ресурсов Восточного Туркестана”.

Уйгурское информационное агентство (Uyghur Information Agency)

Уйгурское информационное агентство (UIA) было создано группой молодых талантливых уйгуров, проживающих в США, 10 сентября, 2000. Эта группа представлена главным образом журналистами и компьютерщиками, которые ощутили острую потребность в необходимости распространения информации об уйгурах, проживающих в Восточном Туркестане и за его пределами.

Уйгурское информационное агентство – независимая и некоммерческая служба новостей, основанная в Вашингтоне, дислоцируется в США. Internet-адрес: www.uyghurinfo.com.

УИА не аффилировано ни с какими политическими партиями и религиозными организациями. Целью УИА является предоставление ежедневной информации на английском языке о ситуации в Восточном Туркестане (Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР).

УИА в своей деятельности придерживается принципов журналистики и стремится к правдивому освещению событий и ситуации, связанной с жизнью уйгуров. В своей деятельности УИА придерживается принципов свободы печати, слова, собраний и вероисповедания, принципов демократии и прав человека.

УИА распространяет новости о Восточном Туркестане с целью информации международного сообщества о положении уйгуров, находящихся под гнетом Китая. Информация, распространяемая УИА, призвана помочь международному сообществу углубить понимание жизни уйгуров под контролем коммунистического Китая. УИА также распространяет информацию из международных СМИ, в которой говорится об уйгурах и будущем Восточного Туркестана.

УИА информирует о ситуации с положением прав человека в Восточном Туркестане, истории уйгурского народа, включая колонизацию Восточного Туркестана Китаем.

Канада

Уйгурская ассоциация Канады (Canadian Uyghur Association)

Время создания, состав участников и цели ассоциации не известны.

Председатель ассоциации – Мехметжан Тохти (Mehmetjan Tohti).

Телефон: 905-2728396

Общество уйгуров Канады (Canadian Uyghur Society)

Время создания организации, предположительно, конец 1998 г. – 1999 г.

Организация создана Тамарой Алибакиевой (Tamara Alibakiewa), которая вместе с сыновьями эмигрировала в США в 1997-1998 гг., откуда перебралась в Канаду. До эмиграции Тамара Алибакиева проживала в Казахстане, известный

уйгурский ученый, доктор искусствоведения, жена не менее известного казахстанского ученого Даута Исиева (скончался в середине 90-х) автора книги “Государство Йэтишар”.

В организацию входит около 100 семей уйгуров, проживающих в Канаде.

Цель создания организации – поддержание культурной идентичности проживающих в Канаде уйгуров, контакты с другими зарубежными организациями

Австралия

Ассоциация туркестанцев Австралии (Australian Turkestan Association)

Прежнее название – Общество восточнотуркестанцев (East Turkestan Society)

Основатель – Ахмад Иганберди (Ahmet Igamberdi), известный уйгурский поэт, эмигрант из Китая времен “культурной революции”.

Телефон: 00612-97346796

Ассоциация объединяет уйгуров, проживающих в Австралии, по свидетельствам лидеров уйгурских организаций Казахстана, является достаточно солидной зарубежной уйгурской организацией, имеющей контакты с уйгурскими организациями в других странах и ведущей активную работу по пропаганде идеи придания “уйгурскому вопросу” международного статуса. Ассоциация выпускает специальный бюллетень.

* * *

Хотя активизация деятельности различных организаций сепаратистского толка, в том числе и уйгурских, как уже говорилось, относится к началу 90-х, консолидация зарубежных уйгурских организаций началось со второй половины 90-х годов. Интенсифицировали этот процесс два обстоятельства. С одной стороны, после подписания “Шанхайских соглашений” в 1996 г. последние иллюзии в том, что руководство новых независимых государств Центральной Азии “проявит

тюркскую солидарность” и поддержит идеи национально-освободительной борьбы уйгурского народа, развеялись.⁹³ С другой – жесткие меры, предпринимаемые китайскими властями для подавления деятельности “этнических сепаратистов” в СУАР, не только дали повод говорить о нарушениях прав человека в Китае, но и существенно расширили социальную базу уйгурского движения как в самом Китае, так и за его пределами.

12-14 декабря 1992 г. в Стамбуле прошел первый Всемирный национальный курултай “Восточный Туркестан”.⁹⁴ И хотя документальных свидетельств об этом совещании у нас нет, по-видимому, можно согласиться с выводами зарубежной прессы о том, что это была первая попытка консолидации деятельности зарубежных уйгурских организаций. Во всяком случае, именно с этого периода наблюдается изменение тактики их деятельности как по отношению к подпольным организациям, действующим на территории СУАР, так и по отношению к международным организациям.

Шесть следующих лет прошли в поисках единой политической платформы, тактики борьбы и ожиданиях поддержки со стороны государств тюркского мира и мирового сообщества. Ожидания оказались напрасными, а разработка единой политической платформы натолкнулась на разногласия между лидерами уйгурских организаций и так не была согласована.

10-11 декабря 1998 г. в Стамбуле состоялось консультативное совещание руководителей уйгурских организаций, на котором было принято решение об учреждении временного Международного национального центра “Восточный Туркестан” со штаб-квартирой в Стамбуле.⁹⁵

Этому совещанию предшествовала большая подготовительная работа, основной целью которой являлась попытка выработать единую программу будущей организации и преодолеть те разногласия, которые имели место между лидерами зарубежных уйгурских организаций.

27-31 марта 1997 г. в Москве состоялось “координационное совещание” представителей уйгурской диаспоры

Казахстана, Киргизии, Узбекистана, России и Турции, которые высказались за объединение “на основе единой программы”, чтобы “вести борьбу единым фронтом”.⁹⁶ В конце года на web-сайтах уйгурских организаций появились предложения к так называемому “Манифесту уйгуров”, который и должен был стать основой единой программы (см. Приложение 5).

17-20 апреля в Стамбуле было созвано очередное совещание лидеров уйгурских организаций Турции, Австралии, Казахстана и Киргизии, на котором прошло обсуждение устава международного Национального центра “Восточный Туркестан”. В ходе этого совещания “впервые были выработаны и согласованы принципиальные вопросы по учреждению главного координирующего органа зарубежных общественных организаций, занимающихся проблемой Уйгурстана”.⁹⁷

18 декабря 1998 г. было объявлено о создании Национального центра “Восточный Туркестан” с участием 11 уйгурских организаций, дислоцирующихся в Турции, Германии и государствах Центральной Азии.⁹⁸ Председателем Национального центра был избран Мухамед Риза Бекин. Первым заместителем Фархад Хасанов, председатель республиканского Уйгурского культурного центра Республики Казахстан; заместителями – Нигмат Абдукадир, председатель Ассоциации уйгуров города Бишкека и Анвар Жан, руководитель Союза восточнотуркестанцев в Европе (Германия). Председателем исполкома был избран известный уйгурский поэт Аблеким Баки. На данном форуме был вновь создан фонд “Ватан” (“Родина”), руководителем которого стал Турсун Таранчи, один из влиятельных бизнесменов Турции. Печатным органом центра стала газета “Истиклал” (“Независимость”), редактор – Аблиз.

В качестве координирующего органа НЦВТ просуществовал менее года. И основная причина его ухода со сцены заключается не только в изменении политики Турции в отношении уйгурских организаций, действующих на ее территории, а, по-видимому, продолжающиеся разногласия между лидерами

уйгурских организаций, являющихся его ассоциативными членами.

И дело даже не столько в подходах к тактике национально-освободительной борьбы уйгурского народа, хотя противоречия имеют место и здесь: часть лидеров уйгурских зарубежных организаций во главу угла ставит вопрос о привлечении внимания мировой общественности к “уйгурской проблеме” и придании ей международного статуса; а часть придерживается более радикальных взглядов, настаивая на продолжении вооруженной борьбы с “колониальным режимом Китая в Синьцзяне”.⁹⁹

Более существенными представляются разногласия, связанные с будущим государственным строительством в Восточном Туркестане, а следовательно – с возможностью привлечения на свою сторону союзников из числа других этнических групп. Часть лидеров уйгурских организаций настаивает на том, что будущее государство в пределах СУАР КНР должно носить название “Уйгурстан”, как наиболее полно отражающее конечную цель борьбы – самоопределение уйгурского народа. Другая часть, справедливо полагая, что подобная постановка вопроса оттолкнет от национально-освободительного движения другие этнические группы, проживающие в Синьцзяне, предлагает остановиться на названии “Восточный Туркестан”.¹⁰⁰

По некоторым данным, компромисс по данному вопросу был достигнут на Стамбульской конференции в 1998 г., где участники согласились с употреблением в названии уйгурского государства сложного сочетания – “Восточный Туркестан / Уйгурстан/”,¹⁰¹ хотя, скорее всего, проблема продолжает сохраняться, о чем свидетельствует противоречивость некоторых программных установок зарубежных уйгурских организаций.

11-16 октября 1999 г. по инициативе Союза восточнотуркестанцев в Европе и с согласия НЦВТ в Мюнхене прошел второй Всемирный национальный курултай “Восточный Туркестан”, на котором была учреждена новая организация – Восточно-Туркестанский /Уйгурстанский/

национальный конгресс, взявшая на себя функции главного координирующего органа зарубежных уйгурских организаций. Как подчеркивалось в учредительных документах, “как организация-зонтик, ВТНК прилагает усилия, чтобы играть координирующую роль в отношении аффилированных организаций, что было одобрено этими организациями на их курултае. В то же время ВТНК контролируется его аффилированными организациями и действует в соответствии с уставом”.

На курултае было избрано руководство ВТНК, включающее в себя президента, членов Постоянного комитета, Казначейства, Ревизионного и Консультативного комитетов, Генеральный секретариат с его подкомиссиями, а также 51 члена Генеральной ассамблеи, представленных лидерами организаций-участников и избранных делегатов от уйгурского сообществ во всем мире. В качестве штаб-квартиры новой организации был определен город Мюнхен.

В настоящее время членами ВТНК являются 18 уйгурских организаций из 14 государств мира. Как подчеркивается в документах ВТНК, основная цель организации состоит в том, чтобы “оказывать помощь в создании благоприятной атмосферы для вызова политических изменений в Восточном Туркестане во имя благополучия людей и приобретения права на самоопределение, которые служили бы региональной устойчивости и миру”. Для достижения этой цели ВТНК будет работать в следующих областях:

В политической:

мирными и демократическими способами искать помощи правительственных и неправительственных учреждений и других международных организаций, добиваясь в конечном счете своего признания международным сообществом, включая ООН и правительственные учреждения

развивать сотрудничество с представителями правительства Тибета в изгнании, народами Монголии и Тайваня, продолжать диалог с демократическими движениями Китая, базируясь на принципах равенства и взаимного уважения к национальным устремлениям каждого

осуществлять мониторинг социально-экономического развития Восточного Туркестана и отношения к уйгурам в странах Центральной Азии, а также политического развития в КНР

регулярно информировать правительство КНР о неудовлетворенности уйгурского сообщества во всем мире его действиями против уйгуров в Восточном Туркестане

пытаться максимизировать международное психологическое давление на коммунистическое правительство Китая в лоббистской работе и PR-деятельности организации

информировать правительства и организации, занимающиеся проблемами нарушений прав человека, об антиуйгурских акциях, предпринимаемых коммунистическим правительством КНР

просить правительства и организации Запада и исламских стран выразить их неудовлетворенность обращением с уйгурами в Восточном Туркестане;

содействовать принятию резолюций относительно нарушений прав человека в Восточном Туркестане и о самоопределении его народов такими международными организациями как, Европейский парламент, ОБСЕ, Лига арабских стран, Исламская Конференция и ООН.

В организационной:

пытаться объединить как можно больше эмигрантов из Восточного Туркестана и групп под общим политическим руководством, стремиться к незамедлительному принятию резолюции по проблеме Восточного Туркестана

использовать общую методiku в осмыслении принципиальных элементов политической ориентации национального движения в Восточном Туркестане, включая международную поддержку и учет возможных изменений политического режима в Китае, политической, культурной, социально-экономической ситуации в Восточном Туркестане

принять общую политическую программу, отвечающую интересам народов Восточного Туркестана и требованиям международного права. Поскольку ВТНК требует права на самоопределение народов Восточного Туркестана, это

предполагает, что все эмигранты следуют этим путем.

В области пропаганды и публикаций:

пропагандировать правоту народов Восточного Туркестана; привлекать внимание международного сообщества к их проблемам, включая права человека

предвидеть возможные сценарии развития ситуации в Восточном Туркестане в случае серьезных изменений режима в Китае. К этому времени попытаться убедить демократические силы в мире быть готовыми предотвратить возможные деструктивные события в регионе

получать финансовую помощь и другие формы помощи от правительственных и других организаций для популяризации уйгурской культуры, истории, цивилизации; стимулировать развитие образования, здоровья и экономики уйгурского сообщества в мире; расширять национальные устремления уйгуров

издавать периодические издания, книги и газеты, организовывать семинары и международные конференции, устанавливать контакты со всеми заинтересованными лицами, подключая к реализации этих целей подразделения ООН, правительственные и неправительственные организации

контактировать со СМИ, университетами, исследовательскими учреждениями и международными организациями в целях придания гласности тяжелого положения народов Восточного Туркестана.

В области работы с уйгурской эмиграцией:

содействовать экономическому и образовательному развитию уйгуров; помогать обучению новых поколений за границей; учредить стипендии в университетах США и Запада

установить рабочие отношения с международными агентствами по делам беженцев, правительственными и неправительственными организациями с целью оказания помощи подвергшимся преследованиям со стороны Китая уйгурским беженцам из Восточного Туркестана в их переселении в выбранную страну и обустройстве в ней

пытаться создать центр по регистрации уйгурской диаспоры во всем мире, поощрять уйгурских эмигрантов и оказывать им помощь в поддержании контактов друг с другом. В случае необходимости оказывать им консультантскую помощь.¹⁰²

Не менее любопытны и другие документы, подготовленные ВТНК. Отчет о нарушениях прав человека в Восточном Туркестане за 2001 г. говорит сам за себя и в особых комментариях не нуждается (см. Приложение 6), а вот некоторые пояснения к обращению данной организации к мировой общественности представляются уместными.

Первое, что обращает на себя внимание, это, хотя и косвенное, но порицание насильственных действий радикальных групп в СУАР КНР. Как подчеркивается в обращении, ВТНК является “лучшей альтернативой тем вооруженным группировкам, которые организуют насильственные деяния в ответ на отчаянное положение уйгуров”. Было бы достаточно странным, чтобы организация, претендующая на статус “демократической” и выступающая в защиту прав человека, проявила солидарность с экстремистскими группами, использующими тактику террора. У ВТНК подход тоньше, и, с нашей точки зрения, перспективнее. Обращаясь к мировой общественности, она призывает:

не покупать китайские изделия

не инвестировать в Восточный Туркестан без учета уйгурской проблемы

присоединиться к акциям протеста, участвовать в демонстрациях перед посольствами и консульствами Китая, выражая протест китайскому правительству по поводу нарушений прав человека по отношению к уйгурам

лоббировать в государственных и законодательных органах принятие резолюций, осуждающих китайское правительство за преследования и гнет в отношении уйгуров

обращаться к сенаторам или конгрессменам, прося их оказать давление на китайское правительство, чтобы остановить его зверское отношение к уйгурам

письменно обращаться к китайским должностным лицам и т. д.¹⁰³

После 11 сентября 2001 г. наметилась еще одно направление работы ВТНК и других зарубежных уйгурских организаций — обращение к официальным лицам американской администрации и международных организаций с тем, чтобы они “не верили китайской пропаганде, обвиняющей уйгуров в терроризме”. В качестве примера можно привести открытое письмо ВТНК, адресованное Верховному комиссару ООН по правам человека Мэри Робинсон (Mary Robinson), датированное 10 декабря 2001 г., а также адресованное Колину Пауэллу письмо Американской ассоциации уйгуров от 16 сентября 2001 г. И в том, и в другом послании содержится одна и та же мысль о том, что нельзя ассоциировать национально-освободительную борьбу уйгурского народа с терроризмом.

Так, в письме Колину Пауэллу подчеркивается: “Китайское правительство частью своей пропагандистской кампании против достижения населением Восточного Туркестана свободы провозглашает борьбу уйгурского народа против коммунистического режима Китая религиозной борьбой, планируемой и выполняемой воинствующими исламскими фундаменталистами. Эта характеристика борьбы уйгурского народа за свободу и самоопределение — обман, поскольку, точно так же как большинство мусульманских народов, люди Восточного Туркестана ценят человеческую жизнь и достоинство и им ненавистно насилие”.¹⁰⁴

В этом же ключе готовятся и все последние документы зарубежных уйгурских организаций. В информационной записке, выпущенной 3 декабря 2000 г., подчеркивалось, что Американская ассоциация уйгуров просит чтобы:

(1) китайское правительство предприняло шаги для улучшения жизни простых людей, начав со свободных и открытых выборов на окружном и провинциальном уровнях;

(2) СМИ более детально изучили случаи навешивания на жителей Восточного Туркестана ярлыка “террористы”, а также любые случаи их обвинения, базирующиеся только на словах правительства Китая;

(3) комиссия по правам человека ООН изучила многочисленную документацию по фактам произвольного

задержания, пыток и внесудебной ликвидации, имеющих место в Восточном Туркестане;

(4) Конгресс Соединенных Штатов принял закон, создающий условия для того, чтобы Госдепартамент изучил ситуацию и внес предложения по решению проблем, стоящих перед народом Восточного Туркестана и правительством Китая.¹⁰⁵

Ничего нового, по сравнению с уже обозначенными выше направлениями, не принес и прошедший под патронажем ВТНК и Транснациональной радикальной партии Бельгии, возглавляемой Оливером Дупуисом (Olivier Dupuis), 17-19 сентября 2001 г. в Брюсселе третий Всемирный национальный курултай “Восточный Туркестан”. Курултай был достаточно представительным, в его работе приняли участие 130 делегатов, представляющих уйгурские диаспоры Германии, Бельгии, Швеции, Турции, Австралии, Швейцарии, Киргизии, Голландии, Узбекистана, России и других стран. Кроме того, в качестве гостей в его работе приняли участие члены парламента Бельгии, представители международной организации “Амнистия” и международной организации по миграции, правительства Турции, генеральный секретарь Организации непредставленных наций и народов Еркен Альптекин, зарубежные корреспонденты.

Весьма симптоматичен и тот факт, что заседания курултая проходили в здании Европарламента. Данное обстоятельство вызвало протест со стороны правительства КНР, однако, склонные по-своему оценивать “уйгурский вопрос”, европейские парламентарии протест проигнорировали. Однако эффективной работе курултая не помогло ни мощное представительство, ни поддержка Европарламента. По свидетельству некоторых участников, он провалился, и главной причиной провала явился примитивный уровень участников и выступающих. Каждый из выступавших “говорил о своих болячках” и “уйгурская проблема” как таковая не поднималась.

Об этом же свидетельствуют и официальные документы курултая, опубликованные на сайте ВТНК. Доклад Анвар

Жана свелся к повторению банальных вещей о том, как китайцы “угнетают” уйгуров в Синьцзяне, и не содержал в себе не только новых идей о том, каким образом можно придать “уйгурской проблеме” международный статус, но и сколь-нибудь полезной информации. Другие выступавшие говорили о том, кому что ближе. Кто-то — о проблемах ислама, кто-то — о правах человека, но никто — по существу вопроса.

В аналогичном ключе были выдержаны и итоговые документы курултая, в которых звучали лишь старые песни. Так принятая “Резолюция ВТНК”, выражающая соболезнование по поводу трагических событий 11 сентября, осуждающая терроризм во всех его проявлениях и подчеркивающая, что “50-летняя борьба уйгурского народа не имеет к терроризму никакого отношения”, а напротив, Пекин “осуществляет государственный терроризм в Восточном Туркестане”, в заключительной своей части свелась к повторению все тех же призывов:

“(1) повторяем, что основная цель ВТНК и уйгурского сообщества во всем мире состоит в том, чтобы прекратить незаконную оккупацию Восточного Туркестана Китайской Народной Республикой и реализовать право на самоопределение в соответствии с принципами демократии и секуляризма;

(2) обращаемся к международному сообществу вообще и к ЕС в особенности с призывом серьезно подойти к трагическому положению уйгуров. Народа, который, подобно тибетцам, переносит драматические последствия китайской политики геноцида над населением, начиная с китайского вторжения и грубой оккупации Восточного Туркестана;

(3) обращаемся к ЕС и всем демократическим правительствам с тем, чтобы они использовали свои возможности для убеждения Пекина в немедленном открытии политического диалога с представителями уйгурского народа, включая ВТНК, с целью обеспечения выполнения основных прав человека в Восточном Туркестане и предоставления им возможности самим определять собственное будущее;

(4) призываем к формированию программы развития под эгидой ВТНК, направленной на реализацию образовательных, культурных, бизнес- и социальных проектов в уйгурских сообществах Центральной Азии (Казахстан, Киргизия и Узбекистан)”.¹⁰⁶

Особенно примечателен последний пункт: вы нам дайте деньги, а уж как ими распорядиться, решать будет ВТНК. В этом пафос всего зарубежного уйгурского движения. Много шума и эмоций, показательного диссидентства и стенаний по поводу “угнетения уйгуров в Восточном Туркестане”, но мало конкретных дел.

Однако именно эта часть деятельности уйгурских зарубежных организаций вызывает особую тревогу как у официального руководства Китая, так и у китайских аналитиков. И необходимо подчеркнуть, что эта тревога имеет под собой определенные основания, поскольку “уйгурский вопрос” превращается в одну из козырных карт, используемых США и их союзниками в политике ослабления влияния России и Китая в Центральной Азии при одновременном усилении собственных позиций в регионе.

Методика, которая используется при этом, апробирована: с одной стороны, это применение “двойных стандартов” в оценке деятельности тех или иных экстремистских групп;¹⁰⁷ а с другой — демократическая риторика и акцентация внимания на проблеме прав человека и принципе права наций на самоопределение.¹⁰⁸ И тот и другой способ позволяет оказать давление на Китай с использованием влияния международных организаций и мировых центров силы, и, в конечном итоге, решить главную задачу, которую ставят перед собой зарубежные уйгурские организации, — привлечение внимания международного сообщества к “уйгурскому вопросу” и создание на территории Синьцзяна независимого уйгурского государства. Правда, при этом остаются открытыми три вопроса. Во-первых, адекватно ли Запад оценивает саму проблематику “уйгурского вопроса” и не попадает ли он в ту же ловушку, что с террористическими организациями на Ближнем Востоке и в самой Европе?

Во-вторых, насколько эта деятельность зарубежных уйгурских организаций приближает к пониманию существа происходящих в Синьцзяне процессов и “уйгурского вопроса” в частности? Наконец, отвечает ли деятельность этих организаций и их поддержка западными демократиями действительным интересам уйгурского народа и не преследует ли это иных целей, связанных с дестабилизацией ситуации в Китае? Ответы на эти вопросы очевидны, как очевидна и цель, преследуемая зарубежными уйгурскими организациями и их спонсорами. А вот вопрос о том, как все это может сказаться на ситуации в Центрально-Азиатском регионе, пока оставляем открытым, поскольку отвечать на него без анализа проблематики “уйгурского вопроса” в государствах Центральной Азии преждевременно.

Глава 6.

Проблема этнического сепаратизма в Китае и государства Центральной Азии

Рассмотрение проблемы этнического сепаратизма в Китае будет неполным без учета ее центральноазиатской составляющей. Во-первых, Центральная Азия, включающая и Синьцзян, является единым регионом не только географически, но и в смысле исторического, цивилизационного, культурного, и этнического развития. И в этом контексте проводить четкую разграничительную линию между процессами, имеющими место в Синьцзяне, и процессами в государствах Центрально-Азиатского региона (как в исторически удаленные периоды, так и в настоящее время) было бы не совсем корректно. Они, особенно в культурной и политической сфере, взаимосвязаны и взаимно обуславливают друг друга.

Во-вторых, с учетом особенностей этногенеза в Центральной Азии, о которых говорилось выше, речь идет о близких, а иногда и о родственных по своим историко-культурным корням народах. Более того, хотя сегодня на просторах Центральной Азии фактически произошло четкое этнонациональное размежевание, и даже существуют национальные государства, говорить о завершении процесса этногенеза было бы, на мой взгляд, преждевременно.

В-третьих, о многом говорит факт проживания этнических диаспор из числа титульных этносов центральноазиатских государств как на территории СУАР КНР, так и уйгурской, дунганской и ханьской этнических диаспор на территории государств Центральной Азии. Сам по себе этот факт вполне естествен для региона и полностью сочетается с особенностями этногенеза в его пределах. Однако в контексте оценки вопросов национальной и региональной безопасности он приобретает совершенно иное звучание. Особенно с учетом

как политики “собирания” зарубежных этнических диаспор на исторической родине, провозглашенной большинством государств Центральной Азии, так и политики “собирания земель”, провозглашенной Китаем.

В-четвертых, нельзя не учитывать и такой проблемы последнего десятилетия, как политизация этничности и фактическое поощрение этнического сепаратизма под эгидой примата принципов права наций на самоопределение и прав человека, активно используемых в геополитических построениях отдельных теоретиков. В этом смысле распад СССР и появление в пределах Центральной Азии новых независимых государств, государственность в которых строится преимущественно на этнонациональной основе, косвенно стимулировали активизацию тенденций этнического сепаратизма в Китае. В начале 1990-х годов у лидеров местных уйгурских общин появилась надежда на возникновение более благоприятных условий для единственного, по их мнению, возможного решения уйгурского вопроса – создания независимого государства на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР.¹ И хотя этим надеждам не суждено было сбыться, не учитывать этот факт в исследовании мы не имеем права, поскольку именно с ним связана активизация деятельности уйгурских организаций на территории государств Центральной Азии, и сопряженная с ней угроза национальной безопасности этих государств.

В-пятых, необходимость включения в наше исследование проблем изучения состояния уйгурской диаспоры в Центрально-Азиатском регионе связана и с тем, что на территории этих государств присутствуют, а кое-где и активно действуют либо уйгурские организации, либо наднациональные экстремистские организации, членами которых являются в том числе и уйгуры. Часть этих организаций, как правило, связана с международным террористическим интернационалом, а все уйгурские организации, по оценкам китайских специалистов и по признаниям лидеров самих этих организаций, – с сепаратистским подпольем в Синьцзяне. Думается, не нужно

быть большим специалистом в вопросах безопасности, чтобы понять, что это не только не благоприятствует двусторонним отношениям государств региона с Китаем, но и непосредственно воздействует на национальную и региональную безопасность.

Наконец, обращение к проблеме уйгурской диаспоры в государствах Центральной Азии позволяет более детально подойти к вопросу о том, что она из себя представляет на сегодняшний день, насколько в ней сильны сепаратистские настроения, насколько обоснована та “уйгурофобия”, которая наблюдается сегодня в большинстве государств региона. Эта проблема также напрямую связана с вопросами национальной и региональной безопасности, поскольку разжигание национальной розни и вражды всегда ведет к непредсказуемым последствиям, но особую актуальность это приобретает в сложных социально-экономических и политических условиях, в которых на сегодняшний день находится большинство государств региона.

Уйгурская диаспора Центральной Азии. Миграционные «волны»

Время появления уйгуров на территории современных государств Центральной Азии различными исследователями датируется по-разному. И это – вполне закономерно, если учесть то обстоятельство, что, во-первых, сам регион в древности и средневековье представлял собой огромный этнический “плавильный котел”, и миграция в его пределах значительных масс населения была естественным явлением; а во-вторых, что протоуйгурские племена были кочевниками, для которых миграция являлась образом жизни. Поэтому, когда некоторые авторы отмечают появление уйгуров в пределах Средней Азии и Казахстана в XV в. и ранее,² в этом нет никакого парадокса. Однако большинство авторов

все-таки придерживается традиционной точки зрения, согласно которой история уйгуров в пределах Средней Азии и Казахстана берет свое начало в XIX-XX вв., когда сюда происходило массовое переселение из Синьцзяна представителей уйгурского, дунганского и казахского этносов.³

Поскольку нас будет интересовать современная уйгурская диаспора, не вступая в спор с первой группой авторов и даже где-то соглашаясь с ними, большее внимание обратим на проблему массового переселения, поскольку современная уйгурская диаспора в государствах Центральной Азии в значительной своей части представлена потомками этих переселенцев.

Такой подход объясняется несколькими обстоятельствами. Во-первых, как в XIX-XX вв., так и в настоящее время, несмотря на повышающийся уровень этнического самосознания, говорить об общей национальной идентичности уйгуров Синьцзяна, а следовательно, и государств Центральной Азии, по-видимому, преждевременно. Исторически сложилось так, что Синьцзян развивался как группа разрозненных оазисов, между которыми не затухало политическое, религиозное и военное соперничество. И общая национальная идентичность уйгуров затушевывалась преобладанием прочных локальных “оазисных” идентичностей с различиями в исторически присущих им стратегий реагирования на вызовы политического, социального, экономического и географического свойства.⁴

По мнению профессора Тулэйнского университета (США) Дж. Рудельсона (J. Rudelson), с которым я полностью согласен, “Это географическое наследие отражается на характере как уйгурского национализма, так и возможного уйгурского участия в будущем развитии Центральной Азии. Исторически западные и северные территории Таримской впадины от Кашгара до города Куча тяготеют к Западному Туркестану, особенно к народам Ферганской долины, населяющим города Андижан, Коканд, Ош с их окрестностями. На северо-западе Синьцзяна Джунгарская равнина ориентирована на Семиречье, которое расположено

в пределах современного Казахстана и западной Центральной Азии, и испытала влияние монгольских и тюркских кочевых племен. Южная часть Таримской впадины от Яркента и Хотана до Керии несет на себе сильный отпечаток индийской культуры. И, наконец, восточная область Синьцзяна, включая Турфан и Хами, а также столицу Синьцзяна — Урумчи, тесно связана с Китаем”.⁵

Более того, как справедливо подчеркивает Дж. Рудельсон, “Исторически контакты через границы были более частыми и имели более важное значение, чем между самими оазисами. Иными словами, связи оазисов с ближним зарубежьем существенно преобладали над связями внутри Синьцзяна”.⁶ В соответствии с этими “оазисными” внешнеполитическими, экономическими и культурными предпочтениями происходила и миграция уйгуров в пределы Центрально-Азиатского региона. Если в Ферганскую долину переселялись главным образом кашгарлыки (кашгарцы) и турфанлыки (турфанцы), то в Семиречье — уйгуры-таранчи из Илийского края. И в том, что по-разному сложились их дальнейшие судьбы, что даже до настоящего времени существуют элементы недопонимания между ними, нет ничего удивительного. Сказывается память поколений, особенности традиций и обстоятельства, приведшие к миграции.

Второе обстоятельство связано с численностью переселенцев и “волнами” миграции. Любопытным здесь является не только “оазисный” состав мигрантов и места их расселения, но и то, каким образом складывались взаимоотношения между мигрантами разных “волн”, что каждая из них привносила в уйгурскую диаспору Центральной Азии.

Первая “волна” приходится на конец 20-х годов XIX в. и связана она с подавлением цинским правительством восстания Джангир-ходжы в Кашгаре (1826-1828), когда группы уйгуров-кашгарцев огромными массами переходили в Ферганскую долину. По некоторым данным, за указанный период на территорию Кокандского ханства переселились от 85 до 160 тыс. кашгарцев.⁷

Вторая “волна” связана с переговорным процессом между Россией и Китаем по поводу возвращения последнему Илийского края, начавшемся в 1879 г. В ходе этих переговоров одним из основных был вопрос о гарантиях безопасности мусульманскому населению этого края и переселении его части в пределы Российской империи. Эти проблемы оговаривал Ливадийский договор, подписанный 20 сентября 1879 г. В нем, учитывая настоятельные просьбы участников антицинского восстания в Илийском крае, им предоставлялось право принять подданство России и выселиться в ее пределы в течение годичного срока. Хотя, необходимо подчеркнуть, что откровенно большого желания принимать у себя новых переселенцев-мусульман местная царская администрация не испытывала.⁸ Именно поэтому Ливадийский договор предусматривал сохранение части Илийского края в составе Российской империи, где и предполагалось расселить новых переселенцев.⁹

Однако Ливадийский договор не был ратифицирован правительством Цинской империи, и переговорный процесс вернулся в прежнее русло. Подписанный в феврале 1881 г. Санкт-Петербургский договор несколько умерил территориальные аппетиты Российской империи, но тем самым еще более обострил проблему приема новых переселенцев. Скрытое противодействие этому путем агитационной работы среди местного населения, осуществляемой находящимся в Кульдже чиновником МИД России Я. Шишмаревым, сменилось прямыми указаниями Туркестанского генерал-губернатора К. Кауфмана и генерал-лейтенанта Г. Колпаковского “употребить все усилия, убедить мусульманское население оставаться на своих местах даже в случае вступления китайцев в права хозяев страны”.¹⁰

Тем не менее полностью от своих обязательств правительство Российской империи отказаться не могло. Летом 1881 г. жителям Илийского края русскими властями были объявлены условия Санкт-Петербургского договора, а с августа по декабрь 1881 г. специальными комиссиями произведены опрос и перепись с целью выяснения числа

желающих перейти в подданство России и выселиться в ее пределы. Оказалось, что число желающих переселиться составило примерно 100 тыс. человек – почти все уйгуры (11.365 семей), дунгане (1.308 семей) и все казахи края. Несколько сократила численность этого потока амнистия, объявленная представителями цинской администрации жителям Илийского края. В феврале 1882 г. в списках осталось 11.068 уйгурских и 1.055 дунганских семей; перепись казахов к тому времени еще не была окончена, но в списках значилось уже до 10 тыс. юрт.¹¹

10 января 1882 г. Г. Колпаковский, “желая удержать илийцев от переселения”, отдал приказание объявить населению Илийского края следующие три условия, подчинение которым считалось обязательным для всех, желающих переселиться в пределы России:

1. Правительство России не оказывает населению Илийского края никакой материальной помощи в переселении.

2. Переселившиеся в пределы России жители Илийского края, за исключением казахов, будут привлечены к отбыванию воинской повинности на общем основании или зачислены в Семиреченское казачье войско.

3. Дети переселившихся должны будут обучаться русскому языку и русской грамоте; для этого в каждой школе на средства родителей учеников будет содержаться учитель русского языка.

Однако это ограничительное мероприятие не дало результатов. Условия были приняты жителями края не только без возражений, но даже с удовольствием.¹² Переселение, прекращенное осенью 1881 г. (тогда успели переселиться лишь 101 уйгурская и 14 дунганских семей), было возобновлено в начале февраля 1882 г. В основном переселение было завершено весной 1883 г., хотя отдельные группы продолжали переселяться вплоть до начала 1884 г. Всего к середине 1884 г. в пределы Семиречья переселилось 9.572 уйгурские семьи, насчитывавших 45.373 человека и 1.147 дунганских семей, насчитывающие 4.628 человек. Из казахов Илийского края приняло подданство России и осенью 1882 г. переселилось в ее пределы свыше 5 тыс. юрт.¹³

Что касается уйгуров, то представлены они были главным образом уйгурами-таранчи. Однако одновременно в пределах Семиречья на территории Верненского, Жаркентского, Пишпекского уездов появились селения уйгуров-кашгарлыков с населением более 6 тыс. человек.¹⁴

В конце 80-х и в 90-х годах XIX в. несколько сот таранчинских семей переселились в Закаспийскую область на территорию Мургабского Государева имения, созданного по указу Александра III в 1887 г. В поисках работы 326 уйгуров появились здесь в 1888 г. Однако, увидев в них хороших и неприхотливых к условиям крестьян, управляющий Государевым имением решает переселить часть уйгурских семей из Семиречья в Мургаб. Весной 1889 г. подполковник Лутцоу прибывает в город Верный, где встречается с зажиточными старейшинами уйгуров Зайнидин-ахуном, Имир-хамзой Сатиновым и Нурдуном, которые позже, разведав условия в Мургабе, не жалели красок, восхваляя далекий край. В ход были пущены религиозные аргументы и обещана не только помощь каждой семье, но и по четыре десятины плодородной земли, всевозможные ссуды и заработок. Поверив своим землякам, ранней весной 1890 г. из Семиречья выехали 272 семьи (1300 человек) уйгуров и из Токмака 4 семьи (18 человек) дунган.¹⁵ В поисках заработка сюда в 80-е годы XIX в. приходят и группы кашкарлыков в связи со строительством и вводом в строй железной дороги.¹⁶

Третья “волна” миграции уйгуров в Центральную Азию в начале XX в. — это так называемые отходники, которые в поисках работы в страдную пору приходили из Кашгарии. Численность этой группы мигрантов не поддается точному учету, но, судя даже по выборочной статистике и тому факту, что данный вид миграции не только не воспрещался, но и поощрялся местной администрацией, она была значительной. Так, в 1906 г. из Восточного Туркестана в Фергану прибыло 14.689 человек, в 1907 г. — 24.107 человек, в 1908 г. — 28.000 человек, а в 1914 г. — 40.000 человек.

Безусловно, часть из них по завершении сезонных работ возвращались в свои родные места, но часть — оставалась на жительство в Центральной Азии. Селились они чаще на свободных землях, где было достаточно воды для занятия земледелием, образуя свои отдельные поселения, вызывали из Кашгарии родственников. Названия поселений давались по тем селениям Кашгарии, откуда они прибыли. Причем, число остающихся кашгарцев было довольно большим. Только в 1912-1913 г. разница между вышедшими из Восточного Туркестана и вернувшимися туда составила 13.175 человек.¹⁷ По материалам сельскохозяйственной переписи, в 1917 г. в России насчитывалось 100.516 уйгуров, в том числе 60.988 таранчей и 39.528 кашгарлыков, не считая отходников.¹⁸

Четвертая “волна” миграции уйгуров в Центральной Азии охватывает период конца 10-х — 30-е годы XX в., когда, гонимые где-то голодом, а где-то и репрессиями со стороны местных властей, уйгуры начинают в массовом порядке возвращаться к месту прежнего жительства в Синьцзян.

Начало этому переселению положили события мая-июня 1918 г., получившие в дальнейшем название “Ату” (“Расстрел”). Для уйгуров Семиречья установление советской власти в нем обернулось подлинной трагедией. По совершенно не понятным причинам карательный “Красногвардейский отряд” чрезвычайного военного комиссара Мураева провел карательные акции в отношении уйгуров, проживающих в Алматинском и Жаркентском уездах Семиречья. В ходе этих акций было расстреляно свыше 7 тыс. уйгуров.¹⁹ Опасаясь дальнейших репрессий, 25 тыс. переселились из Семиречья обратно в Синьцзян. Причем, все они были близкими родственниками расстрелянных в ходе карательных акций Мураева.²⁰

Второй поток беженцев был связан с начавшейся кампанией коллективизации и усилением борьбы с религией в Советском Союзе. И хотя точных цифр выехавших в Синьцзян уйгуров в этот период нет, об их количестве можно составить какое-то представление по общей статистике динамики изменений численности уйгурского населения в Центральной Азии (см.: Таблицу 6.1).

Таблица 6.1
Численность уйгуров в Центральной Азии
 (тыс. человек)

1957 г	1966 г	1979 г	1989 г	1970 г	1979 г	1989 г	1999 г
71,4	108,8	80,0	95,2	173,0	210,6	262,6	более 300

Источники: Ли Ци. ЧжунЯ взуэр жэнькоу ды лишэ каоча юй чэншихуа вэньти (Историческое исследование уйгурского населения Центральной Азии и проблемы урбанизации). – В сб.: Дандай ЧжунЯ яньцзю – Урумчи, 1999, с.95; Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. – М.: Финансы и статистика, 1985, с.72; Краткие итоги переписи населения 1999 г. в Республике Казахстан. – Алматы: Агентство Республики Казахстан по статистике, 1999, с.11; Основные итоги Первой национальной переписи населения Кыргызской Республики 1999 г. – Бишкек, 2000, с.15.

Пятая “волна” миграции уйгуров относится к десятилетию 1953-1963 гг., когда кампании по коллективизации, борьбе с религией и “уничтожению четырех старых” развернулись в КНР. Надежды на то, что завоевания “революции трех округов” будут сохранены, и уйгуры получают возможность не только развивать свою культуру, следовать национальным обычаям и традициям, но и преимущественную долю во власти в пределах Синьцзяна, оказались иллюзорными. И если в начале 50-х годов еще сохранялся какой-то декорум в отношении национальных традиций и обычаев, политики свободы вероисповедания и паритет во властной элите, то к середине 50-х все это было ликвидировано. Более того, развернувшаяся в 1957-1958 гг. кампания “борьбы с местным национализмом” поставила активных участников революционных событий в Синьцзяне в разряд “местных националистов” со всеми вытекающими отсюда последствиями. И единственным выходом для них было покинуть Синьцзян и выехать на жительство в “воспитавший” их в 40-е годы Советский Союз.

Вторую, наиболее многочисленную группу мигрантов этого периода составляют люди, которые спасались от голода, охватившего Синьцзян весной 1960 г. Даже официальные китайские данные (явно заниженные) говорят о том, что в этот период от голодной смерти умерло более 7 тыс. человек. Причем, весьма симптоматично, что, приводя эту цифру,

источник тут же говорит о том, что только в Байчэне умерло около 5 тыс., в уездах Синьхэ, Куча, Аксу — около 1 тыс. и в лагерях по трудовому перевоспитанию СПСК — также около 1 тыс. человек.²¹

Наиболее массовый поток мигрантов пришелся на 1962 г. Этот поток миграции был спровоцирован слухами о том, что советские власти, стремясь ограничить миграцию спасающихся от голода беженцев, решили закрыть советско-китайскую границу. В Кульдже перед зданием советского консульства собралась огромная толпа желающих выехать в Советский Союз, однако китайские власти, запретившие выезд, для разгона толпы использовали регулярные воинские части. Результатом этого противостояния явилось то, что приблизительно 60-80 тыс. уйгуров, казахов и представителей других этнических групп сбежали в Советский Союз через хоргосский участок советско-китайской границы, который был открыт советскими властями.²² Основная часть переселенцев состояла из скотоводов и земледельцев, которые были расселены в Талды-Курганской, Алма-Атинской, Семипалатинской, Южно-Казахстанской, Джамбулской областях Казахской ССР, Ферганской области Узбекской ССР и Ошской области Киргизской ССР.

Официальных данных о численности прибывших в эти годы в пределы Центральной Азии уйгуров отсутствуют. Однако, по свидетельствам самих участников этих процессов, за десятилетие 1953-1963 гг. в СССР на постоянное место жительства прибыло около 200 тыс. человек.²³ И хотя, с учетом данных официальной статистики, эта цифра кажется сильно завышенной, нельзя игнорировать и тот факт, что большая часть уйгуров, особенно в Узбекистане, “успешно” ассимилировалась и сегодня официально принадлежит другой национальности. Но об этом, чуть ниже.

Наконец, последняя, шестая “волна” уйгурской миграции в Центральную Азию представлена лицами уйгурской национальности, приезжающими в государства Центральной Азии с коммерческими целями. Этот поток начал образовываться уже в конце 80-х годов, когда началась

агония бывшего Советского Союза. “Китайский торговый бум”, который наблюдался в Казахстане уже с 1987 г., но особый размах приобрел в 1991-1993 гг.,²⁴ подпитывал миграцию. Основную часть торговых агентов и посредников с китайской стороны представляли уйгуры, имеющие родственные связи в Казахстане и других государствах Центральной Азии и быстро адаптирующиеся к местным условиям.

И хотя официальные цифры прибывающих в этот и в последующие периоды “торговых” мигрантов отсутствуют, как отсутствуют и цифры по лицам, оставшимся на постоянное местожительство в государствах Центральной Азии, то, что такая категория существует, не вызывает сомнения. Это подтверждается как личными наблюдениями автора, так и результатами весьма любопытного исследования, проведенного бывшим стажером Института уйгуроведения НАН РК Шоном Робертсом (Sean R. Roberts), предложившим оригинальную, на мой взгляд, методику исследования взаимоотношений в среде уйгурской диаспоры Казахстана, которой я и буду придерживаться в дальнейшем анализе.

Суть этой методики сводится к делению всех уйгурских мигрантов на три категории, соответствующие устной традиции современного уйгурского языка: ерликляр (yerliklar), буквально “местные жители” – те уйгуры, которые родились в Казахстане и чьи семьи жили в нем по крайней мере с 1900 г.), кельгянляр (kelganlar), буквально “новички” – те уйгуры, чьи родители или они сами прибыли в Казахстан в 1950-х и 1960-е годы, и хитайликляр (khitailiklar), буквально “из Китая” – те уйгуры, которые прибывают в Казахстан из Китая, чтобы работать или торговать на временном основании.²⁵ Добавим от себя к этой классификации еще и “оазисные” различия, связанные в настоящее время с различиями между уйгурами Казахстана, Киргизии и Узбекистана, и картина будет достаточно полной.

Социально-политические процессы в уйгурской среде

По-разному сложилась судьба мигрировавших из

Синьцзяна уйгуров в пределах различных территорий Центральной Азии, как по-разному складывались их взаимоотношения с местными жителями из числа коренных этносов, да и между уйгурами различных волн миграции. И эти процессы не могли не оказать влияния как на социальный состав самой уйгурской диаспоры в государствах Центральной Азии, так и на социально-политические воззрения в ее среде.

Первое, что обращает на себя внимание, различная степень ассимиляционных процессов в пределах различных территорий Центральной Азии. Наиболее сильными эти процессы были в Ферганской долине, о чем свидетельствует официальная статистика. Как утверждает казахстанский исследователь З. Курбанова, “по имеющимся официальным архивным данным, в 20-е годы в Туркестанской АССР проживало 600 тыс. уйгуров, из них 300 тыс. – в Ферганской и 265 тыс. – в Семиреченской области. А по данным переписи 1959 г., в Узбекистане (Ферганской долине) осталось всего 19 тыс. уйгуров. Причем значительную их часть составили переселенцы из Восточного Туркестана в послесталинский период. Большая часть уйгуров Ферганской долины слилась с узбеками; в результате этого процесса и в языковом отношении ассимилированная группа уйгуров (причем насильственно, по указанию партократов) сохранила лишь отдельные черты. Социологическая экспедиция 1993 г. показала, что за прошедшие 30 лет в языковой ситуации региона произошли большие изменения: узбекский язык полностью ассимилировал уйгурский язык”.²⁶

Что касается уйгуров, проживающих в Казахстане и Кыргызстане, то они в меньшей степени подверглись ассимиляционным процессам, сохранили свою традиционную культуру, язык и литературу и получили возможность их дальнейшего развития.²⁷ В этих государствах как в уйгурской среде, так и в отношениях уйгуров с другими этническими группами и властными структурами наблюдаются несколько иные, чем в Узбекистане, процессы, связанные, с одной стороны, с проявлениями этнического национализма и

противоречиями между различными категориями уйгурской миграции, а с другой — с “уйгурофобией” в среде других этнических групп населения.

Тем не менее и между уйгурами Казахстана и Кыргызстана существует существенное различие. Последние в большей степени подверглись процессу ассимиляции, хотя, в данном случае правильнее было бы говорить не об ассимиляции, а об аккультурации: в Казахстане на базе казахского и русского языка и культуры, а в Кыргызстане — на базе киргизского и узбекского языков и культуры. Из опрошенных при переписи 1970 г. 24,9 тыс. уйгуров Кыргызстана 82,4% назвали родным языком уйгурский. В 1979 г. этот показатель снизился до 75,2%, а в 1989 г. — до 71,2%. Материалы экспедиции 1991-1992 гг. сотрудников Института уйгуроведения показывают, что уйгурский язык почти полностью ассимилирован киргизским и узбекским.²⁸

Проблема с владением родным языком стоит и в Казахстане, но последний, по признанию уйгурской интеллигенции, “оказался единственной страной, этносоциальная ситуация которой, способствовала формированию социально-культурной базы развития уйгурского этноса и функционирования его языка в республике, применительно к уйгурскому этносу, создана основа модели образования, ориентированная на сохранение самобытности уйгурского этноса и одновременно освоение ценностей и стандартов других культур”.²⁹

Вторая характерная черта уйгурской диаспоры государств Центральной Азии — ее компактное проживание, и соответственно — большая степень этнической консолидации, а также влияние такого традиционного элемента этой консолидации, как махалля. В настоящее время в Казахстане уйгуры компактно проживают в основном в Уйгурском, Чиликском, Энбекши-казахском, Талгарском и Джаркентском районах Алматинской области. Кроме того, уйгурское население имеется в Нарынском, Илийском, Жамбылском районах, в Алматы, Шымкенте и Жамбыле.

В Киргизии уйгуры живут в Бишкеке, Токмаке, Караколе, а также в Иссык-Кульской и Ошской областях. Наиболее

компактно они проживают в Бишкеке, где их численность, по данным переписи 1989 г., составляла более 10 тыс. человек, в Иссык-Кульской области – 4.340 человек и Ошской области – более 10 тыс. человек.

В Узбекистане местами компактного проживания уйгуров являются: Андижанская область – более 14 тыс. (39,2% общей численности уйгуров Узбекистана), Ташкентская область – 7.964 человека, Ташкент – 11.071 человека. Кроме того, уйгуры проживают в Наманганской, Сырдарьинской, Джизакской и Ферганской областях.

Небольшие группы уйгурского населения имеются в Туркменистане, преимущественно на территории Туркмен-Калинского и Байрам-Алийского районов Марыйской области.³⁰

Третья особенность, о которой нельзя не упомянуть в связи с рассмотрением проблем уйгурской диаспоры в государствах Центральной Азии, связана с политикой советской власти в отношении уйгуров в начале 20-х – 30-е годы, когда, по-видимому, сама того не желая, власть заложила основы будущих сепаратистских тенденций в уйгурской среде. Наиболее отчетливо это можно проследить по работе советской власти с отходниками,³¹ численность которых, как мы видели, в эти годы была довольно значительной.

Таблица 6.2

**Численность уйгуров в государствах Центральной Азии
(1979-1999 гг.)**

Гос. численность	1979 г.	1989 г.	1999 г.
Казахстан	147.941	183301	210.119
Узбекистан	29.104	15.762	
Киргизия	29217	16.779	46.711
Таджикистан		1.108	
Туркменистан		366	

Источники: Абдукадыров З.А. Общая картина современного размещения уйгуров Средней Азии и Казахстана. – Научная конференция “Социально-экономические проблемы уйгуров СНГ”. – Алматы: Институт уйгуроведения НАН РК, МРАУ, 1994, с.6-7; Краткие итоги переписи населения 1999 г. в Республике Казахстан. – Алматы: Агентство Республики Казахстан по статистике, 1999,

с.11; Основные итоги Первой национальной переписи населения Кыргызской Республики 1999 г. – Бишкек, 2000, с.15; Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. – М.: Финансы и статистика, 1985, с.116, 130.

Идея мировой революции, доминирующая в те годы в Советском Союзе и в Коминтерне, сыграла злую шутку не только с уйгурами, но и с самой советской властью. Активное вовлечение уйгуров-отходников в политическую деятельность не только привело к созданию уйгурских политических организаций на территории советского Туркестана, но и к политизации сознания части уйгуров. Кстати говоря, составивших костяк руководителей революционной борьбы в Синьцзяне в 30-е – 40-е годы, а в дальнейшем эмигрировавших в Советский Союз и достаточно активно используемых политическим руководством СССР в его взаимоотношениях с Китаем, а после распада СССР развернувших свою антикитайскую деятельность уже с территории новых независимых государств Центральной Азии. Но начиналось все именно с отходников.

Как подчеркивает в своей работе К. Талипов, с февраля 1919 г на территории советского Туркестана повсеместно начали создаваться отделения Революционного союза кашгарско-джунгарских рабочих и крестьян (в 1921 г. он был переименован в “Революционный уйгурский союз алтышар-джунгарских рабочих”, сокращенно – “Уйгурсоюз”), через которые целенаправленно осуществлялась марксистская пропаганда по обличению эксплуататорской сущности господствующего режима в Синьцзяне, разъяснению соотношения национально-освободительной и классовой борьбы, целей и задач пролетарской революции, преимуществ социалистического строя и т. д. Филиалы “Уйгурсоюза” функционировали почти во всех крупных населенных пунктах обширной территории Туркестанской Республики – Жаркенте, Верном, Аулие-Ате, Токмаке, Пишпеке, Оше, Караколе, Коканде, Бухаре, Самарканде, Андижане, Маргелане, Ташкенте, Байрам-Али, Мерве и др., а также во многих селах, кишлаках Алматинского и Жаркентского

уездов. Союз при материально-финансовой поддержке местных властей регулярно созывал свои городские, уездные, областные совещания, конференции и съезды, а 3-9 июня 1921 г. в Ташкенте провел I Туркестанский краевой съезд кашгарско-джунгарских рабочих и крестьян.³²

Однако постановлением ЦК Компартии Туркестана от 18 декабря 1921 г. Революционный уйгурский союз был распущен. И, по-видимому, прав К. Талипов, усматривающий причину этого решения в нежелании руководства молодой советской республики тесно связывать себя с национально-освободительным движением уйгуров в Синьцзяне, цели которого вошли в противоречие с целями ЦК РКП(б). Уже в середине 1921 г. "... некоторые революционные группы и организации Синьцзяна, стремившиеся сбросить гнет милитаристов, выдвинули идею создания отдельных Кашгарской и Джунгарской республик. Они обратились в Турккомиссию с просьбой о поддержке".³³ Обсуждение данного вопроса в Политбюро ЦК РКП(б) дало отрицательный результат,³⁴ хотя ни в 30-е — 40-е годы, ни в дальнейшем вопрос об использовании "синьцзянской проблемы" в советско-китайских отношениях никогда не снимался с повестки дня.³⁵

И в этом контексте достаточно любопытно выглядят свидетельства о настроениях в среде уйгурской диаспоры А.Ю. Альптекина, занимающего должность сотрудника китайского консульства в Андижане и Ташкенте. "В те годы, отмечает А. Альптекин в своих воспоминаниях, восточнотуркестанцев, проживавших в Узбекистане, по их политическим убеждениям и ориентациям можно было разбить на несколько групп — коммунистов, левых и националистов, выделяя при этом еще ряд подгрупп внутри каждой из них. Соответственно существовали различные взгляды о цели и задачах национально-освободительной борьбы. Так, идея коммунистов заключалась в том, чтобы освободить Восточный Туркестан от китайского ига с помощью русских и создать там некое коммунистическое государство. Среди них были и такие, которые хотели

освободить Родину и затем войти в состав СССР в качестве одной из союзных республик. Так называемые поспешные (скоропалительные) националисты хотели действовать наподобие Турции, использовавшей помощь русских в период борьбы за независимость, но в дальнейшем не подпуская их к себе. Были также дальновидные, истинные националисты, которые тоже хотели прогнать китайцев из Восточного Туркестана и в то же время предотвратить захватнические планы русских в отношении к нему, создать свободное и независимое государство”.³⁶

По свидетельству того же А. Альптекина, во второй половине 20-х годов в Андижане при активной поддержке и непосредственном участии русских большевиков создается тайная организация во главе с такими уйгурскими коммунистами, как Курбанов, Курбан Ходжаев и Давут эпэнди. Задача этой организации – вторжение в Восточный Туркестан с целью освобождения его от китайских угнетателей. Русские, по информации приятелей-единомышленников Альптекина, оказывали этой организации финансовую помощь, вооружали ее членов старым трофейным и купленным Россией еще в годы первой мировой войны иностранным оружием с тем, чтобы в случае разоблачения этой затеи снять с себя всякую ответственность. Они настойчиво рекомендовали также, чтобы в эту организацию, помимо коммунистов, как можно шире привлекались наиболее видные, авторитетные национал-патриоты и левые, потому что жители Восточного Туркестана не любят коммунизм, а людей, симпатизирующих коммунистам, там очень мало. Между тем, когда вы войдете туда, вам нужна будет широкая поддержка со стороны местного населения, и вы получите необходимую помощь только в том случае, если с вами будут признанные национал-патриоты и левые. А когда уже возьмете власть в свои руки, тогда вы их устранили, так как они, равно как и духовенство, являются врагами коммунистов, и их надо будет ликвидировать.³⁷

Утечка информации о готовящейся операции предопределила судьбу как самой организации, так и наиболее активных ее членов: первая была разогнана, а вторые – репрессированы.³⁸

Следующая особенность социально-политических процессов в среде уйгурской диаспоры Центральной Азии заключается в том, что отношение к ним, как и к самой “синьцзянской проблеме”, всегда находилось в тесной взаимосвязи с характером советско-китайских отношений. После подписания 31 мая 1924 г. Соглашения об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской Республикой всякая антикитайская деятельность на территории советского Туркестана была прекращена. Более того, в соответствии с новыми установками ЦК ВКП(б) по организации революционной работы в Синьцзяне, предписывалось “считать совершенно вредным и недопустимым какую-либо деятельность или агитацию в направлении отторжения от Китая Синьцзяна или части этой провинции”.³⁹

Вполне естественно, что в этом же контексте велась пропаганда и среди уйгурского населения в Центральной Азии. Так А. Розibaкиев писал: “Освобождение китайского народа, составляющего треть человечества, приблизит мировую революцию. Несомненно, это освобождение окажет влияние прежде всего на Уйгурстан как часть китайского государства, на изменение политических, экономических условий Уйгурстана в нужном направлении. Освобождение пятимиллионного Уйгурстана связано с успехами 400 миллионного народа в борьбе. Однако нельзя довольствоваться увязыванием перспектив Уйгурстана с освобождением Китая. Чем раньше уйгурский народ, пробудившись от сна и объединившись с китайскими рабочими и крестьянами, вступит в борьбу за свободу, тем больше он окажет помощь китайским революционерам и настолько же приблизится национальное освобождение уйгурского народа”.⁴⁰

Однако, как подчеркивает К. Талипов, после разгрома организации в Андижане и активизации прокитайской

пропаганды “многие уйгурские патриоты стали решительно отмежевываться и открыто дистанцироваться от коммунистов и вести активную антисоветскую, антикоммунистическую пропаганду среди своих соотечественников. Разногласия, наметившиеся еще после роспуска “Уйгурсоюза”, окончательно переросли в диаметрально противоположные идейно-политические течения. Определенный идейный разброд в связи с этими событиями наметился также и среди самих уйгурских коммунистов”.⁴¹

Вновь внимание к “синьцзянской проблеме” усилилось в середине 40-х годов, когда на территории сопредельного Синьцзяна развернулась “революция трех округов”. Подробно об этом говорилось в предыдущих главах, и здесь эту проблему можно было бы опустить, если бы не одно любопытное обстоятельство. Дело в том, что, когда в 1947 г. ситуация в Синьцзяне начала выходить из-под контроля органов госбезопасности и ВКП(б), а среди проживающих в пределах советских республик уйгуров наметилась резкая активизация настроений в поддержку национально-освободительного движения в Синьцзяне, по-видимому, возникла необходимость направить эти настроения в контролируемое местными органами власти русло, а параллельно решить задачу укрепления политического влияния СССР в Синьцзяне. Другими обстоятельствами трудно объяснить почти одновременное появление двух документов, подписанных секретарем ЦК КП(б) Казахстана Ж. Шаяхметовым и направленных в ЦК ВКП(б): “Записка по Синьцзянскому вопросу” и докладная записка на имя Н. С. Патоличева “Об образовании в составе КазССР Уйгурской автономной области” (см.: Приложения 3, 7).

Оба документа, несмотря на их различный характер, по сути, преследовали одну и ту же цель: усиление политической работы среди уйгуров и взятие под свой контроль деятельность уйгурских националистических элементов как в пределах Казахстана, так и Синьцзяна. Трудно говорить о том, была ли решена эта задача в части, касающейся казахстанских уйгуров, но то, что такая постановка вопроса оказала

влияние на их этническое самосознание, — несомненно. Идея о создании в пределах Казахстана уйгурской автономии среди казахстанских уйгуров сохраняется и в настоящее время, периодически напоминая о себе обществу и власти предрержащей. И хотя практическая реализация данной идеи весьма сомнительна, подобные настроения в уйгурской среде косвенно содержат в себе угрозу национальной безопасности Казахстана, тем более если учесть доминирующую сегодня в мире тенденцию ненаказуемости этнического сепаратизма.

Весьма показательны в этом отношении утверждения некоторых уйгурских ученых и общественных деятелей о принадлежности части территории Казахстана уйгурам. Опус Касыма Масими⁴² я оставляю за рамками научной критики. Данная работа вообще не имеет отношения к науке, хотя ее появление, кстати говоря, без указания издательства, весьма показательно в контексте рассматриваемой нами проблемы. А вот на работы известного историка М. Кабирова не могу не обратить внимания. В одной из своих статей он, ссылаясь на авторитет Н.Н. Бичурина, в частности, пишет, что “Уйгуры являются коренным населением и Семиречья, ибо еще в пору завоевательных походов Александра Македонского они защищали эти земли. Семиречье находилось в составе и Уйгурского каганата (647-840 гг.) и Уйгурского караханидского эмирата (850-1212 гг.)”.⁴³ Возможно, так оно и было. Этнические группы, на базе которых происходил этногенез уйгуров в древности и средневековье, вполне могли принимать участие в походах Александра Македонского, но, как уже говорилось выше, к современному уйгурскому этносу они не имеют отношения, и проводить подобные параллели не только некорректно, но и весьма опасно, с точки зрения отношений между этносами в современном Казахстане.

Однако, в плане интересующего нас вопроса о проблемах этнического сепаратизма в Китае большего внимания заслуживает другая тенденция, характерная для уйгурского населения республики. Связана она с наличием разногласий между уйгурами различных “волн” миграции и различной

степенью их участия в деятельности уйгурских организаций, занятых решением “синьцзянской проблемы”.

Конфликт между уйгурами различных “волн” миграции проявился уже в начале 60-х годов, когда наблюдалось последнее массовое переселение уйгуров Синьцзяна на территорию Казахстана. Как подчеркивает Шон Робертс, посвятивший именно этой проблеме работу, основанную на полевых исследованиях, суть этого конфликта заключается в различиях в понимании уйгурской культуры и своего места в казахстанском социуме. Если потомки первых мигрантов (*yerliklar*) “играли на понижение своих наследственных связей с Синьцзяном, чтобы повысить свой статус в советском ‘семействе наций’”, то мигранты 50-х – 60-х годов (*kelganlar*), напротив, “рассматривали свою новую жизнь в Советском Союзе как временное решение, пока не закончится политическая и экономическая суматоха на их ‘родине’ в Китае. Они надеются, что вернуться на ‘родину’, как только китайские коммунисты покинут Синьцзян”.⁴⁴ “Эти различия вели к стремлению обеих групп высмеять друг друга и показать себя ‘истинными’ носителями уйгурской культуры, и это противостояние двух групп сохраняется в Казахстане по сей день”.⁴⁵

Шон Робертс обращает внимание и еще на одну характерную черту взаимоотношений между уйгурами разных “волн” миграции – доходящая до абсурда ксенофобия в отношении “грязных китайцев” *kelganlar*, подогреваемая и напряженностью в советско-китайских отношениях в 60-х – 70-х годах. Дело доходило до того, что “*yerliklar* часто не разрешали своим детям играть с детьми *kelganlar*, а браки между местными жителями и новичками обычно совершались только вопреки желанию обоих семейств”. Любопытно и то обстоятельство, что эта историческая память, по мнению Шона Робертса, сохранилась и до настоящего времени, поскольку *yerliklar* продолжают характеризовать *kelganlar* как трусов, бежавших из Советского Союза в тревожные времена 1920-х и 1930-х годов, и вновь сбежавших из Китая в трудные 1950-е и 1960-е годы.⁴⁶

С последним выводом автора можно согласиться лишь частично. Сегодня, по прошествии сорока лет совместного проживания, вряд ли имеет смысл говорить о столь уж сильных различиях между представителями разных миграционных “волн”. Скорее, имеет смысл говорить о синтезе уйгурской культуры советского и китайского образцов, причем, по-видимому, с преобладанием последней, что, кстати говоря, подтверждает и сам автор.⁴⁷

Более существенной мне представляется другая особенность, подмеченная Шоном Робертсом. Связана она со степенью участия уйгуров разных “волн” миграции в деятельности организаций, выступающих за независимость Синьцзяна и создание на его территории уйгурского государства. Что касается мигрантов 50-х – 60-х годов, то они начали агитацию за уйгурский суверенитет в пределах Синьцзяна сразу после советско-китайского политического конфликта, позволившего им действовать еще в начале 1960-х, причем, не без помощи и поддержки партийных и местных властей. И сегодня именно эта категория мигрантов, либо их потомки являются наиболее активными участниками уйгурских организаций Центральной Азии, ставящих своей целью воссоздание уйгурской государственности. Хотя, как говорилось выше, сама идея не отвергается и другими представителями уйгурской диаспоры, вопрос лишь в методах работы.

Что касается потомков уйгуров первых миграционных “волн”, традиционно *yerliklar* в большей степени идентифицируют себя с Казахстаном, нежели Синьцзяном, и данная тенденция, судя по нашим наблюдениям, сохраняется до сегодняшнего дня. Тем не менее, нельзя не согласиться с Шоном Робертсом в том, что “после распада Советского Союза *yerliklar* в Казахстане, чувствуя, что они лишены гражданских прав в постсоветском казахском национальном государстве, стали включаться в движение за создание суверенного уйгурского государства в Синьцзяне”.⁴⁸ Это – вполне закономерная реакция не только на издержки национальной и кадровой политики в Казахстане, но и на подымающуюся волну уйгурофобии в государствах Центральной Азии.

Не менее любопытен характер взаимоотношений между

уйгурами, которые родились, долго жили или получили образование в Советском Союзе (sovetliklar), и теми, кто родился, вырос, получил образование и живет в настоящее время в Китае (khitailiklar). Здесь разница диаметральная, и связана она с тем, что первые воспитаны преимущественно на советской культуре с ее высоким уровнем образования, а вторые — на культуре китайской. Но главное в плане изучаемой нами темы заключается в том, что, по мнению представителей уйгурских организаций, уйгуры из Синьцзяна, в силу недостаточного образовательного уровня, не могут работать для достижения цели независимости Восточного Туркестана, и эта работа ведется главным образом уйгурами за рубежом. “Здесь (в Казахстане. — К.С.) поэты и писатели поднимают эту проблему в своих произведениях. Здесь мы создаем различные комитеты; вещи, которые не могут быть сделаны уйгурами там, делаются нашими уйгурами”.⁴⁹

Весьма любопытно и различие в подходах к будущему уйгурскому государству. Если khitailiklar, говоря о суверенитете, чаще исходят из религиозной перспективы; находят трудным жить под властью кяфилов и ждать день, когда будут иметь мусульманское доминирование в китайском правительстве, то sovetliklar, напротив, главным образом поддерживают светский национализм и социалистическую систему национального освобождения и социального равенства. “Некоторые из уйгуров Казахстана, кто видел свою родину только в спиритических сеансах, предпочитают идентифицировать ее с буддизмом и манихейством уйгуров восьмого и девятого столетий, нежели с исламом”.⁵⁰ С учетом этих обстоятельств, вполне естественно, что различны и подходы лидеров уйгурских организаций к проблеме самоопределения уйгуров в пределах СУАР КНР, как различна и тактика их деятельности.

Закончить данный раздел хотелось бы некоторыми фрагментами из работы Шона Робертса, которые, на мой взгляд, рисуют достаточно реалистичную картину настроений уйгурской диаспоры, проживающей на территории государств Центральной Азии.

“Хотя точки зрения различных субэтнических групп относительно уйгурского государства разнятся, трудно найти уйгуров в Казахстане, кто не говорит о необходимости независимого Уйгурстана. Они остро чувствуют свой ограниченный статус не имеющих гражданства людей в новой Центральной Азии, где их политическое представительство стало более ограниченным, чем автономия, которая существовала в Советском Союзе и продолжает существовать в КНР. Когда я спросил уйгуров в Казахстане относительно их надежд на будущее их “народа”, все их ответы были просты.

‘Мое желание? Хорошо, нас уйгуров достаточно много. ...Раньше у нас была родина, но сталинисты и маоисты уничтожили ее. Теперь мы живем в Турции, Германии, на Тайване, Европе – всюду. Мы хотим суверенное государство, как и другие народы, поскольку мы имеем все, что имеют они, – нашу собственную землю, наше собственное место, наш собственный язык. ...Всюду, где бы мы ни жили сегодня, мы мечтаем о свободе родины. Других целей нет. Я, например, если Вы спросите меня, скажу, что мы нуждаемся в Синьцзяне. Это не китайская земля. Это земля Восточного Туркестана, это земля уйгуров.’

ЭХотя уйгуры повсюду поддерживают стремление националистов к суверенитету Синьцзяна, их национализм, по своему характеру, бесспорно, транснационален и нетеррористичен. Когда спрашивают, готовы ли они вернуться в Синьцзян, если там будет создано уйгурское национальное государство, большинство уйгуров в Казахстане, с кем я провел интервью, ответили, что этого они не хотят. Те же самые интервьюируемые, однако, упорно утверждают, что создание уйгурского национального государства абсолютно необходимо. Один уйгур, торгующий в Казахстане, заметил: ‘Я сомневаюсь, что уйгуры пойдут туда. Почему, вы спрашиваете? Слово ‘Уйгурстан’ означает не то, что мы имеем мать и отца, а то, что мы имеет место в мире. Если будет Уйгурстан, то это будет большим делом не только для наших уйгуров, но для уйгуров Турции, Америки, и других стран. Почему? Потому что мы будем

иметь родину, и правительство там будет заботиться о всех уйгурах повсюду. Сейчас у нас нет родины. Мы без матери или отца. Как люди смотрят на таких детей? Если сирота просит о чем-то, никто не даст ему этого. Но, если его отец — правительственное должностное лицо и он просит о воде, любой даст ему это. Почему? Поскольку его отец — должностное лицо, представляющее государство. Ваше собственное правительство работает точно так же. Если бы я имел государство Уйгурстан, мои желания были бы выполнимы и здесь. Теперь я — лицо без государства. Никто не обращает на меня внимания; никто не слушает меня. Я не говорю, что мы ужасно живем в Казахстане, но если бы мы имели государство в другом месте, мы жили бы лучше здесь, в Казахстане. Намного больше возможностей открывалось бы для нас. Поэтому в будущем для уйгуров, для нации мы нуждаемся в государстве’.

Для этого человека создание независимого уйгурского национального государства имеет мало общего с территорией или даже с национальной культурой. Живший в различных государствах и сталкивающийся с различной ‘уйгурской культурой’, он видит национальный суверенитет прежде всего как путь к общему представительству. В этом смысле, создание Уйгурстана не есть принадлежность к уйгурской территории в мире, а в большей степени — размещение уйгуров, как ‘народа’ в глобальной иерархии, которая определяет доступ к ресурсам и представительству”.⁵¹

С эти выводом американского автора согласны и мы, правда, если абстрагироваться от того, что не все представители уйгурского этноса думают именно так, распространенности идей этнического сепаратизма в мире и их влияния на окрепшие умы, особенно молодежи, а также издержек национальной, социальной и кадровой политики в государствах Центральной Азии и в Китае, использования “уйгурского вопроса” в геополитических играх. К сожалению, абстрагироваться от всего этого мы не можем, следовательно — не можем не учитывать и “синьцзянский вопрос” при рассмотрении проблем региональной и национальной безопасности. И в этом контексте

содержание “уйгурской проблемы” в государствах Центрально-Азиатского региона сводится не только к рассмотрению настроений в уйгурской диаспоре, но и к оценке деятельности уйгурских организаций, расположенных на территории этих государств; особенностей вовлечения в эту деятельность новых социальных групп; специфики самой так называемой “борьбы за независимость Синьцзяна”, ведущейся с территории государств Центральной Азии этими организациями.

Уйгурские организации в центральноазиатских государствах

С начала 90-х годов под влиянием процессов, происходящих в мире и в СССР, а также самом Китае, среди уйгуров Центральной Азии (главным образом Казахстана и Киргизии), представленных преимущественно выходцами из Китая 60-х годов, отмечается активизация антикитайской деятельности в поддержку выступлениям в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР с целью воссоздания независимого уйгурского государства Восточный Туркестан (Уйгурстан).

В настоящее время уйгурские организации существуют во всех центральноазиатских государствах, на территории которых компактно проживают уйгуры, но наиболее активны они там, где уйгурская диаспора в наименьшей степени подверглась ассимиляционным процессам, либо, где национальное законодательство более либерально в отношении политических партий и движений. В сегодняшних условиях на территории Центральной Азии таких государств два – Республика Казахстан и Кыргызская Республика. И хотя для полноты картины мы не можем не упомянуть о том, что уйгурские организации имеются и на территории Республики Узбекистан, Республики Туркменистан и в Российской Федерации, главным образом речь все-таки будет идти о Казахстане и Киргизии.

Формирование этих организаций было связано с общим процессом политической либерализации конца 80-х — начала 90-х годов, и, как большинство партий и движений, возникших в те годы, за время своего существования они прошли несколько этапов эволюции.

Для первого этапа, который условно можно ограничить 1989-1991 гг., было характерно обращение к национальным корням и культурным ценностям того или иного этноса. Повсюду в республиках СССР возникали различные национальные фонды и культурные центры. Вполне естественно, что этот процесс был поддержан и уйгурским этносом. В Казахстане в этот период был образован Алма-Атинский уйгурский культурный центр, аналогичные центры возникли в городе Панфилов Талды-Курганской области, в Каскеленском и Талгарском районах Алматинской области. Были созданы уйгурские культурные центры в местах компактного проживания уйгуров в Жамбылской и Чимкентской областях. Этот этап завершился к середине 1991 г. созданием республиканских уйгурских обществ культуры в Казахстане, Киргизии, Узбекистане, Таджикистане и Туркменистане.⁵²

Необходимо подчеркнуть, что к теме нашего исследования эти организации не имеют прямого отношения, поскольку главной целью своей деятельности они ставили содействие развитию уйгурской культуры и создание условий для сохранения уйгуров как самобытной этнической общности (см.: Приложение 8). Все эти организации получили официальную регистрацию в соответствующих органах, более того, их деятельность всячески стимулировалась властями.

Второй этап развития общественных уйгурских организаций, по мнению Кахармана Хожамберди, непосредственно связан, во-первых, “с осознанием активной частью населения важности создания общественных объединений”; во-вторых, с появлением правовой базы “для целевого организационного реформирования и совершенствования уйгурских общественных организаций” в виде принятого

27 июля 1991 г. Верховным Советом КазССР закона “Об общественных объединениях в Казахской ССР”.⁵³

Итогом этого этапа становится образование 26 января 1992 г. Межреспубликанской ассоциации уйгуров, получившей государственную регистрацию 30 сентября 1992 г. Данное решение было принято собравшимися в Алма-Ате тремястами делегатами из пяти государств Центральной Азии. Они же, по некоторым источникам, призвали президента и парламент Казахстана, а также правительства республик Центральной Азии “помочь уйгурам в их национально-освободительном движении”.⁵⁴

МРАУ являлась межгосударственной организацией, а ее ассоциативными членами состояли общества уйгурской культуры всех государств Центральной Азии. Кроме того, в работе этой организации в качестве почетных гостей активное участие принимали представители уйгурских организаций Германии, Турции и США. В свою очередь представители МРАУ выезжали в Турцию, Голландию, Германию и США для участия в первом Всемирном уйгурском курултае (Стамбул, декабрь 1992 г.); работе Международной организации тюркской молодежи (Мюнхен, ноябрь 1994 г.); участия в международной конференции по защите прав человека в Китае (Нью-Йорк, октябрь 1994 г.); работе IV сессии Генеральной Ассамблеи ООН (Гаага, январь 1995 г.), итогом которой стала специальная резолюция по Восточному Туркестану.⁵⁵ И, по-видимому, именно эта часть деятельности МРАУ предопределила как раскол в ее руководстве, так и более радикальные взгляды части ее сегодняшних лидеров.

Если в момент создания МРАУ конфликт существовал только между руководством этой организации и более радикальных казахстанских уйгурских организаций – КВТ и УАТ, а существо конфликта сводилось к банальной борьбе за лидерство и влияние на уйгурское население с преобладанием в этой борьбе личностных амбиций лидеров самих организаций, то уже к концу 1993 г. как состав участников конфликта, так и его характер претерпели значительные изменения.

Раскол возник в самой организации, и “яблоком раздора”, по-видимому, стал подход к определению целей и тактики деятельности организации. Если одна группа руководителей организации видела их в создании благоприятных условий для развития уйгурской культуры и языка, решении социально-экономических проблем уйгурского населения государств Центральной Азии, то для другой первостепенное значение начали приобретать политические лозунги, связанные с защитой прав человека и созданием независимого уйгурского государства.

На волне активизации этнического сепаратизма в мире и деятельности экстремистских группировок в Китае победу одержала вторая группа. В 1995 г. из МРАУ выделилась отдельная организация – “Общество культуры уйгуров Республики Казахстан”, а сама МРАУ была преобразована в Региональное общественное объединение “Ассоциация уйгуров”.⁵⁶

Начало третьего этапа в развитии общественных уйгурских организаций датируется 2 декабря 1995 г., когда на базе МРАУ была создана новая организация – Региональное общественное объединение “Ассоциация уйгуров”, главной задачей которой, по утверждению ее председателя Кахармана Хожамберди, была заявлена “борьба за права человека, за право на самоопределение уйгуров на своей исторической родине”.⁵⁷

Кстати говоря, эта точка зрения председателя организации – еще одно свидетельство не только серьезных разногласий в руководстве уйгурских организаций, но и повышения уровня радикализма у некоторых их лидеров. Официальные документы РООАУ не оговаривают такую цель. О “самоопределении уйгуров на исторической родине” в Уставе РООАУ вообще не говорится, а что касается прав человека, то речь идет лишь о “содействии в установленном порядке охране и защите прав человека” и не более (см.: Приложение 9).

И хотя РООАУ пока нельзя отнести к радикальным уйгурским организациям, скорее, она занимает “промежуточную позицию”, такая радикализация взглядов некоторых ее

лидеров настораживает. В этом контексте весьма любопытно одно из положений, высказанных Кахарманом Хожамберди: “Сегодня для уйгурских общественных организаций особую актуальность приобретает задача нахождения и предоставления общественности таких кандидатов на руководящие должности организации, у которых, кроме высокой внутренней культуры и компетентности в данном деле, ярко выражены такие черты, как патриотизм, чувство коллектива и способность адаптироваться к усложняющимся социально-психологическим условиям”.⁵⁸ О чем все это, с учетом изменившейся стратегии деятельности зарубежных уйгурских организаций и принятием на вооружение некоторыми из них тактики террора?

В целом можно согласиться с периодизацией развития уйгурских организаций в Центральной Азии, предложенной Кахарманом Хожамберди, хотя, на мой взгляд, она не совсем полная и нуждается в некоторых уточнениях.

Первое уточнение связано с тем, что начало деятельности уйгурских организаций в Центральной Азии, прежде всего в Казахстане, относится не к концу 80-х — началу 90-х, а к концу 70-х годов. В 1979 г. группа уйгурской интеллигенции из семи человек начинает в Казахстане выпуск газеты “Голос Восточного Туркестана”. Издаваемая в Алматы на уйгурском языке газета информирует читателей об истории и современном положении исторической родины уйгуров, пропагандирует патриотические настроения. В начале 80-х к издателям газеты присоединяются уйгурские интеллигенты, ветераны Восточно-Туркестанской Республики 1944-1949 гг., видные представители уйгуров: Гани-батур, генерал Зунун Таипов, генерал Маргуп Исхаков, профессор Мурат Хамраев, сотрудник уйгурской редакции радио Ташкента Абдулла Баратов и другие.

“Объединенные общей идеей о воссоздании независимого уйгурского государства на территории так называемого Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая и изгнания оккупантов с Родины, в 1984 г. объединившиеся патриоты учреждают Национальный революционный фронт

Восточного Туркестана. Фронт начинает пропагандистскую деятельность, направленную на пробуждение патриотического духа уйгуров – эмигрантов в странах Центральной Азии”.⁹

Любопытна хронология дальнейшей эволюции данной организации, которая в сопоставлении с данными, приводимыми выше, и данными о процессе создания Организации освобождения Уйгурстана, о чем речь будет идти ниже, являются еще одним свидетельством в пользу нашего тезиса о том, что три крупнейшие уйгурские организации Казахстана – МРАУ, ОНРФВТ и УАТ практически до конца 90-х годов находились в состоянии конфронтации.⁶⁰

По данным, приводимым Моданом Мухлиси, в 1991 г. в Алма-Ате прошел курултай уйгуров Центральной Азии. На курултай прибыли 150 делегатов из всех регионов проживания уйгурских диаспор. Итогом курултая стало образование на базе Фронта Международного комитета “Восточный Туркестан”. В его состав вошли 45 активистов уйгурского движения. Комитет действовал в Центральной Азии, а также установил связи с соотечественниками, живущими в Турции, Саудовской Аравии, Германии и Австралии. Установились контакты с национальными организациями Казахстана – “Азат”, “Аттан”, “Желтоксан”, которые оказывали комитету всяческое содействие. Комитет преследовал цель – выйдя на международный уровень, привлечь внимание мировой общественности к положению в Восточном Туркестане”.⁶¹

По другим данным, уже в 1991 г. на базе НРФВТ был создан Объединенный национальный революционный фронт Восточного Туркестана (ОНРФВТ), который в принятом им постановлении объявил себя координатором всех остальных мелких и разрозненных антикитайских организаций, действовавших в СУАР, и заявил о решении добиваться независимости Восточного Туркестана исключительно радикальным путем.⁶²

Однако, насколько позволяют судить имеющиеся в нашем распоряжении данные, авторы сборника “Экстремизм в Центральной Азии” несколько “передергивают” факты. И хотя приводимые в сборнике и представляющие

несомненный интерес документы (см.: Приложение 10) дают основания относить НРФВТ к числу радикальных организаций, решение о переходе к методам вооруженной борьбы, как и о переименовании организации, было принято позднее и связано оно с итогами работы первого Всемирного курултая уйгуров.⁶³

Как свидетельствует сам Юсупбек Мухлиси, “15 мая 1993 г. было принято историческое решение продолжать борьбу за освобождение Родины вооруженным путем. В этот день члены ОНРФВТ давали торжественную клятву”.⁶⁴ Это же подтверждает и Модан Мухлиси: “В мае 1993 г. на съезде активистов Фронта отмечалось, что, несмотря на попытки привлечь внимание демократических государств и международных организаций к проблемам народа Восточного Туркестана, мировая общественность не обращает внимания на вопиющие нарушения прав коренного народа Восточного Туркестана. Власть новых родственных уйгурам независимых тюркских государств – Казахстана, Узбекистана и Кыргызстана, на которые уйгурский народ возлагал большие надежды, все больше дистанцируются от уйгурского освободительного движения и склоняются к необходимости сближения с китайскими официальными властями. Поэтому многочисленные обращения к Комитету со стороны подпольных объединений Восточного Туркестана с просьбой о помощи разворачивающемуся радикальному движению народа, выводит Фронт на радикальные позиции.

В Декларации Объединенного Национального Революционного Фронта (ОНРФ) Восточного Туркестана основная мысль такова: ОНРФ признает и поддерживает вооруженную борьбу уйгурского народа против китайских захватчиков и считает ее методом борьбы, способным привести к освобождению народа и воссозданию уйгурского независимого государства. Однако организация не отвергает и цивилизованных форм борьбы. С 1993 г. деятельность Фронта проходит в русле провозглашенной Декларации. В 1994 году во время встречи руководства Фронта с уйгурскими диаспорами Алматы, Бишкека, Ташкента, Сары-

Агача, Чилика новый курс организации был поддержан большинством собравшихся”.⁶⁵

Вообще нужно отметить, что, несмотря на активность ОНРФВТ, вся ее деятельность изобилует “парадоксами”. Отметим лишь некоторые из них. Первый связан с тем обстоятельством, что первоначально основную ставку в своей деятельности эта организация дела на активную антикитайскую политику Советского Союза. Как пишут авторы сборника “Экстремизм в Центральной Азии” (и в этом аспекте они не грешат против истины), “Лидеры ОНРФ надеялись на поддержку со стороны советского руководства и предлагали три пути освобождения Восточного Туркестана.

Первый путь заключался в “организации национально-освободительной борьбы против господства Мао”. Авторы проекта считали, что “без кровопролития, без борьбы в Восточном Туркестане нельзя добиться настоящей свободы”.

Второй путь освобождения Восточного Туркестана подразумевал вооруженную поддержку извне. Лидеры ОНРФ при этом апеллировали к событиям весны 1968 г. в Праге.

Третий путь освобождения — это решение вопроса о Восточном Туркестане в рамках ООН. ОНРФ рассчитывал на то, что “Советский Союз с международной трибуны выступит в защиту народов Восточного Туркестана”.⁶⁶

И в такой постановке вопроса не было ничего странного, если учесть персональный состав лидеров ОНРФВТ, представленный главным образом бывшим руководством ВТР, эмигрировавшим из Китая в 50-е годы. И идеи марксизма-ленинизма, и роль Советского Союза для них были первостепенными.

Когда Советский Союз, а вместе с ним и идеология марксизма-ленинизма исчезли, на вооружение были приняты лозунги этнического сепаратизма, пантюркизма и религиозного экстремизма. Как подчеркивал Юсупбек Мухлиси, “Наше движение ставит своей целью создание независимого демократического государства Уйгурстан. Но нельзя забывать о том, что по сути ислам является важнейшим компонентом уйгурской культуры, по существу

определяет нашу самобытность. Этим и объясняется, что ислам стал опорой национально-освободительного движения. Так, значительная часть литературы, которую мы нелегально поставляем в Восточный Туркестан – религиозного содержания”.⁶⁷

Второй парадокс связан с численностью организации. По заверениям Юсупбека Мухлиси, его подпольная армия “насчитывает 30.000 радикально настроенных молодых людей”.⁶⁸ Однако возникает большой вопрос, откуда могла появиться эта цифра, если, во-первых, террористические группы, действующие на территории СУАР КНР, отказались от услуг ОНРФВТ выступать в качестве координатора их действий; во-вторых, на территории государств Центральной Азии деятельность этой организации большинством уйгурского населения не поддерживается; в-третьих, членами этой организации преимущественно являются бежавшие из КНР в 50-е – 60-е годы лица, занимавшие во властной иерархии Синьцзяна далеко не последние места, либо их дети? Следовательно, в данном случае желаемое выдается за действительное. И когда говорится о возможности ОНРФВТ “вести вооруженную борьбу против китайского господства в Синьцзяне”, это вызывает лишь удивление, если отбросить версию о провокационном характере всей его деятельности.

Третий парадокс связан с самим названием организации. Во всех документах этой организации говорится о Восточном Туркестане, и это понятно, если учитывать, кто является членами и руководителями организации. Но тогда совершенно неестественно из уст ее лидера звучит, что “наше движение ставит своей целью создание независимого демократического государства Уйгурстан”. Это не просто игра в слова, это – один из ключевых вопросов стратегии и тактики борьбы за независимость Синьцзяна, и не понимать этого лидер движения, претендующего на роль координатора деятельности всех уйгурских организаций, просто не имеет права.

Именно по данному вопросу, исключая методы работы и традиционную для всех уйгурских организаций

конфронтацию между их лидерами, имеют место расхождения между ОНРФВТ и другой радикальной уйгурской организацией Казахстана – Организацией освобождения Уйгурстана (УАТ).⁶⁹

Подготовительная работа по созданию этой организации началась задолго до ее официального оформления, и ее активизация, как это не парадоксально, связана опять же с амбициями на лидерство в уйгурском движении. Эта мысль отчетливо просматривается в проекте программы организации “Свободный Уйгурстан”, подготовленном инициативной группой еще в начале 1991 г. (см.: Приложение 11). В мае 1991 г. среди уйгуров Казахстана, Киргизии, Узбекистана и Таджикистана было распространено Воззвание Организации освобождения Уйгурстана. В нем, в частности, говорилось: “Наша Родина сегодня находится под игом китайских колонизаторов, испытывая их жестокий гнет. Наш народ стоит перед опасностью исчезнуть как отдельная нация. Уйгурский народ, где бы он ни жил, объединяет одна цель – освобождение Уйгурстана. Наша Родина утратила свою независимость в 1759 году, когда ее завоевали маньчжурско-китайские колонизаторы. За эти два с лишним века освободительная борьба народа никогда не прекращалась. Однако она не привела народ к желаемым результатам, все выступления потерпели поражение. На это есть свои внешние или внутренние причины.

Независимо от этих причин, основная – это отсутствие единой политической организации. Поэтому этот исторический опыт указывает на создание такой организации.

Мы, группа патриотов, проживающих в Республике Казахстан, сочли необходимым создать революционно-политическую организацию, которая бы поставила перед собой высокую цель – освобождение Уйгурстана” (курсив наш. – К.С.).

В этом же Воззвании сообщалось, что 3 апреля 1991 г. организацию внесли в список Минюста РК для регистрации, что никак не могло соответствовать действительности, поскольку учредительный съезд еще не состоялся.

Официально УАТ была образована 20 июня 1992 г. на собрании, созванном инициативной группой, не согласной с решениями курултая уйгуров Центральной Азии, прошедшего 26 января 1992 г. и принявшего решение о создании МРАУ. Ключевое расхождение заключалось в том, что МРАУ, ограничившись исключительно культурно-просветительской работой среди уйгуров, в программных документах не ставила цели воссоздания государственности уйгуров. В противовес МРАУ и МКВТ, 700 делегатов от уйгурских диаспор Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Узбекистана и Туркмении приняли решение о создании новой организации – Уйгурская (Уйгурстанская) организации Свободы. Съезд проходил открыто в доме культуры Горного Гиганта (один из районов города Алматы. – К.С.), на нем присутствовали не только гости из Турции, Китая и Германии, но и работники МВД, Верховного суда, КНБ Республики Казахстан.

В документах, принятых съездом (см.: Приложение 12), подчеркивалось, что в качестве основной своей цели УАТ рассматривает содействие восстановлению независимости Уйгурстана (нынешний СУАР, Китай). Кроме того, организация создается для воспитания народа, в особенности его подрастающего поколения в духе патриотизма; разоблачения колониальной политики руководства Китая, проводимой, в отношении уйгуров и других национальных меньшинств, проживающих в Китае. Специально подчеркивалось, что для достижения своей цели организация использует политические средства борьбы. Поскольку одной из целей своей деятельности УАТ предусматривала защиту законных интересов уйгуров и других народов путем участия в формировании государственных и общественных органов Республики Казахстан, дабы оградить себя от обвинений в уйгурском национализме, ее документы оговаривали, что она не является сторонником создания национально-территориальной уйгурской автономии в Республике Казахстан.

Кроме того, выражая стремление действовать в рамках правового поля, УАТ провозглашала себя политической

партией, выступающей как самостоятельное юридическое лицо, право на что приобретает с момента регистрации в Министерстве юстиции Республики Казахстан.

В отличие от большинства уйгурских организаций, в том числе и радикального толка, УАТ, говоря о будущем государстве уйгуров, использовала только один термин – “Уйгурстан”. Аргументируя данную позицию, Ашир Вахиди подчеркивал: “Наша позиция в этом вопросе встречает возражения оппонентов, утверждающих, что поскольку здесь кроме уйгуров живут и другие тюркоязычные народы, то чтобы не обижать их, Родину следует называть ‘Восточным Туркестаном’ и в борьбе за ее освобождение опираться при этом на них. Но не следует забывать, что, во-первых, определение ‘Уйгурстан’ вовсе не означает, что это государство только для уйгуров, а лишь подчеркивает, что уйгуры являются коренными жителями этой территории и в этом смысле имеет немаловажное значение для борьбы за самоопределение.

Во-вторых, название ‘Уйгурстан’ не ущемляет интересов других народов, а наоборот, возлагает на основную часть коренных жителей этих мест обязанность гаранта их интересов, что же касается их государственности, то эти проблемы для них уже решены: у казахов есть Казахстан, у узбеков – Узбекистан и т.д. В становление этих государств уйгуры, проживающие здесь, внесли в свое время свою лепту. Теперь они должны оказать нам помощь в приобретении нашей государственности;

В третьих, мы обязаны называть свою Родину ‘Уйгурстаном’ особенно сейчас, когда со стороны китайских колонизаторов есть угроза полной ассимиляции уйгуров.

В четвертых, тем, кто считает, что определение ‘Уйгурстан’ неизвестно мировому сообществу, следует вспомнить, что и Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, и другие молодые государства также совсем не были известны миру, а сегодня они признаны всеми...

Что касается названия ‘Восточный Туркестан’, то оно не является названием ни государства, ни народа, это чисто географическое определение и это название не охватывает

всей территории расселения уйгуров. Останутся за ее пределами уйгурские земли, находящиеся севернее Тенгри-тага (Тянь-Шаня)".⁷⁰ (курсив наш. – К.С.).

С момента своего учреждения УАТ формировалась как организация с четкой организационной структурой и фиксированным членством. Более того, Уставом УАТ оговаривается, что членам организации выдается специальное удостоверение и нагрудный знак, а сама организация имеет свой гимн и герб (эмблему). Организация строится по территориально-производственному принципу, имеет местные ячейки, объединенные в местные территориальные комитеты. По заверению лидера УАТ Ашира Вахида, на 1996 г. членами этой организации состояли больше семи тысяч человек.⁷¹

В Казахстане наиболее мощные отделения УАТ имеются в Алматинской, Жамбылской и Южно-Казахстанской областях. После казахстанской, наиболее мощной региональной организацией является киргизская, "наш верный союзник там – Общество уйгуров Кыргызстана. Налажены тесные связи со сторонниками и соотечественниками в Турции, Саудовской Аравии, Германии, США, России, других странах. Есть наши ячейки в китайском Уйгурстане".⁷²

Главное отличие этой организации от ОНРФВТ до 1997 г. заключалось в тактике деятельности. Как подчеркивается и в документах, и в заявлениях лидера организации, "УАТ выступает за ненасильственные формы и способы борьбы, естественно, их и придерживается. Главный акцент в своей деятельности мы ставим на, во-первых, разоблачении проводимой китайскими захватчиками национальной, экономической, военной политики и других деяний, противоречащих общепринятым международным нормам; во-вторых, выносе на международную арену вопроса о самоопределении Родины с тем, чтобы найти понимание, помощь и поддержку международного сообщества и в итоге восстановить государственность Уйгурстана в его исторических границах".⁷³

Это различие и стало "камнем преткновения" на пути консолидации деятельности всех уйгурских организаций

на территории Центральной Азии в первой половине 90-х годов. И хотя осенью 1992 г., почувствовав нарастающую силу МРАУ, МКВТ и УАТ попытались в противовес ей объединиться и создать так называемый “Фронт национального освобождения уйгуров” совместно с ориентированной на Саудовскую Аравию “Трудовой лигой мусульман”, эта попытка оказалась безуспешной. Уже в декабре 1992 г. на первом Всемирном курултае уйгуров выявились принципиальные разногласия, и альянс распался.

Серьезных изменений не претерпели ни тактика деятельности организации, ни заявленные ею цели и задачи, ни организационная структура и после прошедшего в 1995 г. ее 4-го съезда, принявшего новый Устав и Политическую программу (см.: Приложение 13).

Единственное, что изменилось, – название организации и ее статус. Как подчеркивалось в Политической программе, принятой съездом, “Эсознавая уникальность исторического момента для самоопределения нации и всю полноту ответственности за судьбу и будущее своего народа, Организация освобождения Уйгурстана торжественно объявляет о себе как о Международной политической организации, провозглашающей основной целью своей деятельности восстановление государственности уйгурского народа, создание независимого, суверенного демократического Уйгурстана на территории своей исторической родины.

При этом Организация освобождения Уйгурстана не выставляет каких-либо территориальных претензий к сопредельным государствам, равно как и не предъявляет к ним претензий по созданию каких-либо автономных образований в местах компактного проживания уйгуров”.

Что касается будущего государства Уйгурстан, то, по мнению Ашира Вахиди, “Республика Уйгурстан” должна быть “государством гуманного, демократического общества. С ориентиром на рыночную экономику. Безусловно, светским, с гарантированной свободой вероисповедания, но с учетом традиционных исламских ценностей, которые близки большинству населения... Не исключено, что новое государство будет иметь федеративное устройство”.⁷⁴

Весьма любопытно и еще одно обстоятельство, связанное с деятельностью различных уйгурских организаций. Речь — о характере их финансирования. Здесь я исключаю спонсорскую поддержку со стороны ряда международных организаций, государств и частных лиц, хотя, наверняка такая имеет место. Обратимся к документам. Если РООАУ и УАТ основной акцент делали и делают на членские взносы и поступления от производственной, хозяйственной и иной деятельности предприятий и учреждений, принадлежащих этим организациям, либо работники которых являются их членами,⁷⁵ то в учредительных документах НРФВТ содержится загадочная фраза о том, что “основу финансовой деятельности фронта составят средства, выделенные каким-то государством в качестве долга, а так же средства, выделенные отдельными заинтересованными лицами”. Под что мог быть дан подобный кредит, думается, не требует особых комментариев: либо под природные ресурсы Синьцзяна, либо под политическую лояльность будущего государства. И тот и другой случай как-то не очень вяжется с благородной целью “освобождения уйгуров от колониального ига”.

Второе уточнение, которое хотелось бы сделать в связи с хронологией эволюции уйгурских организаций в Казахстане, связано с необходимостью обозначить еще один этап в деятельности этих организаций. Характерной особенностью этого этапа является, с одной стороны, усиление раскола в уйгурском движении в Казахстане и создание новых организаций, а с другой — консолидация деятельности радикальных организаций и включение в их число ранее не замеченных в радикализме объединений.

Эти тенденции обозначились в начале 1997 г., когда в ответ на жестокое подавление выступлений 5 февраля в Кульдже 8 февраля в Алматы РООАУ совместно с Организацией освобождения Уйгурстана и ОНРФВТ образовали координационный орган — Объединенный политический совет (ОПС).⁷⁶

Целью ОПС было не допустить раскола в уйгурском движении и выработать единый план действия всех

общественных уйгурских организаций. Работа ОПС прежде всего была направлена на привлечение внимания мировой общественности к “уйгурской проблеме”. В политическом обращении “Объединимся за независимость нашей великой родины Уйгурстан”, принятом ОПС, подчеркивалось: “В современной международной обстановке считаем необходимым совместными усилиями вывести на международную арену проблему родины, а также, учитывая принципы демократии и прав человека, полностью поддерживаем борьбу за право на самоопределение наших соотечественников на исторической родине и считаем единственной целью этой борьбы создание независимого государства”. При этом, члены ОПС, придя к заключению, что “борьба за более широкую автономию или создание федерации не может быть стратегической целью нашей освободительной борьбы”, решили “поддержать борьбу наших соотечественников за независимость против колониальной политики Китая с учетом нынешней обстановки и в будущем в своей деятельности придерживаться этого направления”. Было определено и название будущего государства – “Уйгурстан”. При этом в обращении специально подчеркивалось, что “несоблюдение настоящих принципов в процессе создания независимого уйгурского государства будет рассматриваться как предательство” (см.: Приложение 14).

Рассматривая себя в качестве главного координационного центра деятельности всех уйгурских организаций, члены ОПС специально подчеркнули: “Мы считаем нецелесообразным и равносильным сепаратизму создание в государствах Центральной Азии новой политической организации”.

Нужно признать, что в деле консолидации деятельности эмигрантских уйгурских организаций ОПС удалось достичь определенных результатов. За период 1997-1999 гг. было организовано несколько пресс-конференций с участием иностранных журналистов, подготовлены петиции, письма и обращения в адрес глав государств Запада, России и Центральной Азии, где говорилось о нарушениях прав человека и гражданских свобод коренного населения СУАР. Члены ОПС неоднократно обращались в ООН с просьбой

оказать содействие национально-освободительной борьбе коренного населения СУАР против “китайских захватчиков”.

Итогом деятельности ОПС стало участие ее членов в разработке и обсуждении документов международного координирующего центра уйгурского движения, каковым в 1998 г. стал Национальный центр “Восточный Туркестан” (Турция), а с 1999 г. является Восточно-Туркестанский / Уйгурстанский/ национальный конгресс (Германия). Однако, и здесь не все так гладко, как хотелось бы, и разногласия между уйгурскими организациями, входящими в эти международные центры, по-видимому, сохраняются. Как, несмотря на строгое предупреждение ОПС, сохраняются разногласия и среди ассоциативных членов этого координирующего органа.

Причину этих разногласий предугадать нетрудно. Восточно-Туркестанский /Уйгурстанский/ национальный конгресс менее радикален, чем даже входящие в него организации, и ставит своей целью придание уйгурскому вопросу международного статуса по аналогии с тибетской проблемой. РООАУ и УАТ, признавая необходимость борьбы за создание независимого государства Уйгурстан, тем не менее, отрицают возможность вооруженной борьбы. С ОНРФВТ, как мы видели, ситуация обратная. Хотя нельзя не признать и того факта, что в последнее время наблюдается тенденция усиления радикальных настроений как среди членов РООАУ, так и УАТ, особенно среди молодежи. По сути, именно этим и объясняется раскол, который произошел в “умеренном крыле” уйгурского движения Казахстана, и повлек за собой возникновение новых организаций и переход части членов Общества культуры уйгуров Республики Казахстан под знамена ОПС.

25 мая 1998 г. в Алматы состоялась расширенная конференция Общества культуры уйгуров Республики Казахстан (ОКУ), на которой присутствовало около 200 человек, в основном представители из Алматы и Алматинской области (Талгарский, Уйгурский, Енбекши-Казахский, Жамбылский и Панфиловский районы), а также делегация из Шымкента.

Инициатором созыва внеочередной конференции выступила группа уйгурской интеллигенции во главе с президентом АО “Бэнт” Дильмуратом Кузиевым, которой было выдвинуто предложение о внесении корректив и поправок в Устав Общества и обсуждение отдельных организационных вопросов. Причина этой инициативы заключалась в том, что, по мнению членов инициативной группы, деятельность Фархада Хасанова – председателя ОКУ, не отвечала требованиям Устава, а его личные амбиции привели к тому, что из 24 членов бюро к моменту конференции в нем осталось лишь четыре человека.

Однако, вместо ожидаемого решения проблем, на конференции конфликт лишь обострился. Представителей инициативной группы “попросили” покинуть собрание, и дальнейшая работа проходила уже в их отсутствие. Причина этого заключалась в том, что делегатами конференции в большей своей части являлись либо представители УАТ, либо лица, с которыми этой организацией была проведена целенаправленная работа. Соответственно, при выборах нового состава бюро мнение инициативной группы учтено не было, и в его состав вошли далеко не лучшие представители уйгурского народа. Председателем ОКУ был вновь избран Фархад Хасанов.

Это и предопределило, как дальнейший характер деятельности этой организации, так и отношение к ней представителей уйгурской диаспоры Казахстана. Бюро ОКУ оказалось неработоспособным, и в нем происходит постоянная ротация. Из организации вышло много ее членов, включая представителей уйгурской интеллигенции и среднего бизнеса. И несмотря на то, что цели и задачи организации не изменились, фактически ее работа свелась на нет. На сегодняшний день данная организация не поддерживается ни большинством уйгурского населения республики, ни другими уйгурскими организациями, действующими на территории Казахстана.

Более того, насколько позволяет судить информация, полученная автором из беседы с Еркином Альптекиным, и он достаточно негативно оценивает перемены, произошедшие в

ОКУ, “отодвинувшие на второй план вопросы культурного развития уйгурского народа и значительно увеличившие количество вовлеченных в политическую деятельность уйгуров”. При этом он не без оснований опасается, что “если пойти на поводу радикально настроенных “национал-патриотов уйгурского движения”, то могут возникнуть нежелательные эксцессы, которые неминуемо приведут к усилению контроля со стороны органов власти, в том числе и правоохранительных в отношении всего уйгурского движения”. Насколько позволяют судить события 2000-2001 гг., эти опасения одного из лидеров мирового уйгурского движения оказались небеспочвенными.

Не добившись желаемого результата на конференции, Дильмурат Кузиев и его сторонники в качестве альтернативной ОКУ организации создали Ассоциацию уйгурских промышленников, предпринимателей и работников сельского хозяйства (АУП), зарегистрировав ее в Минюсте РК. В местах компактного проживания уйгуров – Панфиловском, Енбекши-Казахском, Уйгурском районах Алматинской области были образованы филиалы АУП. При АУП был создан специальный фонд, членами которого могут стать коллективы, заплатившие взносы в размере 500 тысяч тенге, а индивидуальные лица – по 50 тысяч тенге.

Однако, несмотря на активные пропагандистские мероприятия и благие намерения руководителей АУП, данная организация не нашла поддержки у уйгурского населения Республики Казахстан. Причина все та же – личные амбиции руководства организации. По свидетельству некоторых представителей уйгурской диаспоры, основная цель создания этой организации – желание Дильмурата Кузиева реализовать сугубо личные амбиции на лидерство в уйгурской диаспоре республики. Кстати говоря, по сути аналогичные цели преследуются и лидерами других уйгурских организаций.

Несмотря на то что Дильмурат Кузиев пользуется авторитетом среди представителей уйгурского этноса, в том числе и уйгурской интеллигенции, сама АУП не обладает значительной степенью влияния в уйгурской среде. Эйфория прошла, и сегодня для большинства уже понятно, что вся

деятельность этой организации сводится к удовлетворению личных амбиций Дильмурата Кузиева, а не к решению проблем уйгурского народа.

На волне интенсификации деятельности тюркской молодежи и возникновения в октябре 1995 г. в Мюнхене общественно-политической организации “Всемирный курултай уйгурской молодежи” активизировалось молодежное уйгурское движение и в Казахстане.

25 апреля 1999 г. состоялся учредительный съезд регионального общественного объединения “Союз уйгурской молодежи Казахстана”, получившего позднее регистрацию в Минюсте РК. Данное объединение, как и все возникшие после 1998 г., не ставит перед собой каких-то политических целей. Его деятельность, судя по уставным документам (см.: Приложение 15), ограничивается проблемами уйгурской молодежи. Хотя, с учетом особенностей менталитета современной молодежи и омоложения членов действующих в СУАР сепаратистских организаций, исключать возможность усиления радикальных тенденций среди членов этой организации было бы несколько наивно.

По существу, аналогичные тенденции в развитии “уйгурского движения” наблюдаются и в Киргизии. 17 декабря 1989 г. было создано республиканское общество уйгуров “Иттипак”, ставящее своей основной целью решение социально-экономических и культурных проблем уйгурской диаспоры Кыргызстана. Общество работает в тесном контакте с представителями власти, а его лидеры являются членами Ассамблеи народов Кыргызстана. Как подчеркнул первый председатель Совета общества уйгуров “Иттипак” Нурмухаммед Кенджиев в своем выступлении на первом Курултае народов Кыргызстана, “Мы, национально-культурные объединения, принесем большую пользу обществу, если будем стоять на позиции поддержки и сотрудничества с законно избранной народом властью”. Эта же позиция была подтверждена и на третьем Курултае народов Кыргызстана Розмухамедом Абдулбакиевым.

По своим идеологическим позициям, данное общество очень близко идеологии УАТ, о чем свидетельствуют как

заявления его руководителей,⁷⁷ так и руководства самой УАТ.⁷⁸ Демонстрация уйгурами недовольства по отношению к Китаю ограничена рамками семьи. В начале 90-х годов предпринимались попытки проводить митинги и пикеты перед китайским посольством в Бишкеке, но эти формы протеста были запрещены кыргызскими властями.⁷⁹

Кроме общества “Иттипак”, в Кыргызстане действует несколько автономных и не связанных друг с другом уйгурских организаций. На право единолично представлять интересы диаспоры претендуют Ассоциация уйгуров Кыргызстана, Бишкекская правозащитная организация “Демократия” и уйгурский информационный центр “Эрпан”. Причина очевидной раздробленности уйгурского движения кроется в конфликте интересов уйгурской интеллигенции и уйгурских предпринимателей. Интеллигенция обвиняет бизнесменов в том, что “они используют Общество только для того, чтобы делать деньги и забыли о главной цели уйгурской организации - борьбе за освобождение Уйгурстана”. Предприниматели же не хотят рисковать своим бизнесом ради опасной и заведомо неперспективной политики.⁸⁰

Серьезно сдерживает активность деятельности уйгурских организаций Киргизии и постоянный контроль со стороны спецслужб. Розмухамед Абдулбакиев откровенен: “Око спецслужб мы чувствуем постоянно. Я уверен, что даже в нашем Обществе за мной наблюдают несколько человек”.⁸¹

Однако, на мой взгляд, главная проблема, как и в Казахстане, заключается в личностных амбициях лидеров уйгурских организаций и в противоречиях, имеющих место в уйгурской среде. Потомки мигрантов первой волны, получившие образование в Советском Союзе, считают себя в большей степени гражданами тех государств, на территории которых они проживают. И хотя и среди них идея создания независимого уйгурского государства имеет сильное влияние, они реально смотрят на вещи и отдают себе отчет о возможных последствиях не только практической реализации этой идеи, но и воздействия ее пропаганды на двусторонние отношения государств Центральной Азии с Китаем.

Лица, составляющие большую часть членов “радикальных”, если таковыми можно их назвать, уйгурских организаций, представлены главным образом выходцами из КНР последних волн миграции. В своем большинстве эти люди не имеют достаточного уровня образования, и, по мнению самих уйгуров, “никак не могут составлять уйгурскую элиту”. Более того, это люди старших возрастов, и многим из них далеко за 60 лет. Люди, живущие иллюзиями и считающие, что “уйгурскую проблему” решить достаточно просто. Они еще верят в распад Китая и в помощь Запада в решении их проблем, и главный лейтмотив этой уверенности, кстати говоря, небеспочвенный, состоит в ставке на богатство природных ресурсов Синьцзяна, за счет которых можно договориться с Западом.

Такой подход не может не вызывать недоумения не только у “умеренной части” участников “уйгурского движения” и в уйгурской диаспоре, но и вообще с точки зрения логики национально-освободительного движения. Торговать Родиной, даже во имя благородной цели ее “освобождения от китайских колонизаторов”, это нечто.⁸²

Другой вопрос, что “уйгурское движение” на территории государств Центральной Азии существует, и отмахнуться от этого факта мы не можем. Как не можем игнорировать и мировую тенденцию политизации этнического фактора.

И хотя, в силу специфики деятельности большинства уйгурских организаций как в Центральной Азии, так и за ее пределами, я не склонен драматизировать события, тем не менее их деятельность не может не привлекать к себе внимания в силу ряда обстоятельств.

Во-первых, как уже говорилось выше, идея образования в пределах Синьцзяна независимого уйгурского государства (о форме его будущего государственного устройства пока речи не идет) прямо или косвенно одобряется уйгурским населением Центральной Азии, растет влияние “уйгурского движения” в Казахстане и Средней Азии, что вызывает достаточно серьезное беспокойство со стороны Пекина.

Во-вторых, в настоящее время отчетливо наблюдается

тенденция к консолидации усилий всех зарубежных уйгурских организаций, среди которых уйгурские организации Казахстана и Киргизии играют далеко не последнюю роль.

В-третьих, с провозглашением в начале 90-х годов уйгурскими организациями тактики террора эта форма деятельности все чаще становится характерной и для некоторых уйгурских организаций государств Центральной Азии. И если они не следуют этой тактике формально, то в своих документах поддерживают ее.

Все это при рассмотрении исследуемой нами проблемы и делает необходимым обращение к характеристике уйгурских организаций, действующих на территории государств Центральной Азии, и оценке степени их влияния на проблемы региональной и национальной безопасности с учетом особенностей их деятельности.

Не менее актуально в контексте деятельности уйгурских организаций звучит сегодня и вопрос об “уйгурофобии”, которая имеет место в Казахстане и Киргизии. Насколько все это связано с “уйгурским движением” вообще и деятельностью уйгурских организаций в частности? Как говорится, “в семье не без урода”, но, с нашей точки зрения, обвинять целый народ в приверженности к экстремизму не только неэтично, но и весьма недальновидно, с точки зрения национальной безопасности. Этой проблемы мы коснемся в заключительной части главы, а данный раздел закончим общей характеристикой уйгурских организаций, которые дислоцируются в государствах Центральной Азии. Это необходимо еще и потому, что и вокруг этой проблемы существует много мифов.

Республика Казахстан

Региональное общественное объединение “Ассоциация уйгуров” (РООАУ)

Создана 2 декабря 1995 г. на базе Межрегиональной ассоциации уйгуров, официально зарегистрирована в Минюсте Республики Казахстан 6 марта 1996 г.

Президент Координационного Совета – Хожамберди Кахарман, 1946 г. рождения, в прошлом подполковник

Советской Армии, в 1989-1992 гг. — научный сотрудник Института уйгуроведения НАН РК, с 1992 г. — бессменный руководитель Республиканского общества культуры уйгуров Казахстана и Межрегиональной ассоциации уйгуров.

Вице-президент — Махмут Ахметов.

Председатель Совета старейшин — Тохтосын Бейшанов.

Члены Координационного совета: Махмут Абдурахметов, Савутжан Маметкулов, Турсун и Мохамет Гароевы.

Заявленные в Уставе цели:

содействие созданию необходимых условий для сохранения и возрождения уйгурской культуры, языка, а также развития прогрессивных национальных традиций, обычаев, обрядов уйгурского народа

содействие гармонизации межнациональных отношений, идейной консолидации общества, взаимообогащению национальных культур

благотворительная и миротворческая деятельность.

Виды деятельности:

пропаганда истории и культуры уйгурского народа

организация и проведение мероприятий по возрождению и всестороннему развитию культуры, удовлетворению духовных, социальных и иных потребностей народа

взаимодействие в установленном законом порядке с государственными органами Республики Казахстан, с зарегистрированными общественными объединениями для содействия в решении проблем уйгурского населения

содействие в подготовке кадров из числа уйгурской молодежи, созданию классов, школ для обучения на уйгурском языке; возрождение и развитие национальных традиций, обычаев, обрядов, праздников, а также иных прогрессивных духовных ценностей

содействие в установленном порядке расширению и углублению дружбы, культурных, экономических, научных и иных связей уйгуров Казахстана с уйгурской диаспорой

содействие в установленном порядке охране, защите прав человека; проведение акций благотворительности, милосердия; осуществление миротворческой деятельности

организация (проведение) научно-практических конференций, конкурсов, выставок, фестивалей, лекций, симпозиумов и иных мероприятий в соответствии с уставными целями.

Организационную основу РООАУ образуют ее филиалы, создаваемые в установленном законом порядке в областях Казахстана (по территориальному признаку) по решению Координационного совета ассоциации. Филиалы не обладают правами юридического лица и не имеют имущества, обособленного от имущества ассоциации. В настоящее время филиалы РООАУ созданы во всех областях Республики Казахстан.

Высшим руководящим органом РООА является ее конференция, которая проводится не реже одного раза в три года. Внеочередная конференция созывается Координационным советом по собственной инициативе или по письменному требованию двух третей от общего числа членов РООА.

В период между конференциями руководящим органом РООА является Координационный совет, возглавляемый президентом. В состав Координационного Совета, кроме президента, входят вице-президент и пять членов Координационного совета. Заседания Координационного совета проводятся согласно плану его работы, но не реже одного раза в три месяца.

Контроль за финансовой деятельностью РООАУ осуществляет Ревизионная комиссия, избираемая на конференциях и возглавляемая председателем Ревизионной комиссии.

До начала 1997 г. Ассоциация уйгуров являлась практически единственной организацией, выполняющей функции культурного центра уйгурского народа, открыто не пропагандируя антикитайские лозунги, а ее реальная неполитизированность пользовалась поддержкой подавляющей части уйгурского населения республики.

В феврале 1997 г., как результат событий в Кульдже, произошло усиление радикального направления в деятельности

РООАУ и объединение по заявленным целям с УАТ и ОНРФВТ. Был создан единый координационный орган – Объединенный политический совет (ОПС), взявший на вооружение самые радикальные лозунги и методы деятельности, включая организацию и проведение террористических актов. Руководителем ОПС был избран Кахарман Хожамберди.

Объединенный Национальный Революционный Фронт Восточного Туркестана (ОНРФВТ)

Учрежден в 1984 г. сначала как Национальный революционный фронт Восточного Туркестана (НРФВТ), в 1991 г. переименован в Международный комитет “Восточный Туркестан” (МКВТ). Свое сегодняшнее наименование получил в 1993 г.

Председатель Фронта – Юсупбек Мухлиси, 1920 г. рождения, родился в Кашгаре, известный уйгурский писатель и историк, активный участник “революции трех округов”. В 1943 г. создал подпольную молодежную организацию “Козгалыш” (“Освободитель”). В 1944 г. организация была раскрыта, а ее руководители арестованы. Являлся членом НПКС СУАР КНР, академик Синьцзянского филиала АН КНР. В мае 1959 г. Мухлиси был обвинен в национализме и пантюркизме и помещен в лагерь трудового перевоспитания в Турфане. В декабре 1960 г. выехал на постоянное место жительства в СССР. До 1977 г. работал в Институте языкознания АН КазССР, в отделе уйгуроведения.

Члены бюро (1997 г.): Абдуразак-ходжи Турди, Нурахмет Касим, Бори Мухлиси, Хайдар Пазилов.

Печатный орган ОНРФ – издающаяся подпольно газета “Голос Восточного Туркестана” (на уйгурском и русском языках), редактор русского отдела газеты и фактический заместитель председателя Фронта Модан Мухлисов – сын Юсупбека Мухлиси. В 2001 г. арестован за разбойное нападение на машину инкассаторов банка “ТуранАлем”.

Центральная идея деятельности Фронта – воссоздание независимого уйгурского государства. В начале 90-х – лозунг о воссоздании Восточно-Туркестанской республики по образцу

существовавшей в 1944-1946 гг. В настоящее время – создание независимого демократического государства “Уйгурстан”.

Декларации ОНРФ, принятой на очередном съезде в мае 1993 г. записано, что он “признает вооруженную борьбу уйгурского народа против китайских захватчиков и считает ее методом борьбы, способным привести к освобождению народа и воссозданию уйгурского независимого государства”. Эта же мысль проводится и в более ранних документах Фронта. Более того, в первой политической программе НРФВТ подчеркивается, что “Национальный фронт освобождения Восточного Туркестана обязуется формировать из числа добровольцев вооруженные силы освобождения, включающие регулярные войска и партизанские части.

Фронт обязуется наряду с использованием вооруженной борьбы против агрессора, развивать и укреплять политические силы страны, способствовать разворачиванию политической борьбы, сочетать вооруженную борьбу с борьбой политической, использовать все имеющиеся возможности для политического решения вопроса достижения независимости, демократического развития страны по пути социального прогресса”.

Тактика деятельности до 1997 г. – преимущественно агитационно-пропагандистская деятельность и установление контактов с международными организациями. Для достижения своей главной цели – создание независимого уйгурского государства – в качестве первоочередных мероприятий предполагалось:

ликвидировать Синьцзян-Уйгурский автономный район, созданный китайскими шовинистами на территории Восточного Туркестана

отменить действие Конституции КНР на территории Восточного Туркестана и все другие антинациональные и антидемократические законы, введенные китайскими захватчиками и марионеточной администрацией СУАР

провести демократические выборы, основанные на принципах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, избрать национальное собрание – мажлис, являющийся работоспособным органом народного

представительства. Он разрабатывает демократическую конституцию — Основной закон республики

создать демократическое правительство национального согласия

установить равенство между различными национальностями. Все большие и малые народы должны иметь равные права. На основе прямого волеизъявления народа обеспечить возможность создания автономных образований всем компактно проживающим народам, создать механизм свободной реализации самоопределения всех народов

провозгласить и ввести широкие демократические свободы на основе положений и принципов, содержащихся во Всеобщей декларации прав человека.

Организационная структура Фронта четко не определена, а, скорее всего, отсутствует как таковая, и весь Фронт состоит из лиц почтенного возраста, как сам Юсупбек Мухлиси, и их родственников.

Несмотря на довольно продолжительную историю своего существования, ОНРФВТ до сегодняшнего дня не прошел процедуры регистрации в Министерстве юстиции Республики Казахстан (ему неоднократно отказывалось в регистрации) и рассматривается как нелегальная организация.

Несмотря на это, его активность выходит далеко за рамки Республики Казахстан. ОНРФВТ имеет тесные связи с наиболее радикальными уйгурскими организациями Турции, США, Германии. Сам Юсупбек Мухлиси предпринимает активные меры по закреплению и углублению контактов с лидерами зарубежных уйгурских автономистов Еркенем Альптекиным и Анварджаном Тараном (оба Германия), Абдукаримом Кажи (Саудовская Аравия), Гуламедином Пахта (Турция) и др., хотя с некоторыми из них у него имеются существенные разногласия по ряду тактических вопросов, прежде всего в вопросе использования методов вооруженной борьбы и тактики террора.

В феврале 1997 г. вошла в ОПС.

Организация освобождения Уйгуристана (УАТ)

Работа по созданию Организации освобождения Уйгурстана (УАТ) началась в начале 90-х годов, когда впервые были подготовлены проекты ее Устава, Политической программы и Воззвания. 20 июня 1992 г. состоялся учредительный съезд, на котором было провозглашено создание Уйгурской (Уйгурстанской) организации Свободы. Сегодняшнее название УАТ – Организации освобождения Уйгурстана было принято решением 4-го съезда в 1995 г.

Председателем Президиума ЦК был избран инициатор создания УАТ Ашир Вахиди (1922-1998 гг.) Ашир Вахиди являлся одним из активных деятелей “революции трех округов”, в 1948-1950 гг. работал в Ассоциации мира и защиты демократии в Синыцзяне, член КПК, являлся первым секретарем Союза молодежи Синыцзяна. В 1955 г., еще до компании “борьбы с местным национализмом”, выехал в СССР.

В настоящее время (с января 1998 г.) председателем ПК ЦК Организации освобождения Уйгуристана является 70-летний Саут Абдрахманов. Эмигрант из КНР 1982 г. Известный поэт, по некоторым данным, являлся активным членом Восточно-Туркестанской национальной революционной партии (ВТНРП) и около 20 лет находился в тюрьме.

Заместитель председателя Рахим Рузиев – уйгурский поэт, сторонник силовых методов борьбы против китайского присутствия в Синыцзяне.

Члены Постоянного Комитета ЦК: Абдукадыр Исрахим, Абдугапур Куткук, Нурмахамет Ислам, Аркин Алиев и Турсун Турди.

Основной целью УАТ является восстановление государственности, создание независимого, суверенного демократического, правового государства Уйгурстан. Для достижения своей цели УАТ использует политические средства борьбы. Кроме того, в качестве вспомогательных задач ставится:

духовное возрождение народов Уйгурстана, возрождение истории, культуры, обычаев и национальных традиций, как общечеловеческих достояний, с одновременным отрицанием

идей гегемонизма одной нации над другой и укреплением гражданского мира между людьми как главного условия развития и процветания общества

воспитание подрастающего поколения в духе патриотизма любви, преданности Родине и подготовка кадров

борьба против политики колониализма, экспансии, геноцида, и насильственной ассимиляции

борьба за всеобщую демилитаризацию международных отношений, за всеобъемлющее прекращение ядерных испытаний и уничтожения ядерного вооружения, за социальную и медицинскую реабилитацию людей, пострадавших от этих бедствий, за глобальную экологическую чистоту окружающей среды.

В документах УАТ подчеркивается, что она является политической организацией и выступает как самостоятельное юридическое лицо. До настоящего времени УАТ не имеет статуса юридического лица и официальной регистрации.

Организация имеет на местах первичные ячейки, которые создаются по месту работы, месту жительства и другим признакам, и местные комитеты, объединяющие их по территориальному принципу.

Высшим органом организации является ее съезд, созываемый не реже одного раза в три года. Исполнительным и координирующим органом между съездами является избираемый на съезде Центральный комитет. В уставе численность ЦК не оговаривается, однако в проекте устава называлась цифра 31 человек.

Повседневной работой руководит Постоянный комитет ЦК во главе с председателем. Число членов ПК ЦК в уставе не оговаривается.

Средства организации складываются из членских взносов и поступлений от ее производственно-хозяйственной деятельности. Организация не допускает в своем составе образование фракций и группировок.

Организация освобождения Уйгурстана имеет свой флаг, гимн, эмблему, билет и нагрудный знак.

Тактика деятельности организации до 1997 г. сводилась главным образом к агитации и пропаганде среди уйгурского

населения государств Центральной Азии; установлению контактов с подпольными уйгурскими организациями в СУАР и других государствах. В 1997 г. установлен тесный контакт с действующими на территории Республики Казахстан и Кыргызской Республики уйгурскими организациями, в том числе и радикального толка, с целью координации деятельности и организации совместных акций.

В феврале 1997 г. вошла в ОПС.

Общество культуры уйгуров Республики Казахстан (ОКУ)

Создано 2 декабря 1995 г. после раскола, наметившегося в МРАУ, и ее преобразования в РООАУ и Общество культуры уйгуров Республики Казахстан.

Председателем Общества культуры уйгуров Республики Казахстан избран Хасанов Фархад – 1938 года рождения, его сын Самир Хасанов являлся довольно удачливым казахстанским банкиром, возглавлял “Санур-банк” и “Проминвестбанк”, в 1999 г. выехал на постоянное место жительства в Канаду.

Общество культуры уйгуров Республики Казахстан по целям и задачам этой организации является прямым наследником Республиканского общества культуры уйгуров Казахстана, созданного в феврале 1990 г.

Основная цель этой организации – содействие решению экономических, социально-культурных, национальных проблем уйгурского народа.

Общество строится по территориально-производственному принципу. Его основу составляют первичные организации. Первичные организации создаются в отдельных населенных пунктах, селах, а также в тех учреждениях, организациях, предприятиях, где имеется достаточное количество людей, желающих вступить в общество.

Высшим органом общества является конференция, которая созывается не реже одного раза в два года. В период между конференциями деятельностью общества руководит Совет, избираемый конференцией. Решение Совета принимается простым большинством голосов.

Ассоциация уйгурских промышленников, предпринимателей и работников сельского хозяйства (АУП)

Создана в мае 1998 г., зарегистрирована в Минюсте Республики Казахстан.

Президент АУП – Дильмурат Кузиев, эмигрант из КНР, президент АО “Бэнт”.

Заместитель – А. Шардинов

Организация создана как альтернатива ОКУ и ставит своей целью проведение благотворительных акций, помощь крестьянским хозяйствам и начинающим бизнесменам, развитие уйгурской культуры и возрождение культурных традиций.

АУП строится по территориально-производственному принципу. Ее основу составляют первичные организации в регионах, где компактно проживают уйгуры. В настоящее время АУП имеет филиалы в Панфиловском, Енбекши-Казахском, Уйгурском районах Алматинской области.

Несмотря на усиленные пропагандистские мероприятия и благие намерения руководителей АУП, она не имеет поддержки уйгурского населения Республики Казахстан. Первостепенную роль в этом играют разногласия между руководителями ассоциации на почве личных амбиций.

Союз уйгурской молодежи Казахстана (СУМК)

Региональное общественное объединение, созданное 25 апреля 1999 г., зарегистрировано в Минюсте Республики Казахстан.

Председатель СУМК – Абдурашит Турдиев

Идейной основой СУМК является объединение молодежи на базе культурных ценностей уйгурского и других народов мира, на возрождение и развитие родного языка, участие их в строительстве демократического и правового государства, защиту политических и социальных прав членов СУМК.

В качестве своих основных целей СУМК ставит:

содействие в сохранении и возрождении культуры, прогрессивных национальных традиций уйгуров, в изучении уйгурского языка

содействие в удовлетворении национальных, культурных и духовных потребностей уйгурской молодежи, проживающих в Казахстане

установление взаимовыгодных контрактов с молодежными, государственными и общественными организациями как по Казахстану, так и за рубежом

вовлечение уйгурской молодежи в активную работу по укреплению межнационального согласия

просвещение и пропаганда культуры уйгурского народа
содействие в обучении уйгурской молодежи за рубежом, в сохранение контингента уйгурских классов при русских школах.

Высшим органом СУМК является конференция (собрание), созываемая не реже одного раза в 2 года. Решение конференции считается принятым, если за него проголосовали не менее 2/3 присутствующих. В период между конференциями руководство СУМК осуществляет председатель, его заместитель и Совет.

Фонд “Назгум”

Создан в 2000 г. Дильбирим Самсаковой.

Фонд был создан с вполне определенной целью – защита семьи осужденной за недоносительство жены одного из боевиков, погибших в результате их захвата в сентябре 2000 г.⁸³ Женщину звали Назугум.

В дальнейшем деятельность Фонда была несколько расширена, и он начал заниматься защитой прав человека среди представителей уйгурской национальности, главным образом женщин, а также вопросами семьи и брака.

После убийства в 2001 г. по не выясненным до настоящего времени обстоятельствам Дильбирим Самсаковой деятельность Фонда была свернута.

Кыргызская Республика

Общество уйгуров “Иттипак”

Создано 17 декабря 1989 г.

Председатель Совета – Абдулбакиев Розмухамед Ахметович.

Заместители:

Садыков Алымжан Турсунович, по организационно-массовой работе.

Шарипов Жумахун Шарипович, по идеологическим вопросам.

Общественные структуры при обществе “Иттипак”:

Айсаев Султан, председатель совета аксакалов.

Камбарова Гулаим, председатель женсовета.

Айсаев Касымжан, редактор общественно-политической газеты “Иттипак”.

Халимов Абдухалык, коммерческий директор газеты “Иттипак”.

Основными целями общества уйгуров “Иттипак” являются: возрождение языка, национальной культуры, обычаев и традиций уйгурского народа, удовлетворение разнообразных интересов и духовных запросов уйгуров КР, воспитание молодежи в национальных традициях

популяризация уйгурского народного творчества и искусства, национальных видов спорта, народной медицины и традиционно-национального уклада жизни

восстановление страниц истории уйгурского народа и способствование росту национального самосознания

налаживание широких связей с зарубежными уйгурами и их организациями, оказание помощи в поиске родственников

защита гражданских, политических, экономических, социальных, культурных прав и свобод уйгурского населения.

Организационное строение общества территориальное, в пределах Кыргызской Республики.

Высшим органом управления является конференция, созываемая не реже одного раза в два года. В промежутках между конференциями работой общества руководит Совет, пленум которого созывается не реже одного раза в квартал. Президиум Совета (исполнительный орган), созывается не реже 1 раза в месяц

Общество имеет классы факультативного изучения родного

языка, литературы и истории, ансамбль художественной самодеятельности, ежемесячно выпускается газета “Иттипак”.

Постоянно оказывается помощь детским домам и семьям малоимущих, бесплатные обеды для пенсионеров и помощь домам престарелых в день пожилых людей.

Проводятся смотры-конкурсы художественной самодеятельности, дни уйгурской культуры, литературные и концертные программы.

В марте 1994 г. организован выпуск первой в истории уйгуров Средней Азии газеты, выходящей одновременно на уйгурском и русском языках. С 1997 г. выходит независимая общественно-политическая газета “Виждан аваз”.

Представители “Иттипак” были в числе организаторов первого Всемирного форума уйгурской молодежи в г. Алматы (октябрь 1995 г.). Его делегации приняли активное участие в первом (ноябрь 1996 г., Мюнхен), втором (декабрь 1998 г., Анкара), третьем (2001 г., Таллинн) Всемирных курултаях уйгурской молодежи. Делегация общества из 6 человек принимала участие в первом Всемирном курултае уйгуров, прошедшем в Стамбуле в декабре 1992 г. Представители Общества “Иттипак” активно участвовали во всех крупных форумах уйгурской диаспоры, таких как курултай Национального центра (1998 г., Стамбул); Всемирный уйгурский национальный конгресс (1999 г., Мюнхен).

Правозащитная организация “Демократия” города Бишкек

Создана в конце 90-х годов Турсуном Исламом, который является его же председателем.

Ни о составе, ни о численности, ни о целях и задачах фонда ничего неизвестно. Однако, по заверениям Турсуна Ислама, организация принимает активное участие в деятельности некоторых международных уйгурских организаций, в частности Восточно-Туркестанского /Уйгурстанского/ национального конгресса.

Судя по названию, организация ставит своей целью защиту прав человека в уйгуров. Причем в весьма своеобразной форме. Так, по словам Турсуна Ислама, “Правоохранительными

органами Кыргызстана активно разыгрывается ‘уйгурская карта’. В тесном взаимодействии со спецслужбами Китая они пытаются приписать уйгурам ‘терроризм и религиозный экстремизм’. Через своих агентов-журналистов спец. службы организуют специальные публикации, сообщения в СМИ, якобы подтверждающие их версии”.⁸⁴

Уйгурский информационно-проектный центр по Центральной Азии

Создан в 1999 г. Создателем центра и его директором является Нурмухаммад Кенджи – первый председатель Совета общества уйгуров “Иттипак”.

Основная задача центра – сбор из различных источников информации об уйгурах и ее распространение в Центральной Азии.

Центром издается информационно-аналитический бюллетень “Тараккият” (“Развитие”), выпуск которого начат в 2001 г. Пока вышел один выпуск.

Республика Узбекистан

Культурный центр уйгуров Узбекистана

Создан в конце 80-х – начале 90-х годов. О работе центра, его структуре и руководстве информации нет, хотя представители уйгуров Узбекистана принимали участие в курултаях уйгуров Центральной Азии. Прежним руководителем центра являлся Иминджан Османов, обвиненный в 1998 г. в причастности к “ваххабизму”.

По информации, полученной от лидеров некоторых уйгурских организаций Казахстана, данная организация фактически не работает, а вся ее деятельность сводится к периодическому участию ее представителей во Всемирном курултае уйгуров, либо в поддержке некоторых акций, проводимых уйгурскими организациями Казахстана и Киргизии.

Республика Туркменистан

Культурный центр уйгуров

Создан в начале 90-х годов.

Председателем является Махамаджан Гаситов.

Центр базируется в городе Байрам-Али, где уйгуры проживают компактной группой.

О какой-либо деятельности центра информации нет.

Российская Федерация

В начале 90-х годов Шарипжаном Ахметовым была создана Уйгурская ассоциация России (другое название – Научно-культурная уйгурская ассоциация России). Единственное упоминание в прессе об этой организации имело место в связи организацией ею совместно с “сопредседателем Политсовета уйгурского движения освобождения Восточного Туркестана К. Ходжамбердиевым” в апреле 1997 г. пресс-конференции “Отношение России к событиям в Восточном Туркестане”.

В настоящее время эту организацию возглавляет Зафкат Садыков.

Уйгурское национально-культурное объединение

Создано в июле 2001 г. Объединение входит в состав Конференции национальных объединений России (КНОР).

Председатель – Ахмедов Шарип Шарипович, одновременно являющийся заместителем председателя КНОР (см.: Приложение 16).

Вопрос об «уйгурском вопросе»

Итак, к вопросу, которым закончился предыдущий раздел, откуда возникает “уйгурофобия” и что ее питает в Центральной Азии?

Чтобы ответить на него необходимо уяснить несколько его составляющих. Во-первых, каково отношение властей государств Центральной Азии к “уйгурской проблеме” вообще и деятельности, пусть и незаконной, на их территории уйгурских организаций. Во-вторых, каким

образом проявляется “уйгурская проблема” в государствах Центральной Азии и каково отношение к этим событиям других этнических групп населения. Наконец, как соотносятся стремление уйгурского народа к возрождению своей государственности в пределах СУАР КНР и деятельность экстремистских групп, в которой прямо или косвенно принимают участие представители уйгурского этноса.

Первый блок напрямую связан с отношениями государств Центральной Азии с Китаем и той специфической обстановкой, которая складывалась в них в 90-е годы. Исключая проблемы, связанные с заполнением возникшего в результате распада СССР геополитического вакуума в Центральной Азии и торгово-экономическими отношениями, о чем уже писалось,⁸⁵ обратимся к специфике взаимоотношений Китая с государствами региона.

Для китайской политики в постсоветском Центрально-Азиатском регионе первостепенное значение имела оценка социально-политической ситуации в новых государствах, которая, исключая Таджикистан, оценивалась как “относительно стабильная”. По мнению китайской стороны, этому способствовало то обстоятельство, что “несмотря на значительные изменения, произошедшие в политической структуре государств, переименование либо ликвидацию бывших коммунистических партий, реальная власть по-прежнему находится в руках реформаторов из числа руководства этих партий”.⁸⁶ Поэтому в качестве первоочередной задачи внешней политики китайского руководства, обеспечивающей в том числе и решение проблемы ограничения влияния на мусульманские регионы Китая исламских фундаменталистов и пантюркистов, ставилось: “всеми силами поддерживать существующую политическую власть в государствах Центральной Азии”, поскольку, по мнению китайских аналитиков, эта власть “также сохраняет настороженность по отношению к пантюркизму и фундаментализму, строго ограничивая сферы их влияния, особенно исламского фундаментализма”.⁸⁷

Такая постановка вопроса детерминировалась прежде всего необходимостью сохранения стабильности в преимущественно мусульманских районах КНР, которая, по мнению как центрального, так и регионального руководства, “находилась в прямой зависимости от ситуации в обретших независимость соседних мусульманских республиках”.⁸⁸

В течение 1992 г. с официальными визитами КНР посетили первые руководители этих государств, которые, с одной стороны, подписали пакеты документов о торгово-экономическом и научно-техническом сотрудничестве, а с другой — заверили китайское руководство в согласии с позицией КНР по наиболее болезненным для нее вопросам. Во-первых, что его опасения по поводу “возрождения исламского фундаментализма” на территории постсоветской Центральной Азии не имеют под собой серьезных оснований. Во-вторых, что “правительство КНР признается единственным законным правительством, и что Тайвань является неотъемлемой частью китайской территории”. Эти же принципы в дальнейшем закрепляются в декларациях об основе дружественных отношений между КНР и государствами Центральной Азии.⁸⁹

Посетивший в апреле 1994 г. центральноазиатские государства премьер Госсовета КНР Ли Пэн, выступая в Ташкенте, озвучил свое видение принципов двусторонних отношений между КНР и этими государствами. Не снимая с повестки дня изложенных выше положений, он подчеркивает, что отношения между Китаем и государствами Центральной Азии должны строиться на четырех основополагающих принципах: (1) неуклонно придерживаться добрососедства и мирного сосуществования; (2) развивать взаимовыгодное сотрудничество и способствовать общему процветанию; (3) уважать выбор народа каждой страны и не вмешиваться во внутренние дела; (4) уважать суверенитет и способствовать стабильности в регионе.⁹⁰

В этом же году обострившаяся внутривосточная ситуация в Синьцзяне и активизация деятельности “уйгурских сепаратистских организаций” поставили в

повестку дня отношений Китая с государствами Центральной Азии еще одну проблему – вопрос этнического сепаратизма. Китайская сторона, для которой эта проблема приобрела реальные очертания уже к началу 90-х годов, получила от руководителей центральноазиатских государств заверения в том, что они “выступают против всякого рода национального сепаратизма, не допускают на своей территории направленную против другой Стороны сепаратистскую деятельность любых организаций и сил”.⁹¹

Дальнейшее отношение властей к деятельности уйгурских организаций на территории этих государств определялось именно этой формулой. И хотя говорить о какого-либо рода “репрессиях” вряд ли было бы правомерно, тем не менее, деятельность уйгурских организаций и их лидеров всегда находилась в поле зрения соответствующих органов. И на то были свои основания, поскольку деятельность некоторых организаций и заявления лидеров этих организаций вносили дополнительные осложнения и в без того непростые отношения с Китаем и тем самым наносили прямой или косвенный ущерб интересам национальной безопасности.

В октябре 1995 г. Генеральная прокуратура Республики Казахстан по результатам проверки деятельности УАТ и ОНРФВТ и их печатных органов – газет “Уйгурстан” и “Голос Восточного Туркестана” признала их противоречащими действующему законодательству и предписала прекратить их выпуск. Председателю ОНРФВТ Юсупбеку Мухлиси и председателю УАТ Аширу Вахиди было вынесено официальное предостережение.

В Киргизии к “уйгурской проблеме” подошли еще радикальнее. В середине 90-х годов, когда в Центральной Азии во властных структурах заговорили о “религиозном экстремизме”, уйгуров просто обвинили к приверженности к “ваххабизму” со всеми вытекающими отсюда последствиями.⁹²

Однако, как мы видели выше, эти меры не привели к желаемому результату. Консолидация уйгурских организаций как внутри региона, так и с организациями уйгурской диаспоры за его пределами не только не прекратилась,

но, напротив, усилилась. И причина этого отнюдь не “послабления со стороны властей”, в чем китайская пресса нет-нет, да обвиняет руководство государств Центральной Азии. Причины в уже отмеченных выше общемировых тенденциях и усилении репрессивных мер в отношении экстремистских групп в самом Китае. Весьма показательны в этом отношении два обстоятельства, на которые необходимо обратить внимание. Во-первых, поддержка (в определенной части и с совершенно определенными целями) деятельности уйгурских организаций другими политическими движениями в Казахстане и Киргизии. Во-вторых, оценка “уйгурского движения” вообще и деятельности уйгурских организаций в частности так называемыми “экспертами” по “уйгурскому вопросу”.

В феврале 1999 г. из Казахстана были депортированы в Китай трое граждан КНР уйгурской национальности, которые в августе 1998 г. нелегально перешли казахстанско-китайскую границу и попросили у властей республики предоставления политического убежища. Свой поступок беженцы объяснили тем, что они подверглись политическим преследованиям со стороны китайских властей.⁹³

Данное событие вызвало протесты и обращения к властям Казахстана со стороны уйгурской общественности. Их также поддержали правозащитные организации Казахстана, считая факт депортации трех беженцев из КНР прямым нарушением прав человека и других международных норм.⁹⁴

При этом любопытен не только персональный состав “правозащитных” организаций и заявления их лидеров, но и текст принятого ими совместного заявления, в котором подписанты:

“1) потребовали от правительства Республики Казахстан предоставить политическое убежище гражданам Восточного Туркестана, вынужденным покинуть свою родину из-за преследований со стороны властей, а в случае же непрекращения этих преследований — приостановить все экономические и политические связи Казахстана с КНР;

2) призвали ООН создать комиссию для расследования

фактов нарушения прав человека в Восточном Туркестане; 3) призвали народ Казахстана не покупать товары китайского производства”.⁹⁵

Как это напоминает призывы некоторых зарубежных уйгурских организаций. Вот и получается, что казахстанские “правозащитники” льют воду на чужую мельницу, и их больше интересует не судьба трех молодых людей, а возможность лишней раз заявить о себе, помелькать на публике.

По-видимому, аналогичные цели преследуются и “экспертами” по “уйгурскому вопросу”, которые, не представляя сути “вопроса”, пытаются делать глубокомысленные заключения (см.: Приложение 17). Я сознательно привожу данный документ целиком, сохраняя его стилистику, чтобы читатель мог сам убедиться как в компетенции “экспертов”, так и интерпретаторов их оценок. Здесь же лишь обратим внимание на наиболее значимые, с нашей точки зрения, цифры, помня, конечно, об относительности любой статистики и корректности экспертных опросов.

Первое, что обращает на себя внимание, 68,6% опрошенных казахстанских экспертов считают, что антикитайские выступления уйгуров в Синьцзяне носят характер национально-освободительной борьбы против оккупационного режима; 31,4% квалифицирует их как проявления сепаратизма; 2% считают, что речь идет либо об экстремизме, либо о вооруженном терроризме.

Вторая любопытная оценка связана с тем, что 68,6% респондентов рассматривают ответные меры китайских властей как “политические репрессии”, а 49% — как “политическое давление на ЦАР, где укрываются лидеры и активисты запрещенных в Китае уйгурских организаций”.

Весьма показательна и еще одна оценка, связанная с ответом на вопрос о перспективах решения “уйгурского вопроса”. По мнению 30,5%, он может быть разрешен при “предоставлении широкой автономии СУАР”, “предоставлении больших прав и свобод уйгурам СУАР, прекращении политики унификации

уйгуров по китайскому образцу” – 22,0%, “признании со стороны Китая Восточно-Туркестанской (Уйгурстанской) республики” – 20,3%; “под нажимом международных организаций и сообществ” либо “заинтересованности в его решении влиятельных геополитических игроков” – соответственно по 11,9%.

О чем могут свидетельствовать эти цифры (при всей их относительности). С одной стороны, это, безусловно, свидетельство либо неверного подбора экспертов, либо непонимания последними не только сути вопроса, но и всей его угрозы в контексте интересов национальной безопасности Казахстана и Центрально-Азиатского региона в целом (корректность вопросов анкеты опускаю). С другой – показатель отсутствия у населения Казахстана элементов “уйгурофобии”. Более того, солидарность с уйгурами в их стремлении бороться за создание национального государства. Однако “уйгурофобия” все-таки наблюдается. Следовательно, возникает вопрос, что ее питает? И ответ на этот вопрос, на мой взгляд, лежит не в том, справедливо ли стремление уйгуров к самоопределению, а в том, как соотносить это стремление с практической деятельностью экстремистских групп, в которой прямо или косвенно принимают участие представители уйгурского этноса.

И если с первой частью вопроса, казалось бы, все ясно и в теории, и на практике, то ответ на вторую его часть не столь однозначен. Факты – упрямая вещь. И эти факты говорят о том, что акции некоторых экстремистских групп, в число которых входят и уйгуры, вкуче с заявлениями лидеров некоторых уйгурских организаций, либо одобряющих их, либо берущих ответственность за их проведение на себя, далеки не только от политической деятельности как таковой, но и от заявленных уйгурскими организациями целей.

При этом мы не будем касаться публикаций соответствующей направленности, пресс-конференций лидеров уйгурских организаций, митингов у посольств КНР в Киргизии или Казахстане, а также других форм выражения протеста против политики Китая в Синьцзяне. Речь пойдет не о столь безобидных вещах, а о фактах террора и бандитизма в

государствах Центральной Азии, совершенных с участием как представителей местной уйгурской диаспоры, так и заезжими “гастролерами” из Синьцзяна.

Все началось в конце 90-х годов, когда, как мы видели выше, произошла радикализация уйгурского движения.

В декабре 1997 г. подданный Саудовской Аравии, уйгур по национальности Мухаммадамин Туркистони вручил одному из лидеров узбекских исламских радикалов Тахиру Юлдашеву 260 тыс. долл. для закупки оружия. Половина его в соответствии с требованиями Туркистони была передана уйгурским сепаратистам КНР.⁹⁶

31 мая 1998 г. в результате взрыва в маршрутном такси в городе Ош два человека погибли и 12 получили ранения.

2 июня прогремел взрыв в жилом доме, в результате которого погибли два человека, в том числе находящаяся на 8-м месяце беременности женщина. В мае 2001 г. состоялся суд. Трое из осужденных, признанных международными террористами, – уйгуры, принадлежащие к экстремистской сепаратистской организации “Шарк-и-Туркестан”. Четвертый осужденный – турок, член международной экстремистской организации “Серые волки”, пятый – карачаевец, прошедший, как полагает следствие, подготовку в лагере боевиков под Сержень-Юртом в Чечне и командированный Хаттабом в Центральную Азию для распространения идей ваххабизма. Цель проведенных терактов – спровоцировать киргизско-узбекские столкновения и создать зоны нестабильности в приграничных с Китаем районах.⁹⁷

По мнению адвоката приговоренных Гюльнур Джаналовой, поддержанной руководителем правозащитной уйгурской организации города Бишкека “Демократия” Турсуном Исламом, “все обвинения бездоказательны и базируются лишь на предположениях”.⁹⁸ Возможно, что факт подтасовок имел место, особенно если учесть, что желающих разыграть “уйгурскую карту” не так уж и мало. Однако с этим можно было бы согласиться, если бы не дальнейшие события. А они заставляют верить в другое – “гастролеры” из Синьцзяна слишком вольно ведут себя в Киргизии.

На протяжении всего 2000 г. корреспонденты “Вечернего Бишкека” регулярно сообщали о преступлениях, совершенных в Киргизии боевиками, представляющими так называемую “Организацию освобождения уйгуров”.⁹⁹ Одной из первых жертв, павших под пулями убийц, стал лидер уйгурской диаспоры в Кыргызстане Нигмат Базаков.¹⁰⁰ Версий по данному убийству было много. Согласно принадлежащей самой уйгурской диаспоре Кыргызстана, Нигмат Базаков был ликвидирован китайскими спецслужбами. По версии правоохранительных органов, Базакова убили уйгурские сепаратисты из Синьцзяна, которых он отказался финансировать. Есть и третья, не политическая и более реальная версия: убийство уйгурского лидера – это следствие внутренних противоречий в уйгурской диаспоре Кыргызстана. Должность председателя уйгурского общества делала Базакова влиятельным конкурентом в сфере бизнеса среди своих собратьев-уйгуров.¹⁰¹ Как бы там ни было, но списали все в конечном итоге на заезжих “гастролеров”, и в этом была своя логика, поскольку кровавые подвиги последних убийством Нигмата Базакова далеко не ограничились.

Не менее жестоко расправились террористы с представителями китайских властей, которые прибыли в Бишкек из СУАР КНР, кстати говоря, все они были представителями уйгурской национальности. Им предстояло разобраться в причинах неоднократных поджогов на так называемом “китайском рынке” и фактах нарушений визового режима соотечественниками, временно живущими в Кыргызстане. Машину подстерegli у гостиницы “Достук” и в упор расстреляли из автомата. Один китайский чиновник был убит на месте, двое других получили тяжелые ранения.¹⁰²

Не прошло и месяца, как кровавый след проявился в Ошской области. Здесь бандиты захватили в заложники 46-летнего гражданина Китая Хайрулло Имина, за жизнь которого потребовали 150 тыс. долларов. Беднягу держали в подвале дома в Кара-Суу, где его обрядили в камуфляж, заставили изучать стрелковое оружие и дать клятву верности

террористической организации. Все это снималось на видеокамеру, и в случае невыплаты денег террористы грозили передать кассету с компроматом властям КНР. Запуганный до смерти бизнесмен был вынужден обратиться к своим родственникам и компаньонам, и те выплатили боевикам 100 тыс. долларов.¹⁰³

И можно было бы поверить в заверения адвокатов и правозащитников, что эти дела “сфабрикованы”, однако боевики из этой экстремистской организации были захвачены. Причем захвачены, что называется, в полной боевой готовности. Всего в руки сотрудников МВД Киргизии попали десять человек. У них были изъяты фальшивые паспорта граждан КНР, США, Турции, Узбекистана, Кыргызстана. Отобранного у боевиков оружия с лихвой хватило бы, чтобы снарядить отделение солдат: пистолеты, автоматы, пулемет, гранаты, ножи, суперсовременные средства связи.

Орудовали экстремисты, в зависимости от поставленных перед ними задач, на территории Китая, Узбекистана, Кыргызстана. Многие воевали в чеченских отрядах, в Таджикистане и Афганистане, проходили “стажировку” в международных лагерях террористов. На их счету не только перечисленные выше преступления, но и налет на пункт обмена валюты “Шах”, где от рук бандитов погиб один из сотрудников милиции.¹⁰⁴

Четверо из этих “гастролеров” отметились и в Казахстане, убив двоих полицейских. Кроме того, установлено, что на территории Казахстана члены данного движения похитили и зверски убили четверых своих бывших соратников. Их останки полиция обнаружила в марте 1999 г. в Карасайском районе Алматинской области. При задержании четверых боевиков, оказавших вооруженное сопротивление, все они были застрелены. Как заявили позднее следственные органы, убитые боевики являлись членами экстремистской части террористической организации “Уйгур озатлик ташлахты”.¹⁰⁵

Не менее показательным и довольно дерзким ограблением инкассаторской машины банка “ТуранАлем” в центре

Алматы 18 мая 2001 г. Главарем задержанной через несколько дней бандитской группировки признан Модан Мухлиси по кличке Басмач. На счету возглавляемой им группировки целая серия ограблений, в том числе ограбление АО “Калкаман” и пункта обмена валюты.¹⁰⁶

И хотя ни состав банды, ни ее вооружение, ни характер действий не дают веских оснований проследить “уйгурский след”,¹⁰⁷ сам тот факт, что возглавлял ее сын лидера ОНРФВТ Юсупбека Мухлиси говорит не в пользу политических целей “уйгурского движения”.

Не склонен я разделить точку зрения и некоторых официальных лиц,¹⁰⁸ и уж тем более фантазии некоторых публицистов. Так, по мнению одного из них, “По оперативным данным, определенная часть уйгурского населения Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана вовлекается в экстремистскую деятельность выходцами из СУАР КНР. Подпольные самоназванные эмиры в этих республиках нацеливают своих сторонников на джихад иноверцам, всеобщую исламизацию и создание государства Восточный Туркестан в рамках СУАР с насильственным отторжением территорий республик Центральной Азии”.¹⁰⁹ А вот ремарка известного специалиста по Центральной Азии, правозащитника Виталия Пономарева: “Я буквально около 10 дней назад встречался с уйгурскими лидерами в Бишкеке, и там ходила такая как бы непроверенная информация, в достоверности которой, однако, сами уйгурские лидеры были убеждены, что недавно, в апреле, было принято секретное решение китайских властей о ликвидации ряда уйгурских лидеров, находящихся за рубежом, и вот этот случай с этой женщиной (убийство Дильбирим Самсаковой. — К.С.) — это вот как раз из первых элементов реализации...”¹¹⁰

Однако еще меньше хотелось бы заниматься самоуспокоением. Проблема есть, и в ней нужно разбираться без особой спешки. С одной стороны, избегая нагнетания уйгурофобии, межэтнической напряженности, и уж тем более подозрений в том, что руководство государств Центральной Азии заинтересовано разыграть “уйгурскую карту”.¹¹¹ Ни то ни

другое, к решению проблемы не приблизит, а вот создать дополнительные очаги напряженности и конфликтов вполне способно. Тем более, что нельзя не признать того факта, что уйгурофобия нет-нет да и сознательно нагнетается правоприменительными органами, в том числе и с целью поставить в отчетах очередную “галочку”, либо просто “половить рыбку” в мутной воде.¹¹²

С другой стороны, необходимо видеть всю полноту угрозы так называемой “уйгурской проблемы”. И дело здесь, как мы видели, не столько в деятельности уйгурских организаций на территории Центральной Азии, в том числе и “экстремистского” толка. Проблема глубже, и заключается она в увеличении конфликтогенного потенциала в регионе, причем не только за счет “внутренних” ресурсов, но и благодаря деятельности заезжих “гастролеров”, обученных методике добывания средств в других “горячих точках” как на территории СНГ, так и в ближайшем его окружении. А это уже внушает серьезные опасения. Там, где культивируются условия для деятельности “человека с ружьем”, в том числе и за счет миграционных потоков, о борьбе с терроризмом и экстремизмом можно забыть, и события в Киргизии последних лет — наглядное тому подтверждение.

Этнический сепаратизм в Китае и проблемы безопасности Центральной Азии (Вместо заключения)

Книга закончена, и можно было бы смело поставить точку, поскольку внимательный читатель найдет в ней ответы на большинство интересующих его вопросов, но все-таки остается ощущение некоторой недосказанности, и именно оно требует подвести черту под написанным выше и попытаться очертить главные проблемы, ради понимания которых и писалась эта книга. Первая из них — на какой почве и при каких условиях возникает и развивается феномен этнического сепаратизма? Во-вторых, является ли этот феномен имманентным для всех полиэтнических государств? В-третьих, действительно ли в северо-западном Китае мы имеем дело с феноменом этнического сепаратизма, а если нет, то каким образом может быть охарактеризовано данное явление? И наконец главное, насколько реальную угрозу безопасности Центральной Азии содержат в себе происходящие в северо-западном Китае процессы?

Все это — далеко непростые вопросы, и именно попытка ответа на них потребовала написания столь объемной книги. Этнический фактор, и в особенности такое явление, как политизация этничности, — довольно тонкая материя, оценить которую без исследования вопросов истории, экономики, социологии, религии, культуры и политологии не представляется возможным. Особую актуальность такая постановка вопроса приобретает тогда, когда вокруг явления политизации этничности возникает масса мифов. Причем, мифы эти порождаются как этнической элитой, стремящейся обосновать “особую роль” представляемого ею, как ей кажется, этноса, так и противной стороной (как правило, в лице государства), пытающейся представить весь этнос, а

не отдельные экстремистские группировки (как правило, полиэтничные), как носителя “политического экстремизма”. Следствием мифов первого рода являются межэтнические конфликты, рост этнонационализма и, как апофеоз, этнический сепаратизм в его различных формах. Следствие мифов второго рода — различного рода “этнофобии” со всеми вытекающими из них последствиями для той или иной этнической группы. И то и другое представляет прямую угрозу не только национальной безопасности отдельного государства, но и угрозу безопасности государствам, составляющим его окружение, особенно если на их территории проживают этнические группы, зараженные вирусом этнического сепаратизма. Развенчанию этих мифов в контексте рассмотрения проблем северо-западного Китая и так называемого “уйгурского сепаратизма” и посвящена наша работа.

Но поскольку затрагиваемые в ней вопросы выходят далеко за рамки только Китая или уйгурского этноса, целесообразно остановиться на более общих идеологических мифах, связанных с феноменом политизации этничности, а следовательно — проблемой этнического сепаратизма. В основе этих мифов, как нам представляется, лежит неоднозначность подходов к таким базовым понятиям этнологии, как “нация” и “право наций на самоопределение”.

Любой межэтнический конфликт, из которого и произрастает этнический сепаратизм, всегда возникает на базе глубоко переживаемой и отчетливо осознаваемой ущемленности своего положения и достоинства, испытываемой той или иной этнической группой и побуждающей ее активные силы к устранению препятствий в этнокультурном развитии. Однако, по мнению большинства исследователей, “именно вопросы о власти, о стремлении элитных групп к обладанию ею, о связи власти с материальным вознаграждением в форме обеспечения доступа к ресурсам и привилегиям являются ключевыми для понимания причин роста этнического национализма и конфликтности”.¹ Деятельность этих элитных групп, апеллирующих, как правило, к историческим мифам и ущемленному национальному самосознанию, сводится к

укреплению в сознании испытывающей этнокультурный дискомфорт этнической группы мысли о возможности решения проблем этнокультурного развития лишь в условиях самоопределения.

“Нетрудно заметить, — пишет российский исследователь В. Шнилерман, — что в истории каждого народа есть ключевые моменты, с которыми он склонен прежде всего отождествлять себя и свою судьбу. Сопоставление таких моментов приводит к выводу, что в центре внимания народов находятся события, связанные, во-первых, с обретением родины, во-вторых, с формированием и расцветом собственной государственности, в-третьих, с великими завоеваниями и, наконец, в-четвертых, с ужасной катастрофой, прервавшей поступательное развитие данного народа. Почему особым образом выделяются именно эти моменты? Первый из них легитимизирует право данного народа на территорию, второй позволяет считаться политическим субъектом и дает право на образование государственности, третий и четвертый, несмотря на их полную противоположность, представляются сильными аргументами для того, чтобы занять достойное место в современном сообществе народов”.²

При этом каждая этническая группа интерпретирует прошлое, исходя из своих вполне конкретных сиюминутных этнополитических целей. Этот ярко выраженный примордиалистский подход включает следующие достаточно универсальные компоненты:

утверждение о необычайной древности (если не исконности) своей этнической культуры и языка в целом и на занимаемой ныне территории в особенности (миф об автохтонности)

стремление проецировать современные этнополитические границы как можно глубже в прошлое и, насколько это возможно, максимально расширять территорию древнего расселения своей этнической группы, что также имеет отношение к борьбе за землю (миф о прародине)

безусловную идентификацию своей этнической группы с вполне определенным языком, который был якобы присущ

ей изначально (миф о лингвистической преемственности); иначе говоря, если переход с одного языка на другой и допускается, то не для своего, а для иных этносов, так как этот факт как бы понижает статус этноса

убеждение в том, что территория своего этноса была областью формирования не только его самого, но и иных родственных или 'дочерних' этнических групп, которые позднее отселились на другие земли (миф об 'этнической семье'); тем самым свой этнос рассматривается по отношению к ним в качестве 'старшего брата', что, следовательно, позволяет ему претендовать на важные привилегии и делает эти претензии естественными и законными

стремление идентифицировать своих этнических предков с каким-либо народом, хорошо известным по древним письменным или фольклорным источникам (миф о славных предках)

претензии на исторический приоритет некоторых культурных (письменность) или политических (государственность) достижений своих предков по сравнению с предками соседних народов (миф о культуртрегерстве); всем националистам представляется важным подчеркивать, что их предки были создателями древнейших государств, ибо наличие древнего государства как бы легитимирует претензии на строительство своей государственности в наше время

преувеличение степени этнической консолидации в древности и сознательный недоучет роли родоплеменных делений и многокомпонентности формирующейся общности (миф об этнической однородности); тем самым свой народ как бы обретает вечную жизнь

нередко конструируется образ иноземного врага, борьба с которым цементирует этнос и ведет к высокой степени консолидации (миф о закланном враге)

иногда во имя единства государства или для усиления своей мощи, в частности демографическим путем, националисты причисляют к своей общности и иные этнические группы (миф об этническом единстве).³

Апелляцию к аналогичной мифологии мы наблюдаем и у придерживающихся концепции этнического сепаратизма представителей уйгурского этноса. Однако эта аргументация ложна в своей основе. Как мы видели, Центральная Азия представляла собой огромный этнический “плавильный котел”, в котором возникали и исчезали не только отдельные племена и протогосударственные образования, но целые народы и империи. При этом данный регион почти всегда оставался полиэтническим, а политические границы возникающих здесь в древности и средневековье государств не совпадали с этническими границами ареалов проживания населяющих его этносов. В пределах этого региона шло интенсивное взаимодействие между двумя культурами: кочевой и оседлой, которые не только взаимно дополняли, но и существенно изменяли друг друга. Политическое доминирование в регионе еще не означало доминирования этнического и культурного. Зачастую политически доминирующая этническая группа, смешиваясь с местным населением и воспринимая элементы новой культуры, утрачивала не только элементы традиционной культуры, но и свое самоназвание. Так это произошло и с уйгурами. Придя в регион носителями кочевой и буддийской культуры, они очень быстро превратились в оседлых земледельцев, а под воздействием укрепляющего свои позиции ислама — в мусульман. Более того, последующее политическое доминирование в регионе монголов и ойратов, а также его фактическая разделенность на обособленные и находящиеся в состоянии вражды города-оазисы заставила уйгуров забыть и собственное самоназвание. Отдельные части некогда единого народа называли себя по городам и местностям, где они жили: кашгарлык, турфанлык, хотанлык и т. д.⁴

Рассмотрение особенностей этногенеза в регионе Центральной Азии подтверждает и высказанный отечественными востоковедами тезис о том, что ханьцы в целом не играли сколько-нибудь серьезной роли в этногенезе населения Восточного Туркестана.⁵ После крушения империи Хань связи Китая с этой территорией прерываются или сводятся

к минимуму почти на полтысячелетия. И даже в период империи Тан, когда Китай предпринимал энергичные усилия по восстановлению утраченных позиций в Западном крае, говорить о его влиянии на этногенез населяющих его народов было бы неправомерно. Скорее, речь может идти о привнесении некоторых элементов китайской культуры в культуру Восточного Туркестана, но этим влияние и ограничивалось. Даже уйгуры, чье положение при императорском дворе было особым, восприняли довольно мало элементов традиционной китайской культуры.

Не подлежит сомнению, что уже в V в. х. э. в пределах территории современного Синьцзяна существовало государственное образование, этническую основу населения которого составляли протоуйгурские племена – государство Гаочэ (Гаогюй). После распада Уйгурского каганата и миграции уйгурских племен с берегов Орхона в юго-западном направлении в пределах Западного края почти одновременно возникло несколько государств, этническую основу населения которых составляли уйгуры. В силу особенностей этногенеза в этом регионе трудно однозначно сказать, каким было этническое наполнение термина “уйгур”, но то, что в этот период своей истории именно уйгуры доминировали в Западном крае – исторический факт. Однако, на наш взгляд, это обстоятельство никак не может служить историческим обоснованием принадлежности территории современного Синьцзяна именно уйгурам. По историческим меркам, период их доминирования был краток. И хотя в ряде регионов Западного края они сохраняли свою государственность довольно долго, эти государства находились в вассальной зависимости от более сильных соседей. Менялся и сам этнос, вбирая в себя не только новую культуру, но и новые этнические компоненты. Уже в конце I тысячелетия населяющие оазисы Восточного Туркестана уйгуры по всем этническим параметрам значительно отличались от своих прямых орхонских предков.

Территория Западного края была не только местом, где соприкасались оседлая и кочевая культуры, но и регионом,

на территории которого происходили постоянные войны. Во многом это объяснялось стратегическим положением края, через территорию которого проходил трансевразийский Великий Шелковый путь, связывающий торговые центры Китая и Центральной Азии не только с азиатскими странами и народами, но и с Европой. В не меньшей степени стратегическая значимость Западного края, во всяком случае для Китая, объяснялась и тем обстоятельством, что он представлял собой своеобразную буферную зону между Китаем и воинственными кочевниками, населяющими Среднюю Азию, и обладание им давало хоть какие-то гарантии безопасности Китая с западного направления. И если, как уже отмечалось, мы не можем говорить о полном доминировании Китая в Западном крае и его влиянии на этногенез населяющих его народов до начала цинской экспансии, то в равной степени было бы неверно утверждать, что китайское присутствие здесь вообще не имело места. Напротив, исторические факты свидетельствуют о том, что как только Китай усиливался, активизировались и попытки укрепления его прямого или косвенного присутствия в Западном крае. И то, что на территории края существовали независимые государства, говорит скорее не об их силе, а о слабости Китая в данный исторический момент.

Другой вопрос, что политика Китая в отношении Западного края и населяющих его народов была направлена не на включение их в состав империи, а на расширение контактов с ними и их постепенное вовлечение в лоно китайской культуры. Китайские императоры, даже когда их положение было достаточно устойчивым, вынуждены были считаться со своими мощными соседями-кочевниками, использование вражды между которыми и привлечение на сторону Китая в борьбе то с одними, то с другими и составляло основу политики доцинского Китая. Налицо были попытки обезопасить западные границы Поднебесной с помощью так называемых “шуго” – буферных, “подчиненных” государств и найти выходы далее на Запад через системы Великого Шелкового пути.⁶

Положение изменилось с утверждением в Китае маньчжурской династии Цин (1644–1911), внешняя политика которой коренным образом отличалась от политики предшествующих ей династий и была направлена не на приобщение инородцев к китайской культуре, а на захват новых территорий и полное подчинение населяющих их народов.

Вполне понятно, что насильственное внедрение чуждых этническому самосознанию коренных народов региона элементов китайской культуры не вело к их культурной ассимиляции. Достаточно развитое этническое самосознание постоянно их отвергало при первом же изменении политической ситуации в стране, и постоянные антицинские восстания в пределах Западного края – яркое подтверждение данного тезиса. Однако нельзя не обратить внимание и на то обстоятельство, что все эти восстания проходили под религиозными лозунгами газавата, а главной их целью было создание не этнического, а мусульманского государства, поскольку само понятие “этникос” в этом регионе было размыто. Более того, даже у китайцев отсутствовало качество гражданина (шиминь), они представляли собой так называемый клановый народ (цзуминь). Как подчеркивал один из пионеров исследования нации в Китае Лян Цичао, отсутствие у китайцев “идеи государства (гоцзя сысян)”, при наличии “местечкового мышления (цуньло сысян)”, объяснялось спецификой исторического развития Китая, народ которого (ханьцы) воспринимал свою страну скорее как Поднебесную, нежели как государство. Именно это обстоятельство, по его убеждению, имело прямое отношение к низкому уровню сплоченности ханьцев.⁷

Ситуация начала меняться только в конце XIX в. Во-первых, в Китае поднимается волна антиманьчжурских и антиимпериалистических выступлений, проходящих в контексте усиления национально-патриотических чувств ханьцев. Во-вторых, в Китай начинают проникать новые идеологические воззрения, а вместе с ними – новое понимание окружающей Китай Ойкумены и взаимоотношений с

соседними народами. Как подчеркивал Лян Цичао, “в мировом соперничестве наций (гоминь) государство, народ которого еще не стал нацией, не могло рассчитывать на успех в отражении агрессии держав, являющихся нациями. Чтобы отразить натиск нации-агрессора, противоборствующей стороне самой надлежало стать нацией”.⁸

Не меньшее влияние на рост самосознания как ханьцев, так и проживающих в пределах Китая других этнических групп оказали и доминирующие в конце XIX в. идеологические концепции. В интересующем нас плане таковой являлась концепция самоопределения и формирования национальных государств. Хотя и в теории, и в национальных законодательствах, и в международно-правовых документах право народов на самоопределение трактуется как право территориальных сообществ, а не этнических групп, тем не менее на практике в большинстве случаев приходится сталкиваться с требованием оформления государственности для отдельной этнокультурной общности.

О том, что в ближайшем будущем “право на самоопределение” будет трактоваться именно в таком контексте уже в 60-е годы XIX в. предупреждал лорд Актон.⁹ Более того, как подчеркивалось в опубликованной им в 1862 г. статье, “Соединение различных наций в одном государстве есть условие цивилизованной жизни столь же необходимое, как соединение людей в обществе. Низшие племена возвышаются, живя в политическом союзе с племенами более развитыми. Нации истощенные, ослабленные и угасающие обретают новые силы благодаря соприкосновению с более молодыми и полными жизненной энергии. Нации, утратившие способность к самоорганизации и управлению, вследствие ли подавляющего влияния деспотизма или разобщающего действия демократии, восстанавливаются и заново научаются утраченным навыкам, следуя строгим правилам более сильной и менее развращенной расы. Этот благотворный восстановительный процесс возможен лишь при условии жизни под одним правительством. Там, где политические и этнические границы совпадают, общества

перестают развиваться, и нации оказываются отброшенными назад, в состояние, напоминающее состояние человека, переставшего общаться с другими людьми”.¹⁰

Во многом этот прогноз оказался пророческим. То, что в течение конца прошлого столетия наблюдалось в Европе, на постсоветском пространстве и в других регионах мира, свидетельствует, что во всех случаях, когда возникает вопрос о “праве наций на самоопределение”, реализуется оно исключительно в виде самопровозглашенной сецессии.

Вторая характерная особенность нашего времени, существенно “облегчившая жизнь” современным националистам, заключается в том, что в политической и юридической литературе начался пересмотр доктрины самоопределения в пользу отказа от принципа территориальной целостности государств и признания самопровозглашенной сецессии. Именно в последние годы политическая философия сделала радикальный пересмотр понятия “нация” в пользу его этнокультурного смысла.¹¹ Это обстоятельство заложило своеобразную идеологическую платформу под деятельность современных националистов. Оно же явилось одной, и пожалуй, наиболее важной причиной распада СССР, а позднее и остальных государств, построенных на национально-территориальном принципе.

Как справедливо подчеркивал В. Тишков, “Либеральный Запад никогда бы не смог одержать победу над коммунизмом в столь драматичной форме, если бы на стороне первого не оказался столь мощный союзник как советское (более широко – восточноевропейское) понимание слова нация в ее этнокультурном значении. Именно это понимание направило траекторию горбачевской либерализации не только по пути демократизации и улучшения правления, но и по пути государственных реконфигураций и конфликтов. Объясняется это тем, что со словом нация тесно связано понятие государственности и самоопределения”.¹²

Третья особенность заключается в том, что идеологи этносепартизма, апеллируя к понятию “нация” и утверждая, что именно она является основой государственной, хозяйственной и

культурной жизни, фактически пытаются утвердить весь этнос в мысли, что без национального государства решение вопросов социально-экономического и культурного развития этноса невозможно. “Со стороны этнических групп формулируется требование, а затем и политическая программа, что государство есть атрибут и гарант сохранения групповой целостности, а значит, и то, что составляет государство (территория, институты власти и пр.), должно иметь национально-этнический характер”.¹³

Причем необходимо подчеркнуть, что тезис, выдвигаемый Римаренко Ю. и Степановым Э., верен лишь частично. Давно замечено, что субъектом территориальных притязаний практически никогда не выступает этническая группа в целом или даже ее численное большинство. Как правило, требования исходят от политических элит, национальных движений и партий, их лидеров, деятелей культуры и т. п. При этом их позиция может не только не иметь ничего общего с интересами народов, от имени которых они выступают, но и не пользоваться поддержкой в массах.¹⁴ Этой же точки зрения придерживается и В. Тишков, подчеркивающий, что массовая этническая истерия “создается активистами из среды самой группы или государственной властью”.¹⁵

Поскольку принцип этнической принадлежности не несет в себе никакой идеологической программы и не является политическим понятием, но тем не менее именно ему довольно часто приходится выполнять политические функции, возникает вопрос, при каких обстоятельствах он превращается в этнический сепаратизм. Как показывает практика изучения межэтнических конфликтов, это происходит при следующих условиях: (1) имеет место кризис легитимности власти, связанный с соперничеством элит, в результате чего создается базовая динамика для появления этнического конфликта; (2) наличествуют конфликты интересов национального характера, связанные с социальными, морально-этическими и культурными деформациями; (3) подготовлен довольно высокий уровень социальной коммуникации, в том числе образования и социально-экономических отношений; (4)

имеется базисный уровень, обеспечивающий вертикальную социальную мобильность в недоменантной этнической группе, то есть имеется группа образованных людей (лидеров общественного мнения), расценивающих ситуацию, в первую очередь дифференциальную инкорпорацию и/или национальную политику как несправедливую и в той или иной форме (в виде программ, лозунгов) ставящих цель устранения несправедливости.

И здесь на помощь идеологам этносепаратизма как раз и приходит понятие “нация” – “слово, наполненное смутным, но привлекательным содержанием”.¹⁶ Оно используется для специфических целей мобилизации и для утверждения своих внутригрупповых и внегрупповых статусов. Элита убеждает этническую группу, что она представляет собой “нацию”, а следовательно, “как и все нации, обязана обладать национальным государством”. При этом, думается, этническая элита отдает себе ясный отчет в том, что тем самым она порождает у этноса иллюзии, которые в перспективе не только невозможно, но которые она и не собирается реализовывать. Ее цель состоит в другом – добиться неограниченного контроля за ресурсами и источниками дохода: землей, торговлей, предпринимательством, рабочими местами в госаппарате, выборными должностями и т. д., вплоть до контроля над самим государством, то есть завоевание политической власти. И этническая элита лукавит, когда утверждает, что иноэтнические руководители “не могут разуместь интересов данного этноса”. Как показывает исторический опыт, гораздо чаще этнический фактор служит лидерам, а не лидеры – этнической общности.

Все это свидетельствует о том, что в современных условиях сам национальный фактор утрачивает прежнюю оболочку и все в большей степени приобретает качественно новые черты. В связи с этим, во-первых, не всегда справедливым представляется сведение имеющих место в полиэтнических государствах проблем исключительно к национальным, они имеют иную основу. Во-вторых, полиэтничный

характер государства отнюдь не является обязательным условием интенсификации этнического антагонизма, а лишь создает объективные предпосылки для него. В-третьих, сама эта интенсификация сопряжена с иными, нежели объективные социокультурные и этнопсихологические изменения в полинациональных государствах условиями и не может рассматриваться вне контекста анализа процесса формирования, развития и борьбы различных политических сил, претендующих на роль господствующих политических элит и озабоченных распределением сфер своего влияния в экономике и политике.

Но первый шаг, который должны сделать и политики, и прежде всего ученые, это перестать употреблять понятие “нация” в этнокультурном смысле. И в этом смысле я полностью солидарен с предложением В. Тишкова, по мнению которого, “нация — это политический лозунг и средство мобилизации, а вовсе не научная категория. Состоя почти из одних исключений, оговорок и противоречий, это понятие как таковое не имеет права на существование и должно быть исключено из языка науки. В этнокультурном смысле категориальность понятия ‘нация’ утратила в современном мире всякое значение и стала фактически синонимом этнической группы”.¹⁷

Именно благодаря тому, что китайские теоретики унаследовали советскую теоретическую модель нации и государственного строительства и, придав забвению высказанные Лян Цичао и Сунь Ятсеном идеи, объявили все населяющие КНР этнические группы “нациями”, они косвенно способствовали возникновению этнического сепаратизма в современном Китае. К сожалению, эта теоретическая традиция сохраняется и до сегодняшнего дня, хотя необходимо сказать, что интенсификация проблемы этнического сепаратизма заставляет китайских этнологов пересматривать свои позиции. Весьма характерна в этом отношении работа, посвященная собственно проблемам этнического сепаратизма. В ней авторы подчеркивают: “Фактически нация является уровневым понятием.

Например, китайская нация не находится на одном уровне с такими понятиями, как ‘ханьцы’, ‘дунгане’ и т. д.’.¹⁸ По мнению авторов, этносы различаются по их уровню развития, и не каждый этнос можно рассматривать в качестве нации.¹⁹ Более того, пожалуй, впервые в китайской литературе имеют место ссылки на тождественность понятий “нация” и “государство”, причем в контексте упоминания таких “этносоциальных общностей”, как “китайская нация”, “английская нация”, “американская нация”.²⁰ Этот подход весьма актуален, поскольку лишает этнический сепаратизм самой своей основы, как бы выводя этнос за рамки политики.

Нация — это прежде всего согражданство, социальное сообщество граждан, составляющих государство. И в этом смысле проявление элементов сепаратизма любым этносом, на каком бы уровне социально-экономического и культурного развития он ни находился, ведет только к одному — разрушению государства как единого социального организма.

Как показывает исторический опыт (в том числе и стремительно распавшегося на национальные государства СССР), ни региональный хозрасчет (в плане замены союзной командно-административной системы региональной), ни достижение относительно “отnivelированного” уровня развития населяющих многонациональные государственные образования этносов национальной проблемы не решают. Она продолжает существовать, сохраняя свое сущностное содержание, но приобретая иные формы. Местная бюрократия освобождается от опеки центральной, полностью сохраняя при этом свои позиции и командные рычаги. Более того, на смену интернациональной бюрократии приходит этнократия, которая, апеллируя к национальным интересам и национальному самосознанию, маскирует тем самым внутриэтнический социальный конфликт

И тем, кто все еще не избавился от иллюзий по поводу национального самоопределения, пора бы осознать, что снисходительное отношение к режимам, взращенным на почве сецессии в каком-либо государстве, становится сигналом

поощрения центробежных тенденций в вашем собственном. Этнический сепаратизм был и остается крайне радикальным, эгоцентрическим способом разрешения проблем, которые так или иначе возникают в многонациональных обществах, во взаимоотношениях этнического меньшинства с этническим большинством, отдельных территорий — с центральной властью (пусть действительно далеко не всегда справедливой и демократичной). Более того, как справедливо подчеркивают некоторые авторы, “Современный сепаратизм, особенно этнический, сотнями зримых и незримых нитей связан с терроризмом. У них одна ‘питательная’ основа — нестабильность, конфликты, непримиримое разделение мира на ‘мы’ и ‘они’. Сепаратистские проявления почти всегда сопровождаются усилением террористической активности наиболее агрессивных сторонников этнонезависимости”.²¹ Разумная альтернатива всему этому — взаимная ответственность народов за этнополитическую стабильность в регионе на основе конструктивного политического диалога, приоритета демократических принципов, ценностей, процедур.

* * *

Выше уже говорилось о мифологии, характерной для идеологов этносепартизма. Однако наряду с ней имеет место и мифология, официально тиражируемая государством и китайскими теоретиками.

Один из основных мифов связан с попытками представить понятие “китайская нация” (чжунхуа миньцзу) в виде “сложной нации”, включающей в себя различные этнические компоненты, сопричастные к истории Китая. И хотя при этом часть авторов рассматривает “китайскую нацию” как этническую, а часть как политическую общность,²² на наш взгляд, и то и другое не соответствует действительности.

По существу, не вызывает возражений то, что историческое развитие как самого Китая, так и населяющих его этнических групп, особенности их этногенеза и исторической судьбы, характера связей, роль ханьского этноса в истории страны и взаимоотношениях с другими народами создали

определенные условия для формирования метаэтноса (хотя, с учетом тенденции к усилению этнического фактора в современном мире и стремления большинства этнических групп к формированию самостоятельных этнонациональных государств, и они не являются абсолютными). Но рассматривать “китайскую нацию” в качестве метаэтноса, включающего в себя все проживающие на территории КНР этнические группы, на наш взгляд, несостоятельно. И уж тем более преждевременно рассматривать ее как “сложную нацию” в политическом смысле. Поскольку преждевременно говорить о достаточной степени социальной дифференциации (особенно внутриэтнической), о сопоставимости уровней социально-экономического и культурного развития ее разнородных этнических составляющих, сформированности единой гражданско-государственной общности, в которой узкоэтнические интересы отдельных этнических и социальных групп подчинены национальным интересам единого государства.

Процесс создания этих условий в полиэтнических государствах, где социально-экономические и культурные различия между этносами достаточно очевидны, требует продолжительного времени и целенаправленной политики со стороны государства. Если этого нет, то никакие призывы к “национальному единству” и “национальной консолидации” не в состоянии остановить естественного процесса этнического обособления, за которым почти всегда проглядывается тень этнического сепаратизма.

Второй миф связан с особенностями национально-государственного строительства в КНР и формирования кадрового корпуса органов самоуправления на местах.

В принципе, трудно не согласиться с точкой зрения китайских теоретиков о необходимости применения в качестве модели национально-государственного строительства концепции районно-национальной автономии. Вся история социально-экономического и культурно-политического развития как самого Китая, так и населяющих его отдельных этносов, подталкивали китайское руководство (не важно

к какому бы периоду истории Китая оно ни относилось) к необходимости сохранения государственного единства. Эти позиции оправдывались не только отсутствием четких национальных границ и моноэтнических территорий в Китае, но и низким стартовым уровнем развития всех населяющих их этносов, отсутствием у них той степени развитости общедемократического и общеправового сознания, которые превращают возможность национального самоопределения в действительность. В этих условиях только при сохранении унитарного государства и идеологии этатизма оказываемая центральным правительством поддержка и помощь отсталым районам и населяющим их этническим группам в социально-экономическом, политическом и культурном их развитии могла быть достаточно эффективной. Если бы Китай позволил им развиваться полностью самостоятельно и образовывать независимые государства, очень вероятно, что они объединились бы с соседями с другой стороны, либо попали под вассалитет третьих стран, что представляло бы серьезную угрозу национальной безопасности Китая. Именно приоритет национальной безопасности, которому в конечном итоге был подчинен и принцип “нивелировки” уровней социально-экономического и культурного развития отдельных этносов, подталкивал китайское руководство к принятию особой формы национально-государственного строительства. Вопрос о том, нравится это проживающим в приграничных районах людям или нет, имел уже второстепенное значение.

Нет сомнений и в том, что юридически и теоретически концепция “районно-национальной автономии” не ставит цели “колонизировать” национальные районы, либо “ассимилировать” неханьские народы КНР; она лишь призвана интегрировать населенные неханьскими этносами территории в общее русло преобразований, осуществляемых в общегосударственном масштабе, и постепенно достигая цели “выравнивания” уровней социально-экономического и культурного развития населяющих Китай этнических групп, не допустить распада страны по этническому признаку.

Другой вопрос, что и сама концепция, и практика ее реализации содержат серьезные упущения, которые прямо или косвенно способствуют интенсификации межэтнических противоречий и возникновению проблемы этнического сепаратизма. Организация национально-территориальных автономий, вне зависимости от того предоставлено осуществляющему автономии этносу право на самоопределение де-юре или нет, порождает проблему идентификации данной автономии как административно-политической организации коренной национальности либо территориально-политической организации регионального типа, в которой этнический аспект превалирует над региональными интересами. Это никак не способствует процессу формирования сообщества сограждан, а, наоборот, размежевывая этносы, препятствует ему.

Но наибольшую угрозу, на наш взгляд, представляет собой заложенный в основу концепции принцип “придания органам управления на местах национальной окраски”, на практике сводящийся к этнократизации аппарата власти. И вопрос не в том, что следование принципу “коренизации” аппарата власти существенно сужает “скамейку запасных” кадрового резерва и заслоняет собой подбор кадров по их деловым качествам. Проблема в том, что, во-первых, его применение объясняется, как правило, иллюзией представительства и реализации национальных интересов исключительно национальными кадрами, что порождает тенденцию этнократизма, следствием которой в условиях доминирования в государственных масштабах другой этнической группы является этнический сепаратизм как результат соперничества за одни и те же виды ресурсов и источники дохода.

Во-вторых, следование этому принципу ведет к нарушению не менее, а может быть, даже более значимого принципа плюрального общества — принципа инкорпорации,²³ то есть способа включения индивидов, социокультурных и этнических групп в структуру макрообщества, что на определенном этапе развития этноса и может стать

потенциальным источником возникновения межэтнического конфликта. Причем эта перспектива тем реальнее, чем выше уровень социально-экономического и культурного развития полиэтнического общества и составляющих его этнических групп, поскольку возникает вопрос о статусе и групповых правах меньшинств.

Кроме того, само применение этого принципа, за исключением, да и то не всегда, решения локальной задачи “умасливания” местной бюрократии, имеет ограниченную ценность, поскольку правящая группа, независимо от этнической принадлежности входящих в нее индивидов, представляет собой “корпорацию”, спаянную узами родства и патроната, в равной степени закрытую и неподотчетную остальному населению. Прохождение по ступеням иерархической пирамиды кадрового корпуса, живущего по своим правилам и своими интересами, в скором времени лишает даже наиболее радикальных его представителей их радикализма, превращая в “винтики” сложного государственного механизма, дальнейшая приемлемость которых определяется исходя из принципа лояльности Системе.

При всей значимости процесса наполнения органов самоуправления автономий представителями различных неханьских этнических групп, прежде всего — осуществляющего автономию этноса, он не дает значимых результатов. Структурный анализ кадрового корпуса СУАР показывает, что, несмотря на значительное число представителей неханьских этнических групп в его составе (от 50% до 70%), они не контролируют ключевые посты ни в экономике, ни в политике, ни в науке и технике. И совсем не потому, что “их туда не допускают”, а по причине своей более низкой квалификации. И в этой ситуации единственный доступный им способ скрыть непрофессионализм и одновременно продемонстрировать свою общественно-политическую значимость — обращение к уязвленному этническому самосознанию “представляемого” ими этноса. И на это обращается внимание в китайских

источниках. Как подчеркивают синьцзянские авторы, в настоящее время в кадровом корпусе Синьцзяна, среди “незначительной части” кадровых работников из числа национальных меньшинств “развиты националистические настроения, в национальном вопросе они усиленно подчеркивают ‘право на самоопределение’, односторонне делают упор на национальных интересах, на правах человека, что усложняет национальные отношения. Эти люди объективно превратились в защитный зонтик для этнических сепаратистов”.²⁴ Правда же заключается в том, что местная бюрократия, получив часть, стремится к получению большего, претендуя на “чужой огород”. Причем все это делается под благовидным предлогом обеспечения специфических национальных интересов. В этих условиях и возникают межэтнические конфликты, которые “отражают прежде всего стремление определенных этнических элит изменить в интересах этноса существующую или формирующуюся этническую стратификацию как одну из разновидностей социального неравенства”.²⁵

Мы видели, что на протяжении всей истории Синьцзяна шла интенсивная борьба между местными элитами и центральной властью. Однако, как нам представляется, существо этой борьбы, за исключением случаев, когда здесь возникали не зависящие от центральных властей Китая государства, заключалось не в том, что более отвечает интересам развития региона: его функционирование в виде автономного образования или в качестве самоопределившейся территории в рамках унитарного государства по образцу советских республик Средней Азии. Ее суть заключалась в том местная (национальная), или централизованная (интернациональная) бюрократия будет решать судьбу народов и править от их имени в приграничных районах. Именно поэтому содержание этой борьбы представляется интересным только с точки зрения истории. С позиций политологии оно несущественно, поскольку и та и другая бюрократия ставила своей главной целью сохранение собственного привилегированного положения в обществе и

проведение такого рода мероприятий, которые гарантировали достижение этой цели, что предусматривало прежде всего сохранение ситуации, при которой отсутствует экономически и политически независимый от чиновного аппарата гражданин. Мало чем ситуация изменилась и в настоящее время, истинная суть всех выступлений “этнических сепаратистов” в Синьцзяне остается той же самой.

И в этом контексте небезынтересным, думается, будет еще одно замечание, связанное с пороками концепции районно-национальной автономии и доминированием в ней принципа “коренизации” кадрового корпуса органов местного самоуправления. Подчинение функциональной стороны национально-государственного строительства его структурной стороне, а национальных (как в общегосударственном, так и узко этническом смысле) интересов — интересам административной системы с ее неотъемлемой частью — бюрократическим воинством лишает смысла саму идею автономии, подменяя принцип местного самоуправления государственным управлением на местах. В этих условиях ни национальная государственность, ни федерализация страны по этническому или какому бы то ни было иному признаку ничего не может дать рядовому гражданину, ибо каждый из национальных (региональных) отрядов граждан неминуемо подпадает под власть не менее антинародных местных властей, живущих по законам Системы. “Неспособность принять участие в решении общегосударственных дел в качестве равноправных партнеров (обусловленная малочисленностью, а в большинстве случаев также отсталостью и неорганизованностью) определяет и важнейшую политическую цель лидерства этнических меньшинств — власть в пределах собственного этноареала”.²⁶ На практике это ведет к умножению национального элемента, изоляции этносов, обострению межнациональных противоречий в регионах и усилению сепаратистских и/или иридентистских тенденций в них.

И еще на одну деталь необходимо обратить внимание. В общетеоретическом и общечеловеческом плане вопрос о “праве

на самоопределение”, казалось бы, ясен — любой этнос имеет право на самостоятельное развитие и суверенное определение формы своего государственного существования. Однако сами эти формы обуславливаются уровнем исторического развития этноса, спецификой его формирования и расселения, национальными традициями, характером связей с соседними этносами, внешними условиями развития, и наконец, политической обстановкой. Совокупность всех этих элементов и определяет условия, дающие основание говорить о возможности и целесообразности воплощения принципа национального самоопределения той или иной этнической группой де-юре и де-факто.

И здесь важны не столько конституционные нормы закрепления этого права, создающие де-юре возможность его применения (хотя это и не последний фактор), а наличие или создание в процессе развития этноса в рамках иных форм государственности необходимых материальных, социальных, культурных, политических предпосылок для его осуществления фактически; то есть достижение этносом соответствующего уровня социально-экономического развития, общедемократического и общеправового сознания, без чего национальное самоопределение превращается в фикцию.

Более того, даже при наличии указанных выше условий, самоопределение малых народов и национальных меньшинств, особенно если они не составляют большинства на сколь-нибудь значимой компактной территории, так же как и создание ими отдельных автономных национально-территориальных образований в рамках федеративного государства, подчас нецелесообразны, поскольку усложняют и удорожают всю систему социального управления и ложатся бременем на данные этнические группы, обычно обладающие небольшими экономическими возможностями.²⁷ Пропаганда этнического сепаратизма в этих условиях не только ведет к резкому ухудшению жизни граждан данного региона, но и к обострению межэтнических отношений в нем, объективно способствуя укреплению антидемократических начал в общественной жизни и усилению разрыва в системе граждан — власть.

Все это говорит о том, что решение национальной проблемы и эффективного национально-государственного строительства, как составной ее части, лежит не столько в легитимном закреплении полномочий и положения местной и централизованной бюрократии, а также социально-экономических и культурных условиях существования отдельных этносов (хотя это и не последние факторы), сколько в иных сферах, охватывающих проблемы формирования полноправного гражданина и гражданского общества, в котором интересы и гражданские права отдельной личности, общечеловеческие ценности превалируют над узконационалистическими и псевдогосударственными (чиновно-бюрократическими) интересами.

К сожалению, пока говорить о такого рода качественных изменениях в КНР преждевременно (хотя условия для них создаются, и весьма эффективно), поэтому проблема этнического сепаратизма в Китае сохранится еще долгое время. И как представляется, в ней на сегодня главный вопрос заключается в двух плоскостях. Для центра, — в эффективности использования имеющейся базы в целях сохранения территориальной целостности государства и создании соответствующих социально-экономических, культурных и идеологических условий, ограничивающих социальную и идейную базу этнического сепаратизма. Для представителей сепаратистских организаций и шире — для претендующего на независимость этноса — в его потенциальных возможностях самостоятельного и эффективного управления ею в случае обретения независимости. Как показывают материалы исследования, на сегодняшний день даже у уйгурского этноса такие возможности отсутствуют. И именно это обстоятельство не дает оснований однозначно характеризовать происходящие в настоящее время столкновения между “разрозненными группами сепаратистов” и властями как проявления этнического сепаратизма. Об этом же говорит и отсутствие у “этнических сепаратистов” сколь-нибудь цельной идеологической программы. Скорее, речь можно вести, с

одной стороны, об активном использовании “уйгурского вопроса” внутренними и особенно внешними силами, заинтересованными в развале Китая, а с другой – об элементарной террористической деятельности, в которой принимают участие в том числе и представители уйгурского этноса.

Вне всякого сомнения негативное отношение к тем или иным аспектам политики, проводимой центральным китайским руководством в Синьцзяне, имеет место. Как имеет место и недовольство политикой, осуществляемой местными властями. И было бы странным, если бы этническая элита не использовала эти настроения в свою пользу. Тем более что основания для этого у нее есть. Среди уйгуров Синьцзяна этнические мифы пользуются большой популярностью, и вполне естественно, что они оказывают влияние на формирование этнического самосознания, порождая настроения и ожидания совершенно определенного рода. И когда эти ожидания вступают в противоречие с реальностью (в том числе и объективного свойства), то победу одерживают этнические мифы, формируя своеобразную идеологическую основу для проявлений этнического сепаратизма.

Более того, для актуализации проблемы этнического неравенства имеют место и сугубо экономические основания. В условиях развернувшейся с конца 80-х годов кампании за разграничение полномочий между партийными и административными органами, между административными органами управления и промышленными предприятиями и т. д. разрыв в системе управления дополнился проведением этнических разграничений и “этнической конкуренцией” между кадровыми работниками-ханьцами и кадровыми работниками из числа национальных меньшинств. Этому процессу способствовало и расширение рыночных отношений в КНР. Экономическая либерализация и ограничение полномочий центра открывали возможность “быстрого обогащения” за счет перераспределения в свою пользу созданного предшествующими поколениями “общественного пирога” и относительно бесконтрольного

использования формально находящихся в общественной собственности, но фактически управляемых местными чиновниками богатейших природных ресурсов районов проживания национальных меньшинств. На фоне отмеченной выше тенденции достижения этническими элитами политической власти в пределах собственного этноареала это и являлось не только причиной обострения противоречий между центральной и местной бюрократией, но и основой регионализма, порой принимающего форму этнического сепаратизма.

И самый большой вопрос, затрагивающий не только перспективы Китая, но и основы геополитической стабильности в Центрально-Азиатском регионе и во всем мире, заключается в том сможет ли Пекин сохранять контроль над национальными территориями и не ждет ли его печальная судьба Советского Союза. Безусловно, в этническом отношении Китай гораздо более однороден, чем бывшая советская империя. Более 90% населения Китая – это ханьцы. Но хотя они и составляют подавляющую часть населения, большие куски китайской территории населены народами, у которых правление ханьцев вызывает раздражение. Синьцзян в этом смысле не одинок, аналогичные процессы, правда пока в меньших масштабах, наблюдаются и в других национальных районах КНР. И хотя я склонен рассматривать перспективу этнического распада Китая пессимистически, усиление центробежных тенденций в современном Китае имеет место. Все большая часть регионов заявляют о необходимости предоставления им большей экономической и политической самостоятельности, требуя от центра “поделиться своими правами и ресурсами”. При активной поддержке этой тенденции внешними силами и ускорении процесса политической либерализации в КНР обстановка может измениться коренным образом со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Вне всякого сомнения, центральное руководство Китая, учитывая стратегическую значимость национальных районов и их привлекательность в ресурсном, коммуникационном и военно-стратегическом отношениях, примет все меры для

пресечения сепаратистской деятельности и сохранения их в составе КНР. Но следствием жестких мер будут потоки крови и еще большая ненависть к режиму. Очевидно, что в планы китайского руководства такая перспектива не вписывается, как не вписывается в эти планы и перспектива существования Китая в виде федеративного государства.

Учитывая же китайскую реальность, можно утверждать, что прочность КНР как “единого многонационального” унитарного государства зависит, во-первых, от степени централизации управления и проводимой федеральным руководством политики, в том числе и в сфере регламентации межэтнических отношений. Во-вторых, от отводимых в системе национальной автономии и концепции национально-государственного строительства роли и места федерально консолидирующему этносу (ханьцам) и постановки этих вопросов в государственной идеологии. В-третьих, от менталитета и политической культуры, степени социально-экономического развития самого консолидирующего этноса, его этнопсихологических характеристик. Наконец, от степени опережения политических преобразований преобразованиями экономическими, имеющими целью формирование экономически независимого гражданина и на этой основе — гражданского общества, как условия решения социальных вопросов на демократической основе. Если же китайское руководство пойдет по иному пути, то его с достаточно высокой степенью вероятности может ожидать печальная судьба Советского Союза.

* * *

По вполне понятным причинам особое место в работе занимает так называемый “уйгурский вопрос”. Во-первых, этот интерес объясняется тем, что когда в работах китайских авторов в контексте Синьцзяна упоминается термин “этнический сепаратизм” или идет речь о поддержке “этнических сепаратистов зарубежными организациями”, главным образом имеются в виду этнические уйгуры (см. Приложение 18). Во-вторых, именно вокруг “уйгурского вопроса” сегодня витает наибольшее количество мифов, касающихся как

небывалой активности уйгурских организаций в самом Синьцзяне и за его пределами, прежде всего на территории Центральной Азии, так и использования “уйгурской карты” в “Большой геополитической игре” в Центральной Азии. В-третьих, именно “уйгурский вопрос” активно используется как “демократической общественностью”, так и властями государств Центрально-Азиатского региона. Для первых он служит наиболее весомым “доказательством” факта нарушений прав человека в Синьцзяне и авторитарной природы политических режимов Центральной Азии, поддерживающих тесные контакты с КНР. Для вторых – в качестве жупела, на который можно списать собственные промахи в социально-экономической политике и просчеты в вопросах обеспечения национальной безопасности. Наконец, не менее актуально звучит вопрос об “уйгурофобии”, имеющей сегодня место в Казахстане и Киргизии и напрямую связанной с “уйгурским вопросом”. Как говорится, “в семье не без урода”, но, с нашей точки зрения, обвинять целый народ в приверженности к экстремизму не только неэтично, но и совершенно неверно, но что наиболее значимо – весьма недальновидно с точки зрения национальной безопасности.

Для начала, по-видимому, целесообразно отделить мифы от реальности, и определиться с тем, что неоспоримо. А неоспорим факт появления на рубеже конца 80-х – начала 90-х годов значительного числа зарубежных уйгурских организаций и учащения выступлений национальных меньшинств в Синьцзяне. И здесь возникает вполне закономерный вопрос о том, что произошло в мире в этот период, и почему эти процессы оказали столь сильное воздействие на активизацию деятельности зарубежных уйгурских организаций и усиление степени ее влияния на социально-политическую ситуацию в СУАР КНР и проблему региональной безопасности в Центральной Азии?

Во-первых, как уже отмечалось выше, в странах Запада и США изменились подходы к проблеме самоопределения этнических меньшинств в полинациональных государствах, и даже стало наблюдаться попустительство этническим сепаратистам. Эта

тенденция получила практическое воплощение после распада СССР и мировой социалистической системы. Именно конец 80-х – начало 90-х годов дали миру массу этнонациональных движений, “национальных фронтов” и этнокультурных объединений, прямо или косвенно поддерживаемых не только международными организациями по защите демократии и прав человека, но и правительствами некоторых стран Запада.

Во-вторых, распад СССР привел к образованию в постсоветской Центральной Азии новых независимых государств, государственное строительство в которых, во всяком случае на первом этапе, осуществлялось преимущественно на этнонациональной основе. И их пример не мог не оказать своего воздействия на этносы, не имеющие своей государственности. Более того, возникновение этнонациональных конфликтов в Европе и в ряде регионов бывшего СССР, продемонстрировав фактическую ненаказуемость этнического сепаратизма, косвенно стимулировало активизацию этносепаратистских тенденций в других регионах мира.

В-третьих, нельзя не обратить внимания и на тот факт, что в самом Китае, как следствие проводимой политики экономической либерализации и некоторых послаблений в политической сфере, со второй половины 80-х годов стали проявляться тенденции не только политизации китайского социума, но и регионального сепаратизма. Отчетливо выявилось противоречие между органами центральной власти и местного самоуправления. С середины 80-х годов основным вопросом, обсуждаемым как в теоретических разработках, так и на политическом уровне, является проблема “ограничения самовластия центральных органов” и “укрепления позиций местной бюрократии”.²⁸

Вполне естественно, что на фоне этих процессов возникли группы, главным образом из числа молодежи, достаточно радикально настроенные и выступающие за немедленное проведение политических преобразований. Поскольку дальнейшая либерализация в политической сфере грозила основам самой государственности, реакция властей была закономерной: студенческое движение было жестко

подавлено, осуществлена очередная “чистка” кадрового корпуса, а в районах проживания национальных меньшинств усилены полицейско-административные меры. В результате предпринятых мер часть так называемых “диссидентов” оказалась в тюрьмах и лагерях трудового перевоспитания, а часть, покинув страну, пополнили зарубежную оппозицию коммунистическому режиму в Китае.

Наконец, существенное влияние оказал и геополитический фактор. В начале 90-х годов это выражалось в попытках Турции и Ирана расширить зону влияния идей пантюркизма и панисламизма за счет включения в нее новых независимых государств Центральной Азии. После провала этих попыток,²⁹ им на смену пришло усиление позиций США в Центральной Азии, а вместе с ним – доминирование идей либеральной демократии среди значительной части населения государств Центральной Азии, в том числе и уйгуров, с одной стороны, а с другой – собственно геополитические интересы США в регионе. Что касается последних, то для США чрезвычайно важно принять меры для сдерживания Китая, которому многие аналитики предрекают вхождение в число мировых лидеров XXI в. Контроль над Центральной Азией позволяет США обеспечить свое присутствие у западных границ Китая, где находится критически важный для него регион – Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР. И думается, что для решения этой стратегической задачи использовался и так называемый “уйгурский вопрос”. Во всяком случае, если в начале – середине 90-х годов речь могла идти о разрозненной и во многом несогласованной деятельности уйгурских организаций, дислоцирующихся в государствах Центральной Азии и Турции, то вторая половина 90-х существенно меняет ситуацию в зарубежной уйгурской диаспоре, и на первый план выходят организации, имеющие штаб-квартиры в США и Европе.

Деятельность именно этих организаций вызывает наибольшее беспокойство у китайского руководства, хотя китайские исследователи, не склонны рассматривать их как филиалы “действующего в Синьцзяне единого сепаратистского подполья”.

По-видимому, с таким выводом можно согласиться, имея в виду, что, несмотря на укрепление контактов действующих на территории СУАР экстремистских группировок с зарубежными уйгурскими организациями и международными центрами, говорить о полной координации их деятельности пока рано. Хотя данные последних лет и особенности изменений как тактики их деятельности, так и в особенности декларируемых целей “борьбы за независимость”, говорят о том, что степень этой координации усиливается.

Действующие на территории СУАР “организации этнических сепаратистов”, за исключением Исламской партии Восточного Туркестана, представляют собой мелкие группы экстремистов, не объединенные единой политической платформой и идеологической концепцией. И характеризовать их деятельность как “национально-освободительную борьбу”, связывая ее с проблемой “автохтонности уйгурского народа и его правом на самоопределение”, как это делается большинством “экспертов” центральноазиатских государств,³⁰ несостоятельно с научной точки зрения и вредно с точки зрения политической.

Давно доказано, что по крайней мере в некоторых случаях терроризм стал для государств одним из способов “вести войну” с помощью подставных группировок и даже с помощью секретных служб, но когда эту же идеологию начинают исповедовать претендующие на независимость аналитики, возникает вопрос, на чью мельницу они льют воду и чей заказ выполняют. Кстати говоря, нелишне будет напомнить нашим “экспертам”, что даже Исламская партия Восточного Туркестана, с нашей точки зрения, наиболее подходящая под категорию организаций, ведущих национально-освободительную борьбу, внесена Госдепартаментом США в официальный список террористических организаций.³¹

Несколько слов необходимо сказать о настроениях уйгурского этноса в государствах Центральной Азии вообще и деятельности уйгурских организаций на их территории в частности. Вполне естественно, что большая часть уйгуров Центральной Азии расценивают выступления уйгуров в СУАР КНР как “национально-освободительную борьбу”,

а территорию СУАР рассматривают как “территорию Уйгурстана, оккупированную Китаем”, ратуя за “отделение СУАР от КНР и создание на его территории суверенного и независимого Уйгурстана (Восточного Туркестана)”.³² С учетом доминирующих в уйгурской среде этнических мифов эти настроения вполне объяснимы. Но не менее любопытен и другой факт.

Во-первых, за исключением Алматы и Алматинской области, где такой точки зрения придерживаются 60,1% лиц в возрасте 30-49 лет, в других обследованных регионах (Бишкек и Ташкент) это в основном лица старше 50 лет, в выборке 30-49 лет по Бишкеку приверженцы таких взглядов составляют 4,6%, а по Ташкенту – 2,8%.³³ Во-вторых, потомки уйгуров первых миграционных “волн” yerliklar в большей степени идентифицируют себя с Казахстаном, Узбекистаном и Киргизией, нежели Синьцзяном. И политизация этничности у них связана в первую очередь с проблемами, которые они ощущают в местах постоянного проживания, и уже во вторую – с происходящими в СУАР событиями. И то обстоятельство, что в последнее время они начали включаться в движение за создание суверенного уйгурского государства в Синьцзяне – вполне закономерная реакция не только на издержки национальной и кадровой политики в государствах Центральной Азии, но и на поднявшуюся в них волну “уйгурофобии”. Хотя уйгуры повсюду поддерживают стремление националистов к суверенитету Синьцзяна, их национализм по своему характеру транснационален и нетеррористичен. Когда спрашивают, готовы ли они вернуться в Синьцзян, если там будет создано уйгурское национальное государство, большинство из них отвечают, что этого они не хотят.³⁴

С этой оценкой согласен и я, правда, если абстрагироваться от “урода в семье”, распространенности идей этнического сепаратизма в мире и их влияния на окрепшие умы, особенно молодежи, а также издержек национальной, социальной и кадровой политики в государствах Центральной Азии и в Китае, использования “уйгурского вопроса” в геополитических играх.

К сожалению, абстрагироваться от всего этого мы не можем, следовательно — не можем не учитывать и “синьцзянский вопрос” при рассмотрении проблем региональной и национальной безопасности. И в этом контексте содержание “уйгурской проблемы” в государствах Центрально-Азиатского региона сводится не только к рассмотрению настроений в уйгурской диаспоре, но и к оценке деятельности уйгурских организаций, расположенных на территории этих государств; особенностей вовлечения в эту деятельность новых социальных групп; специфики самой так называемой “борьбы за независимость Синьцзяна”, ведущейся с территории государств Центральной Азии этими организациями.

Чтобы понять эту специфику нам предстоит получить ответы на несколько вопросов. Во-первых, каково отношение властей государств Центральной Азии к “уйгурской проблеме” вообще и деятельности, пусть и незаконной, на их территории уйгурских организаций. Во-вторых, каким образом проявляется “уйгурская проблема” в государствах Центральной Азии и каково отношение к этим событиям других этнических групп населения. Наконец, как соотносятся стремление уйгурского народа к возрождению своей государственности в пределах СУАР КНР и деятельность экстремистских групп, в которой прямо или косвенно принимают участие представители уйгурского этноса.

Первый блок напрямую связан с отношениями государств Центральной Азии с Китаем и той специфической обстановкой, которая складывалась в них в 90-е годы. Для китайской политики в постсоветской Центральной Азии первостепенное значение имело сохранение социально-политической стабильности в регионе и минимизация негативного влияния происходящих в нем процессов на северо-западные районы Китая. В начале 90-х годов речь шла преимущественно об ограничении влияния на мусульманские регионы Китая исламских фундаменталистов и пантюркистов. Активизация деятельности “уйгурских сепаратистских организаций” с 1994 г. поставила в повестку дня отношений Китая с государствами Центральной Азии еще одну проблему — вопрос этнического сепаратизма.

Китайская сторона получила от руководителей центральноазиатских государств заверения в том, что они “выступают против всякого рода национального сепаратизма, не допускают на своей территории направленную против другой Стороны сепаратистскую деятельность любых организаций и сил”.³⁵

Дальнейшее отношение властей к деятельности уйгурских организаций на территории своих государств определялось именно этой формулой. И хотя говорить о какого-либо рода “репрессиях” вряд ли было бы правомерно, тем не менее, деятельность уйгурских организаций и их лидеров всегда находилась в поле зрения соответствующих органов. И на то были свои основания, поскольку деятельность некоторых организаций и заявления лидеров этих организаций вносили дополнительные осложнения и в без того непростые отношения с Китаем и тем самым наносили прямой или косвенный ущерб интересам национальной безопасности.

Однако принятые властями чисто административные меры не привели к желаемому результату. Консолидация уйгурских организаций как внутри региона, так и с организациями уйгурской диаспоры за его пределами не только не прекратилась, но, напротив, усилилась. И причина этого отнюдь не “послабления со стороны властей”, в чем китайская пресса нет-нет, да обвиняет руководство государств Центральной Азии. Причины в уже отмеченных выше общемировых тенденциях, социально-экономическом, культурном и идейном кризисе в государствах Центральной Азии, ошибках в национальной и кадровой политике, усилении репрессивных мер в отношении экстремистских групп в самом Китае.

Есть и еще одна причина. В настоящее время уйгурские организации существуют во всех центральноазиатских государствах, на территории которых компактно проживают уйгуры, но наиболее активны они там, где уйгурская диаспора в наименьшей степени подверглась ассимиляционным процессам, либо где национальное законодательство более либерально в отношении политических партий и движений.

В сегодняшних условиях на территории Центральной Азии таких государств два — Республика Казахстан и Кыргызская Республика. Но настолько ли актуальна “уйгурская проблема” в этих государствах, чтобы вести речь об “уйгурском экстремизме”?

Меньше всего хотелось бы заниматься самоуспокоением. Проблема действительно есть, но в ней нужно разбираться без особой спешки. С одной стороны, избегая нагнетания уйгурофобии, межэтнической напряженности, и уж тем более подозрений в том, что руководство государств Центральной Азии заинтересовано разыграть “уйгурскую карту”.³⁶ Ни то ни другое к решению проблемы не приблизит, а вот создать дополнительные очаги напряженности и конфликтов вполне способно. Тем более что нельзя не признать того факта, что уйгурофобия нет-нет да и сознательно нагнетается правоприменительными органами, в том числе и с целью поставить в отчетах очередную “галочку”, либо просто “половить рыбку” в мутной воде.

Первое, что обращает на себя внимание, завышенная оценка дееспособности уйгурских организаций, действующих на территории Центральной Азии, и степени угрозы национальной безопасности, исходящей непосредственно от них. Как показывает проведенное исследование, большая часть уйгурского этноса, проживающего на территории государств Центральной Азии, а это — потомки мигрантов первой волны, получившие образование в Советском Союзе, считают себя в большей степени гражданами тех государств, на территории которых они проживают. И хотя и среди них идея создания независимого уйгурского государства имеет сильное влияние, они реально смотрят на вещи и отдают себе отчет о возможных последствиях не только практической реализации этой идеи, но и воздействия ее пропаганды на двусторонние отношения государств Центральной Азии с Китаем.

Что касается “активной деятельности” уйгурских организаций, то это по большей части миф. Реальность же заключается в личностных амбициях лидеров уйгурских организаций и в противоречиях, имеющих место в уйгурской среде. Лица,

составляющие большую часть членов “радикальных”, если их можно назвать таковыми, уйгурских организаций, представлены главным образом выходцами из КНР последних волн миграции. В своем большинстве эти люди не имеют достаточного уровня образования, и, по мнению самих уйгуров, “никак не могут составлять уйгурскую элиту”. Это люди старших возрастов, и многим из них далеко за 60 лет. Люди, живущие иллюзиями и считающие, что “уйгурскую проблему” решить достаточно просто. Они еще верят в распад Китая и в помощь Запада в решении их проблем, и главный лейтмотив этой уверенности, кстати говоря, небеспочвенный, состоит в ставке на богатство природных ресурсов Синьцзяна, за счет которых можно договориться с Западом. Такой подход не может не вызывать недоумения не только у “умеренной части” участников “уйгурского движения” и в уйгурской диаспоре, но и вообще с точки зрения логики национально-освободительного движения. Торговать Родиной, даже во имя благородной цели ее “освобождения от китайских колонизаторов”, это нечто.

Второе, опасная тенденция приписывания общественному мнению государств Центральной Азии негативного отношения к “уйгурскому вопросу”. Социологические исследования (при всей их относительности) показывают, что у большинства населения государств Центральной Азии отсутствуют элементы “уйгурофобии”. Более того, присутствует солидарность с уйгурами в их стремлении бороться за создание национального государства.³⁷ Однако “уйгурофобия” все-таки наблюдается. Следовательно, возникает вопрос, что ее питает? И ответ на этот вопрос, на мой взгляд, лежит не в том, справедливо ли стремление уйгуров к самоопределению, а в том, как соотносить это стремление с практической деятельностью экстремистских групп, в которой прямо или косвенно принимают участие представители уйгурского этноса.

И если с первой частью вопроса, казалось бы, все ясно и в теории, и на практике, то ответ на вторую его часть не столь однозначен. Факты — упрямая вещь. И эти факты говорят о том, что, во-первых, большая часть “радикальных уйгурских организаций” не известна представителям уйгурского этноса.³⁸

Во-вторых, экстремистские группы по своему составу интернациональны, и то обстоятельство, что их членами являются и уйгуры, не может быть основанием для объявления “экстремистами” целого народа. В-третьих, деятельность этих экстремистских групп не имеет никакого отношения к заявленной даже радикальными уйгурскими организациями цели “создания независимого государства Уйгуристан” и уж тем более к цели, обозначаемой нерадикальными уйгурскими организациями, – придание “уйгурскому вопросу” международного статуса. То, что в Центральной Азии характеризуется как “деятельность уйгурских организаций,” – либо антикитайская пропаганда (надо сказать, совершенно безграмотная), либо мифотворчество некоторых “лидеров” уйгурских организаций, либо провокация со стороны китайских и местных спецслужб, либо (в большинстве случаев) бандитизм и терроризм в чистом виде.

И когда слышатся разговоры об “активной деятельности” уйгурских организаций на территории государств Центральной Азии и тем более ее массовой поддержке со стороны проживающих на их территории уйгуров, нужно отдавать себе ясный отчет в том, что каждым из “говорунов” преследуются совершенно конкретные цели. Для лидеров “радикальных” уйгурских организаций – это шанс продемонстрировать свою информированность и значимость, лишний раз заявить о себе как об организации, входящей в “координационный центр” мирового уйгурского движения. Для представителей оппозиции и правозащитников – возможность напомнить о себе и высказать критические замечания в адрес политических режимов государств Центральной Азии. Блестящее подтверждение этому – последнее исследование руководителя алматинской Ассоциации социологов и политологов Бахытжамал Бектургановой. Для руководства Китая – повод напомнить лидерам центральноазиатских государств, что их опасения по поводу “этнического сепаратизма” не напрасны. Для местных спецслужб – шанс “списать” на “уйгурский экстремизм” все те явления, социальную природу которых

они не в состоянии понять, а следовательно — не могут с ними бороться. Ярчайший пример — подход к “уйгурской проблеме” в Киргизии. В середине 90-х годов, когда в Центральной Азии во властных структурах заговорили о “религиозном экстремизме”, уйгуров просто обвинили к приверженности к “ваххабизму” со всеми вытекающими отсюда последствиями.³⁹ Что касается публицистики, то в данном случае комментарии вообще излишни, поговорить на “горячую тему”, даже не понимая сути проблемы, это святое.

Все это, если называть вещи своими именами, — манипуляция сознанием. К сожалению, надо признать, достаточно успешная, во всяком случае, в отношении к уйгурской диаспоре в Казахстане. Тот факт, что значительная часть молодежи (до 30 лет) и лиц среднего возраста (от 30 до 50 лет) рассматривают СУАР как “территорию оккупированную Китаем”,⁴⁰ достаточно симптоматичен. Не менее симптоматичен и тот факт, что значительная часть уйгуров рассматривают свое социально-экономическое и политическое положение в государствах Центральной Азии как в определенной степени дискриминационное.⁴¹ И в этих условиях репрессии со стороны властей и плохое управление только на руку экстремизму и терроризму. Лишь улучшение социальных и экономических условий и реализация личных прав и свобод могут сделать государства Центральной Азии менее плодородной почвой для воинствующих фанатиков.

* * *

И наконец главное — каковы перспективы “этнического сепаратизма” в Китае и насколько реальную угрозу безопасности Центральной Азии вообще и Казахстану в частности содержит в себе происходящие в северо-западном Китае процессы?

По-видимому, сразу необходимо подчеркнуть, что, несмотря на активизацию деятельности, расширение социальной базы и получение поддержки из-за рубежа перспективы на успех у “этнического сепаратизма” в Синьцзяне нет. Правда, данный тезис имеет свою силу лишь при одном неперемennom условии,

если исключить возможность политического кризиса в КНР. Центральное руководство Китая, учитывая стратегическую значимость региона и его привлекательность в ресурсном и коммуникационном отношении, принимает и будет принимать все меры для пресечения сепаратистской деятельности и сохранения Синьцзяна в составе КНР.

Деятельность подпольных и немногочисленных организаций “этнических сепартистов” в СУАР в своем большинстве не находит поддержки у населения региона и по-прежнему возможна только при мощной финансовой и материальной поддержке со стороны зарубежных организаций и заинтересованных в дестабилизации обстановки в Китае государств. При этом следует учитывать и то, что ни одно из государств Центральной Азии, на территории которых базируются данные организации, не заинтересованно в дестабилизации обстановки в Синьцзяне и официально не поддерживает деятельность этих организаций.

Более того, переход “этнических сепаратистов” к тактике террора ставит их вне закона в глазах общественного мнения, однозначно осуждающего терроризм как форму решения политических проблем. Это же можно сказать и об общественном мнении Синьцзяна, где террористическая деятельность радикальных организаций, вызывающая ответную жесткую реакцию со стороны официальных властей, не находит широкой поддержки среди населения региона.

Все это позволяет прийти к заключению, что в лучшем случае Синьцзян сохранит свой статус-кво как уйгурская автономия, в худшем - центральным руководством КНР будут приняты меры по созданию условий для жесткого пресечения деятельности этих организаций, либо в качестве крайней и во многом гипотетической меры – “выдавливания” уйгуров за пределы региона.

Тем не менее активизация деятельности “этнических сепаратистов” в СУАР КНР, не скрывающих своих контактов с базирующимися на территории государств Центральной Азии уйгурскими организациями, несет в себе не только потенциальную угрозу дестабилизации обстановки в районе

границы, но и возможность резкого ухудшения двусторонних отношений между Китаем и государствами Центральной Азии. Понятно, что подобная перспектива не отвечает интересам национальной безопасности центральноазиатских государств. И уже только в силу этого они вынуждены продолжать политику пресечения деятельности радикальных уйгурских организаций на своей территории.

Однако, несмотря на актуальность продолжения данной политики, она содержит в себе потенциальную угрозу для самих государств Центральной Азии.

Во-первых, осуждение их руководством деятельности уйгурских сепаратистов может спровоцировать межэтнический конфликт как на территории этих государств, так и в СУАР КНР. Последствия такого конфликта предсказать довольно сложно, но можно прогнозировать, что в качестве его результата возможен массовый исход титульных этносов этих государств с территории СУАР КНР со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями. Не исключена в этом случае и возможность организации экстремистскими группами террористических актов непосредственно на территории государств Центральной Азии.

Во-вторых, осуждение сепаратистской деятельности уйгуров может быть воспринято мусульманским миром как предательство интересов тюркского единства, что осложнит взаимоотношения центральноазиатских государств с рядом государств Ближнего и Среднего Востока. Особенно актуально это звучит в настоящее время, когда усилиями ряда политиков и ученых борьба с международным терроризмом все больше приобретает оттенок борьбы с исламским миром.

Наконец, указанная позиция центральноазиатских государств развязывает руки китайскому руководству, которое может само спровоцировать тот или иной этнический конфликт в Синьцзяне и создать условия для “выдавливания” с его территории того или иного этноса. Особенно актуальна эта проблема для Казахстана. На территории СУАР КНР проживает полуторамиллионная казахская этническая общность, которая находится в довольно непростых отношениях с местными уйгурами.

Свою лепту в дестабилизацию ситуации в Центрально-Азиатском регионе вносят и уйгурские организации. И хотя, в силу специфики деятельности большинства уйгурских организаций как в Центральной Азии, так и за ее пределами, мы не склонны драматизировать события, тем не менее их деятельность не может не привлекать к себе внимания в контексте проблем национальной безопасности.

Во-первых, как уже говорилось выше, идея образования в пределах Синьцзяна независимого уйгурского государства прямо или косвенно одобряется уйгурским населением Центральной Азии, что вызывает достаточно серьезное беспокойство со стороны Пекина растущим влиянием “уйгурского движения” в регионе.

Во-вторых, с провозглашением в начале 90-х годов уйгурскими организациями тактики террора эта форма деятельности все чаще становится характерной и для некоторых уйгурских организаций государств Центральной Азии. И если они не следуют этой тактике формально, то в своих документах поддерживают ее.

В-третьих, в настоящее время отчетливо наблюдается тенденция к консолидации усилий всех зарубежных уйгурских организаций, среди которых уйгурские организации Казахстана и Киргизии играют далеко не последнюю роль. Более того, 25 мая 2001 г. стало известно, что вместо Исламского движения Узбекистана создано Исламское движение Туркестана (“Хезби исломи Туркистон”), в которое, по заявлению его лидера Т. Юлдашева, входят все радикальные исламские движения и партии Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана и СУАР КНР, а под ружьем в организации находится до 3300 боевиков.⁴²

Но самое существенное, с позиций национальной безопасности государств Центральной Азии, заключается в том, что большая часть как этносепартистских, так и террористических организаций (особенно, когда речь идет об этносах, исповедующих ислам) в своей деятельности активно апеллирует к исламским ценностям, ставя в качестве конечной ее цели свержение светских политических режимов и создание

исламского Халифата. Сегодня, когда в мире поднимается волна “борьбы с исламской угрозой”, для светских государств Центральной Азии этот фактор приобретает первостепенное значение.

Проблема заключается прежде всего в том, что попытки “приручить” или жестко “регламентировать” ислам, как показывает опыт Кавказа и некоторых государств Центрально-Азиатского региона, оказались несостоятельными. С одной стороны, характер суфийского ислама, имеющего распространение наряду с нормативным (суннитским) исламом в Центрально-Азиатском регионе, предполагает наличие большого числа неофициальных шейхов, пиров, обладающих авторитетом среди верующих, но практически неподконтрольных властям. С другой – жесткое подавление “исламистов” привело к обратному результату, пробудив в них настроения экстремизма и толкнув на принятие более радикальных решений. Как подчеркивает российский исламовед О. Бибилова, “мы уже наблюдали, как немногочисленная группа таджикских демократов ‘растворилась’ в исламском движении. Официальные власти (включая религиозные) оказались не в состоянии вести диалог с радикалами. Призыв вернуться к ‘чистому исламу’ (основной лозунг ‘ваххабитов’) они не сумели повернуть на борьбу с коррупцией и произволом кланово-этнических криминальных группировок. В результате ислам не стал союзником властей. Более того, пример Таджикистана показывает, что ислам стал идейным фактором мобилизации для борьбы с ними. Нет сомнений в том, что как раз в условиях жесткого авторитаризма узбекских властей возможности использования религии в политических целях возрастают”.⁴³

Но самое опасное, на мой взгляд, заключается в другом. Находясь в плену “исламской угрозы”, и политики, и большинство пишущих на эту тему авторов сознательно либо бессознательно путаются в понятиях, пытаясь приписать исламу, как религии и культурной традиции, те грехи, в которых он не виноват. Соответственно возникает и набор

практических мер по предотвращению “исламской угрозы”, в которых в качестве первостепенных фигурируют меры типа “запретить”.

При этом разработчики этих мероприятий и сторонники их применения, по-видимому, не отдают себе отчета в том, что запретить культурную традицию нельзя. Особенно это касается ислама, который в своей основе не отделен от политики, как политика не отделима от него.

Пытаясь контролировать ислам, власти ведут себя, как слон в посудной лавке. Между тем пример Синыцзяна, где “этнические сепаратисты” также используют религию в своих целях, подтверждает, что применение мер административного контроля над религиозной деятельностью приводит не только к возникновению противостояния между религией и светской властью, но и к резкому увеличению протестных настроений в обществе. Не находя легитимного способа встроиться в политическую систему светского государства, ислам начинает радикализироваться и добиваться уже не участия, а всей полноты политической власти. В условиях же, когда доминирующее положение в регионе занимает одна этническая группа, к тому же с высоким удельным весом приверженцев одной религиозной конфессии, религия начинает использоваться как идеологическое обоснование достижения политической власти, культивируется идеология “неоваххабизма” и уже на этой основе возникает рецидив этнического сепаратизма с религиозной окраской.

В условиях слабого политического режима рано или поздно он добивается искомой цели. А при сильном политическом режиме, когда политический ислам жестко подавляется, заложенными в нем консолидирующими возможностями, как правило, начинают пользоваться иные силы. И здесь нельзя обойти вниманием основную примету нашего времени – именно ислам начинает достаточно часто использоваться далекими от веры группировками для достижения политических целей, а совершение ряда террористических актов осуществляется под лозунгами “джихада” и “борьбы за чистоту веры”.

Активизация в Центральной Азии деятельности партии Хизб ат-Тахрир (“Hizb at-Tahrir al-Islami”) — наглядное подтверждение всем вышеуказанным тенденциям. Во-первых, хотя ее лидеры заверяют о неприемлемости для партии методов террора и насильственного свержения власти, факты изъятия у последователей партии оружия, средств связи, литературы по подготовке боевиков и т. д. скорее говорят об обратном. Во-вторых, наблюдается стремительный рост приверженцев этой партии, особенно в Узбекистане и Киргизии, активная ее поддержка не только населением,⁴⁴ но и представителями оппозиции и даже официальными лицами.⁴⁵ В-третьих, имеют место попытки властей “списать” на “Хизб ат-Тахрир” деятельность различного рода экстремистских групп и даже объявить ее террористической организацией.⁴⁶

Все это свидетельствует о том, что проблема действительно существует. Другой вопрос, в каком виде она присутствует в регионе и насколько соответствует действительности расхожий тезис об исламизации Центральной Азии и неизбежной политизации ислама.

Ответ на вопрос о том, происходит ли исламизация Центральной Азии, не может быть однозначным. С одной стороны, совершенно абсурдно выглядит сам вопрос. Большинство населения этого региона воспитано на исламской культурно-религиозной традиции, и исламизировать его все равно, что пытаться насаждать конфуцианство в Китае или буддизм в Индии. Конечно, часть традиции была утрачена в период ускоренной модернизации, осуществленной в советское время. Но это не означает, что традиция исчезла совершенно. И сегодня любой лидер государства Центральной Азии на мусульманском коврике выглядит более естественно, чем лидер России со свечкой в руке. Более того, почти во всех государствах Центральной Азии мы наблюдаем своеобразный процесс вхождения во власть представителей не городской, а сельской культуры, несущих с собой большой заряд культурной традиции. Эта традиция, так или иначе, связана с исламом. Следовательно, с другой стороны, мы не можем отрицать

факта его возрождения. Это — вполне естественный процесс возвращения к традиционным корням в условиях утраты доминирующей идеологической составляющей времен бывшего Советского Союза.

Однако ислам в Центральной Азии, даже в Узбекистане и Таджикистане не играет той роли, которую играл марксизм-ленинизм в советские времена, и, по всей видимости, еще не скоро станет доминирующей идеологической составляющей. Причин здесь несколько, и они достаточно подробно разбирались в соответствующих разделах работы.

Но все это — пока. Этническая и соответственно конфессиональная композиция населения государств Центральной Азии стремительно меняется. Хотя в конституциях всех государств подчеркивается их светский характер, тем не менее ряд обстоятельств подталкивает их лидеров если не к контакту, то к использованию религии в целях консолидации общества. В Узбекистане признали махаллю со всеми ее атрибутами; в Таджикистане мы имеем пример участия во власти представителей исламских движений; вряд ли долго продлится двусмысленность членства центральноазиатских государств в международных исламских организациях — ОИК и Исламском банке развития; наконец, ислам играет не последнюю роль в попытках выработать хоть какую-то государственную идеологию, что наиболее отчетливо заметно в Узбекистане и Таджикистане. Ислам превращается и в один из серьезных составляющих факторов внутри- и внешнеполитической жизни большинства государств Центральной Азии. К нему начинает апеллировать не только доморощенная оппозиция, но и весьма влиятельные международные силы, когда ставится вопрос об отношениях с Россией или Китаем, либо противодействия светским политическим режимам самих государств Центральной Азии.

Другими словами, ислам из культурно-религиозной традиции постепенно начинает превращаться в несколько иную субстанцию, которой не прочь воспользоваться как определенные местные, так и внешние силы, тем более что “горячих точек”, откуда может быть экспортирован

критический потенциал “исламской угрозы”, по периметру Центральной Азии больше чем достаточно. И в этом контексте проблема перспективы и реальности “исламской угрозы” действительно имеет место быть.

Однако когда речь идет о той или иной угрозе, то логично рассматривать ее потенциал с нескольких позиций:

- наличие социально-экономических и политических (в том числе и внешних) условий для ее реализации
- возможность использования данного “инструментария” внешними и внутренними силами, а также сферы, в которых эта угроза наиболее реальна
- степень негативного влияния на общественно-политическую жизнь и безопасность государства.

Что касается первой позиции, то наличие указанных условий сегодня практически никто не ставит под сомнение. Мы опускаем влияние культурно-исторической традиции. Это — данность, которая к проблеме “исламской угрозы” не имеет прямого отношения, хотя косвенно, создавая культурную основу для возрождения ислама, и оказывает определенное влияние. Существеннее другое. Социальные причины политизации ислама кроются в общем системном кризисе, в трудностях экономического переустройства общества, в понижении социального статуса целых общественных слоев, что приводит к устойчивой разочарованности людей. В этих условиях многие приходят к выводу о необходимости поиска иной альтернативы, и такую альтернативу предлагают зарубежные миссионеры, в том числе и исламские, присутствие которых в государствах Центральной Азии становится все заметнее. И хотя, как показывает даже сегодняшняя практика, эта альтернатива является откровенной утопией, тем не менее в условиях усиления социального дискомфорта именно утопия становится все более востребованной среди разных слоев общества.

Во-вторых, питательной средой для распространения политического ислама является то обстоятельство, что в государствах Центральной Азии по-прежнему сильно традиционное, исторически сложившееся распределение политических и социальных ролей между родами, кланами,

племенами, жузами, региональными группировками, на базе чего строится вся система власти. При этом особенно опасной представляется отчетливо наметившаяся тенденция к регионализму, что сокращает возможности центральной власти по консолидации общества и косвенно усиливает потенции не только политического ислама, но и чуждых для региона религиозных организаций.

В-третьих, наличие по периметру Центральной Азии очагов напряженности, из которых потенциально возможен экспорт не только идей политического ислама и его проповедников, но и “групп поддержки” в лице так называемых “ваххабитов” и “моджахеддинов”. Не меньшее значение в этом плане имеет и фактор миграции, а также угроза беженцев, несущих с собой весь конфликтный потенциал и образ жизни афганского, чеченского, индо-пакистанского, синыйзьянского и таджикского конфликтов.

В-четвертых, нельзя не признать и того факта, что на территории самой Центральной Азии существуют регионы, где позиции ислама, в том числе и радикального достаточно сильны. Прежде всего, речь идет о Ферганской долине, а это — регион, который захватывает часть территории трех центральноазиатских государств. И события в Баткентском районе Киргизии уже подтвердили, что в случае возникновения конфликта он моментально приобретает международный характер со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В-пятых, события последнего десятилетия демонстрируют процесс смыкания “религиозного экстремизма” с этническим конфликтом и этническим сепаратизмом, в которых все чаще используется тактика террора. А у терроризма есть такая особенность - переносить конфликт за пределы первоначальной территории, то есть экспортировать его на территории других государств, которые на первый взгляд не вовлечены в данный конфликт. В этом смысле у государств Центральной Азии весьма опасное соседство.

Наконец, Центральная Азия вообще и Казахстан в особенности имеют слишком важное геостратегическое положение, чтобы иметь возможность остаться в стороне

от конфликта между геополитическими центрами силы, использование которыми идеологического и мировоззренческого потенциала, предоставляемого различного рода конфессиями, деноминациями и сектами, отнюдь не исключено. Проблема усугубляется и тем, что исламский мир далеко не однороден, и внутри него существуют блоки противоположной ориентации, используемые в противостоянии политических центров силы в новой “Большой игре”, развернувшейся в регионе Центральной Азии. Поскольку стабильность в данном регионе зависит почти исключительно от влияния внешних факторов, постольку кому-то придется взять на себя груз ответственности за локализацию конфликта и поддержание стабильности в этом регионе со всеми вытекающими отсюда последствиями для государств Центральной Азии. События в Баткентском районе Киргизии уже наглядно продемонстрировали такую перспективу.

Не менее опасно и то, что порой за риторикой о правах человека вообще забывают о праве граждан не только на достойную жизнь, но и о том различии, которое имеет место между законопослушными гражданами и уголовными преступниками. Что из этого получается в итоге, думается, сегодня понятно всем. Трагедия в США еще раз доказала, с терроризмом можно бороться только его же собственными методами. Время уговоров прошло, настало время реальных действий.

Учет всех этих факторов и определяет политику государства по отношению к религии и религиозным организациям вообще и радикальным религиозным организациям (в том числе и экстремистского толка) в частности. Вот только от одного хочется предостеречь, не стоит впадать в “исламофобию” и видеть “исламский след” там, где он, скорее всего, не присутствует.

И в заключение – о проблемах, на первый взгляд не связанных с проблемой этнического сепаратизма в Китае и ее влиянием на безопасность в Центральной Азии. Речь о следствиях тех социально-экономических и демографических процессов, которые имеют место в современном Синьцзяне.

Прежде всего, необходимость воплощения в жизнь социально-экономических задач и выхода района на уровень среднеразвитых провинций КНР потребуют повышения качественного состояния производительных сил и главным образом их личностного фактора. Решаться эта задача может двояко: либо путем подготовки новых кадров (управленцев, техников, инженеров, квалифицированных рабочих и профессионалов в области маркетинга и внешних сношений и т. д.) за счет внутренних резервов, либо путем привлечения различного рода специалистов из внутренних районов Китая и зарубежных стран. Более предпочтительным является, безусловно, первое направление, но, как мы видели выше, оно вряд ли реально. Низкий культурный уровень населения региона, его экономическая отсталость, неразвитость социально-классовой структуры, отсутствие материальной базы для подготовки такого рода специалистов и, наконец, социальные ориентиры отдельных этнических групп – вот неполный перечень препятствий, стоящих перед ним. Не меньшее значение имеет и временной фактор. На подготовку специалиста, даже при условии его высокого уровня после окончания школы (чего о выпускниках школ СУАР, особенно национальных, пока сказать нельзя), требуется не менее 10-15 лет, а таким временем автономный район просто не располагает.

Следовательно, объективная ситуация требует движения по второму направлению, что повлечет за собой новую волну миграции ханьцев из внутренних провинций Китая. Само по себе это направление не грозит демографическим взрывом, поскольку уровень этого потока ограничивается пока его качественным содержанием. Однако, с одной стороны, трудно предсказать, каким образом будет развиваться ситуация когда осуществление планов “большого развития Запада” потребует привлечения в регион больших масс мигрантов из внутреннего Китая. А с другой – поскольку речь идет о привлечении специалистов высокого класса, оно предполагает предоставление новым мигрантам условий не только более благоприятных, чем те, в которых находится коренное население региона, но и те, в которых находились

до переселения сами мигранты. Экономически эта проблема разрешима, но она влечет за собой новый виток обострения межнациональных отношений и ухудшения политической ситуации в автономном районе.

Во-вторых, несмотря на применение мер по ограничению рождаемости (особенно среди неханьских этносов), они вряд ли окажутся эффективными. Экономические условия хозяйственной деятельности отдельного крестьянского двора, находящегося на низком уровне механизации, объективно требуют наличия большого числа рабочих рук и способствуют не ограничению, а повышению рождаемости. Не меньшую значимость имеют и национальные традиции, особенно при достижении хозяйством определенного уровня зажиточности. С другой стороны, сохранение высоких темпов естественного прироста у неханьских народов вызовет ответную реакцию и у проживающих в регионе ханьцев. Данные последних лет уже свидетельствуют об увеличении темпов естественного прироста не только среди неханьских этнических групп, но и проживающих в регионе ханьцев.

В-третьих, опережающий естественный прирост неханьских этнических групп (особенно в округах Южного и Восточного Синьцзяна) и наметившаяся тенденция к преобладанию потока реэмигрантов над прибывающими в автономный район ханьцами будут способствовать продолжению сокращения удельного веса населения Северного Синьцзяна в населении региона и доли ханьцев в населении Северного Синьцзяна. С учетом распределения экономического потенциала, региональной структуры народнохозяйственного производства и особенностей занятости отдельных этнических групп в отраслях народного хозяйства, а также усиливающихся в последние годы сепаратистских настроений как в Южном, так и в Северном Синьцзяне, это может привести к интенсификации этнических конфликтов со всеми вытекающими отсюда последствиями не только для Синьцзяна, но и для региона Центральной Азии в целом.

В-четвертых, необходимость противодействия негативному внешнему влиянию и пресечения сепаратистских акций в

отдельных регионах СУАР, а также решения социально-экономических проблем отсталых районов в русле программы “большого развития Запада” потребуют переселения в них представителей ханьской этнической группы. И хотя мы не склонны доверять неофициальным данным об этнической структуре населения СУАР КНР, факт увеличения удельного веса ханьцев в приграничных уездах, где традиционно проживали казахи, и в ряде южных районов традиционного проживания уйгуров имеет место уже сегодня. Следствием этого неизбежно станет этническая конкуренция, первенство в которой, вне всякого сомнения, одержат ханьцы. Непосредственным следствием подобного развития событий явится усиление сепаратистских тенденций на этнической основе и, что наиболее важно для Казахстана – обострение межэтнических отношений между казахами и уйгурами, проживающими по обе стороны границы. Предсказать последствия данного конфликта достаточно сложно, поскольку невозможно однозначно ответить на вопрос: какие формы он примет и какие социально-политические силы будут в нем задействованы, но то, что он негативно скажется на безопасности в регионе, несомненно.

В-пятых, усиление этнократического элемента в политике ряда новых государств Центральной Азии в качестве ответной реакции будет сопровождаться продолжением сокращения участия представителей их этнических диаспор в сфере экономики и политики районов их постоянного проживания в СУАР. Уже сегодня это достаточно заметно в отношении казахской этнической общины, проживающей на территории КНР. В перспективе данное обстоятельство способно привести не только к возникновению межэтнического конфликта в СУАР, но и к “выталкиванию” казахской этнической общины за пределы региона.

Наконец, еще одним дестабилизирующим фактором будет динамика изменения структуры городского населения СУАР, пополняемость которого происходит преимущественно за счет маргинальных и люмпенизированных слоев населения из числа местных этнических групп и “избыточных трудовых ресурсов села” внутренних провинций Китая. Невозможность их вовлечения в индустриальную сферу производства

городов существенно увеличит удельный вес маргинальных и люмпенизированных слоев населения городов, что неизбежно приведет к ухудшению криминальной обстановки и политической ситуации как в автономном районе, так и в сопредельных с ним государствах Центральной Азии.

Не менее серьезной является и демографическая проблема в целом. В случае провала своей демографической политики Китай будет загнан в угол. Политический менталитет китайцев неизбежно вновь окажется под влиянием воспоминаний об “утраченных землях”,⁴⁷ которые включают обширные территории России, Казахстана, среднеазиатских государств, не говоря уже о Монголии. Не исключено, что, как и в годы “культурной революции”, китайцы будут считать, что, благодаря своей многочисленности, они как нация сумеют пережить даже крупномасштабную ядерную войну. Более того, на северной границе Китая, в отличие от его южной границы, китайское демографическое давление не уравновешивается сколь-нибудь сравнимым давлением с обратной стороны.

И последнее. Военное присутствие иностранных держав в непосредственной близости от Синьцзяна создает потенциальную угрозу национальной безопасности Китая, сводя на нет его десятилетние усилия по выстраиванию системы безопасности в регионе. В современных условиях, когда США продемонстрировали всему миру, что “супердержава” может не считаться с нормами международного права, искушение воспользоваться этим прецедентом у Китая возрастает, тем более что интересы Китая и США в регионе противоречат друг другу, а сам Китай в стратегии Пентагона рассматривается как “враг №1”. И если в Китае решат, что происходящие в Центрально-Азиатском регионе процессы содержат в себе угрозу безопасности Китаю, то занятые “локальными войнами” в различных регионах мира, США просто не смогут эффективно противостоять агрессии Китая. Конечно, это всего лишь гипотеза, но как показывают последние события в Ираке, в современном мире нет ничего невозможного.

Примечания

Глава 1.

¹ См.: Политология. Энциклопедический словарь. – М.: Publishers, 1993, с.210.

² См.: Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков. – М.: Наука, 1979, с.274. Они же Китайский этнос в средние века (VII–XIII). – М.: Наука, 1984, с.292–295.; Они же. Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. – М.: Наука, 1987, с.10.

³ Цит. по: Дубровская Д.В. Судьба Синьцзяна. – М.: ИВ РАН, 1998, с.18.

⁴ Крюков М. В., Переломов Л. С., Софронов М. В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. – М.: Наука, 1983, с.363.

⁵ См.: Там же, с.364–365.

⁶ Там же, с.369.

⁷ См.: Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков, с.93.

⁸ Гумилев Л.Н. Хунны в Китае. – Спб.: “Абрис”, 1994, с.70.

⁹ Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков, с.93.

¹⁰ См.: Люй Сымянь. Чжунго миньцзу яньцзин ши. (История изучения китайской нации). – Шанхай, 1935, с.100–104; Чжан Сюэгуан. Чжунхуа миньцзу фачжань шигань. (Очерки по истории развития китайской нации). – Гуйлинь, 1942, с.88.

¹¹ См.: История Востока. Восток в древности. – М.: Восточная литература, 1997, Т.1, с.455.

¹² Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени, с.270.

¹³ Дубровская Д.В. Указ. соч., с.44.

¹⁴ См.: История Востока. Восток в древности. – М.: Восточная литература, 1997, Т.1, с.446–447.

¹⁵ Цит. по: Дубровская Д.В. Указ. соч., с.48.

¹⁶ Кадырбаев А.Ш., Сыроежкин К.Л. Китай и Центральная Азия: история и современность. – Казахстан и мировое сообщество, 1995, №3, с.35–36.

¹⁷ Гумилев Л.Н. Хунны в Китае, с.41.

¹⁸ См.: История Востока. Восток в древности, Т.1, с.455; Гумилев Л.Н. Хунны в Китае, с.62.

¹⁹ См.: Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. – М.: Наука, 1988, с.305; Кадырбаев А.Ш.,

Сыроежкин К.Л. Китай и Центральная Азия: история и современность. – Казахстан и мировое сообщество, 1995, №3, с.36.

²⁰ Дубровская Д.В. Указ. соч., с.61.

²¹ Там же, с.64, 78.

²² История Востока. Восток на рубеже средневековья и нового времени. XVI-XVIII вв. – М.: Восточная литература, 1999, Т.3, с.591.

²³ См.: Синьцзян цзянши (Краткая история Синьцзяна). – Урумчи, 1985, Т.2, с.247.

²⁴ См.: Дубровская Д.В. Судьба Синьцзяна. – М.: ИВ РАН, 1998.

²⁵ См. подробнее: Сыроежкин К.Л. Эволюция формирования и основные черты концепции национальной политики КПК. – Алматы: КИСИ, 1998, с.15-18.

²⁶ Гумилев Л.Н. Хунны в Китае, с.13.

²⁷ Васильев Л.С. История Востока. – М.: Высшая школа, 1998, Т.1, с.71.

²⁸ Там же, с.215.

²⁹ Там же, с.216.

³⁰ См.: Камалов А. Древние уйгуры. VIII-IX вв. – Алматы: Издательский дом “Наш Мир”, 2001, с.7; Тургун Алмас. Уйгуры. Ч.1. – Алматы, 1993, с.6.

³¹ См.: Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории, с.160-161; Краткая история уйгуров. – Алма-Ата: Гылым, 1991, с.31; Литвинский Б.А. Древняя этнокультурная общность Восточного Туркестана и Средней Азии. – Народы Азии и Африки, 1983, №6, с.69.

³² См.: Гумилев Л.Н. История народа хунну. – М.: ДИ ДИК, 1997, Т.1, с.126.

³³ См.: Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии. – М.: Наука, 1992, с.41.

³⁴ Гумилев Л.Н. История народа хунну. Т.1, с.29.

³⁵ Там же, с.77.

³⁶ Цит по: Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории, с.250.

³⁷ См.: Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории, с.252-254.

³⁸ Гумилев Л.Н. История народа хунну. Т.1, с.162.

³⁹ См.: Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории, с.255; Гумилев Л.Н. История народа хунну. Т.1, с.175.

⁴⁰ См.: Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории, с.259.

⁴¹ См.: Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории, с.260-261; Гумилев Л.Н. История народа хунну. Т.1, с.233.

⁴² Гумилев Л.Н. История народа хунну. Т.1, с.243; Он же Хунны в Китае, с.25.

- ⁴³ Гумилев Л. Н. Хунны в Китае, с.202.
- ⁴⁴ Там же, с.115.
- ⁴⁵ См.: Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории, с.264.
- ⁴⁶ См.: Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории, с.264-296; Краткая история уйгуров. – Алма-Ата, 1991.
- ⁴⁷ См.: История Востока. Восток в средние века. Т.2. – М.: Восточная литература, 1995, с.60, 154.
- ⁴⁸ См.: Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – М.: ДИ ДИК, 1997; Гумилев Л.Н. Этносфера. История людей и история природы. – М.: Прогресс, 1993.
- ⁴⁹ Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. – СПб, 1897, с.15.
- ⁵⁰ Бартольд В.В. Тюрки. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. – Алматы: Жалын, 1998, с.6.
- ⁵¹ История Востока. Восток в средние века. Т.2., с.61.
- ⁵² См.: Бартольд В.В. Тюрки, с.5; Гумилев Л. Древние тюрки. – М.: Клышников – Комаров и К^о, 1993, с.62.
- ⁵³ Гумилев Л.Н. Древние тюрки, с.61.
- ⁵⁴ Там же, с.77.
- ⁵⁵ Там же, с.57.
- ⁵⁶ Гумилев Л.Н. Хунны в Китае, с.115.
- ⁵⁷ См.: Гумилев Л.Н. Древние тюрки, с.11-20; Гумилев Л.Н. Хунны в Китае, с.115.
- ⁵⁸ См.: Гумилев Л.Н. Древние тюрки, с.13; Гумилев Л.Н. Хунны в Китае, с.116.
- ⁵⁹ См.: Тургун Алмас. Уйгуры. Ч.1, с.71.
- ⁶⁰ См.: Гумилев Л.Н. Древние тюрки, с.181.
- ⁶¹ Краткая история уйгуров, с.73.
- ⁶² См.: Гумилев Л.Н. Древние тюрки, с.16-19; Краткая история уйгуров, с.73-74, 85-88; Тургун Алмас. Уйгуры. Ч.1, с.15, 71.
- ⁶³ Гумилев Л.Н. Древние тюрки, с.18.
- ⁶⁴ См.: Там же, с.27.
- ⁶⁵ См.: Бартольд В.В. Тюрки; Кадырбаев А.Ш. Очерки истории средневековых уйгуров, джалаиоров, найманов и киреитов. – Алматы: Гылым, 1993, с.27; Кляшторный С.Г., Колесников А.А. Восточный Туркестан глазами русских путешественников. – Алма-Ата: Наука, 1988, с.20; Радлов В.В. К вопросу об уйгурах. Из предисловия к изданию Кудаткубилка. – СПб, 1893, с.20; Тихонов Д.И. Хозяйственный и общественный строй уйгурского государства. X-XIV вв. – М.-Л.: Наука, 1966, с.22-25; Тургун Алмас. Уйгуры. Ч.1, с.80.
- ⁶⁶ См.: Гумилев Л.Н. Древние тюрки, с.23-24; Тургун Алмас. Уйгуры. Ч.1, с.33-34.
- ⁶⁷ Гумилев Л.Н. Древние тюрки, с.180-181.

- ⁶⁸ Там же, с.79-81.
- ⁶⁹ См.: Краткая история уйгуров, с.123-124,149.
- ⁷⁰ Там же, с.96.
- ⁷¹ Анализ источников позволяет выделить несколько этапов борьбы уйгуров с тюрками за гегемонию в степи: победа уйгуров над тюрками в 630-647 годах и образование в северной Монголии первого Уйгурского каганата (647-689 гг.); победа тюрков над уйгурскими племенами в 681-689 гг. и возрождение Тюркского каганата; серия восстаний уйгурских племен против тюрков в 716-725 гг. и образование антитюркской коалиции племен уйгуров, басмылов, установление безраздельного господства уйгуров в степи (744-840 гг.) – См.: Кадырбаев А.Ш. Очерки истории средневековых уйгуров, джалаириков, найманов и киреитов, с.26.
- ⁷² Гумилев Л.Н. Древние тюрки, с.141-142.
- ⁷³ См.: Дубровская Д.В. Судьба Синьцзяна, с.54-55; Гумилев Л.Н. Древние тюрки, с.175.
- ⁷⁴ См.: Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории, с.306; Гумилев Л.Н. Древние тюрки, с.205.
- ⁷⁵ См.: История Востока. Восток в средние века. Т.2, с.155.
- ⁷⁶ Гумилев Л.Н. Древние тюрки, с.221.
- ⁷⁷ См.: Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории, с.310-311; Гумилев Л.Н. Древние тюрки, с.227-228; Тургун Алмас. Уйгуры. Ч.1, с.95.
- ⁷⁸ История Востока. Восток в средние века. Т.2, с.155.
- ⁷⁹ Цит. по: Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии, с.143.
- ⁸⁰ Краткая история уйгуров, с.105.
- ⁸¹ См.: История Востока. Восток в средние века. Т.2, с.151.
- ⁸² Гумилев Л.Н. Древние тюрки, с.280.
- ⁸³ См.: История Востока. Восток в средние века. Т.2, с.151; Гумилев Л.Н. Древние тюрки, с.280-281.
- ⁸⁴ См.: История Востока. Восток в средние века. Т.2, с.153.
- ⁸⁵ Гумилев Л.Н. Древние тюрки, с.295.
- ⁸⁶ Там же, с.325.
- ⁸⁷ См.: Гумилев Л.Н. Древние тюрки, с.370; Краткая история уйгуров, с.118.
- ⁸⁸ См.: Гумилев Л.Н. Древние тюрки, с.390, 393; Краткая история уйгуров, с.110; Тургун Алмас. Уйгуры. Ч.1, с.111.
- ⁸⁹ Кляшторный С.Г., Колесников А.А. Восточный Туркестан глазами русских путешественников, с.35.
- ⁹⁰ Гумилев Л.Н. Древние тюрки, с.395.
- ⁹¹ См.: Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии, с.146.
- ⁹² Гумилев Л.Н. Древние тюрки, с.378.
- ⁹³ Там же, с.380.
- ⁹⁴ Бартольд В.В. Тюрки, с.39.

- ⁹⁵ Гумилев Л.Н. Древние тюрки, с.381, 424.
- ⁹⁶ Там же, с.424.
- ⁹⁷ Там же, с.421.
- ⁹⁸ См.: Гумилев Л.Н. Древние тюрки, с.404-405; Камалов А. Древние уйгуры. VIII-IX вв., с.159-160.
- ⁹⁹ Там же, с.415.
- ¹⁰⁰ См.: Кадырбаев А.Ш. Очерки истории средневековых уйгуров, джалаиров, найманов и киреитов, с.36.
- ¹⁰¹ См.: Кляшторный С.Г., Колесников А.А. Восточный Туркестан глазами русских путешественников, с.39; Краткая история уйгуров, с.130; Тургун Алмас. Уйгуры. Ч.1, с.125-127.
- ¹⁰² Тургун Алмас. Уйгуры. Ч.1, с.125-126.
- ¹⁰³ Кадырбаев А.Ш. Очерки истории средневековых уйгуров, джалаиров, найманов и киреитов, с.37.
- ¹⁰⁴ Там же, с.38.
- ¹⁰⁵ См.: Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории, с.330; Кляшторный С.Г., Колесников А.А. Восточный Туркестан глазами русских путешественников, с.39; Краткая история уйгуров, с.139,164; Тургун Алмас. Уйгуры. Ч.2, с.276; Вэйуэр цзу цзянши. (Краткая история уйгуров) – Урумчи, 1989, с.49.
- ¹⁰⁶ Тихонов Д.И. Хозяйственный и общественный строй уйгурского государства. X-XIV вв., с.43-44.
- ¹⁰⁷ Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории, с.338.
- ¹⁰⁸ См.: Кляшторный С.Г., Колесников А.А. Восточный Туркестан глазами русских путешественников, с.40-41; Краткая история уйгуров, с.145-148; Тихонов Д.И. Хозяйственный и общественный строй уйгурского государства. X-XIV вв., с.148-150.
- ¹⁰⁹ Тургун Алмас. Уйгуры. Ч.2, с.276.
- ¹¹⁰ См.: Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории, с.338; Малявкин А.Г. Уйгурские государства в IX-XII вв. – Новосибирск: Наука, 1983, с.57
- ¹¹¹ Тургун Алмас. Уйгуры. Ч.2, с.275.
- ¹¹² См.: Исиев Д. К характеристике административной системы Ганьчжоуского уйгурского каганата (IX-XI вв.) – Кафаров П.И. и его вклад в отечественное востоковедение (к 100-летию со дня смерти). – М.: Ин-т востоковедения АН СССР, 1979, Ч.1, с.139; Краткая история уйгуров, с.164.
- ¹¹³ Тургун Алмас. Уйгуры. Ч.2, с.276,325.
- ¹¹⁴ Там же, с.275.
- ¹¹⁵ Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории, с.326.
- ¹¹⁶ См.: Краткая история уйгуров, с.174-175; Тургун Алмас. Уйгуры. Ч.2, с.174-177.
- ¹¹⁷ Кляшторный С.Г., Колесников А.А. Восточный Туркестан глазами русских путешественников, с.46.

- ¹¹⁸ Бартольд В.В. Тюрки, с.81.
- ¹¹⁹ Кляшторный С.Г., Колесников А.А. Восточный Туркестан глазами русских путешественников, с.47.
- ¹²⁰ История Востока. Восток в средние века. Т.2, с.266.
- ¹²¹ Бартольд В.В. Тюрки, с.66; Тихонов Д.И. Хозяйственный и общественный строй уйгурского государства. X-XIV вв., с.47.
- ¹²² Бартольд В.В. Тюрки, с.57-59, 103-104; Тихонов Д.И. Хозяйственный и общественный строй уйгурского государства. X-XIV вв., с.47-48. Данная точка зрения оспаривается С.Г. Кляшторным, который считает, что данное утверждение В.В. Бартольда не означает “полную детрибализацию караханидского общества и усвоение им не племенной, а какой-то иной государственно-правовой традиции”. — См.: Кляшторный С.Г., Колесников А.А. Восточный Туркестан глазами русских путешественников, с.51.
- ¹²³ Тихонов Д.И. Хозяйственный и общественный строй уйгурского государства. X-XIV вв., с.49.
- ¹²⁴ Кадырбаев А.Ш. Очерки истории средневековых уйгуров, джалаирав, найманов и киреитов, с.45-46.
- ¹²⁵ История Востока. Восток в средние века. Т.2, с.376.
- ¹²⁶ См.: Бартольд В.В. Тюрки, с.118; История Востока. Восток в средние века. Т.2, с.376; Кадырбаев А.Ш. Очерки истории средневековых уйгуров, джалаирав, найманов и киреитов, с.67; Тургун Алмас. Уйгуры. Ч.2, с.289-290.
- ¹²⁷ Краткая история уйгуров, с.197.
- ¹²⁸ Кадырбаев А.Ш. Очерки истории средневековых уйгуров, джалаирав, найманов и киреитов, с.69.
- ¹²⁹ Цит. по: Кадырбаев А.Ш. Очерки истории средневековых уйгуров, джалаирав, найманов и киреитов, с.70.
- ¹³⁰ Тургун Алмас. Уйгуры. Ч.2, с.290.
- ¹³¹ Кадырбаев А.Ш. Очерки истории средневековых уйгуров, джалаирав, найманов и киреитов, с.74.
- ¹³² Цит. по: Кадырбаев А.Ш. Очерки истории средневековых уйгуров, джалаирав, найманов и киреитов, с.74.
- ¹³³ Краткая история уйгуров, с.144.
- ¹³⁴ Тургун Алмас. Уйгуры. Ч.2, с.309-310.
- ¹³⁵ Кадырбаев А.Ш. Очерки истории средневековых уйгуров, джалаирав, найманов и киреитов, с.103.
- ¹³⁶ Там же, с.88.
- ¹³⁷ Там же, с.102.
- ¹³⁸ История Востока. Восток в средние века. Т.2, с.388.
- ¹³⁹ Там же, с.411.
- ¹⁴⁰ История Востока. Восток на рубеже средневековья и нового времени. XVI-XVIII вв., Т.3., 1999, с.259-260.
- ¹⁴¹ См.: История Востока. Восток на рубеже средневековья и нового времени. XVI-XVIII вв., Т.3, с.567; Моисеев В.А.

Джунгарское ханство и казахи XVII-XVIII вв. — Алматы: Гылым, 1991, с.9.

¹⁴² История Востока. Восток на рубеже средневековья и нового времени. XVI-XVIII вв., Т.3, с.264.

¹⁴³ Там же, с.266.

¹⁴⁴ Моисеев В.А. Джунгарское ханство и казахи XVII-XVIII вв., с.49.

¹⁴⁵ История Востока. Восток на рубеже средневековья и нового времени. XVI-XVIII вв., Т.3, с.267.

¹⁴⁶ Моисеев В.А. Джунгарское ханство и казахи XVII-XVIII вв., с.53.

¹⁴⁷ Там же, с.82.

¹⁴⁸ Цит. по: Моисеев В.А. Джунгарское ханство и казахи XVII-XVIII вв., с.67-68.

¹⁴⁹ См.: Моисеев В.А. Джунгарское ханство и казахи XVII-XVIII вв., с.157-158.

¹⁵⁰ Там же, с.182.

Глава 2.

¹ См.: Аршба О. И. Современные концепции “управления” этнополитическим конфликтом. — Вестник Московского университета. Сер.18. Социология и политология, 2000, с. 78-84; Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. — М.: Московский Центр Карнеги, 1997; Лутовинов В., Морозов Ю. Этносепаратизм — чума нашего времени. — Азия и Африка сегодня, 2000, №2. с.7-9; Этнические и региональные конфликты в Евразии. Международный опыт разрешения этнических конфликтов. Кн.3. / Под. ред. Коппитерс Б., Ремакль Э., Зверев А. — М.: Весь мир, 1997.

² См. Бартольд В.В. Тюрки. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. — Алматы: Жалын, 1998, с.190-191; Валиханов Ч.Ч. Избранные произведения. — М.: Наука, 1986, с.167; Тихонов Д.И. Хозяйственный и общественный строй уйгурского государства. X-XIV вв. — М.-Л.: Наука, 1966, с.25-26.

³ Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. — М.: Наука, 1988, с.12.

⁴ См.: Дубровская Д.В. Судьба Сынцзна. — М.: ИВ РАН, 1998, с.64; Хафизова К.Ш. Китайская дипломатия в Центральной Азии (XIV-XIX вв.) — Алматы: Гылым, 1995, с.64-66

⁵ Моисеев В.А. Взаимоотношения ойратов Джунгарии и уйгуров Восточного Туркестана. XV-XVIII вв. — В сб.: Востоковедные исследования на Алтае. — Барнаул: Барнаульский ун-т, 1994, с.13.

⁶ См.: Валиханов Ч.Ч. Избранные произведения, с.148; Моисеев В.А. Взаимоотношения ойратов Джунгарии и уйгуров Восточного Туркестана. XV-XVIII вв., с.14-16.

⁷ Моисеев В.А. Взаимоотношения ойратов Джунгарии и уйгуров Восточного Туркестана. XV-XVIII вв., с.26.

⁸ История Востока. Восток на рубеже средневековья и нового времени. XVI-XVIII вв. Т.3 – М.: Восточная литература, 1999, с.591-592.

⁹ См.: Валиханов Ч.Ч. Избранные произведения, с.141; Моисеев В.А. Взаимоотношения ойратов Джунгарии и уйгуров Восточного Туркестана. XV-XVIII вв., с.30.

¹⁰ История Востока. Восток на рубеже средневековья и нового времени. XVI-XVIII вв. Т.3, с.592.

¹¹ См. Там же, с.592.

¹² Валиханов Ч.Ч. Избранные произведения, с.145.

¹³ См.: История Востока. Восток на рубеже средневековья и нового времени. XVI-XVIII вв. Т.3, с.593; Моисеев В.А. Взаимоотношения ойратов Джунгарии и уйгуров Восточного Туркестана. XV-XVIII вв., с.31.

¹⁴ См.: История Востока. Восток на рубеже средневековья и нового времени. XVI-XVIII вв. Т.3, с.593-594; Моисеев В.А. Взаимоотношения ойратов Джунгарии и уйгуров Восточного Туркестана. XV-XVIII вв., с.31.

¹⁵ Валиханов Ч.Ч. Избранные произведения, с.185-186.

¹⁶ Там же, с.148.

¹⁷ Исиев Д.А. Уйгурское государство Йэттишар. – М.: Наука, 1981, с.9.

¹⁸ Кузнецов В.С. датой восстания называет 1814 г. – См.: Кузнецов В.С. Цинская империя на рубежах Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1983, с.74.

¹⁹ См. Валиханов Ч.Ч. Избранные произведения, с.149; Кузнецов В.С. Цинская империя на рубежах Центральной Азии, с.74; Тимченко С.В. Антицинская борьба народов Восточного Туркестана в первой трети XIX в. и Кокандское ханство. – В сб. Из истории международных отношений в Центральной Азии. – Алма-Ата: Гылым, 1990, с.93.

²⁰ См.: Валиханов Ч.Ч. Избранные произведения, с.149-151; Тимченко С.В. Антицинская борьба народов Восточного Туркестана в первой трети XIX в. и Кокандское ханство, с.94-96.

²¹ См.: Тимченко С.В. Антицинская борьба народов Восточного Туркестана в первой трети XIX в. и Кокандское ханство, с.96.

²² См.: Валиханов Ч.Ч. Избранные произведения, с.151; Тимченко С.В. Антицинская борьба народов Восточного Туркестана в первой трети XIX в. и Кокандское ханство, с.96-97.

²³ Валиханов Ч.Ч. Избранные произведения, с.151-152.

²⁴ Там же, с.153.

²⁵ Там же, с.154.

²⁶ См. Из истории международных отношений в Центральной Азии. – Алма-Ата: Наука, 1990, с.136-137.

²⁷ См. Басханов М. Политика Англии в отношении государства Якуб-бека. – В сб.: Из истории международных отношений

в Центральной Азии. — Алма-Ата: Наука, 1990, с.100-133; Гуревич Б.П. История “Илийского вопроса” и ее китайские фальсификаторы”. — в Кн.: Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. — М.: Наука, 1982, с.423-459.

²⁸ См.: Гуревич Б.П. История “Илийского вопроса” и ее китайские фальсификаторы”, с.434-435; Моисеев В.А. Из истории Илийского кризиса (Занятие русскими войсками Кульджинского края в 1871 г.). — В сб.: Актуальные вопросы истории, историографии и международных отношений. — Барнаул, 1996, с.94-95.

²⁹ См.: Басханов М. Политика Англии в отношении государства Якуб-бека, с.108-115; Гуревич Б.П. История “Илийского вопроса” и ее китайские фальсификаторы”, с.428-429. Военный министр России Д.А. Милютин в октябре 1865 г. рекомендовал командующему Западно-Сибирским округом А.О. Дюгмелю “уклоняться от прямого участия в борьбе китайцев с дунганями, так как такое вмешательство несовместимо с нашими интересами при шатком положении маньчжурского правительства в Западном Китае”. Русские власти обещали не продавать оружие и съестные припасы “инсургентам”, а также прислать несколько специалистов, чтобы выучить китайцев “владению оружием в строю”. Помимо этого, русские власти не возражали против покупки цинской администрацией съестных припасов в русских пределах с рассрочкой платежа, как о том просила китайская сторона. Тем не менее, в просьбе снабдить илийского цзянцзюня порохом и боеприпасами было отказано. — См.: Дубровская Д.В. Указ. соч., с.139. В 1869 г. государственный канцлер России А. М. Горчаков, докладывая о своих переговорах с прибывшим в Петербург представителем Лондона Д. Форсайтом, отмечал: “Россия не имеет никаких завоевательных намерений в отношении Кашгара и желает развивать с ним дружеские торговые и соседские отношения, но признать его не может из-за неуверенности в прочности его власти и потому, что он не признан Китаем” — Цит. по: Исиев Д. А. Уйгурское государство Йэтишар, с.39.

³⁰ Цит. по: Гуревич Б.П. История “Илийского вопроса” и ее китайские фальсификаторы”, с.436.

³¹ Там же, с.437.

³² См.: Гуревич Б.П. История “Илийского вопроса” и ее китайские фальсификаторы”, с.438; Моисеев В.А. Из истории Илийского кризиса (Занятие русскими войсками Кульджинского края в 1871 г.), с.95

³³ См.: Гуревич Б.П. История “Илийского вопроса” и ее китайские фальсификаторы”, с.439; Моисеев В.А. Из истории Илийского кризиса (Занятие русскими войсками Кульджинского края в 1871 г.), с.104.

³⁴ См. Дубровская Д.В. Указ. соч., с.146.

- ³⁵ Там же, с.148
- ³⁶ См.: Басханов М. Политика Англии в отношении государства Якуб-бека, с.122.
- ³⁷ См.: Гуревич Б.П. История “Илийского вопроса” и ее китайские фальсификаторы”, с.446.
- ³⁸ Там же, с.448.
- ³⁹ Басханов М. Политика Англии в отношении государства Якуб-бека, с.120-121.
- ⁴⁰ Подробнее см.: Дубровская Д.В. Указ. соч., с.93-130.
- ⁴¹ Синьцзян цзян ши (Краткая история Синьцзяна). Т.2. — Урумчи, 1985, с.183-187.
- ⁴² Там же, с.189.
- ⁴³ Там же, с.193-194.
- ⁴⁴ См.: Гуревич Б.П. История “Илийского вопроса” и ее китайские фальсификаторы”, с.452.
- ⁴⁵ См. Дубровская Д.В. Указ. соч., с.163.
- ⁴⁶ Гуревич Б.П. История “Илийского вопроса” и ее китайские фальсификаторы”, с.458-459.
- ⁴⁷ Дубровская Д.В. Указ. соч., с.78.
- ⁴⁸ См. Москалев А.А. Национализм в понимании Сунь Ятсена. — Проблемы Дальнего Востока, 1999, №2, с.101.
- ⁴⁹ Там же, с.101-102.
- ⁵⁰ Там же, с.101-103.
- ⁵¹ См. Москалев А.А. Национализм в понимании Сунь Ятсена. — Проблемы Дальнего Востока, 1999, №3, с.83.
- ⁵² См. Тихвинский С.Л. История Китая и современность. — М.: Наука, 1976, с.229.
- ⁵³ См.: Москалев А.А. Национализм в понимании Сунь Ятсена. — Проблемы Дальнего Востока, 1999, №2, с.98-107; №3, с.82-91; Сунь Ятсен Избранные произведения. — М.: Наука, 1985, с.110,134,378,381-382.
- ⁵⁴ См. Москалев А.А. Национализм в понимании Сунь Ятсена. — Проблемы Дальнего Востока, 1999, №3, с. 82.
- ⁵⁵ См.: Москалев А.А. Национализм в понимании Сунь Ятсена. — Проблемы Дальнего Востока, 1999, №2, с.103.
- ⁵⁶ См.: Москалев А.А. Национализм в понимании Сунь Ятсена. — Проблемы Дальнего Востока, 1999, №3, с.83.
- ⁵⁷ См. Сунь Ятсен Избранные произведения, с.378,381-382.
- ⁵⁸ См. Там же, с.382.
- ⁵⁹ См. Там же, 378.
- ⁶⁰ См. Там же, с.382.
- ⁶¹ Москалев А.А. Национализм в понимании Сунь Ятсена. — Проблемы Дальнего Востока, 1999, №3, с.86.
- ⁶² См. Сунь Ятсен Избранные произведения, с.382.
- ⁶³ Цит. по: Богословский В.А., Москалев А.А. Национальный вопрос в Китае (1911-1949 гг.) — М.: Наука, 1988, с.75-77.

⁶⁴ Цит. по: Сухарчук Г.Д. Социально-экономические взгляды политических лидеров Китая первой половины XX века. — М.: Наука, 1983, с.78.

⁶⁵ Подробнее об обсуждении проблем “теории наций” и обосновании концепции “китайской нации” в КНР см.: Сыроежкин К.Л. Эволюция формирования и основные черты концепции национальной политики КПК. — Алматы: КИСИ, 1998, с.18-27.

⁶⁶ См.: Чжао Чньнянь, Ван Тяньси. Шэхуйчжуи чуци цзедуань юй миньцзу вэньти (Начальный этап социализма и национальный вопрос). — Пекин, 1990, с.3,8.

⁶⁷ См. Хэ Шутао Миньцзу гайнянь ды ханьи юй миньцзу яньцзю (О содержании понятия нация и этнографические исследования). — Миньцзу яньцзю, 1988, №5, с.22.

⁶⁸ См.: Баоэрхань (Бурхан). Синьцзян уши нянь (50 лет в Синьцзяне). — Урумчи, 1989, с.77; Чжан Дацзюнь. Сыши нянь дунлуань Синьцзян (40 лет смуты в Синьцзяне). — Сянган, 1956, с.22-24; Forbes Andrew D.W. Warlords and Muslims in Chinese Central Asia: A political history of Republican Sinkiang. 1911-1949. — Camb., L., N.Y., 1986, p.15.

⁶⁹ См.: Синьцзян цзян ши. Т.2., с.392-393; Forbes Andrew D.W. Op. cit., p.32.

⁷⁰ Forbes Andrew D.W. Op. cit., p.33.

⁷¹ См.: Баоэрхань. Синьцзян уши нянь, с.117,120-121; Чжан Дацзюнь. Указ. соч., с.26-28.

⁷² См.: Самади Зия. Тайна годов. Избранные произведения. Т.1. — Алма-Ата, 1986.

⁷³ См.: Там же.

⁷⁴ См.: Бармин В.А. СССР и Синьцзян. 1918-1941 гг. (Региональный фактор во внешней политике Советского Союза). — Барнаул: БПРУ, 1998; Иваненко В.И. Тропой памяти. — М.: Международные отношения, 1968; Синьцзян в советско-китайских отношениях. Информационный бюллетень №67 Института Дальнего Востока АН СССР. — М.: ИДВ АН СССР, 1975; Хакимбаев А.А. Некоторые особенности национально-освободительного движения народов Синьцзяна в 30-х и 40-х годах XX века. — В Сб.: Проблемы Китая (Материалы международной научной конференции по новейшей истории Китая. Апрель 1977 г.). Ч.1. — М., 1978; Хун Дичэнь Синьцзян шиди дачжоу (Историко-географический обзор Синьцзяна). — Шанхай, 1935; Чжан Дацзюнь. Сыши нянь дунлуань Синьцзян; Andrew D.W. Forbes Warlords and Muslims in Chinese Central Asia: A political history of Republican Sinkiang. 1911-1949.

⁷⁵ Andrew D.W. Forbes. Op. cit., p.74.

⁷⁶ См., например: Бармин В.А. СССР и Синьцзян. 1918-1941 гг.; Иваненко В.И. Тропой памяти; Синьцзян в советско-китайских

отношениях. Информационный бюллетень №67 Института Дальнего Востока АН СССР; Сыроежкин К.Л. Регламентация межэтнических отношений в КНР: теория и практика (50-е – 80-е годы). – М.: Панорама, 1997; Beloff M. The Foreign Policy of Soviet Russia 1929-1941. Vol.1-2. – L., N.Y., Toronto, 1968.

⁷⁷ На начало 30-х годов КЗНР представлял собой незначительную группу сторонников братьев Бугра (Мухаммединина, Абдуллы и Нурахмеда), исповедующих тюркскую националистическую политическую философию. Эта группа, состоящая из 300 человек и обладающая примерно 50 старомодными ружьями, была решительно антикоммунистической, антихристианской, антидунганской и антикитайской и без поддержки со стороны Хаджи Нияза и спецслужб Японии и Англии вряд ли представляла собой серьезную угрозу политическому режиму. – См.: Andrew D.W. Forbes. *Op. cit.*, p.84.

⁷⁸ Еще до образования ТИРВТ Сабит Домулла отправил британскому консулу в Кашгаре Томсон-Гловеру письмо, в котором просил принять “Хотанский эмират” (название, которое носило самопровозглашенное государство до образования ТИРВТ. – К.С.) под протекторат Англии. Авторы письма писали: “Э Было бы сообразным милосердию и справедливости великого британского правительства, если бы Ваше высокоблагородие – богатырь принц господин генконсул обратили бы внимание на исправление нашей сущности. Мы всегда готовы наряду с другими находиться под тенью великого британского правительства и будем стремиться прервать связь с большевиками”. – Цит по: Бармин В.А. СССР и Синьцзян. 1918-1941 гг., с.129.

⁷⁹ Таким в планах Нанкина являлся командующий 36-й дивизией Гоминьдана Ма Чжунин, не только достаточно хорошо знакомый с обстановкой в Синьцзяне, но и неоднократно участвующий в карательных операциях в этой провинции, в том числе и с целью подавления выступлений на национальной почве. – Andrew D.W. Forbes. *Op. cit.*, p.209.

⁸⁰ См.: “Синь Ясия”, Дихуа, 1934 (апрель), Т.7, №4, с.21.

⁸¹ Лян Жэнь Сайвай бачжу – Шэн Шицай (Гегемон северных территорий – Шэн Шицай). – Ланьчжоу, 1998, с.32.

⁸² Шэн Шицай Лю да чжэнцэ (Политика шести великих принципов). – Дихуа, 1938, с.41.

⁸³ Там же, с 42.

⁸⁴ См.: Сыроежкин К.Л. Казахи в КНР: очерки социально-экономического и культурного развития. – Алматы: Институт развития Казахстана, 1994; Forbes Andrew D.W. *Op. cit.*, p.103-106, 156; The Kazaks of China. Essays on an Ethnic Minority (Ed. by Linda Benson & Ingwar Swanberg). – Stockholm, 1988, p.52.

⁸⁵ Бармин В.А. СССР и Синьцзян. 1918-1941 гг., с.123.

⁸⁶ По просьбе Шэн Шицай данное подразделение было

специально сформировано из частей различных родов войск Красной Армии и бывших белогвардейцев, которым была обещана амнистия и советское гражданство в случае удачного завершения операции, и в ноябре 1933 г. переброшено в Синьцзян для подавления армии Ма Чжунина и разрозненных подразделений уйгуров и казахов. Выполнив свою задачу, подразделения “Алтайской добровольческой армии” к середине 1934 г. были выведены из Синьцзяна. — См.: Бармин В.А. СССР и Синьцзян. 1918-1941 гг., с.129-131; Стремительность, с которой подразделения “Алтайской добровольческой армии” были выведены из Синьцзяна (см. Приложение 1.), свидетельствует о том, что на тот период советское правительство не имело планов сохранения своего военного присутствия в Синьцзяне, хотя и отдавало себе ясный отчет в том, что восстание в этом регионе грозило серьезно осложнить позиции в нем Советского Союза.

⁸⁷ Бармин В.А. СССР и Синьцзян. 1918-1941 гг., с.131.

⁸⁸ Andrew D.W. Forbes. *Op. cit.*, p.116.

⁸⁹ См.: Чжан Дацзюнь. Указ. соч., с.52; Andrew D.W. Forbes. *Op. cit.*, p.113-114.

⁹⁰ Цит. по: Хун Дичэнь Синьцзян шиди дачжоу, с.229.

Еще более показателен документ, который приводит в своей работе другой китайский автор. В декларации лидеров ТИРВТ подчеркивалось: “Дунгане, по сравнению с ханьцами, являются еще более заклятыми врагами нашего народа. Хотя наш народ и сбросил гнет ханьцев, однако еще не избавился от дунган. Как бы наш народ ни боялся ханьцев, он не может не бояться дунган. Поэтому нашему народу следует соблюдать осторожность в отношении дунган и ограждать себя от них; нужно активно противостоять им и ни в коем случае не церемониться с ними, так как дунгане вынуждают нас к этому.

Желтые ханьцы не имеют ни малейшего отношения к Восточному Туркестану, черные дунгане также не имеют к нему никакого отношения. Восточный Туркестан, принадлежащий восточнотуркестанцам, не должен делать из чужестранцев отцов и матерей нашего народа... Отныне наш народ не станет пользоваться иноземными языками и именами. Нужно покончить с обычаями и привычками иноземцев, покончить с их нравами, письменностью и т.д., а также раз и навсегда изгнать чужеземцев из наших пределов. Долго желтая и черная грязь оскверняли землю нашего народа, но сегодня нельзя не смыть эту грязь. Долой желтое варварство! Да здравствует Восточно-Туркестанская Республика”. — Цит. по: Чжан Дацзюнь. Сыши нянь дунлуань Синьцзян, с.52-53.

⁹¹ Сайфуцзин Айцзэци (Сайфудин Азизи). Тяньшань юнин (Героический орел Тяньшаня). — Пекин, 1987, с.11.

⁹² В 1944-1945 гг. Гоминьдан содержал в Синьцзяне почти 100 тыс. войск, личный состав которых состоял главным

образом из ханьцев и дунган. — Сыроежкин К.Л. Регламентация межэтнических отношений в КНР, с.40.

⁹³ Andrew D.W. Forbes. *Op. cit.*, p.161-162.

⁹⁴ The Kazaks of China, с.51-52.

⁹⁵ Barnett D. China on the of Communist Takeover. — N.Y., 1963, p.276.

⁹⁶ Синьцзян цзян ши (Краткая история Синьцзяна). Т.3. — Урумчи, 1988, с.368-369

⁹⁷ Ча Цзиньсун Цзинянь Ахэмэйтицзян Касими (Памяти Азметжана Касими). — Синьцзян шэхуй кэсюэ, 1989, №4, с.21.

⁹⁸ См.: Мингулов Н.Н. Национально-освободительное движение народов Синьцзяна как составная часть общекитайской революции (1944-1949 гг.). — Труды института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова АН КазССР, 1968, №5, с.82-83; Адильжан. Лунь Абудокэлиму Абасофу ды миңыцу гань (О национальных взглядах Абдукерима Аббасова). — Синьцзян шэхуй кэсюэ, 1989, №4; Ахэмэйтицзян (Ахметжан Касими) Вомэнь цзяй миңыцу вэньти шан исие цоу (Некоторые наши ошибки в национальном вопросе). — Синьхуа юэбао, 1950, №4, Т1; Сайфуцзин Айцзэци. Указ. соч., с.177; Чжан Чжичжун Хуйилу (Воспоминания). Т.2 — Пекин, 1985, с.465-467.

⁹⁹ См.: Бармин В.А. Синьцзян в советско-китайских отношениях 1941-1949 гг. — Барнаул: БГПУ, 1999; Мингулов Н.Н. Национально-освободительное движение народов Синьцзяна как составная часть общекитайской революции (1944-1949 гг.). — Труды института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова АН КазССР, 1968, №15; Панюшкин А.С. Записки посла: Китай 1939-1944. — М.: Международные отношения, 1981; Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917-1974). — М.: Наука, 1977; Хакимбаев А.А. Национально-освободительное движение коренного населения Синьцзяна в 30-х и 40-х годах XX века. — Институт востоковедения АН СССР. Специальный бюллетень. №4 (120). — М.: ИВ АН СССР, 1971; Яковлев А.Г. К вопросу о национально-освободительном движении народов Синьцзяна в 1944-1949 гг. — Ученые записки Института востоковедения. — М., 1955, Т.11; Баоэрхань(Бурхан). Синьцзян уши нянь. — Пекин, 1984; Лян Жэнь Сайвай бачжу — Шэн Шицай. — Ланьчжоу, 1998; Allen S. Whiting and General Sheng Shihtsai. Sinkiang: Pown or Pivot? — Michigan, 1958; Andrew D.W. Forbes. Warlords and Muslims in Chinese Central Asia: A political history of Republican Sinkiang. 1911-1949. — Camb., L., N.Y., 1986; Lattimore O. Pivot of Asia. Sinkiang and Inner Asian frontiers of China and Russia. — Boston, 1950; Linda Benson. The Ili Rebellion. The Moslem Challenge to Chinese Authority in Xinjiang 1944-1949. — Armonk, N.Y., L., 1990; Mc.Millen D.H. Chinese Communist power and policy in Xinjiang. 1949-1977. — Boulder (Col.), 1979.

¹⁰⁰ См.: Andrew D.W. Forbes. *Op. cit.*, p.181.

¹⁰¹ См.: Бармин В.А. Синьцзян в советско-китайских отношениях 1941-1949 гг., с.22.

¹⁰² См.: Там же, с.32.

¹⁰³ Подробнее см.: См.: Бармин В.А. Синьцзян в советско-китайских отношениях 1941-1949 гг., с.67-85; Linda Benson. *The Ili Rebellion. The Moslem Challenge to Chinese Authority in Xinjiang 1944-1949.*, p.39-40.

¹⁰⁴ Бармин В.А. Синьцзян в советско-китайских отношениях 1941-1949 годы, с.96.

¹⁰⁵ В работе В.А. Бармина содержится весьма примечательный документ, свидетельствующий о полной или почти полной подконтрольности деятельности руководства ВТР образца 1945-1946 гг. правительству СССР. В документе отмечается, что “кандидатуры мусульман в новое синьцзянское правительство весьма тщательно обсуждались” и были утверждены только после того, как согласие на это дал сам Берия. Не менее красноречив и проект постановления ЦК ВКП(б) “О положении в Синьцзяне”, подготовленный И. Сталину ведомствами Берии и Вышинского в сентябре 1945 г. (см. Приложение 2). Пункт третий этого проекта гласил: “Рекомендовать повстанцам до получения ответа китайского правительства на заявление Советского Посла и на время переговоров, если таковые состоятся, активные действия своих вооруженных сил приостановить”. — См.: Бармин В.А. Синьцзян в советско-китайских отношениях 1941-1949 гг., с.96-97,110.

¹⁰⁶ См.: Хакимбаев А.А. Национально-освободительное движение коренного населения Синьцзяна в 30-х и 40-х годах XX века, с.165-166; Касими А. Талланма асарлар (Избранные произведения). — Урумчи, 1950, с.8; Andrew D.W. Forbes. *Op. cit.*, p.192-193, 249-250; Lattimore O. *Pivot of Asia. Sinkiang and Inner Asian frontiers of China and Russia*, p.89-90.

¹⁰⁷ See: Andrew D.W. Forbes. *Op. cit.*, p.196.

¹⁰⁸ См.: Бармин В.А. Синьцзян в советско-китайских отношениях 1941-1949 гг., с.132-140.

¹⁰⁹ Lattimore O. *Pivot of Asia. Sinkiang and Inner Asian frontiers of China and Russia*, p.97.

¹¹⁰ См.: Баоэрхань хэ Масудэ (Бурхан и Масуд) — Гуаньча, 1947, №15, 6 декабря.

¹¹¹ Linda Benson. *The Ili Rebellion. The Moslem Challenge to Chinese Authority in Xinjiang 1944-1949.*, p.103.

¹¹² George Moseley. *A Sino-Soviet Cultural Frontier: The Ili Kazakh Autonomous Chou.* — Cambridge, 1966, p.14.

¹¹³ См.: Дэн Лицзюнь Синьцзян хэпин цзефан ды цянью хоу (До и после мирного освобождения Синьцзяна). — Цзиндай ши яньцзю, 1989 №5; Синьцзян цзян ши, Т.3, с.511-512.

¹¹⁴ Шевель И.Б. Национальное строительство в Уйгурском Синьцзянском автономном районе Китайской Народной Республики. – Советская этнография, 1956, №2, с.96.

¹¹⁵ Синьцзян вэйуэр цзычжи цюй гайкуан (Общие сведения о Синьцзян-Уйгурском автономном районе). – Урумчи, 1985, с.37-38.

¹¹⁶ См.: George Moseley. *Op. cit.*, p.26.

¹¹⁷ Мао Цзэдун. Избранные произведения. Т.4. – Пекин, 1969, с.411-412.

¹¹⁸ См. Ли Вэйхань. Гуаньюй миныйцу лилунь хэ миныйцу чжэнцэ ды жогань взньти (О некоторых вопросах теории нации и национальной политики) – Пекин, 1984, с.44,74.

¹¹⁹ Синьцзян вэйуэр цзычжи цюй гайкуан, с.42.

¹²⁰ См. Хакимбаев А.А. Национальная политика маоистов в Синьцзяне (1949-1969 гг.). Ч.1 – М.: ИВ АН СССР, 1973, с.96-97. К сожалению, документальные свидетельства об этом зондаже почти полностью отсутствуют, однако свидетельства очевидцев событий позволяют в какой-то степени реконструировать характер разногласий между руководством КПК и местной политической элитой Синьцзяна. Результатом проведенного опроса стало так называемое “Письмо 51”, которое подписали все руководители ВТР, исключая Сайфудина Азизи. В этом письме в числе остальных требований содержались следующие положения: (1) удаление ханьцев и подразделений НОА из Синьцзяна; (2) сохранение Национальной армии трех округов; (3) отстранение кадровых работников-ханьцев от руководящих должностей и передача всей полноты власти в руки кадровых работников из числа местных этносов; (4) насыщение Синьцзяна марксистской литературой, опубликованной в СССР, но не в КНР; (5) укрепление контактов с СССР по всем направлениям; (6) государственное устройство по типу советской конфедеративной системы; (7) переименование Синьцзяна в Уйгурстан. Основной мыслью данного послания являлось положение о готовности местного руководства “жить в дружбе с Китаем, но при условии, что управлять данным регионом будет непосредственно оно”.

Вторично вопрос о переименовании провинции Синьцзян в Уйгурстан поднимался в период создания на ее территории автономных национальных образований. Этот вопрос обсуждался на конференции кадровых работников Синьцзяна и Синьцзянского военного округа в 1954 г. Работа конференции была приостановлена на два дня и продолжена с учетом указания Мао Цзэдуна – “Если Синьцзян требует названия Уйгурстан, то мы потеряем Тибет”. – См.: Сыроежкин К.Л. Регламентация межэтнических отношений в КНР: теория и практика, с.45.

¹²¹ См.: Шинжан гезити, 9.05.1951.

¹²² Цит. по: Ледовский А. Секретная миссия А.И. Микояна в Китай. – Проблемы Дальнего Востока, 1995, №3, с.103.

¹²³ Цит. по: Хакимбаев А.А. Национальная политика маоистов в Синьцзяне (1949-1969 гг.). Ч.1, с.116.

¹²⁴ См.: Синьцзян вэйуэр цзычжи цюй гайкуан, с.44.

¹²⁵ См.: Социально-классовая структура населения СУАР КНР. – Алма-Ата: Институт уйгуроведения АН Каз.ССР, 1992 (рукопись), с.23-29.

¹²⁶ См.: Там же, с.79-82.

¹²⁷ См.: Синьцзян вэйуэр цзычжи цюй чэнли ды чжунъяо ии (Важное значение образования Синьцзян-Уйгурского автономного района). – Пекин, 1956, с.28.

¹²⁸ См.: Каши жибао, 22.01.1957.

¹²⁹ См.: Синьцзян вэйуэр цзычжи цюй гайкуан, с.63.

¹³⁰ Синьцзян шэнчан цзяншэ бинтуань дяоча цзи (Сборник обследования Синьцзянского производственно-строительного корпуса). – Сянган, б.г., с.63.

¹³¹ См.: Синьцзян жибао, 30.04.1957.

¹³² См.: Синьцзян вэйуэр цзычжи цюй гайкуан, с.63.

¹³³ См.: Сыроежкин К., Кривоногов В. Место и роль Синьцзянского производственно-строительного корпуса в современном развитии СУАР КНР. – Вестник АН Каз.ССР, 1991, №4, с.69-75; Mc.Millen D.H. Chinese Communist power and policy in Xinjiang, p.74.

¹³⁴ Henry G. Schwarz. Chinese Migration to North-West China & Inner Mongolia.1949-1959. – The China Quarterly, 1963, №6, p.65.

¹³⁵ См.: Жэньминь жибао, 31.12.1979.

¹³⁶ См.: Mc.Millen D.H. Chinese Communist power and policy in Xinjiang, p.90.

¹³⁷ Mc.Millen D.H. Chinese Communist power and policy in Xinjiang, p.93; The Kazaks of China. Essays on an Ethnic Minority, p.67.

¹³⁸ См.: Синьцзян жибао, 10.02.1958.

¹³⁹ См.: Или жибао, 26.12.1957; Синьцзян жибао, 29.06.1958.

¹⁴⁰ Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. – М.: Политическая литература, 1956, с.463.

¹⁴¹ См.: George Moseley. Op. cit., p.65.

¹⁴² См.: Синьцзян жибао, 17.12.1957.

¹⁴³ См.: Там же.

¹⁴⁴ См.: Жэньминь жибао, 30.05.1957; Или жибао, 21.06.,30.08.1958; Каши жибао, 4.03.,1.05.1958; Синьцзян жибао, 26.02., 30.04., 7.05.,29.06.,17.10.1958.

¹⁴⁵ См.: Синьцзян жибао, 17.12. 1957.

¹⁴⁶ См.: Жэньминь жибао, 27.06.1958.

¹⁴⁷ См.: Синьцзян жибао, 29.06.1958.

¹⁴⁸ См.: Синьцзян жибао, 9.09.1958.

¹⁴⁹ Подробнее см.: Сыроежкин К.Л. Регламентация межэтнических отношений в КНР: теория и практика, с.54-55.

¹⁵⁰ Синьцзян вэйуэр цзычжи цюй гайкуан, с.67.

¹⁵¹ Mc.Millen D.H. Chinese Communist power and policy in Xinjiang, p.128-129.

¹⁵² Подробнее см.: Базильбаев А. Четыре года в хаосе. О так называемой “культурной революции” в Синьцзяне. – Алма-Ата: Казахстан, 1978, с.10-35; Сыроежкин К.Л. Регламентация межэтнических отношений в КНР: теория и практика, с.57-62.

¹⁵³ Mc.Millen D.H. Chinese Communist power and policy in Xinjiang, p.231.

¹⁵⁴ Цит. по: Mc.Millen D.H. Chinese Communist power and policy in Xinjiang, p.291-292.

¹⁵⁵ См.: Чжунго гунчан дан дишисыцы цюаньго дайбяо дахуй вэньцзян хуйбянь (Сборник документов 14 съезда КПК). – Чэнду, 1992, с.8-13.

¹⁵⁶ См.: У Гуанхэ. Сайфуцзин ю синьцзян вэньти (Сайфудин и синьцзянский вопрос). – Чжунго дал”, 1978, №129, с.7.

¹⁵⁷ Цит. по: У Гуанхэ. Сайфуцзин ю синьцзян вэньти, с.6.

¹⁵⁸ См.: Синьцзян жибао, 12.05.1978.

¹⁵⁹ См.: Mc.Millen D.H. Xinjiang and Wan Enmao: New direction in Power, Policy and Integration? – The China Quarterly, 1984, №99, p.573.

Глава 3.

¹ Национальные отношения и государство в современный период. – М.: Наука, 1978, с.164.

² Маркс Карл. Немецкая идеология. – Сочинения. 2-е издание. Т.3, М.: Политическая литература, 1980, с.19-20.

³ Ульяновский Р.А. К вопросу о специфике развития стран Востока. – Народы Азии и Африки, 1975, №5, с.71.

⁴ Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайского государства. – М.: Наука, 1983, с.53.

⁵ Подробнее см.: Сыроежкин К.Л. Эволюция формирования и основные черты концепции национальной политики КПК. – Алматы: КИСИ, 1998; Он же. Национально-государственное строительство в КНР: теория и практика. – Алматы: КИСИ, 1998.

⁶ См.: Сталин И. Об основах ленинизма. – В сб. Вопросы ленинизма. – М.: Госполитиздат, 1953, с.48; Он же. Об основных задачах партии в национальном вопросе. Доклад на X съезде РКП(б). – М.: Госполитиздат, 1933, с.7,17.

⁷ Цит. по: У Дахуа. Миньцзу юй фалюй (Этнос и законодательство). – Пекин, 1990, с.32.

⁸ См.: У Дахуа. Указ. соч., с.32; Чжан Чжи. Чжунго гэминь ды миньцзу вэньти хэ миньцзу чжэнцэ ды цзянхуа (Лекции по национальному вопросу и национальной политике в китайской революции). – Пекин, 1956, с.14-15.

⁹ В тексте декларации II съезда КПК (1922 г.) утверждалось, что

для Собственно Китая (Чжунго бэньбу) федеративный принцип государственного устройства не приемлем. “Что касается таких территорий, как Монголия, Тибет и Синьцзян, то с ними все обстоит иначе: они не только исторически являются районами, издревле компактно заселенными инородческими национальностями (ичжун миньзу), но и в экономическом отношении в корне отличаются от провинций Собственно Китая. Поэтому, если силой заставить этих инородцев, ведущих совсем иную хозяйственную жизнь, объединиться с Собственно Китаем, который находится под властью милитаристов и сам не является единым, то в результате это приведет лишь к разрастанию владений милитаристов и помешает монголам и другим народам пойти по прогрессивному пути самоопределения и самоуправления... Вот почему китайский народ должен выступить против самоуправления объединенных провинций, которое привело бы лишь к расчленению страны, а также против всеобщего военно-силового объединения и приведения всех [регионов] к одной системе управления. Поэтому нужно прежде всего покончить с милитаризмом, при помощи народа объединить Собственно Китай, создать подлинно демократическую республику. В то же время необходимо, основываясь на принципе экономических различий, с одной стороны, исключить разрастание сил милитаризма, а с другой, уважая самостоятельность пограничных народов, содействовать образованию трех автономных государств в Монголии, Тибете и Хуэйцзяне (т.е. Синьцзяне. – А.М.), а затем снова объединиться и образовать Китайскую Федеративную Республику. Только это и будет подлинно демократическим объединением!” – Цит. по Москалев А.А. Теоретическая база национальной политики КНР (1949-1999). – М.: Памятники исторической мысли, 2001, с.13-14.

¹⁰ См.: Москалев А.А. Теоретическая база национальной политики КНР (1949-1999), с.14.

¹¹ В “Резолюции по вопросу о национальных меньшинствах в пределах Китая”, принятой I Съездом Советов рабочих, крестьянских и солдатских представителей (1931 г.), предусматривалась тройкая форма реализации права неханьских народов на самоопределение. Как гласил текст Резолюции, “трудящиеся массы... национальностей сами решают: желают ли они выйти из Китайской Советской Республики и самостоятельно создать собственное государство, или желают войти в Советскую Федерацию, или же в пределах Китайской Советской Республики создать автономные районы”. В статье 14, обнародованной I съездом Советов “Конституционной программы” говорилось: “Монголы, хуэй, тибетцы, мяо, ли, корейцы и другие проживающие в пределах Китая [национальности], могут войти в Китайскую Советскую Федерацию, выйти из Советской Федерации или же создать собственный [автономный] район – все это решается самими

национальностями согласно их собственной воле”. — Цит. по Москалев А.А. Теоретическая база национальной политики КНР (1949-1999)., с.15.

¹² Jang Hsieh. Chinese Nationalities Polisy: It's development and Problems. — *Anthropos*.81, 1986, №1, p.6.

¹³ См.: Жэньминь жибао, 9.09.1953; В своем докладе на пленуме Мао Цзэдун выдвинул три основных принципа национальной политики партии: “равноправие [национальностей]”, “самоуправление”, “объединение”. О самоопределении и федерации речи уже не было. Зато акцентировалась установка на единство и сплоченность. В Резолюции пленума говорилось: “Сплотить все народы Китая (ханьцев, маньчжуров, монголов, хуэй, тибетцев, мяо, яо, и, фань и др.) в единую силу, совместно бороться за выживание в войне сопротивления Японии”. И далее: “Также нельзя допустить появление советского или социалистического по своему строю государства” (в Китае). Согласно Резолюции пленума, Китай должен был стать “демократической республикой нового типа — Китайской Республикой трех народных принципов”. — Цит. по Москалев А.А. Теоретическая база национальной политики КНР (1949-1999)., с.16.

¹⁴ Москалев А.А. В качестве таковой полагает резко отрицательное высказывание Гоминьдана в отношении лозунга на самоопределение со ссылкой на попытки Японии с помощью этого лозунга расколоть Китай. — См.: Москалев А.А. Теоретическая база национальной политики КНР (1949-1999)., с.16. И с этой позиций можно согласиться, имея в виду ситуацию японской войны в этот период и политику, проводимую Японией в Китае.

¹⁵ См. Чжао Яньнянь, Ван Тяньси. Шэхуйчжуи чуцзи цзедуань юй миньцзу вэньти (Начальный этап социализма и национальный вопрос). — Пекин, 1990, с.29.

¹⁶ Одним из первых партийных документов по вопросу о самоопределении национальностей был циркуляр, предназначенный специально для корреспондентов агентства Синьхуа, работавших в Синьцзяне. Он относится к октябрю 1949 г. Документ озаглавлен “Указания ЦК [КПК] по вопросу о “праве на самоопределение” национальных меньшинств”. В нем, в частности, говорилось, что “лозунг самоопределения” уже перестал “акцентироваться” партией, и вопрос этот “в настоящее время больше не следует заострять”. И далее: “В прошлом, в период гражданской войны, наша партия, дабы завоевать на свою сторону национальные меньшинства... делала упор на этом лозунге. И в то время это было совершенно правильно. Однако обстановка коренным образом изменилась. С реакционным гоминьдановским господством в основном покончено. Руководимый нашей партией Новый Китай уже стал реально. И чтобы завершить великое дело объединения нашей страны, чтобы противодействовать темным замыслам

империализма и его прихвостней по расколу сплоченности национальностей Китая, в национальном вопросе уже не следует акцентировать этот лозунг, дабы не дать империалистам и реакционным элементам внутри национальных меньшинств воспользоваться этим и столкнуть нас на пассивную позицию. Сегодня следует делать акцент на дружеском сотрудничестве и взаимной сплоченности всех национальностей Китая”. – Цит. по Москалев А.А. Теоретическая база национальной политики КНР (1949-1999)., с.44.

¹⁷ См.: Жэньминь жибао, 17.04.1954.

¹⁸ См.: Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. – М.: Политическая литература, 1956, с.54-55, 465, 480, 510.

¹⁹ См. Там же, с.53, 237.

²⁰ Там же, с.230.

²¹ См.: Жэньминь жибао, 16.03.1977.

²² Синь шици миңьцзу гуңцзо вэньсюань сюаньбянь (Сборник документов по национальной работе в новый период). – Пекин, 1990, с.5-6.

²³ См.: Миңьцзу чжэңцэ цзянхуа (Лекции по национальной политике). – Пекин, 1980, с.8.

²⁴ См.: Гоцзя миңвэй миңьцзу чжэңцэ вэньцзянь сюаньбянь. 1979-1984 (Сборник документов по национальной политике Комитета по национальностям Китая за 1979-1984 гг.). – Пекин, 1988, с.22.

²⁵ См.: Синь шици миңьцзу гуңцзо вэньсюань сюаньбянь, с.71-72.

²⁶ Там же, с.85.

²⁷ См.: Жэньминь жибао, 14.07.1981.

²⁸ См.: Синь шици миңьцзу гуңцзо вэньсюань сюаньбянь, с.138-145.

²⁹ Подробно о концепции см.: Сыроежкин К.Л. Регламентация межэтнических отношений в КНР: теория и практика, с.73-74; Он же. Эволюция формирования и основные черты концепции национальной политики КПК, с.74-77.

³⁰ См.: Цзян Юн. “Лянгэ ли букай” сысян цзай жэньши (Еще раз к пониманию концепции “два не отрываться”). – Синьцзян дасюэ сюэбао, 1990, №4, с.5.

³¹ Подробно см.: Талипов К.Т., Сыроежкин К.Л. Религия в СУАР: возрождение, современное состояние, социальная роль. – Вестник АН КазССР, 1989, №11, с.67-84.

³² См.: Гоцзя миңвэй миңьцзу чжэңцэ вэньцзянь сюаньбянь, с.57-58.

³³ См.: Синь шици миңьцзу гуңцзо вэньсюань сюаньбянь, с.181-186.

³⁴ Китайская Народная Республика. Законодательные акты. – М.: Прогресс, 1989, с.50.

- ³⁵ См.: Синь шици миньцзу гунцзо вэньсюань сюаньбянь, с.233.
- ³⁶ См.: Миньцзу цюйюй цзычжи фа сюэ (Изучая Закон о районно-национальной автономии /Под ред. Гэн Итая). — Пекин, 1986, с.88-89.
- ³⁷ См.: Синьцзян шэхуй кэсюэ, 1986, №5, с.123-124.
- ³⁸ См.: Синьцзян шэхуй кэсюэ, 1986, №4, с.8.
- ³⁹ См.: Миньцзу цзыцзюе хайши миньцзу фэньлие. Миньцзу хэ дандай миньцзу фэньлиечжуи (Национальное самоопределение или национальный раскол. Этнос и этнический сепаратизм в современную эпоху. /Под ред. Пань Чжипина). — Урумчи, 1999, с.178-181; Синьцзян шэхуй кэсюэ, 1986, №4, с.16-18; 1987, №.5, с.62-64.
- ⁴⁰ Синь шици миньцзу гунцзо вэньсюань сюаньбянь., с.307-321.
- ⁴¹ См.: Цюаньго миньцзу туаньцзе цзинбу сюаньцзин цзити сюаньцзин жэньбу бяочжань дахуй вэньцзянь хуйбянь (Сборник документов Всекитайского съезда передовиков национального единства). — Пекин, 1988, с.1-6.
- ⁴² См.: Там же, с.8-9.
- ⁴³ См.: Синь Вэй, Чжан Цзянсинь. Миньцзу вэньти. Ганьбу дубэнь (Национальный вопрос. Хрестоматия для кадровых работников). — Пекин, 2000, с.30; Чжунго миньцзу чжэнцэ дубэнь (Хрестоматия по национальной политике в Китае. /Под ред. У Шиминя). — Пекин, 1998, с.10, 40-41, 327.
- ⁴⁴ Миньцзу цзыцзюе хайши миньцзу фэньлие, с.140.
- ⁴⁵ Там же, с. 149-150.
- ⁴⁶ Там же, с.140.
- ⁴⁷ Тишков В.А. Дилемма новой России как многоэтнического государства. — В кн.: Права человека и межнациональные отношения. — М.: Международные отношения, 1994, с.87.
- ⁴⁸ Подробнее см. Зиманов С.З., Рейтор И.К. Теоретические вопросы советского национально-государственного строительства. — Алма-Ата: Наука, 1987, с.36-46.
- ⁴⁹ Там же, с.24.
- ⁵⁰ Национальные отношения и государственность в современный период. — М.: Наука, 1978, с.205.
- ⁵¹ Подробнее об истории формирования концепции см.: Сыроежкин К.Л. Регламентация межэтнических отношений в КНР: теория и практика, с. 131-134; Он же. Национально-государственное строительство в КНР: теория и практика, с.19-27.
- ⁵² См.: Миньцзу цюйюй цзычжи фа сюэ, с.40-43; Синьцзян шэ, 1954, №9, с.5; Чжэнфа яньцзю, 1956, №1, с.44.
- ⁵³ Китайская Народная Республика. Законодательные акты, с.49.
- ⁵⁴ Миньцзу цюйюй цзычжи фа цзибэнь чжиши (Основы Закона о районно-национальной автономии). — Чэнду, 1986, с.25-27.
- ⁵⁵ Макэсычжуи миньцзу лилунь ю дан ды миньцзу чжэнцэ (Марксистская теория нации и национальная политика партии). — Хух-Хото, 1987, с.155.

⁵⁶ Миньцзу цюйюй цзычжи фа цзяншо (Коротко о Законе о районно-национальной автономии). – Шэньян, 1985, с.140.

⁵⁷ Макэсычжуи миньцзу лилунь хэ дан ды миньцзу чжэнцэ (Марксистская теория нации и национальная политика партии). – Урумчи, 1990, с.57-58.

⁵⁸ У Дахуа. Указ. соч., с.33.

⁵⁹ Ши фа и тяоли 400 вэнь (400 вопросов к 10 законам). – Пекин, 1988, с.12.

⁶⁰ Китайская Народная Республика. Конституция и законодательные акты. – М.: Прогресс, 1984, с.51-52.

⁶¹ См.: Китайская Народная Республика. Законодательные акты, с.51-53.

⁶² См.: Там же, с.51.

⁶³ См.: Там же, с.32, 55-61.

⁶⁴ См.: Там же, с.62-63.

⁶⁵ У Гожуй. Гуаньюй цзычжи цюань цзици синши юй баочжань ды сикао (Формировании позиции относительно права на автономию и гарантиях). – Миньцзу яньцзю, 1989, №2, с.1.

⁶⁶ Китайская Народная Республика. Законодательные акты, с.53.

⁶⁷ См.: Там же, с.53.

⁶⁸ См.: У Дахуа. Указ. соч., с.55.

⁶⁹ См.: Миньцзу цюйюй цзычжи фа сюэ, с.56; Чжунго миньцзу чжэнцэ дубэнь, с.41.

⁷⁰ См.: У Дахуа. Указ. соч., с.35.

⁷¹ См.: Жэньминь жибао, 31.12.1979; Синьцзян дасюэ сюэбао, 1988, №.4, с.29.

⁷² См.: Синь Вэй, Чжан Цзянсинь. Указ. соч., с.189-190; У Дахуа. Указ. соч., с.35; Чжунго миньцзу чжэнцэ дубэнь, с.320-327; Чжунго шаошу миньцзу чанши (Общие сведения о национальных меньшинствах Китая /Под ред. Ма Иня). – Пекин, 1984, с.52.

⁷³ Подробнее см.: Межэтнические конфликты в странах зарубежного Востока /Под ред. А.А. Прусаускаса. – М.: Наука, 1991, с.38-40.

⁷⁴ National Separatism. /Ed. by Williams C.H. – Cardiff: Cardiff press, 1982, p.1-2.

⁷⁵ Межэтнические конфликты в странах зарубежного Востока, с.60-61.

⁷⁶ Там же, с.62.

Глава 4.

¹ См.: Межэтнические конфликты в странах зарубежного Востока. /Под ред. А.А. Прусаускаса. – М.: Наука, с.249-251.

² См.: Социально-классовая структура населения СУАР КНР. – Алма-Ата: Институт уйгуроведения АН КазССР (рукопись депонирована в КазНИИ НКИ), 1992, с.39-40.

³ Гайгэ кайфан цзай Синьцзян (Реформы и политика открытых дверей в Синьцзяне /под. ред. Чэнь Тунвэя). – Урумчи, 1998, с.22, 26-27.

⁴ См.: Синьцзян жибао, 15.06.1984.

⁵ См.: Социально-классовая структура населения СУАР, с.44-45.

⁶ См.: Жэньминь жибао, 15.03.1987; Синьцзян жибао, 14.03.1985, 3.04.1987.

⁷ См.: Синьцзян дасюэ сюэбао, 1988, №4, с.18-23; Синьцзян шэхуй кэсюэ, 1988, №2, с.30-38.

⁸ См.: Синьцзян шэхуй кэсюэ, 1988, №4, с.32.

⁹ См.: Социально-классовая структура населения СУАР, с.47-52.

¹⁰ Гайгэ кайфан цзай Синьцзян, с.33, 35.

¹¹ См.: Социально-классовая структура населения СУАР, с.54-55; Синьцзян няньцзянь. 1988 (Ежегодник по Синьцзяну за 1988 г.). – Урумчи, 1988, с.307.

¹² Синьцзян няньцзянь.1988, с.340-341.

¹³ См.: Синьцзян шэхуй кэсюэ, 1988, №2, с.34.

¹⁴ См.: Социально-классовая структура населения СУАР КНР, с.55-57.

¹⁵ См.: Гайгэ кайфан цзай Синьцзян, с. 33.

¹⁶ См.: Современный Синьцзян и его место в казахстанско-китайских отношениях /Под ред. Сыроежкина К.Л. – Алматы: Ин-т востоковедения МН-АН РК, Фонд Евразии, 1997, с.149; Гайгэ кайфан цзай Синьцзян, с. 46; Шао Цянь, Ван Шуаньгань. Синьцзян гайгэ кайфан эрши нянь (20 лет реформ и политики открытых дверей в Синьцзяне). – Урумчи, 1998, с.41.

¹⁷ В целом по Китаю среди трудовых ресурсов села заняты сельскохозяйственным производством 70,9%, несельскохозяйственными работами – 29,1%. Аналогичные расчеты проведенные по трудовым ресурсам синьцзянской деревни показывают, что здесь непосредственно сельскохозяйственным производством занято 90,3% несельскохозяйственными работами – 9,7%. – См.: Синьцзян тунци няньцзянь. 1999 (Статистический ежегодник по Синьцзяну за 1999 г.). – Урумчи, 1999, с.267; Ван Шуаньгань. Цзосян 21 шицзе ды Синьцзян. Цзинци цюань (Синьцзян вступает в 21 век. Экономика.). – Урумчи, 1999, с.233.

¹⁸ См.: Социально-классовая структура населения СУАР КНР, с.97-105.

¹⁹ См.: Чжунгун яньцзю, 1984, №5, с.110.

²⁰ См.: Синь шици миьнцзю гунцзо вэньсюань сюаньбянь (Сборник материалов по национальной работе в новый период). – Пекин, 1990, с.182.

²¹ Социально-классовая структура населения СУАР КНР, с.122.

²² Мьяньсян 21 шицзе Синьцзян цзинци кайфа кайфан чжаньлюэ яньцзю (Стратегия открытых дверей и развития экономики Синьцзяна на пути в 21 век. /Под ред. Хуан Цзюня и Цэн Дачжао). – Урумчи, 1999, с.226.

²³ См.: Мянсьян 21 шицзе Синьцзян цзинци кайфа кайфан чжаньлюэ яньцзю, с.226-227, 235-236; Цзосян 21 шицзе ды Синьцзян. Цзинци цюань, с.335.

²⁴ См.: Социально-классовая структура населения СУАР КНР, с.127-134; Сыроежкин К. Регламентация межэтнических отношений в КНР: теория и практика, с. 97-124; Он же. Этносоциальный фактор развития Синьцзяна. – Проблемы Дальнего Востока, 1990, №3, с.84-86; Синьцзян шэхуй кэсюэ, 1986, №3, с.44-46.

²⁵ См.: Ян Чжэн, Тун Юйфэнь, Юфнь Синь. Синьцзян жэнькоу шэнци цянй яньцзю (Исследование по внутренней и внешней миграции населения Синьцзяна). – Урумчи, 1996, с.85-104.

²⁶ См.: Синьцзян няньцзянь. 1992 (Ежегодник по Синьцзяну за 1992 г.). – Урумчи, 1992, с.3; Синьцзян няньцзянь. 1995 (Ежегодник по Синьцзяну за 1995 г.). – Урумчи, 1995, с.8.

²⁷ См.: Синьцзян шэхуй цзинци, 1991, №2, с.63-64.

²⁸ Как сообщалось, за период с 1950-1989 гг. центральное правительство предоставило Синьцзяну в виде финансовых компенсаций на 26,64 млрд. юаней, что составляло 61,6% всех расходов автономного района; за эти годы централизованные капвложения в капитальное строительство составили 26,611 млрд. юаней, или 73,38% всех расходов Синьцзяна на капитальное строительство. Кроме того, за 1958-1989 гг. СУАР было выделено: 7786 тыс. тонн стали, 4.186 тыс. тонн цемента, 1.286 тыс. автомобилей, 13.695 железнодорожных пассажирских вагонов, 16.973 единицы сельскохозяйственных машин, 4.103,5 тыс. тонн удобрений, 1.354 тыс. тонн ядохимикатов, 175,6 тыс. тонн сахара, 160.085 тонн чая, 259,02 млн. метров шелковых ниток, 3.622,1 тыс. велосипедов, 1.824,5 тыс. швейных машинок, 2.097,7 тыс. радиоприемников. Всего за сорок лет централизованные вложения в экономику, культуру и политическое развитие Синьцзяна составили 53 млрд. юаней. – См.: Синьцзян шифань дасюэ сюэбао, 1990, №4, с.15; Синьцзян шэхуй цзинци, 1991, №4, с.4.

²⁹ См.: 2000 нянь Синьцзян цзинци фачжань чжаньлюэ яньцзю (Исследование по стратегии экономического развития Синьцзяна до 2000 года. /Под ред. Цзинь Юньхуя и Лю Цзунхао). – Урумчи, 1990, с.208; Синьцзян шэхуй цзинци, 1991, №1, с.86-88.

³⁰ Мянсьян 21 шицзе Синьцзян цзинци кайфа кайфан чжаньлюэ яньцзю, с.105.

³¹ См.: Синьцзян няньцзянь. 1990. – Урумчи, с.35.

³² Чжунго Сибэй миьцзю дицюй цзинци кайфа яньцзю. – Пекин, 1988, с.69.

³³ Сибу да кайфа – мяньсян синь шицзе ды чжунда цзюэцэ (Большое развитие Запада – главная политика нового столетия). – Урумчи, 2000, с.3.

³⁴ См.: Чжуня яньцзю, 1994, №3-4, с.22.

³⁵ См.: Сыроежкин К. Западные ворота в Китай. – Континент,

2000, №19, с.18-21; Чэнь Шицзяо Хасакэсидань Гунхэго юй Чжунго Синьцзян цзинци фачжань ды бицзяо яньцзю (Сравнительное исследование экономического развития Республики Казахстан и СУАР КНР). – Синьцзян шэхуй цзинци, 1993, №2, с.48-53.

³⁶ В понятие “Запад” в КНР включают следующие административные образования: провинции Шэньси, Ганьсу, Цинхай, Сычуань, Юньнань, и Гуйчжоу, Нинся-Хуэйский, Синьцзян-Уйгурский и Тибетский автономный районы, город Чунцин (провинция Сычуань). Общая площадь составляет 5,4 млн. кв. км. (56% всей территории Китая), численность населения – 285 млн. человек (23% всего населения КНР), объемы полезных ископаемых составляют 50% от общих объемов Китая, потенциальные водные ресурсы – 77,75% от общегосударственных. – См.: Сибу да кайфа – мяньсян синь шицзе ды чжунда цзюэцэ, с.140.

³⁷ Сибу да кайфа – мяньсян синь шицзе ды чжунда цзюэцэ, с.3.

³⁸ Цзян Цзэминь. Гаосян Дэн Сяопин лилунь вэйда цичжи ба цзяншэ чжунго тэсэды шэхуйчжуи шиэ цюаньмянь туйсян эршии шицзе (Высоко подняв великое знамя теории Дэн Сяопина, двинуть дело строительства социализма с китайской спецификой в XXI век. Доклад на XV съезде КПК). – Пекин, 1997, с.29-30.

³⁹ См.: Сибу да кайфа – мяньсян синь шицзе ды чжунда цзюэцэ, с.3-4, 7-8.

⁴⁰ Там же, с.19-20.

⁴¹ Там же, с.20-24.

⁴² Там же, с. 100-104.

⁴³ Там же, с.129-130.

⁴⁴ См.: Там же, с.111.

⁴⁵ См.: Ян Чжэн, Тун Юйфэнь, Юань Синь. Синьцзян жэнькоу шэнци цяньи яньцзю (Исследование провинциальной миграции населения в Синьцзяне). – Урумчи, 1996, с.3-8.

⁴⁶ См.: Синьцзян няньцзянь. 2000 (Ежегодник по Синьцзяну за 2000 год). – Урумчи, 2000, с.14-15; Чжунго 1982 нянь жэнькоу пуча цзыляо. (Материалы переписи населения КНР в 1982 году). – Пекин, 1986, с.1-5.

⁴⁷ См.: См.: Чжунго фалюй няньцзянь. 1989 (Юридический ежегодник по Китаю за 1989 год.) – Пекин, 1989, с.640.

⁴⁸ Ли Сяося. Синьцзян шаошу миныйцу жэнькоу ды хуньинь чжуанкуан цянчжэ (Анализ брачной ситуации среди национальных меньшинств Синьцзяна). – Синьцзян шэхуй цзинци, 1994, №2, с.82; Синьцзян тунци няньцзянь. 1999 (Статистический ежегодник по Синьцзяну за 1999 г.). – Урумчи, 1999, с.80.

⁴⁹ См.: Синьцзян жэнькоу фачжань цюйши (Тенденции развития демографической ситуации в Синьцзяне. /Под ред. Чн Чжэн, Чжао Чуаньлиэ) – Урумчи, 1991, с.266-267; Ян Чжэн, Тун Юйфэнь, Юань Синь. Синьцзян жэнькоу шэнци цяньи янь, с.26-28.

⁵⁰ См.: Синьцзян жэнькоу фачжань цюйши, с.303-304.

⁵¹ См.: Ху Цзуюань. Жэнькоу лаохуа мянь мяньгуан (Общий обзор старения населения) – Синьцзян дасюэ сюэбао, 1990, №1, с.22, 24; Чэнь Хуа. Жэнькоу лаохуа юй лаою совэй (Старение населения и старость). – Синьцзян шэхуй кэсюэ, 1990, №5, с.57.

⁵² См.: Сунь Шухай. Синьцзян жэнькоу взньти мянь мяньгуан (Взгляд на проблемы населения в Синьцзяне). – Синьцзян шэхуй кэсюэ, 1990, №3, с.120, 125; Синьцзян няньцзянь. 1991 (Ежегодник по Синьцзяну за 1991 г.). – Урумчи, 1991, с.444.

⁵³ Ли Юаньцин. Чутань Синьцзян цзиньнянь лайды шэнцзи жэнькоу цяньи (Первоначальный взгляд на миграцию населения в Синьцзяне в последние годы). – Сибэй жэнькоу, 1990, №2, с.13.

⁵⁴ Ян Чжэн, Тун Юйфэнь, Юань Синь. Синьцзян жэнькоу шэнцзи цяньи янь, с.11.

⁵⁵ См.: Ли Юаньцин. Чутань Синьцзян цзиньнянь лайды шэнцзи жэнькоу ця, с.16-17; Синьцзян няньцзянь. 1993 (Ежегодник по Синьцзяну за 1993 г.). – Урумчи, 1993, с.318.

⁵⁶ Там же, с.11.

⁵⁷ См.: Сыроежкин К.Л. Демографическая ситуация в Синьцзяне: история, современность, перспектива. – Евразийское сообщество: экономика, политика, безопасность, 1995, №3, с.26-28; Он же. Особенности миграционных процессов в СУАР КНР и Республика Казахстан. – Евразийское сообщество: экономика, политика, безопасность, 1995, №6-7, с.144-153.

⁵⁸ Pipes D. The Muslims are coming! The Muslims are coming! – National Review, 1990, November 19, p.28-31..

⁵⁹ См.: Тажин М.М. Вызовам времени - правильные ответы. – Казахстанская правда, 24.11.2000; Он же. Национальная безопасность Казахстана: новое понимание, новые подходы. – Analitic – Аналитическое обозрение, 2000, №1, Октябрь, с.9-10.

⁶⁰ Игнатенко А. “Нутряное” и “ветряное”. Об аналитических подходах к исламскому экстремизму в эпоху глобализации. – Русский журнал, 2001, 29 марта.

⁶¹ Esposito J. The Islamic Threat. – N.Y.: Oxford Univ. Press, 1992, p.12.

⁶² Ibid., p.15.

⁶³ Turabi H. Islam, Democracy, the State and the West. – Middle East Policy, 1992, vol.1, №3, p.52.

⁶⁴ Мирский Г.И. Ислам и нация: Ближний Восток и Центральная Азия. – Полис, 1998, №3, с.78.

⁶⁵ Весьма любопытный анализ приводит в своих работах российский ученый Александр Игнатенко, утверждающий, что “есть фактура, которая заставляет думать, что государства Запада активно эксплуатируют исламский экстремизм, выступая в качестве его внешнего (относительно самих стран распространения ислама) патрона, спонсора или, как минимум, тыловой базы”.

Приводимые им примеры далеко не единичны. Это и Саудовская Аравия, и США, и Великобритания, и Израиль. — См.: Игнатенко А. Британия экспортирует джихад. — Эксперт, 1999, 15 февраля; Он же. Зеленый Интернетционал. Всемирное исламистское движение в преддверии XXI века приобретает парадоксальные формы. — Независимая газета, 7.04.1999; Он же. Исламский радикализм как побочный эффект “холодной войны”. — Центральная Азия и Кавказ, 2001, №1; Он же. “Нутряное” и “ветряное”. Об аналитических подходах к исламскому экстремизму в эпоху глобализации. — Русский журнал, 2001, 29 марта.

⁶⁶ Мирский Г.И. Ислам и нация: Ближний Восток и Центральная Азия, с.82.

⁶⁷ Султангалиева А.К. Проблемы ислама в Центральной Азии: общее и особенное. — Казахстан-Спектр, 1998, №2, с.126-140; Она же. Ислам в Казахстане: история, этничность, общество. — Алматы: КИСИ, 1998.

⁶⁸ Малашенко А. Ислам и политика в государствах Центральной Азии. — Центральная Азия и Кавказ, 1999, №4, с.66.

⁶⁹ См.: Валиханов Ч. О мусульманстве в степи. — Избранные произведения. — М.: Наука, 1986, с.293-298.

⁷⁰ См.: Ефимов В. Исламский фундаментализм: угроза для России? — Свободная мысль, 1993, №16, с. 65-66; Малышева Д. Исламско-фундаменталистский проект в реалиях современного мира. — Мировая экономика и международные отношения, 1999, №7, с.108-117; Малашенко А. Мусульманский мир СНГ. — М.: Фонд Карнеги, 1996. с.10-11.

⁷¹ Бибикова О. Феномен “ваххабизма”. — Азия и Африка сегодня, 1999, №8, с.49.

⁷² См.: Современный Синьцзян и его место в казахстанско-китайских отношениях, с.158.

⁷³ См.: Чжан Лие. Синьцзян исиланьцзяо чжуанкуан (Ситуация с исламом в Синьцзяне). — В сб. Дандай Чжуня яньцзю (Исследования по современной Центральной Азии. /Под ред. Чжан Баого. — Урумчи, 1999, с.388; Инь Чжугуан, Мао Юнфу. Синьцзян миньцзу гуаньси яньцзю (Исследование национальных отношений в Синьцзяне). — Урумчи, 1996, с.218-219; Синьцзян гайлань (Обзор по Синьцзяну. /Под. ред. Лю Юйшэн, Чжан Бин, Лю Сяоцин). — Урумчи, 1995, с.92-93.

⁷⁴ См.: Мянсян 21 шицзе Синьцзян цзинцзи кайфа кайфан чжаньлюэ яньцзю, с.230.

⁷⁵ См.: Синьцзян дасюэ сюэбао, 1987, №3, с.24.

⁷⁶ Инь Чжугуан, Мао Юнфу. Синьцзян миньцзу гуаньси яньцзю, с.160-168.

⁷⁷ См.: Современный Синьцзян и его место в казахстанско-китайских отношениях, с.159; Синьцзян гайлань, с.93.

⁷⁸ Инь Чжугуан, Мао Юнфу. Синьцзян миньцзу гуаньси яньцзю, с.161.

⁷⁹ В Кашгаре численность лиц, придерживающихся идеологии ваххабизма в 1987-1989 гг. составляла 3 тыс. человек. В 1996 г. их численность в Кашгарском округе снизилась до 1800 человек, в том числе в Кашгаре – до 1014 человек, имеется три мечети и четыре имама. В Хотанском округе 8012 человек придерживаются идеологии фундаментализма, имеется 74 мечети, 81 имам, в том числе в городе Хотан – 1924 человека, имеется 13 их мечетей и 23 имама. Что касается ваххабитов, то их численность составляет 20-30% от числа фундаменталистов, у них имеется 5 мечетей. В уезде Моюй приверженцами ваххабизма являются 5869 человек, имеется 61 мечеть и 43 имама. В городе Хотане и уезде Моюй отмечают тенденцию к возрастанию численности ваххабитов. – См.: Инь Чжугуан, Мао Юнфу. Синьцзян миныйцу гуаньси яньцзю, с.160-161.

⁸⁰ См.: Инь Чжугуан, Мао Юнфу. Синьцзян миныйцу гуаньси яньцзю, с.162.

⁸¹ Там же, с.163.

⁸² По материал отдела Единого фронта Хотанского партийного комитета, из 81 имама-ваххабита 61 являются “хорошими”, 11 – “обычными” и 9 – “плохими”, в том числе трое совершили политические ошибки; в уезде Моюй численность так называемых «талибов» составляет 955 человек, среди которых 319 являются ваххабитами. Из 319 ваххабитов 249 – “хорошие” и “относительно хорошие”, совершали ошибки 70 человек, из которых 5 казнены, 19 осуждены и 4 высланы. В городе Хотан 145 “талибов”, в том числе 89 ваххабитов, подавляющая часть которых “нормальные”. – См.: Инь Чжугуан, Мао Юнфу. Синьцзян миныйцу гуаньси яньцзю, с.163-164.

⁸³ См.: Современный Синьцзян и его место в казахстанско-китайских отношениях, с.162.

⁸⁴ Сань чжуи цюаньхуй илай чжуняо вэньсянь сюаибьянь (Важнейшие документы после III Пленума ЦК КПК). – Цзянсу, 1982, Т.2, с.1224.

⁸⁵ Там же, с.1228.

⁸⁶ Там же, с.1229,1232.

⁸⁷ Там же, с.1233.

⁸⁸ Китайская Народная Республика. Конституция и законодательные акты. – М.: Прогресс, 1984, с.31.

⁸⁹ Подробнее см.: Современный Синьцзян и его место в казахстанско-китайских отношениях, с.163-166; Талипов К., Сыроежкин К. Религия в СУАР: возрождение, современное состояние, социальная роль. – Вестник Академии наук КазССР, 1989, №11, с.67-74.

⁹⁰ Современный Синьцзян и его место в казахстанско-китайских отношениях, с.166.

⁹¹ См.: Современный Синьцзян и его место в казахстанско-китайских отношениях, с.167-168.

⁹² Цит. по: Beijing review, 1989, №12, p.17.

⁹³ См.: Миньцзу гуаньцзе, 1988, №9, с.18.

⁹⁴ Современный Синьцзян и его место в казахстанско-китайских отношениях, с.170-171.

⁹⁵ Там же, с.171-172.

⁹⁶ Там же, с.173.

⁹⁷ В конце 1988 г. правительство автономного района предприняло усилия по упорядочению деятельности религиозных организаций в автономном районе и сокращению их влияния на духовное развитие проживающих в его пределах этносов. На основе доклада, подготовленного отделом Единого фронта Парткома СУАР “О некоторых важных вопросах религиозной работы в автономном районе” – “Документ №19”, в ноябре принимается “Временное положение об управлении местами отправления религиозного культа”, которое существенно ограничивает деятельность религиозных организаций и ставит их под прямой контроль отделов по делам религии местных правительств всех уровней. Положение требовало создавать “органы демократического управления местами отправления религиозного культа”, которые, в силу их полномочий, ограничивали степень влияния духовенства на деятельность религиозных организаций. Кроме того, “создаваемым из представителей верующих и религиозных служителей” органам демократического управления предписывалось “воспитывать верующих в духе поддержки руководства со стороны партии, социализма, патриотизма и законопослушания, защиты единства родины и укрепления национальной сплоченности”. Пропаганда, противоречащая этим принципам, рассматривалась как “вредная”, а осуществляющие ее религиозные организации и представители духовенства – как “действующие в нарушение законодательства”. – См.: Инь Чжугуан, Мао Юнфу. Синьцзян миньцзу гуаньси яньцзю, с.220; Синьцзян няньцзянь. 1989 (Ежегодник по Синьцзяну за 1989 г.). - Урумчи, 1989, с.539.

⁹⁸ См.: Синьцзян шифань дасюэ сюэбао, 1990, №4, с.7-12; Современный Синьцзян и его место в казахстанско-китайских отношениях, с.176.

⁹⁹ Современный Синьцзян и его место в казахстанско-китайских отношениях, с.176.

¹⁰⁰ Чжан Лие. Синьцзян исиланьцзю чжуанкуан, с.391-392.

¹⁰¹ См.: Го Чжэнли. Шичан цзинцзи тяоцзян ся Синьцзян миньцзу гуаньси ды дуйцэ яньцзю (Исследование по национальным отношениям в Синьцзяне в условиях рыночной экономики). – Урумчи, 1998, с.127-128, 147-148.

¹⁰² См.: Цзяншэ юй чжунго тэсэ шэхуйчжун миньцзу цзунцзю лилунь сюэси ганяо. Чжунгун Синьцзян вэуэр цзычжи цюй вэйюань хуй сюаньчуань бу (Тезисы для изучения теории нации и религии в строительстве социализма с китайской спецификой).

Отдел пропаганды Комитета КПК СУАР КНР). – Урумчи, 2000, с.109.

¹⁰³ Го Чжэнли. Шичан цзинци тьяоцзян ся Синьцзян миньцзу гуаньси ды дуйцэ яньцзю, с.137.

¹⁰⁴ См.: Там же, с.128.

¹⁰⁵ Инь Чжугуан, Мао Юнфу. Синьцзян миньцзу гуаньси яньцзю, с.224-225.

¹⁰⁶ Среди основных причин, приведших к использованию религии в антигосударственных целях авторы проведенного обследования регионов Южного Синьцзяна отмечают: (1) Зарубежные враждебные силы используют религию для постоянного увеличения масштабов проникновения в Синьцзян. Зарубежные враждебные силы путем почтовых отправок и частных визитов завозят в СУАР литературу, пропагандирующую идеи “панисламизма” и “пантюркизма”, разрушающую контрпропаганду, ведущуюся КПК, они осуществляют религиозно-культурное проникновение; (2) Привнесенная по частным каналам проблема “талибов” превратилась в угрожающий стабильности общества фактор. Среди “талибов” немало людей, которые являются этническими сепаратистами, лишь прикрываясь религиозными одеждами. Они, используя пропаганду ислама и положение служителей религиозного культа, внедряют в сознание молодежи идеологию этнического сепаратизма, яд которой уже глубоко проник в некоторых людей. – См.: Инь Чжугуан, Мао Юнфу. Синьцзян миньцзу гуаньси яньцзю, с.224-225.

¹⁰⁷ См.: Инь Чжугуан, Мао Юнфу. Синьцзян миньцзу гуаньси яньцзю, с.154-155.

¹⁰⁸ См.: Межэтнические конфликты в странах зарубежного Востока, с.41.

¹⁰⁹ Там же, с.71.

¹¹⁰ Эволюция восточных обществ. Синтез традиционного и современного (Отв. ред. Л.И. Рейтор, Н.А. Симония). – М.: Наука, 1984, с.273-274.

¹¹¹ См.: Там же, с.264-266.

¹¹² Ульяновский Р.А. Общие закономерности социально-экономического развития и проблема специфики стран Востока. – Новая и новейшая история, 1978, №3, с.41.

¹¹³ Ульяновский Р.А. К вопросу о специфике развития стран Востока. – Народы Азии и Африки, 1979, №5, с.70-72.

¹¹⁴ Эволюция восточных обществ. Синтез традиционного и современного, с.383.

¹¹⁵ См.: Сыроежкин К.Л. Регламентация межэтнических отношений в КНР: теория и практика (50-е – 80-е годы). – М.: Панорама, 1997.

¹¹⁶ Kou Ying Mao. Patterns of Recruitment and Mobility of Urban Cadres. – In: The City in Communist China. /Ed. by Lewis J.W. – Stanford: Stanford Univ. Press, 1972, p.99.

¹¹⁷ История Коммунистической партии Китая. Т.1, Ч. III. - М.: ИДВ АН СССР, 1988, с.1063.

¹¹⁸ Mc.Millen D.H. Chinese Communist power and policy in Xinjiang. 1949-1977. – Boulder (Col.): Westview press, 1979, p.28.

¹¹⁹ Ibid., p.38.

¹²⁰ Ibid., p.28-29, 39.

¹²¹ Подробнее см.: Сыроежкин К.Л. Регламентация межэтнических отношений в КНР, с.163-167.

¹²² См.: Жэньминь жибао, 1.10.1950.

¹²³ См.: Синьцзян жибао, 1.09.1956.

¹²⁴ Mc.Millen D.H. Chinese Communist power and policy in Xinjiang., p.88-89.

¹²⁵ См.: Mc.Millen D.H. Chinese Communist power and policy in Xinjiang., p.87; Синьцзян жибао, 14.12.1951.

¹²⁶ См.: Синьцзян жибао, 14.12.1951.

¹²⁷ См.: Современный Синьцзян и его место в казахстанско-китайских отношениях, с.203-209, 220-224.

¹²⁸ Сыроежкин К.Л. Политическая роль рабочего класса в КНР. Проблемы становления (1949-1957 гг.). – Алма-Ата: Гылым, 1992, с.84-87.

¹²⁹ См.: Жэньминь жибао, 14.02.1958.

¹³⁰ См.: Синьцзян жибао, 20.04.1960.

¹³¹ См.: Жэньминь жибао, 26.12.1957.

¹³² Лю Чунь. Гэ миңьцзу ганьбу гунчанжунхуа ши дан ды ганьбу чжэнцэ ды цзуйгао юаньцзы (Коммунизация кадровых работников всех национальностей – высший принцип кадровой политики партии). – Миңьцзу туаньцзе, 1958, №8, с.1-2; Чжао Чжанюнь. Лунь дан ды миңьцзу цюйюй цзычжи чжэнцэ. (О политике партии в отношении районно-национальной автономии). – Миңьцзу яньцзю, 1959, №10, с.16-17.

¹³³ Ху Цзюнь. Гуаньюй пэйдан шаошу миңьцзу ганьбу вэньти. (О проблеме подготовки кадров из числа национальных меньшинств). – Миңьцзу яньцзю, 1959, №10, с.20-22.

¹³⁴ Mc.Millen D.H. Chinese Communist power and policy in Xinjiang, p.74.

¹³⁵ См.: Жэньминь жибао, 30.09.1965.

¹³⁶ Mc.Millen D.H. Chinese Communist power and policy in Xinjiang, p.77.

¹³⁷ Mc.Millen D.H. Chinese Communist power and policy in Xinjiang, p.276.

¹³⁸ Как нам представляется, Д.Х. МакМиллен прав, что этот феномен объяснялся несколькими обстоятельствами и факторами. Во-первых, Сайфудин доказал, что он был хорошим коммунистом, и его слова и поступки почти всегда были правильными, особенно на предмет интеграции Синьцзяна с Китаем. Во-вторых, он представлял собой образец уступчивости национальных

меньшинств правлению КПК и символизировал, по крайней мере, какой-то, процент неханьского присутствия в высших партийных рядах. В-третьих, его фундамент власти в Синьцзяне был нулевым и он демонстрировал, что не осталось фракционной лояльности в автономном районе прежним элитарным политическим группировкам (то есть и бывшей просоветской “Илийской группе”, и Ван Эньмао). Наконец, если Сайфудин и колебался в своих речах и поступках, то он колебался исключительно вместе с курсом и линией партии. — См.: Mc.Millen D.H. Chinese Communist power and policy in Xinjiang, p.275-276.

¹³⁹ См.: Синьцзян жибао, 4.06.1979.

¹⁴⁰ См.: Синьцзян жибао, 24.02.1980.

¹⁴¹ Mc.Millen D.H. Xinjiang and Wan Enmao: New direction in Power, Policy and Integration? — The China Quarterly, 1984, №99, p.574.

¹⁴² Синь шици миныйцу гунцзо вэньсюань сюаньбянь (Сборник документов о национальной работе в новый период). — Пекин, 1990, с.149.

¹⁴³ Цзянабуэр (Джанабил). Таньтань югуань миныйцу лилунь ды цзигэ вэньти (О некоторых вопросах теории нации). — Синьцзян шэхуй кэсюэ, 1990, №5, с.6.

¹⁴⁴ См.: Баликунь-Касакэ цзычжи сян гайкуан (Основные сведения о Барколь-Казахском автономном уезде). — Урумчи, 1984, с.106; Баэртола-Мэнгу цзычжи чжоу гайкуан (Основные сведения о Боратола-Монгольской автономной области). — Урумчи, 1985, с.65-67; Или-Хасакэ цзычжи чжоу гайкуан (Основные сведения об Или-Казахской автономной области). — Урумчи, 1985, с.63; Кэцзылэсу-Каэркэцзы цзычжи чжоу гайкуан (Основные сведения о Кызылсу-Киргизской автономной области). — Урумчи, 1985, с.67-68; Мулэй-Хасакэ цзычжи сян гайкуан (Основные сведения о Мурэ-Казахском автономном уезде). — Урумчи, 1984, с.49; Хэбукэсайэр-Мэнгу цзычжи сян гайкуан (Основные сведения о Кобуксар-Монгольском автономном уезде). — Урумчи, 1986, с.46; Чабучаэр-Сибо цзычжи сян гайкуан (Основные сведения о Сапчал-Сибоском автономном уезде). — Урумчи, 1985, с.36-37; Синьцзян дасюэ сюэбао, 1982, №4, с.31.

¹⁴⁵ Mc.Millen D.H. Xinjiang and Wan Enmao: New direction in Power, Policy and Integration? p.590.

¹⁴⁶ Выступая 1 июня 1983 г. на одном из совещаний генеральный секретарь ЦК КПК Ху Яобан разъяснял: “Ряд руководителей в партии, обладающих наиболее высокими качествами, составляют первый эшелон... Второй эшелон — это руководящие кадры, работающие в Секретариате ЦК КПК и на “первой линии” в Госсовете КНР. К третьему эшелону относятся молодые, полные сил и здоровья партийные кадры, имеющие соответствующий образовательный уровень, научные и технические знания,

которые в будущем будут выдвигаться в качестве смены на посты руководителей”. – См.: Чжунгун яньцзю, 1985, №1, с.47. Поскольку комплектация “руководящих звеньев” административного аппарата осуществлялась преимущественно за счет членов КПК, этот принцип в полной мере распространялся и на кадровый корпус.

¹⁴⁷ Гоцзя минвэй миньцзу чжэнцэ вэньцзян сюаньбянь. 1979-1984 (Сборник документов по национальной политике Комитета ВСНП по делам национальностей). – Пекин, 1988, с.84.

¹⁴⁸ Синьцзян няньцзянь. 1986 (Ежегодник по Синьцзяну за 1986 г.). – Урумчи, 1986, с.154.

¹⁴⁹ Там же, с.157.

¹⁵⁰ См.: Сыроежкин К.Л. Национально-государственное строительство в КНР: теория и практика, с.53, 58, 63, 71, 75.

¹⁵¹ См.: Хунци, 1986, №17, с.9

¹⁵² Подробнее см. Сыроежкин К.Л. Регламентация межэтнических отношений в КНР: теория и практика, с.193-198

¹⁵³ См.: Документы XIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. – Пекин, 1988, с.55-56; Цюаньго миньцзу туаньцзе цзинбу сюаньцзин цзити сюаньцзин жэньу бяочжань дахуй вэньцзян хуйбянь (Документы Всекитайского совещания передовиков производства). – Пекин, 1988, с.13.

¹⁵⁴ Подробнее см.: Сыроежкин К.Л. Регламентация межэтнических отношений в КНР: теория и практика, с.197-198.

¹⁵⁵ Го Чжэнли. Шичан цзинци тьяоцзян ся Синьцзян миньцзу гуаньси ды дуйцэ яньцзю, с.326-327.

¹⁵⁶ Инь Чжугуан, Мао Юнфу. Синьцзян миньцзу гуаньси яньцзю, с.176.

¹⁵⁷ См.: Межэтнические конфликты в странах зарубежного Востока, с.71.

¹⁵⁸ См.: Там же, с.62.

Глава 5.

¹ Межэтнические конфликты в странах зарубежного Востока / Под ред. А.А. Прусаускаса. – М.: Наука, с.60-61.

² Там же, с.249-250.

³ Лутовинов В., Морозов Ю. Этносепартизм – чума нашего времени. – Азия и Африка сегодня, 2000, №2, с.7-8.

⁴ См.: Чжэн Шупин. Факторы международной обстановки и проблема отношений двух берегов Тайваньского пролива. – В сб. Опыт разделенных государств и отношения между двумя берегами Тайваньского пролива (Материалы конференции). – М.: ИВ РАН, 1997, с.9.

⁵ См.: Иванов П.М. Единство Китая и национальные интересы России. – В сб. Опыт разделенных государств и отношения между двумя берегами Тайваньского пролива, с.20-21.

⁶ По этому вопросу существуют следующие мнения: а) правительство Тайваня является преемником правительства Китайской Республики (1911-1949 гг.), и его власть должна распространяться на континент; б) Тайвань должен объявить себя самостоятельным государством в качестве республики или сохранить название Китайской Республики, покончив с притязаниями на возвращение на материк; в) Тайвань должен в конце концов объединиться с КНР, но на условиях широкой автономии в рамках конфедерации. — См. Опыт разделенных государств и отношения между двумя берегами Тайваньского пролива, с.97.

⁷ См.: Там же, с.23-24.

⁸ См.: Ян Кайхуан. Анализ и интерпретация выдвигаемого коммунистическим Китаем принципа “одно государство — две системы”. — В сб. Опыт разделенных государств и отношения между двумя берегами Тайваньского пролива, с.45.

⁹ См.: Чжунго Тайвань вэньти (Тайваньский вопрос в Китае / Под ред. Чэнь Юнлиня. — Пекин, 1998, с.67.

¹⁰ См.: Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая. — Пекин, 1987, с.20-21; Чжунго Тайвань вэньти, с.68.

¹¹ См.: Чжунго Тайвань вэньти, с.90-94.

¹² ИТАР-ТАСС, 15.02.2000.

¹³ ИТАР-ТАСС, 20.03.2000.

¹⁴ Кузнецов В. Волнения на “крыше мира”. — Азия и Африка сегодня, 1998, №7, с. 65.

¹⁵ Ван Цзявэй, Нимацзянцзань. Чжунго Сицзан ды лиши дивэй (Историческое место китайского Тибета). — Учжоу, 1997, с.170-171.

¹⁶ См.: Там же, с.190-191.

¹⁷ Кузнецов В. Волнения на “крыше мира”, — Азия и Африка сегодня, 1998, №7, с.66-67.

¹⁸ Там же, с.67.

¹⁹ Ван Цзявэй, Нимацзянцзань. Чжунго Сицзан ды лиши дивэй, с.193-196.

²⁰ См.: Кузнецов В. Волнения на “крыше мира”. — Азия и Африка сегодня, 1998, №7, с.67-68.

²² Кузнецов В. Волнения на “крыше мира”. — Азия и Африка сегодня, 1998, №8, с.46.

²³ Чжунго тунци няньцзянь 1996 (Статистический ежегодник по Китаю за 1996 г.). — Пекин, 1996, с.55.

²⁴ Ван Цзявэй, Нимацзянцзань. Чжунго Сицзан ды лиши дивэй, с.237.

²⁵ Кузнецов В. Волнения на “крыше мира”. — Азия и Африка сегодня, 1998, №8, с.47.

²⁶ Там же, с.48-50.

²⁷ ИТАР-ТАСС, 24.03.1997.

²⁸ Эксперт, 1999, №18, с.57.

²⁹ Подробнее см.: Сыроежкин К.Л. Казахи в КНР. Очерки социально-экономического и культурного развития. — Алматы: ИДРК, 1994.

³⁰ Достаточно полная хронология этих событий, начиная с 1949 г., приводится в книге профессора Чжен Кун Фу. Этот список достаточно обширен. Но главное заключается в том, что не все эти события можно квалифицировать как факты “борьбы за независимость” или “выступления этнических сепаратистов”. В большинстве случаев это факты социального протеста либо по поводу конкретных социально-экономических и политических проблем, либо непродуманных преобразований в национально-культурной и религиозной сферах, либо просто террористические акции, носящие не политический, а криминальный характер. — См.: Чжен Кун Фу Синьцзян-Уйгурский вопрос и его развитие. — Алматы: Центр сравнительного изучения регионов, 2001, с.30-42.

³¹ См.: Инь Чжугуан, Мао Юнфу. Синьцзян миныйцу гуаньси яньцзю (Исследование национальных отношений в Синьцзяне). — Урумчи, 1996, с.304.

³² См.: Дэн Цзие. ЧжунЯ, Вайгао дицюй ды аньцюань синши (Ситуация с безопасностью в Центральной Азии и Закавказье). — В сб. Дандай ЧжунЯ яньцзю (Исследования современной Центральной Азии /Под. ред. Чжан Баого). — Урумчи, 1999, с.267-274; Чжан Лие. Гуаньюй Синьцзян вэндин ды цзидянь сыкао (Некоторые мысли относительно стабильности в Синьцзяне). — В сб. Дандай ЧжунЯ яньцзю, с.362; Ши Фэн. Синьцзян ды дилой чжэнчжи (Геополитика Синьцзяна). — В сб. Миныйцу цзыцзюе хайши миныйцу фэньлие. Миныйцу хэ дандай миныйцу фэньлиечжуй, с.345-378.

³³ “Время по Гринвичу”, 7.03.1997.

³⁴ См.: Камалов А.К. Древние уйгуры VIII-IX вв. — Алматы: ИД “Наш мир”, 2001, с.137, 169, 178; Кляшторный С.Г., Колесников А.А. Восточный Туркестан глазами русских путешественников. — Алма-Ата: Наука, 1988, с.20; Краткая история уйгуров. — Алма-Ата, 1991, с.91; Турсун Алмас. Уйгуры. — Алматы, 1993, Ч.1, с.7; Хамраев Х. Уйгуристан. — М.,1995.

³⁵ Краткая история уйгуров. — Алма-Ата, 1991, с.174-195; Турсун Алмас. Уйгуры. — Алматы, 1993, Ч.1, с.7; Хамраев Х. Уйгуристан. — М.,1995.

³⁶ Бартольд В.В. Тюрки. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. — Алматы: Жалын, 1998, с.81, 103-104.

³⁷ См.: Дубровская Д.В. Судьба Синьцзяна. — М.: ИВ РАН, 1998, с.139-141; Бармин В. СССР и Синьцзян. 1918-1941 гг. — Барнаул: БГРУ, 1998, с.25, 110, 134; Бармин В. Синьцзян в советско-китайских отношениях. 1941-1939 гг. — Барнаул: БГРУ, 1999, с.64-88.

³⁸ См.: Камалов А.К. Древние уйгуры VIII-IX вв., с.155.

³⁹ Подробнее см.: Сыроежкин К.Л. Эволюция формирования и основные черты концепции национальной политики КПК. – Алматы: КИСИ, 1998, с.15-18.

⁴⁰ Чжан Лие. Гуаньюй Синьцзян вэньдин ды цидянь сыкао (Некоторые мысли относительно стабильности в Синьцзяне). – В сб.: Дандай Чжуня яньцзю. – Урумчи, 1999, с.353.

⁴¹ Там же, с.362.

⁴² Там же, с.364-366.

⁴³ Там же, с.353-354.

⁴⁴ Бокков Илья. “Чечня” появилась и у Китая. – Общая газета, 20.02.1997; Есть и более “впечатляющая” статистика. Так, печально известная своими взглядами газета “Завтра” дает информацию о том, что “в ходе прошлогодних (события в Кашгаре в мае 1995 г. – К.С.) репрессий против уйгурского сепаратизма в Синьцзяне арестовано 57 тысяч человек. – См.: Дмитриев М. Уйгурская карта. – См.: Завтра, №7 (168), 18.02.1997.

⁴⁵ Тучков Владимир. Не все уйгуры одинаково полезны. – Vesti. Ru, 13.07.2000.

⁴⁶ Раисов Саясат. Синьцзян: рост напряженности. – Время по Гринвичу, 23.08.2001.

⁴⁷ См.: Хожамберди Кахарман. Уйгуры в ракурсе истории. – Алматы: Высшая школа Казахстана, 2001, с.240; В статье Петра Суханова имеет место фактическая ошибка. Он пишет, что это решение было принято на Всемирном уйгурском курултае в Турции в конце 1996 г., где большинство его участников поддержало “чеченский вариант” как наиболее приемлемый для решения “уйгурской проблемы”. – См.: Суханов Петр. Великое государство – Уйгурстан. – Независимое военное обозрение, №19 (241), 1.06.2001.

К такому выводу приводит анализ нескольких достаточно точных фактов. Во-первых, изменение тактики деятельности “этнических сепаратистов” в Синьцзяне произошло именно в 1992 г. Во-вторых, в Стамбуле Всемирный уйгурский курултай собирался в декабре 1992 г. В ноябре 1996 г. действительно имел место курултай уйгуров, но это был Всемирный курултай уйгурской молодежи и проходил он в Мюнхене.

⁴⁸ Так, в одной из публикаций подчеркивается, что “В апреле 1990 года исламисты объявили о начале священной войны (джихада) против Пекина. Цель бунтовщиков – образование исламской республики”. – См.: Боровой Яков. От Синьцзяна до Кашмира. – Новое время, №40, 8.10.1999.

⁴⁹ Чжан Лие. Гуаньюй Синьцзян вэньдин ды цидянь сыкао, с.361.

⁵⁰ См.: Время по Гринвичу, 7.03.1997.

⁵¹ Чжан Лие. Гуаньюй Синьцзян вэньдин ды цидянь сыкао, с.361.

⁵² Там же, с.362.

⁵³ Выступая на семинаре по проблемам борьбы с сепаратизмом в идеологической сфере в ноябре 1999 г. заместитель секретаря парткома СУАР Кейм Бавдун обратил внимание участников на следующие аспекты: (1) необходимо целенаправленно усиливать идеологическую работу, широко пропагандировать основную линию партии, пропагандировать патриотизм, коллективизм, социализм; (2) необходимо по-настоящему осуществлять политику партии в национальном и религиозном вопросе, опираясь на законодательство, усиливать управление национальными и религиозными делами; (3) необходимо взяться за создание очагов социалистической культуры в уездах, особенно в сельских районах; (4) необходимо усиливать управление школами и воспитательную работу с молодежью, противодействовать проникновению в сферу образования сепаратистов и лиц, занимающихся незаконной религиозной деятельностью; (5) необходимо всеми силами очищать и исправлять культуру в городах, выявлять и уничтожать произведения контрпропаганды, незаконные религиозные издания; (6) необходимо активизировать и повысить эффективность пропагандистской работы. – См.: Чжэнци фаньфэньлие доучжэн гантие чанчэн (Выстроить железную стену в борьбе с сепаратизмом) – Синьцзян жибао, 18.11.1999.

⁵⁴ См.: Инь Чжугуан, Мао Юнфу. Синьцзян миңьцзу гуаньси яньцзю, с.227-228.

⁵⁵ См.: Там же, с.304-310.

⁵⁶ Данная тактика использовалась КПК в ее войне с Гоминьданом. Согласно постулатам, изложенным в работах Мао Цзэдуна, специфика китайской народно-демократической революции заключалась в том, что она начиналась в деревне и распространялась на города.

⁵⁷ См.: Чжан Лие. Гуаньюй Синьцзян вэньдин ды цидянь сыкао, с.376-379.

⁵⁸ См.: Инь Чжугуан, Мао Юнфу. Синьцзян миңьцзу гуаньси яньцзю, с.226; Чжан Лие. Гуаньюй Синьцзян вэньдин ды цидянь сыкао, с.354.

⁵⁹ См.: Синьцзян шифань дасюэ сюэбао, 1990, №4, с.7-12.

⁶⁰ Уже в ходе Баринских событий “сепаратисты” выступали за формирование “контрполитической программы правительства так называемого Восточного Туркестана”, выделение Синьцзяна из состава КНР, организацию “священной войны” с иноверцами, “разжигали антиханьские настроения”, “выступали против марксизма и социализма за создание союзов с сепаратистами за рубежом” – См.: Синьцзян шифань дасюэ сюэбао, 1990, №4, с.7-12.

В ноябре 1993 г. в двенадцати уездах и городах под лозунгами “Уйгуры – хозяева Синьцзяна”, “Синьцзян принадлежит уйгурскому народу” одновременно произошли беспорядки и

забастовки. В апреле 1995 г. в шести городах Или-Казахской автономной области прошла антиправительственная демонстрация казахов и уйгуров под лозунгом “Да здравствует Синьцзян-Уйгурское государство”.

Весной 1996 г. имели место антиправительственные выступления в большинстве южных регионов СУАР.

В феврале 1997 г. в демонстрации в Кульдже приняло участие около тысячи молодых уйгуров.

По неофициальной информации, в течение 1998 г. в пяти городах и уездах Синьцзяна произошло более семидесяти организованных вооруженных нападений на полицейских и работников общественной безопасности.

12 февраля 1999 г. триста уйгуров выступили с призывами о независимости Синьцзяна. — См.: Чжен Кун Фу. Синьцзян-Уйгурский вопрос и его развитие, с.37-42.

Наконец, нельзя не учитывать и вывода китайских исследователей о том, что в последнее время “Национальные сепаратисты тщательно планируют свою террористическую деятельность и ведут длительную подготовку, призывая к десятилетней террористической войне, десятилетней партизанской войне, десятилетней регулярной войне”. — См.: Инь Чжугуан, Мао Юнфу. Синьцзян миныйцу гуаньси яньцзю, с.226.

⁶¹ По неофициальным данным, только за период 1990-1998 гг. зарегистрировано более 700 вооруженных акций, взрывов и диверсий, направленных против китайского присутствия в СУАР; с апреля 1996 г. в антикитайских выступлениях приняли участие более 65 тыс. человек и 17 раз происходили вооруженные столкновения. По свидетельству председателя Народного правительства СУАР Аблета Абдурешита, с начала 90-х годов можно насчитать несколько тысяч происшествий, таких как покушения, взрывы и другие террористические действия. — См.: Время по Гринвичу, 16.03.1999.

⁶² Суханов Петр. Великое государство — Уйгурстан. — Независимое военное обозрение, №19 (241), 1.06.2001.

⁶³ См.: Время по Гринвичу, 16.03.1999.

⁶⁴ См.: Чжен Кун Фу. Синьцзян-Уйгурский вопрос и его развитие, с.34-42.

⁶⁵ Наиболее часто к числу сепаратистских организаций, действующих на территории СУАР КНР, относят следующие: Региональная уйгурская ассоциация, Организация освобождения Уйгуристана, Восточно-Туркестанский национальный комитет спасения, Объединенный национальный революционный фронт Восточного Туркестана, партия либерального движения, Восточно-Туркестанская народно-революционная партия, “Тигры Лобнора”, партия за освобождение уйгуров, партия свободного развития, “Защитники Восточно-Туркестанской республики”, Восточно-

Туркестанское народное движение, организация “Искра Родины”, молодежная организация “Яна Аят”, Восточно-Туркестанский молодежный центр, “Ваххаби” и ряд других. — См.: Чжен Кун Фу. Синьцзян-Уйгурский вопрос и его развитие, с.43; Экстремизм в Центральной Азии. /Под общ. ред. К.Н. Бурханова. — Алматы: Институт России и Китая, 2000, с.61-65; Некоторые номера газет Время по Гринвичу, Независимая газета, Зеркало, а также издаваемой ОНРФ газеты Голос Восточного Туркестана

⁶⁶ Такого рода заявления довольно часто озвучиваются лидерами Объединенного национального революционного фронта Восточного Туркестана. — См.: Экстремизм в Центральной Азии, с.62.

⁶⁷ См.: Инь Чжугуан, Мао Юнфу. Синьцзян миньцзу гуаньси яньцзю, с.304-310; Чжан Лие. Гуаньюй Синьцзян вэньдин ды цидянь сыкао, с.354, 361.

⁶⁸ Время по Гринвичу, 7.03. 1997.

⁶⁹ См.: Экстремизм в Центральной Азии, с.64.

⁷⁰ Инь Чжугуан, Мао Юнфу. Синьцзян миньцзу гуаньси яньцзю, с.226.

⁷¹ Чжэн Кун Фу Синьцзян-Уйгурский вопрос и его развитие, с.36.

⁷² См.: Инь Чжугуан, Мао Юнфу. Синьцзян миньцзу гуаньси яньцзю, с.226.

⁷³ Чжан Лие. Гуаньюй Синьцзян вэньдин ды цидянь сыкао, с.354.

⁷⁴ Там же, с.361.

⁷⁵ Инь Чжугуан, Мао Юнфу. Синьцзян миньцзу гуаньси яньцзю, с.228.

⁷⁶ Там же, с.228.

⁷⁷ Там же, с.226.

⁷⁸ См.: Мухлисов Модан. Движение за освобождение Уйгустана. — Центральная Азия, 1997, №4, с.87.

⁷⁹ Китайские авторы приводят несколько отличную типологию лидеров зарубежных уйгурских организаций. По их мнению, в эти организации входит три группы сил. Первая группа представлена сбежавшими из страны до освобождения национальными сепаратистами, сконцентрированными в государствах Западной Азии, таких как Турция и Арабские Эмираты. Эту группу представляет бывший секретарь правительства провинции Синьцзян Айса (Айса Юсуп Альптекин, скончался в 1995 г. — К.С.). Вторая группа сконцентрирована в государствах Центральной Азии, большей частью это национальные сепаратисты сбежавшие в СССР в 50-е — 60-е годы. Есть еще одна группа, сконцентрированная в Казахстане. — См.: Инь Чжугуан, Мао Юнфу. Синьцзян миньцзу гуаньси яньцзю, с.226-227.

⁸⁰ См.: Чжэн Кун Фу. Синьцзян-уйгурский вопрос и его развитие, с.66-67.

⁸¹ Инь Чжугуан, Мао Юнфу. Синьцзян миныйзу гуаньси яньцзю, с.227.

⁸² Там же

⁸³ Подробнее см.: Сыроежкин К.Л. Национально-государственное строительство в КНР: теория и практика. – Алматы: КИСИ, 1998, с.67-70.

⁸⁴ См.: Лаумулин М. Казахстан в современных международных отношениях: безопасность, геополитика, политология. – Алматы: ИАЦ “КонтинентТ”, 2000, с.54-55.

⁸⁵ См.: United States Policy toward Central Asia. Statements by F. Kazemzadeh, M.B. Olcott, G. Mirsky. – Central Asia Monitor, 1992, №5, p.24, 28.

⁸⁶ По данным Кахармана Хожамберди, датой официального учреждения этой организации считается 14 октября 1999 г. – См.: Хожамберди Кахарман. Уйгуры в ракурсе истории, с.249.

⁸⁷ East Turkestan National Congress. The Mission of ETNC. – www.eastturkistan.com

⁸⁸ Хожамберди Кахарман. Уйгуры в ракурсе истории, с.245.

⁸⁹ See: Fight for East Turkestan. – Taipei Times, October 11, 1999.

⁹⁰ See: “The General” looks to the world for help. – Taipei Times, October 11, 1999.

⁹¹ Там же

⁹² В одном из материалов, опубликованных Far Eastern Economic Review, вскрывается факт предоставления Мировым банком займа Китаю, который был использован Синьцзянским СПСК. Факт получил огласку после того как активист в области прав человека Гарри У дал свидетельские показания Сенатской комиссии по иностранным делам о том, что часть из 100 млн. долларов американской помощи была направлена в Синьцзян. У сообщил комиссии, что эти средства были использованы СПСК, который реализовал по крайней мере три из восьми рабочих проектов Мирового банка для создания трудовых лагерей в Синьцзяне.

По данному факту были также выслушаны два свидетельства молодых уйгуров, являвшихся служащими СПСК. Один дезертир, Абладжан Барет, бывший заместитель командира одного из подразделений СПСК, свидетельствовал перед Сенатским комитетом, что СПСК привлекается к военным репрессиям. Он также сказал, что его собственный полк участвовал в подавлении 430 “контрреволюционеров” и национал-сепаратистов в ходе операции, начатой 25 апреля.

По этим свидетельствам было принято решение о том, что Казначейство США больше не будет поддерживать проекты Мирового банка, связанные с СПСК. Это может означать конец финансирования Мировым банком проектов в СУАР. – See: Showalter Monica. Fact and Friction: China exiles testify about human-rights violations. – Far Eastern Economic Review, www.taklamakan.org/index.html

⁹³ См.: Мухлисов Модан. Движение за освобождение Уйгурстана, с.89.

⁹⁴ Хожамберди Кахарман. Уйгуры в ракурсе истории, с.240; По другим данным, первый Всемирный национальный курултай “Восточный Туркестан” состоялся в Стамбуле 15-16 декабря 1992 г. – See: East Turkestan National Congress. Introductory Statement. – www.eastturkistan.com

⁹⁵ Хожамберди Кахарман. Уйгуры в ракурсе истории, с.248.

⁹⁶ ИТАР-ТАСС, 2.04.1997.

⁹⁷ Хожамберди Кахарман. Уйгуры в ракурсе истории, с.247.

⁹⁸ See: East Turkestan National Congress. The Emergence of ETNC. – www.eastturkistan.com; Примечательно, что в другой части этого же источника официальной датой создания НЦВТ называется 21 декабря. – See: East Turkestan National Congress. Introductory Statement. – www.eastturkistan.com

⁹⁹ Так, председатель Ассоциация солидарности Восточный Туркестан Сеит Таранчи, заявил о том, что ради создания исламского государства в Синьцзяне моджахеды готовы перейти “к активному антикитайскому террору, ибо это единственная возможность противостоять Пекину”. – См.: Боровой Яков. От Синьцзяна до Кашмира. – Новое время, №40, 8.10.1999.

¹⁰⁰ Это проблема не нова, и своими корнями уходит в историю национально-освободительной борьбы уйгурского народа 30-х – 50-х годов XX века. Уже 30-х годах при обсуждении названия будущей республики, несмотря на противодействие некоторых лидеров, прежде всего Сабита Домуллы, приоритет был отдан термину “Восточный Туркестан”. Как пишет Кахарман Хожамберди, “Эвыбор компромиссного термина ‘Восточный Туркестан’ носит тривиальный характер, учитывающий сиюминутный политический популизм, но не учитывающий реального геополитического положения дел у тюркоязычных народов того времени, которые почти все были в колониальном или полуколониальном состоянии, а также является следствием несправедливого принижения роли уйгурской нации в самой освободительной борьбе, которая составляла более 90% повстанцев, и необъективного возвышения роли других малочисленных тюркоязычных народов Уйгурстана в освободительной борьбе. Проще говоря, вследствие влияния определенных внешних и внутренних сил, и желания авторов перед заседанием правительства вместо термина ‘Уйгурстан’ был написан термин ‘Восточный Туркестан’”. – См.: Хожамберди Кахарман. Уйгуры в ракурсе истории, с.103-104.

Эта же проблема имела места и в 50-х годах, когда часть лидеров бывшей ВТР в так называемом “Письме 51”, адресованном ЦК КПК, в качестве будущего названия Синьцзяна предложила именовать его Уйгурстан. – См.: Сыроежкин К. Регламентация межэтнических отношений в КНР: теория и практика (50-е – 80-е годы), с.45.

¹⁰¹ Хожамберди Кахарман. Уйгуры в ракурсе истории, с.104; По информации из зарубежных источников, на Стамбульской конференции, в которой приняли участие 40 лидеров зарубежных уйгурских организаций из 18 стран мира, выступающих за независимость Синцзяна, после нескольких дней секретных переговоров было принято решение о создании Национального центра Восточный Туркестан (East Turkestan National Center), который выполнял бы функции правительства в изгнании. – See: Fight for East Turkestan. – Taipei Times, October 11, 1999.

¹⁰² See: East Turkestan National Congress. The Objectives of ETNC. – www.eastturkistan.com

¹⁰³ See: East Turkestan National Congress. The Emergence of ETNC. – www.eastturkistan.com

¹⁰⁴ See: Open letter to Marry Robinson. Munich, December 10, 2001. – www.eastturkistan.com; Uyghur American Association Letter to Colin Powell. September 16, 2001. – www.uyghuramerican.org

¹⁰⁵ Uyghur American Association statement on Violence. December 13, 2000. – www.uyghuramerican.org

¹⁰⁶ See: Resolution of the East Turkestan National Congress. – www.eastturkistan.com

¹⁰⁷ Так, несмотря на то, что в ноябре 2001 г. вице-премьер Госсовета КНР Цянь Цичэнь сообщил Верховному комиссару ООН по правам человека Мэри Робинсон, что примерно 1000 китайских мусульман проходили обучение в лагерях Аль-Каиды в Афганистане и других местах и что около 100 уйгуров воевали на стороне талибов, и Мэри Робинсон, и президент США Джордж Буш сочли за лучшее предупредить Пекин о том, что “необходимость проведения антитеррористической кампании не может служить оправданием нарушений прав и свобод граждан в Синцзян-Уйгурском автономном районе”. – См.: Время по Гринвичу, 21.12.2001; BBS, 15.11.2001.

На пресс-конференции 11 декабря официальный представитель китайского МИД Чжан Циюэ, заявив, что “Эти люди в действительности экстремисты, поддерживающие тесные связи с силами международного терроризма”, подчеркнул, что пленники должны быть выданы Пекину, как только подтвердится их китайское гражданство. Однако генерал Фрэнсис Тэйлор, специальный посланник США по проблемам терроризма, напомнил официальным лицам Китая, что задержанные уйгуры не могут быть репатрированы, “поскольку Вашингтон не считает террористическим движение за независимость Восточного Туркестана”. – См.: Китай и США делят уйгурских боевиков. 12.12.2001. – www.Asiatimes.ru; Время по Гринвичу, 21.12.2001.

¹⁰⁸ Так в одном из обращений Американской ассоциации уйгуров прямо подчеркивается, что “Давление международного сообщества на КНР гарантирует немедленные свободные и

открытые выборы в Восточном Туркестане и Тибете и обеспечит им, гарантированное ООН право на самоопределение”. — See: Uyghur American Association Statement. Oct 15, 2001. — www.uyghuramerican.org

Глава 6.

¹ Козлов Сергей. Восточный Туркестан уповает на Запад. — Независимая газета, 20.12.2000.

² См.: Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана. Сочинения. Т. 3. — М.: Наука, 1965, с.213; Бернштам А.Н. Уйгуры в Семиречье. — В кн.: Белек С.Е. Малову. — Фрунзе. Изд-во Кир. ФАН СССР, 1946, с.22; Гейер И.И. Весь русский Туркестан. — Ташкент, 1908, с. 258.

³ См.: Баранова Ю. К вопросу о переселении мусульманского населения из Илийского края в Семиречье в 1881-1883 гг. — Труды сектора востоковедения. Т.1. — Алма-Ата, 1959, с.33-52; Гуревич Б.П. История “Илийского вопроса” и ее китайские фальсификаторы”. — В кн.: Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. — М.: Наука, 1982, с.423-459; Исхаков Г., Курбанова З. Миграция уйгуров в Центральной Азии. — Евразийское сообщество: экономика, политика, безопасность, 1995, №6-7, с.13-18; Кабиров М.Н. Переселение илийских уйгуров в Семиречье. — Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1951; Sean R. Roberts The Uighurs of the Kazakstan borderlands: Migration and the Nation — Nationalities Papers, 1998, Vol. 26, №.3, p.511-530 и др. работы.

⁴ См.: Рудельсон Дж. Уйгуры и будущее Центральной Азии. — Тараккيات — Развитие, Бишкек, 2001, №1, май, с.19.

⁵ Там же, с.20.

⁶ Там же, с.20.

⁷ Курбанова З. Современные этносоциальные процессы у уйгуров Средней Азии и Казахстана. — Евразийское сообщество: экономика, политика, безопасность, 1995, №8, с.3.

⁸ См.: Баранова Ю. К вопросу о переселении мусульманского населения из Илийского края в Семиречье в 1881-1883 гг., с.38, 41.

⁹ Там же, с.37.

¹⁰ См.: Там же, с.41.

¹¹ Там же, с.43.

¹² Там же, с.46.

¹³ Там же, с.50.

¹⁴ Курбанова З. Современные этносоциальные процессы у уйгуров Средней Азии и Казахстана, с.3.

¹⁵ Гаситов М.А. История переселения уйгуров в Туркменистан. — Тараккيات — Развитие, Бишкек, 2001, №1, май, с.42.

¹⁶ Курбанова З. Современные этносоциальные процессы у уйгуров Средней Азии и Казахстана, с.3.

¹⁷ Исхаков Г., Курбанова З. Миграция уйгуров в Центральной Азии, с.14.

¹⁸ Курбанова З. Современные этносоциальные процессы у уйгуров Средней Азии и Казахстана, с.3; По другим данным, достоверность которых трудно проверить, в начале 20-х годов XX века в пределах Средней Азии и Казахстане проживало более полумиллиона уйгуров (некоторые авторы называют цифру – около 1 млн.). – См.: Талипов К. Работа большевиков с отходниками из Синьцзяна в 20-е гг. XX в. – В сб.: Исследования по уйгуроведению. Ч.IV. – Алматы, 2001, с.47.

¹⁹ См.: Кабиров М.Н. Выступление на конференции. – Научная конференция “Социально-экономические проблемы уйгуров СНГ”. – Алматы: Институт уйгуроведения НАН РК, МРАУ, 1994, с.10-13; По другим данным в ходе карательных акций было расстреляно 15 тыс. уйгуров. – См.: Талипов К. Работа большевиков с отходниками из Синьцзяна, с.48.

²⁰ См.: Талипов К. Работа большевиков с отходниками из Синьцзяна, с.48.

²¹ См.: Чжу Пэйминь. Эрши шицзе Синьцзян ши яньцзю (Исследование по истории Синьцзяна XX века). – Урумчи, 2000, с.293.

²² See: June Teufel Dryer. Ethnic Minorities in the Sino-Soviet Dispute. – In: Soviet Asian Ethnic Frontiers /Ed. by William McCagg and Brian D. Silver. – New York: Pergamon Press, 1979, pp.208-209; Ch. Harris. Xinjiang, Central Asia and the Implications for China's Policy in the Islamic World. – The China Quarterly, 1993, №133, March, p.115; George Moseley. A Sino-Soviet Cultural Frontier: The Hi Kazakh Autonomous Chou. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1966, p.109; Rasma Silde-Karklins. The Uighurs Between China and the USSR. – Canadian Slavonic Paper, Vol. 19, 1975, p.344.

²³ See: Sean R. Roberts The Uighurs of the Kazakstan borderlands: Migration and the Nation, p.513.

²⁴ См.: Сыроежкин К. Казахстан – Китай: торгово-экономические отношения. – Казахстан и мировое сообщество, 1995, №1, с.63-72.

²⁵ Sean R. Roberts The Uighurs of the Kazakstan borderlands: Migration and the Nation, p.513.

²⁶ Курбанова З. Современные этносоциальные процессы у уйгуров Средней Азии и Казахстана, с.6-7.

²⁷ Исхаков Г., Курбанова З. Миграция уйгуров в Центральной Азии, с.15.

²⁸ Курбанова З. Современные этносоциальные процессы у уйгуров Средней Азии и Казахстана, с.11.

²⁹ Надыров Ш.М. Уйгуры Казахстана в Год народного единства и национальной истории. – Выступление на заседании Ассамблеи народов Казахстана.

³⁰ Абдукадыров З.А. Общая картина современного размещения уйгуров Средней Азии и Казахстана. — Научная конференция “Социально-экономические проблемы уйгуров СНГ”. — Алматы: Институт уйгуроведения НАН РК, МРАУ, 1994, с.6-7.

³¹ Подробнее об этом см. Талипов К. Работа большевиков с отходниками из Синьцзяна, с.47-59.

³² См.: Там же, с.48-49.

³³ Цит. по: Талипов К. Работа большевиков с отходниками из Синьцзяна, с.49.

³⁴ См.: Бармин В.А. Советский Союз и Синьцзян 1918-1941 гг. (Региональный фактор во внешней политике Советского Союза). — Барнаул: Изд-во БГПУ, 1998, с.86-87.

³⁵ См.: Бармин В.А. Советский Союз и Синьцзян 1918-1941 гг.; Он же. Синьцзян в советско-китайских отношениях 1941-1949 гг. — Барнаул: БГПУ, 1999; Талипов К. Работа большевиков с отходниками из Синьцзяна, 52-59.

³⁶ Цит. по: Талипов К. Работа большевиков с отходниками из Синьцзяна, с.53.

³⁷ См.: Там же, с.53-54.

³⁸ См.: Там же, с.54.

³⁹ См.: Бармин В.А. Советский Союз и Синьцзян 1918-1941 гг., с.91.

⁴⁰ Цит. по: Талипов К. Работа большевиков с отходниками из Синьцзяна, с.55.

⁴¹ См.: Там же, с.57-58.

⁴² См.: Масими Касым. История уйгурской державы. Племенное объединение уйгур. Том.1. — Алматы, 1998; Он же. История уйгурской державы. Голубые тюрки. Историко-хронологическое исследование. Том 2. VII в. до н.э. — VIII в. н.э. — Алматы, 2000.

⁴³ Кабиров М. Память уйгуров. — Мысль, 1994, №4, с.84.

⁴⁴ Roberts Sean R. The Uighurs of the Kazakstan borderlands: Migration and the Nation, p.514-515.

⁴⁵ Ibid., p.515.

⁴⁶ Ibid., p.515.

⁴⁷ Как сказал один kelganlar, у которого я взял интервью, вначале он не был принят соседями yerliklar, сразу после прибытия в Советский Союз. Позже, однако, его соседи yerliklar попросили, чтобы он показал им, как провести “присущий” уйгурам обряд погребения по исламским канонам, так как он был благочестивым мусульманином. Согласно рассказу этого человека, после этого его соседи yerliklar поняли, что он знал больше относительно “истинной” уйгурской культуры, чем они. (p.516.)

А вот другое свидетельство: раньше, в советский периода, когда мы только прибыли, мы имели проблемы с местными уйгурами. Они говорили: “А вы — китайцы”. У нас были конфликты. Но теперь у нас хорошие отношения, потому что наши дети, наши

сыновья и дочери женились друг на друге. Мы смешались. Теперь местные уйгуры стали более похожи на нас из-за наших традиций. (р.518.)

⁴⁸ Roberts Sean R. *The Uighurs of the Kazakstan borderlands: Migration and the Nation*, p.517; Шон Робертс приводит свидетельство одного из старых активистов уйгурского национального движения: “прежде, когда говорили о движении Восточного Туркестана с *yerliklar*, родившимися здесь, они не понимали..., они начали проявлять заинтересованность только недавно”. Однако, комментируя это высказывание, Ш. Робертс подчеркивает, что даже с учетом этого, большинство *yerliklar* больше заинтересованы в более полном представительстве в Казахстане, чем в создании Уйгурстана или Восточного Туркестана в Синьцзяне (р.518.).

⁴⁹ Roberts Sean R. *The Uighurs of the Kazakstan borderlands: Migration and the Nation*, p.520.

⁵⁰ *Ibid.*, p.521.

⁵¹ *Ibid.*, p.524-525.

⁵² См.: Хожамберди Кахарман. Уйгуры в ракурсе истории. — Алматы: Высшая школа Казахстана, 2001, с.234.

⁵³ Там же, с.235.

⁵⁴ См.: См. Чжен Кун Фу Синьцзян-Уйгурский вопрос и его развитие. — Алматы: Центр сравнительного изучения регионов, 2001, с.74.

⁵⁵ См.: Хожамберди Кахарман. Уйгуры в ракурсе истории, с.239-244.

⁵⁶ Описывая этот процесс, Кахарман Хожамберди отмечает, что основной причиной создания новой организации стало принятие имеющих силу закона Указов Президента Республики Казахстан “О государственной регистрации юридических лиц” от 14.04.1995 г. и “О внесении изменений и дополнений к закону Об общественных объединениях Республики Казахстан” от 05.10.1995 г., “во-первых, изъявших правовую основу нашей организации как межгосударственного объединения; во-вторых, потребовавших внесения в учредительные документы изменений и перерегистрации в Министерстве юстиции Республики Казахстан до 31 декабря 1995 г.” — См.: Хожамберди Кахарман. Уйгуры в ракурсе истории, с.237-238.

С такой постановкой вопроса, с определенными оговорками, можно согласиться. Однако, как нам представляется, главным поводом перерегистрации стали непримиримые разногласия в руководстве организации. Как подчеркивает сам Кахарман Хожамберди, “Основные трудности в работе ассоциации, наряду с финансово-экономическими, лежали в области несоответствия уровня политической культуры и компетентности у большинства руководителей организации с реальными требованиями общественной жизни, что зачастую становилось источником

конфликтов и дезорганизации”. – Хожамберди Кахарман. Уйгуры в ракурсе истории, с.237.

⁵⁷ Хожамберди Кахарман. Уйгуры в ракурсе истории, с.238.

⁵⁸ Там же, с.237.

⁵⁹ Мухлисов Модан. Движение за освобождение Уйгурстана. – Центральная Азия, 1997, №4 (10), с.87; Первоначально организация носила название “Комитет Восточного Туркестана” и лишь в 1984 г. была переименована в “Национальный революционный фронт Восточного Туркестана”, причем любопытно, что даже в документах этой организации, принятых, по-видимому, в этот период, название организации озвучивается по-разному: в Проекте создания – “Фронт национального освобождения Восточного Туркестана”, а в Политической программе – “Национальный фронт освобождения Восточного Туркестана”.

⁶⁰ Кстати говоря, этот тезис подтверждается и самими руководителями уйгурских организаций. Так, в качестве одного из достижений деятельности ОНРФВТ его руководство отмечало: “Все участвовавшие в собраниях Восточнотуркестанцы подчеркивали, что существующую на протяжении долгого времени неразбериху и споры между уйгурскими эмигрантскими организациями пора остановить, и предложить считать Фронт единственной организацией, вокруг которой необходимо и вести борьбу. Они отметили, что Фронт – действующая организация и высказали уверенность участвовать в нем до конца”. – См.: Голос Восточного Туркестана, №150, 27.01.1995.

⁶¹ Мухлисов Модан. Движение за освобождение Уйгурстана, с.88; Согласно другим источникам учредительный съезд межгосударственного комитета “Восточный Туркестан” состоялся 11 января 1992 г. в Алма-Ате. В “Обращении к главам независимых государств”, принятом съездом, подчеркивалось: “Э если не прекратится политика геноцида, если не прекратятся нарушения прав человека в Восточном Туркестане, если не прекратится насильственная китаизация нашего края, неизбежно ведущая к физическому уничтожению народа, вспыхнет народное восстание, будет пролита кровь. Мы не хотим крови, мы не хотим убивать и умирать! Но если не будет найдено другого пути, чтобы спасти наш народ от уничтожения, мы не свернем с пути освобождения своего народа, как бы труден он не был”! – Цит. по: Борис Майнаев. Уйгуры – этническая бомба в Великой китайской стене. – Центральная Азия и Кавказ, 1997, №8

⁶² См.: Экстремизм в Центральной Азии. /Под. ред. Бурханова К.Н. – Алматы: Институт России и Китая, 2000, с.61-62.

⁶³ В одном из обращений ОНРФВТ, опубликованных в газете “Голос Восточного Туркестана”, сообщалось, что ОНРФВТ признает: “независимость Уйгурстана действительно может быть завоевана революционным путем. Потому что мы хорошо

запомнили боевой клич наших патриотов, произнесенный в январе 1992 г. с трезвым учетом горького опыта двух революций тридцатых и сороковых годов, где говорится: “Мы должны довести нынешнюю революцию до победного конца, невзирая на любые трудности и препятствия”. Они, эти патриоты, признавая образованный нами в то время в Средней Азии Восточно-туркестанский комитет, назвали его своим официальным представителем в Средней Азии и написали нам, революционным своим соратникам, письмо следующего содержания:

“В связи с международным положением и трагическими событиями, произошедшими в Восточном Туркестане, наша партия и народно-освободительный фронт вынесли решение о переименовании созданного в городе Алма-Ате Республики Казахстан “Комитета освобождения Восточного Туркестана” и рекомендуют называть его впредь “Иностранной ставкой Центрального комитета Восточно-туркестанского национально-освободительного фронта”, а также приняли решение назначить Юсупбека Мухлиси первым заместителем председателя Центрального комитета народно-освободительного фронта Восточного Туркестана, а Батура Аршидина и Кахрамана Сулайманова – членами постоянного комитета народно-освободительного фронта, а также назначают Юсупа Мухлиси главным представителем ставки, Батура Аршидина и Кахрамана Сулайманова заместителями главного представителя”. – См.: Голос Восточного Туркестана, №193, 5.04.1998.

⁶⁴ Мухлиси Ю. Завещание Гани-батура (К 100-летию со дня рождения). – Алматы, 2001, с.41.

⁶⁵ Мухлисов Модан. Движение за освобождение Уйгурстана, с.88-89.

⁶⁶ См.: Экстремизм в Центральной Азии, с.63.

⁶⁷ См.: Интервью с председателем Фронта освобождения Восточного Туркестана Юсупбеком Мухлиси в июле 1993 г. – Ротарь Игорь. Под зеленым знаменем ислама. Исламские радикалы в России и СНГ. – М.: АИРО-XX, 2001, с.88.

⁶⁸ См.: Бранстен Джереми. Казахстан: уйгуры в изгнании усиливают борьбу против Пекина. – Время по Гринвичу, 17.10.1997.

⁶⁹ Аббревиатура дается по написанию названия этой организации на уйгурском языке – Уйгурстанни азаткылыш тешкилати.

⁷⁰ Вахиди Ашир. Уйгурстан. – Иттипак-Единство – Бишкек, 1995, №5 (12) октябрь.

⁷¹ Интервью с лидером партии Организация освобождения Уйгуристана Аширом Вахиди 3 апреля 1996 г. – См.: Хлюпин В. Геополитический треугольник. Казахстан – Китай – Россия. Прошлое и настоящее пограничной проблемы. – Вашингтон: Международный евразийский институт экономических и политических исследований, 1999, с.213.

⁷² Там же, с.213.

⁷³ Там же, с.214-215.

⁷⁴ Там же, с.220.

⁷⁵ Как заявил в своем интервью Ашир Вахиди, “Помогают нам, прежде всего, соотечественники из Турции, Саудовской Аравии, США, Германии. Но мы стараемся ориентироваться на собственные финансовые возможности, создаем экономические структуры. Это, кстати, наряду с привлечением в наши ряды молодежи – одна из первостепенных задач текущего момента”. – См.: Хлюпин В. Геополитический треугольник. Казахстан – Китай – Россия. Прошлое и настоящее пограничной проблемы, с.218.

⁷⁶ Хожамберди Кахарман. Уйгуры в ракурсе истории, с.246.

⁷⁷ В выступлении на первом курултае народов Кыргызстана Нурмухаммед Кенджиёв, говоря о наличии национальных государств у народов Центральной Азии, подчеркивал: “у нас, уйгуров, есть Уйгурстан (соседний Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая), где плохо или хорошо проживает основная часть уйгурского народа, которая стремится развивать свою национальную культуру и язык”.

⁷⁸ См. Интервью с лидером партии “Организация освобождения Уйгурстана” Аширом Вахиди 3 апреля 1996 г. – См.: Хлюпин В. Геополитический треугольник, с.213.

⁷⁹ Гребенщиков Игорь. Уйгуры в Кыргызстане. – Электронная газета Навигатор, 18.04.2001.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же.

⁸² В одной из бесед автора с Аширом Вахиди на вопрос, что вы будете делать, если гипотетически Китай пойдет на создание независимого уйгурского государства, Ашир Вахиди ответил достаточно откровенно: “Синьцзян обладает богатейшими природными ресурсами, и мы видим опыт Казахстана и других государств Центральной Азии, как эти природные богатства превращаются в гарантию независимости”.

⁸³ 23 сентября 2000 г. при проверке паспортного режима в одном из районов Алматы были застрелены два сотрудника МВД – участковый инспектор Мурат Юсупов и старший инспектор миграционной полиции Амангельды Сагеев. Подозрение в совершении преступления пало на троих мужчин и двух женщин с малолетними детьми, проживающими в доме. По информации начальника ГУВД Алматы К. Касымова, подозреваемые, предположительно, принадлежат к уйгурской террористической организации. По его словам, из МВД Киргизии пришло сообщение, что подозреваемые в убийстве полицейских разыскиваются правоохранительными органами Киргизии по подозрению в совершении ряда тяжких преступлений, в том числе за убийства двух дипломатов КНР и мужчины уйгурской национальности,

совершенные на территории Киргизии в апреле текущего года. Преступники с места происшествия скрылись. В области объявлена операция “Сирена”.

28 сентября было обнаружено место, где скрывались преступники, и произведена попытка их захвата. В ходе операции все четверо преступников, оказавших отчаянное сопротивление, были уничтожены, а женщины с малолетними детьми арестованы.

⁸⁴ См.: Ислам Турсун. Права человека и терроризм. — Res Publica, 10.12.2001.

⁸⁵ См.: Современный Синьцзян и его место в казахстанско-китайских отношениях. — Алматы: Фонд “Евразия”, 1997; Сыроежкин К. Казахстан-Китай: торгово-экономическое сотрудничество. — Казахстан и мировое сообщество, 1995, №1, с.63-72; Кадырбаев А., Сыроежкин К. Китай и Центральная Азия: история и современность. — Казахстан и мировое сообщество, 1995, №3, с.52-64; Сыроежкин К. Китай и Центральная Азия: политические отношения и торгово-экономическое партнерство. — Казахстан-Спектр, 1997, №1-2, с.61-67; Сыроежкин К. Взаимоотношения Китая с государствами Центральной Азии. — Казахстан-Спектр, 2000, №1, с.78-100.

⁸⁶ См.: ЧжунЯ яньцзю 1993, (сводный номер), с.24.

⁸⁷ Там же, с.29.

⁸⁸ См: Lilian Craig Hurris. Xinjian, Ctntral Asia and the Implications for China’s Polisy in the Islamic World. — The China Quarterly, 1993, №133 (March), p.125.

⁸⁹ См.: Дипломатический курьер, 1996, №1, с.69; Казахстанская правда, 3.03; 13.08.1992; 6.07.1996.

⁹⁰ См.: Жэньминь жибао, 19.04.1994.

⁹¹ См: Совместная Декларация о дальнейшем развитии и углублении дружественных отношений между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой. — Дипломатический курьер, 1996, №.1, с.69.

⁹² Гребенщиков И. Уйгуры в Кыргызстане.

⁹³ По информации официального Китая, Хаммит Момат, Ильяс Джурди и Алиберды, искавшие политическое убежище в Казахстане, совершили в СУАР уголовное преступление, за которое предусмотрена смертная казнь.

⁹⁴ 14 января 1999 г. гражданское движение Казахстана “Азат”, Народный штаб “Аттан”, общественное движение “Азамат” и Рабочее движение Казахстана подписали совместное заявление по поводу политических репрессий, проводимых властями Китая в отношении уйгурского и казахского населения Восточного Туркестана. Поводом для принятия данного заявления стала казнь 13 молодых уйгуров в СУАР 30 декабря 1998 г. и следующие за ней аресты.

Но любопытен ни сам факт принятия совместного заявления, а те комментарии, которые были высказаны подписантами.

Председатель движения “Азат” Хасен Кожа-Ахмет: “Казахстан в 1996 г. подписал вместе с Китаем, Россией, Кыргызстаном и Таджикистаном Шанхайское соглашение, согласно которому указанные государства СНГ передают Китаю перешедших их границы уйгурских беженцев. В результате этого тяжелое положение местного населения еще более усугубилось”.

Председатель ОНРФВТ Юсупбек Мухлиси: “В настоящее время в Кульдже готовятся к расстрелу две группы заключенных. Одну из них количеством в 15 человек возглавляет Ибрагим Исмаил, а вторую (10 человек) – Абдушукур Хаджи, являющиеся лидерами уйгурских радикалов. Этим людям обвиняют в организации взрывов в Урумчи”.

Сопредседатель движения “Азамат” Мурат Ауэзов: “Восточный Туркестан является общетюркской территорией, а уйгуры представляют собой древний народ, который обретает свою политическую волю. Сегодня идет усиленная китаизация СУАР, сопровождающаяся репрессиями по отношению к коренному населению района”. – См.: Исмаилова С. Уйгурская диаспора Казахстана вызывает о помощи. – Деловая неделя, 26.02.1998.

⁹⁵ См.: Исмаилова С. Уйгурская диаспора Казахстана вызывает о помощи. – Деловая неделя, 26.02.1998.

⁹⁶ Ротарь И. Теракты в Киргизии совершили уйгурские сепаратисты. – Независимая газета, 23.03.2001.

⁹⁷ См.: Гребенщиков И. Уйгуры в Кыргызстане; Олегов Ф. Китай может быть втянут в борьбу с исламскими фундаменталистами. – Независимая газета, 27.05.2001.

⁹⁸ См.: Гребенщиков И. Уйгуры в Кыргызстане; Ислам Турсун. Права человека и терроризм.

⁹⁹ В киргизской прессе, а с ее подачи и в российской, эта организация называлась “Уйгур озатлик ташлахты”.

¹⁰⁰ См.: Ким А., Груздов Ю. Контрольный выстрел. – Вечерний Бишкек, 29.03.2000.

¹⁰¹ См.: Гребенщиков И. Уйгуры в Кыргызстане; Ким А., Груздов Ю. Организация убийц. – Вечерний Бишкек, 11.07.2000.

¹⁰² См.: Ким А., Груздов Ю. Засада после полуночи. – Вечерний Бишкек, 26.05.2000.

¹⁰³ См.: Ким А., Груздов Ю. Кровавые следы. – Вечерний Бишкек, 12.03.2001.

¹⁰⁴ См.: Ким А., Груздов Ю. Организация убийц. – Вечерний Бишкек, 11.07.2000.

¹⁰⁵ Бендицкий Г. Щит и мент. Полицейские Алматы готовятся к возможным терактам исламских экстремистов. – Время, 12.10.2000.

¹⁰⁶ Кусаинова А., Серлина Т. Задержаны грабители и убийцы инкассаторов банка “ТуранАлем”. – Время по Гринвичу, 30.05.2001.

¹⁰⁷ Двое других задержанных – 25-летний Эдуард Давлетбакиев, уроженец Узбекистана, ранее судимый за хранение огнестрельного оружия и 32-летний житель Казахстана Юрий Поликарпов.

При обыске у задержанных лиц изъяли: автомат АК-74, шесть пистолетов, гранатомет “Муха”, карту, схему банка, схему города Алматы, форму налоговой полиции, милицейскую форму, разного рода документы, радиостанцию и сканер, благодаря которому бандиты могли свободно прослушивать разговоры полицейских.

¹⁰⁸ По словам бывшего главы МВД Киргизии Амурбека Кутуева, на которого ссылается автор авторитетного российского журнала “Эксперт”, цель задержанных в республике десяти членов террористической уйгурской организации – свержение правительств Киргизии, Казахстана и Таджикистана.

Уйгуры имеют в этом предприятии самый прямой интерес. Как заявил в мае в интервью “Московским новостям” анонимный сотрудник СВР, “уйгуры считают, что их путь в Китай лежит через Центральную Азию, конкретно – через Ферганскую долину”. – См.: Собянин А. “Новая граница” для Москвы. – Эксперт, 2000, №31, 28 августа.

¹⁰⁹ Иматов К. Вопрос об “уйгурском вопросе”. – Слово Кыргызстан”, 01.11.2001.

¹¹⁰ Шанхайский пакт. Радио Свобода, 28 июня 2001 года – www.svoboda.org/programs/rtl/2001/RTL.062801.shtml

¹¹¹ Так Турсун Ислам откровенно пишет об этом: “Правоохранительными органами Кыргызстана активно разыгрывается ‘уйгурская карта’. В тесном взаимодействии со спецслужбами Китая они пытаются приписать уйгурам ‘терроризм и религиозный экстремизм’. Через своих агентов-журналистов спецслужбы организуют специальные публикации, сообщения в СМИ, якобы подтверждающие их версии”. – См.: Ислам Турсун. Права человека и терроризм. – Res Publica, 10.12.2001.

¹¹² События конца февраля 2002 г., связанные с очередным пожаром на “китайском рынке” в Бишкеке, как раз и свидетельствуют об этом. Практически все торгующие обвиняли и пожарников, и в особенности милицию в мародерстве. – См.: Орозобекова Чолпон. Кыргызстан: сгорел китайский рынок. – Электронная газета Навигатор, 27.02.2002.

Заключение

¹ Римаренко Ю., Степанов Э. Конфликтология межэтнических отношений. – Социально-гуманитарные знания, 1999, №5, с.33; Стрелецкий В. Этнотерриториальные конфликты: сущность, генезис, типы. – В кн. Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. – М.: Московский центр Карнеги, 1997, с.225-249; Тишков В. Идентичность и культурные границы. – В кн. Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. – М.: Московский центр Карнеги, 1997, с.15-43.

² Шнирельман В. Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика. – В сб. Реальность этнических мифов. – М.: Московский Центр Карнеги, 2000, с.8.

³ Там же, с.11-12.

⁴ См. Бартольд В.В. Тюрки. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. – Алматы: Жалын, 1998, с.190-191; Валиханов Ч.Ч. Избранные произведения. – М.: Наука, 1986, с.167; Тихонов Д.И. Хозяйственный и общественный строй уйгурского государства. X-XIV вв. – М.-Л.: Наука, 1966, с.25-26.

⁵ Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. – М.: Наука, 1988, с.12.

⁶ См.: Дубровская Д.В. Судьба Синьцзяна. – М.: ИВ РАН, 1998, с.64; Хафизова К.Ш. Китайская дипломатия в Центральной Азии (XIV-XIX вв.) – Алматы: Гылым, 1995, с.64-66.

⁷ См.: Москалев А. Доктрина китайской нации. – Проблемы Дальнего Востока, 2002, №5, с.127.

⁸ См.: Там же, с.128.

⁹ См.: Лорд Актон. Принцип национального самоопределения. – В кн. Нации и национализм. – М.: Праксис, 2002, с.26-51.

¹⁰ Там же, с.43.

¹¹ See: Miller D. On Nationality. - Oxford: Oxford Univ. Press, 1995.

¹² Тишков В.А. Забыть о нации (Пост-националистическое понимание национализма) – Вопросы философии, 1998, №9, с.6.

¹³ Римаренко Ю., Степанов Э. Конфликтология межэтнических отношений, с.34-35.

¹⁴ См.: Стрелецкий В. Этнотерриториальные конфликты: сущность, генезис, типы, с.235.

¹⁵ См.: Тишков В. Идентичность и культурные границы, с.34-35.

¹⁶ Тишков В.А. Забыть о нации, с.13.

¹⁷ Тишков В. О нации и национализме. Полемические заметки. – Свободная мысль, 1996, №3. – Цит. по: Этнос и политика: Хрестоматия. /Авт.-сост. А.А. Прусаускас. – М.: Изд-во УРАО, 2000, с.142.

¹⁸ Миньцзу цзыцзюе хайши миньцзу фэньлие. Миньцзу хэ дандай миньцзу фэньлиечжуи (Национальное самоопределение или национальный раскол. Этнос и этнический сепаратизм в современную эпоху. /Под ред. Пань Чжипина). – Урумчи, 1999, с.140.

¹⁹ Там же, с. 149-150.

²⁰ Там же, с.140.

²¹ См: Лутовинов В., Морозов Ю. Этносепаратизм – чума нашего времени. – Азия и Африка сегодня, 2000, № 2, с.7-8.

²² Подробнее об этой дискуссии см.: Москалев А. Доктрина китайской нации. – Проблемы Дальнего Востока, 2002, №6, с.141-157.

²³ Подробнее см.: Межэтнические конфликты в странах зарубежного Востока. /Под ред. А.А. Прусаускаса. – М.: Наука, 1991, с.38-40.

²⁴ Инь Чжугуан, Мао Юнфу. Синьцзян миньцзу гуаньси яньцзю (Исследование национальных отношений в Синьцзяне). – Урумчи, 1996, с.176.

²⁵ Межэтнические конфликты в странах зарубежного Востока, с.60-61.

²⁶ Там же, с.62.

²⁷ Национальные отношения и государственность в современный период. – М.: Наука, 1978, с.205.

²⁸ Подробнее см. Сыроежкин К.Л. Национально-государственное строительство в КНР: теория и практика. – Алматы: КИСИ, 1998, с.67-70.

²⁹ См.: Лаумулин М. Казахстан в современных международных отношениях: безопасность, геополитика, политология. – Алматы: ИАЦ “Континент”, 2000, с.54-55.

³⁰ См.: Бектурганова Б. “Уйгурский экстремизм” в Центральной Азии: миф или реальность? (Социологический анализ проблемы). – Алматы: “Комплекс”, 2002, с.36.

³¹ Как заявил заместитель госсекретаря США Р. Армитидж, по мнению американского правительства, “Исламское движение Восточного Туркестана” является террористической организацией. США готовы вместе с китайским правительством нанести удары по ней. – Жэньминь жибао, 28.08.2002.

³² См.: Бектурганова Б. Указ. соч., с.160-161, 163.

³³ См.: Там же, с.160.

³⁴ См.: Там же, с.164.

³⁵ См.: Совместная Декларация о дальнейшем развитии и углублении дружественных отношений между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой. – Дипломатический курьер, 1996, №.1, с.69.

¹⁶ См. например: Хожамберди К. Зачем Китаю миф об “уйгурском терроризме”? – Доживем до понедельника, 2002, №36, 13-19 сентября, №37, 20-26 сентября.

³⁷ См.: Бектурганова Б. Указ. соч., с.35-37, 39, 41-43, 46-47, 51, 73, 83.

³⁸ См.: Там же, с.144.

³⁹ Гребенщиков Игорь. Уйгуры в Кыргызстане. – Электронная газета Навигатор, 18.04.2001

⁴⁰ См.: Бектурганова Б. Указ. соч., с.160.

⁴¹ См.: Там же, с.132-141.

⁴² См.: Разгуляев Ю. До ферганского халифата уже недалеко. Мусульманские фундаменталисты Центральной Азии создают единую боевую организацию. – www.prawda.ru от 16.09.2002.

⁴³ Библикова О. Наступление исламского экстремизма. – Азия и Африка сегодня, 2000, №2, с.20.

⁴⁴ Когда правоохранительные органы Джалал-Абадской области попытались в одном из айлов Базар-Коргонского района арестовать активиста Хизб ат-Тахрир, на защиту его бросились и киргизы, и узбеки. Дошло до столкновений со стрельбой, но единоверца своего односельчане милиции не отдали. - Разгуляев Ю. Указ. соч.

⁴⁵ Глава коалиции НПО Киргизии Эдиль Байсалов заявил: “Я абсолютно поддерживаю господина омбудсмана. Ничего противозаконного в деятельности партии Хизб ат-Тахрир нет”. При этом сам Турсунбай Бакир уулу не раз публично заявлял о том, что “Хизб ат-Тахрир не представляет угрозы для нашей страны”. — См.: Вечерний Бишкек, №44, 11.03.2003.

⁴⁶ Как сообщает Институт войны и мира, Ташкент добивается включения Хизб ат-Тахрир в “черный список” террористических организаций, составленный Вашингтоном после терактов 11 сентября 2001 года. По утверждению правительства Узбекистана, эта организация занимается поиском наемников для радикальных исламских группировок, базирующихся за пределами Центральной Азии. Как считает представитель Общества по правам человека в Узбекистане Саиджахон Зайнабитдинов, “Таким образом власти рассчитывают оправдать массовые преследования и аресты граждан, подозреваемых в членстве в Хизб ат-Тахрир, за последние четыре года”. — www.centrasia.ru, 14.01.2003.

Приложения

Приложение 1.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(б) №5 П. 54/36 от 15 апреля 1934 года “О Синьцзяне”

1. Через т.т. Апресова и Кручинкина поставить дубаня в известность, что мы, оставаясь верными своей точке зрения, считаем нецелесообразным дальнейшее пребывание алтайцев в Синьцзяне. Однако, учитывая настойчивую просьбу дубаня и его желание в кратчайший срок закрепить результаты победы, лишив Ма Чжу-Ина возможности обосноваться в районе Аксу - Уч-Турфан, мы согласны оставить в Синьцзяне на срок 3-4 месяца конную группу алтайцев с батареей, общей численностью в 350 человек, с целью прочного закрепления за провинциальным правительством районов Аксу и Уч-Турфан и создания, таким образом, барьера против попыток дунганских групп проникнуть из Кашгарского района в северный Синьцзян.

Во всей остальной части приказ о выводе алтайцев в установленный срок (1-10 апреля) остается в силе, причем алтайцы (за исключением оставляемого отряда) должны покинуть район Урумчи и выйти за Манас не позже 7-8 апреля.

2. Поручить т.т. Апресову и Кручинкину разъяснить дубаню необходимость немедленно приступить к организации собственных вполне боеспособных и сколоченных войсковых частей с использованием оставляемых нами в распоряжении Урумчинского правительства кадров технических специалистов и материальной части; одновременно обеспечить тщательный отбор лояльных элементов и установление дисциплины в русских частях. Указать дубаню, что он, используя оставляемых ему инструкторов и материальную часть, имеет полную возможность создать крепкую боеспособную армию.

3. В соответствии с оставляемой дубаню материальной частью и расчетом инструкторских кадров, необходимых для подготовки специалистов, мы можем оставить в распоряжении дубаня сроком от 6 месяцев до 1 года:

- а) летчиков, летнабов и механиков — 8 человек;
- б) водителей бронемашин и командиров башен — 18 человек;

- в) артиллеристов — 6 человек;
- г) пулеметчиков — 3 человека;
- д) общевоинских командиров (младших и средних) — 15 человек;

Всего — 50 человек.

4. Оставить в распоряжении Урумчинского правительства начсостав и бойцов кавотряда на следующих основаниях:

а) инструкторский состав зачисляется на службу Урумчинского правительства на основании специально заключаемых индивидуальных договоров с каждым инструктором;

б) кавгруппа алтайцев оставляется как отдельное войсковое соединение, маскируемое под “русский кавполк из белоэмигрантов”, с присвоением личному составу соответствующих “чинов”, знаков различия и т.п.

Оставляемый отряд алтайцев поступает на полное материальное обеспечение Урумчинского правительства. Поручить т.т. Апрессову и Кручинкину, исходя из конкретных условий и возможностей, определить размеры содержания личного состава алтайского отряда и оплаты инструкторского состава.

5. За семьями оставляемых в Синьцзяне, как инструкторов, так и начсостава алтайского отряда полностью сохранить: оклад содержания, красноармейский паек, а также ныне занимаемую жилплощадь. Семьям, не имеющим жилплощади, обеспечить таковую вне всякой очереди. Разрешить проезд в Синьцзян исключительно семьям инструкторов, кои желают отправиться к своим главам.

6. Считая операцию в Синьцзяне успешно завершённой, полагать необходимым отметить наградами личный состав частей участвовавших в операции, выдав:

- бойцам — по 300 руб. каждому;
- мл. командирам — по 500 руб. каждому;
- ср., ст., высшему нач. составу — по двухмесячному окладу.

Особенно отличившихся бойцов и командиров представить к награждению орденами “Красного Знамени” и “Красной Звезды”.

7. Дубаню Шень-Ши-Цай и еще трем членам правительства послать из Москвы ценные подарки. Одновременно послать подарок и т. Апрессову.

8. В связи с настоятельными просьбами дубаня разрешить получение наградных денег, предназначенных алтайцам, Урумчинским правительством.

Выписки посланы т.т. Ворошилову, Сокольникову, Ягода.

Примечание:

1. Апресов в этот период являлся Генеральным консулом СССР в Синьцзяне, Кручинкин – советником при губернаторе Синьцзяна, генерале Шэн Шицае; дубань – губернатор провинции Шэн Шицай.

Российский центр хранения и изучения документов новейшего времени (РЦХИДНИ). Фонд 17. Оп. 162. Д. 16. Л. 32-33.

Цит. по: <http://ctaj.elcat.kg/tolsty/a/a032.htm>

ПРОЕКТ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЦК ВКП(б)**“О ПОЛОЖЕНИИ В СИНЬЦЗЯНЕ” от 14 сентября 1945 года**

1. В связи с заключением между Советским Союзом и Китаем Договора о дружбе и союзе, ряда соглашений и обмена нотами о Синьцзяне, признать нецелесообразным взять на себя посредничество между повстанцами в Синьцзяне и Центральным правительством.

2. Поручить советскому послу в Китае т. Петрову сделать вице-министру Гань Най-гуан следующее заявление:

“В ответ на Ваше заявление от 7 сентября с. г. имею честь сообщить Вам следующее: советский консул в Кульдже довел до сведения Советского правительства, что к нему обратились руководители повстанцев с просьбой взять на себя посредничество между ними и китайскими властями в целях урегулирования возникшего конфликта. При этом руководители повстанцев заявили, что восставшее население не ставило перед собой задачу отделиться от Китая. Оно преследовало цель добиться автономии в той части Синьцзяна, где мусульмане составляют явное большинство населения, в частности в Илийском, Тарбагатайском, Алтайском и Кашгарском округах. При этом представители повстанцев указывали на бесправность мусульманского населения в Синьцзяне, а также на притеснения, беззакония и массовые репрессии со стороны китайской администрации, которая такими своими действиями вынудила мусульман выступить с оружием в руках на защиту своих прав.

Советское правительство, заинтересованное в установлении порядка на своей границе с Синьцзяном, готово поручить своему консулу в Кульдже оказать китайскому правительству возможное содействие, если оно этого пожелает, в урегулировании создавшегося в Синьцзяне положения на основе представления мусульманам в Синьцзяне автономии”.

3. Рекомендовать повстанцам до получения ответа китайского правительства на заявление Советского Посла и на время переговоров, если таковые состоятся, активные действия своих вооруженных сил приостановить.

ГАРФ. Ф.Р-94012 с/ч (“Особая папка” И.В. Сталина). Оп.2. Д.66. Л.7;

Цит. по: Бармин В.А. Синьцзян в советско-китайских отношениях 1941-1949, с.96-97.

**ЗАПИСКА В ЦК ВКП(б) “ПО СИНЬЦЗЯНСКОМУ ВОПРОСУ”
от 29 июня 1947 г.**

**ЦК ВКП(б)
т. Жданову А.А.**

В целях закрепления политических и экономических завоеваний мусульман, восставших против китайцев в северных округах Синьцзяня, и дальнейшего развития национально-освободительного движения некитайских масс в этой провинции, ЦК КП(б)К считает возможным внести на ваше рассмотрение следующие предложения:

1. На базе разрозненных групп национального возрождения и за счет антикитайски настроенной части мусульманского населения создать коммунистическую партию, назвав ее “Народная партия Синьцзяня”, с программой и уставом, предварительно одобренным ЦК ВКП(б).

2. Постоянное негласное политическое руководство этой партией оставить за ЦК ВКП(б).

3. ЦК КП(б) Казахстана, Узбекистана, Киргизии и Таджикистана поручить совместно с ЦК НПС проводить соответствующую работу в определенных округах. В частности, ЦК КП(б)К поручить проведение работ в Илийском, Тарбагатайском, Алтайском округах, территориально прилегающих к Казахстану.

4. ЦК НПС считаем целесообразно создать в составе 15 человек из числа широко известных в Синьцзяне прогрессивно-настроенных мусульманских авторитетов, связавших свою судьбу с массами активным участием в последнем антикитайском вооруженном восстании, и за счет направленных и направляемых за кордон из наших приграничных советских республик коммунистов-советников и инструкторов.

По этому принципу создать окружные комитеты НПС в округах, сначала в Илийском, Тарбагатайском и Алтайском округах, а затем во всех остальных округах Синьцзяня.

5. Положение, изложенное в 4-м пункте нашего предложения, распространить на ЦК Союза молодежи и на окружные комитеты Союза молодежи Синьцзяня.

1. Во всех округах Севера Синьцзяня полностью восстановить деятельность национальных культурно-просветительных обществ, завоевавших в прошлые годы широкую популярность и

политическое влияние среди всех национальностей, населяющих Синьцзян. Политическое руководство деятельностью культурно-просветительных обществ возложить на соответствующие руководящие органы НПС.

2. Для осуществления планомерной политической и культурно-просветительской работы среди местных советских граждан (в большинстве представленных казахами) в Илийском, Тарбагатайском, Алтайском, Урумчинском округах ввести в штаты консульств СССР в Кульдже, Чугучаке, Шара-сумэ и Урумчи должности 2-го секретаря консульств и командировать на эти должности ответственных работников МИД КССР.

3. Исходя из назревшей потребности в зоне бывшей ВТР в наших специалистах, советниках, приступить к отбору в Казахстане националов - учителей, медицинских работников, врачей различных специальностей, акушерок, фармацевтов, агрономов, зоотехников. Направление на работу в Синьцзян этих специалистов осуществить по указаниям соответствующих директивных органов из Москвы.

4. В интересах подготовки из мусульман Синьцзяня образованной прогрессивной интеллигенции (педагогов, врачей, юристов, агрономов и т.д.) организовать обучение наиболее одаренной синьцзянской молодежи в Вузах, техникумах и на партийных курсах Казахстана и Среднеазиатских Советских Республик.

5. В политико-воспитательных целях разрешить жителям Синьцзяня совершать через ВАО «Интурист» научные и культурные поездки по СССР вообще, по Казахстану и Среднеазиатским республикам в частности.

6. Издающийся уже в течение двух лет в Алма-Ате для синьцзянского читателя художественно-политический журнал «Казах-Ели» завоевал прочную популярность. ЦК КПК(б) К считает, что журналу «Казах-Ели» должен быть обеспечен регулярный выход в свет (...).

7. Организовать издание в Алма-Ате для синьцзянского населения политической, научно-популярной, художественной, исторической и специальной литературы на казахском и уйгурском языках, по особо утвержденному ЦК КП(б)К тематическому плану.

8. В целях оказания конкретной помощи в обучении детей не только местных советских граждан, но и детей коренного

синьзянского населения, ЦК КП(б)К считает необходимым организовать в Алма-Ате издание на казахском и уйгурском языках полного набора учебников для начальных школ и учебных пособий по ликвидации неграмотности.

9. В целях активного продвижения в Синьцзянь политико-художественной, специализированной литературы, школьных учебников и журнала «Казах-Ели», открыть в г. Алма-Ата Республиканское Агентство ВАО «Международной Книги».

10. Наладить через ВОКС регулярную посылку в Синьцзян групп научных работников АН КССР с научно-исследовательскими целями и с задачей ознакомления интеллигенции и населения Синьцзяня путем лекций и докладов с экономическими научными, культурными достижениями Казахстана при Советской власти.

11. Создать через ВОКС в Кульдже, Чугучаке, Шара-Сумэ радиотрансляционные узлы на 500-1000 точек каждый, для трансляции наряду с местными радиопередачами, радиопередач широкопередательных радиостанций Москвы, Казани, Ташкента, Алма-Аты. Обслуживание радиоузлов обеспечить советскими техническими инструкторами. Политическое руководство местными радиопередачами возложить на ЦК и соответствующие окружкомы Народной партии.

12. Создать при журнале «Казах-Ели» за счет дополнительного штата редакцию «Казах-Ели» по радио /.../. Все материалы, подготовленные к передаче для радиослушателей Синьцзяня, должны предварительно утверждаться ЦК КП(б)К /.../.

20. Для привлечения синьзянских мусульман к религиозно-патриотическому развитию мечети в СССР и обеспечению личного контакта влиятельных мусульманских духовных лиц Синьцзяна с представителями Средне-Азиатского Духовного управления мусульман на нашей территории, восстановить легальное паломничество в мечеть (неразборчиво), расположенную в г. Джаркент.

Секретарь ЦК КП(б)К

(подпись) Ж. Шаяхметов

Архив Президента Республики Казахстан, Фонд 708, Опись II, Дело 171, Листы 61-65.

Цит. по: Хлюпин В. Геополитический треугольник. Казахстан – Китай – Россия. Прошлое и настоящее пограничной проблемы. – Вашингтон: Международный евразийский институт экономических и политических исследований, 1999, с.228-231.

ДОКУМЕНТ №7 (1996 г.) ЦК КПК
Запись встречи Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК
по вопросу о поддержании стабильности в Синьцзяне

19 марта 1996 г. состоялось заседание Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, в котором принял участие товарищ Цзян Цзэминь. На встрече Политико-юридический отдел ЦК сделал доклад относительно поддержания стабильности в Синьцзяне. Доклад был обсужден. Запись встречи следующая:

1. Необходимо укрепление идеологического единства, уровня самосознания, руководства и чистоты чувства долга.

Под руководством ЦК КПК и Госсовета, партийные комитеты и правительства СУАР всех уровней должны преодолевать большие трудности и добиваться больших результатов в деле укрепления руководства кадрами и народом различных национальностей. Реформы и политика открытости продвигаются, экономическое строительство идет вперед, и жизненный уровень людей устойчиво улучшается. В Синьцзяне в основном сохраняется политическая стабильность.

Кроме того, Синьцзян имеет богатые природные ресурсы, благодатную среду и перспективное будущее. С несколькими годами тяжелой работы будет возможно превратить Синьцзян в развитый экономический район. В то же время, мы должны иметь в виду, что национальный сепаратизм и незаконная религиозная деятельность являются главными угрозами стабильности в Синьцзяне. Основная проблема состоит в том, что международные контрреволюционные силы во главе с Соединенными Штатами Америки открыто поддерживают сепаратистские силы внутри и вне Синьцзяна. Зарубежные организации национал-сепаратистов объединяют усилия и ежедневно проникают в Синьцзян с целью усиления активности внутренних сепаратистов. В пределах наших национальных границ широко распространена незаконная религиозная деятельность, паразитирующая на проблематичной ситуации, имеет место разрушение партийных и правительственных офисов, спорадические взрывы и теракты.

Некоторые из этих действий изменились от полностью скрытых к полуоткрытым, даже к явно открытым действиям, оспаривающим полномочия правительства. Под объединенным руководством и наблюдением со стороны партийного комитета и правительства

Синьцзяна укрепленные полицейские силы, дислоцированные в автономном районе, в сотрудничестве с личным составом НОАК, мобилизуют кадры и народы всех национальностей на борьбу с этническим сепаратизмом и способствуют защите национального единства и социальной стабильности в Синьцзяне, гарантируя продолжение реформ, политики открытых дверей и модернизации.

С другой стороны, с точки зрения поддержания стабильности, остается несколько слабых мест. Поэтому, признавая наши достижения, мы также должны помнить, что поддержание стабильности в Синьцзяне – сложное и трудное задание, требующее длительного срока. В контексте сложной международной борьбы в Синьцзяне имеются реальные и потенциально опасные элементы. Если мы не увеличим нашу обеспокоенность и не усилим работу на различных направлениях, то внезапно возникающие крупномасштабные инциденты могут вызвать беспорядки и разрушить стабильность в Синьцзяне и всей нации. В партийных комитетах и правительствах всех уровней необходимо твердо придерживаться теории Дэн Сяопина о строительстве социализма с китайской спецификой и базовых принципов партийной стратегии; предвидеть возможные угрозы; перекрывать реку до того, как вода прибьет; правильно урегулировать отношения между реформой, развитием и стабильностью.

Руководители партийных комитетов и правительств всех уровней должны быть ответственны за поддержание национальной сплоченности и социальной стабильности и прежде всего за совершенствование национальной сплоченности и уважение закона, объединять кадры и народы всех национальностей и направлять их на союз, насколько возможно бороться с малочисленными этническими сепаратистами и преступниками, кто совершает серьезные преступления, усиливать работу по обеспечению стабильности по всем направлениям.

2. Партийным комитетам и правительствам СУАР всех уровней усилить строительство правительств всех уровней, особенно на низовом уровне, и создавать ядро политически надежных кадров.

В течение этого года и позднее, слабые и расщепленные партийные организации должны быть реорганизованы. Наиболее важно, что партийные организации на уровне деревни оказались в руках религиозных организаций, и они должны быть реорганизованы с большим вниманием. Председатели деревенских партийных организаций и главы районов должны избираться особо тщательно.

Согласно “четырем принципам поведения”, руководство городской партийной организации и правительства должны сформировать устойчивую боевую группу, которая может решительно претворять в жизнь политику партии, объединять и вести народ, спасая его от бедности и ведя к изобилию при решительном противодействии этническому сепаратизму. Выберите лучшие партийные кадры и солдат НОАК и СПСК, чтобы заполнить кадровый недостаток на уровне округов и городов, и тем самым улучшить структуру кадровых работников. Доверие и ответственность кадровых работников всех национальностей, опора на часть кадров из числа национальных меньшинств, кто может решительно выступать в защиту национальной сплоченности, противоборствовать этническому сепаратизму и устанавливать тесную связь с народом при наличии поддержания силы, революционности и профессионализма. В то же время необходимо принять реальные меры по обучению большого числа кадров-ханьцев, кто любит Синьцзян и кто будет придерживаться базовой теории, принципов и стратегии политики партии в правильном осуществлении национальной и религиозной партийной политики, и затем перемещать их в Синьцзяне.

В Синьцзяне разработать и реализовать план подготовки кадров; должным образом увеличить число людей, отобранных для обучения в центральной партийной школе и других школах. Сформировать группу передовых молодых людей, которые будут посланы в Китай для обучения; отобрать кадры из каждой национальности и направить их в другие города, провинции и центральные учреждения; поставить их в условия ответственной работы. Обсудить и выработать стратегию по привлечению талантливых людей в Синьцзян. В СУАР необходимо должным образом использовать интеллектуальные ресурсы и обеспечивать их такой работой, чтобы предотвратить отток талантливых людей. Партийный комитет СУАР имеет право требовать дополнительно кадровых работников, профессионалов и техников.

Чтобы иметь руководителей на всех уровнях власти, любящих КПК и коммунистическую родину и готовых защитить единство китайской нации, правительство должно реализовать реформы, развитие и стабильность на базовом уровне, гарантируя национальную сплоченность и постоянное развитие, усиливать идеологическое и политическое строительство на каждом уровне руководства путем усиления руководителей и кадровых

работников. Если кадры имеют политические, экономические и идеологические проблемы в поведении, их перемещают или заменяют, но не оставляют на их собственное усмотрение.

3. Всесторонне и правильно осуществлять национальную и религиозную партийную политику, усиливать законный контроль национальными и религиозными делами.

Кадровые работники и люди всех национальностей в Синьцзяне поддерживают руководство КПК и ее социалистической системы, защищают национальную сплоченность, любят большую семью Родины. Базируйтесь на реальной ситуации в Синьцзяне, серьезно изучите национальную политику КПК. Разработайте несколько видов пропаганды и обучения активистов, связанных с национальным сплочением; развейте и стабилизируйте социалистические национальные отношения.

Должным образом и правильно локализируйте конфликт между людьми различных национальностей. Когда проблема локализована, будь то между этническими группами в пределах этнической группы, твердо придерживайтесь принципа поиска истинных причин для их ликвидации соответственно. Не характеризуйте все упрощенно как этническую проблему. Локализируйте конфликты между людьми до того, как они превратятся в этнический конфликт. Четко противодействуйте этническому сепаратизму. Будьте бдительны в отношении небольшого числа людей с плохими намерениями, тех кто разрушает наши национальные отношения. На основе закона боритесь с противоправными действиями, разрушающими национальную сплоченность. Религиозные проблемы будут вообще рассматриваться как конфликт между людьми. На основе закона усиливайте руководство и контроль над религией, всесторонне и правильно реализуйте стратегию партии в отношении религии. Применяйте строгие меры для пресечения проникновения зарубежных религиозных организаций и организации ими саботажа.

Ограничьте все запрещенные религиозные действия. Строго контролируйте строительство новых мечетей. Мечети, построенные без разрешения правительства, должны быть зарегистрированы как места отправления религиозного культа. Перемещайте или быстро заменяйте людей, кто колеблется или поддерживает этнический сепаратизм. Укрепляйте руководство мечетями и религиозными учреждениями надежными и талантливыми людьми из числа патриотов. Пресекайте деятельность незаконных религиозных

учреждений типа подпольных религиозных школ, школ кунфу и коранических школ. На основании закона пресекайте незаконную преступную деятельность подпольных религиозных школ. Регистрируйте людей, обучающихся в подпольных религиозных школах и контролируйте их. Применяйте строгие меры для предотвращения вмешательства религии в политику и другие социальные дела. Усиливайте идеологическое и политическое образование верующих, укрепляйте их правосознание и направляйте их на то, чтобы их религиозная практика соответствовала законодательству.

Ведите к тому, чтобы религиозные лидеры осознали, что религиозные действия должны соответствовать закону и что религии недопустимо вникать в администрацию, систему юридических учреждений, образование и брак. Молодое поколение патриотических религиозных лидеров, кто защищает единство родины и национальную сплоченность, должно пройти обучение и подготовку, послано в Китай.

4. Стабилизировать идеологическую и культурную основу против сепаратизма сильной пропагандой, исследованиями и организацией школ.

Используя пропаганду, следует популяризировать хорошие моменты в стране и Синьцзяне, марксистскую точку зрения на нацию и религию, национальную и религиозную политику партии, законы и декреты о стране и патриотических и социалистических идеях типа идеи “да здравствует национальная сплоченность” и идеи борьбы за сплочение большой семьи, состоящей из многих этнических групп. Все члены партии и кадры должны делать это удобным для учителей и молодых студентов, чтобы установить правильное представление о нашей нации, этничности и религии; укрепить понимание о законности и порядке, упрочить понимание того, что ханьцы и национальные меньшинства не могут быть оторваны друг от друга.

Необходимо мобилизовать всю возможную энергию на защиту единства родины и сплоченности этнических групп. Укреплять строительство школ и культурных учреждений в пограничном районе, ускорить создание теле- и радиосети в Синьцзяне, увеличить число теле- и радиопрограмм, усилить работу печати и публикацию материалов на национальных языках, иметь твердую идеологическую и культурную позицию. Члены партии и кадровые работники должны усилить идеологическое

и политическое воспитание учителей и широких масс, особенно молодых людей и детей. Члены партии и кадровые работники — марксисты-материалисты, и поэтому не должны быть привержены религии. Надо ввести терпимое и детальное воспитание верующих членов партии; сделать все возможное для них, чтобы они сознательно отказались от влияния религии.

Члены партии, верующие в религию и отказывающиеся изменять ей, должны выйти из партии. Учреждения образования должны обратить особое внимание на изучение и организацию обучения в школах; не позволять религии разрушать школы; никому не позволять преподавать школьникам этнический сепаратизм и религиозные идеи. Уничтожить учебники, в которых содержатся идеи этнического сепаратизма и пропаганда религиозных идей. Ограничить влияние культурного обмена, в частности необходимо ограничить деятельность иностранных учителей, преподающих в синьцзянских школах. При отборе студентов для обучения за границей, следует больше обращать внимания на их ориентации и поведение. Нельзя посылать без хорошей ориентации

Строго ограничьте начальные и средние школы от проникновения в них программ по культурному обмену с зарубежными школами. Студентам начальной и средней школы пограничных районов не разрешается посещение начальных и средних школ в зарубежных государствах.

Требуется контроль медиарынка. Книги, журналы, аудио и видеоленты, которые искажают историю, пропагандируют этнический сепаратизм и запрещенные религиозные идеи, должны быть запрещены и конфискованы без исключения; их распространители подлежат аресту и уголовному наказанию.

5. Усилить организации демократической диктатуры типа органов Общественной и Национальной безопасности, и полностью использовать их функции в борьбе с сепаратизмом и саботажем.

Укрепить руководство и кадры в полицейских силах, в органах общественной безопасности, национальной безопасности, судах и прокуратуре. Обучить их активно использовать свои политические, идеологические и профессиональные знания; увеличить их материальное обеспечение с целью лучшей экипировки. Повысить их готовность. Органы общественной и национальной безопасности, службы разведки НОАК должны сотрудничать и работать вместе в раскрытии внутренних и внешних врагов, усиливать работу по сбору разведанных. Южный Синьцзян должен стать центром

внимания; необходимо создать сеть информаторов и управлять получением информации на столь глубоком уровне, который позволит предупредить зло заранее. Создайте индивидуальный архив; усильте надзор и бдительность. На основе закона боритесь с сепаратизмом, саботажем и преступными действиями внутренних и внешних недружелюбных сил своевременными способами. Важно усилить администрацию трудовых лагерей (laogai) и тюрем в Синьцзяне. Гарантировать стабильность в лагерях и тюрьмах. Усилить меры по контролю на границе и посты по защите границы. Предотвращать проникновение из зарубежья этнических сепаратистов, оружия и пропагандистских материалов. Необходимо пресекать совместные действия внутренних и внешних этнических сепаратистов.

6. Усилить СПСК.

Синьцзян – развивающийся и обеспечивающий безопасность пограничный район. СПСК – надежная и важная сила в защите социальной стабильности, которая решает реальные проблемы и трудности, с которыми он сталкивается; развивает отношения, постоянно поддерживает и мобилизует честлюбивых молодых людей в Китае для прибытия и оседания в СПСК. Развивайте силы и полностью используйте функции СПСК для экстренной защиты и развития пограничных районов.

Под объединенным руководством парткома и правительства СУАР, СПСК должен улучшить свои административные функции. Наряду с фундаментальными изменениями в экономической системе, функция и структура СПСК должны быть преобразованы соответствующим образом, но его обязанность – объединение труда с военным делом, открытие новых стран и развитие пограничных районов – не должна измениться. Страна выделяет бюджет для его военных дел согласно той же самой потребности что касается военных департаментов. Дополнительные ассигнования будут выделяться для его социальных дел. План экономического и социального развития СПСК должен быть включен в Государственный план и интегрирован в местные планы.

В основу необходимо положить развитие Южного Синьцзяна; наша страна должна развернуть деятельность СПСК в Южном Синьцзяне. Правительства на всех уровнях должны предоставить приоритет СПСК в проведении строительных работ; они должны прекратить конфронтацию между СПСК и местными фермерами и кочевниками относительно полей, воды и других природных богатств.

7. Основа борьбы против этнического сепаратизма должна быть сформирована на базе значительного укрепления подразделений НОАК в Синьцзяне.

Войска в Синьцзяне будут только усилены, а не ослаблены. Обучение национальной и религиозной политике должно быть выборочно вынесено из армии. Усиление контроля и увеличение боевой и политической способности офицерского и солдатского состава должно противодействовать проникновению в армию вражеских сил и ведению ими подрывной деятельности. Развитие отношений между армией и правительством, армией и народом. Создание этой схемы необходимо для поддержания стабильности и плановой ее гарантии

Усилить контакты с органами общественной и национальной безопасности, вооруженными полицейскими департаментами; тесное сотрудничество с ними гарантирует, что местные органы власти поднимут работу по поддержанию стабильности. Поддерживать работу по эксперименту переноса деятельности СПСК в Южный Синьцзян. Укрепить подразделения вооруженных департаментов полиции на уровне округ (город). Эффективно проводить подготовку армейских резервистов. Усилить идеологическое и политическое воспитание резервных подразделений НОАК, расквартированных в префектурах, округах (городах) и городах. Проверить их и интенсивно обучить выявленных среди них военных и политических лидеров, создав тем самым гарантии того, что руководство и командование останутся под контролем партийных комитетов и народных правительств различных уровней.

8. Надлежащим образом реформировать дипломатическую службу.

Ограничить активность внешних этнических сепаратистов в различных странах. Принять во внимание факт, что Турция, Казахстан и Кыргызстан являются теми местами, где базируются активисты внешних сил сепаратистов. Использовать дипломатические каналы, чтобы убедить эти страны ограничить и ослабить действия сепаратистских сил на своей территории. Использовать преимущества нашего политического превосходства для дальнейшего развития двустороннего добрососедского сотрудничества с этими странами. В то же время всегда оказывать давление на них. При рассмотрении действий этнических сепаратистов за рубежом вести необходимый диалог и борьбу.

Усилить разведывательную деятельность и изучение за рубежом. Осуществлять сбор информации относительно направлений развития событий, быть особенно бдительным в отношении противодействия и пресечения всеми средствами действий зарубежных этнических сепаратистов по вопросу интернализации проблемы так называемого “Восточного Туркестана”. Дробить внешние сепаратистские силы, покорять большинство из них, отчуждать остающееся незначительное количество и бороться с ними. Создавать базы в регионах и городах с высоким процентом китайцев и хуацяо. Разработать несколько видов пропаганды. Иметь много разнообразных друзей и ограничивать повышение активности сепаратистов.

9. Улучшить подготовительные мероприятия по взятию под контроль возникающих внезапно инцидентов.

Как часть задачи по поддержанию стабильности в Синьцзяне, создать единую систему, обеспечивающую все связующие части информацией о ежедневной ситуации. Изучать ситуацию, анализировать методы по управлению ею, усиливать координацию и руководство, необходимые для поддержания стабильности в Синьцзяне. Партком и народное правительство СУАР наряду с органами общественной и национальной безопасности, дислоцируемыми в Синьцзяне подразделениями вооруженной полиции и НОАК должны планировать меры для взятия под контроль внезапно возникшего инцидента, усиливать маневры, иметь отлично подготовленный личный состав, а также финансовые и материальные условия. Усиливать дислоцируемые в Синьцзяне подразделения вооруженной полиции и силы быстрого развертывания для противодействия внезапно возникающих инцидентов.

Вооруженная полиция должна всегда владеть ситуацией и методами для взятия ее под контроль, выборочно реформировать политико-идеологическое воспитание, и иметь планы действий в случае поступления приказа для дальнейшего пресечения деятельности любых сил и взятия под контроль различных критических и сложных ситуаций. Вооруженная полиция в других провинциях и городах должна быть готова для подстраховки. Обучение боевой подготовки и укрепление базового уровня подразделений, усиление внутренней администрации, приобретение практического опыта, усиление надежности позволяют быть готовым выполнить приказ в любое время. Необходимо обратить

внимание на подразделения профилактических групп органов общественной безопасности и резервистов вооруженной полиции с тем, чтобы они были лучше подготовлены при необходимости их использования в экстремальных ситуациях. Усилить блок посты на важных объектах, гарантировав их абсолютную безопасность. Партийные комитеты и правительства на всех уровнях должны разрешить руководству вооруженной полиции участвовать в совместных заседаниях и отдавать команды аппарату в случае необходимости защиты стабильности.

10. Ускорить экономическое развитие и улучшить жизнь людей.

Сосредоточение внимания на экономическом развитии, углублении реформ, расширении возможностей политики открытых дверей и продолжении укрепления экономического строительства – важнейшая основа для поддержания стабильности в Синьцзяне. Одновременно с пониманием фактического положения в Синьцзяне, претворять в жизнь дух решений 5-го пленума ЦК КПК XIV-го созыва и 9-го пятилетнего плана социального развития, одобренного 4-й сессией ВСНП VIII-го созыва, как цель, которую необходимо достичь к 2010 г. Осуществлять стратегию разработки западной части Синьцзяна.

Полностью использовать преимущества Синьцзяна. Ускорить развитие, уменьшить упущения. Центральное правительство приняло благоприятную стратегию для развития экономики Синьцзяна и оказало ему дальнейшую поддержку, особенно Южного Синьцзяна, выделив для этого квалифицированный персонал и денежный кредит и стимулируя политику “открытых дверей”. При решении задачи поддержания стабильности в Южном Синьцзяне важнейший пункт должен быть сосредоточен на усилении экономического развития региона. С деньгами центрального правительства и помощью местных жителей необходимо быстро завершить строительство железной дороги в Южном Синьцзяне, начать развивать производство хлопка и нефти, а по возможности – и нефте-химической индустрии, чтобы изменить негативный облик региона.

Базируясь на плановом типе экономического строительства и выделенных инвестициях, в сочетании с выполнением 9-го пятилетнего плана, государственные комитеты и отделы по планированию должны сосредоточить усилия на помощи экономическому строительству и социальному развитию Синьцзяна. Центральный комитет партии, Госсовет, соответствующие отделы

Центрального Комитета по военным делам, партком автономного района и народное правительство должны действовать быстро, чтобы осуществить и воплотить в жизнь установки этой встречи ПК Политбюро ЦК КПК. Базируясь на глубоком исследовании и изучении, предложить реальный и эффективный план выполнения данных установок. Реализовать каждое положение шаг за шагом с тем, чтобы гарантировать длительную стабильность и плавное продолжение реформ, “открытости” и экономического строительства Синьцзяна. Соответствующие отделы должны приложить максимум усилий, чтобы помочь экономическому строительству и социальному развитию Синьцзяна. Основываясь на реальных оценках, партком Синьцзян-Уйгурского автономного района должен организовать распространение и выполнение этого сообщения в соответствии с принципом дифференциации вершины от основания и внутреннего от внешнего.

Этот документ будет направлен в партком Синьцзян-Уйгурского автономного района, партком Ланьчжоуского военного округа, соответствующие отделы Центрального Комитета, заинтересованные партийные комитеты национальных министерств, штаб-квартиры военных комитетов и партийные группы заинтересованных организаций.

Источник: Chinese Communist Party Central Committee Document (1996) №7 – www.uyghuramerican.org/

К МАНИФЕСТУ УЙГУРОВ

10 ноября 1997 года.

Отправитель: owner-uyghur-l@taklamakan.org

I. Призыв к объединению уйгуров в изгнании

1. Нет более внутренним раздорам, смыкайте ряды в союзе.
2. Повысить стандарты, сотрудничать с четким призывом к союзу.
3. Объединение под единым лозунгом – свобода и независимость.
4. Развивать контакты с международным сообществом и своими соседями.
5. Свобода и независимость не получаются без приложения усилий.
6. Достижение великой цели сопровождается большой кровью и страданиями.
7. Искать мирные средства для изменений, но готовиться к возможной “справедливой войне”.

II. Создание правительства в изгнании

1. Объединить уйгурские сообщества во всем мире.
2. Избрать правительство в изгнании.
3. Подготовить проекты Декларации о независимости и Конституции.
4. Разработать стратегию достижения независимости Восточного Туркестана.
5. Находить финансирование из различных источников и альянсов.
6. Гарантировать права меньшинства и других этнических групп.
7. Создать объединенный орган для трансляции единого голоса уйгуров.

III. Связь с уйгурами Восточного Туркестана

1. Лоббировать программу на уйгурском языке на радиостанции Голос Америки.
2. Установить связь по электронной почте с абонентами в СНГ и Китае.
3. Создать в Internet “доступные” в Китае web-страницы.
4. Использовать черный рынок телевизионной продукции на китайских базарах.
5. Выпускать почтовые и информационные бюллетени.
6. Использовать радиостанции, тайно и официально.

7. Использовать спутниковые/кабельные сети для связи с другими странами.

IV. Организация образования для уйгуров

1. Финансировать уйгурские школы в Восточном Туркестане, где это возможно

2. Финансировать уйгурские школы в государствах СНГ, где это возможно

3. Иметь стипендиатов в университетах США и странах Запада

4. Создавать общества и институты для сохранения и развития уйгурской культуры.

5. Лоббировать предоставление уйгурам расширенной “автономии” в рамках китайской системы;

6. Развивать деловые качества и расширять возможности уйгуров в Восточном Туркестане.

7. Пропагандировать успехи уйгуров как образцы для подражания.

V. Международная пропагандистская медиа-кампания

1. Демонстрации бесполезны без поддержки прессы.

2. Расширенное использование публикаций и журналистов.

3. Развитие отношений с ведущими журналистами.

4. Организация семинаров в ведущих университетах по проблемам уйгуров.

5. Создание документальных фильмов, финансируемых и произведенных такими компаниями, как PBS, BBS, Discovery и т.д.

6. Переводы уйгурской литературы на английский, немецкий, французский, испанский, русский языки.

7. Знакомство западной аудитории с уйгурским искусством, музыкой, поэзией и театром.

VI. Разоблачение китайского империализма

1. Разоблачать предательство марксистских идеалов и банкротство коммунизма.

2. Разоблачать амбиции китайского империализма и его территориальной экспансии.

3. Разоблачать тиражируемую за пределами Китая точку зрения о капиталистической жажде китайского крестьянства.

4. Разоблачать репрессии, осуществляемые в отношении уйгуров, тибетцев и других суверенных народов.

5. Вскрывать и показывать внутренние региональные китайские слабости.

6. Искать союзников в КПК и НОАК.

7. Искать союзников среди китайских нефтяных компаний и транснациональных корпораций.

VII. Разработать философию этнического суверенитета и независимости

1. Поддерживать контакты с Организацией не представленных наций и народов (УННО) и угнетенными во всем мире.

2. Декларация о независимости уйгуров – образец для других.

3. Действовать в контексте экономической и политической глобализации.

4. Добиваться этнического суверенитета в контексте глобального объединения этнических государств.

5. Продолжать развивать совместные действия с тибетцами и монголами.

6. Развивать связи с учреждениями ООН (ЮНЕСКО, Служба беженцев и т.д.).

7. Развивать связи с организациями по правам человека для получения поддержки своих этнических прав.

See: Towards a Uyghur Manifesto. – Uighur-L archives. – www.taklamakan.org

**СПЕЦИАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ О НАРУШЕНИИ
КИТАЙСКИМИ ВЛАСТЯМИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА СРЕДИ
УЙГУРОВ ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА**
(Доклад 2001 Информационного центра Восточного Туркестана)

Содержание

Введение

Произвольные задержания, заключения под стражу и казни

Репрессии против уйгуров за пределами границ Китая

Пытки и убийства политических заключенных

Преследование религии

Принудительная политика “контроля над рождаемостью”

Заключение

Введение

Восточный Туркестан, родина уйгуров, расположен в самой западной части Китая и составляет шестую часть всей территории Китая. Китайское коммунистическое правительство дало Восточному Туркестану его существующее официальное название “Синьцзян-Уйгурский автономный район”. Колониальный период уже закончился почти во всем мире, и самоопределение стало одним из основных принципов современного международного права, но коммунистический Китай все еще поддерживает свое жестокое незаконное колониальное правление в Восточном Туркестане.

В последние 50 лет, колониальная политика коммунистических китайских властей превратила Восточный Туркестан в один из наиболее отсталых регионов мира. Большая часть уйгуров, живущих в Восточном Туркестане – фермеры, занятые главным образом выращиванием зерна и хлопка с применением примитивных технологий. Их среднегодовой доход составляет менее 100 долларов США.

Наиболее серьезная проблема, стоящая сегодня перед уйгурами Восточного Туркестана, – расовая чистка, проводимая китайскими империалистами, то есть проблема элементарного существования и выживания уйгуров как этноса в мире. Китайское правительство намерено превратить уйгуров в национальное меньшинство на их собственной земле и окончательно ассимилировать их с китайским большинством драконовской политикой ограничения рождаемости и интенсивным переселением китайцев в Восточный Туркестан.

В Восточном Туркестане нет уважения основных прав человека со стороны китайского правительства.

Сотни невинных уйгур были брошены в китайские тюрьмы и трудовые лагеря за приверженность религии или за выражение любви к Восточному Туркестану и уйгурскому народу. Многие были казнены за сопротивление угнетению со стороны правительства, подвергнуты пыткам и даже убиты в тюрьмах без надлежащего суда.

Китайское правительство применяет смертную казнь по отношению к политическим заключенным исключительно в Восточном Туркестане, что демонстрирует, насколько драматично и опасно для уйгуров быть оппозиционно настроенными по отношению к политике правительства. Несмотря на многочисленные призывы Международной Амнистии и других правозащитных организаций США и Западной Европы остановить нарушения прав человека в Восточном Туркестане, китайские власти не только опровергают такую критику, но, напротив, усиливают подавление уйгуров.

Этот документ раскрывает некоторые из преступлений против уйгуров, совершенных китайскими властями в период с марта 2000 г. до настоящего времени. Эти преступления включают массовые аресты невинных людей, нечеловеческие пытки заключенных в тюрьмах, преследование верующих, направленную на ассимиляцию уйгуров политику контроля над рождаемостью. Все это раскрыто в настоящем документе и подтверждено фактическими данными.

Произвольные аресты, содержание в тюрьмах и казни

Осуществляемые в течение полугода китайскими властями массовые аресты и казни в Восточном Туркестане проводятся под лозунгами “большой чистки” и “жесткого удара”.

Ван Лэцюань, первый секретарь КПК в Синьцзян-Уйгурском автономном районе благословил властные структуры на репрессии против всего уйгурского народа, официально заявив: “арестуйте тысячу людей для задержания одного сепаратиста”, а также “длительная борьба против националистических сепаратистов, и мы должны уничтожить их и никогда не позволить подняться им вновь”

Согласно оценкам Информационного центра Восточного Туркестана, с марта 2000 г. по август 2001 г. число уйгуров, арестованных за “национальный сепаратизм” и “незаконные

религиозные действия” в округах Аксу, Хотан, Или и Кашгар, которые плотно заселены уйгурами, достигло более чем 10 тыс. человек. В течение того же периода приблизительно 1,5 тыс. уйгуров погибли в китайских тюрьмах, будучи казнены или замучены до смерти, а также убиты в ходе различных демонстраций и столкновений. Это, не считая других, которые были задержаны и убиты властями по иным, не политическим мотивам.

В конце февраля 2001 г., после убийства семи ханьцев, китайские власти начали политическую кампанию “большая чистка”, которая продолжалась три месяца в районе Учтурфан и шести других районах Аксуйского округа. Был создан специальный штаб по проведению кампании, который возглавил Исмаил Тилевалды, заместитель председателя комитета по политическим делам местной организации КПК. В течение этой кампании более 600 уйгуров были арестованы и замучены в Учтурфане и более 400 в районе Бай. Проведенный 10 и 11 марта суд приговорил к смерти 10 человек, включая Мамут Турсуна Садыка, Мемета Хапиза и Мемтемина Гази, 18 человек, включая Айсу Давута, Хасена Османа, и Бахара Авута, были приговорены к пожизненному заключению.

Сообщалось, что одно должностное лицо из числа уйгуров попросило Исмаила Тилевалды отсрочить казнь в связи с приближавшимся мусульманским праздником Курбан-айт и также напомнило, что, согласно китайскому уголовному праву, незаконно казнить более чем 10 человек сразу. Тем не менее Исмаил Тилевалды ответил, что “борьба против сепаратистов не должна ограничиваться законами и правилами. Мы не должны бояться народного недовольства. Наоборот, мы должны немедленно выполнить решение суда”.

В результате были одновременно казнены одиннадцать уйгуров, и их тела не были возвращены их близким. Более того, все тела были захоронены в массовой могиле, вырытой экскаватором. Власти предприняли меры, чтобы предотвратить “захват” тел из могилы близкими родственниками. Чтобы могилу невозможно было найти, земля вокруг нее была изрыта экскаватором. Во время этих работ территория охранялась полицейскими и солдатами.

За три месяца, с марта по июнь, в районе Шаяр полиция арестовала 11 уйгуров и допросила 150 человек. В городе Аксу было арестовано более 400 уйгуров. Из их числа 8 человек были приговорены к смертной казни и 68 – к различным срокам

заклучения. В районе Унсу (Аксуйский округ) было арестовано более 300 уйгуров, 55 из них были обвинены как “незаконные религиозные элементы” и к различным срокам тюремного заключения – от 7 до 25 лет.

3 мая органы безопасности (ОБ) арестовали находившихся ранее в розыске Ясина Искандера и молодую уйгурку Айнияз Ибрагим из района Унсу, они были приговорены к смертной казни с отсрочкой приговора на 2 года.

Все эти люди – только малая часть тех, кто пострадал от кампании “чистки” в период с марта по июнь 2001 года. Всех их китайские власти обвинили как “национальных сепаратистов”, “реакционных религиозных элементов” и “террористов, строящих заговор по расколу страны”. Фактически ни один из них не совершал никаких преступлений против китайского правительства. Они просто использовали свои религиозные и этнические права, гарантированные китайской конституцией, и тем или иным путем протестовали против репрессивной политики китайского правительства.

В апреле 2001 г. в Восточном Туркестане была начата национальная кампания “жесткого удара” для “борьбы против преступности”. Хотя китайские лидеры декларировали, что эта кампания направлена на “борьбу с различными криминальными группами”, в Восточном Туркестане она фактически носила абсолютно политический характер. Как сообщало в апреле информационное агентство “Синьхуа”, председатель правительства Синьцзян-Уйгурского автономного района Аблет Абдурашит заявил: “Национальные сепаратисты являются основной преступной группой в Синьцзяне, поэтому в настоящее время жесткий удар должен быть направлен именно на национальных сепаратистов”. Чи Хаотянь, министр обороны Китая, во время визита в Синьцзян 13 апреля обратился к членам СПСК: “Войска и соединения ПСК, дислоцированные в Синьцзяне, должны объединить свои усилия в борьбе против национальных сепаратистов”. Китайские органы общественной безопасности приказали всем полицейским и военным организациям усилить борьбу против сепаратистов, а судам всех уровней – ускорить судебные разбирательства и безжалостно выносить приговоры.

Информационное агентство “Синьхуа” сообщило, что с 20 по 30 апреля в Восточном Туркестане были задержаны несколько тысяч “преступников” из числа уйгуров и более 500 – приговорены к

различным срокам заключения. Многие из них были приговорены к смерти без обоснованных доказательств вины.

Как сообщило агентство “Синьхуа” в мае, Цзян Шумин, председатель Комитета по политическим и юридическим делам Синьцзян-Уйгурского автономного района и глава Управления ОБ, призвал участников специального секретного совещания усилить второй этап “жесткого удара”. Он заявил, что с 10 апреля по 10 мая было рассмотрено 3701 “преступное дело” и 3518 преступников задержаны. Согласно оценке Информационного центра Восточного Туркестана, большая часть этих людей были уйгурами, арестованными по различным политическим причинам.

Ниже приводится информация касающаяся некоторых дел уйгуров, приговоренных к смертной казни или другим серьезным наказаниям в этот период.

В округе Кашгар:

В течение 20-29 апреля было задержано более 500 уйгуров. Только на одном судебном заседании 26 апреля к смертной казни были приговорены 6 уйгуров, включая Аблимита Мамета и Ахмета Турсуна, еще 153 человека были приговорены к другим видам наказаний.

В округе Или

21 апреля в Кульдже (Инин) на заседании суда средней инстанции округа Или 13 молодых уйгуров, включая Турдахуна Турди, Дилшатбека Турсуна и Азата Мунара, были признаны виновными в “проведении незаконной религиозной деятельности” и “национальном сепаратизме” и приговорены к смертной казни. В тот же день осужденные были расстреляны. 28 апреля за поддержку “национальных сепаратистов” были арестованы 4 уйгура из деревни Енги Ер вблизи города Кульджа, в том числе Савутхан Аблитит.

В округе Корла

27 апреля открытый суд в городе Корла приговорил к смертной казни 6 уйгуров за “незаконную религиозную деятельность” и “национальный сепаратизм”. Среди приговоренных были Тахир Авут и Энвер Назир.

В округе Хотан:

В течение 10 дней после начала кампании “жесткого удара” китайские власти организовали специальные облавы во многих деревнях и поселках округа Хотан, арестовав большое количество уйгуров за их контакты с “национальными сепаратистами”. 28

апреля на заседании суда деревни Бакчи 16 уйгуров, в том числе Абдурашит Абулхасин, Эхетния Маметрози и Турсун Омар, были признаны виновными в “терроризме” и “незаконной религиозной деятельности” и приговорены к заключению на сроки от 4 до 20 лет.

В округе Турфан

24 апреля городской суд Турфана и суд Турфанского округа провели совместное заседание по делу Тохти Хетбуллы и нескольких других человек. Суды признали Тохти виновным в “незаконной религиозной деятельности и терроризме” и приговорили его к смертной казни. Еще 13 человек были приговорены к различным срокам тюремного заключения. Среди них Абдусеми́т Бекри, Вели Абдурахман и Момин Кадыр. Кроме того, 29 апреля суд района Токсун приговорил 24 уйгура, в том числе Гани Турсуна и Османа Менлика, к различным срокам заключения за “участие в незаконной религиозной деятельности” Они были заклеены как “реакционные религиозные элементы”.

В округе Аксу

27 апреля суд среднего звена Аксуйского округа провел специальное открытое заседание в рамках кампании “жесткий удар” и обвинил 5 уйгур, в том числе Абдухаха Чожека и Айсун Тохти, в “деятельности, направленной на раскол страны” и “терроризме”, все они были приговорены к смертной казни. К месту казни они сопровождалась сотнями полицейских и солдат, которые на грузовиках провезли их по всему городу с целью устрашения населения. В конце следования они были расстреляны, их тела не были выданы родственникам для захоронения, а просто свалены в кучу в общей могиле.

Таким образом, в течение короткого периода, с 20 по 29 апреля, на волне начатой в Восточном Туркестане “кампании жесткого удара” китайские власти задержали, бросили в тюрьмы и казнили без должного судебного рассмотрения огромное число невинных уйгуров. Власти не давали приговоренным людям возможности обжаловать их приговоры к смертной казни или к заключению. Более того, власти использовали открытые суды как инструмент запугивания местного населения. Семьи казненных были лишены возможности похоронить своих близких должным образом, и даже места захоронения казненных были скрыты.

После апреля кампания незаконных арестов и казней в Восточном Туркестане вступила во вторую фазу под названием

“поймать и наказать тех, кто скрылся от первых сетей”. 20 мая суд района Или обвинил молодого уйгура по имени Аблимит Аббас в “национальном сепаратизме” и в “деятельности по расколу страны” и приговорил его к смертной казни. Смертный приговор был незамедлительно приведен в исполнение. 19 июня суд города Кульджа (Инин) приговорил молодого уйгура Абдукадира Хамита к смертной казни, еще 35 человек были приговорены к различным срокам тюремного заключения. Их преступление было определено как “национальный сепаратизм” и “незаконная религиозная деятельность”. 25 июня городской суд Урумчи признал двух молодых уйгуров – Усмана Хамита и Мемета Рахмана – виновными в “обучении национальных сепаратистов применению взрывчатых веществ”. Оба молодых человека были казнены в тот же день.

Согласно оценкам Информационного центра Восточного Туркестана, в течение периода с апреля по июнь число уйгуров, арестованных в Восточном Туркестане по политическим мотивам, достигло нескольких тысяч человек, 500 было приговорено к различным срокам заключения, около 100 человек было приговорено к смертной казни.

**Количество уйгуров, задержанных, заключенных и казненных
китайскими властями в Восточном Туркестане в апреле - июне
2001 года.**

Задержано	Заключено в тюрьму	Казнено
Несколько тысяч	Приблизительно 500	Приблизительно 100

В настоящее время китайские власти ведут бесконечные кампании, такие как “жесткий удар” и “большая чистка”, в ходе которых они следуют принципу “дети должны быть наказаны за родителей, жены и дети – за мужей и отцов”.

3 февраля органами ОБ был арестован предполагаемый “лидер сил вооруженного сопротивления Хотана” Абла Эбей. Суд города Хотана приговорил его к пожизненному заключению и навсегда лишил политических прав. Ордер на арест Абла Эбея был выдан в июне 1999 г., и до его ареста его престарелые родители, жена и брат Тохти Эбей три месяца содержались в тюрьме и подвергались пыткам с целью получения информации о нем. Их имущество было конфисковано. В течение двух лет после выдачи ордера на арест Абла Эбея около 400 человек было задержано по подозрению в поддержании с ним контактов, имущество некоторых из них

также было конфисковано. Двадцать семь человек, которые так или иначе поддержали семьи арестованных, были наказаны в пять раз строже тех, кому они помогали.

7 июля 200 г. китайская полиция арестовала уйгурского торговца Куум Ясина, жителя Пекина, а 15 июля его тело передали семье без объяснения причин смерти.

Люди, живущие в свободных обществах, могут воспринять инциденты, имевшие место в Восточном Туркестане и описанные в настоящем документе, как эпизоды из истории средних веков. Тем не менее это реальные факты и только часть тех, что стали регулярными событиями жизни уйгуров в Китае.

20 февраля в китайском городе Шэньчжэнь два уйгура, шедшие по улице, были остановлены полицией и жестоко избиты. Когда проживающие в этом городе уйгуры обратились к местным властям с жалобой по поводу происшедшего, никто даже не рассмотрел это обращение.

В последние годы некоторые политические аналитики и журналисты сообщали о поощряемом коммунистическими властями росте ханьского национализма в китайском обществе. Обманутые государственной пропагандой, все больше китайцев воспринимает уйгуров как иностранных элементов в китайском обществе. В недавнем инциденте в городе Сиань маленькая группа уйгурских студентов в университете Шанган стала мишенью ханьских националистических атак со стороны китайских студентов. Китайские студенты потребовали, чтобы уйгурам не разрешали обучаться в университете, а те, кто учиться должны оставить его. Несколько тысяч китайских студентов осадили и атаковали общежитие, где проживали около ста уйгурских студентов. В результате много человек с обеих сторон были тяжело ранены. В ходе нападения некоторые университетские должностные лица открыто поощряли китайских студентов преподавать уйгурам урок и избить их. Только после неоднократных обращений по телефону уйгурских студентов прибыла полиция и остановила массовую кулачную драку. После этого инцидента университетская администрация обвиняла в инициировании стычки только уйгурских студентов и исключила некоторых из них из университета.

Китайские коммунистические власти поощряют переселение китайцев в Восточный Туркестан и во многих отраслях при трудоустройстве отдают предпочтение вновь прибывшим китайцам, а не местным уйгурам. Правительственная политика переселения вызывает широко распространенное и глубокое недовольство местного населения.

Следующий инцидент, происшедший 29 августа 2000 г. в районе Керия Хотанского округа и закончившийся массовыми столкновениями между уйгурами и китайцами, указывает на чрезвычайно напряженные отношения между этими двумя группами. Уйгурская женщина вошла в китайский магазин и случайно наступила на ногу китайскому ребенку. Несмотря на ее извинения, китайский мужчина оскорблял ее и более того, он избивал несчастную женщину металлическим прутом до тех пор, пока она не начала истекать кровью. Другой китаец стоял рядом и устно поощрял нападавшего, говоря, что он не двинется с места, даже если женщина будет убита.

Местные уйгуры очень быстро узнали о случившемся и собрались на месте, где это произошло. Это привело к массовому столкновению между местными уйгурами и китайскими переселенцами, в результате чего множество человек получили ранения. Полиция применила слезоточивый газ и силовое воздействие для прекращения столкновений и задержала около двухсот уйгуров. Позже власти объявили, что инцидент спровоцировали национальные сепаратисты и контрреволюционеры. Расследования и аресты длились несколько месяцев.

3 апреля пять китайских мигрантов изнасиловали двух уйгурских девочек 11 и 13 лет, это были дочери Садир Имина, проживавшие в деревне в районе Фукан. Начальник местного отделения полиции заявил, что он расследует преступление, но в течение последующих четырех дней ничего так и не предпринял. Тем временем Садир Имин самостоятельно поймал одного из насильников и привел его в полицейский участок. Офицер ОБ арестовал Садир Имина, обвинив его в несанкционированном аресте и пригрозил пятилетним заключением за это “преступление”. Садир Имин сбежал из тюрьмы и убил начальника отделения полиции и одного из насильников своих дочерей. 8 апреля старшая из девочек, Айнура, умерла от кровотечения. В отместку пятеро местных уйгуров тяжело избили четырех остальных насильников. Власти вызвали сотню полицейских, чтобы арестовать этих уйгуров. Во время ареста один из них по имени Ахметжан был убит, остальных бросили в тюрьму. И до сих пор они находятся в заключении, а китайские власти никому не разрешают помогать их семьям, угрожая, что это будет расценено как “помощь сепаратистским элементам”.

Репрессии против уйгуров за пределами Китая

Репрессивная политика китайского правительства в отношении уйгуров более не ограничивается территорией Китая, а распространилась через границу — на территории соседних стран — Казахстана, Кыргызстана и Пакистана. Для разрешения пограничных споров в апреле 1996 г. была сформирована организация “Шанхайская пятерка”, состоящая из Китая, Казахстана, Кыргызстана, России и Таджикистана. Организация была преобразована в международный орган, чтобы бороться с тем, что они называют “терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом” в Центральной Азии. Сегодня китайское правительство показало, что его основным приоритетом является ликвидация уйгурского движения независимости в Центральной Азии.

Соглашения, подписанные в рамках “Шанхайской пятерки”, требуют строгих ограничений на независимую политическую активность уйгуров во всех государствах - членах организации. В соответствии с этими соглашениями органы общественной безопасности Казахстана и Кыргызстана усилили контроль за политической активностью уйгуров.

Государства - члены обязаны выдавать “преступников”. В соответствии с этим положением несколько уйгурских беженцев, запросивших политическое убежище в Казахстане и Кыргызстане, были переданы Китаю. Например, в январе 1999 г. казахстанские власти депортировали в Китай трех молодых уйгуров, включая Хамит Мехмета, искавших политического убежища в Казахстане. Эти люди два года провели в заключении в китайской тюрьме, и 15 марта 2001 г. китайский суд признал их виновными в “попытке развалить страну” и в “незаконном пересечении государственной границы” и приговорил к смертной казни.

В другом случае четыре молодых уйгура, включая Аскера Тохти, были арестованы в Кыргызстане по подозрению в причастности к взрыву автобуса в городе Оше. Ошский областной суд не признал приговоры, вынесенные городским судом, и обвинения были расценены как “необоснованные”. Однако в марте 2001 г. Ошский городской суд провел свое заседание без защитников ответчиков и приговорил трех из них к смертной казни, а одного — к заключению сроком на 25 лет. Когда находящаяся в Бишкеке организация по защите прав человека послала своего представителя, отвечающего за дела уйгуров, Турсуна Ислама в Ош для установления этого факта, киргизское должностное лицо в неофициальной беседе отметило, что власти были вынуждены сделать это под сильным

китайским давлением, и что фактически эти уйгуры не имеют никакого отношения к взрыву автобуса в Оше.

В последние годы несколько видных уйгурских политиков были загадочно убиты в Казахстане и Кыргызстане. В мае 2001 г. в Алматы была похищена и убита Дилбирим Самсакова, председатель фонда милосердия “Назгум”, который помогает одиноким матерям и многодетным семьям. В марте 2000 г. у своего дома в Бишкеке был застрелен Нигмет Босаков, лидер уйгурской организации “Иттипак” в Кыргызстане. Ашир Вахида, выдающийся лидер “Организации за освобождение Уйгурстана”, подвергся нападению в своем доме и позже скончался от полученных ран. В 1999 г. в Алматы был убит Абдушукур Тевдик, представитель в Казахстане уйгурской газеты “Учкун”, издающейся Информационным центром Восточного Туркестана

Китай также усилил давление на пакистанские власти для ограничения деятельности уйгурского сообщества в Пакистане. В начале декабря 2000 г. пакистанская полиция без всякого уведомления приказала закрыть два гостевых дома в Исламабаде – “Кашгар Рабат” и “Хотан Рабат”, которые принадлежали уйгуро-пакистанскому сообществу и предоставляли кров уйгурам, прибывавшим в Пакистан из Китая. Неофициально полиция объяснила свои действия сильным давлением китайских властей. Закрытие гостевых домов привело к массовому выселению обучавшихся в пакистанских институтах уйгурских студентов. Пять лет назад, в мае 1996 г., пакистанские власти передали китайским властям 13 уйгурских студентов. Некоторые из них позже были казнены.

Пытки и убийства политических заключенных

Согласно конфиденциальной информации, полученной Информационным центром Восточного Туркестана, в настоящее время в Восточном Туркестане имеется приблизительно 250 тыс. заключенных, из них 150 тыс. являются уйгурскими политическими заключенными.

Заключенные в Восточном Туркестане содержатся в условиях, неподходящих для людей. Они живут под постоянной угрозой смерти. Усовершенствованные формы ужасных пыток заключенных, заканчивающихся иногда смертными случаями, стали обычной практикой в Восточном Туркестане. Например, Абдухалил Абдумажит, лидер демонстрации “5 февраля” в Кульдже (Инин)

в 1997 г., умер от пыток в тюрьме Чапчала 17 октября 2000 г. Его смерть привлекла внимание многих международных организаций по правам человека. 21 октября Международная Амнистия выпустила специальное сообщение №203, посвященное случаю Абдухалила Абдумажита. В сообщении говорится о кровавых репрессиях в отношении уйгуров, которые последовали за восстанием 5 февраля в Кульдже, когда группа уйгурской молодежи провела демонстрацию и потребовала от китайских властей освободить их задержанных братьев и свободы религии. Концентрируясь на случае Абдухалила Абдумажита, в сообщении описываются некоторые подробности жестоких пыток, которые применяют китайская полиция, чтобы добиться признаний и сломить волю людей.

Г-н Абдушукур, уйгурский беженец, ищущий политического убежища в Германии, информировал, что смертельные случаи в результате пыток в китайских тюрьмах в районе Кульджи резко возросли после инцидента “5 февраля”. Например, в июле 1997 г. молодой уйгур Абдусалам Кари, 27 лет, был арестован китайской полицией в пригороде Кульджи Дун-махалля. Через месяц семье доставили его окровавленное тело со сломанными руками и ногами. Абдусалам Кари был одним из организаторов культурного движения в городе Машрап. Он был арестован по подзрению в организации инцидента в Кульдже.

Г-н Абдушукур рассказал также об уйгурском торговце по имени Тэй, 33 лет, арестованном на Хоргосском погранпереходе по возвращении домой из деловой поездки в Казахстан. Он был помещен в тюрьму ПСК, и на следующий день тело Тэя было доставлено его семейству. Полиция объяснила, что он умер от удушья. Однако при подготовке к погребению члены семьи обнаружили на всем теле следы ударов тяжелым предметом. Когда старший брат Тэя обратился к властям за разъяснениями и с требованием провести расследование обстоятельств смерти, полиция пригрозила ему и потребовала прекратить жаловаться. Как позже стало известно, полиция обвинила Тэя в “организации финансовой помощи сепаратистским организациям в Казахстане” и убила его в ходе пыток.

Сообщалось об убийствах заключенных не только в округе Или, но и по всему Восточному Туркестану. Например, пятеро уйгурских политических заключенных — Хелим Кари, Абдулла Кадыр, Ахмет Кари, Хемдул Инаят и Тахир Курбан — содержались

в тюрьме “Тарим” в районе Шаяр Восточного Туркестана. 12 апреля 2000 г. они были убиты сотрудниками ПСК и китайскими охранниками прямо на поле, куда их доставили для работы.

Китайские власти продолжают преследование уйгурских политических заключенных даже после их выхода из тюрьмы. Например, молодой уйгур Абдукерим Карим из района Фазават Восточного Туркестана был молодым талантливым религиозным активистом, которого высоко уважали за его глубокие знания ислама. В 1994 г. китайские власти заключили его в тюрьму на 6 лет за “незаконную религиозную деятельность”. В августе прошлого года он был освобожден. После длительного заключения Абдукерим был очень болен, но власти не разрешили ему лечиться.

Преследование религии

35 статья Конституции Китайской Народной Республики гласит: “Граждане Китайской Народной Республики обладают свободой религиозного вероисповедания. Правительственные органы и частные лица не могут никого принуждать религии или быть нерелигиозным. Не должно быть плохого обращения на религиозном основании. Государство защищает нормальные религиозные действия”. Статья 11 “Закона о национальной автономии в Китае” повторяет эти заявления. Однако эти статьи, также как и многие другие, были написаны только для того, чтобы обмануть китайских граждан и ввести в заблуждение международное сообщество.

Статьи о свободе вероисповедания конституции Китая никогда не были реализованы. Китайские власти рассматривают ислам, религию уйгуров, которая помогает им сохранять их этническое тождество, как большое препятствие в выполнении колониальной политики ассимиляции местных жителей Восточного Туркестана. Именно поэтому китайское правительство усиливает свою репрессивную политику по отношению к исламу в Китае.

Заявляя, что “основными угрозами для стабильности в Синьцзяне являются национальный сепаратизм и незаконные религиозные действия”, власти ограничивают почти все виды религиозной деятельности. Большое количество простых уйгур, исповедующих ислам, было арестовано и обвинено в участии в “незаконной религиозной деятельности” как “реакционные религиозные элементы”, брошено в тюрьмы и подвергнуто пыткам.

Значительная часть уйгуров, арестованных в последнюю декаду, состоит из узников совести. Китайские власти даже усилили

преследования ислама в течение последних лет. По своему собственному усмотрению власти могут рассматривать молитвы, пост и выполнение хаджа — паломничества в Мекку, самого священного места для мусульман — как незаконные действия.

Например, 6 октября 2000 г. 30 уйгуров были арестованы в деревне Комушлик района Кона Шахар и обвинены в выполнении религиозных обрядов неправильным способом и объявлены ваххабитами, последователями одного из течений ислама, распространенного в Саудовской Аравии. В июне 2000 г. в деревне Чумчак района Бугур Восточного Туркестана молодой уйгур Ясин Кивер был задержан по подозрению в участии в “незаконной религиозной деятельности”. Отбыв трехмесячный срок, он был освобожден и оштрафован на 3000 юаней (примерно 350 американских долларов). После возвращения домой Ясин Кивер был вызван в офис местного секретаря партиячейки, который вынудил его пить спиртное, тем самым оскорбляя религиозные чувства Ясина Кивера. Секретарь также угрожал Киверу, что, если он продолжит молиться, то снова будет брошен в тюрьму.

На национальном уровне преподаватели, студенты и правительственные служащие согласно основным китайским законам не ограничиваются специально в их религиозных правах. Однако китайские власти приняли многочисленные положения и правила, ограничивающие религиозные действия правительственных служащих, преподавателей и студентов в областях, плотно заселенных уйгурами. Согласно правилам, таким людям не разрешают молиться публично, соблюдать пост и даже посещать религиозные церемонии. Тех, кто не повинуется, строго наказывают с применением дисциплинарного и финансового воздействия.

В прошлом году китайское правительство усилило свои преступные деяния против ислама во время месяца Рамадан. Полицейские наблюдали за правительственными служащими-уйгурами с целью установить тех, кто выполняет исламские ритуалы. Несколько расследований были начаты по делам уйгурских преподавателей, студентов и правительственных служащих, которые молились в течение месяца Рамадан. Во время поста служащим предлагали бесплатные обеды. Уйгурским преподавателям и студентам в Кашгарском, Хотанском и Аксуйском округах официально запретили соблюдать пост. От учителей требовали, чтобы они дали письменные обязательства

школьному руководству не молиться и не соблюдать пост в течение Рамадана. От студентов требовали, чтобы они представили аналогичные письменные обязательства своим преподавателям.

Согласно сведениям г-на Тимура Чока, журналиста Информационного центра Восточного Туркестана, специальное наблюдения в педагогическом колледже Хотана выявило 16 студентов, которые молились и постились в течение месяца Рамадан. Все эти студенты были лишены стипендии на два месяца. Как сообщалось, в некоторых других учебных заведениях Восточного Туркестана применялись более строгие методы наказания вплоть до арестов. Например, 7 молодых уйгуров, включая г-на Саттара Аблиза из Синьцзянского архитектурного института, г-на Кудрета Томур из Синьцзянского университета и госпожу Хейригул Тургун из Института искусства, были обвинены в незаконных молитвах и исключены из учебных заведений, а некоторые из них были заключены в тюрьму на срок от 1 до 3 лет.

В ходе борьбы против ислама в Китае китайское правительство запретило строительство новых и закрыло много действовавших мечетей. В августе 2000 г. китайские власти распорядились разрушить 12 мечетей в районе Карикаш Хотанского округа, объясняя это тем, что “мечети негативно влияли на близлежащие школы и качество обучения”. В январе этого же года была разрушена мечеть Казан Булак в районе Учтурфан, причиной явилось “служба по поводу праздника Рамадан, проведенная накануне, как в арабских странах, вылившаяся в несанкционированное собрание людей в мечети”.

Коммунистические власти превратили некоторые мечети в пропагандистские выставки для коммунистических идей и политики правительства. Власти принуждают имамов, мусульманских священников, пропагандировать в мечетях коммунистическую идеологию, включая “интернациональную солидарность трудящихся” и “марксистский атеизм”. Власти требуют от священнослужителей быть преданными “патриотическими религиозными лидерами”.

В Восточном Туркестане распространенной практикой становятся случаи, когда имамы, мусульманские священнослужители, назначаются и оплачиваются правительственными органами, а не избираются конгрегацией верующих. Такие люди обычно лояльны и преданы китайскому правительству, но они не обязательно хорошие мусульмане. Коммунистические власти периодически собирают таких “патриотических религиозных лидеров” для идеологической и политической обработки.

Священнослужители, которые не придерживаются указаний коммунистической партии, подвергаются преследованиям. Например, газета на уйгурском языке “Хотан газеты” 2 октября 1999 г. писала, что имам мечети Кубах 1-й деревни района Каракаш был “уволен” со своей должности и позже арестован за то, что не поддерживал политику коммунистической партии и за его “нелегальную религиозную деятельность”.

Китайские власти закрыли в Восточном Туркестане все неправительственные религиозные школы, чтобы мусульмане не могли получить независимое религиозное образование. В результате некоторым верующим пришлось посещать подпольные религиозные занятия. Китайские власти начали преследовать таких людей вне зависимости от их возраста. 27 июля 2001 г. два уйгурских мальчика были арестованы за тайное посещение религиозных занятий. Китайские власти подвергли их пыткам, чтобы получить информацию о других учащихся. В результате было задержано еще 18 человек, в том числе семилетние дети. Все эти религиозные учащиеся были оштрафованы на суммы от 300 до 500 юаней, а их учителя были задержаны на 1 месяц с конфискацией имущества.

Азиз Сомен, религиозный активист из Хотана, был арестован в Урумчи в июне 2001 г. Народ в Хотане очень уважал его за глубокое знание ислама. Он основал подпольную религиозную школу, где многие получали религиозное образование. В 1994 г. полиция намеревалась арестовать его за “нелегальное религиозное обучение учащихся и распространение национального сепаратизма, но он скрылся и находился “в бегах” 6 лет.

Синьцзянский исламский институт является единственным высшим религиозным учебным заведением, открытым китайским правительством в Восточном Туркестане. В наши дни институт находится под угрозой закрытия. Несколько его профессоров и студентов были арестованы за якобы “нелегальную религиозную деятельность”. Студенты здесь обучаются атеизму и коммунистической идеологии по таким курсам, как официальная китайская версия “Истории Синьцзяна”, “Марксизм против религии” и “Работы Дэн Сяопина”. В результате Исламский институт, образовательное религиозное учреждение, был превращен в пропагандистский инструмент коммунистов и китайской националистической идеологии.

Профессора, возражавшие против учебного плана, подвергались преследованиям. Два авторитетных преподавателя и исламских

ученых, Мухаммад Абдулла Хаджи и Юсуп Хаджи, были арестованы в октябре 2000 г. и еще один известный религиозный ученый Мухаммад Салих Дамолла был вынужден уволиться. В результате уровень преподавания в институте упал, он становится все менее и менее популярным среди людей, желающих получить религиозное образование.

Насильственная политика “контроля над рождаемостью”

С 1988 г. китайское правительство проводит в отношении уйгуров пресловутую политику “контроля над рождаемостью”, мотивируя это перенаселением Китая.

Закрывая уйгурам доступ к процветанию, происходящему от эксплуатации природных ресурсов Восточного Туркестана, китайские власти ведут “борьбу” с бедностью среди уйгур путем сокращения численности уйгурского народа, который официально объявлен национальным меньшинством. Предполагается, что политика сокращения численности населения обеспечит повышение благосостояния. Но фактически жесткие антигуманные меры по “контролю над рождаемостью” по отношению к уйгурам сочетаются с массовым переселением в Восточный Туркестан людей из внутренних провинций Китая. То, что население Китая составляет 1,3 млрд. человек, а уйгуры составляют всего 0,006% населения означает, что уровень благосостояния в Восточном Туркестане будет оставаться низким, несмотря на контроль за рождаемостью уйгуров. Таким образом, установлением контроля над рождаемостью уйгуров китайские власти преследуют совершенно иные цели. “Контроль за рождаемостью” в Восточном Туркестане не ставит целью улучшение условий жизни уйгуров. Это китайская форма этнической чистки Восточного Туркестана от уйгуров с целью создания “жизненного пространства” для китайских мигрантов. Насильственное проведение политики “контроля над рождаемостью” по отношению к уйгурам является серьезным преступлением против уйгурского народа, исламской религии и прав человека.

Информационный центр Восточного Туркестана располагает полным текстом изданного парткомом Хотана документа “О дальнейшем усилении политики контроля над рождаемостью”. Хотанский округ является беднейшим регионом Восточного Туркестана и населен преимущественно уйгурами. Уйгуры оставляют 95% населения и 90% из них – крестьяне. Таким образом, документ можно рассматривать как отражение демографической политики китайской компартии по отношению к уйгурам в целом.

Первая часть документа под заголовком “Реальное укрепление руководства над контролем за рождаемостью” разъясняет важность руководящей роли в улучшении претворения в жизнь политики контроля над рождаемостью. Как следует из документа, руководство высшего звена должно рассматривать контроль за рождаемостью как свою главную задачу, руководство первого и второго звена отвечает за ее выполнение, а кадры трех низших звеньев — районов, городов и деревень — должны активно участвовать в акциях по контролю за рождаемостью. Таким образом, несмотря на то, что есть специальные офисы и работники, ответственные за выполнение политики контроля над рождаемостью, коммунистическая партия требует, чтобы “все кадры участвовали в этой кампании”.

Другой параграф документа под названием “Специальный двойной контроль всех детей, рожденных с начала 1988 г. по апрель 2000 г.” предупреждает должностные лица о строгом наказании за провал выполнения политики контроля над рождаемостью. Если обнаруживается ребенок, рожденный после 2000 г. сверх установленного плана, работа первых руководителей подлежит проверке и им определяется надлежащее наказание. Если в деревне будет обнаружен “дополнительный” ребенок, глава деревни лишается десятидневной зарплаты. Если обнаруживается несколько детей, должностные лица снимаются со своих постов за сокрытие фактов и полиция может провести расследование этих случаев. Таким образом, коммунистическая партия Китая оказывает жесткое давление на местные власти по выполнению политики контроля над рождаемостью.

Каждому административному образованию выделяется квота на рождаемость. Работники учреждений по контролю над рождаемостью насильно заставляют всех женщин, забеременевших сверх квоты, делать аборт. Имели место случаи, когда детей доставали из материнского чрева за несколько дней до рождения. Принудительные аборт очень часто вызывали психологические и физические травмы, после чего женщины уже не могли иметь детей в будущем.

Нижеописанный инцидент жестокого обращения с беременной женщиной произошел в городе Турфан. Уйгурская женщина Хайринисахан, 32 лет была замужем за Ахметжаном, 36 лет. Это был второй брак, и у каждого из них было по ребенку от прежних браков, которые проживали вместе с родителями. Хайринисахан и Ахметжан решили завести общего ребенка, уверенные в том,

что они могут иметь еще одного ребенка, поскольку это был их второй брак.

Когда Хайринисахан была на пятом месяце беременности, работники учреждения по контролю за рождаемостью узнали о ее беременности и потребовали, чтобы она сделала аборт, поскольку ее беременность была внеплановая. Они начали посещать их семью каждый день и выдвигали свои требования. Ахметжан получил уведомление от своего работодателя о том, что он будет уволен, если семья “не избавится” от ребенка.

Бедная пара решила фиктивно развестись, чтобы сохранить ребенка и работу мужа. Они официально развелись, и Хайринисахан тайно переехала в район Пичан, чтобы родить там. Тем не менее через месяц работники учреждения по контролю над рождаемостью выследили ее и заставили вернуться в Турфан для аборта.

Затем она тайно уехала в район Токсун, но снова была выслежена через два с половиной месяца. Хайринисахан скрылась в отдаленном горном районе района Карашар, находящегося в 300 километрах от Турфана. Когда она уже готовилась рожать, должностные лица учреждения по контролю над рождаемостью доставили ее в Турфан в сопровождении двух полицейских как преступницу. Ее поместили в больницу, где она родила ребенка. Ребенок скончался. После всего этого бедная женщина сошла с ума, ее и сейчас можно встретить на улицах Турфана.

Раздел 6 документа требует, чтобы работники учреждений по контролю за рождаемостью в целях предотвращения внеплановых беременностей среди уйгурских женщин ежемесячно посещали каждую семью и вели учет всех беременных. Они также должны наблюдать за женщинами, чтобы те без надлежащего разрешения не избавлялись от контрацептивной спирали. Если женщине необходимо удалить спираль, это может быть сделано только в учреждении по контролю за рождаемостью. Любой врач, помимо учреждения по контролю за рождаемостью, оказавший женщине помощь в удалении спирали, подлежит увольнению и штрафу в десять тысяч юаней.

Документ также требует, чтобы все женщины, имеющие трех детей, были подвергнуты стерилизации. Эти требования демонстрируют, что для сокращения уйгурского населения китайские власти прибегают к бесчеловечным, аморальным и нецивилизованным мерам. В наши дни к женщинам в Восточном Туркестане относятся как к животным. В частную жизнь женщины

в любой момент может вмешаться работник учреждения по контролю над рождаемостью, а их тела могут быть подвергнуты принудительному аборту или стерилизации.

Более того, китайские власти не отрицают, что в учреждениях по контролю за рождаемостью недостает современного медицинского оборудования и что работники этих учреждений зачастую не имеют необходимой подготовки. Опасность установления неправильного диагноза в китайских учреждениях по контролю над рождаемостью очень высока. Тем не менее женщины вынуждены либо соглашаться с властями, либо быть признанными нарушителями государственного закона.

По сообщению официальной “Хотан газеты”, с 1 сентября только в районе Хотан долговременные меры по контролю над рождаемостью были предприняты по отношению к 30 тыс. 400 уйгурских женщин, а общее количество женщин в районе составляет 45 тыс. человек. Примеры показывают, насколько быстро и агрессивно выполняются инструкции правительства по контролю над рождаемостью.

20 июня 1999 г. 20 уйгурских женщин из различных мест района Пайзават в возрасте от 25 до 34 лет были подвергнуты принудительным абортам, поскольку их беременности были внеплановые. Во время этой массовой операции несколько женщин умерли, в том числе Кемберхан и Муккеремхан. По информации, которую предоставил врач, ищущий политического убежища в Германии и пожелавший остаться анонимным, уровень смертности среди уйгурских женщин во время абортв весьма высок. Кроме того, из-за бедности проживающих в сельской местности уйгуров и отсутствии должной системы ухода даже после успешного аборта у женщин остантся высокий шанс иметь в будущем медицинские осложнения.

Заключение

Изложенные в настоящем документе факты демонстрируют, что коммунистические власти Китая нарушают основные права человека уйгуров в Восточном Туркестане. Более того, они нарушают права уйгур как “национального меньшинства”. Действия правительства могут быть охарактеризованы не иначе как этническая чистка Восточного Туркестана от уйгуров. Репрессии вызывают сопротивление. И если они будут продолжаться, мир станет свидетелем крупного этнического конфликта в Восточном

Туркестане. Молчание мирового сообщества в такой ситуации равнозначно молчаливому одобрению действий китайского правительства. Цивилизованный демократический мир должен иметь моральные обязательства по защите бедных угнетаемых уйгуров от деспотизма тоталитарного китайского режима.

© Uyghur Human Rights Coalition

See: Report 2001 by ETIC (A special report on violations of human rights of Uighurs in East Turkistan by the Chinese authorities) – www.uyghuramerican.org/

г. Москва, ЦК ВКП(б), 1947 год
т. Патолічеву Н.С.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА
об образовании в составе Каз.ССР Уйгурской автономной области

ЦК КП(б)К вносит на рассмотрение и разрешение ЦК ВКП(б) вопрос об образовании в составе Каз.ССР Уйгурской автономной области, с включением в нее Панфиловского и Октябрьского районов Талды-Курганской области и Чиликского, Энбекши-Казахского, Уйгурского, Нарынкольского и Кегенского районов Алма-Атинской области., Необходимость образования Уйгурской автономной области определяется следующими соображениями:

а) среди уйгур, проживающих в Казахстане, исключительно сильно развито стремление к национальному объединению и развитию национальной культуры. Важной особенностью казахстанских уйгур является то, что в перечисленных районах они живут относительно компактной массой, сохранив при этом свои национальные особенности. Создание уйгурской области вызовет активное возрождение национальной по форме, социалистической по содержанию уйгурской культуры, выдвижение в партийные и советские органы национальных уйгурских кадров, улучшит политическую работу среди уйгурских кадров и выбьет из-под ног у уйгурских националистических элементов почву для антисоветской пропаганды у нас и за кордоном, опирающейся на мнимое неравноправие уйгурского народа и аргументируемой прекращением выпуска уйгурской газеты, закрытием уйгурских школ;

б) экономическое развитие районов проектируемой области станет более эффективным и ускоренным. Это важно также и потому, что Уйгурская область граничит с Илийским округом Синьцзяна, являющимся очагом национально-освободительного движения мусульман в Китае;

в) образование Уйгурской области несомненно вызовет положительный отклик со стороны 3 млн. массы уйгур в Синьцзяне и активизирует их национально-освободительное движение, ориентируя его в еще большей степени на Советский Союз.

Проектируемая Уйгурская область будет насчитывать на своей территории около 23 тыс. уйгур или свыше 20% к общему количеству населения.

Можно с уверенностью сказать, что вновь образованная область станет центром притяжения уйгурского населения, распяленного по Казахстану и смежным с ним республикам, в результате чего и население через короткий промежуток времени значительно увеличится и процент уйгур станет более высоким.

Включение в состав проектируемой области Нарынкольского и Кегенского районов, имеющих относительно невысокий процент уйгур к общему числу населения, связано с тем, что они, при образовании области географически окажутся оторванными от основного массива республики территорией проектируемой области.

Центром проектируемой области необходимо сделать г. Панфилов (бывш. Джаркент), к которому тяготеет большинство перечисленных районов.

Секретарь ЦК КП(б)К Ж. Шаяхметов

Февраль (без указания числа) 1947 г.

Архив Президента Республики Казахстан, Фонд 708, Опись II, Дело 171, Листы 59-60.

Цит. по: Хлюпин В. Геополитический треугольник. Казахстан – Китай – Россия. Прошлое и настоящее пограничной проблемы. – Вашингтон: Международный евразийский институт экономических и политических исследований, 1999, с.227-228.

УСТАВ РЕСПУБЛИКАНСКОГО ОБЩЕСТВА КУЛЬТУРЫ УЙГУРОВ КАЗАХСТАНА

I. Общие положения

1.1. Республиканское общество культуры уйгуров Казахстана (далее Общество) — добровольная, общественная организация, оказывающая содействие перестройке экономических, социально-культурных, национальных проблем народа.

1.2. Инициаторами создания Общества являются: Институт уйгуроведения АН КазССР, межреспубликанская газета “Коммунизм туги” и ее приложение “Иени хаят”. Совет по уйгурской литературе Союза писателей Казахстана, уйгурские редакции издательства Госкомпечати КазССР, уйгурское отделение филологического факультета КазПИ им. Абая, Республиканский государственный уйгурский театр музыкальной комедии, уйгурские редакции Гостелерадио КазССР, уйгурские культурные центры г. Алма-Аты, Каскеленского, Талгарского районов Алма-Атинской области, г. Панфилова и Панфиловского района Талды-Курганской области, с-з им. А. Розыбакиева, к-з “Октябрь” Уйгурского района Алма-Атинской области, колхоз им. Калинина и “Бирлик” Панфиловского района Талды-Курганской области, с/ш им. А. Розыбакиева Каскеленского района Алма-Атинской области.

1.3. Идейной основой Общества является марксистско-ленинское учение о социалистической культуре, свободном и всестороннем развитии наций и народностей. Свою деятельность Общество осуществляет в соответствии с Конституцией и законодательством Союза ССР и Казахской ССР, а также настоящим Уставом Общества.

1.4. Движение Общества объединяет всех граждан независимо от национальной, социальной, религиозной, партийной принадлежности, разделяющих и поддерживающих цели и задачи Общества, активно участвующих в их осуществлении.

1.5. Общество состоит из областных, городских, районных и первичных организаций. Районные и вышестоящие организации сохраняют организационную и финансовую самостоятельность и имеют свой счет.

II. Основные цели и задачи

2.1. Общество ставит своей целью способствовать созданию необходимых социальных условий для сохранения, саморазвития уйгуров как этноса и равноправных членов социалистического государства.

2.2. Всемерное содействие возрождению, неуклонному и всестороннему развитию культуры уйгурского народа, более полному удовлетворению духовных и других социальных потребностей лиц уйгурской национальности.

2.3. Проведение комплексной и целенаправленной работы по охране, расширению сферы функционирования и развития уйгурского языка как первоэлемента национальной культуры.

2.4. Активизация участия представителей уйгурской национальности во всех сферах общественной жизни, увеличение их вклада в дело перестройки и обновления советского общества на основе реализации принципов равноправия народов и социальной справедливости.

2.5. Пропаганда истории, культуры и искусства уйгурского народа.

2.6. Ознакомление уйгурского населения с духовными и культурными ценностями и достижениями братских народов.

III. Направления и формы деятельности

3.1. Мобилизует и организует силы общественности, направляет ее инициативу на создание условий, обеспечивающих сохранение, функционирование, развитие и обогащение национальной культуры уйгурского народа.

3.2. Содействует своевременной разработке политических, идеологических, законодательных, организационных и иных гарантий функционирования развития и обогащения этнокультурной инфраструктуры уйгуров.

3.3. Способствует полному возрождению ленинской национальной политики.

3.4. Способствует формированию и осуществлению научно обоснованной политики по созданию социальных, экономических, организационных, правовых условий для сохранения, функционирования и развития уйгурского языка.

3.5. Способствует возрождению и расцвету уйгурских сел, сохранению их самобытной культуры в районах проживания уйгуров.

3.6. Разъясняет законодательство Союза ССР и союзных республик по вопросам национальных и межнациональных отношений, теорию и практику национально-государственного строительства.

3.7. Осуществляет работу по изучению памятников культуры и истории, возрождения традиций и обычаев уйгуров,

3.8. Вносит предложения по увековечению памяти выдающихся представителей уйгурского народа.

3.9. Сотрудничает с соответствующими органами в вопросах охраны памятников истории, культуры уйгурского народа.

3.10. Стимулирует инициативу общественных движений, интеллигенции, представителей иных социальных слоев в решении этносоциокультурных проблем уйгурского населения.

3.11. Проводит организационную, координационную работу, а также агитационную деятельность среди уйгурского населения по повышению престижа уйгурского языка, расширению сферы его применения, разъяснению его сущности и значения как первоэлемента национальной культуры, ходатайствует об открытии на местах детских садов, школ или групп, классов с уйгурским языком обучения.

3.12. В целях расширения сферы общественных функций уйгурского языка содействует своевременной реализации положений Закона о языках Казахской ССР, вносит предложения по созданию необходимых организационно-правовых, экономических гарантий реального равноправия и свободного функционирования уйгурского языка, в частности, в установленном порядке добивается его применения в качестве местного официального языка в местах компактного проживания уйгуров.

3.13. Участвует во всех важнейших мероприятиях, направленных на совершенствование обучения детей в уйгурских школах, формирование многопрофильной и многоуровневой функциональной системы национального образования.

3.14. В соответствии с потребностями народа принимает меры по открытию специальных групп и отделений в профессионально-технических, средних специальных и высших учебных заведениях, созданию самостоятельных национально-культурных, просветительских, издательских и других учреждений.

3.15. Содействует утверждению принципов обязательного знания родного языка. Разъясняет сущность концепции социалистического двуязычия: объективную необходимость изучения русского и

казахского языков как средства межнационального общения в основе глубокого освоения, широкого и свободного применения родного языка.

3.16. В целях широкой пропаганды уйгурского языка использует средства массовой информации (печать, радио, телевидение и т. д.), на родном языке проводит общественно-политические, научно-просветительские и культурно-массовые мероприятия, стимулирует всеми доступными методами освоение и широкое применение уйгурского языка.

3.17. С учетом материальных и иных возможностей принимает участие в подготовке и издании научно-популярной, художественной и иной литературы, налаживает издание газеты — печатного органа Общества в соответствии с законодательством.

3.18. Принимает меры по защите и восстановлению традиционных уйгурских наименований населенных пунктов, улиц, территориальных, географических, культурно-просветительских объектов в местах расселения уйгурского народа (или связанных с жизнью уйгуров).

3.19. Стимулирует изучение в школах, вузах, кружках уйгурской письменности на основе арабской графики, а также древнеуйгурской письменности в научных, культурно-просветительских целях, для чего при материально-финансовом организационном содействии государственных органов (государства) и за счет привлечения средств Центра обеспечивает подготовку соответствующих научно-педагогических кадров и осуществление для этого необходимой организационной работы.

3.20. Организует проведение социологических исследований с целью выявления и анализа назревших вопросов социально-культурного развития уйгуров, а также разработки рекомендаций по их скорейшему решению, ходатайствует о проведении референдумов по наиболее важным проблемам.

3.21. Осуществляет меры по этнической консолидации — восстановлению до возможных пределов былой компактности расселения советских уйгуров в районах их традиционного проживания, всячески поощряет возвращение людей, особенно молодежи в родные места, их участие в экономическом и социальном возрождении уйгурских сел, в национально-просветительской, культурной деятельности.

3.22. Содействует осуществлению общественного контроля на местах за исполнением решений партии и правительства по вопросам национальных и межнациональных отношений.

3.23. Поддерживает связь с общественными организациями, движениями, государственными органами, занимающимися изучением, обсуждением и решением вопросов, относящихся к сфере национальных и межнациональных отношений.

3.24. Руководствуясь мнением, пожеланиями общественности, содействует улучшению деятельности национально-культурных, просветительных учреждений, координирует их усилия по всемерному удовлетворению культурно-духовных, социальных запросов народа.

3.25. Проводит совместные мероприятия с организациями СФК, с обществами культуры других народов в целях дальнейшего совершенствования межнациональных отношений, взаимного духовного обогащения.

3.26. Организует и проводит в центре и на местах праздники, конференции и другие мероприятия, посвященные знаменательным событиям и актуальным проблемам.

3.27. Осуществляет меры по установлению и развитию тесных контактов между советскими и зарубежными уйгурами с целью обмена научной, культурной информацией, по организации и проведению конференций и симпозиумов, совместных экспедиций по проблемам истории, этнографии, культуры и языка уйгуров, а также фестивалей и декад.

3.28. Устанавливает и поддерживает контакты непосредственно либо через государственные органы и общественные организации с культурно-просветительными, научными, молодежными организациями и учреждениями союзных республик, а также СУАР КНР и других зарубежных государств.

3.29. Сообщает населению о деятельности Общества через средства массовой информации.

3.30. Общество в целях реализации своих задач осуществляет самостоятельную производственно-хозяйственную, внешнеэкономическую, коммерческую, издательскую деятельность. В установленном законодательством порядке создает и развивает творческие производственные объединения, предприятия, кооперативы, хозрасчетные участки.

IV. Члены общества. Права и обязанности

4.1. Членами Общества могут быть граждане СССР и зарубежных стран, изъявившие желание принять участие в его деятельности, признающие его Положение (программу), регулярно

уплачивающие членские взносы. Допускается коллективное членство предприятий, учреждений, организаций, творческих союзов, общественных организаций, кооперативов.

4.2. Член Общества имеет право:

4.2.1. Избирать и быть избранным в органы Общества.

4.2.2. Участвовать в мероприятиях, проводимых Обществом, ставить вопросы для обсуждения, предлагать проекты конкретных решений, принимать участие в их рассмотрении, выступать с обоснованием своих предложений.

4.2.3. Обращаться через Общество либо непосредственно с запросами, заявлениями, предложениями к соответствующим органам и должностным лицам.

4.2.4. Принимать личное участие во всех случаях обсуждения органами Общества его деятельности. В установленном порядке прекратить членство.

4.2.5. Выступать с лекциями по актуальным научно-практическим проблемам развития уйгурского народа, участвовать в организационной, пропагандистско-просветительской и иной деятельности Общества в зависимости от своих возможностей и способностей.

4.2.6. Наиболее активно участвующие в работе Общества могут быть удостоены звания почетного члена, поощрены за счет средств Общества.

4.3. Член Общества обязан:

4.3.1. Соблюдать Устав, подчиняться решениям конференции, постоянно действующих органов Общества.

4.3.2. Постоянно повышать свой идейно-теоретический и культурный уровень, всемерно содействовать утверждению принципа социальной справедливости, совершенствованию национальных и межнациональных отношений.

4.3.3. Принимать участие в выполнении решений Общества и проведении его культурных, общественных, научных и практических мероприятий, вносить вклад в сохранение и развитие духовной, материальной культуры народа, способствовать дальнейшему повышению его социальной активности.

4.3.4. Пропагандировать задачи и роль Общества, содействовать вовлечению в него новых членов.

V. Организационное строение общества

5.1. Руководящим принципом организационного строения деятельности Общества является демократический централизм, означающий:

- а) выборность руководящих органов Общества;
- б) периодическую отчетность Совета перед членами Общества.

5.2. Общество строится по территориально-производственному принципу. Его основу составляют первичные организации. Первичные организации объединяются в районные, городские (при необходимости в областные) ОКУК, которые в своей деятельности руководствуются настоящим Уставом и решениями вышестоящего органа Общества. Первичные организации создаются в отдельных населенных пунктах, селах, а также в тех учреждениях, организациях, предприятиях, где имеется достаточное количество людей, желающих вступить в Общество. В крупных населенных пунктах, а также предприятиях могут быть созданы филиалы районных (городских) организаций Общества.

5.3. Высшим органом Общества является конференция, которая созывается не реже одного раза в два года.

5.3.1. Конференция является правомочной, если на ней присутствует не менее 2/3 всех делегатов. Решения принимаются большинством голосов.

5.3.2. В период между конференциями деятельностью Общества руководит Республиканский совет, избираемый конференцией.

5.3.3. Республиканский совет состоит из:

- а) Бюро совета;
- б) представителей районных, городских, областных органов Центра;
- в) представителей Совета старейшин;
- г) представителей партийных, советских, хозяйственных органов, общественных организаций.

Количественный состав Республиканского совета устанавливается конференцией.

5.4. Республиканский совет заседает не менее одного раза в квартал. Заседание совета правомочно при наличии 2/3 его членов. Решение совета принимается простым большинством голосов.

5.5. Бюро совета, председатель, заместитель председателя и секретарь совета избираются членами Республиканского совета сроком на два года.

5.6. Контрольно-ревизионным органом Общества является ревизионная комиссия, формируемая конференцией.

5.7. Высшим органом областных, районных, городских организаций Общества является конференция. На ней избираются Совет сроком на два года, ревизионная комиссия, другие выборные органы соответствующих организаций Общества.

5.8. Высшим органом первичной организации филиалов, организаций Общества, является общее собрание.

5.9. Общее собрание первичных организаций и филиалов (из представителей первичных организаций) определяет состав актива и избирает председателей на два года.

5.10. При Республиканском совете создаются сектора, комитеты по основным направлениям деятельности Общества. Состав и руководители секторов, комитетов утверждаются советом Общества.

VI. Функции органов Общества

6.1. Конференция:

6.1.1. Утверждает Устав, вносит в него изменения и дополнения.

6.1.2. Утверждает перспективные планы и программы деятельности Общества.

6.1.3. Избирает членов совета и ревизионную комиссию Общества.

6.1.4. Заслушивает и утверждает отчеты совета и ревизионной комиссии.

6.1.5. Принимает участие в выдвижении кандидатов в народные депутаты высших и местных органов государственной власти в соответствии с существующим законодательством.

6.1.6. По ходатайству Республиканского совета досрочно прекращает полномочия членов выборных органов Общества.

6.1.7. Принимает решение о прекращении деятельности Общества.

6.2. Республиканский совет ведет организационную, координационную работу по всем направлениям деятельности.

6.2.1. Обсуждает и утверждает годовые планы, организует и контролирует их выполнение.

6.2.2. Утверждает смету расходов, определяет оплату труда освобожденным работникам Общества.

6.2.3. Формирует сектора, комитеты по основным направлениям деятельности Общества, назначает их руководителей, избирает членов бюро совета, председателя, его заместителей и секретаря.

6.2.4. По конкретным вопросам или проблемам создает временные комиссии.

6.2.5. Заслушивает членов совета, руководителей секторов, комитетов, председателя о ходе выполнения работы.

6.2.6. В случае необходимости принимает решение о созыве

внеочередной конференции, ходатайствует перед конференцией о досрочном прекращении полномочий членов выборных органов.

6.2.7. При необходимости кооптирует в состав Республиканского совета активных членов Общества с последующим утверждением на конференции.

6.2.8. Определяет норму представительства для нижестоящих организаций, место, время проведения, повестку конференции.

6.2.9. Разрабатывает проекты решений, изменений и дополнений к Уставу.

6.2.10. Подготавливает документы, ходатайства в государственные и партийные органы с предложениями о решении экономических, социально-культурных проблем уйгуров.

6.2.11. Ходатайствует о включении своих представителей в состав комиссии по вопросам национальных и межнациональных отношений, образования, культуры, выдвигает кандидатуры активных членов в состав местных и высших органов госвласти.

6.3. Бюро совета выполняет всю исполнительскую, распорядительную, текущую и оперативную работу Общества.

6.3.1. Организует подготовку заседаний совета и конференции,

6.3.2. Оказывает содействие секторам, комитетам и комиссиям в осуществлении ими своих полномочий.

6.3.3. Заслушивает членов совета, руководителей секторов, комитетов, комиссий о ходе выполнения работ.

6.3.4. Поручает разработку проектов, планов, программ и иных документов членам Бюро, секторам, комитетам, комиссиям совета, контролирует их осуществление.

6.3.5. Осуществляет оперативную связь с руководством партийных, государственных, общественных организаций, а также с нижестоящими организациями Общества.

6.3.6. Выносит на рассмотрение совета проекты решений, планов, ходатайств, заявления и иные документы Общества. При необходимости принимает решения по неотложным вопросам от имени Общества и совета.

6.3.7. Отменяет противоречащие целям и задачам Общества решения нижестоящих организаций.

6.4.1. Областные, районные, городские организации Общества: обеспечивают выполнение и контролирует реализацию решений конференции, требований Устава Общества; руководят работой нижестоящих организаций; представляют в вышестоящие органы Общества годовые, квартальные отчеты и финансово-статистические

сведения; корректируют и утверждают планы нижестоящих организаций; ведут регистрацию членов Общества; организуют прием членских взносов и добровольных пожертвований.

6.4.2. Руководитель и органы нижестоящей организации наделяются необходимыми полномочиями для выполнения поставленных перед ними задач.

6.4.3. Первичные организации создаются при наличии не менее трех человек; разъясняют населению цели и задачи Общества; принимают в свои ряды новых членов Общества; проводят соответствующие мероприятия в первичной организации.

6.5. Контрольно-ревизионную деятельность осуществляет ревизионная комиссия Общества. Ревизионная комиссия избирает председателя и секретаря, утверждает план своей работы.

6.5.1. Осуществляет контроль за соблюдением Устава и решений конференции, за прохождением и исполнением писем, заявлений и других документов.

6.5.2. Осуществляет проверку выполнения доходной и расходной части сметы, уплаты и отчетности по членским взносам, финансовой деятельности секторов, комитетов, комиссий Совета, нижестоящих организаций Общества.

6.5.3. Проверку финансовой деятельности осуществляет не реже двух раз в год, а по остальным вопросам не реже одного раза в год, отчитывается на конференции. О результатах проверок информирует Общество.

6.6.1. Общество ведет бухгалтерский и статистический отчет, составляет отчетность по утвержденным формам и представляет ее в установленные сроки соответствующим органам.

6.6.2. Все доходы Общества хранятся в государственных кредитных учреждениях.

6.7. Председатель совета осуществляет общее руководство работой Общества и его органов.

6.7.1. Представляет конференции доклады, отчеты о работе Общества, ведет переговоры, устанавливает связи от имени Общества. Подписывает решения и другие акты, принятые органами Общества. Представляет кандидатуры заместителей председателя, секретаря совета, руководителей секторов для утверждения советом.

6.8. Заместители Председателя несут ответственность за основные направления деятельности Общества, в случае отсутствия председателя выполняют его функции и замещают его.

6.9. Руководитель сектора (комитета) осуществляет меры по организации и выполнению работ по конкретному направлению деятельности Общества. Полномочия руководителя сектора (комитета) определяются советом Общества.

6.10. Названия основных секторов:

1. Сектор лекционной пропаганды
2. Сектор кружков
3. Сектор охраны и изучения памятников
4. Сектор по проблемам охраны и развития языка
5. Сектор взаимосвязи национальных культур
6. Сектор традиций и быта
7. Сектор ветеранов
8. Сектор молодежи
9. Сектор искусства
10. Сектор литературы
11. Сектор истории, этнографии и прикладного искусства.

6.11. При необходимости будут созданы новые сектора (комитеты).

VII. Средства Общества

7.1. Деятельность Общества осуществляется на основе самофинансирования.

7.2. Общество имеет свои средства и фонд, который образуется из:

- вступительных и членских взносов;
- прибыли, полученной в установленном законодательством порядке, от культурно-просветительской издательской производственно-хозяйственной, внешнеэкономической и других видов общественно-полезной деятельности Общества;
- добровольных отчислений, пожертвований и иных взносов от граждан, учреждений, предприятий и организаций СССР и зарубежных стран.

7.3. Ежегодный членский взнос оплачивается в размере 10 рублей, пенсионеры, студенты, учащиеся средних специальных учебных заведений в размере 3 рублей, школьники (учащиеся школ с пятого класса) в размере 1 рубля.

7.4. Средства Общества расходуются согласно утвержденной смете в целях, определенных Уставом. Среди них:

а) проведение организационной, культурно-просветительской, научно-пропагандистской работы по проблемам развития уйгурского народа

б) командировки для проведения работы среди населения, в учебных заведениях, трудовых коллективах;

в) содержание штатного аппарата;

г) материальное поощрение наиболее отличившихся активистов (фонд поощрения должен составлять не более 10 (денежных поступлений);

д) на обучение, подготовку и поощрение национальных кадров;

е) на развитие системы национального образования, национально-просветительских учреждений;

ж) приобретение особо ценных памятников культуры, исторических документов, охране культурных и исторических ценностей народа;

7.5. Право распоряжаться денежными средствами принадлежит президиуму (бюро) соответствующего совета. Первичные организации, филиалы, районные, городские, областные организации отчисляют 50% поступлений на счет вышестоящей организации. Остальные средства используются местной организацией на проведение мероприятий на местах; часть полученных средств от творческих производственных объединений, кооперативов на основе заключенных договоров органами Общества отчисляются в распоряжение этих же объединений и кооперативов.

VIII. Правовое положение Общества

8.1. Общество находится на самостоятельном балансе. Является юридическим лицом, имеет счет в учреждениях Госбанка СССР, печать установленного образца со своим наименованием. Общество может иметь свои эмблемы и значки.

8.2. Общество и его организации, комитеты и филиалы автономны в решении своих вопросов, если эти решения не противоречат действующему законодательству и настоящему Уставу и не несут ответственности по обязательствам друг друга. Общество отвечает по своим обязательствам собственными средствами и имуществом, на которые по Законодательству СССР может быть обращено взыскание. Государство не отвечает по обязательствам Общества.

8.3. Для обеспечения своей деятельности Общество имеет право в установленном Законом порядке приобретать и отчуждать, брать и сдавать в наем и прокат движимое и недвижимое имущество, выступать в качестве истца и ответчика в арбитражах, за счет

собственных и привлеченных средств осуществлять строительство объектов производственного, социального и культурно-бытового назначения.

8.4. Деятельность Республиканского общества может быть прекращена:

по решению конференции;

по решению исполнительного комитета местного Совета народных депутатов, зарегистрировавшего общество, если его деятельность противоречит Конституции СССР, другим законодательным актам Союза ССР и Казахской ССР и настоящего Устава.

8.5. Местонахождение Совета Республиканского Общества культуры уйгуров Казахстана – город Алма-Ата.

Утверждено учредительной конференцией Республиканского Общества культуры уйгуров Казахстана 11 февраля 1990 г.

Зарегистрирован решением Советского райисполкома г. Алма-Ата

УСТАВ РЕГИОНАЛЬНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ “АССОЦИАЦИЯ УЙГУРОВ”

I. Общие положения

1.1. Общественное объединение “Ассоциация уйгуров” (далее по тексту настоящего Устава – Ассоциация) – является региональным общественным (неправительственным) объединением; действует в соответствии с принципами добровольности и равноправия ее членов, демократии, гласности, самоуправления и самофинансирования, в рамках Конституции и законов Республики Казахстан и настоящего Устава.

1.2. Правоспособность Ассоциации как юридического лица возникает с момента ее государственной регистрации.

1.3. Штаб-квартира Ассоциации находится по адресу: 480036, Республика Казахстан, г. Алматы, 12-й микрорайон, д.11, кв.48; контактный телефон: (3272) 63-37-02, факс (3272) 63-92-04.

II. Цели и виды деятельности Ассоциации

2.1. Главные цели:

- содействие созданию необходимых условий для сохранения и возрождения уйгурской культуры, языка, а также развития прогрессивных национальных традиций, обычаев, обрядов уйгурского народа

- содействие гармонизации межнациональных отношений, идейной консолидации общества, взаимообогащению национальных культур

- благотворительная и миротворческая деятельность.

2.2. Виды деятельности:

- пропаганда истории и культуры уйгурского народа
- организация и проведение мероприятий по возрождению и всестороннему развитию культуры, удовлетворению духовных, социальных и иных потребностей народа

- взаимодействие в установленном законом порядке с государственными органами Республики Казахстан, с зарегистрированными общественными объединениями для содействия в решении проблем уйгурского населения

- содействие в подготовке кадров из числа уйгурской молодежи, созданию классов, школ для обучения на уйгурском языке;

возрождение и развитие национальных традиций, обычаев, обрядов, праздников, а также иных прогрессивных духовных ценностей

- содействие в установленном порядке расширению и углублению дружбы, культурных, экономических, научных и иных связей уйгуров Казахстана с уйгурской диаспорой

- содействие в установленном порядке охране, защите прав человека; проведение акций благотворительности, милосердия; осуществление миротворческой деятельности

- организация (проведение) научно-практических конференций, конкурсов, выставок, фестивалей, лекций, симпозиумов и иных мероприятий в соответствии с уставными целями.

III. Правовой статус Ассоциации

3.1. Ассоциация в качестве юридического лица:

- вправе иметь собственную символику, не противоречащую законодательству Республики Казахстан, печать, штампы, бланки; открывает счета в банковских учреждениях

- свободно распространяет информацию о своих уставных целях и видах деятельности

- представляет, реализует и защищает в установленном порядке в государственных органах и иных организациях права и законные интересы своих членов

- учреждает в установленном законом порядке собственные печатные органы (газеты, журналы) и осуществляет издательскую деятельность

- осуществляет в соответствии с законодательством иные полномочия.

3.2. Ассоциация вправе создавать в установленном законом порядке коммерческие и некоммерческие организации, обладающие правами юридического лица.

3.3. Ассоциация в соответствии со своими уставными целями может поддерживать прямые международные контакты и связи, заключать соглашения, вступать в качестве коллективного члена в международные общественные (неправительственные) организации.

3.4. Ассоциация вправе иметь в собственности:

- здания, сооружения, жилищный фонд, оборудование, инвентарь, имущество культурно-просветительского и лечебно-оздоровительного назначения

- денежные средства, акции, ценные бумаги

• иное имущество, необходимое для материального обеспечения деятельности, предусмотренной настоящим Уставом.

3.5. Денежные средства Ассоциации формируются из:

• вступительных, членских и добровольных взносов членов Ассоциации

• поступлений от производственной, хозяйственной и иной деятельности, осуществляемой Ассоциацией в установленном законом порядке

• поступлений от проводимых Ассоциацией в соответствии с ее уставными целями мероприятий (выставок, лекции, лотерей, концертов и т. п.)

• поступлений от спонсоров, трудовых коллективов, общественных объединений, иных юридических лиц и граждан, в том числе юридических и физических лиц других государств (за исключением государственных органов и организаций Республики Казахстан)

• дарений, пожертвований, завещаний граждан (включая граждан других государств и лиц без гражданства)

• иных, не запрещенных законом, поступлений.

Формирование денежных средств Ассоциации не должно противоречить требованиям статьи 106, пункта 5 Гражданского кодекса Республики Казахстан.

3.6. Доходы от производственной, хозяйственной и иной деятельности Ассоциации, поступления от спонсоров, любых других юридических лиц, а также граждан не могут перераспределяться между членами Ассоциации и направляются только на достижение целей, предусмотренных настоящим Уставом.

3.7. Лица, выбывшие по собственной инициативе, либо исключенные из членов Ассоциации, а также филиалы, вышедшие из ее состава, не вправе претендовать на имущество Ассоциации, являющееся собственностью всего данного общественного объединения.

3.8. Защита прав Ассоциации может осуществляться в судебном порядке.

IV. Условия и порядок приобретения и утраты членства в Ассоциации.

Права и обязанности ее членов.

4.1. Членство в Ассоциации — индивидуальное. Членом Ассоциации может быть любой гражданин Республики Казахстан,

а также гражданин другого государства и лицо без гражданства, — признающие настоящий Устав и выполняющие его требования.

4.2. Прием в члены Ассоциации осуществляется по решению совета филиала по месту жительства вступающего на основании его письменного заявления вступающего.

4.3. Размеры и порядок уплаты вступительных и членских взносов устанавливаются Исполкомом координационного совета Ассоциации.

4.4. Член Ассоциации имеет право:

- избирать и избираться в состав Координационного совета или Ревизионной комиссии Ассоциации, а также в состав Совета соответствующего филиала

- вносить предложения в органы управления Ассоциации по любому вопросу и направлению ее деятельности

- обращаться в Координационный совет Ассоциации за помощью и содействием в защите своих прав, свобод и законных интересов, а также получать практическую помощь для более полного удовлетворения своих законных интересов

- пользоваться услугами, оказываемыми Ассоциацией и ее организациями

- участвовать в работе других созданных в установленном порядке в Казахстане общественных объединений (включая политическую партию), если их деятельность не противоречит требованиям статьи 106, пункта 6 Гражданского кодекса Республики Казахстан и уставным целям Ассоциации.

4.5. Член Ассоциации обязан:

- соблюдать требования законодательства Республики Казахстан, настоящего Устава, выполнять решения органов управления Ассоциации и ее соответствующего филиала

- участвовать в пропаганде уставных целей Ассоциации, а также всех общеобязательных мероприятиях; своевременно уплачивать членские взносы.

4.6. Членство в Ассоциации может быть прекращено в следующих случаях:

- по собственной инициативе члена

- по решению Совета филиала либо Координационного совета Ассоциации об исключении из ее состава лица, не выполняющего требования настоящего Устава.

4.7. В случаях прекращения членства в Ассоциации уплаченные взносы не возвращаются.

V. Организационная структура Ассоциации

5.1. Организационную основу Ассоциации образуют ее филиалы, создаваемые в установленном законом порядке в областях Казахстана (по территориальному признаку) по решению Координационного совета Ассоциации.

5.2. Филиалы руководствуются в своей деятельности законодательством Республики Казахстан, единым (настоящим) Уставом Ассоциации и Положением о филиалах, утвержденным Конференцией Ассоциации.

5.3. Филиал не является юридическим лицом; не имеет имущества, обособленного от имущества Ассоциации. Филиал может иметь печать, открывать счет в банковском учреждении только на основании решения Координационного совета Ассоциации и после учетной регистрации филиала в областном управлении юстиции.

5.4. Собственность Ассоциации является единой и неделимой и охраняется законом. Имущество Ассоциации передается ее филиалу только на праве оперативного управления.

5.5. Решения органов управления Ассоциации обязательны для исполнения филиалами.

5.6. Органы управления филиала не вправе принимать решения по вопросам, относящимся к компетенции руководящих органов Ассоциации.

VI. Органы управления Ассоциации и их правовое положение

6.1. Высшим руководящим органом Ассоциации является ее Конференция. Очередная Конференция проводится не реже одного раза в три года. О дате, месте ее проведения, предварительной повестке дня объявляется Координационным советом Ассоциации за два месяца до Конференции. Норму представительства и порядок выборов делегатов на Конференцию устанавливает Координационный совет. Конференция считается правомочной, если в ее работе принимают участие более трети избранных делегатов, а решение – принятым, если за него будут поданы голоса более половины от общего числа избранных делегатов. Форму голосования (открытое или тайное) устанавливает Конференция.

Внеочередная (чрезвычайная) Конференция созывается Координационным советом по собственной инициативе или

по письменному требованию более двух третей от общего числа членов Ассоциации и проводится в порядке и в сроки, устанавливаемые ее Координационным советом.

6.2. К исключительной компетенции Конференции относятся:

- принятие Устава, внесение в него изменений, дополнений
 - избрание сроком полномочия на три года президента и вице-президента, а также в количественных составах, устанавливаемых Конференцией, Координационного совета и Ревизионной комиссии Ассоциации
 - заслушивание и утверждение отчетов Координационного совета и Ревизионной комиссии Ассоциации
 - определение основных направлений деятельности Ассоциации на предстоящий отчетный период
 - принятие решения о вступлении Ассоциации: в союз с другими зарегистрированными общественными объединениями, коллективным членом в международное общественное (неправительственное) объединение, а также принятие решения о прекращении участия Ассоциации в них
 - утверждение Положения о филиалах Ассоциации
 - принятие решения о прекращении деятельности Ассоциации.
- Конференция вправе рассматривать и решать другие важнейшие вопросы деятельности Ассоциации.

6.3. В период между конференциями руководящим органом Ассоциации является Координационный совет (КС), который:

- распределяет обязанности между членами Координационного совета
- организует практическую деятельность по достижению уставных целей Ассоциации
- принимает решения, определяющие структуру штатного аппарата и численность оплачиваемых работников (должностных лиц) Ассоциации, размеры их должностных окладов, условия труда, социальной защищенности и материального стимулирования
- принимает решения, определяющие порядок и условия стимулирования членов (участников) Ассоциации
- принимает решения об учреждении (реорганизации, ликвидации) печатных органов, коммерческих и некоммерческих организаций Ассоциации; по представлению президента Ассоциации утверждает в должности (освобождает от исполнения обязанностей) первых руководителей указанных организаций
- принимает решения об образовании филиалов Ассоциации,

их реорганизации либо ликвидации, использовании имущества Ассоциации, переданного филиалам

- образует по мере необходимости временные либо постоянные консультативные, научно-методические и иные рабочие органы при КС и утверждает положения о них
- утверждает сметы расходов, по итогам каждого календарного года информирует членов Ассоциации о поступлении и расходовании ее денежных средств
- рассматривает и решает в соответствии с настоящим Уставом другие вопросы деятельности Ассоциации, не входящие в компетенцию ее Конференции.

6.4. Координационный совет в случае изменения местонахождения штаб-квартиры Ассоциации, принятия решения о созыве и проведении ее конференции, внесения изменений в состав органов управления Ассоциации письменно информирует об этом Министерство юстиции Республики Казахстан.

6.5. Президент:

- планирует и организует работу КС
- распоряжается имуществом и денежными средствами Ассоциации, подписывает вместе с главным бухгалтером ее финансовые документы
- в соответствии с законодательством осуществляет прием на работу и увольнение работников штатного аппарата Ассоциации, утверждает их должностные инструкции
- заключает от имени Ассоциации соглашения, договора и контракты с юридическими и физическими лицами
- представляет на государственную регистрацию внесенные в настоящий Устав изменения, дополнения
- представляет Ассоциацию в государственных органах, общественных объединениях и иных организациях Республики Казахстан.

Президент может выполнять кроме указанных в настоящем разделе иные функции, которые ему будут поручены Конференцией либо КС. Президент может без особой доверенности представлять Ассоциацию в международных общественных (неправительственных) объединениях, в общественных объединениях, созданных на территории других государств. При этом действия президента не должны противоречить нормам международного права, законам и правилам соответствующего государства.

6.6. Вице-президент:

- оказывает содействие и помощь в работе президента, замещает последнего в случаях его отсутствия, организует исполнение решений Конференции и КС

- организует оказание методической и практической помощи в работе филиалов

- организует и координирует деятельность, направленную на материальное и финансовое обеспечение уставных целей Ассоциации

- организует создание коммерческих и некоммерческих организаций, осуществляет руководство и контроль за их деятельностью

- вправе по решению КС распоряжаться имуществом и денежными средствами Ассоциации, подписывать вместе с главным бухгалтером ее финансовые документы, заключать от имени Ассоциации соглашения, договоры, контракты с юридическими и физическими лицами

- по решению КС может наделяться иными полномочиями, не противоречащими положениям настоящего Устава.

Члены Координационного совета выполняют функции согласно распределения обязанностей между ними.

6.8. Заседания Координационного совета проводятся согласно плану его работы, но не реже одного раза в три месяца. Заседание считается правомочным, если в нем принимает участие не менее двух третей от общего состава КС, а решение – принятым, если “за” проголосует более половины состава КС. Форму голосования определяет председательствующий.

6.9. На штатных работников Ассоциации распространяется законодательство Республики Казахстан о труде, о социальном обеспечении и социальном страховании.

VII. Ревизионная комиссия Ассоциации

7.1. Ревизионная комиссия:

- осуществляет контроль за финансовой деятельностью органов управления Ассоциации, соблюдением положений настоящего Устава в части материально-финансового обеспечения уставной деятельности Ассоциации

- проводит ревизии кассы Ассоциации; проверяет правильность рассмотрения обращения членов Ассоциации, поступающих в КС

- контролирует своевременность прохождения дел в штатном аппарате, иных рабочих органах Ассоциации.

7.2. Планирует и организует работу Ревизионной комиссии ее председатель, избираемый из числа членов комиссии сроком полномочия на три года.

7.3. Замещает председателя Ревизионной комиссии в случаях его отсутствия один из членов комиссии по решению последней.

7.4. Комиссия осуществляет проверки и ревизии согласно ее плану работы, утвержденному на заседании комиссии.

7.5. Материально-техническое обеспечение деятельности комиссии осуществляется за счет средств Ассоциации.

7.6. Ревизионная комиссия подотчетна только Конференции Ассоциации.

VIII. Порядок внесения изменений и дополнений в устав Ассоциации

8.1. Изменения и дополнения в Устав Ассоциации вносит только Конференция Ассоциации.

Конференция созывается, проводится и принимает решения в соответствии с положениями, закрепленными в шестом разделе настоящего Устава.

8.2. Вносить предложения по изменению и дополнению настоящего Устава может любой член Ассоциации.

8.3. Сбор, анализ и обобщение поступающих предложений осуществляет КС.

8.4. Вопрос об изменении и дополнений настоящего Устава вносится на рассмотрение Конференции Ассоциации КС по собственной инициативе, а также в случае, если предложения поступили от более половины общего числа членов Ассоциации.

8.5. Внесенные Конференцией в Устав изменения, дополнения подлежат государственной регистрации.

IX. Порядок прекращения деятельности Ассоциации и использования ее оставшегося имущества

9.1. Прекращение деятельности Ассоциации может быть произведено путем ее реорганизации или самоликвидации, а также по решению суда. Реорганизация или самоликвидация Ассоциации производится только по решению ее Конференции.

9.2. Ассоциация считается прекратившей свое существование в случае, когда число ее членов стало меньше десяти граждан.

9.3. Вносить предложение о прекращении деятельности Ассоциации может любой ее член. Такое предложение направляется его автором в КС Ассоциации.

9.4. Конференция для рассмотрения вопроса о прекращении деятельности Ассоциации может быть созвана КС по собственной инициативе, а также в случае, если этого потребует более двух третей от общего числа членов Ассоциации. Конференция проводится и принимает решения в порядке, установленном в шестом разделе настоящего Устава.

9.5. Правопреемство при реорганизации Ассоциации:

- при слиянии Ассоциации с другими общественными объединениями права и обязанности каждого из них переходят к вновь возникшему общественному объединению в соответствии с передаточным актом

- при присоединении Ассоциации к другому общественному объединению к последнему переходят права и обязанности Ассоциации в соответствии с передаточным актом

- при разделении Ассоциации ее права и обязанности переходят к вновь возникшему общественному объединению в соответствии с разделительным балансом

- передаточный акт или разделительный баланс оформляются в соответствии с требованиями гражданского законодательства Республики Казахстан

- имущество (права и обязанности) реорганизованной Ассоциации переходят к ее правопреемнику с момента регистрации последнего в установленном законом порядке.

9.6. В случае самоликвидации либо прекращения существования Ассоциации ее оставшееся имущество после удовлетворения требований кредиторов используется на общественные нужды в соответствии с целями, закрепленными во втором разделе настоящего Устава.

9.7. В случае ликвидации Ассоциации по решению суда ее имущество безвозмездно обращается в собственность государства.

9.8. Прекращение деятельности Ассоциации регистрируется в установленном законом порядке.

Принят внеочередной конференцией 2 декабря 1995 г.

ПОЛОЖЕНИЕ **о филиалах регионального общественного объединения** **“Ассоциация уйгуров”**

I. Общие положения

1.1. Филиалы общественного объединения “Ассоциация уйгуров” (в дальнейшем – Ассоциация) создаются по решению Координационного совета (КС) Ассоциации в областях Республики Казахстан (по территориальному признаку) учредительными собраниями не менее десяти граждан.

1.2. Филиалы подлежат учетной регистрации в областных управлениях юстиции.

1.3. Филиалы руководствуются в своей деятельности законодательством Республики Казахстан, единым Уставом Ассоциации и настоящим Положением, утвержденным конференцией Ассоциации.

1.4. Филиалы не обладают правами юридического лица. Они не имеют имущества, обособленного от имущества Ассоциации. Имущество Ассоциации может передаваться филиалам только на праве оперативного управления.

1.5. Собственность Ассоциации является единой и неделимой и охраняется Законом.

1.6. Филиал может иметь свою печать, открывать счет в банковском учреждении только на основании решения КС Ассоциации и после учетной регистрации филиала в областном управлении юстиции.

1.7. Решения руководящих органов Ассоциации обязательны для исполнения ее филиалами.

II. Права и обязанности филиала

2.1. Филиал вправе:

- разрабатывать и осуществлять собственную программу деятельности, направленной на пропаганду уставных целей Ассоциации, выполнение решений ее руководящих органов
- осуществлять мероприятия по участию в осуществлении видов деятельности Ассоциации, закрепленных в ее Уставе
- вовлекать в состав Ассоциации новых участников
- организовывать и проводить акции благотворительности и милосердия в соответствии с уставными целями Ассоциации.

2.2. Собрание и Совет филиала не вправе принимать решения по вопросам, отнесенным к компетенции руководящих органов

Ассоциации.

2.3. Филиал, вышедший из состава Ассоциации, не вправе претендовать на ее имущество, являющееся собственностью всей Ассоциации.

III. Органы управления филиала

3.1. Высшим руководящим органом филиала является общее собрание его членов (далее по тексту – собрание), которое созывается по мере необходимости, но не реже одного раза в два года. Собрание считается правомочным, если в нем участвуют не менее двух третей от общего числа членов филиала. Решение собрания считается принятым, если за него в результате открытого или закрытого (тайного) голосования будут поданы голоса более половины от общего числа членов филиала. Форму голосования устанавливает собрание.

Собрание:

- избирает сроком полномочия на два года Совет филиала, самостоятельно определяя его структуру, количественный состав (но не менее из трех человек), а также определяет правовой статус лиц, избранных в состав Совета
- заслушивает и утверждает отчеты Совета
- принимает решение о реорганизации либо самоликвидации филиала, а также о его выходе из состава Ассоциации
- рассматривает и решает другие важные вопросы деятельности филиала.

3.2. В период между Собраниями руководящим органом филиала является Совет, который:

- разрабатывает и осуществляет мероприятия, направленные на выполнение решений органов управления Ассоциации
- осуществляет прием в члены Ассоциации, а также принимает решение об исключении из ее состава лиц, не выполняющих требования Устава Ассоциации
- представляет филиал в государственных органах, других общественных объединениях в пределах территории распространения деятельности филиала
- вносит на рассмотрение органов управления Ассоциации предложения по вопросам, входящим в компетенцию органов управления Ассоциации
- в соответствии с решениями руководящих органов Ассоциации осуществляет иные полномочия.

3.3. Заседания Совета филиала проводятся в соответствии с планом его работы; решения принимаются простым большинством голосов его состава и открытым голосованием.

3.4. Ревизионная комиссия филиала образуется по мере необходимости и прекращает свою деятельность по выполнению поставленных перед ней задач Собранием филиала;

- ревизионная комиссия избирается из числа лиц, не входящих в состав Совета, Собранием филиала
- заслушивает и утверждает отчеты ревизионной комиссии по результатам проверки Собрание. Ревизионная комиссия подотчетна только Собранию.

IV. Прекращение деятельности филиала

4.1. Деятельность филиала может быть прекращена путем ее:

- реорганизации либо самоликвидации по решению Собрания
- реорганизации либо ликвидации по решению КС Ассоциации
- реорганизации либо ликвидации по решению суда.

4.2. Филиал считается прекратившим свое существование в случае, если число его членов станет меньше десяти граждан.

4.3. Решение о реорганизации либо самоликвидации филиала принимается его Собранием только после предварительного информирования КС Ассоциации.

4.4. В случае самоликвидации или ликвидации филиала по решению КС имущество Ассоциации, находившееся в филиале, возвращается его собственнику.

4.5. В случае реорганизации филиала (как по решению Собрания, так и по решению КС Ассоциации) его правопреемника устанавливает только КС.

4.6. Порядок и сроки передачи имущества его собственнику в случаях реорганизации, ликвидации филиала определяются КС в соответствии с гражданским законодательством Республики Казахстан.

4.7. В случае прекращения существования филиала, имущество, находившееся в филиале, используется Ассоциацией на достижение ее уставных целей.

4.8. Прекращение деятельности филиала регистрируется в установленном законом порядке.

Председатель Ассоциации уйгуров К. Хожамбердиев

Утверждено внеочередной конференцией 2 декабря 1995 г.
Протокол №.1

ПРОЕКТ СОЗДАНИЯ ФРОНТА НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА

Статья 1.

Этот фронт организуется тайно для руководства действиями эмигрантов из Восточного Туркестана против Маоизма. Он легализуется только тогда, когда будет повсеместно достигнута независимость Восточного Туркестана.

Статья 2.

В своих рядах фронт будет объединять всех Восточно-Туркестанских интеллигентов и других, которые прошли проверку в длительной борьбе и которые ставят перед собой непосредственную задачу борьбы против Маоизма. Члены фронта будут подразделяться на отдельные ячейки. В целях выполнения задач, стоящих перед фронтом, и сохранения конспирации, необходимо применить прием принесения присяги.

Статья 3.

Фронт будет состоять из следующих отделов:

1. Организационный отдел. Он будет заниматься вопросами приема новых членов, а также финансовыми вопросами фронта.

2. Тайный отдел. Задача данного отдела — занятие секретными делами.

3. Иностраннный отдел. Он будет заниматься вопросами дипломатии, вопросами внешних сношений.

Статья 4.

Руководящий орган фронта учреждается в следующем порядке:

Председатель фронта, заместитель, секретарь, руководители отделов, два редактора органа фронта. Всего 8 человек.

Все дела фронта будут решаться на заседаниях руководящего ядра.

Статья 5.

Фронт будет издавать специальную газету на уйгурском языке на основе арабской графики. Будет организована работа радио.

Статья 6.

Основу финансовой деятельности фронта составят средства, выделенные каким-то государством в качестве долга, а так же средства, выделенные отдельными заинтересованными лицами.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА НАЦИОНАЛЬНОГО ФРОНТА ОСВОБОЖДЕНИЯ ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА

Наша славная Родина – Восточный Туркестан вопреки воле его народов насильственно был присоединен к Китаю и ныне находится в составе Китая.

Предоставление автономии ВТ в составе КНР не могло ликвидировать непрерывных трений и стремления уйгуров и других народов ВТ сбросить с себя иго китайской нации. Борьба народов ВТ за свое освобождение, независимость не прекращается ни на один день.

В этой обстановке жгучей необходимостью является объединение различных слоев населения, различных народов, политических партий, организаций, всех патриотов на совместную борьбу против китайских поработителей. Задачу объединения, консолидации сил, освобождения страны, изгнания захватчиков мы считаем особенно настоятельной. И в целях выполнения этой благородной задачи мы, сторонники независимости ВТ, решили посвятить свои жизни делу национального спасения Родины и выступить с программой, направленной на объединение народов ВТ в борьбе против китайских шовинистов.

Консолидация сил народов Восточного Туркестана для борьбы за изгнание китайских захватчиков Задачи по спасению страны

На протяжении столетий народы Восточного Туркестана борются против китайских захватчиков за свободу и независимость своей Родины. Эта борьба не прекращается с тех пор, как наша страна бала завоевана китайскими колонизаторами.

В 1944-1949 годах в Восточном Туркестане происходило одно из крупных национальных движений. Движение было направлено против господства гоминьдановского Китая, против политики национального угнетения и колониального порабощения. Национально-освободительная борьба народов Восточного Туркестана привела к возрождению их государственности и создала предпосылки для строительства свободной и счастливой жизни.

Однако в 1949 году на смену гоминьдановскому господству пришел жестокий тоталитарный режим китайских коммунистов. Их политика мало, чем отличается от политики, которую проводили гоминьдановские колонизаторы в отношении народов

Восточного Туркестана. Эта политика чудовищного угнетения и чудовищной эксплуатации. Народы Восточного Туркестана ныне совершенно бесправны, они подвергаются политической дискриминации и насильственной ассимиляции. Китайские шовинисты не только пренебрегают нашими интересами, но и с величайшей надменностью игнорируют нужды трудящихся, проявляют невнимание к нашим национальным особенностям и к правам на самоуправление, на суверенитет. Китайское господство приводит к утере национальной самобытности наших народов, к забвению родного языка, истории. Идет усиленный процесс китаизации как общественно-политической жизни страны, так и духовной жизни наших народов. Перемещая миллионы лиц китайской национальности в районы Восточного Туркестана, они добиваются своей коварной цели — растворения наших народов в многомиллионной массе китайцев. Всякие проблески национальной культуры, языка и обычаев наших народов безжалостно подавляются.

На нынешнем этапе развития Восточного Туркестана наиболее опасными врагами наших народов являются китайские коммунисты, по существу являющиеся без исключения откровенными шовинистами, а так же представители марионеточной администрации, так называемого Синьцзян-Уйгурского автономного округа. СУАР — не является выражением государственности уйгурского и других народов Восточного Туркестана. Эта автономия — единица в составе китайского государства, не пользуется на деле реальным самоуправлением и создана только для того, чтобы позволить китайским шовинистам замаскировать истинное лицо захватчика.

В современных условиях задачи и цели народов Восточного Туркестана в борьбе за национальное спасение заключаются в следующем: консолидировать силы народа, объединить все народы Восточного Туркестана, нанести решительное поражение китайским захватчикам в вооруженной борьбе, свергнуть марионеточную администрацию, добиться политической и экономической поддержки миролюбивых, цивилизованных народов Европы и Азии, создать нейтральный, демократический, мирный и процветающий Восточный Туркестан, на основе братской дружбы народов всей страны.

Основой достижения этих благородных целей является великое единство наших народов. Национальный фронт освобождения

Восточного Туркестана последовательно добивается объединения всех народов страны, всех слоев и классов общества, всех политических организаций и прогрессивных людей, независимо от их политических убеждений и страны проживания, на совместную борьбу против китайских шовинистов, чтобы вновь отвоевать наши национальные права и построить суверенное государство.

Национальный фронт освобождения Восточного Туркестана призывает всех, кому дороги интересы наших народов, всех, кто против китайских поработителей, вступить в его ряды и вместе, сообща выполнять наш священный долг. Национальный фронт освобождения Восточного Туркестана обязуется формировать из числа добровольцев вооруженные силы освобождения, включающие регулярные войска и партизанские части.

Фронт обязуется наряду с использованием вооруженной борьбы против агрессора, развивать и укреплять политические силы страны, способствовать развертыванию политической борьбы, сочетать вооруженную борьбу с борьбой политической, использовать все имеющиеся возможности для политического решения вопроса достижения независимости, демократического развития страны по пути социального прогресса.

Создать независимый, демократический и мирный Восточный Туркестан

Национальный фронт Восточного Туркестана исходит из признания того неопровержимого факта, что Коммунистическая партия, находящаяся у власти в Китае, не способна согласиться с идеей самоопределения народов. Ввиду этого, сужаются перспективы достижения при помощи каких-либо политических средств изменений, которые могли бы привести к провозглашению суверенитета, политической, национальной независимости.

Является совершенно очевидным и то, что Китайскую Народную Республику, в составе которой находится фактически на положении колонии Восточный Туркестан, управляет правительство, которое не приемлет идею демократии и свободы даже для собственного народа. Следовательно, немыслимо, чтобы коммунистическое правительство добровольно согласилось предоставить равные права и возможности, а также и другие демократические свободы такому, по существу, колониальному народу, как наш, не говоря уже о суверенитете, о независимости.

Тоталитарный режим, установленный коммунистами в КНР, не признает мирный диалог, он требует беспрекословного

повиновения, опирается на силу оружия. Учитывая это и принимая во внимание неравенство сил, мы должны опираться не только на вооруженный народ, но и на поддержку и содействие демократических, миролюбивых стран, мусульманское население республик Средней Азии и Казахстана, находящихся в составе СССР.

Народы Восточного Туркестана полны решимости бороться против китайских шовинистов, китайских захватчиков и направить свои усилия к созданию политической системы, гарантирующей независимость и суверенитет Восточного Туркестана, свободу и счастье народа.

В целях достижения независимости и свободы страны, национальный фронт освобождения Восточного Туркестана намечает следующие политические мероприятия:

1. Создать демократическую республику Восточный Туркестан:

- ликвидировать Синьцзян-Уйгурский автономный район, созданный китайскими шовинистами на территории Восточного Туркестана. СУАР является замаскированным колониальным режимом, дающий возможность для широкого проникновения китайцев в Восточный Туркестан и безудержной эксплуатации природных богатств края коммунистическим Китаем

- отменить действие Конституции КНР на территории Восточного Туркестана и все другие антинациональные и антидемократические законы, введенные китайскими захватчиками и марионеточной администрацией СУАР

- провести демократические выборы, основанные на принципах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, избрать национальное собрание — Мажлис, являющийся работоспособным органом народного представительства. Этот орган избирается непосредственно гражданами ВТР — Восточно-Туркестанской республики. Он разрабатывает демократическую конституцию — Основной закон республики. Конституция республики должна отражать самые глубокие и настоятельные чаяния народов ВТ и обеспечить создание демократического государственного строя

- создать демократическое правительство национального согласия. В составе правительства должны быть представители различных слоев населения, различных национальностей страны

- установить равенство между различными национальностями. Все большие и малые народы должны иметь равные права. На основе прямого волеизъявления народа обеспечить возможность

создания автономных образований всем компактно проживающим народам, создать механизм свободной реализации самоопределения всех народов. Вести непримиримую борьбу со всеми проявлениями национализма и шовинизма, активно формировать культуру межнационального общения, воспитывать молодое поколение в духе уважения к традициям, языку, искусству, истории народов страны

- провозгласить и ввести широкие демократические свободы на основе положений и принципов, содержащихся во Всеобщей декларации прав человека.

2. Создать самообеспечивающую экономику, основанную на различных формах собственности:

- обеспечить реальное участие трудящихся в управлении производством, гарантировать им полную свободу профсоюзов

- ликвидировать командно-административную систему управления экономикой, введенную китайским коммунистическим режимом. Создать ассоциации предприятий, обладающие широкой самостоятельностью

- осуществлять политику капиталовложений, контроля над ценами, развития приоритетных отраслей, налогового контроля в интересах человека и его потребностей

- проводить политику социального и экономического развития села. Предоставить крестьянам гарантированную хозяйственную самостоятельность и землю – в бессрочное пользование. Улучшить методы обработки земли, развивать животноводство на основе достижений науки

- гарантировать сбыт сельскохозяйственной продукции

- обеспечить свободу предпринимательства в интересах увеличения продукции и повышения благосостояния народа

- защитить интересы мелких торговцев и лавочников

- создать государственный банк и независимую валюту

- развивать экономические отношения с СССР, в частности с республиками Средней Азии и Казахстаном. Развивать торговлю со странами Южной и Юго-Восточной Азии, принимать техническую и экономическую помощь от иностранных государств, обладающих современной технологией производства и высокоразвитым экономическим потенциалом.

3. Развивать культуру и народное образование, создавать необходимые условия для развития науки и техники, всемерно способствовать развитию здравоохранения.

- решительно противостоять проникновению чуждой нашим народам китайской культуры, создать демократическую культуру, основанную на давних замечательных традициях народов ВТ. Вести делопроизводство и преподавание в учебных заведениях на уйгурском языке и на языке других коренных народов ВТ. Искоренить из языков народов ВТ чуждые им элементы китайского языка;

- повышать культурный уровень народа, расширить сеть общеобразовательных и специальных учебных заведений, театров, культурно-просветительных учреждений. Поощрять деятельность творческой интеллигенции, создавать все необходимые условия для творчества.

4. Обеспечить все конституционные права трудящихся, разработать трудовое законодательство, создать условия для работы, отдыха. Улучшить жилищные условия. Разработать государственную программу жилищного строительства;

- обеспечить работой всех работоспособных в городах, приложить все усилия для ликвидации безработицы. Организовать систему социального обеспечения. Утверждать социальную справедливость.

5. Формировать вооруженные силы республики для защиты Отечества, повышать мастерство воинов, укреплять боеспособность подразделений. Активизировать политическую работу, способствовать подъему патриотизма в рядах вооруженных сил, развивать сознательную дисциплину.

6. Защищать права и интересы граждан ВТ, проживающих в СССР и других сопредельных странах, ценить их стремление способствовать делу освобождения страны от китайских поработителей.

Защищать интересы иностранцев, проживающих в ВТ. Считать китайское население захватчиком и не причислять к категории иностранцев. Все иностранцы, живущие в ВТ, должны исполнять законы и порядки, установленные в республике, уважать независимость и суверенитет Восточного Туркестана.

Проводить миролюбивую политику

Внешнеполитическая деятельность Фронта освобождения Восточного Туркестана будет ориентирована на обеспечение мира между народами. На борьбу против внешней угрозы. Эта политика включает в себя следующие направления:

а) обеспечение мирного сосуществования государств на основе принципа взаимного уважения независимости, суверенитета и территориальной целостности;

б) установление прочных экономических и культурных связей со странами, которые поддержат борьбу народов ВТ и независимость ВТ;

с) установление дипломатических отношений со всеми странами вне зависимости от социально-экономического строя;

д) отказ от вступления в какие-либо военные союзы, проводить курс неприсоединения. Выступать за роспуск агрессивных военных блоков.

Национальный фронт освобождения Восточного Туркестана осознает то, что борьба за национальное спасение нашего народа является исключительно сложным, трудным делом. Мы имеем перед собой коварного, сильного противника. И победить его можно только ценою колоссальных усилий всех народов ВТ. Борьба наших народов за национальное спасение, за независимость - справедливое дело. И сознание справедливой борьбы, а так же помощь и поддержка других демократических народов вселяют в нас надежду на нашу победу. Мы, несомненно, одержим победу, освободим страну от китайских захватчиков.

Во имя свободы народов ВТ, во имя высших интересов Отечества, мы должны крепить свое единство и посвятить свою жизнь великому делу освобождения

Цит. по: Экстремизм в Центральной Азии /под. ред. Бурханова К.Н. – Алматы: Институт России и Китая, 2000, с.78-84. Сохранена редакция оригинала. – К.С.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПРОЕКТА ПРОГРАММЫ ОРГАНИЗАЦИИ “СВОБОДНЫЙ УЙГУРСТАН”

Мы, уйгурские патриоты, проживающие в СССР, считаем возможным и необходимым создание организации “Свободный Уйгурстан”. Это обосновывается следующим: Государство, которое сейчас называется Китайской Народной Республикой, является тоталитарной империей. Эта империя образовалась в результате захвата Манчжурскими завоевателями соседних государств: Китая, Монголии, Уйгурстана, Цинхая, Тибета, Тайваня и др.

1. После падения Манчжурского владычества, пришедшие на смену ему китайские власти — гоминдан и гунчандан (компартия) — все они следовали и продолжали политику империи Манчжурского богдыханства. Эта империя включает в себя только 36% исконно китайских земель, а 64% захвачены насильно. Китайские милитаристы, не довольствуясь этим, все еще продолжают замыслы по расширению своей территории с помощью агрессии к соседним странам.

2. Современные руководители Китая, боясь проникновения в Китай современного мирового демократического движения и влияния демократических процессов, происходящих в СССР, проводят линию на ограничение взаимоотношений родственников, их взаимные поездки друг к другу, особенно в СССР, Турцию и Саудовскую Аравию. Это показывает, что китайская диктатура боится демократии, игнорирует права нашего народа.

3. Во всех странах, кроме КНР, под мощным ударом национально-освободительного и демократического движения пал колониальный строй. Особенно после второй мировой войны сотни народов обрели независимость. Только китайские колонизаторы не желают давать свободу ими оккупированным народам, упорно сопротивляются. Варварски подавляют у себя национально-освободительные движения. Только в Уйгурстане в течение последних сорока лет непрерывно продолжаются кровавые подавления. Типичные примеры этому: события кровавого воскресения 29 мая 1962 года, жестокое подавление в 1970 году, кровопролитие и массовые репрессии в селе Барин в 1990 году и т. д. Китайские социал-колонизаторы проводят политику насильственной ассимиляции, китаизации местного населения. В том числе ставят фашистскую цель растворить имеющий с древних времен свою национальную неповторимость, особенность и колорит уйгурский народ...

Все это неопровержимо доказывает, что те руководители Китая, которые называют себя коммунистами, и их правительство являются настоящими империалистами и типичными колонизаторами. Можно сказать, что народ, проживающий в Уйгурстане, на своей Родине-матери, испытывает опасность исчезнуть с лица земли. Эта опасность призывает нас пробуждаться и совместно бороться. В такое важное, решающее судьбу время не бороться, оставаясь в стороне, допустить осуществление темных желаний противника, является предательством своего народа. В таких условиях бороться за независимость Родины, за свободу народа является священным долгом каждого патриота.

Мы, уйгурские патриоты, проживающие в Советском Союзе, глубоко осознавая эту историческую ответственность, решили создать организацию “Свободный Уйгурстан” и бороться за претворение этой цели в жизнь...

Политические направления организации:

1. Организация “Свободный Уйгурстан” является политической организацией уйгурских патриотов, проживающих в Советском Союзе, а также представителей других братских народов, желающих бороться за освобождение Уйгурстана. Организация будет действовать в рамках Конституции и законов Центральноазиатских суверенных республик, где, в основном, проживает уйгурский народ СССР.

2. Организация считает законным основанием в деле великого освобождения Уйгурстана:

- Всеобщая декларация прав человека Организации Объединенных Наций
- Декларация о правах человека Хельсинкского соглашения государств Европы
- Декларация прав и свобод человека СССР
- Обращение наций, стремящихся к независимости при открытии Учредительного съезда в городе Гааге и другие международные документы.

Организация будет устанавливать связь с этими международными организациями, разъясняя свою политику, и стремиться к достижению понимания и поддержки ими нашей борьбы...

А. Очередные задачи организации.

а) Программа минимум

1. На основе широкой пропаганды среди уйгурской общественности цели, задачи и программы действий организации,

добиться горячей поддержки масс и созвать съезд полномочных представителей для учреждения организации “Свободный Уйгурстан”. Выбрать Центральный Комитет, его рабочие органы и руководящую коллегию.

2. Принять в члены патриотов, признающих Программу и Устав организации и желающих бороться за претворение их в жизнь. Создать первичные и местные организации, основываясь на села, районы и города компактного проживания уйгуров.

3. В целях воспитания народа, и прежде всего подрастающего поколения, в духе патриотизма, иметь свой печатный орган — газету “Голос Уйгурстана”...

Б. Перспективные задачи.

б) Программа максимум

1. Достижение независимости Уйгурстана не простая цель. Эту цель можно достичь только в результате совместных, длительных и решительных действий всех патриотических сил уйгуров мира. Поэтому организация “Свободный Уйгурстан” будет стремиться стать политической организацией, которая в будущем готовится взять на себя великую ответственность в необходимых случаях делу объединения разрозненных революционных организаций в Уйгурстане, в других государствах, которые ведут революционную борьбу и руководить ими для освобождения Родины.

2. Под руководством организации упорно бороться. В целях достижения полной независимости Родины — Уйгурстана, полностью воспользоваться благоприятной для нас международной обстановкой и готовить внутренние и внешние условия к победе.

3. При достижении задачи полной независимости Уйгурстана, организация не будет единоличной руководящей организацией, а совместно с другими политическими течениями в обществе будет совместно бороться за процветание Родины и упрочения ее международного авторитета.

4. Уйгурстан после достижения своей независимости, с учетом реальной опасности и в целях недопущения захвата или другими способами лишения независимости Китаем, должен существовать в тесном союзе с братскими суверенными государствами Средней Азии и Казахстаном.

5. Уйгурстан после достижения действительной независимости будет устанавливать с КНР, так же как с соседними государствами, хорошие добрососедские отношения.

Цит. по: Борис Майнаев. Уйгуры — этническая бомба в Великой китайской стене. — “Центральная Азия и Кавказ”, 1997, №.8. Сохранена редакция оригинала. — К.С.

ПРОГРАММА УЙГУРСКОЙ (УЙГУРСТАНСКОЙ) ОРГАНИЗАЦИИ СВОБОДЫ

Уйгурская (Уйгурстанская) организация Свободы, в дальнейшем именуемая “Организация”, является политической партией, объединяющей представителей уйгурского народа и других национальностей, проживающих в Республике Казахстан. Организация ставит перед собой цель содействовать восстановлению государственной независимости Уйгурстана (СУАР, Китай). Для достижения этой цели Организация использует политические, мирные средства борьбы. Организация в своей борьбе руководствуется естественными законами справедливости и соблюдения интересов народов. Для достижения этой цели Организация ставит перед собой очередные задачи:

1. Воспитывать народ, в особенности его подрастающее поколение, в духе патриотизма.

2. Организуя научные силы, восстановить правдивую историю уйгурского народа, обеспечив ее издание и распространение среди народа.

3. Издавать газету “Уйгурстан авазы” – Орган Организации.

4. Проводить вечера памяти, встречи, научные конференции и выставки, посвященные выдающимся сынам и дочерям народа, историческим личностям, памятным датам в истории Уйгурстана.

5. Обеспечить подготовку национальных кадров, направляя за счет Организации молодежь на учебу в высшие учебные заведения Республики Казахстан и других стран мира.

6. Установить связи с общественными организациями Республики Казахстан и других стран, направленные на защиту прав и свобод человека, совместно с ними проводить отдельные мероприятия.

7. Установить прямые связи с организациями в других странах мира, в том числе в Китайской Народной Республике. Производить обмен опытом работы и координации действий.

8. Развивать дружеские отношения с народами государств, на территории которых совместно проживают уйгуры. Противостоять межнациональной розни.

9. Для защиты законных интересов уйгуров и других народов принимать участие в формировании государственных и общественных органов Республики Казахстан различных уровней.

10. Выявлять реакционные действия руководства Китая в национальных, экономических и военных сферах, направленных на ущемление прав и свобод уйгуров и других национальных меньшинств, проживающих в Китае и доводить их до сведения мирового сообщества.

11. В своей борьбе, исходя из своих целей, Организация доводит свой голос до сведения всех народов мира, добываясь их поддержки. Для этого она устанавливает прямые связи с ООН и ее комиссиями, с организацией не представленных в ООН народов, с правительствами всех демократических государств мира: Киргизстаном, Узбекистаном, Туркменистаном, Азербайджаном, Турцией, Ираном, Афганистаном, Пакистаном, Саудовской Аравией, Египтом и другими странами, в том числе КНР.

12. Организация, обращаясь к соответствующим государствам, на основании архивных документов будет стремиться раскрыть тайну соглашений, заключенных между сталинским правительством и правительствами Шэн Шица и Гоминьдана, тайну убийства руководителей национальной революции 1930 г. — Ходжанияза Хаджи, Сабит Дамолла, Абдунияза и Шеринхан Торе, тайну похищения руководителя национальной революции 1944 г. Алихан Торе, убийства Ахматжана Касимья и др. Тем самым доведет до сведения мирового сообщества правду об Уйгурстане.

Задачи на перспективу:

1. Организация будет ставить вопрос об аннулировании пункта “Договора о дружбе, союзе и взаимопомощи”, заключенного в феврале 1950г. между правительствами СССР и Китая, где указано, что “Синьцзян является неотъемлемой частью Китая” и тем самым способствовать продвижению Родины к реальному суверенитету.

2. Организация, опираясь на патриотичные силы, используя благоприятную обстановку в мире, будет содействовать восстановлению независимости Уйгурстана.

Настоящая программа принята 20 июня 1992г. на учредительном съезде Уйгурской (Уйгурстанской) организации Свободы

Председатель ЦК УОС Х. Вахидов

УСТАВ УЙГУРСКОЙ (УЙГУРСТАНСКОЙ) ОРГАНИЗАЦИИ СВОБОДЫ

Уйгурская (Уйгурстанская) организация Свободы, именуемая в дальнейшем “Организация”, учреждена съездом Организации 20 июня 1992 года.

Статья 1. Цели и задачи Организации

1. Организация создается для осуществления следующих задач:

- воспитание народа, в особенности его подрастающего поколения в духе патриотизма
- разоблачения колониальной политики руководства Китая, проводимой в отношении уйгуров и других национальных меньшинств, проживающих в Китае.

Основная цель Организации – содействие восстановлению независимости Уйгурстана (нынешнее СУАР, Китай). Для достижения своей цели Организация использует политические средства борьбы.

2. Для достижения своей цели Организация объединяет представителей уйгуров, а также представителей других национальностей, проживающих в Республике Казахстан.

3. Деятельность Организации основывается на признании:

- приоритета прав и свобод личностей, закрепленных во Всеобщей декларации прав человека, в Соглашении европейских стран, США и Канады по правам и в иных общепризнанных нормах международного права;
- документов ООН и Организации не представленных в ООН народов

- Конституции Республики Казахстан.

4. Организация не является сторонником создания национально-территориальной уйгурской автономии в Республике Казахстан.

Статья 2. Юридический статус Организации

1. Организация является политической партией и выступает как самостоятельное юридическое лицо согласно законодательству Республики Казахстан.

Организация приобретает права политической партии с момента регистрации в Министерстве юстиции Республики Казахстан.

2. Организация в целях выполнения уставных задач осуществляет производственную и хозяйственную деятельность, создавая хозрасчетные подразделения, обладающие правами юридического.

3. Организация имеет круглую печать и отличительную символику, образцы которых утверждаются съездом Организации.

4. Официальными языками Организация являются казахский и русский. Рабочий язык – уйгурский.

5. Место нахождения Организации – Республика Казахстан, город Алма-Ата, улица Маршала Жукова, дом №140.

Статья 3. Структура Организации

1. Организация имеет на местах первичные ячейки и местные комитеты, объединяющие их по территориальному принципу и Центральный комитет.

2. Первичная ячейка создается при наличии трех членов Организации и может иметь в своем составе до 20 чел. Однако, в зависимости от конкретных обстоятельств, первичная ячейка может иметь больше 20 членов. Первичная ячейка самостоятельно избирает и переизбирает председателя ячейки и его заместителя.

3. Местные комитеты создаются при наличии пяти первичных ячеек, они координируют работу первичных ячеек и являются связующим звеном между ними и Центральным комитетом. В состав местных комитетов включаются председатели, заместители и активисты первичных ячеек.

4. Съезд – высший орган Организации. Выборы делегатов съезда производятся первичными ячейками по принципу один делегат от каждой первичной организации. Съезд:

- заслушивает деятельность подготовительного или ранее действующего Центрального комитета
- рассматривает и утверждает документы по деятельности Организации
- утверждает Устав и Программу Организации и вносит изменения в них
- избирает Центральный комитет и утверждает его Президиум
- утверждает смету расходов и штатное расписание Центрального комитета
- определяет направление производственной и хозяйственной деятельности Организации и заслушивает их отчеты
- определяет состав ликвидационной комиссии и утверждает его заключительный отчет.

5. Руководство текущей деятельностью Организации между съездами осуществляет Центральный комитет. В Центральный комитет избирается 1 человек от 100 членов организации. Центральный комитет свою деятельность проводит через периодически созываемые Пленумы, претворяя в жизнь решения Съезда.

6. Съезд утверждает из состава Центрального комитета его Президиум в составе 17 человек: 1 председатель, 1 помощник председателя, 6 заместителей и их помощников, представителя областей.

7. В Центральном комитете организуются управления: секретариата, организационное, пропаганды и агитации, связи, финансово-экономическое и ревизионное. Каждый заместитель председателя руководит одним управлением. Президиум претворяет в жизнь решения съезда и пленумов Центрального комитета.

8. Демократичность — основной принцип Организации. Собрания Организации на всех уровнях считаются правомочными, если в них присутствует не менее половины его участников.

Решения собраний Организации на всех уровнях принимают 2/3 голосов присутствующих в них участников.

9. Собрания первичных ячеек и местных комитетов созываются по мере необходимости, но не реже один раз в месяц, Пленумы созываются не реже двух раз в год, съезд — один раз в два года.

Чрезвычайный съезд может быть созван по решению Пленума Центрального комитета.

Заседания Президиума ЦК проводятся ежемесячно.

10. Организация не допускает в своем составе образование фракций и группировок. При их образовании Центральный комитет, рассматривая причины образования, принимает меры по их самоликвидации. Если члены фракций и группировок этого не пожелают, то они исключаются из рядов Организации.

11. Организация, в случае необходимости, открывает в других странах, с согласия местных властей, свои представительства и филиалы.

Статья 4. Члены Организации

1. Членами организации могут быть лица, проживающие в Республике Казахстан, достигшие 18 лет, признающие ее Устав и Программу, вне зависимости от национальности

2. Вступление в члены Организации и выход из ее рядов производится добровольно. При принятии лица в члены Организации необходимы поручительство двух членов Организации, принятие им клятвы и утверждение его членства первичной ячейкой.

При выходе, а также при исключении лица из членов Организации, также необходимо официальное решение первичной ячейки.

3. Члены Организации обязаны:

- исполнять решения и поручения Организации
- участвовать в работе первичной ячейки и платить членские взносы
- сохранять политическую и нравственную чистоту и способствовать поддержке авторитета Организации
- уважать и исполнять законы Республики Казахстан

- проводить среди населения агитационную работу в плане разъяснения задач Организации

- вести непримиримую борьбу с врагами Организации и провокаторами.

4. Член Организации имеет право:

- участвовать в работе ее органов на всех уровнях, высказывать и отстаивать свое мнение по любому рассматриваемому вопросу

- избирать и быть избранным в руководящие органы Организации

- контролировать деятельность Организации на всех уровнях, разоблачать ошибочные действия, высказывать свои замечания, критиковать неверные, по его мнению, действия, невзирая на лица и ставить вопрос об их рассмотрении на соответствующих собраниях Организации.

5. Член Организации исключается из рядов Организации при нарушении настоящего Устава, совершении преступления и действий, наносящих вред Организации, в случае неучастия в работе Организации более шести месяцев или неуплаты членских взносов более шести месяцев без уважительных причин.

Статья 5. Средства Организации

1. Средства Организации складываются из членских взносов членов Организации и поступлений от производственно-хозяйственной деятельности Организации.

2. Членские взносы установлены в размерах вступительные – не менее 10 рублей, и членские – 5 рублей ежемесячно.

Учащиеся общеобразовательных школ и училищ, инвалиды и участники ВОВ освобождаются от уплаты членских взносов. Студенты высших учебных заведений – в размере 3 рублей.

3. Средства Организации расходуются, согласно смете, на организацию работы, на зарплату, на аренду помещений и другие хозяйственные нужды Организации.

Статья 6. Ревизионное управление

1. Ревизионное управление Организации утверждается Пленумом Центрального комитета. Председатель комиссии, он же заместитель председателя Президиума Центрального комитета, избирается на съезде Организации. В каждом местном комитете будут представители ревизионной комиссии.

2. Ревизионное управление:

- контролирует хозяйственно-финансовую деятельность Организации

- следит за соответствующим уровнем политических и моральных качеств членов Организации

- осуществляет надзор за соблюдением требований настоящего Устава, за исполнением решений съезда и Центрального комитета
- принимает меры по предотвращению совершения враждебных действий против Организации.

Ревизионная комиссия отчитывается перед Центральным комитетом, Президиумом ЦК и съездом Организации.

Статья 7. Прекращение деятельности Организации

1. Ликвидация Организации производится:

- при невыполнении Организацией уставных задач
- при снижении численности членов Организации менее установленной законом
- по решению судебных органов.

2. Прекращение деятельности Организации производится согласно решению съезда при ее реорганизации или ликвидации.

3. При прекращении деятельности Организации съездом определяется состав ликвидационной комиссии и порядок использования оставшегося имущества Организации.

Принят 20 июня 1992 г. на учредительном съезде Уйгурской (Уйгурстанской) организации Свободы

Сохранена редакция оригинала. — К.С.

ВОЗВАНИЕ УЙГУРСКОЙ (УЙГУРСТАНСКОЙ) ОРГАНИЗАЦИИ СВОБОДЫ К НАРОДАМ И ПРАВИТЕЛЬСТВАМ СТРАН МИРА

Если одна организация, добиваясь для своего народа соответствующего достойного места среди независимых и развитых народов мира, решила выступить за разрыв существующих политических связей своего народа с правительством другого народа, то уважение к мнению человечества требует от этой организации изложить причины, толкнувшие ее на такую цель.

Наша организация, признавая приоритет свобод и прав человека, изложенных во всеобщей Декларации ООН по правам человека, а также в других общепризнанных международных документах, считает свой народ неотъемлемой частью мирового сообщества, и что он имеет такие же права на свободы, как и все другие народы мира.

История человечества показывает, что народы склонны скорее сносить зло, пока оно терпимо, чем пресекать его, изменив формы управления, с которыми они сжились. Но если китайское правительство, навязывая народу свою политику, основанную на деспотизме, проводя бесконечные злоупотребления и акты произвола, приводит этот народ к грани исчезновения как нации, то наша организация считает, что народ вправе свергнуть такое правительство и создать гарантии своей безопасности.

Именно в такой обстановке, в режиме одной из последних в мире колониальных империй, проживает в Китае, в так называемом “Синьцзян-Уйгурском автономном районе” народ нашей Родины — Уйгурстана.

Как известно, Уйгурстан был завоеван в 1759 году манчжуро-китайскими колонизаторами, и с тех пор народ находится под пятой китайского правительства. Народ нигде не мирился с таким положением, наоборот, в течение этих двух с лишним столетий в целях восстановления независимости было совершено более 400 разных восстаний и сопротивлений. Однако из-за различных внутренних, особенно внешних факторов эти движения достигли своей цели. Последнее восстание в 1944 году привело к созданию народного правительства “Восточный Туркестан”. Но в 1950 году по заговору руководителей СССР и Китая это правительство было незаконно ликвидировано, его руководители были уничтожены, и народ вновь был отдан под господство правительства Китая.

История нынешнего правительства Китая — это история

несправедливости и тирании, проводимой против нашего народа, а его политика — политика геноцида, изобретенная маоизмом и направленная на ликвидацию нашего народа как отдельной нации.

В доказательство своей правоты и справедливости поставленной цели, мы предлагаем вниманию непредвзятого мирового сообщества следующие факты:

- Китай взял право самостоятельно изменять название нашей Родины, называя ее с 1864 года — “Синьцзян” (Новый край), с 1955 года “Синьцзян-Уйгурский автономный район”, а сейчас, показывая себя хозяином нашей земли, проводит политику по переименованию названий нашей земли на “Сиюй” (Западный регион), нашего многонационального народа на “жунхва”

- лишил наш народ права на самоопределение, отрекся от своего Яньанского решения по этому вопросу;

- запретил нашему народу писать и изучать свою правдивую историю, навязывая ему фальсифицированную историю, написанную им самим

- в целях противопоставления родственных народов нашу землю раздал в виде автономий другим народам, прибывшим на нашу землю в последнее время

- насильно проводя китаизацию всех государственных органов и пополняя их “воспитанными” национальными кадрами, проводит свою политику, утверждая через них угодные ему законы

- в целях закрепления захвата нашей земли и наших богатств привозит из внутреннего Китая в массовом порядке китайских переселенцев и размещает их на хорошие земли, на хорошую работу, а природные богатства Родины, наоборот, грабительским способом увозит и использует для нужд внутреннего Китая

- разрушает религиозно-священные места, ограничивает свободу вероисповедания, растаптывает национальные обряды и обычаи

- чтобы изводить народ бюрократизмом и “воспитать” его согласно своей политике, постоянно направляет на нашу Родину своих чиновников и “рабочие отряды”

- в целях снижения численности нашего народа искажает данные переписи, проводит принудительную ассимиляцию народов, ограничивает деторождение, а в целях ухудшения генофонда нашего народа проводит постоянные ядерные испытания, отравляя нашу атмосферу, землю и воду

- в принудительном порядке направляет народ в деревни, а

участников национально-освободительного движения вынудил покинуть Родину;

- под названием “Производственной и строительной”, сохранил Гоминьдановскую армию, а национальную армию Восточного Туркестана разогнал

- в целях усмирения нашего народа, его сыновей не призывает на службу в армию, а воинов-китайцев, отслуживших свой срок, наоборот, оставляет на нашей Родине, размещая их в сельские государственные органы управления

- ограничивая возможность нашего народа, его подрастающего поколения в получении знаний и профессий, раздает рабочие места вновь прибывшим, а хозяина земли – наш народ обрек на безработицу и небывалую нищету

- ограничивает связи нашего народа с родственниками, проживающими в других странах мира

- чтобы ликвидировать в сознании народа понятия о правах человека, проводит различные массовые компании, в результате которых он незаконно сажает народ в тюрьмы, концлагеря, отправляет в ссылку, лишает жизни. Тех сыновей и дочерей народа, требовавших для себя элементарных прав человека, он открыто истребил. А представителей народа, хотевших воспользоваться правом объединения в организации, – группами расстрелял перед народом.

Из этих фактов видно, что сегодня народ нашей Родины не имеет возможности поставить вопрос о своей независимости и отдалении его от Китайского государства. Поэтому мы, проживающие в Казахстане потомки Уйгурстанского народа, переехавшие после поражения национально-освободительных революций в 1831, 1881 и 1963 годах и участники Национально-освободительного движения 1944 года – Уйгурстанские эмигранты, в целях избавления своего народа от этой страшной судьбы и восстановления государственной независимости создали “Организацию освобождения Уйгурстана”.

Мы, хорошо зная трагическую судьбу нашего народа, считая свое бездействие равным предательству, решив, что в этих условиях имеем право говорить от имени народа, обращаемся к народам мира:

Мы в 1990 году 24 декабря довели до сведения ООН тяжелую участь нашего народа.

Мы просим Вас поддержать наши требования по восстановлению независимости нашего народа, отраженные в данном документе.

В своей внешней политике, когда будете рассматривать вопрос об Уйгурстане, просим не применять такие принципы:

“Невмешательство во внутренние дела”, “из-за интересов малого народа, как бы не вступить в контакт с большим государством” и “у Китая огромное население, поэтому при решении социально-экономических вопросов этого населения надо опираться на богатство Уйгурстана”.

Чтобы удостовериться в несправедливости и беззаконии, творящихся на нашей Родине, и довести эти факты до сведения человечества, просим открыть и задействовать свои корреспондентские пункты в Уйгурстане (СУАР, Китай).

Мы, твердо веря в человеческую справедливость, отдаем для выполнения нашей цели свою жизнь, свое состояние и свою честь.

Принято 20 июня 1992 г. учредительным съездом Уйгурской (Уйгурстанской) организации Свободы Сохранена редакция оригинала. — К.С.

ПРОГРАММА ОРГАНИЗАЦИИ ОСВОБОЖДЕНИЯ УЙГУРСТАНА

Триумфальное развитие в мире на современном этапе процессов демократизации, крушение мировой социалистической системы и обвальный распад ведущих тоталитарных государств всколыхнули и подняли мощную волну извечных стремлений к самоопределению и свободе угнетенных и насильственно лишенных своей государственности народов, в том числе и среди народов Центрально-Азиатского региона (уйгуров, тибетцев, монгол, дунган и других).

Их представителями ныне создаются и действуют различные освободительные партии и общественные движения, вызванные к жизни поисками стратегии обновления общества и определения своего достойного места в мировом сообществе.

Общеизвестно, что уйгуры лишились своей государственности, а Уйгурстан был захвачен и превращен в колонию маньчжурскими завоевателями в 1759 г. После падения господства маньчжурских богдыханов, он с 1911 года оказался под властью китайского империалистического режима Сунь Ятсена, а в 1950 году по договору между коммунистическими Китаем и СССР, в угоду их имперским интересам предательски был включен в состав КНР под названием Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР.

С этого времени имперско-колонизаторские амбиции коммунистического Китая достигли небывалого размаха. Хищническое разграбление природных богатств Уйгурстана в интересах собственно китайских регионов, ядерные полигоны и атомные взрывы на наших землях, бесправье, нищета и массовая безработица среди коренного населения (как следствие несовместимости всего жизненного уклада и непреодолимости языкового барьера между китайцами и тюркоязычными мусульманами) - вот удел наших соотечественников под гнетом современных колонизаторов нового типа. А политика сознательной насильственной ассимиляции и ограничения рождаемости детей среди коренного населения в совокупности с политикой массового переселения китайцев, их обустройства в Уйгурстане и другими подобного рода экспансионистско-дискриминационными акциями привели к тому, что уйгуры всего лишь за три-четыре десятилетия на своей этнической родине количественно оказались в меньшинстве. Сейчас перед народами Уйгурстана, равно как и перед народами других национальных регионов КНР, возникла реальная угроза их полной китаизации и этнического исчезновения. В этих условиях

проблема независимой государственности и самоопределения для нас становится задачей жизненно-необходимой и сверхактуальной.

Тем более что наш народ, имеющий многовековую историю государственности, никогда не мирился со своим порабощением и утратой независимости. Свидетельством тому являются сотни и сотни различных освободительных выступлений против маньчжуро-китайских оккупантов.

Исходя из изложенного, сознавая уникальность исторического момента для самоопределения нации и всю полноту ответственности за судьбу и будущее своего народа Организация Освобождения Уйгурстана торжественно объявляет о себе как о Международной политической организации, провозглашающей основной целью своей деятельности восстановление государственности уйгурского народа, создание независимого, суверенного демократического Уйгурстана на территории своей исторической родины.

При этом Организация Освобождения Уйгурстана не выставляет каких-либо территориальных претензий к сопредельным государствам, равно как и не предъявляет к ним претензий по созданию каких-либо автономных образований в местах компактного проживания уйгуров

Организация Освобождения Уйгурстана исходит из того, что восстановление уйгурской государственности станет основой создания гуманного, подлинно правового общества, где гражданский мир и межнациональное согласие обеспечат всем уйгурстанцам достойную жизнь, независимо от их национальной, религиозной и классовой принадлежности.

Организация, выражая интересы всех народов Уйгурстана, в своей борьбе добивается формирования необходимых политических и иных условий для становления независимого Уйгурстана через общепризнанные, международные правовые нормы, опираясь в этом на помощь и поддержку международного сообщества.

Организация полностью признает и поддерживает приоритетность международных документов ООН, в первую очередь, всеобщей декларации прав человека, руководствуется интересами обеспечения международной стабильности и безопасности, выступая за миролюбивую политику в отношениях между государствами, за демилитаризацию международных отношений.

В своей деятельности Организация использует мирные политические средства борьбы путем мобилизации и сосредоточения мирового (в том числе и китайского прогрессивного) общественного мнения вокруг судьбы многострадального Уйгурстана и уйгурского народа. Она не приемлет и осуждает экстремизм во всех его формах, не приемлет идеи революционного радикализма любого толка.

Вместе с тем Организация стремится к сотрудничеству со всеми прогрессивными демократическими силами, способствующими государственности и суверенитету Уйгурстана, развитию политики и правовой защищенности его граждан, стремится к сотрудничеству с политическими партиями, общественными и религиозными движениями и организациями, национально-культурными объединениями, государственными организациями по вопросам, соответствующим целям и задачам Организации.

Организация оказывает всемерную помощь и поддержку борьбе любого другого народа к самоопределению и осуждает любые попытки его подавления.

Организация Освобождения Уйгурстана стремится к созданию гуманного, демократического общества, в экономическом отношении ориентирующегося на рыночную экономику, в правовой сфере - к безусловному верховенству законов, а в духовной жизни - к прогрессу через опыт и достижения мировой цивилизации.

В свете изложенного Организация свою ближайшую задачу видит:

- в духовном возрождении народов Уйгурстана, возрождении истории, культуры, обычаев и национальных традиций, как общечеловеческих достояний, с одновременным отрицанием идей гегемонизма одной нации над другой и укреплением гражданского мира между людьми как главного условия развития и процветания общества

- в воспитании подрастающего поколения в духе патриотизма любви, преданности Родине и подготовке кадров

- в борьбе против политики колониализма, экспансии, геноцида, и насильственной ассимиляции

- в борьбе за независимость и суверенитет Уйгурстана, в создании демократического государства, подлинно гражданского общества, выступающего за становление и укрепление равноправных отношений со всеми демократическими государствами мирового сообщества, за мир и дружбу между народами

- в борьбе за всеобщую демилитаризацию международных отношений, за всеобъемлющее прекращение ядерных испытаний и уничтожение ядерного вооружения, за социальную и медицинскую реабилитацию людей, пострадавших от этих бедствий, за глобальную экологическую чистоту окружающей среды.

Организация Освобождения Уйгурстана создана и действует во имя реализации изложенных выше целей и задач и этому подчинена ее политическая платформа и практическая деятельность на весь период ее борьбы за становление государственности Уйгурстана. Исходя из того что судьбы колоний не есть внутреннее дело колонизаторов.

Организация Освобождения Уйгурстана надеется на понимание и поддержку всех, кому дороги идеалы независимости, свободы равенства народов, идеалы демократии, на понимание и поддержку всего прогрессивного человечества.

Организация Освобождения Уйгурстана считает, что на современном этапе наибольшую угрозу миру и демократии представляет КНР, возглавляемая носителями идей коммунистического тоталитаризма, неоднократно демонстрировавшего миру свое коварство и античеловеческую сущность. Нет сомнения, что при благоприятных условиях Китай с его идеологией и военным потенциалом способен принести человечеству неисчислимые беды. Ясно, что любая поддержка такого режима это усиление сил агрессии и угроза миру, это отбрасывание назад на многие годы процессов демократизации (и не только в КНР), это новые лишения, тюрьмы, гонений и безысходность для миллионов людей, жаждущих решать судьбу через свою государственность. Поэтому своевременное обуздание китайского очага экспансии и милитаризма, через самоопределение национальных регионов, своевременная защита национальных интересов Уйгурстана, Тибета, Внутренней Монголии и других во избежание назреваемых кровавых событий - в интересах всех стран мира и не в меньшей мере, чем результаты распада СССР.

Принята IV съездом УАТ в 1995 г.

УСТАВ ОРГАНИЗАЦИИ ОСВОБОЖДЕНИЯ УЙГУРСТАНА

Организация Освобождения Уйгурстана является международной политической организацией, объединяющей в своих рядах на добровольных началах граждан для реализации ею программных целей и задач.

Основной целью Организации является восстановление государственности, создание независимого, суверенного демократического, правового государства Уйгурстан, где высшей ценностью признается человек, его жизнь, его свобода и права, изложенные во всеобщей Декларации прав человека и других международных актов. Для достижения своих целей Организация разрабатывает соответствующие программные документы, определяет тактику и стратегию своей деятельности, пропагандирует и отстаивает свои идеи и позиции, привлекает граждан в ряды Организации.

В своей деятельности Организация использует мирные политические средства борьбы, опираясь на международные правовые нормы, на понимание, помощь и поддержку международного сообщества.

I. Члены организации, их права и обязанности

1. Членом Организации Освобождения Уйгурстана может быть любой дееспособный гражданин любой страны мира независимо от национальности, вероисповедания, пола и происхождения, достигший 18-летнего возраста, признающий ее Программу и Устав.

2. Прием в члены Организации производится в индивидуальном порядке по заявлению вступающего и рекомендации двух и более членов Организации решением общего собрания местной ячейки простым большинством голосов.

3. Член Организации имеет право:

- избирать и быть избранным в любые структурные органы Организации

- свободно обсуждать на собраниях, конференциях, заседаниях комитетов, пленумах, съездах и в органах печати и вещания вопросы практической деятельности Организации, вносить предложения, высказывать и отстаивать свое мнение до принятия решения

- лично участвовать на собраниях или заседаниях, когда обсуждается вопрос о его деятельности или поведения

- обращаться с вопросами, заявлениями и предложениями в любую инстанцию Организации и требовать ответа по существу своего обращения, знакомиться с документами, имеющимися в ее распоряжении

- получать юридическую или иную помощь Организации в случае нарушения его гражданских и политических прав
- развивать критику и самокритику в Организации, вскрывать все недостатки и устранять их, бороться против парадности, карьеризма, популизма, зазнайства, местничества, давать отпор всяким попыткам зажима критики, бороться против любых действий, наносящих ущерб чести и авторитету Организации.

4. Член Организации обязан:

- быть зарегистрированным в одной из ее ячеек
- подтверждать свое членство в Организации уплатой членского взноса
- пропагандировать и отстаивать принципы и идеи Организации, заботиться о пополнении ее рядов и защите авторитета, всемерно укреплять мощь и единство ее рядов.
- твердо и неукоснительно выполнять решения Организации
- всемерно содействовать достижению целей и задач Организации и соблюдать её Устав.

5. Членство в организации может быть прекращено:

- по собственному желанию члена Организации
- по решению местной ячейки, где зарегистрирован член Организации, если его действия противоречат Уставу и программным установкам Организации с обязательным утверждением такого решения вышестоящей инстанцией. За исключенным из Организации сохраняется право на двухмесячный срок подачи апелляции в вышестоящие структуры до ЦК Организации.

II. Структура Организации

1. Организация строит свою деятельность на принципах демократического централизма:

- выборность всех органов Организации снизу доверху
- периодическую отчетность ее органов
- строгую дисциплину и подчинение меньшинства большинству, безусловную обязательность решений высших органов для низших
- свобода и плюрализм дискуссий, коллективность в работе, коллегиальность в принятых решениях Организации и персональная ответственность за реализацию его решений.

2. Организация не допускает образования фракций, групп и других объединений по политическим или иным интересам на период становления государственности Уйгурстана.

3. Местные ячейки создаются членами Организации в количестве трех и более человек по месту работы, месту жительства и другим признакам. Они автономны в решении местных вопросов, если они не противоречат политике Организации.

4. Местная ячейка Организации ведет организационную, пропагандистскую и агитационную разъяснительную работу, принимает в свой состав новых членов Организации, привлекает к ответственности нарушителей дисциплины, собирает вступительные и членские взносы, отчисляет в соответствии с Уставом средства в бюджет организации, может иметь в собственности любые материальные ценности, необходимые для обеспечения выполнения уставных задач.

5. Для оперативности, координации деятельности местных органов и для связи их с Центральным комитетом создаются территориальные органы Организации (республиканские, областные, городские и другие), полномочия которых определяются на соответствующих конференциях, исходя из уставных целей и решений съездов Организации. Территориальные органы являются Федеративным формированием Организации. Они образуют свою внутреннюю структуру самостоятельно.

6. Организация освобождения Уйгурстана имеет свой флаг, гимн, эмблему, билет и нагрудный знак.

7. Организация имеет свои печатные и другие органы пропаганды и вещания.

III. Высшие органы Организации

1. Высшим органом Организации является ее съезд, созываемый не реже одного раза в три года, а также внеочередные съезды Организации.

2. Съезд:

- принимает и вносит изменения в Программу и Устав Организации

- формирует Центральный комитет Организации

- избирает председателя организации и утверждает по его представлению первого заместителя и заместителей в количестве, определяемом съездом

- избирает Центральную ревизионную комиссию по представлению председателя Организации

- принимает решения о реорганизации и о прекращении деятельности Организации

Решения съезда принимаются голосованием делегатов простым большинством голосов. Решение о прекращении деятельности Организации считается принятым, если за него проголосовало не менее 2/3 делегатов съезда • .

3. Центральный комитет:

- является исполнительным и координирующим органом Организации между съездами

- созывает съезды Организации, определяет порядок делегирования представителей на съезды

- избирает из числа членов ЦК Постоянный комитет ЦК
- утверждает по представлению Председателя Организации ответ-секретаря – руководителя аппарата ЦК
- утверждает председателя и членов редакционной коллегии печатного органа Организации и других органов пропаганды и вещания
- проводит пленумы ЦК Организации не реже трех раз в год, решения которых принимаются членами ЦК простым большинством, принявшим участие в голосовании.

4. Председатель организации:

- выступает гарантом выполнения выборными органами Организации Программы и Устава и решений Организации
- представляет Организацию в международных отношениях, органах власти и всех других организациях
- руководит Постоянным комитетом ЦК Организации
- приостанавливает решения любых органов Организации, противоречащие Программе и Уставу Организации до рассмотрения их в ЦК
- определяет функциональные обязанности своих заместителей, утверждает по представлению ответ-секретаря Постоянного комитета ЦК структуру и штатное расписание аппарата.

5. Постоянный комитет ЦК Организации:

- является исполнительным и координационным органом деятельности Организации в период между пленумами ЦК. Состав его определяется пленумом ЦК и Организации. председатель Организации, его заместители, ответсекретарь являются членами Постоянного комитета ЦК Организации
- работой Постоянного комитета руководит председатель Организации, а в его отсутствие эту функцию выполняет один из его заместителей
- создает учреждения и предприятия Организации и контролирует их деятельность, распоряжается финансами фонда Организации
- решения Постоянного комитета принимаются голосованием его членов простым большинством.

6. Центральная ревизионная комиссия:

- контролирует быстроту и правильность прохождения дел в центральных органах Организации
- имеет право приостановить все противоречащие Программе и Уставу Организации решения всех его органов до приведения их в соответствие
- рассматривает конфликты между различными органами Организации, апелляции и обращения членов Организации и принимает по ним решения

- осуществляет контроль за движением денежных средств Организации.

IV. Имущество и финансово-хозяйственная деятельность Организации

1. Организация Освобождения Уйгурстана может иметь в собственности денежные средства, здания, сооружения, предприятия, учреждения, оборудование и иные средства и имущество, необходимое для успешной деятельности Организации. Организация может создавать различные фонды.

2. Денежные средства Организации и ее территориальных органов формируются из:

- вступительных членских взносов, добровольных взносов членов Организации, а также от иных поступлений

- из доходов от производственной, хозяйственной и иной деятельности предприятий и учреждений Организации.

3. Денежные средства и доходы Организации используются для материально-финансового обеспечения целей и задач, закрепленных в Программе и настоящим Уставом Организации. Порядок их использования определяется самостоятельно ее Центральным органом. В случае прекращения деятельности или реорганизации ее средства и имущество передаются на цели, определенные съездом.

Принят IV съездом УАТ в 1995 г.

Цит. по: Хлюпин В. Геополитический треугольник. Казахстан – Китай – Россия. Прошлое и настоящее пограничной проблемы. – Вашингтон: Международный евразийский институт экономических и политических исследований, 1999, с.237-242.

ОБЪЕДИНИМСЯ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ НАШЕЙ ВЕЛИКОЙ РОДИНЫ УЙГУРСТАН

Политическое обращение регионального общественного объединения “Ассоциация уйгуров”, Объединенного революционного фронта Восточный Туркестан, Организации освобождения Уйгурстана

Многоуважаемые соотечественники!

Мы, представитель ОНРФ Восточного Туркестана Юсупбек Мухлиси и члены бюро – Имам Абдуразаков-ходжи Турди, Нурахмет Касим, Бори Мухлиси, Сайдулла Рахимов, Хайдар Пазиллов; представители ООУ – председатель Ашир Вахиди, заместитель председателя Абдукадыр Исрохони, постоянные члены комиссии: Абдугапур Куткук, Нурмахамет Ислам, Аркин Алиев, Турсун Турди; представители Ассоциации уйгуров – президент Кахарман Ходжамберди, вице-президент Махмут Ахметов, председатель Совета старейшин Тохтосын Бейшанов, члены совета: Махмут Абдурахметов, Савутжан Маметкулов, Турсун и Мохамет Гароевы:

1. 8 февраля 1997 года всесторонне обсудили проблемы сегодняшнего состояния проживающих в эмиграции уйгуров, международную обстановку и события, которые произошли на исторической родине уйгуров. В современной международной обстановке считаем необходимым совместными усилиями вывести на международную арену проблему родины, а также, учитывая принципы демократии и прав человека, полностью поддерживаем борьбу за право на самоопределение наших соотечественников на исторической родине и считаем единственной целью этой борьбы создание независимого государства.

2. Мы считаем, что борьба за более широкую автономию или создание федерации не может быть стратегической целью нашей освободительной борьбы.

3. Мы решили поддержать борьбу наших соотечественников за независимость против колониальной политики Китая с учетом нынешней обстановки и в будущем в своей деятельности придерживаться этого направления.

4. Мы признаем, что вопрос о названии нашего созданного в будущем независимого государства на территории нашей исторической родины, безусловно, на законных основаниях решит народ, но при этом нет сомнений, что оно будет называться “Уйгурстан”.

5. Мы, соблюдая конституции центральноазиатских государств, считаем правомерным выдвинуть требования, исходящие из интересов нашей национальной государственности;

6. Мы соблюдаем принятую Генеральной Ассамблеей ООН “Всеобщую декларацию прав человека”, права человека и право наций, не имеющих своих государств, а также международные акты, принятые защищающими демократию международными организациями.

7. Мы надеемся на поддержку всех тюркоязычных народов, “Исламского мира” в нашей борьбе против китайского колониализма.

8. Мы искренне благодарим всех, кто нас морально и материально поддерживал и продолжает поддерживать нашу борьбу против китайской колониальной политики и готовы с ними сотрудничать.

9. Мы заявляем о готовности сотрудничать с китайскими демократами на Западе, если они полностью и окончательно признают единственную цель борьбы уйгурского народа за независимость.

10. Мы в целом поддерживаем статью 9 “РешенияЭ”, принятого 24-25 октября 1996 г. в Стамбуле, а создание совместными усилиями международного уйгурского национального центра считаем целесообразным в нынешней ситуации.

11. Мы в целом поддерживаем решения, принятые Всемирным съездом уйгурской молодежи, прошедшем в ноябре 1996 г. в городе Мюнхене (Германия), и солидарны с движением за независимость.

12. Мы уважаем и готовы поддерживать, независимо от их точки зрения, все общественные организации и физических лиц в государствах Центральной Азии, которые занимаются направленной на развитие социально-культурных, политических и правовых вопросов уйгуров деятельностью, а также их борьбу за независимость нашей исторической родины;

13. Мы считаем нецелесообразным и равносильным сепаратизму создание в государствах Центральной Азии новой политической организации.

14. Мы торжественно заявляем, что три организации гармонично объединяться на основе вышеперечисленных принципов при безусловном соблюдении Уставов каждой организации, при этом несоблюдение настоящих принципов в процессе создания независимого уйгурского государства будет рассматриваться как предательство.

За ООУ:

председатель А. Вахиди

Члены бюро: Абдукадыр Исрахим, А. Куткук, Нурмахамет Ислам, Аркин Алиев, Турсун Турди

За Ассоциацию Уйгуров: Президент К. Хожамберди, Вице-президент Махмут Ахметов, председатель Совета старейшин Тохтосын Бейшанов,

члены совета: Махмут Абдурахметов, Савутжан Маметкулов, Мохамет Гароев:

За ОНРФ Восточного Туркестана:

Председатель Ю. Мухлиси

Члены бюро: Абдуразак-ходжи Турди, Нурахмет Касим, Бори Мухлиси, Хайдар Пазиров;

Восьмого февраля 1997 г., город Алматы

Сохранена редакция оригинала. – К.С.

УСТАВ РЕГИОНАЛЬНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ СОЮЗ УЙГУРСКОЙ МОЛОДЕЖИ КАЗАХСТАНА

Статья 1. Общие положения

1.1. Общественное объединение “Союз Уйгурской Молодежи Казахстана”, далее СУМК, является добровольным, общественным объединением граждан Казахстана. Членами объединения могут быть граждане Республики Казахстан, а также иностранные граждане и лица без гражданства.

1.2. Идейной основой СУМК является объединение молодежи на базе культурных ценностей уйгурского и других народов мира, на возрождение и развитие родного языка, участие их в строительстве демократического и правового государства, защиту политических и социальных прав членов СУМК в соответствии с Конституцией Республики Казахстан и другими законодательными актами, а также настоящим Уставом и программными документами.

1.3. СУМК – объединение молодежи и студенчества независимо от национальной, социальной, религиозной и партийной принадлежности, разделяющих и поддерживающих его цели и задачи и участвующих в деятельности Союза.

1.4. СУМК может вести хозяйственную, некоммерческую, рекламно-информационную, издательскую деятельность в соответствии с действующим законодательством Республики Казахстан. Деятельность СУМК основывается на принципах добровольности, самоуправления, укрепления дружбы народов и межнационального согласия, соблюдения законов Республики Казахстан.

1.5. СУМК может участвовать в деятельности других организаций и объединений на основе совместных договоров и обеспечивает свое представительство в этих организациях самостоятельно.

1.6. Правовую основу образования и деятельности СУМК составляют Конституция, Гражданский кодекс (общая часть) Республики Казахстан, закон об “Общественных объединениях”, настоящий Устав и другие законодательные акты.

1.7. СУМК имеет свое имущество, самостоятельный баланс, финансовые средства (национальная и иностранная валюта), свой расчетный счет в банках Казахстана, печать и официальный бланк на казахском, уйгурском, русском и английском языках.

1.8. СУМК является самостоятельным юридическим лицом с момента государственной регистрации.

Местонахождение СУМК: г. Алматы, Турксибский район, ул. Жумабаева, 118. Телефон 36-10-18.

Статья 2. Официальное название СУМК

на казахском языке: Казакстан Уйғыр Жастары одағы

на русском языке: Союз Уйгурской Молодежи Казахстана

на уйгурском языке: Казакстан Уйгур Яшлири Кециши

на английском языке: Union of Young Uigur People of Kazakhstan Republic

Статья 3. Цели и задачи СУМК

3.1. СУМК создается в целях:

- содействие в сохранении и возрождении культуры, прогрессивных национальных традиций уйгуров, в изучении уйгурского языка

- содействие в удовлетворении национальных, культурных и духовных потребностей уйгурской молодежи, проживающих в Казахстане

- установление взаимовыгодных контрактов с молодежными, государственными и общественными организациями как по Казахстану, так и за рубежом

- вовлечение уйгурской молодежи в активную работу по укреплению межнационального согласия

- просвещение и пропаганда культуры уйгурского народа

- содействие в обучении уйгурской молодежи за рубежом, в сохранение контингента уйгурских классов при русских школах.

3.2. Предмет деятельности.

- разработка и осуществление мероприятий, направленных на возрождение уйгурской национальной культуры и развитие языка уйгуров, проживающих в Казахстане

- содействие заинтересованным лицам других национальностей в изучении уйгурского языка, национальных традиций, обрядов, истории, географии и культуры Восточного Туркестана и уйгуров, проживающих в Казахстане и других странах

- осуществление выпуска печатной продукции в соответствии с действующим законодательством Республики Казахстан

- установление и укрепление культурных связей с молодежными организациями стран дальнего и ближнего зарубежья

- организация и проведение конференций и симпозиумов

- организация спортивных и зрелищных мероприятий

- участие в благотворительной деятельности

- создание предприятий, организаций и другой деятельности для выполнения задач определенных СУМК.

Статья 4. Права и обязанности СУМК

4.1. Для осуществления уставных целей и задач в соответствии с законодательством Республики Казахстан, СУМК вправе:

- заключать от своего имени на территории Республики Казахстан и за рубежом договоры и контракты, совершать иные сделки, приобретать имущественные и неимущественные права, нести обязанности, быть истцом и ответчиком в судебных органах, пользоваться кредитами государственных, коммерческих и иных банков

- заключать от своего имени на территории Казахстана и за рубежом договоры и контракты с другими общественными организациями и хозяйственными субъектами, принимать решения по вопросам, связанным с решением задач, возложенным на СУМК

- создавать филиалы, региональные представительства, отделения, а также другие обособленные подразделения

- принимать решения об изменении структуры предприятия, утверждать положения подведомственных подразделений, а также принимать решение об их ликвидации, наделять их основными и оборотными средствами за счет собственного имущества и определять порядок их деятельности

- по решению общества вести общественную деятельность за рубежом, участвовать в создании и деятельности на территории Республики Казахстан и зарубежных стран СП, международных объединений и организаций с участием иностранных юридических и физических лиц в соответствии с законодательством РК

- вносить на рассмотрение Совета предложение по вопросам, касающимся деятельности СУМК

- создавать предприятия, в том числе совместные, кооперативы и другие организации для реализации задач СУМК

- открывать в установленном порядке счета, в том числе и в иностранной валюте в банковских учреждениях как в Республике Казахстан, так и за рубежом

- учреждать средства массовой информации в установленном законном порядке

- осуществлять любые виды хозяйственной деятельности, не противоречащие законодательству, целям и задачам СУМК. Прибыль направляется на решение уставных задач

- строить, приобретать, обменивать, брать в аренду, займы и безвозмездно всякое движимое и недвижимое имущество, а также списывать его с баланса, если оно изношено и устарело, совершать иные сделки

- обеспечивать координацию деятельности СУМК

СУМК отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим ей имуществом.

Статья 5. Членство в СУМК

5.1. СУМК открыт для вступления новых членов. Членами могут быть любые юридические и физические лица РК и других государств, признающие его устав и способные внести вклад в реализацию целей и задач, стоящих перед объединением.

5.2. Прием в члены СУМК и выход из него осуществляется на основании заявления заинтересованного лица руководителям объединения и филиалов.

5.3. Каждый член СУМК имеет право:

- участвовать в управлении делами центра в порядке, предусмотренном в настоящем Уставе и Типовом положении о филиале

- свободно обсуждать вопросы практической деятельности объединения

- открыто высказывать свое мнение как до, так и после принятия решений

- получать полную информацию о деятельности СУМК, в том числе знакомиться с бухгалтерской и другой документацией.

5.4. Член СУМК обязан:

- соблюдать требования Устава СУМК

- выполнять решения и постановления СУМК

- соблюдать Устав

- своевременно платить членские взносы и вклады в порядке и размере, установленными Уставом

- принимать активное участие в деятельности СУМК в порядке, определенном Уставом, или оказывать ему содействие в осуществлении деятельности

- не разглашать сведения, которые СУМК объявлено, коммерческой тайной

- участники или члены вправе в любое время выйти из состава СУМК, независимо от согласия других членов. Отказ от участия должен быть заявлен не менее, чем за месяц до выхода из объединения

- вышедшему из состава участнику взносы и вклады не выплачиваются

- в случае прекращения деятельности СУМК имущество переходит к правопреемнику. Такой переход допускается только с согласия собрания.

Статья 6. Филиал, его права и обязанности

6.1. Филиал СУМК создается для объединения членов граждан Казахстана, а также иностранных граждан и лиц без гражданства уйгурской молодежи, проживающих в этом регионе.

6.2. Филиал не является юридическим лицом и действует на

основании Типового положения о филиале.

6.3. Высшим органом филиала является собрание членов филиала. Собрание рассматривает любые вопросы, касающиеся деятельности филиала.

6.4. Деятельность филиала направлена на возрождение и развитие уйгурского языка, национальной культуры уйгурской молодежи, проживающей в Казахстане, вовлечение в активную работу по укреплению дружбы между народами, к межнациональному согласию.

6.5. Филиал имеет право:

- совершать сделки и иные правовые действия от имени юридического лица — СУМК по его договоренности
- осуществлять прием и вести учет членов филиала
- обращаться с письмами в государственные органы и требовать ответа от них
- пользоваться информационными услугами СУМК.

6.6. Филиал обязан:

- выполнять задачи, поставленные перед филиалом СУМК
- исполнять приказы, распоряжения и указания СУМК
- своевременно и полностью производить СУМК все отчисления по взносам
- отчисления в бюджет
- в сроки, определенные СУМК, представлять необходимую информацию и отчеты о работе филиала
- не разглашать конфиденциальную информацию о деятельности СУМК
- не заниматься деятельностью, которая может нанести ущерб (моральный, материальный) СУМК
- несет материальную ответственность за сохранность основных средств и иного имущества, переданного ей в наем или пользование
- представлять на утверждение СУМК смету доходов и расходов на очередной финансовый год
- производить расходование средств в строгом соответствии с утвержденной сметой расходов и принимать все необходимые меры по рациональному и экономному их использованию
- не имеют права без письменного согласия СУМК передавать основные фонды, принадлежащие СУМК, другим юридическим и физическим лицам в залог, за выкуп или безвозмездно, а также совершать действия, которые затрагивают интересы СУМК
- СУМК получает полную информацию о деятельности филиала, знакомится с данными бухгалтерского учета, отчетности и другими документами
- выполнять решения и постановления, управления СУМК, поручения председателя

· представлять в исполнительные органы управления Республики Казахстан необходимую для их деятельности информацию и т. д.

6.7. Права структурных подразделений

Филиал наделяется имуществом общественного объединения на правах пользователя.

Статья 7. Органы управления СУМК

7.1. Органами управления и контроля СУМК являются:

- Конференция общественного объединения
- Председатель СУМК
- Совет управления
- Ревизионная комиссия.

7.2. Высшим органом СУМК является Конференция (собрание). Конференция созывается не реже одного раза в два года. О дате, предварительной повестке дня, месте проведения сообщается за месяц до проведения Конференции.

Норма представительства и порядок выборов делегатов устанавливаются Советом.

Конференция считается правомочной, если на ней присутствует не менее 2/3 избранных на нее делегатов. Форма голосования устанавливается Конференцией.

7.3. Решение Конференции считается принятым, если за него проголосовали не менее 2/3 присутствующих.

7.4. Конференция заслушивает отчеты и информацию председателя, его заместителя ревизионной комиссии и решает любые вопросы деятельности СУМК.

7.5. К исключительной компетенции Конференции относятся:

- утверждение Устава СУМК
- утверждение Типового положения о филиале
- внесение изменений и дополнений в Устав СУМК
- выбор председателя СУМК, его заместителя, членов Совета
- выборы ревизионной комиссии
- образование и отзыв исполнительных органов
- утверждение годовых отчетов и бухгалтерских балансов
- решение о реорганизации, ликвидации филиалов
- решение о создании филиала, представление решений о продаже, обмене или ином распоряжении имуществом
- решение о принятии внутреннего регламента, изменений и дополнений к нему. Решение СУМК оформляется протоколами и иными документами. Текущее руководство деятельностью СУМК осуществляется Советом
- принятие решения о реорганизации или прекращение деятельности СУМК

• решение при необходимости иных вопросов деятельности СУМК в рамках настоящего Устава.

7.6. Решение о созыве внеочередной Конференции принимается председателем, о чем объявляется за месяц до даты проведения.

7.7. В период между конференциями руководство СУМК осуществляет председатель, его заместитель и Совет.

Председатель избирается Конференцией со сроком полномочий на два года.

7.8. Председатель СУМК.

• представляет СУМК в государственных органах, в общественных и иных организациях и судах Республики Казахстан и за рубежом

• осуществляет общее руководство СУМК

• разрабатывает повестку дня для Конференции

• открывает, закрывает счета в банках

• выдает доверенности на представление интересов СУМК лицам его замещающим

• утверждает руководителей, после избрания их собранием на местах

• несет персональную ответственность за выполнение возложенных на СУМК задач и обязанностей

• самостоятельно решает вопросы деятельности СУМК в соответствии с его компетенцией

• действует от имени СУМК без доверенности, представляет его интересы, во всех отечественных и иностранных фирмах, предприятиях и организациях, распоряжается имуществом в пределах предоставленных прав, совершает сделки, выдает доверенности, открывает в банках расчетные, валютные и другие счета, пользуется правом распоряжения оборотными средствами

• осуществляет подбор и расстановку кадров, определяет степень их ответственности за порученный участок работы, формы и условия оплаты труда

• рассматривает сметы доходов и расходов СУМК и представляет ее на утверждение Совету

• утверждает штатный распорядок и положение структурных подразделений, устанавливает должностные оклады, назначает и увольняет руководителей служб на основе трудового законодательства, применяет меры поощрения и налагает дисциплинарные взыскания

• принимает решение о создании филиала

• распоряжается с имуществом и денежными средствами СУМК, заключает договора и контракты с физическими и юридическими лицами, в том числе иностранцами, в соответствии с действующим законодательством

• рассматривает жалобы и заявления членов СУМК, конфликты и другие спорные вопросы, связанные с деятельностью СУМК, филиалов. Контроль за деятельностью председателя СУМК осуществляет ревизионная комиссия, которая избирается Конференцией.

7.9. Ревизионная комиссия состоит из трех человек и самостоятельно определяет своего председателя.

7.10. Ревизионная комиссия контролирует финансово-хозяйственную деятельность СУМК и его филиалов, своевременность и правомерность рассмотрения вопросов СУМК.

7.11. Ревизионная комиссия проводит ежегодно не менее одной проверки и дает заключение по годовому отчету председателя. По результатам проверки ревизионная комиссия отчитывается на общем собрании. Ревизионная комиссия подотчетна конференции.

Статья 8. Собственность и источники финансирования СУМК

8.1. СУМК может иметь в собственности здания, сооружения, автотранспортные средства, оборудование, инвентарь, различные фонды (резервный, страховой и т. д.), включая фонды в иностранной валюте, и иное имущество, необходимое для обеспечения деятельности, предусмотренной настоящим Уставом.

8.2. Фонды СУМК состоят из:

• вступительных членских взносов и ежегодных взносов членов СУМК

• добровольных пожертвований

• вкладов

• отчислений от доходов юридических лиц образованных с участием СУМК, любых других источников, не запрещенных законодательством

СУМК создает резервный фонд в размере 50% от поступивших взносов и вкладов (кроме целевых вкладов), который предназначается на покрытие непредвиденных расходов и убытков

СУМК может по согласию со своими членами объединить часть своего имущества с имуществом государственных, частных, общественных и иных организаций для совместной деятельности, в том числе путем организации совместных предприятий с иностранными партнерами. Часть имущества СУМК может быть передана филиалам и представительствам СУМК по письменному решению руководителя или правления.

Статья 9. Реорганизация и прекращение деятельности СУМК

9.1. Реорганизация или прекращение деятельности СУМК может иметь место по решению конференции или в случаях, предусмотренных законодательством РК.

9.2. Реорганизация или ликвидация СУМК производится в соответствии с действующим законодательством РК.

9.3. Конференция, на которой будет обсуждаться данный вопрос, считается правомочной, если на ней присутствует не менее 2/3 делегируемых членов СУМК от большинства филиалов.

9.4. Решение конференции считается правомочной, если за него проголосовало более половины присутствующих делегатов. Процедуру голосования определяет конференция.

9.5. В случае реорганизации СУМК имущество переходит к ее правопреемнику.

9.6. В случае ликвидации СУМК имущество и денежные средства направляются на уставные цели или на благотворительность.

9.7. Объявление о реорганизации или о прекращении деятельности СУМК публичному опубликованию в официальных печатных изданиях.

9.8. Ликвидация считается завершенной, а СУМК прекратившим свою деятельность с момента внесения записи об этом в государственный реестр.

Председатель

А. Турдиев

Принят на учредительной конференции

Регионального объединения “Союз Уйгурской Молодежи Казахстана”

25 апреля 1999 г.

Сохранена редакция оригинала. – К.С.

**УСТАВ
МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
“УЙГУРСКОЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ
ОБЪЕДИНЕНИЕ”**

Раздел 1. Общие положения

Статья 1. Межрегиональная общественная организация “Уйгурское национально-культурное объединение”

Межрегиональная общественная организация “Уйгурское национально-культурное объединение” (именуемая в дальнейшем Организация) является основанным на членстве добровольным, самоуправляемым, некоммерческим формированием, созданным по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, определенных настоящим Уставом.

Статья 2. Правовая основа и принципы деятельности Организации

1. Организация осуществляет свою деятельность в соответствии с Конституцией Российской Федерации, иным действующим законодательством Российской Федерации, общепризнанными принципами и нормами международного права и настоящим Уставом.

2. Организация строит свою деятельность на основе принципов равноправия своих членов, законности, гласности, добровольности, самоуправления.

Статья 3. Территориальная сфера деятельности Организации.

1. Территориальная сфера деятельности Организации - город Москва, Московская область и иные регионы Российской Федерации, где созданы структурные подразделения Организации.

2. Местонахождение постоянно действующего руководящего органа Организации (Правление) - город Москва.

Раздел 2. Цели и задачи организации

Статья 4. Цели и задачи Организации

1. Целью Организации является объединение уйгуров для:

(1) содействия сохранению культуры, языка, религии, обычаев и других национальных традиций уйгурского народа;

(2) содействия реализации прав и законных интересов уйгуров.

2. Руководствуясь поставленными целями, Организация решает следующие задачи:

(1) содействие разработке проектов законов и иных нормативно-правовых актов, направленных на регулирование общественных

отношений в области межнациональных отношений;

(2) содействие изучению и распространению исторического и культурного наследия, возрождение народных традиций, обычаев, национальных праздников, ознакомлению с культурой, искусством и современной жизнью граждан уйгурской национальности;

(3) информирование общественности об историческом прошлом и современном положении уйгуров в России и других странах мира;

(4) установление и поддержание связей с заинтересованными государственными органами, органами местного самоуправления, общественными объединениями для достижения цели, определенной настоящим уставом;

(5) развитие и укрепление деловых взаимоотношений с российскими и зарубежными учреждениями культуры, предприятиями, организациями, общественными объединениями для реализации цели, определённой настоящим Уставом;

(6) содействие уйгурской молодежи в получении образования в России и за рубежом;

(7) организация и проведение круглых столов, симпозиумов, научных конференций и других мероприятий, для популяризации и ознакомления общественности с историческим наследием уйгурского народа;

(8) разработка и содействие внедрению программ, направленных на оказание материальной, медицинской, правовой и социальной помощи гражданам уйгурской национальности, которые в силу сложившихся жизненных обстоятельств нуждаются в данном виде помощи;

(9) содействие беженцам уйгурской национальности в решении социальных и бытовых проблем, включая проблемы обеспечения жильем, организации медицинской помощи и социальной адаптации;

3. В рамках уставных целей Организация осуществляет иную деятельность, не противоречащую законодательству РФ, а также нормам международного права.

Раздел 3. Правовое положение Организации

Статья 5. Организация - юридическое лицо

1. Организация с момента ее государственной регистрации является юридическим лицом:

(1) имеет самостоятельный баланс, расчетный (рублевый и валютный) счет, эмблему, бланки, печать со своим наименованием, утверждаемые и регистрируемые в установленном законом порядке;

(2) может иметь в собственности обособленное имущество и отвечать по своим обязательствам этим имуществом;

(3) может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и неимущественные права, исполнять обязанности, быть истцом и ответчиком в суде.

Статья 6. Права Организации как общественного объединения

1. Организация для осуществления своих целей и задач в порядке, определяемом действующим законодательством Российской Федерации, имеет право:

- (1) свободно распространять информацию о своей деятельности;
- (2) участвовать в выработке решений органов государственной власти и местного самоуправления в порядке и объеме, предусмотренными действующим законодательством Российской Федерации;
- (3) проводить собрания, митинги, демонстрации, шествия и пикетирование;
- (4) учреждать средства массовой информации и осуществлять издательскую деятельность;
- (5) представлять и защищать свои права, законные интересы своих членов, а также других граждан в органах государственной власти и местного самоуправления и общественных объединениях;
- (6) выступать с инициативами по различным вопросам общественной жизни, вносить предложения в органы государственной власти;
- (7) поддерживать международные контакты и связи;
- (8) осуществлять в полном объеме полномочия, предусмотренные действующим законодательством для общественных объединений.

Статья 7. Предпринимательская деятельность Организации

1. Организация в порядке, определяемом действующим законодательством, осуществляет предпринимательскую, в том числе внешнеэкономическую, деятельность, необходимую для достижения общественно полезных целей, ради которых создана Организация, и соответствующую этим целям.

2. Предпринимательская деятельность осуществляется Организацией лишь постольку, поскольку это служит достижению уставных целей.

3. Организация может создавать хозяйственные товарищества и общества, обладающие статусом юридического лица.

4. Доходы от предпринимательской деятельности Организации не могут перераспределяться между членами Организации и должны использоваться на достижение уставных целей.

Статья 8. Обязанности Организации как общественного объединения

1. Организация обязана:

(1) соблюдать законодательство Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, касающиеся сферы ее деятельности, а также нормы, предусмотренные настоящим Уставом;

(2) ежегодно публиковать отчет об использовании своего имущества или обеспечивать доступность ознакомления с указанным отчетом;

(3) ежегодно информировать орган, регистрирующий соответствующие общественные объединения о продолжении своей деятельности с указанием действительного места нахождения постоянно действующего руководящего органа, его названия и данных о руководителях Организации в объеме сведений, включаемых в единый государственный реестр юридических лиц;

(4) предоставлять по запросу органа, регистрирующего соответствующие общественные объединения, решения руководящих органов и должностных лиц Организации, а также годовые и квартальные отчеты о своей деятельности в объеме сведений, представляемых в налоговые органы;

(5) допускать представителей органа, регистрирующего соответствующие общественные объединения, на проводимые Организацией мероприятия;

(6) оказывать содействие представителям органа, регистрирующего соответствующие общественные объединения, в ознакомлении с деятельностью Организации в связи с достижением уставных целей и соблюдением законодательства Российской Федерации.

Раздел 4. Члены, их права и обязанности

Статья 9. Членство в Организации

1. Членами Организации могут быть:

(1) граждане Российской Федерации, иностранные граждане, лица без гражданства, достигшие 18-летнего возраста,

(2) общественные объединения – юридические лица, разделяющие цель и задачи Организации, выполняющие требования настоящего Устава, принимающие непосредственное участие в работе Организации.

2. Членство в Организации и выход из нее являются добровольными.

3. Прием в члены Организации физических лиц осуществляется на основании письменного заявления вступающего, уплаты вступительного взноса и оформляется решением Правления Организации, принимаемым простым большинством голосов

4. Прием в члены Организации общественных объединений юридических лиц осуществляется в порядке, предусмотренном п.3 настоящей статьи, при наличии решения уполномоченного органа

соответствующего общественного объединения о вступлении в Организацию.

5. Выход из членов Организации свободный.

Выход из членов Организации физических лиц осуществляется на основании письменного заявления, подаваемого в Правление Организации.

Выход из членов Организации - общественных объединений осуществляется на основании решения уполномоченного органа соответствующего общественного объединения, подаваемого в Правление Организации.

Решения Правления Организации по данному вопросу не требуется.

6. Член Организации может быть исключен из Организации решением Правления Организации за:

- (1) несоблюдение Устава;
- (2) невыполнение решений руководящих органов, принятых в пределах установленной настоящим Уставом компетенции;
- (3) действия, порочащие Организацию.

Статья 10. Права и обязанности членов Организации

1. Члены Организации имеют равные права и обязанности. Члены Организации - общественные объединения осуществляют права и обязанности через своих представителей.

2. Член Организации имеет право:

- (1) принимать участие в деятельности Организации;
- (2) участвовать в Общем собрании отделения;
- (3) быть избранным делегатом на Конференцию;
- (4) избирать и быть избранным в выборные органы Организации и соответствующего отделения;
- (5) вносить предложения по совершенствованию деятельности Организации во все ее органы;
- (6) обращаться с заявлениями в любой выборный орган Организации и получать ответ по существу своего обращения;
- (7) участвовать в заседаниях Правления Организации по вопросу исключения его из членов Организации;
- (8) пользоваться в установленном порядке материальной базой Организации;
- (9) выйти из состава Организации.

3. Член Организации обязан:

- (1) выполнять требования настоящего Устава, решения руководящих органов Организации, принятые в пределах установленной настоящим Уставом компетенции;
- (2) принимать непосредственное участие в работе по реализации целей и задач Организации;

- (3) уплачивать вступительные и членские взносы в порядке и размерах, определяемых Правлением Организации;
- (4) не допускать действий, порочащих Организацию.

Раздел 5. Руководящие и контрольно-ревизионные органы

Статья 11. Конференция – высший руководящий орган Организации

1 Высшим руководящим органом Организации является Конференция, которая созывается Правлением Организации не реже одного раза в два года.

2. Внеочередная Конференция созывается Правлением Организации в случае необходимости принятия каких-либо решений, относящихся к исключительной компетенции Конференции:

- по решению Правления Организации;
- по решению Президента Организации;
- по решению Ревизионной комиссии.

Внеочередная Конференция должна быть созвана не позднее двух месяцев с даты принятия соответствующим органом Организации решения (поступления в Правление требования) о созыве внеочередной Конференции.

3. К компетенции Конференции относится:

(1) утверждение Устава Организации и внесение в него изменений и дополнений (решение принимается 2/3 голосов присутствующих);

(2) принятие решения о реорганизации и ликвидации Организации (решение принимается 2/3 голосов присутствующих);

(3) выборы президента, вице-президентов и членов Правления Организации;

(4) выборы председателя и членов Ревизионной комиссии Организации;

(5) принятие решения о создании филиалов и открытии представительств, утверждение положения о них;

(6) принятие решения о принятии и исключении отделений из состава Организации;

(7) утверждение генеральных направлений деятельности Организации;

(8) определение текущих и долгосрочных программ Организации;

(9) утверждение Положения, определяющего порядок поощрения членов Организации;

(10) утверждение отчетов Правления Организации, президента Организации и Ревизионной комиссии Организации.

4. Конференция вправе принимать решения по другим вопросам деятельности Организации.

5. Конференция правомочна, если на ней присутствует более половины избранных делегатов от региональных отделений Организации. Нормы представительства определяются Правлением Организации.

6. Решения принимаются открытым или тайным (по решению Конференции) голосованием простым большинством голосов (за исключением случаев, установленных настоящим Уставом).

Статья 12. Правление Организации

1. В период между Конференциями постоянно действующим руководящим органом Организации является Правление Организации, избираемое из числа членов Организации сроком на два года в количестве, определяемом Конференцией. Президент и Вице-президенты входят в состав Правления Организации.

2. Заседания Правления Организации проводятся по мере необходимости, но не реже одного раза в три месяца.

3. Правление Организации правомочно принимать решения, если на его заседании присутствует более половины его членов. Решение принимается открытым голосованием простым большинством голосов.

4. Правление Организации:

(1) принимает решения о приеме и исключении из членов Организации;

(2) принимает решения о вступлении Организации в иные общественные объединения, а также об учреждении хозяйственных товариществ и обществ, некоммерческих организаций;

(3) рассматривает и утверждает программы и планы работы Организации;

(4) руководит финансово-хозяйственной деятельностью Организации;

(5) распоряжается денежными средствами и имуществом Организации;

(6) организует исполнение и контролирует выполнение решений Конференции;

(7) принимает решение о созыве очередной и внеочередной Конференции;

(8) утверждает структуру, штатное расписание и фонд заработной платы Организации;

(9) утверждает бюджет и баланс Организации;

(10) устанавливает размер и порядок уплаты вступительных и членских взносов;

(11) ежегодно отчитывается о своей деятельности перед Конференцией;

(12) принимает решения по иным вопросам деятельности Организации за исключением тех, которые относятся к

исключительной компетенции Конференции и Ревизионной комиссии.

5. Члены Ревизионной комиссии могут участвовать в заседаниях Правления с правом совещательного голоса.

Статья 13. Президент Организации

1. Президент Организации избирается на Конференции из числа членов Организации сроком на два года.

2. Президент Организации:

(1) осуществляет руководство исполнительным аппаратом Организации;

(2) представляет без доверенности интересы Организации во всех государственных и негосударственных органах и организациях;

(3) подписывает от имени Организации любые документы, принимает обязательства в рамках решений, принятых Правлением;

(4) подписывает все финансовые документы, выдает доверенности, открывает в банках счета Организации;

(5) издает приказы, распоряжения, инструкции, связанные с деятельностью Организации;

(6) нанимает и увольняет работников Организации, применяет к ним меры поощрения и взыскания в соответствии с законодательством Российской Федерации о труде;

(7) принимает решения об установлении размеров заработной платы и штатного расписания, утверждаемых Правлением Организации;

(8) исполняет иные функции, определенные Правлением Организации.

(9) принимает решение о созыве внеочередной Конференции.

Статья 14. Вице-президенты Организации

1. Вице-президенты Организации избираются на Конференции из числа членов Организации сроком на два года, в количестве определенном Конференцией.

2. Вице-президенты возглавляют направления деятельности Организации в соответствии с распределением обязанностей, утверждаемым президентом Организации.

3. Вице-президенты подписывают договоры, соглашения, финансовые и другие документы в пределах полномочий, установленных распоряжением президента Организации.

4. В период отсутствия президента, один из вице-президентов исполняет его обязанности в полном объеме на основании распоряжения президента Организации.

Статья 15. Ревизионная комиссия Организации

1. Ревизионная комиссия избирается Конференцией из числа членов Организации сроком на два года в количестве, определяемом Конференцией Организации.

2. Председатель Ревизионной комиссии избирается Конференцией из числа членов Организации сроком на два года.

3. Ревизионная комиссия правомочна принимать решения, если на ее заседании присутствует более половины ее членов. Решения принимаются открытым голосованием простым большинством голосов присутствующих.

4. Ревизионная комиссия контролирует финансово-хозяйственную деятельность Организации, состояние и учет материальных ценностей.

5. Ревизионная комиссия вправе принимать решение о созыве внеочередной Конференции.

6. Ревизионная комиссия в случае необходимости привлекает к своей деятельности специалистов.

7. Ревизионная комиссия отчитывается в своей деятельности на Конференции.

8. Ревизия деятельности Организации проводится не реже одного раза в год.

9. Член Ревизионной комиссии не может входить в состав Правления Организации.

Раздел 6. Структура организации

Статья 16. Структура Организации

1. Структуру Организации составляют ее отделения, филиалы и представительства.

Статья 17. Отделения Организации

1. Региональные отделения Организации создаются в субъектах Российской Федерации (республиках, краях, областях, городах федерального значения, автономной области, автономных округах). В одном субъекте Российской Федерации может быть создано только одно региональное отделение Организации.

2. Местные отделения Организации создаются в пределах территории органов местного самоуправления. Местные отделения Организации могут быть созданы только в тех субъектах Российской Федерации, где имеются региональные отделения Организации.

3. В случае государственной регистрации отделения как юридического лица, оно действует на основании своего Устава и имеет полную хозяйственную самостоятельность.

4. В случае создания отделения Организации без его государственной регистрации, оно не приобретает прав

юридического лица. Отделение наделяется имуществом Организации и в своей деятельности руководствуется настоящим Уставом.

Статья 18. Общее собрание - высший руководящий орган отделения

1. Высшим руководящим органом отделения Организации является Общее собрание, которое собирается не реже одного раза в два года.

2. Общее собрание отделения:

- (1) Определяет основные направления деятельности отделения;
- (2) избирает сроком на два года председателя и членов Правления отделения;
- (3) избирает сроком на два года председателя и членов Ревизионной комиссии отделения либо Ревизора отделения;
- (4) заслушивает отчеты выборных органов отделения;
- (5) принимает решение о государственной регистрации отделения утверждает Устав;
- (6) избирает делегатов на Конференцию Организации;
- (7) принимает решения по иным вопросам деятельности отделения.

3. Общее собрание отделения вправе принимать решение, если на нем присутствует более половины членов Организации, состоящих на учете данном отделении. Форма голосования и порядок принятия решений определяется Общим собранием отделения.

4. Внеочередное Общее собрание отделения может быть создано по решению Правления отделения или по требованию не менее 1/3 членов Организации, состоящих на учете в соответствующем отделении.

Статья 19. Правление Отделения

1. В период между Общими собраниями деятельностью отделения руководит Правление отделения – постоянно действующий руководящий орган отделения, избираемый на Общем собрании сроком на два года.

2. Заседания Правления проводятся по мере необходимости, но не реже одного раза в шесть месяцев. Решения Правления принимаются простым большинством голосов открытым голосованием, при условии участия в заседании не менее половины его членов.

3. Правление отделения:

- (1) созывает Общее собрание отделения, определяет его повестку дня;
- (2) организует и контролирует исполнение решений Общего собрания отделения;

(3) Осуществляет иные полномочия в рамках руководства деятельностью отделения, не отнесенные к компетенции Общего собрания отделения.

Статья 20. Председатель Правления Отделения

1. Председатель Правления отделения избирается на Общем собрании отделения сроком на два года.

2. Председатель Правления отделения:

(1) от имени отделения представляет его интересы в государственных органах и общественных объединениях;

(2) созывает заседание Правления отделения;

(3) определяет перечень вопросов, выносимых на обсуждение Правления отделения;

(4) осуществляет иные полномочия в рамках руководства текущей деятельностью отделения, не отнесенные к компетенции Общего собрания и Правления отделения.

Статья 21. Ревизионная комиссия (ревизор) Отделения

1. В зависимости от количества членов Организации, объединенных в данное отделение, по решению Общего собрания отделения избирается Ревизионная комиссия или Ревизор отделения сроком на два года.

2. Ревизионная комиссия (ревизор) отделения является контрольно-ревизионным органом отделения.

Статья 22. Филиалы и представительства Организации

1. Филиалы и представительства являются обособленными подразделениями Организации и не являются юридическими лицами. Они наделяются имуществом Организации и осуществляют свою деятельность на основе положений о филиале, представительстве, утверждаемых Конференцией Организации.

Раздел 7. Собственность организации

Статья 23. Собственность Организации

1. Организация в соответствии с действующим законодательством может иметь в собственности земельные участки, здания, строения, сооружения, жилищный фонд, транспорт, оборудование, инвентарь, имущество культурно-просветительского, спортивного и оздоровительного назначения, денежные средства, акции, другие ценные бумаги и иное имущество, необходимое для материального обеспечения деятельности, предусмотренной настоящим Уставом.

2. Субъектом права собственности является Организация как юридическое лицо. Члены Организации не имеют в отношении Организации вещных или обязательственных прав.

Статья 24. Источники формирования имущества Организации

1. Источниками формирования имущества и средств Организации являются:

- (1) добровольные взносы и пожертвования;
- (2) вступительные и членские взносы;
- (3) доходы от гражданско-правовых сделок;
- (4) доходы от предпринимательской, в том числе внешнеэкономической, деятельности;
- (5) другие не запрещенные законом поступления.

Раздел 8. Порядок реорганизации и ликвидации организации**Статья 25. Реорганизация Организации**

1. Организация может быть реорганизована в форме слияния, присоединения, разделения, выделения, преобразования по решению Конференции, принятому 2/3 голосов присутствующих.

2. При реорганизации все имущественные и неимущественные права Организации переходят к вновь возникшему юридическому лицу (правопреемнику) в порядке, предусмотренном действующим законодательством Российской Федерации.

Статья 26. Ликвидация Организации

1. Организация может быть ликвидирована по решению Конференции принятому 2/3 голосов присутствующих.

2. Организация может быть ликвидирована по решению суда в порядке, установленном действующим законодательством.

3. После ликвидации Организации имущество и оставшиеся денежные средства Организации после расчетов с бюджетом и кредиторами направляются на уставные цели, а в спорных случаях - на цели, установленные решением суда.

4. При ликвидации Организации документы по личному составу в установленном законом порядке передаются на государственное архивное хранение.

5. Решение о ликвидации Организации направляется в зарегистрировавший ее государственный орган для исключения Организации из единого государственного реестра юридических лиц.

Раздел 9. Заключительные положения**Статья 27. Внесение изменений и дополнений в настоящий Устав**

1. Изменения и дополнения в настоящий Устав утверждаются Конференцией, 2/3 голосов присутствующих.

2. Изменения и дополнения к настоящему Уставу должны быть зарегистрированы в установленном законом порядке.

3. Изменения и дополнения к настоящему Уставу приобретают юридическую силу с момента такой регистрации.

Утвержден на учредительной Конференции 5 июля 2001 года
г. Москва, 2001 год

Зарегистрирована начальником Главного управления
Министерства юстиции РФ А.Э. Буксманом

04 октября 2001 года, свидетельство №.14577

Сохранена редакция оригинала. – К.С.

БОЛЬШИНСТВО КАЗАХСТАНСКИХ ЭКСПЕРТОВ НЕ СЧИТАЮТ КИТАЙ ЖЕРТВОЙ УЙГУРСКИХ СЕПАРАТИСТОВ, А, СКОРЕЕ, НАОБОРОТӨ

<p>Экспертный опрос Всего опрошено – 51 человек из них государственных чиновников – 11,8% депутаты – 11,8% интеллигентные специалисты – 11,8% правозащитники – 11,8% общественные деятели – 19,6% ученые – 15,7% журналисты – 13,7% студенты (подробнее) – 9,8% Точка опроса – г. Алматы г.г. Астана, 2-я декада октября 2001г.</p>	<p>Президент АСНП Бастурганова Бахытжан</p>
---	---

Большинство казахстанских экспертов не считают Китай жертвой уйгурских сепаратистов, а, скорее, наоборотӨ

В свете американо-афганских событий очередной саммит глав государств Шанхайской организации сотрудничества прошел незаметно для казахстанской общественности. Между тем на нем со стороны официального Пекина были предприняты попытки представить борьбу с уйгурскими сепаратистами в Синьцзяне в контексте борьбы с исламским терроризмом.

То, что официальным Пекином преподносится как исламский экстремизм, есть на самом деле порождение неспособности или нежелания политических кругов Китая найти адекватное решение “уйгурского вопроса” через диалоговый процесс. Синьцзянь просто-напросто объявляется зоной повышенного риска, откуда якобы идет угроза распространения исламского терроризма как на территории КНР, так и на территории сопредельных с ним государств Центральной Азии.

По мнению же более двух третей опрошенных казахстанских экспертов (68,6%), антикитайские выступления уйгуров в Синьцзяне носят характер национально-освободительной борьбы против оккупационного режима; каждый 3-й (31,4%) разделяет установки официального Пекина, квалифицируя их как проявления сепаратизма, и лишь по 2% считают, что речь идет либо об экстремизме, либо о вооруженном терроризме. 2% не имеют определенного мнения, а 3,9% указали в графе “Другое” следующее: “попытки защитить собственную этническую идентичность” и “форма бизнеса”. (Последнее мнение высказано журналистом.)

Полученные ответы свидетельствуют, что большинство опрошенных экспертов склонно признавать автохтонность

уйгурского населения СУАР и его историческое право на самоопределение.

Привязка антикитайских выступлений уйгуров в СУАР КНР к исламскому терроризму также не нашла поддержки у большей части казахстанских экспертов. От 62,7% до 72,5% экспертов видят в этих выступлениях соответственно как этническую, так и политическую подоплеку. Около четверти респондентов (27,5%) полагают, что в их основе лежат религиозно-идеологические установки. И только 7-я часть участников опроса усматривает в них криминальный характер. 3,9% затруднились с ответом.

Примечательно, что в составе экспертов лишь 17,6% склоняются к мысли, что среди уйгуров уровень приверженности к исламу выше, чем среди других мусульманских народов. Таким образом, “уйгурская карта”, разыгрываемая китайскими властями, рассматривается большинством экспертов как попытка намеренного нагнетания угрозы исламского терроризма для оправдания политики геноцида против уйгурских автохтонов СУАР.

**Как бы вы охарактеризовали реакцию официального Пекина на антикитайские выступления уйгуров в СУАР?
(% от числа опрошенных)**

1	Политическое давление	68,6
1-2	Наказание иная ответственность путем организации массовых мероприятий в СУАР	68,6
3	Политическое давление на ЦАР, где укрываются лидеры и активисты террористов в Китае и других странах	0
4	Демонстрация восточной политики и ответственности на организационном уровне среди уйгуров	39,2
5	Стимулирование восточной политики между старыми и новыми организациями СУАР от КНР в среде уйгурского населения	33,3
6	Политическое давление на Китай	23,5
7	Наказание иная ответственность с лидерами и активистами уйгурской общины в Синьцзяне	7,8
8	Продвижение восточной политики Синьцзян-Уйгурскому району	3,9
9	Не являясь определенным мнением	3,9

Примечание: В среднем одним респондентом отмечено три ответа.

Положение уйгуров в СУАР КНР сознательно обходится молчанием официальными кругами России и Центральноазиатских республик, не заинтересованных в огласке истинного положения дел из-за опасений испортить отношения с официальным Пекином,

чи великоханьские территориальные амбиции создают прецедент опасного соседства (особенно для нестабильных ЦАР). Между тем руководство Китая придает “уйгурскому вопросу” серьезную внешнеполитическую окраску для наращивания военной мощи в северно-западной части территории страны, граничащей с республиками ЦА. Политика насильственной китаизации, открыто проводимая официальным Пекином в отношении уйгурского населения СУАР, в скрытом виде проводится и в отношении народов ЦАР. Имей мы “живую стену” в лице независимого и суверенного уйгурстанского государства, масштабы “ползучей” китайской иммиграции на территорию ЦАР можно было бы поставить под жесткий контроль и существенно снизить.

Попытки Китая использовать объявленную борьбу с международным терроризмом для ликвидации неудоного “уйгурского вопроса” не очевидны разве что только главам государств ШОС, занимающих, по мнению опрошенных экспертов, прокитайскую позицию.

Экспертам было предложено охарактеризовать официальную позицию ниже указанных государств ШОС по отношению к политике Китая по “уйгурскому вопросу” с использованием следующих шкальных признаков: 5 – “полное приятие”, 4 – “скорее приятие, чем нет”, 3 – “нейтральная”, 2 – “скорее неприятие, чем приятие”, 1 – “полное неприятие”, 0 – “не имею определенного мнения”. Были получены следующие оценки

(% от числа опрошенных)

Государства	5	4	3	2	1	0	Среднее значение
Россия	31,4	25,5	21,6	3,9	5,9	11,8	3,8
Казанстан	39,2	35,3	9,8	3,9	5,9	9,8	4,0
Кыргызстан	33,3	33,3	11,8	5,9	2	15,7	4,0
Таджикистан	19,6	27,5	17,6	7,8	3,9	21,6	3,7
Узбекистан	31,4	25,5	13,7	7,8	3,9	17,6	3,9

Примечание: Для анализа при расчете взвешенного среднего арифметического была исключена нулевая шкальная оценка (“не имею определенного мнения”).

Полученные значения индексов свидетельствуют о том, что баланс высказанных оценок в группе экспертов смещен к шкальному признаку “скорее приятие, чем нет”.

Иосифу Сталину принадлежат слова: “Смерть одного человека – трагедия, смерть миллионов – статистика”. Остается только

надеяться, чтобы они не стали пророческими для миллионов уйгуров Синьцзяня, не смирившихся с утратой своей этнической родины. Уже сегодня в СУАР китайские власти занимаются ликвидацией “уйгурской проблемы” вместе с ее носителями.

Можно ли иначе, политическим путем разрешить “уйгурский вопрос”? 27,5% экспертов твердо убеждены, что он полностью разрешим; 39,2% не столь убеждены в этом, но все же больше склоняются к мысли, что он скорее разрешим, чем нет; 23,5%, наоборот, считают, что он скорее неразрешим, чем разрешим, а 11,8% отрицают саму возможность его разрешения. 5,9% затруднились ответить; 3,9% вписали в графу “Другое” свои ответы: “при благоразумии со стороны китайского руководства”, “когда в Китае будет демократия”. Один из госчиновников ответил вопросом на вопрос: “что означает решение уйгурского вопроса?” и отметил при этом “нет”

В каком случае “уйгурский вопрос” может быть разрешим?

(% по столбцу)

1	Предоставление широкой автономии Синьцзян-Уйгурскому району	30,5
2	Предоставление большей прав и свобод уйгурам СУАР, прекращение политики репрессий на уйгурской национальной территории	22,0
3	Презависимое со стороны Китая независимой Восточно-Туркестанской (Уйгурстанской) республике	20,3
4-5	Полное или частичное международное признание общности	11,9
4-5	При заинтересованности в его решении властями республиканского уровня	11,9
6	Другое	3,4

Примечание: В разрез анализа включены ответы только тех, кто указал “да” и “скорее да, чем нет”

Если “нет” или “скорее нет”, то почему?

(% по столбцу)

1	Угроза территориальной целостности Китая	38,2
2	Незаинтересованность со стороны властями республиканского уровня	25,4
3	Уйгурский вопрос никогда не считался с интересом своего этнического государства и с подобным путем решением вопроса, кроме организации суверенитета и независимости Уйгурстана (Восточного Туркестана)	23,4
4	Незаинтересованность в решении вопроса со стороны областного уровня в СУАР	11,1
5	Другое	1,9

В составе экспертов оптимистов оказалось в два раза больше, чем пессимистов. Это единственный утешительный итог проведенного исследования.

См.: Мониторинг от АСиП. – электронная газета “Навигатор”, 29.10.2001; Более детально результаты исследования изложены в: Бектурганова Б. «Уйгурский экстремизм» в Центральной Азии: миф или реальность? (Социологический анализ проблемы).– Алматы: «Комплекс», 2002.

**ТЕРРОРИСТИЧЕСКИМ СИЛАМ “ВОСТОЧНОГО
ТУРКЕСТАНА”
НЕ УЙТИ ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ**
Опубликована 21 января Пресс-канцелярией Госсовета КНР.

Терроризм стал главным злом современного мира, поставившим под серьезную угрозу мир, безопасность и порядок в мировом сообществе.

За долгий период времени, особенно с 90-х годов XX века, террористические силы Восточного Туркестана в Китае и за его пределами, пытаясь осуществить свою цель – создать так называемое государство Восточный Туркестан, организовали и провели в Синьцзяне Китая и соответствующих государствах целый ряд таких актов террора и насилия, как взрывы, тайные убийства, поджоги, отравления, налеты, которые причинили серьезный ущерб безопасности жизни и имущества народных масс различных национальностей Китая и общественной стабильности страны, а также поставили под угрозу безопасность и стабильность соответствующих государств и регионов.

Но каким же образом возникла проблема Восточного Туркестана и какие ж теракты устроили террористические силы Восточного Туркестана?

I

Название Восточный Туркестан появилось в конце XIX века. Сочетание букв “стан” означало “место” или “регион”. Однако Восточный Туркестан не является простым географическим понятием, а представляет собой политическое понятие, выдвинутое некоторыми старыми колонизаторами в целях расчленения Китая.

Термин “тюрки” первоначально служил собственным названием одного из древних кочевых народов. В V веке н.э. он кочевал в районе Алтайских гор. С середины VI века по середину VIII века н.э. он обитал в степях севера Китая и развертывал многоканальные и многоуровневые контакты с династиями на Срединной равнине с эпохи Западный Вэй до эпох Суй и Тан. В 552 г. н.э. тюрки создали свой каганат, который в зените своего могущества владел обширной территорией. В период правления династии Суй и в начале периода правления династии Тан тюрки представляли мощную силу, господствовавшую на севере Китая. Затем каганат распался на восточный и западный, которые вели непрерывную борьбу за владычество в каганате. В середине VIII века один за другим пали восточный и западный Тюркские каганаты, а их

потомки постепенно влились в другие народы. Но понятие слова “тюрки”, употреблявшегося с IX века в некоторых исторических литературах зарубежных стран, уже не ограничивалось прежними тюрками, оно стало общим названием народов, говорящих на тюркских языках из алтайской семьи языков. К концу XI века нашлись люди, которые предлагали объединить все народы, проживающие на территории от пролива Босфор до Алтайских гор и говорящие на тюркских языках, и создать из них государство. Однако в истории вообще не существовало единого государства, созданного, как заявляли некоторые, из всех тюрков.

Чтобы отделить от Китая Синьцзян и поставить его под свой контроль, некоторые старые колонизаторы стали называть Синьцзян Восточным Туркестаном (а нынешние страны Средней Азии соответственно названы ими Западным Туркестаном), стряпая нелепую версию о том, якобы Синьцзян является родным домом восточных тюрков.

После того как в 60-м г. до н.э. династия Хань учредила на западных землях управу наместников, Синьцзян стал частью территории Китая. С тех пор центральные правительства Китая не прекращали юрисдикцию над Синьцзяном. Однако с начала XX в. горстка фанатичных сепаратистов и религиозных экстремистов Синьцзяна, следуя нелепой выдумке старых колонизаторов, сфабриковала теорию о существовании так называемого Восточного Туркестана. Они трубили о том, что де Восточный Туркестан издревле был независимым государством, а его народ имеет почти 10-тысячелетнюю историю; они ратовали за то, чтобы все народы, говорящие на тюркских языках и исповедующие ислам, объединились и образовали государство с единой светско-духовной властью; они отрицали тот исторический факт, что наша великая Родина была создана совместными усилиями всех национальностей Китая; они кричали, что будут бороться против всех нетюркских народов и уничтожить всех еретиков.

После того как была сфабрикована теория о Восточном Туркестане, сепаратисты всех мастей стали под его вывеской развешивать деятельность, направленную на осуществление сумасбродного плана создать государство Восточный Туркестан.

С начала XX в. по конец 40-х годов этого же века силы Восточного Туркестана при подстрекательстве и поддержке со стороны зарубежных сил спровоцировали неоднократные мятежи. В ноябре 1933 года Сабит Дамолла и его сообщники создали в городе Кашгар так называемое Исламское государство Восточный Туркестан. Это была попытка сепаратистов превратить свою теорию в действительность. Однако менее чем через три месяца, в силу противодействия со стороны Синьцзянского населения разных национальностей, это государство распалось.

После мирного освобождения Синьцзяна представители разных национальностей, населяющие его, ведя сплоченную борьбу, совместно построили свои прекрасные родные края. В Синьцзяне наблюдается общественная стабильность, неуклонно развивается экономика, быстро улучшается жизнь людей, и обстановка в целом хорошая. Однако восточно-туркестанские силы не хотят мириться со своим поражением. Идя наперекор коренным чаяниям всех национальностей, они, поддерживаемые международными антикитайскими силами, при любом удобном случае осуществляют раскольническую и вредительскую деятельность.

С начала 90-х гг. XX в. часть восточно-туркестанских сил, находящаяся в Китае и за его пределами, под влиянием экстремизма, сепаратизма и международного терроризма перешла к терактам и насилию как главным приемам раскольнической и вредительской деятельности. Некоторые восточно-туркестанские организации открыто заявляют, что они намерены достичь своих сепаратистских целей путем террора и насилия. В обнаруженных милицией программах организаций Исламская партия Восточного Туркестана, Оппозиционная партия Восточного Туркестана и др. четко указывается, что они должны идти по пути вооруженной борьбы и устраивать различного рода теракты в густонаселенных местах. В составленной ими брошюре Можно ли надеяться на нашу независимость неприкрыто заявляется, что необходимо любой ценой создать атмосферу террора в детских садах, больницах и учебных заведениях. Восточно-туркестанские террористы спровоцировали целый ряд кровавых терактов, оставив пропитанный кровавым список.

II

По неполным подсчетам, с 1990 г. по 2001 г. восточно-туркестанские террористы, находящиеся в Китае и за его пределами, произвели не менее 200 с лишним актов террора и насилия, в результате которых погибли 162 жителя разных национальностей, кадровые работники низовых организаций и религиозные деятели, свыше 440 человек получили ранения. Вот главные из этих терактов:

1. Взрывы

Как и большинство террористов мира, восточно-туркестанские террористы склонны к взрывам, направленным на ни в чем не повинных жителей, с тем чтобы создать атмосферу террора и расширить свое влияние.

28 февраля 1991 г. в видеозале при станции пассажирских перевозок в уезде Кучэ округа Аксу в Синьцзяне восточно-туркестанской террористической организацией был произведен

взрыв, убивший одного и поранивший 13 человек. В тот же день террористы также установили в одном частном магазине уездного городка бомбу, которая, однако, не взорвалась.

5 февраля 1992 г., когда весь китайский народ радостно отмечал праздник Весны, в городе Урумчи, административном центре Синьцзяна, в автобусах маршрутов №52 и №30 террористы произвели взрывы, в результате оба автобуса были разрушены, 3 человека погибли, 23 получили ранения. Террористы также установили в кинотеатре и жилом доме по одной бомбе с часовым механизмом, но бомбы были обнаружены и устранены.

С 17 июня по 5 сентября 1993 г. в универмагах, на рынках, в гостиницах и культурных заведениях в южной части Синьцзяна террористы произвели один за другим 10 взрывов, в силу которых двое погибли и 36 человек были ранены. В частности, взрыв, произошедший 17 июня в административном корпусе фирмы сельскохозяйственных машин в городе Кашгар, разрушил здание, погибли два человека и получили ранения 7 человек; взрывом, случившимся 1 августа в видеозале фирмы внешней торговли уезда Шачэ округа Кашгар, ранено 15 человек; 19 августа взрывом перед дворцом культуры в городе Хотан ранено 6 человек.

25 февраля 1997 г. восточно-туркестанские террористы вновь организовали теракт в административном центре Синьцзяна: в городе Урумчи, в автобусах маршрутов №2, 10 и 44 произошли взрывы, которые привели к разрушению 3 автобусов, гибели 9 человек (среди них были уйгуры, дунгане, киргизы и ханьцы) и тяжелым увечьем у 68 ехавших в автобусах пассажиров.

С 22 февраля по 30 марта 1998 г. восточно-туркестанские террористы устроили в уезде Ечэн округа Кашгар 6 взрывов, в результате которых трое человек были ранены, был взорван газопровод, что привело к сильному пожару, причинившему непосредственные экономические убытки более чем в 1 млн. юаней.

Ранним утром 7 апреля 1998 г. на балконе квартиры руководителя управления общественной безопасности уезда Ечэн, перед домом заместителя председателя уездного комитета Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК) и перед домом заместителя уполномоченного административного управления округа Кашгар террористы провели 8 взрывов, ранивших 8 человек.

2. Тайные убийства

Чтобы подорвать сплоченность национальностей и создать атмосферу террора, террористы направляют свои злодеяния не только против ханьцев, но и против уйгуров — кадровых работников и патриотически настроенных религиозных деятелей, убивая их как еретиков.

24 августа 1993 г. двое восточно-туркестанских террористов нанесли тяжелые ножевые раны Аблизу Дамолле, члену постоянного комитета Ечэнского уездного комитета НПКСК округа Кашгар и имаму крупной мечети.

22 марта 1996 г. двое террористов с закрытыми лицами и с пистолетами в руках ворвались в дом Хакима Садыка Хаджи, заместителя председателя Синьхэской уездной исламской ассоциации округа Аксу и заместителя имама мечети, и застрелили его.

Ранним утром 29 апреля 1996 г. более 10 вооруженных до зубов террористов ворвались в расположенный в селе Кунас волости Алакагха уезда Кучэ дом Кавула Токи, члена Всекитайского комитета НПКСК и депутата Собрания народных представителей Синьцзян-Уйгурского автономного района, а также в квартиры трех местных уйгуров – кадровых работников низовых организаций, где путем взрывов, выстрелов из пистолета и ножевых ударов совершили кровавый террор. Террористы бросили в дом Кавула Токи две бомбы, из-за чего Кавул Тока и его жена были тяжело ранены; его младший брат Авул Тока погиб от 7 ножевых ударов, нанесенных террористами, жена Авула сначала была ранена ножевыми ударами, а потом была застрелена; сын Кавула Токи, Анивал Кавул, погиб от 9 ножевых ударов и выстрела в голову, его жена – от 8 ножевых ударов и 2 выстрелов в голову; кадровый работник села Джавап Мухаммат был тяжело ранен ножевыми ударами террористов.

12 мая 1996 г. восточно-туркестанские террористы совершили покушение на жизнь Арунхана Аджи, члена постоянного комитета Китайской исламской ассоциации, заместителя председателя Синьцзянского комитета НПКСК и председателя исламской ассоциации Кашгара. В тот день, рано утром, Арунхан Аджи со своим сыном отправились в мечеть Аитга на молитву. В пути на них напали четверо террористов, Арунхан Аджи получил тяжелые ранения от 21 ножевого удара террористов, а его сын – от 13 ударов.

23 марта 1997 г., рано утром, группа террористов во главе с Турсуном Турди вломилась в квартиру Омарджана, руководителя Цзиньиньчуаньского района освоения целинных земель округа Аксу, и убила его с женой; ранним утром 3 июля того же года эта группа террористов ворвалась в квартиру Турди Нияза, сельского работника волости Башерек уезда Ават, и убила его с женой.

6 ноября 1997 г., рано утром террористическая организация, руководимая Мухамматом Турсуном, по указу восточно-туркестанской организации, находящейся за рубежом, застрелила Юнуса Садыка Дамоллу, члена комитетов Китайской и Синьцзянской исламских ассоциаций, председателя Аксуской

исламской ассоциации, имама мечети в уезде Байчэн, на его пути в мечеть на молитву; 27 января 1998 г. эта же группа террористов застрелила Аблизхаджи, члена постоянного комитета Ечэнского уездного комитета НПКСК, имама Большой мечети уезда, также шедшего в мечеть на молитву.

4 июня 1997 г. четверо террористов вломились в квартиру Мухаммата Рози Мухаммата, кадрового работника села Хуанди волости Акик уезда Моюй округа Хотан, и убили его, нанеся ему 11 ножевых ранений.

23 августа 1999 г. свыше 10 террористов, возглавляемых Ясином Мухамматом, ворвались в квартиру Худаберди Тохти, политрука отделения милиции в волости Поскам уезда Цзэпу округа Кашгар, в результате Худаберди погиб от 38 ножевых ранений, а его сын – от выстрела в голову. После убийств террористы подожгли квартиру, и жена Худаберди пострадала от тяжелых ожогов.

3 февраля 2001 г. группа террористов вломилась в квартиру Мухамматджана Якупа, работника суда уезда Фушу округа Кашгар, и жестоко убила его 38 ударами ножом.

3. Налеты на отделения милиции и правительственные учреждения

27 августа 1996 г. шесть террористов, одетых в маскировочную форму, приехали на машине в здание правительства волости Джангилас уезда Ечэн, где перерезали телефонный провод, убили заместителя начальника волости и дежурившего здесь милиционера. Затем они въехали в одно село этой же волости, похитили 3 охранников общественного порядка и работника службы водоснабжения, уволокли их за 10 км на пустыню Гоби и убили.

24 октября 1999 г., рано утром, террористы, вооруженные огнестрельным оружием, ножами, взрывными и зажигательными установками, налетели на отделение общественной безопасности волости Сайли уезда Цзэпу. Они окружили здание отделения, бросили в него бутылки с зажигательной смесью и взрывные устройства, стреляли. Затем они ворвались в здание, застрелили члена отряда объединенной обороны и подозреваемого в преступлении, ожидавшего допроса, выстрелами ранили милиционера и члена отряда объединенной обороны. Под конец сожгли 10 комнат отделения, 1 джип и 3 мотоцикла.

4. Отравления и поджоги

С 30 января по 18 февраля 1998 г. члены Организации за освобождение Восточного Туркестана устроили в Кашгаре 23 случая серийных отравлений, в результате которых четыре человека были отравлены, один умер, тысячи голов скота подошли или отравились.

23 мая 1998 г. члены Организации за освобождение Восточного Туркестана, прошедшие за границей специальную подготовку

и засланные на территорию Китая, расставили более 40 поджигающих устройств с химическим самовозгоранием в таких многолюдных местах Урумчи, как торговый дом Хуаду, район Дасимэнь, оптовый рынок тканей на улице Хэтань, оптовый рынок у гостиницы Чанчжэн, рынок древесины Хуншань, гостиница “Урумчи”, торговый городок и др., в результате чего произошло 15 случаев поджогов. Террористы угрожали превратить Урумчи в море огня и причинить ущерб в миллионы, десятки и сотни миллионов юаней. Только благодаря тому, что пожары были своевременно обнаружены и потушены, они не повлекли за собой серьезных последствий.

11 октября 1999 г. в Хотане трое террористов установили среди кучи хлопка на закупочной станции по приему хлопка при фирме хлопка и льна три поджигающие устройства с часовым механизмом. Одно из них сработало, вызвав пожар, сгорело около 2 тонн хлопка. Два других устройства были своевременно обнаружены и обезврежены.

5. Создание тайных баз подготовки, сбор и изготовление оружия и боеприпасов

Чтобы готовить кадры и расширять террористические организации, террористические силы Восточного Туркестана основали на территории Синьцзяна, особенно в его захолустных местах, тайные базы подготовки. В 1990 г. отряд ударников партии исламских реформаторов создал в глухом месте волости Башерик уезда Ечэн базу для подготовки террористов. На ней три раза организовывались курсы подготовки, на которых обучались более 60 террористов. В содержание обучения в основном входили теория религиозного экстремизма и терроризма, приемы взрывов, убийств и других терактов, физические тренировки. Большинство курсантов приняло участие во взрывах, убийствах, грабежах и других крупных терактах, произошедших с 1991 по 1993 гг. в различных местах Синьцзяна.

В феврале 1998 г. главарь находящейся за пределами Китая организации “Исламское движение Восточного Туркестана” Хасан Махсум заслал в Китай несколько десятков террористов. Проникнув на территорию Китая, они создали в Синьцзяне и некоторых местах внутренних районов Китая свыше 10 баз подготовки, на которых обучались 15 групп террористов, всего более 150 человек. Помимо подобных сравнительно крупных баз были еще многочисленные мелкие пункты подготовки, каждый по 3-5 человек. Некоторые пункты подготовки служили одновременно притонами для изготовления оружия, боеприпасов и взрывных установок. В ходе борьбы с терактами Синьцзянская милиция обнаружила многочисленные подпольные пункты подготовки

террористов и мастерские по изготовлению оружия и боеприпасов, изъяла большое количество ручных и противотанковых гранат, детонаторов, огнестрельного оружия и боеприпасов.

30 декабря 1999 г. в волости Поскам уезда Цзэпу милиция обнаружила у одного террориста подземную мастерскую по изготовлению взрывных установок. Мастерская длиной в три, шириной в два и высотой в 1,7 метра находилась на глубине в трех метров от поверхности земли. Оттуда были изъяты электрические сверлильные, сварочные и другие инструменты для изготовления взрывных устройств, а также чертежи и готовые гранаты.

25 февраля 2000 г. милиция поймала в трех селах волости Качунг уезда Шачэ 7 террористов и в квартире одного из них обнаружила подземные ход и помещение. Ход имел длину в 7 м. и высоту в 2,5 м., его конец выходил в помещение длиной в 12 м., шириной в 3,8 м. и высотой в 2 м., оснащенное вентилятором и водопроводами. В подземном ходе были найдены 38 противотанковых гранат, 22 электрических детонатора, 18 взрывных устройств, 17 кг взрывчатки и более 20 игнитронов.

В августе 2001 г. во время обыска квартиры террориста в селе Сериксогхет волости Узун уезда Кучэ милиция обнаружила подземный ход на глубине 4 м. от поверхности земли, где оказалось различное оборудование для изготовления оружия и боеприпасов и 61 взрывная установка.

6. Подготовка и организация волнений и мятежей, создание атмосферы террора

Чтобы создать атмосферу террора и расширить свое политическое влияние, террористические силы Восточного Туркестана неоднократно готовили и организовывали волнения и мятежи, порождающие погромы, избиения, грабежи, поджоги, убийства, что создавало серьезную угрозу общественной стабильности и безопасности жизни и имущества народа.

5 апреля 1990 г., подстрекаемые Исламской партией Восточного Туркестана, террористы спровоцировали в волости Барин уезда Акто Синьцзяна злостный террористический инцидент. Они открыто заявляли о священной войне и истреблении еретиков, кричали за создание Республики Восточный Туркестан. Похитили 10 заложников, оказывая давление на правительство, взорвали на главной улице 2 автомашины, убили 6 офицеров и солдат вооруженной милиции, стреляли в окруженных работников правительственного учреждения из автоматов и пистолетов, бросали взрывпакеты и гранаты.

С 5 по 8 февраля 1997 г. Хезболлах Восточного Туркестана и другие террористические организации устроили в городе Инин мятеж с погромами, избиениями и грабежами. Террористы громко

скандировали лозунги “Создать исламское королевство!” и др., нападали на мирных жителей, громили магазины, сжигали и разбивали автомобили. Они убили 7 ни в чем не повинных жителей, ранили свыше 200 человек, разбили более 30 автомашин, сожгли два жилых дома. Молодая пара на пути домой стала жертвой налета: жестокие террористы ножами изрезали женщине лицо, а затем убили, а ее мужа сильно избили. Работник волостного пункта культуры, случайно оказавшийся на улице, погиб от ножевых ударов террористов, затем его труп был брошен в бушевавший пожар.

Помимо актов террора и насилия на территории КНР террористические силы Восточного Туркестана также устраивали инциденты террора и насилия за пределами Китая.

В марте 1997 г. находящиеся за пределами КНР восточно-туркестанские террористы с выстрелами налетели на посольство КНР в Турции, напали на Генеральное консульство КНР в Стамбуле и сожгли государственный флаг КНР, вывешенный над зданием Генерального консульства.

5 марта 1998 г. находящаяся за пределами Китая террористическая организация Восточного Туркестана устроила в турецком городе Стамбуле инцидент террора, в ходе которого в здании Генерального консульства КНР в этом городе были брошены бомбы.

В марте 2000 г. председатель Ассоциации уйгурской молодежи Кыргызской Республики Нигмат Базаков, отказавшийся сотрудничать с террористической Организацией за освобождение Восточного Туркестана, был застрелен членом этой организации около своего дома.

В мае 2000 г. члены находящейся за пределами КНР Организации за освобождение уйгуров с целью добыть денежные средства похитили торговца из Синьцзяна, вымогая у него 100 тыс. долларов США, убили его племянника, а затем подожгли рынок китайских товаров в Бишкеке. 25 мая террористы подготовили и осуществили налет на рабочую группу, командированную народным правительством Синьцзяна в Киргизию для разборки дел о поджогах и похищениях, в результате один человек погиб и двое получили ранения. После этого злодеяния террористы тайно бежали в Казахстан, и в сентябре того же года убили в Алматы двух казахстанских милиционеров при исполнении служебных обязанностей.

Кровавые факты неопровержимо свидетельствуют о том, что темные силы Восточного Туркестана представляют собой террористические организации, которые в целях раскола собственной Родины не брезгают средствами террора и насилия, тем самым губят невинных людей и наносят вред обществу.

III

Многочисленные доказательства свидетельствуют, что большинство актов террора и насилия, случившихся на территории Синьцзяна, было совместно спровоцировано находящейся за пределами КНР Организацией Восточного Туркестана, которая непосредственно их планировала и руководила ими, и находящейся в Китае горсткой людей, которые действовали заодно с ней.

15 случаев поджогов, произведенных в мае 1998 г. в Урумчи с помощью препаратов химического самовозгорания, были собственноручно спланированы и осуществлены именно людьми, посланными в Синьцзян находящейся за пределами КНР Организацией за освобождение Восточного Туркестана.

В феврале 1998 г. находящаяся за рубежом Китая организация Исламское движение Восточного Туркестана направила несколько десятков своих членов, прошедших в Афганистане специальную подготовку по организации взрывов, в Синьцзян и внутренние провинции и города Китая. Там они создали 15 тайных пунктов подготовки и обучили 150 террористов из разных мест технологии подготовки взрывов. По предоставленному из-за рубежа рецепту они закупали в больших количествах химическое сырье и тайно изготавливали взрывчатку и взрывные устройства. В сентябре 1998 г. Синьцзянская милиция нашла на складе северного железнодорожного вокзала Урумчи свыше 20 видов химического сырья для изготовления взрывных установок, всего более 300 ящиков общим весом до 6 тонн.

В том же 1998 г. Ходаксим Касим из уезда Хотан, Мухамматджан Хуксир из города Болэ и другие прибыли из Синьцзяна в Афганистан. Там они вступили в восточно-туркестанскую террористическую организацию “АльДжихад Аль-Ислами”, прошли подготовку по стрельбе, взрывному делу, убийству и другим терактам. В декабре того же года они были тайно посланы обратно в Синьцзян, чтобы создавать там организации, принимать новых членов, добывать денежные средства, собирать оружие и боеприпасы, устраивать акты террора и насилия.

В 1999 г. под руководством террористов, посланных в Синьцзян находящейся за пределами Китая организацией “Исламское движение Восточного Туркестана”, была основана подпольная организация в округе Хотан. В 7 уездах и городах этого округа появились десятки тайных пунктов подготовки и мастерских, выпускавших большие партии оружия и боеприпасов. Из них только милицией были изъяты более 4500 ручных гранат, 98 единиц огнестрельного оружия разных типов, а также инструменты для изготовления огнестрельного оружия и взрывных устройств.

Восточно-туркестанские террористы в сговоре с зарубежными сообщниками контрабандным путем провозили в Китай оружие, чтобы вооружить находящихся внутри страны восточно-туркестанских террористов. 6 апреля 1998 г. сотрудники китайской таможни и КПП Хоргос разоблачили тайный провоз оружия: в контейнере, набитом овечьей шерстью, были обнаружены 6 военных пистолетов, складной автомат, более 19 тысяч патронов, свыше 90 ручных гранат. Как признались преступники, они действовали по указаниям находящихся за пределами КНР Международного комитета по Восточному Туркестану и Организации за освобождение Восточного Туркестана. До этого они уже 17 раз тайком провозили на территорию Китая оружие и боеприпасы.

Террористические силы Восточного Туркестана имели тесные связи с международными террористическими силами.

Террористические организации Восточного Туркестана, действующие в Южной Азии, не только получали всяческую поддержку со стороны бен Ладена, но и составляли важную часть его террористических сил. Организация Исламское движение Восточного Туркестана во главе с Хасаном Махсумом была основана именно при поддержке бен Ладена и находилась под его командой. После основания этой организации бен Ладен не раз проводил тайные встречи с главарями террористических организаций Средней и Западной Азии и обсуждал с ними, как помочь восточно-туркестанским террористам вести в Синьцзяне священную войну и превратить Синьцзян Китая в типовое исламское государство с единой светско-духовной властью.

Террористические силы бен Ладена оказывали восточно-туркестанским террористам большую денежную и материальную помощь. В начале 1999 г. бен Ладен встретился с главарем Исламского движения Восточного Туркестана и, обещав предоставить денежную помощь, потребовал от него согласовывать все свои действия с Исламским освободительным движением Узбекистана и с “Талибаном”. В феврале 2001 г. представители террористических сил бен Ладена и лица из верхушки Талибана, собравшись в Кандагаре, опять обсудили вопросы, связанные с подготовкой восточно-туркестанских террористов, решили выделить огромные суммы денег для их подготовки, а также обещали взять на себя все расходы на их деятельность за весь 2001 год. Террористические силы бен Ладена, Талибан и Исламское освободительное движение Узбекистана также предоставляли восточно-туркестанским террористам большие партии оружия, боеприпасов, транспортной техники и аппаратуры связи.

Террористические силы бен Ладена принимали непосредственное участие в подготовке восточно-туркестанских террористов. Хасан

Махсум, завербовав в Китае и за его пределами уголовников, религиозных экстремистов и национальных сепаратистов, отправлял их в лагерь террористической подготовки, созданные террористическими силами бен Ладена в Афганистане. Восточно-туркестанские террористы проходили курсы подготовки в лагерях, расположенных в таких местах Афганистана, как Кандагар, Карга, Мазари-Шариф, Мухас-Карпарук, Хост. Пройдя такие курсы, наиболее активные из террористов тайно засылались обратно в КНР развивать террористические организации, готовить и осуществлять теракты. Кроме них, одни террористы вступали в ряды вооруженных сил “Талибана” в Афганистане, другие принимали участие в действиях чеченских террористов в России, третьи присоединялись к террористической деятельности в Средней Азии. В августе 1999 г. восточно-туркестанские террористы участвовали в теракте, во время которого преступники вторглись в южную часть Кыргызской Республики и похитили четыре японских ученых и старшего офицера войск Министерства внутренних дел Кыргызстана в качестве заложников; в августе 2000 г. они включились в теракт, участники которого проникли в Узбекистан и горный район на юге Киргизии и напали на местные правительственные войска.

Многочисленные взрывы, тайные убийства и другие теракты, случившиеся в Синьцзяне за последние годы, в большинстве своем связаны с этими организациями. К настоящему времени китайская милиция уже поймала свыше 100 террористов, которые, пройдя курсы в лагерях террористической подготовки в Афганистане и других странах, тайно проникли в Синьцзян. Полиция соответствующих государств также выдала или передала китайской стороне более 10 пойманных там восточно-туркестанских террористов.

После теракта, произошедшего 11 сентября 2001 г. в США, все громче стал звучать призыв к международному сотрудничеству в борьбе с терроризмом, и преступные силы Восточного Туркестана, носящие на себе явный отпечаток терроризма, попали в неловкое положение. С одной стороны, они в душе глубоко огорчены тем, что террористические силы бен Ладена и талибанские лагеря обучения террористов разрушены ракетами США; а с другой – вынуждены по собственной инициативе выразить поддержку военным ударам США, пытаясь подальше отстраниться от террористических сил бен Ладена. Чтобы стереть с себя отпечаток терроризма, скрыть приклеенный самими себе ярлык террористической организации, они потребовали от своих людей воздержаться пока от крайних высказываний, дабы власти стран, где они находятся, не связывали их с террористическими организациями. Террористические

организации в Южной Азии втайне осуществляют стратегическое перебазирование, перемещая своих членов в Афганистане в соседние регионы Южной и Средней Азии или в районы Среднего Востока, чтобы сохранять и накапливать силы. Вместе с тем восточно-туркестанские террористы, применяя наступательную тактику в целях самообороны, вновь выдвигая лозунги о так называемой защите прав человека, свободе вероисповедания и охране интересов национальных меньшинств, сочиняют ложь о том, что, де, китайское правительство, пользуясь случаем, наносит удары по национальным меньшинствам, пытаясь этим замутировать воду, обмануть международную общественность, увильнуть от ударов международной борьбы с терроризмом.

IV

В последние годы, для того, чтобы достичь цели расколоть государство, горстка находящихся в Китае и за его пределами восточно-туркестанских террористов, прибегая к средствам террора и насилия, устроила целый ряд вредительских актов. Их злодеяния, вполне естественно, встретили решительный отпор со стороны всех народов Китая, в том числе широких масс уйгуров Синьцзяна. Чтобы гарантировать безопасность жизни и имущества всех народов страны и их общие интересы, сохранять стабильность в Синьцзяне Китая и окружающих его регионах, защищать единство государства и стабильность общества, обеспечивать успешное осуществление модернизации страны, Китай согласно законам наносит решительные удары по актам насилия и террора, устраиваемым восточно-туркестанскими террористами. Однако объектом наших ударов является лишь крайне небольшое число рьяных террористов и уголовников, планирующих и выполняющих акты насилия и террора. Что же касается тех, кто, будучи обманутым, участвовал в некоторых актах восточно-туркестанских террористов, то мы всегда только убеждаем их исправиться и встать на верный путь. Представителям всех национальностей в Синьцзяне издавна присущи славные традиции – любить сплочение национальностей и беречь единство государства. Ислам – это миролюбивая религия. Нанося удары по террористическим силам Восточного Туркестана, мы бьем не по той или иной национальности, не по той или иной религии, а по противозаконным преступным актам насилия и террора, и преследуем цель еще более надежно защищать общие интересы всех национальностей, обеспечивать нормальное отправление религиозной деятельности. Наша политика завоевала искреннее одобрение и поддержку со стороны всего китайского народа, в том числе жителей всех национальностей Синьцзяна. За эти годы обстановка в Синьцзяне остается стабильной, населению

всех национальностей прочно обеспечены условия для спокойной жизни и мирного труда.

После событий 11 сентября теракты снискали себе скандальную славу в международном масштабе, и в Синьцзяне восточно-туркестанские террористы пока не смеют показываться. Ныне здесь сохраняется спокойная обстановка, жизнь и работа населения идут своим чередом. Мы вовсе не пользуемся каким-то случаем для какого-то подавления, да и нет в этом никакой необходимости. Нагло вымышляя всякую ложь и клевету, террористические организации Восточного Туркестана преследуют свою особую цель.

В Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР осуществляется национальная районная автономия, претворяется в жизнь политика равноправия национальностей и свободы вероисповедания, в полной мере уважаются и защищаются все права национальных меньшинств, гражданам гарантируется свобода совести. При всемерной поддержке всего китайского народа и благодаря совместным усилиям жителей всех национальностей Синьцзяна здесь заметно развивается строительство во всех областях. Представители разных национальностей, приверженцы разных религий, верующие и неверующие уважают друг друга, относятся друг к другу как равный к равному, живут в дружбе и согласии, добиваясь всеобщего развития, благодаря чему в Синьцзяне наблюдается картина бурного процветания. Хотя в Китае и за его пределами все еще имеется горстка террористов Восточного Туркестана, но это не может в корне повлиять на прекрасную обстановку в Синьцзяне, характеризующуюся общественной стабильностью, сплоченностью национальностей, социальным прогрессом во всех областях и непрерывным улучшением жизни народа.

Правительство КНР выступает против терроризма в любых его проявлениях, против “двойных стандартов” в борьбе с терроризмом. Всякое попустительство террористическим силам Восточного Туркестана причинит вред не только Китаю и китайскому народу. Сегодня, когда вся мировая общественность все более ясно и глубоко осознает вред терроризма, мы выражаем надежду, что все миролюбивые народы мира, независимо от их национальной принадлежности и религиозных верований, независимо от политических и общественных строев, во всех регионах и государствах, в полной мере распознают сущность террористических сил Восточного Туркестана и причиненный ими серьезный вред, сорвут с них все маски, совместно нанесут удары по их актам террора и насилия, не оставляя им никаких лазеек.

Источник: “Жэньминь жибао”, 21.01.2002.

Summary

Since the early 90-th a problem of ethnic separatism acquired a new impetus on a global scale. This was initiated by the radical breakup of the world order based on the opposition of two social and political blocks. The breakup of the USSR, Yugoslavia and Czechoslovakia, the reunification of Germany made many nations to hope that they can acquire their lost or desirable independence.

One should take into consideration that the ethnic or religious coloration of all separatist movements and their appeal for the historical past just often cover up the genuine content of these movements. Mostly, they are based not as much as on the ethnic and even the ethnic-political and religious motives but on the economic factors. The struggle for a property redistribution, for a right to own and dispose a territory and natural resources, as well as to possess a political power — is a real reason of the most “ethnic conflicts” in present time.

The problem of the ethnic conflicts has a crucial importance due to the terrorist actions, which often used to achieve the concrete political aims. Moreover, it should be noted that the late 20-th century showed that not only the terrorism became a global issue, but the ethnic terrorism practically remains unpunished.

In this context a problem of the ethnic separatism generally in China and particularly in its Northern-Western part, has been one of the key issues with regard to the security problems in Central Asian region. This concerns not as much as a delicate and complex nature of this issue itself, but first of all, a change of tactics of so called “the separatist organizations” in XUAR of China.

* * *

To analyze the “Uighur separatism” issue, it is impossible to ignore the questions of ethnic genesis of Uighurs and the Uighur statehood. Namely these issues became the main grounds for the Uighur intellectuals both in Xinjiang, and abroad to prove a justice and a necessity of Uighurs’ struggle for their “national liberation”.

In this case, as well as in a case with representatives of other ethnic groups, a researcher faces three delicate questions. The first one relates to the question — when pre-Uighur tribes appeared in modern Xinjiang territory, or in another words — whether the Uighur ethnic group is the indigenous population of this region or their representatives came there from outside (when and where from?). The second question concerns a detailed and precise ethnic and social character of Uighur ethnic group, and

the peculiarities of its ethnic formation at its each stage. The third problem focuses on basis for the state formations on this territory, and the peculiarities of the interrelations between different ethnic groups, and a role of the state (as an instrument of power) in a regulation of interethnic relations.

The opinions in the existing historical literature vary a lot, due to objective and subjective reasons. Therefore, we will try to give our own interpretation of this rather complex and delicate problem, comparing all known opinions.

The first point what the historians focus their attention on, concerns the peculiarities of the ethnic formation of the nomadic tribes of Central Asia. During the thousand-year history of the nomadic culture the tribes made the unions in different combinations, or on the contrary, divided into relict ethnic groups, or completely disappeared and their members had joined another tribes. In first case, the subordinated tribe acquired the functions of tax class. In second case, a kind of social stagnation defined as an ethnic-landscape balance in terms of geography, occurred. In third case, a tribe itself incorporated the members of a foreign tribes then socially transformed into the tribal union or horde, that is a specific form of military democracy in a nomadic society.

In other words, an ethnic history itself of some territories predetermined the co-existence of various ethnic groups differentiated by level of their social and economic, and culture, and sometimes, of different historical descent. But all of them were united in the frameworks of a pre-state structure, and its rulers while defending their own interests, in fact defended the interests of a rising ethnic group, and guaranteed a security of foreign ethnic groups and individuals. Their destiny was also determined by the level of development and a prevailed ideology. This explains why especially in the Muslim world, a notion of “ethnics” (ethnicity) itself was rather conventional. Central Asia itself was represented a huge ethnic “melting pot” where not only some tribes and pre-state formations, but even the entire nations and empires emerged and disappeared.

The next peculiarity of this region is that it almost always remained the multi-ethnic one, and the political borders of its ancient and medieval states did not coincided with the ethnic boundaries. This thesis is relevant even for the pre-state formations of Central Asia, and moreover for the early states. The history of a statehood in the Central Asian region which mainly consists of a description of the constant collisions between the different ethnic groups and their absorption of each other at various stages convincingly confirms the above mentioned idea.

The third peculiarity of this region was the intensive interaction of two cultures: the nomadic and the settled. The nomadic societies were underdeveloped, at the stage of a pre-state, and needed the constant mutual exchange of food with sedentary population. At the same time, when the nomads started to settle, they usually transformed into the farmers, and

their original zones of existence had been taken by foreign tribes, who potentially formed new waves of the nomads, which were sooner or later were ready to conquer the sedentary zones.

The fourth peculiarity relates to the significant role of the state in the East that very much influenced a process of ethnic genesis. As many specialists stress, a genesis of social, juridical and property inequality was not connected with a class formation, but rather with the political genesis that was the state formation. Namely, a pre-state and the early state possessing all their attributes (power-property institution, rent-tax and centralized re-distribution, and etc.) not just served more increased and complicated needs of civilized society but also promoted a formation of new social strata. It consisted of the categories and groups, which had to execute the social functions to maintain a social organism.

Finally, the last peculiarity of an ethnic genesis in this region is related to the state ideology consolidating the different ethnic ideas or religions. Those ethnic pre-states, which did not loose such ideologies, later successfully assimilated new incoming ethnic streams. A very classical example is China, where Confushism was the state religion. On the contrary, those empires, which did not have the state ideology, later had ruined, and the ethnic groups related to their formation had disappeared. A typical example is a Hunnu Empire, dominated in Central Asia during six centuries, but eventually had completely disappeared.

Now, we will address the issues mentioned in the beginning of this chapter. The first one is concerns a question whether Uighurs are the autochthonous population in the territory of modern Xinjiang. It is not so easily to give the only one answer. This is not only due to the above mentioned general peculiarities of ethnic genesis in the Central Asian region. It often happens in a history that due to several reasons a group's self-identification outlives a group itself. Under these conditions to make the close parallels as some authors do, between the modern representatives of the Uighur ethnic group and those who bore this ethnic name in rather remote historical periods, is not quite correct.

In my opinion, there is no solid grounds to assert that Uighurs (or pre-Uighur tribes) are the autochthonous population of the Western region of China. However, taking into consideration a peculiarity of ethnic genesis in Central Asia in general, we can assert that there were the ethnic groups in the ancient and medieval times in this region and a part of them could serve as one of the components of the Uighur ethnic genesis. The Uighurs themselves as the medieval Hunnu, Chinese or other ethnic groups represented a complex ethnic group which incorporated a multitude of various ethnic components. As for the autochthonous inhabitants of the Western region of China, a majority of the researchers consider them the representatives of the Indo-Iranian group and the written sources as well as the linguistic and anthropologic materials prove this fact.

The second thesis appears more solid and has been one of the grounds of movement for Xinjiang independence at present time. This thesis implies that there was the supremacy of Uighurs and several Uighur states at least from medieval times, on the territory of the western region of modern China. We don't challenge this thesis. Indeed, the medieval Uighurs possessed their own statehood. One should mention the *Uighur Kaganat* at Orhon (745-840). There were also the Uighur states on the territory of the Western region of China – *Uighur indukut* (866-1369) in Turfan oasis; *Ganzhou kingdom* (847-1036) in Gansu. Some authors consider *Karakhanid state* as the Uighur state, but this view is not shared by all historians. Thus, it is evident that the medieval Uighurs had the traditions of their own statehood. However, the point is that, firstly, all these states were conquered by *Turk Kaganat*, then by *Chingiz-khan Empire*, and finally, by *Qin Empire*. Secondly, an attempt to identify Uighurs of Orhon or medieval Turfan with modern Uighur ethnic group seems to be very disputable. Those groups are quite different.

There are also no reasons to assert that the firm Uighur statehood existed in later period. Historically, it existed. There were *Yettishar state* in 1865-1874, *Muslim East-Turkestan Republic* in 1933-1934, *East-Turkestan Republic* in 1944-1946. However, all these state formations are hardly to identify as quite sovereign. One way or another, they were under the protectorate either of the Great Britain (*Yettishar state*), or of the Soviet Union (*East-Turkestan Republic*).

Along with the Mongol Empire weakening, China again appears at the historical arena. During a ruling dynasty Qin, the final stage in a conquering the Western land comes. Following the policy “*divida et impera*” (divide and rule), China destroys the *Dzhungar khanat* – the state of *Oirats* (the Western Mongols) and the East-Turkestan kingdoms. Thus, China brought near its borders close to the territories of Kazakhstan and Central Asia. Unlike the previous dynasties, which tried to keep the slight and fragmentary control over the Western land in order to provide a safety of the Chinese empire's borders and find the ways further to Europe through so called “*shugo*” – the buffer and “subordinated” states, and the Great Silk Road, the Qin dynasty decided to conquer it completely and make it as a part of its empire. The successful military campaigns of the Qin in the western direction allowed to conquer the *Dzhungar* (1755-1757) and *Kashgar* (1757-1759) territories. Nothing could bother to complete a conquest of the Western land. The military and political arguments were above all. After the short period (1864-1877) when Qin lost their influence there, they revived their power in 1878. After several years (in 1881) the territory of the Western land, under new name “Xinjiang” (the New Territories), eventually becomes a part of China and one of its provinces.

The tactics of the Qin administration in regard to developing its new territory, in essence, was not a new one; it was based on the historical experience and relevant understanding of the peculiarities of social and

economic, political and ethnic processes in the region. As it was during the dynasty period, the new Chinese rulers mainly counted on their military forces, administrative and bureaucratic machinery, as well as the towns. They took into account the regional specifics, the inner-ethnic and inter-ethnic contradictions among the ethnic groups of this region, the religious factor, as well as the local tribal and clan elite.

However, the violent introduction of the elements of Chinese culture, alien to the ethnic self-consciousness of the indigenous population of this region, did not lead to its cultural assimilation. Their ethnic self-consciousness constantly resisted it, and as long as the political situation became unstable, this generated a problem of separatism.

During the Qin dynasty, the imperial statehood did not much tried to maintain its presence on its new lands. The main aim was to keep them as the state territories and provide their nominal subordination to the central leadership through its provincial governors and by means of the military punitive expeditions. Skillfully using a principle “*i i zhi i*” – “a control over the barbarians by means of the barbarians”, and taking into consideration the objective contradictions between the Turkic-speaking groups of the region, the Qin administration successfully fulfilled its task.

Along with the end of the Qin dynasty in 1911 and a change of the political situation over the world and in Central Asia, the leadership of the Republic of China needed to form such a theoretical concept which would provide its territorial and political integrity, taking into account the ethnic diversity of its population. This ideology was eventually formed and was called a theory of “an unified Chinese nation” consisted of diverse ethnic components, linked with “an unity of economic and cultural life”.

This theory officially declared that “the Chinese nation” consists of five ethnic groups: Han’s, Mongols, Manchurians, Tibetans, and Dungans. The Turkic-speaking groups were not included in this term of “nation”, although it meant that they were linked with Han’s by “long history of common live and cultural interchange”.

It should be noted that all uprisings in national provinces of China of that time had distinct anti-Han or anti-Dungan direction, and differentiated only in terms of their foreign political orientations, basis and aims, as well as of the social and ethnic composition of their participants. The religious or ethnic, anti-Han or anti-Dungan ideas had been serving as a basis for the consolidation of various social and ethnic forces (at least at the early stages) in these uprisings.

After the Communist Party of China (CPC) coming to power, a policy toward the ethnicity was sharply changed although its theoretical basis remained the same – to make the public opinion (outside China as well) believe that China and “the Chinese nation” historically formed as “unified multi-national state”, and “super-ethnic entity”.

On this reason, firstly, it was recognized that all ethnic groups residing in China possess a status of “nation”. Simultaneously, it was declared that all

ethnic groups, “linked with a history of the country” are included into the “Chinese nation”. Secondly, this new ethnic policy rejected the principles of the national self-determination and confederation, as well as a division of the state on a basis of the ethnic-regional autonomy.

The main aims of CPC in regard to its national provinces’ policy are unchanged:

- to keep these regions as an integral part of China and by peaceful means as far as it is possible to conduct the social, economic and political transformations which would provide a destruction of traditional economic and social relations, and further a redistribution of the political elite in order to subordinate them to the unified leadership of CPC;

- to create the economic, political and ideological basis for the irreversible integration of the national districts into the unified China, and an implementation of the CPC’s political directives; the total subordination to the centralized leadership.

In order to achieve these aims, the following steps had been taken: the autonomous national formations were created, which according the Constitution became “the integral part of China”; the state administrative system gradually took under its control the economic and social life; a migration within the state was regulated by the government in order to populate the national districts with more Han’s (ethnic Chinese); the military units were used for formation of “the supporting bases of the ruling regime” in the national districts; the forced acculturation and further assimilation of the local ethnic groups, as well as “a reproduction planning” took place, and etc.

Evidently, that such a policy was negatively perceived by non-Han’ ethnic groups who lived in the national provinces of China and attempted to keep their ethnic identity. This was one of the main reasons why the interethnic conflicts (first of all, between Han and non-Han ethnic groups) and the ethnic separatism intensified.

* * *

With the exception of “Taiwan” and “Tibetan” issues, so-called separatist movements in present China, in our opinion, may be classified depending by several factors. Firstly, according of *the participants’ ethnic affiliation* they are divided into: the Uighurs, the Kazakhs, and the Dungans. Secondly, in terms of *the aims* the movements call for, they are following: the separatist, the autonomous and the irredentist ones. Thirdly, according the territory scale: the sub-regional and regional. Finally, they are differentiated in terms of their *social basis*: whether the representatives of a clergy, or a regional ruling elite, or the international human rights organizations are involved.

There are several kinds of “the ethnic separatism” in present-day Xinjiang, taking into account this typology. Each of them has its own peculiarity

and has different impact on a situation within the XUAR of China, as well as security issues in Central Asia in general.

The first group consists of the sub-regional separatist movements and caused by the inter-ethnic contradictions (“ethnic competition”) among legally equal, but in fact, dependent on the central power, the subordinated autonomous national formations. These contradictions most of all appear both at the level: Uighurs – non-Uighurs (Kazakhs, Mongols, and Dungans), and at the bio-ethnic level: the ethnic groups which are not as numerous as the Uighurs but possessing their “own national territories” tend to be isolated from the Uighurs and be directly subordinated to the central Government in the frameworks of the autonomous national districts.

This group of the separatist movements does not directly threaten the territorial integrity of China, on the contrary, it has been a constant factor limited the Uighurs influence in the region as well as an instrument of the central government in its struggle against “the Uighur separatism”. It is very important that the substantial ethnic and social changes in these national-autonomous territories occurred: in the majority of them the Han’s became dominant ethnic and especially the proactive social force. Therefore, it is practically impossible to create the independent ethnic states within these territories; there is also no reason (in opinion of the central authorities) to give them the extended autonomous rights.

The government resolves the separatist problem in the XUAR districts by several means: a promotion of Han’s migration there, a maintaining the military units and a limitation of the external influence, the rotation of the personnel in order to put Uighurs or Han’s into the administrative positions instead of the local ethnic leaders.

The second group – is the regional separatist movements which are divided into several types depending on their aims, activity, and the specifics of their impact on the social and political situation in the region:

(1) The separatist movements on the religious basis are aiming to create “Islamic East-Turkestan Republic” in Xinjiang territory. They are mostly spread in the Southern Xinjiang districts where the religious influence is stronger and a social support is broader (including the local authorities). The weakness of these movements is that their slogans are not supported by the majority of the multi-ethnic and multi-religious region’s population and even by its Muslim part. Secondly, the separatist activity carried out by the religious organizations automatically put them out of law that was again confirmed by the regional leadership adopted a special legislation in 1989-1990, which regulates the activity of the religious organizations and a clergy. Thirdly, this type of activity depends significantly on the significant foreign financial support, because the religious organizations themselves can survive only if the state subsidies them.

(2) The separatist movements ethnically affiliated (mostly, the Uighur ones) were widespread mostly in 80-th and early 90-th but later

substantially have been transformed. Their main aim is a formation of the independent ethnic state "Uighuristan" on the territory of XUAR of China. They are able to have an impact on the ethnic self-consciousness in order to mobilize both local Uighurs and Uighurs abroad for the decisive actions. At the same time, these movements are vulnerable: there is no support from other (including the turkic-speaking) ethnic groups; they are clearly ethnocentric and inflame anti-Han' moods; they underestimate the ethnic-social situation in the region and its economic potential; they are oriented mostly on foreign support and subsidies; in the 90-th they converted from mostly the propagandist activity to terrorist actions and sabotage in order to attract an attention of the world public toward "the problem of self-determination of Uighurs".

(3) The separatist movements called for a restoration of "East-Turkestan Republic", have been widespread as a branch of the above mentioned ethnically affiliated movements in the last one-two years. Their advantage is that they replaced a slogan on formation of "Uighuristan" by the idea of restoration of "East-Turkestan Republic" (ETR) existed in 1944-46 as a model of sovereignty for the indigenous (non-Han') ethnic groups of Xinjiang.

However, the anti-Han' orientation and a lack of support in the districts of Southern and Eastern Xinjiang where ETR and its emissaries never were popular and considered as "the Kremlin agents" were punished. It is essential, that an activity of these separatist movements significantly depends on the foreign support and mostly is held under the auspice (or influence) of Uighur emigration organization.

The hidden form of separatism expressed by local political elite's attempts to provide its maximal independence from the central government in terms of the autonomous region's property over the main production recourses (including the natural ones) in the frameworks of the existing regional economical system and the regional-national autonomy. Or, they call for independence (keeping their privileged status) along with the radical changes of the political situation in China, in general.

This form of a separatism in our opinion, is more real than any other ones, because on one side, it is relevant to the existing law and objective social and economic, and political changes taking place in China. On the other side, the forces responsible for this kind of a separatism have been already on the top of the regional power and this makes easier for them to replace their "coloration" in case of the political cataclysms. They can become the more nationalistic than the leaders of the underground separatist organizations or the more democratic than a new central leadership. It is significant too, that this form of a separatism (at least, formally), does not carry the anti-Han' orientation. Instead of it represents the well-founded regional interests and consequently does not lead to the spontaneous destruction of the existing ethnic and social structure of the region's labor recourses and its economic collapse.

Directly problems of social and economic, demographic, religious and political development of Xinjiang are connected to a question of ethnic separatism also.

Creation of reference bases of political regime: local government and controls bodies, enterprises of central subordination, military units and irregular troops (Xinjiang Production-Building Corps) - a whole resolved problem. And analysis of an ethnic structure of a personnel body of XUAR PRC displays, that the process "of an ethnic incorporation" in the given locale of PRC is not observed. The problem is how effectively the given personnel corps can provide regional, including national interest.

According to the structural analysis of XUAR staff body, non-Han ethnic groups despite on significant number of representatives in the structure (from 50% up to 70%), don't control key posts and occupy positions in sphere of culture, art and education, and also in administration of autonomous region of low level concentrated mainly in orbs of trade. The key posts in economic, engineering and science are controlled by Han, which are predominated among the staff of industrial firms.

The second vital issue is connected with natural resources of Xinjiang. According to "China district-national autonomies Law" local self-government institutions are their legal proprietors. Some remarks concerning the problem. On the one hand, just indignation of local population is caused by exportation of these resources (first of all, hydrocarbon of raw material) from autonomous region. However, on the other hand, the analysis of social and economic development problems of region displays, that in initial years of the existence, as well as nowadays XUAR, despite of the huge resources continues "to live in a debt". Therefore, nowadays when it's spoken about so-called "plunder of natural resources of Xinjiang" by China, in most cases it testifies the desire of local bureaucracy to ensure themselves conditions of unchecked possession with them, having reserved the grants of the Center. Thus, the ethnic aspect of a problem in this issue plays a role of peculiar "detonator".

The third problem is connected with necessity to put into production these resources and, therefore with availability of large number of the qualified labor forces and significant financial assets, which Xinjiang till now hasn't at his disposal. A large part of the qualified technological staff and qualified industrial workers are the ethnic-Chinese. Capabilities for preparation of the national technological experts and craftsmen, though undertaken rather intensively, are rather insignificant. In conditions of necessity of putting into production natural resources of Xinjiang, especially in remote oil-bearing regions of Tarim cavity, there is a necessity to send the experts from Central and Eastern China in region, predominantly the ethnic-Chinese, which confirm "separatist mood". However, it must be

taken into consideration that it is, first of all, the objective necessity connected with needs of local economic development.

At last, the demographic problem is no less severe because solution of this problem is of great importance not only for China and Xinjiang as its compound territory, but also for whole world. There are some problems in this issue. The first is a constant inciting by “separatist” the problem of increasing number of Han in XUAR and application of violent limitation of birth rate for the non-Han population of region. The official data of the population increment has opposite meaning its dominant increase (excepting the period 1950s – 1970s) happens for the score of non-Han ethnic groups.

However, first, encouragement of Han migration to Xinjiang and achievement of numerical parity between Han and Uighur living in region is the problem that had been substantially resolved to the end 1970s.

Second, the official data of the population increasing demonstrate the prevailing increase of the population of region (excepting the period 50-70-x years) occurs for the account not-Han ethnic groups.

Thirdly, already during half century China lives in conditions of demographic discomfort. All the more, while the policy of one child family conducted rigidly enough in 1980s which has reduced quantity of children of a woman in reproduction age up to 2,3. In the case of such situation have been preserved till nowadays, the population of China would increase by 2050 – up to 1.913 mln., by 2080 – up to 2.132 mln.

The demographic situation in national regions of China is complicated also by introduction of measures on limitation of birth rate among national minorities that aggravates situation in locales and it is an indirect occasion for strengthening separatist moods and complicating interethnic relations. This tendency clearly enough appears in XUAR of PRC, where the introduction of measures on limitation of birth rate among national minorities has not only expected result, but has initiated severe reaction from some non-Han ethnic groups and made the political situation in the region very complicated.

In case of demographic policy flop China will be driven in a corner. Chinese political mentality inevitably will be under the influence of memories about “lost grounds”, which include the vast territories of Russia, Kazakhstan, Central Asian states, let alone MPR. It is quite possible, that, like in years of “Cultural Revolution”, Chinese will consider that due to multiplicity, they as a nation will manage to endure even large-scale nuclear war. Moreover, Chinese demography pressure on the northern boundary of China in contradiction to its southern boundary is not counterbalanced by comparable pressure from a backside.

Ethnic-demography crisis in Xinjiang and recently observable tendencies to concentrate migrants arriving from internal regions of China in border territories of Kazakhstan Republic regions (places of traditional

residence of the Kazakh ethnic group), and also Kazakhstani policymakers declarations of supporting foreign Kazakh Diaspora and granting them the concessionaire terms at resettlement on a residence in the Kazakhstan, integrated with recess of conflict between living on territory XUAR of PRC the Uighur and Kazakh ethnic groups, can put on the agenda the problem of the Kazakh Diaspora, living on the territory of PRC and to demand from management of Republic of Kazakhstan to work out special program for solution above mentioned problem.

Strengthening separatist tendencies on the ethnic basis and complicating of interethnic relations between the Kazakh and the Uighur, living on both side of border, which is most important for Kazakhstan, would be the immediate consequence for such kind of events. It is difficult enough to forecast the consequences of the conflict, as it is impossible to answer in simple way about the forms it will accept and what socio-political forces will be involved in it.

* * *

There is no much information about the organizations fighting for Xinjiang independence basing on its territory. All of them are secret ones and very carefully hide both their location and the names of their leaders. It is more possible to speak about the tactics of their activity.

A rise of the Uighur separatists' activity in XUAR of China happened in 1990, when "the Barin" events opened a new stage of "the radical Uighur separatism". At the same time, a certain change of the tactics of their activity occurred. These illegal organizations more often declare that their final aim is a restoration of the East-Turkestan Republic (of 40-th) which can be served as a model of sovereignty for all indigenous people of Xinhjiang, and exclude the statement on formation of the Uighur ethnic state from their propagandist materials.

Despite all tough measures of the Chinese government to suppress the Uighur separatism in XUAR of China, the anti-Chinese radical groups including Islamic ones, whose activity becomes more organized and extremist, are still operating.

There are several deeply secret Uighur separatist organizations having the branches in various towns of the autonomous region in the southern Xinjiang. They accept the new members after the detailed control and investigation. After taking the oath, the new members learn the conspiracy methods, a handling and a manufacture of a weapon, the blasting operations, hand-to hand combat. A special attention is given to the ideological training of the recruits who are educated along the lines of the radical Islam. After the training the terrorists take part in the terrorist actions, obtain a weapon and the finances, spread the anti-Chinese and separatist leaflets, and etc.

A revival of the legal activity of the separatist groupings in a society occurs. According to the observers, as a result, , an activity of "mashraps"

- the informal gatherings of the local Uighur leaders increased. Under their auspice the various cultural and information, sportive and other Uighur social organizations have been formed, which started to gather the socially proactive representatives of the Uighur youth and professionals.

The local experts believe that this kind of the separatists' activity gives them a chance significantly extend their impact on the educated Uighurs and attract a young members from other Xinjiang ethnic minorities, and eventually to widen their subversive anti-Chinese activity in the autonomous region.

The radical change of the separatist organizations' tactics has occurred in 1992 and was marked by the explosion in a public bus in Urumchi City. A sharp rise of the Uighur separatists' activity culminated by the well known events in Kuldzha, on 4-7 February 1997 was followed by the signing the international document "Shanghai agreement" which, by the opinion of the Uighur separatists, "gave a green light to the wide-scale ethnic cleansings in East Turkestan". Up to the present day, more than 700 armed actions, explosions and diversions directed against the Chinese presence in XUAR are registered; since April 1996, more than 65 thousands people took part in the anti-Chinese revolts, and there was 17 armed clashes.

Peking's position is more complicated by the fact that in the neighboring states of SIC there is rather strong Uighur community helping the separatist in Xinjiang. At present time, Uighur compactly populated the territory of four post-Soviet states – Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan and Turkmenistan.

According to the official statistics, in Central Asia states are more than 300 thousands of Uighurs, about 210 thousands of them live in Kazakhstan, 46 thousands in Kyrgyzstan and more then 30 thousands in Uzbekistan.

By population size, the Kazakhstani Uighurs occupy the fourth place in Kazakhstan and the second place in the world (Uighurs of China occupy the first place).

The Kazakhstan Uighurs on number take the fourth place in Kazakhstan and the second place in the world after Chinese People's Republic. For Kazakhstan the problem of Uighur separatism is most actual.

Due to the official policy maintaining the interethnic relations announced in modern Kazakhstan, local Uighurs are able to keep the former achievements (Uighur publications, science, theatre, newspapers and TV, and etc.). Along with this, the authorities in no way link a policy of ethnic distinctiveness with foreign political aspirations. They rather consider it as a way to support the internal political stability. Moreover, the Uighur extremist organizations are considered as the separatist ones with regard to Kazakhstan itself.

The last time, among Uighurs of Kazakhstan, some revival of anti-Chinese activity supporting the uprisings in Xinjiang in order to create the

independent Uighur State “East Turkestan” is observed. The Kazakhstani Uighurs, a majority (one third) of them came from China in 60-th, are influenced by the consolidated anti-Chinese forces in Turkey, Saudi Arabia, Germany and the USA which are interested in a breakup of China similar to the USSR breakup.

Uzbekistan pursues a policy to assimilate the non-titular ethnic groups linked with Uzbeks by common descent, language, culture, and “to press out” other groups of population. Uighurs, who culturally closed to Uzbeks, are considerably assimilated by them. Relatively small number of Uighurs, a lack of the conditions to develop the Uighur language have led to the sharp increase of the assimilation processes among the majority of Uighur population, especially under current circumstances. During Soviet time, a significant number of Uighurs indicated the Uzbek ethnic affiliation in their passports, therefore their number is officially less than it is in reality.

In Kyrgyzstan Uighurs live by large compact communities even in the towns. There is no conditions to develop the Uighur language in Kyrgyzstan. The Russian language, some elements of which became a part of the Uighur ordinary language is widely used in communication with other groups. The local broadcasting on Uighur language (30 minutes by radio) could not attract the Uighur youth, which are not fluent in the literary language. On the same reason, the inter-state (over the Central Asia region) Uighur newspaper “Uighur Avazi” is not popular among the youth. As for the pro-Islamic groups, including the Uighur ones, they are not welcomed by the Kyrgystan authorities. Besides, a common border with China and the hopes for local economics revival, which also mean the cooperation with China, hinder the activity of pro-Uighur organizations.

Nevertheless, the center of the Uighur organizations and their activity moved to this republic over the last years. This is significantly linked with the tough pressure they experienced in Kazakhstan and Uzbekistan. The leaders of three Central Asian states – Kazakhstan, Kyrgyzstan and Uzbekistan have agreed to struggle with “the Vahhabit” trend in Islam which, in opinion of these leaders, is the most extremist Islamic branch. Moreover, there are the facts of the illegal smuggling of weapons, extremist literature, and a penetration of the representatives of the radical religious centers into the territory of the Central Asian states.

The leaders of the Central Asian republics recognize the threat, which is posed by the further radicalization of the Uighur organizations as well as the Uighur community activities in general. The radical Uighur organizations even don't hide that they have the interests over whole Semirech'e region which encompasses the parts of each Central Asian state. Therefore, their leaders are very concerned about the name of the state “Uighuristan” and its supposed territory. In this aspect, the interests of the Central Asian leaders and Peking coincide.

It should be noted, that the positions of Russia and Central Asian states towards “the Uighur issue” are also close to each other. Russia is interested in its domination in Central Asia, but considers the strengthening the relationship between the Central Asian states and China in a certain challenge to its vital interests in the region. Russia and China have the common approach towards the problems in Central Asia and don't want an islamization of this region including a spread of the Afghan conflict as well. China understands that this way will eventually undermine stability in XUAR through the internationalization of this conflict.

* * *

Can Beijing retain the control over national territories of China? It is a large problem affecting basis of geopolitical stability not only in Central Asia region, but also all over the world. Those who consider, that China in one fine day would be crashed, as the Soviet Union, it is possible to remind, that China in ethnic sense is more homogeneous, than the former Soviet empire. More than 90% of China population is the ethnic-Chinese. But though they are the majority of population, the peoples, who get irritated with ethnic-Chinese rule, are settling the large chunks of the Chinese territory. So the percolating information concerning disturbances in Xinjiang urge to seek an answer to an eternal question: is Chinese power over severe and spare-populated distant West strong enough?

The plenty troops in Tibet produce an impression of occupied territory. The strong garrison is quartered in Xinjiang for three reasons: to serve as the instrument for internal control, force to protect border and guard oil reserves which on some calculations account for two fifth potential oil reserves of China.

Equally with army the powerful forces of national security are quartered in Internal Mongolia, Tibet and Xinjiang, so China is not lacking in rough force. May be authorities are compelled to endure gloomy discontent, separate acts of violence and secret sabotage, but they probably could suppress easily the national revolt. Probably, the crisis in Beijing was necessary to provoke crisis in Xinjiang. The history confirms the Uighur had archived independence for the last time during clutter and civil war in China in 1944-1949.

Despite stirring the masses to greater activity, extension of a social base and foreign support, in our point of view, there is no perspective to the Uighur separatism in Xinjiang.

Firstly, Central leadership of China, taking into account strategic significance of region and its attractiveness in resource sphere and communication sphere would take all measures to suppress separatist activity and preserve Xinjiang in structure of PRC.

Secondly, the activity of underground and the sparse Uighur separatist organizations in XUAR, is still possible only with the help of powerful financial and material support from foreign organizations and those who

is interested with destabilizing situation in states located in region of the Kazakhstan-Chinese border.

Thirdly, transition Uighur separatist to tactics of terror outlaw them in the eyes of a world public opinion condemning terrorism as the form of solution political problems.

On the best case Xinjiang would preserve its status quo as Uighur autonomy, at worst China – Central leadership would undertake measures to chuck up the Uighurs outside.

Nevertheless, taking into account ethnic factor increasing in the modern world, development of internal political situation in PRC and the states of Central Asia can be forecasted:

- Preservation of the tight socio-political situation in XUAR of PRC, strengthening separatist moods, springing up new centers of mass unrest among the Uighur population;
- Further hardening Beijing policy to anti-Han's display in Xinjiang, as well in those countries, which, on his view direct or indirect stimulates separatist tendency in this region;
- Stirring up activities of Chinese special services on Central Asia states territories.

Moreover, Uighur separatists in XUAR of PRC activation, not concealing contacts with the basing on Kazakhstan's territory and other Central Asian states radical Uighur organizations, bear in itself potential threat to destabilize situation in region, and puts the states of region, and first of all Kazakhstan in rather delicate position.

Firstly, the condemn by the political leadership of Kazakhstan of Uighur separatist's activity can provoke the Uighur-Kazakh interethnic conflict as on republic territory, as well in XUAR of PRC. Consequences of such conflict are difficult enough to forecast, but it's possible to predict the Kazakh exodus from XUAR of PRC territory with all repercussions. In this case, it is possible that the Uighur separatists would capable to organize acts of terrorism directly on Kazakhstan territory.

Secondly, a Uighur activities condemnation could be estimated by the Moslem world as treachery to interests of Turks unity, what would complicated Kazakhstan relationships with a number of Near and Middle East states. Though, an example of the majority of the states condemning terrorist activity including the Moslem ones shows that the given practice is used in world community.

Thirdly, the declared position of Kazakhstan unties Chinese leadership hands to provoke the Kazakh-Uighur ethnic conflict in Xinjiang and create conditions for "push out" the Kazakhs, as well as the Uighurs.

At last, distancing from the events, which taking place in China, would damage Kazakhstan-China relations, and taking into account the circumstance that main Uighur pro-separatist organizations are based on Kazakhstan territory, and in result diplomatic relations between two countries could be broken.

In context of considered problems, the essential concern is represented also with prospect for the development of PRC as multinational Unitarian State. Though, we are not inclined to consider this perspective in pessimistic way, however, the strengthening of the centrifugal tendencies takes place in modern China. The increasing part of locales declares necessity to grant them greater economic and political independence, demanding from the Center "to divide the rights and resources". In the case of active support of this form of separatism by external forces and strengthening process of political liberalization in PRC, the situation in China could be significantly changed, and it is the most probable that China could disintegrate with all repercussions, as the USSR did.

Сыроежкин К. Л.

**С 95 Мифы и реальность этнического сепаратизма
в Китае и безопасность Центральной Азии. —**

Алматы: ТОО «Издательский дом «К», 2003. — 736 с.

ISBN 9965-441-93-6

“Уйгурский вопрос” — одна из наиболее обсуждаемых в настоящее время тем в политологии и международных отношениях. И это далеко не случайно. Вокруг этой проблемы образовалось слишком много мифов, слишком многие пытаются разыграть “уйгурскую карту”.

Развенчанию этих мифов и посвящена данная книга. Автор на большом фактическом материале рассматривает проблему этнического сепаратизма в Китае, прежде всего в одном из его ключевых регионов — СУАР КНР.

Издание рассчитано на политологов, специалистов по международным отношениям и безопасности.

С 95

ББК 66-4

Научное издание

Сыроежкин Константин Львович

**Мифы и реальность этнического сепаратизма в Китае
и безопасность Центральной Азии**

Редактор Н. А. Ткаченко

Художник серии

Компьютерная верстка Е. Э. Шекина

Подписано в печать 4.06.2003 г. Формат 60x90¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. п.л. 46. Уч.-изд. л. 45,12
Тираж 1000 экз.

Издательство “Дайк-Пресс”,
480100, г. Алматы, ул. Курмангазы, 29,
Тел.: 62-28-35, 62-69-63
Директор Б. А. Казгулов

Типография ТОО “Print-S”
480082, г. Алматы, ул. Ибрагимова, 1